

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ
НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

**МАТЕРИАЛЫ
XXXII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Москва, 11–12 апреля 2019 года

XXXII

2019

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Высшая школа источниковедения,
вспомогательных и специальных
исторических дисциплин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Отдел специальных исторических
дисциплин

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ

Материалы
XXXII Международной научной конференции

Москва, 11–12 апреля 2019 г.

Москва
2019

УДК 930(08)
ББК 63.2
В 85

Редакционная коллегия:

*С.В. Зверев, Е.В. Казбекова, Н.А. Комочев,
И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов,
Д.Н. Рамазанова, Б.Л. Фонкич, А.А. Фролов,
К.С. Худин, А.П. Черных, Ю.Э. Шустова*

Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXII Международной научной конференции. Москва, 11–12 апр. 2019 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Высшая школа источниковедения, спец. и вспомогат. ист. дисциплин; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории. – М.: ИВИ РАН, 2019. – 488 с.

В докладах и тезисах на основании новых исторических источников рассматриваются актуальные проблемы таких вспомогательных исторических дисциплин, как палеография, историческая хронология, историческая метрология, историческая география, генеалогия, ономастика, сфрагистика, геральдика, нумизматика и др., освещаются проблемы истории естественно-научного знания, история и историография вспомогательных исторических дисциплин. Большое место уделяется исследованиям по истории книжной культуры.

Для специалистов в области гуманитарного знания, истории, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, историографии.

Научное издание

ISBN 978-5-94067-499-3

© Редакционная коллегия, общая редакция, составление, 2019
© Институт всеобщей истории РАН, 2019
© Российский государственный гуманитарный университет,
2019

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Очередная Международная научная конференция «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании», проводимая совместно Историко-Архивным институтом РГГУ и Институтом всеобщей истории РАН проходит в знаменательном для нас году. В начале 1939/1940 учебного года в Историко-архивном институте была создана новая кафедра – кафедра вспомогательных исторических дисциплин. Её основателем был профессор Александр Николаевич Сперанский (1891–1943), а курс вспомогательных исторических дисциплин начал читать что называется «с чистого листа» профессор Николай Владимирович Устюгов (1896–1963) (современных на тот момент учебных пособий по этим наукам ещё не существовало). С тех пор кафедра стала ведущей институцией в нашей стране в области вспомогательных исторических дисциплин и сохранила традицию их преподавания (идушую ещё от Московского и в какой-то степени Петербургского Археологических институтов) и научного исследования в очень непростых порой условиях господства советской идеологии.

К числу вспомогательных исторических дисциплин, преподававшихся и преподающихся на кафедре, относятся палеография и история книжной культуры, дипломатика, историческая хронология, историческая метрология, историческая география, сфрагистика, геральдика, ономастика, генеалогия, нумизматика и другие науки, именно на кафедре защищались и продолжают защищаться диссертационные исследования в области вспомогательных исторических дисциплин, именно на кафедре были созданы классические учебники по многим из них.

Мы не можем не вспомнить наших выдающихся предшественников, преподавателей кафедры, внесших огромный вклад в сохранение и приумножение того знания, которое на самом деле и является фундаментом профессиональной подготовки историка-исследователя, таких, как Александр Игнатьевич Андреев, Владимир Крескентьевич Лукомский, Лев Владимирович Черепнин, Виктор Корнельевич Яцунский, Александр Александрович Зимин, Сигурд Оттович Шмидт, Ольга Михайловна Медушевская, Александр Лазаревич Станиславский, Владимир Борисович Кобрин и многих других, без чьих исследований сегодня невозможно представить историческую науку. Важнейший и совершенно неосценимый вклад во вспомогательные исторические дисциплины, практически во весь их комплекс, внесла профессор Елена Ивановна Каменцева, чей столетний юбилей со дня рождения мы будем отмечать в следующем году.

80 лет истории кафедры (менявшей со временем своё название, а ныне существующей в виде Высшей школы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, включающей две кафедры – источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин и археографии) – это большой и славный путь, продолжающийся и ныне. В этом году исполняется и 30 лет проведения научных конференций по вспомогательным историческим дисциплинам, организацию которых коллектив кафедры начал ещё в 1989 году.

С 2016 г. у конференции появился соорганизатор – Отдел специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН, где проводятся исследования в области сравнительного и теоретического источниковедения, палеографии, кодикологии, дипломатики, исторической географии, геральдики, генеалогии, исторической геоинформатики. Научным руководителем отдела, образованного в 2009 г. и отмечающего сегодня свой десятилетний юбилей, стал чл.-корр. РАН Сергей Михайлович Каштанов, выпускник кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института и также руководитель Высшей школы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГТУ, являющийся живым символом плодотворного сотрудничества академической и вузовской науки.

Опыт совместного проведения конференций показал, что такая практика имеет большую перспективу, потому что при всех методологических новациях именно вспомогательные исторические дисциплины продолжают оставаться тем фундаментом, на котором основывается история как наука. Соединение возможностей вузовской и академической науки, без сомнения, будет способствовать как дальнейшему развитию самих вспомогательных исторических дисциплин, так и внедрению их достижений в практику исторических исследований различного профиля, а также в поддержание профессиональной идентичности исследователей, занимающихся этими дисциплинами.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

*Б.С. Илизаров, д.и.н., г.н.с.
ИРИ РАН*

Вспомогательные исторические дисциплины и научная практика

Ещё со времени обучения в МГИАИ (60-е гг. XX в.) на кафедре ВИД, где моим научным руководителем был проф. Е.А. Луцкий, я задавался вопросом: вспомогательные исторические дисциплины – это инструментарий, разработанный для нужд современного историка и архивиста, или множество специализированных направлений, существующих сами по себе? Следует заметить, что ВИДы того времени разрабатывались почти исключительно на материале дореволюционной, а чаще средневековой истории. В первое десятилетие после Октября была попытка перенести их практику на источники советского времени. Одной из удачных попыток стал сборник «Декреты Октябрьской революции (Правительственные акты, подписанные или утвержденные Лениным как председателем Совнаркома). 1. От Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания» (М., 1933. 463 с.). Он был подготовлен известным источниковедом и археографом, учеником А.С. Лаппо-Данилевского С.Н. Валком. Продолжения сборник не имел вплоть до 60-х годов, поскольку в сталинские времена началась беспрецедентная фальсификация истории, в том числе архивных документов и в особенности советского времени. С подлинными документами боролись как с «врагами народа»: уничтожали и заключали в спецхраны. Е.А. Луцкому я благодарен за то, что он чуть ли не в первый день знакомства показал сборник и сбил с меня спесь, характерную для изучавших дореволюционную эпоху. Позже я понял, что и этот сборник был частично сфальсифицирован (сняты табуированные фамилии, искажены факты), но профессор Луцкий уже «отравил» меня советским XX веком. Он предложил мне проанализировать малосенькую статейку В.И. Ленина, и я понял насколько она неисчерпаема, но не только потому, что ее автор «великий вождь», а потому, что это – творение человека.

Вскоре я стал заниматься тем же, чем и учитель: декретами 1917 г. «О мире» и «О земле», подлинники которых не сохранились, выявил и осуществил их анализ по всем синхронным публи-

кациям. Пригодилось все, чему учили, или научился сам: современной палеографии, текстологии, хронологии, почерковедению, типографскому и издательскому делу, умению читать между строк мемуары, официальные документы, труды старших коллег. Проникать в «спецхраны», умению разыскать и разговорить чудом выжившего троцкиста или известную детскую писательницу, редактировавших в 1917 г. большевистские газеты. От Е.А. Луцкого я твердо усвоил, что источниковедение – это комплекс приемов, которым надо владеть на интуитивном уровне, т. е. не задумываясь, примерно так, как читаешь или водишь автомобиль. А С.Н. Валку я написал наглое письмо, в котором упрекнул его за многочисленные пропуски разночтений и целых изводов текстов. Уже не молодой и маститый Сигизмунд Натанович ответил незамедлительно, извинился и пожелал дальнейших успехов, т. е. не обиделся и тем преподавал урок.

В более свободные времена я вернулся к занятиям историей. Много в работах моих коллег и своих собственных мне не нравилось не только из-за въедливой привычки всего бояться и предугадывать пожелания «начальства». Мне казалось, что даже талантливые выпускники МГИАИ, занимавшиеся исторической наукой, не в полной мере используют потенциал полученного образования, изначально заложенный в уникального специалиста «историка-архивиста». А потенциал этот открывает новые горизонты для всей исторической науки, но не всеми даже осознается. Решительно стал отходить от сложившегося жанрового клише: введение, обзор источников и литературы, определенное количество глав, обязательного вывода-заключения и т. д. Выбор жанра или его отсутствие должны диктоваться задачей исследования, а не привычками, идущими от требований ВАК. Но самое главное – в каждой своей работе я пытаюсь теперь использовать известные приемы так, как того требует задача исследования, а не обычай или традиция. У наших специалистов по отечественной истории XX в. не принято включать в ткань исследования отдельные историографические отступления или пояснения, не принято включать туда публикации обширных документов с известным археографическим и источниковедческим оформлением и плавно выходить на новый уровень понимания проблемы, не принято в разгар изложения, остановиться и ввести источниковедческий анализ особо значимого фрагмента документа. Не принято плавно переходить от изложения фактологии и строгой хронологии событий к историософским обобщениям или «заходам» в психологию личности, социальных групп, власти или морали и этики и т. д. Общечеловеческая мораль, выросшая из христианской, для советского историка вообще была строго табуирована. Она была подменена «классовым походом» и «партийно-

стью», которые трактовались в угоду примитивной политической конъюнктуре.

По другим причинам, но сходная картина сложилась и в западной историографии. В 2011 г. в США появилась малоудачная монография (Блоуин Ф., Розенберг У. Происхождение прошлого. «Подлинность» для историков и архивистов / Пер. с англ. Ю. Князькиной, Е. Шраги. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 376 с.), дающая понять, что и они, спустя 90 лет после открытия МГИАИ, наконец-то осознали важность подготовки нового типа исследователя по российскому образцу «историка-архивиста».

Не скажу, что и мне всегда удается успешно осуществить синтетический подход, но я стараюсь постоянно применять различные комбинации ВИД, архивоведения, источниковедения и др. в каждой новой книге. Что получается? Судить не мне. Но я еще бы подумал об обучении писать на примере классиков исторической науки, ориентировавшихся не только на коллег, а на весь спектр современных читателей. С моей точки зрения, высший уровень дореволюционной науки достигнут не в академических трудах, а в работах, написанных на их базе, но без тяжеловесного аппарата и прекрасным русским языком, достойным классиков художественной литературы.

*С.М. Каишанов, чл.-корр. РАН
г.н.с. ИВИ РАН, проф. РГГУ*

*Л.В. Столярова, д.и.н., г.н.с.
ИВИ РАН, РГГУ*

О внеканцелярском происхождении текста древнейшего русского акта

1. Внешние признаки древнейшего иммунитетного акта Руси – пергаменной жалованной данной грамоты киевского в. кн. Мстислава Владимировича и его сына кн. Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г. позволяют предположить, что сохранившийся ее экземпляр принадлежал Юрьеву монастырю и, вероятно, был скопирован с другого экземпляра той же грамоты. Экземпляр, с которого изготавливалась юрьевская копия грамоты, принадлежал либо в. кн. Мстиславу Владимировичу, либо его юридическому соавтору кн. Всеволоду Мстиславичу. Сохранившийся текст Мстиславовой грамоты следует рассматривать как один из подлинников этого акта.

2. Юрьевский экземпляр грамоты Мстислава был вписан в пергаменный кодекс (возможно, Евангелие), принадлежавший этому монастырю. Примеры помещения в рукописных кодексах земель-

ных актов, а также записей летописного характера, касающихся той или иной духовной корпорации, хорошо известны.

3. Не исключено, что в этот кодекс были вписаны (сверху и снизу от грамоты Мстислава) и другие тексты или грамоты, касавшиеся Юрьева монастыря. Это объясняет отсутствие верхнего и нижнего полей Мстиславовой грамоты к моменту изъятия ее из кодекса, при том, что письмо и разлиновка выдают ее явно книжное, а не канцелярское происхождение.

4. Деформирующее текст прикрепление печати, не характерное для грамот, сохранившихся с буллами или без них, но со следами первоначального присутствия печати при иммунитетных актах, свидетельствует о том, что позолоченного аргировула первоначально при грамоте Мстислава не только не было, но и не могло быть. То, что сохранившийся экземпляр Мстиславовой грамоты некогда был изъят из кодекса, в котором первоначально находился, подтверждают и следы обрезания его со всех четырех сторон практически без оставления полей.

5. Лист с текстом Мстиславовой грамоты был удален из содержавшего его кодекса до начала XIX в., когда Мстиславову грамоту среди бумаг Юрьева монастыря впервые увидел, а затем опубликовал митрополит Евгений (Болховитинов). Знакомство Евгения с Мстиславовой грамотой произошло, вероятно, в 1804–1808 гг., когда он, будучи епископом Старорусским и викарием Новгородским, приступил к разбору архивов новгородских монастырей. К этому времени грамота уже была с печатью и хранилась, как предполагал И.И. Срезневский, в виде свитка в специальном чехле.

6. В 1791 г. Екатерина II распорядилась выявить и отправить в Святейший Синод рукописи исторического содержания из разных монастырей России. Распоряжение касалось в первую очередь «летописцев». По мере обнаружения их надлежало вносить в специальные реестры и «доставлять на рассмотрение синодальному господину обер-прокурору и кавалеру (А.И. Мусину-Пушкину. – С.К., Л.С.) и что от него приказано будет, по тому и поступать». Однако в Синод были доставлены отнюдь не одни только летописи. Так, из Андроникова монастыря поступил Дионисий Ареопagit и Цветник, «Звезда пресветлая» – из Макарьевского Желтоводского монастыря, из Синодальной конторы – «История Ветхого Завета с исчислениями» и Кормчая, и пр. Несомненно, что над выявлением рукописей, которые следовало переправить в Синод по указу 1791 г., работали и в новгородском Юрьевом монастыре. В это время архимандритом в нем был Ириней Клементьевский (1788–1792 гг.), высокообразованный любитель и большой знаток российских древностей, с 1788 г. состоявший членом Святейшего Синода и бывший членом

Российской Академии наук. Не исключено, что написанную золотом Мстиславову грамоту архим. Ириней готовил поднести лично увлеченной историей императрице. Именно с этой целью лист с грамотой мог быть выделен из несущего его кодекса и обрезан по границам полей, обозначенным разлиновкой. К листу с текстом Мстиславовой грамоты был привешен позолоченный аргировул кн. Ярослава Всеволодовича, что, безусловно, придало ему помпезности и добавило недостающей выразительности. Грамота была заключена в специально изготовленный для нее чехол. С усеченными полями, свернутый в столбец, лист с Мстиславовой грамотой приобрел форму, более соответствовавшую, с точки зрения лица, проработавшего всю эту работу, его содержанию.

Почему архимандрит Ириней в конечном итоге отказался от посылки Мстиславовой грамоты в Петербург и решил придержать ее в своей обители – не ясно. Возможно, до него дошли слухи о том, что часть поступивших из монастырей в Синод рукописей безвозвратно осела в библиотеке А.И. Мусина-Пушкина. Возможно, к посылке в столицу в Юрьевом монастыре были приготовлены какие-то иные рукописи. В любом случае, признаки книжного происхождения Мстиславовой грамоты оказались нарочито сглажены приданием ей черт, свойственных актовому письму. Именно в таком виде в бумагах Юрьева монастыря нашел Мстиславову грамоту митрополит Евгений (Болховитинов).

7. Итак, почерк Мстиславовой грамоты, техника ее письма и лексико-орфографические особенности не оставляют сомнения, что это памятник первой половины XII в., вероятно, списанный с какого-то ныне утраченного оригинала и являющийся внеканцелярской книжной копией его. Копия, скорее всего, специально делалась для новгородского Юрьева монастыря в одной из принадлежащих ему книг. Самый текст грамоты (его структура и содержание) не позволяют сомневаться в том, что, во-первых, это не фальсификат, а, во-вторых, продукт ранней (доканцелярской) практики документирования в Древней Руси второй четверти XII в.

При этом следует понимать, что отсутствие в России X–XVI вв. «канцелярий» в западном смысле слова – специальных государственных учреждений с определенным штатом и иерархией чинов, в котором осуществлялось документирование, обрекает историка на изучение не столько механизма работы канцелярии-учреждения, сколько на исследование особенностей внешней и внутренней формы документов, являвшихся продуктом делопроизводства «прото-канцелярского» периода, а точнее – на формулярный анализ. Отсутствие на Руси вплоть до второй половины XVI в. канцелярий

европейского типа сделало возможным рождение актовой документации в скрипториях и позволяет говорить о внеканцелярской практике составления древнерусского акта по крайней мере на начальных этапах ее истории. Известны еще по крайней мере четыре сохранившихся пергаменных акта, составленные книжным писцом. Имеем в виду договоры Новгорода с кн. Ярославом Ярославичем 1264 и 1268 гг., которые, как показал А.А. Гippiус, были написаны Тимофеем – писцом Лобковского пролога, второй части Софийского пролога и Апокалипсиса Никольского. Многочисленные признаки «книжного» происхождения обнаруживает и жалованная грамота в. кн. Олега Рязанского Ольгову монастырю ок. 1371–1372 гг. Таким образом, даже более чем через 240 лет после составления Мстиславовой грамоты, практика взаимодействия книжного и актового письма, когда составление грамоты требовало обращения в действующий скрипторий, была вполне жизнеспособна.

*Н.А. Комочев, к.и.н., н.с.
ИСл РАН, доц. ИАИ РГГУ*

**Вспомогательные исторические дисциплины
в научном наследии Е.П. Маматовой (1934–2004):
к 85-летию со дня рождения**

Более тридцати лет проработала на кафедре вспомогательных исторических дисциплин Евгения Платоновна Маматова, выпускница МГИАИ, ученица А.А. Зимина и С.О. Шмидта. В этом году ей исполнилось бы 85 лет. Все коллеги, а также те, кто имел счастье учиться у нее, помнят Евгению Платоновну как прекрасного специалиста и исключительного по своей отзывчивости человека. Бесконечная доброта и неподражаемый юмор превращали в праздник любое занятие или заседание с ее участием. В институте с именем Е.П. Маматовой связано возрождение (впервые после долгого перерыва) преподавания древнерусского языка, разработка целого ряда авторских курсов, семинары по ВИД, источниковедению, лекции по истории для абитуриентов.

Основной сферой научных занятий Е.П. Маматовой были источниковедение писцовых книг, историческая география, картография, палеография, филиграноведение, социально-экономическая история России XVI–XVII вв. Писцовым книгам посвящены ее дипломная работа «Карта 20-х гг. XVII века как источник по истории административного деления и феодального землевладения Рузского уезда» (1957) и кандидатская диссертация «Писцовые книги как источник по истории феодального землевладения и хозяйства Рузского уезда в XVI – 20-х гг. XVII веков» (1976), защищенные под

руководством А.А. Зимина. На материале источников учетного характера Е.П. Маматовой удалось выработать методику изучения динамики развития землевладения и составления карт землевладения с различными типами поселений.

После окончания МГИАИ в течение пятнадцати лет (1957–1972) Е.П. Маматова работала в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (ныне – РГБ), где ее коллегами стали С.В. Житомирская, В.Г. Зимина, В.Б. Кобрин, Я.Н. Щапов, С.А. Клепиков, Н.Б. Тихомиров и многие другие. Е.П. Маматова участвовала в подготовке фундаментальных справочников и каталогов, в том числе: «Музейное собрание рукописей: описание» (М., 1961. Т. 1), «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР» (М., 1962–1963. Т. 1–2), описаний рукописей, поступивших в отдел в результате археографических экспедиций (Записки ОР ГБЛ. 1957–1962. Вып. 19–25). Работа с рукописями в отделе дала Евгении Платоновне прекрасную практическую школу в сфере вспомогательных исторических дисциплин и археографии.

С 1972 г. до последних дней Е.П. Маматова преподавала на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ – ИАИ РГГУ, на которой работали В.В. Кабанов, Е.И. Каменцева, В.Б. Кобрин, Е.А. Луцкий, И.А. Миронова, О.М. Медушевская, В.А. Муравьев, А.Т. Николаева, А.Л. Станиславский, М.Н. Черноморский, С.О. Шмидт и многие другие.

В настоящее время на кафедре хранятся материалы ее личного архива. Документы, связанные с учебой в МГИАИ, представлены конспектами лекций и текстом дипломной работы. В институтские годы Е.П. Маматова была старостой кружка источниковедения С.О. Шмидта, активным и деятельным участником студенческой жизни. Без нее не обходились ни научные заседания, в том числе выездные, ни капустники и юбилеи кружка.

Самым многочисленным документальным массивом фонда являются материалы по работе над диссертацией: выписки из источников, статистические таблицы, библиографические записи, черновые и беловые варианты работы, материалы обсуждений.

Заметный комплекс документов связан с педагогической деятельностью в МГИАИ – РГГУ: программы и материалы о преподавании курса древнерусского языка (Евгения Платоновна подготовила специальный авторский курс для историков-архивистов), курсовые и дипломные работы, написанные и защищенные под руководством Е.П. Маматовой. К научным материалам других лиц, находящихся в фонде, относятся машинописи монографий А.А. Зимина «Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.)» (М., 1977), Л.В. Сто-

ляровой «Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков» (М., 2000) и др.

Личные материалы включают переписку (сформированную фондообразователем по алфавиту адресатов), стихотворения и рисунки разных лет, поздравительные открытки. Е.П. Маматова была увлеченным и искренним человеком, всю жизнь интересовалась искусством, при этом сама писала стихи, рисовала, играла на фортепиано и сочиняла музыку. Кроме того, на кафедре хранится ее библиотека (около 80 книг) с дарственными записями, рисующими отношение к Евгении Платоновне людей разных возрастов, интересов и научных школ, среди которых признанные классики науки.

В жизни кафедры Е.П. Маматова играла совершенно исключительную роль, создавая атмосферу доброжелательства и искренности. Именно с ее ярких рассказов о великих учителях, многочисленных тружениках науки (со всеми которыми она была лично знакома), студенческих традициях, с разных серьезных и смешных историй сотни первокурсников входили в жизнь института и становились его частью. Незаслуженно скромно относившаяся к собственным научным трудам, Е.П. Маматова высоко отзывалась о работах многих своих коллег и всегда поддерживала первые шаги начинающих исследователей. В каждое свое появление на кафедре она успевала всех подбодрить, накормить, заинтересовать, научить, рассмешить, напутствовать и передать в личном общении то живое и человеческое представление о науке, о котором не прочитать ни в одном учебнике.

Нынешний 80-летний юбилей кафедры дает дополнительный повод вновь вспомнить о ее основателях и тех, кому она обязана славными страницами истории. И в этой связи вся жизнь Е.П. Маматовой в родном для нее институте дает нам прекрасный пример благодарности учителям, доброты к людям, честности и бескорыстия в науке.

*И.Г. Коновалова, д.и.н., г.н.с.
зам. директора ИВИ РАН*

Специальные исторические дисциплины в эпоху Hi-Hume

Глубокие изменения в методологии, структуре и содержании гуманитарного знания, произошедшие в конце XX – начале XXI века, сопровождались переосмыслением общественной роли исторической науки и ее возможностей в контексте глобализации и бурного развития информационных технологий, в том числе таких, которые нацелены на работу с индивидуальным и массовым сознанием (Hi-Hume). Несмотря на то, что воздействие исторической

науки на общество велико, оно сильно опосредовано и по пути к широкому читателю размывается валом работ в жанре folk-history, а также работой масс-медиа и Hi-Nume технологий, с присущим им амбивалентностью и высоким манипулятивным потенциалом.

Среди исторических субдисциплин, переживающих в последние десятилетия процессы методологической и концептуальной трансформации, выделяется группа, которая, отвечая на вызовы времени, тем не менее, сохраняет свою профессиональную идентичность в большей мере, чем другие отрасли современного исторического знания. Это специальные (вспомогательные) исторические дисциплины, которые занимают совершенно особое место в системе не только исторического, но и – шире – гуманитарного знания. Благодаря тому, что именно в рамках специальных исторических дисциплин вырабатываются методы анализа и необходимый инструментарий для критики и интерпретации исторических источников практически всех видов, эти дисциплины можно уподобить своего рода «точным наукам» в системе гуманитарного знания.

Кажущаяся «вспомогательность» специальных исторических дисциплин, порой понимаемая некоторыми даже как их «второстепенность», представление об их узкопрофессиональном и главном образом «антикварном» значении (прочсть рукопись, датировать и локализовать то или иное прошлое событие и т. п.) приводила к недооценке роли этих дисциплин в академической науке и образовании. Однако в настоящее время специальные исторические дисциплины все больше и больше осознаются не как вспомогательные по отношению к исторической науке в целом, но как самостоятельное и самодостаточное междисциплинарное направление исследований. О нарастающем процессе самоопределения специальных исторических дисциплин говорит и то, что сегодня таких дисциплин насчитываются десятки.

Если влияние исторической науки в целом опосредовано, а обращенные к историкам призывы писать свои труды более понятным для неспециалистов языком способны лишь в малой степени сократить дистанцию между учеными и обществом, то достижения в области специальных исторических дисциплин часто имеют прямое применение. Результаты исследований в области палеографии, геральдики, генеалогии, хронологии, дипломатики, исторической географии, сфрагистики, фалеристики, вексиллологии и многих других специальных исторических дисциплин являются необходимым элементом экспертного сопровождения внутренней и внешней государственной политики, а также традиционно находят широкое применение в различных областях общественной и частной жизни граждан. К примеру, без обращения к специальным историческим

дисциплинам невозможно поддержание и развитие государственной символики (герб, флаг, юбилейные даты, профессиональная униформа, знаки отличия и т. д.) и государственной политики (демаркация государственных и административных границ, дипломатический протокол и т. п.), ориентация в календарных системах и системах мер, проведение почерковедческих экспертиз, брендинг территорий и отдельных населенных пунктов и многое другое.

Разработки в области специальных исторических дисциплин, в комплексе представляющих собой идеальную модель междисциплинарного взаимодействия, способны также существенно помочь в выработке механизмов интер- и трансдисциплинарных подходов и методов как в рамках гуманитарного знания в целом, так и в развитии исследований на стыке гуманитарных и других наук. В свою очередь, отработка моделей и совершенствование методов междисциплинарного взаимодействия существенно повысят эффективность научных разработок в сфере гуманитарного знания и в сфере науки в целом благодаря интегративному характеру современного этапа научного познания.

Таким образом, специальные исторические дисциплины, с одной стороны, играют ключевую роль в поддержании профессиональной идентичности историков, а с другой – служат каналом взаимодействия истории с другими науками и обществом.

А.Ф. Литвина, к.ф.н., доц., Ф.Б. Успенский, д.ф.н., чл.-корр. РАН
в.н.с. НИУ ВШЭ (Москва) зам. директора ИСл РАН,
в.н.с. РАНХиГС

Две иконы из собрания Московского Кремля («Богоматерь Владимирская» и «Спас Вседержитель»): Ономастические ключи к проблеме атрибуции

В Музеях Московского Кремля хранится икона «Богоматерь Владимирская» (инв. № Ж-1261/1-2) в золоченом серебряном окладе второй половины XVI в. с дробницами, первоначально находившаяся в суздальском Покровском монастыре. О происхождении этой иконы известно относительно мало, а мнения исследователей в этом отношении достаточно противоречивы. В свое время Л.А. Щенникова (2003: 165–167) предположила, что она была царским вкладом, пожертвованием царицы Анастасии, жены Ивана Грозного, в память по их скончавшимся во младенчестве дочерям – Анне и Марии. Основным аргументом для такой атрибуции послужили изображения на двух из восьми дробниц оклада. На одной из них присутствует фигура св. Марии Египетской (на нижнем поле), а

на другой – Иоаким и Анна в покаях, подписанные «Зачатие Пресвятой Богородицы», «Акимъ», «Анна».

А.С. Преображенский (2006: 269), изучавший по преимуществу створки киота этой иконы, отождествлял ее с образом «Богоматерь Умиление», который упоминается в монастырской описи 1651 г. как вклад «княгини старицы Александры Кохтевы». В данной записи речь, вне всякого сомнения, идет о княгине Анне Федоровне Ногтевой, урожденной Татевой, которая в 1600 г., овдовев, приняла постриг в этой обители с именем *Александра* и сделала немало пожертвований в различные суздальские монастыри. Как род Татевых, к которому княгиня принадлежала по рождению, так и род Ногтевых, в который она вошла по браку, были отраслью владимиро-суздальских Рюриковичей (Стародубских-Ряполовских и Шуйских), поэтому их особая роль в жизни монастырских центров этого края удивления не вызывает. Соответственно, А.С. Преображенским высказывалось предположение, что интересующая нас икона связана с целым комплексом пожертвований семьи Ногтевых.

Ономастические данные и, в частности, сведения о мирской христианской двуименности способны, как кажется, внести окончательную ясность в проблему происхождения этой иконы и подкрепить атрибуцию А.С. Преображенского. Для этого нам придется еще раз обратиться к перечню тех святых, что фигурируют на дробницах серебряного оклада.

Помимо весьма распространенных изображений архангелов Гавриила и Михаила и русских святителей Петра, Алексия и Ионы, а также фигур родителей Богородицы и Марии Египетской, мы находим здесь и куда более редкий образ св. Елевферия (на верхнем поле), несомненно являющийся результатом индивидуального выбора заказчика. Между тем, о каком-либо особом почитании св. Елевферия царицей Анастасией или кем-либо еще из членов семьи Ивана Грозного никаких сведений в нашем распоряжении нет, что отмечалось, собственно, уже в работе Л.А. Щенниковой (2003: 167). С другой стороны, существует и еще один образ («Спас Вседержитель», ныне в Оружейной палате, инв. № Ж-1753/1-2), на окладе которого присутствовали Иоаким и Анна, Мария Египетская и Елевферий, а также Митрофан, патриарх Царегородский. Хотя в публикации В.Т. Георгиевского (1927: 7–8. табл. III) она без дополнительной аргументации определялась как вклад еще одной царицы – снохи Ивана Грозного Авдотьи Богдановны Сабуровой, во иномечестве *Александры*, в самом монастыре происхождение этой иконы, согласно указанию В.В. Касаткина (1906: 224), связывали с семьей Ногтевых.

Почему царица Авдотья могла бы обратить особое внимание на св. Митрофана и св. Елевферия, мы решительно не знаем, сомнительным, впрочем, представляется и тот факт, что особую роль в ее жизни могло играть почитание матери Богородицы, св. Анны, и св. Марии Египетской, покровительниц давным-давно скончавшихся малолетних сестер ее мужа. С другой стороны, ономастикон семьи Ногтевых демонстрирует совершенно ясно причины именно такого подбора на обоих иконных окладах.

В самом деле, во имя пророчицы Анны, по всей видимости, была крещена сама княгиня Анна Федоровна. *Марией* звалась в миру ее мать, княгиня Татева, супруга Федора Ивановича Татева. Более того, у нас есть все основания полагать, что небесной покровительницей этой княгини Татевой была именно Мария Египетская – во всяком случае, в преклонные годы Мария Татева, постригаясь к тому времени в Покровском монастыре под именем *Марфа*, завещает своему зятю (мужу Анны Федоровны) икону с изображением именно этой святой: «...да на томъ же образу Марья Египетская». Замечательно, что на этой не дошедшей до нас иконе была, судя по описанию завещательницы, не одна только Мария Египетская. Самым главным элементом святыни княгиня Татева считала, со всей очевидностью, фигуру св. Митрофана, патриарха Цареградского. Вот как выглядит полностью ее распоряжение относительно данной иконы: «А благославляю язъ грешная князя Данила Ондреевича образъ Митрофана патрярха Царяграда, обложень серебромъ, да на томъ же образу Марья Египетская» (Кобеко, 1908: 18 (прилож.)). Почему же св. Митрофан Цареградский настолько важен для Марии Татевой, что она упоминает его прежде собственной небесной покровительницы? Почему изображения этих святых непременно должны оказаться в семье ее дочери?

С первого взгляда ни у Татевых, ни у Ногтевых обладателей имени *Митрофан* мы как будто не обнаруживаем. Однако, как это нередко бывало в ту эпоху, у отдельных представителей этих семей были не только публичные имена, часто встречающиеся в самых разнообразных документах, но и вторые христианские имена, упоминающиеся куда реже, и при этом в известном смысле более важные для церковной жизни их обладателей. *Митрофан*, без сомнения, было таким еще одним – непубличным – христианским именем Федора Ивановича Татева, мужа княгини Марии и отца Анны Ногтевой. Об этом недвусмысленно свидетельствует следующая запись во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря: «79-го [1571] году марта в 19 день дала вкладу княгиня Марья князь Федорова Митрофана Ивановича Татева по муже своем князе Федоре денег 50 рублев».

Память Митрофана Цареградского празднуется 4 июня. Коль скоро имя этого святого было дано князю Татеву по дню рождения (а именно таким образом для людей знатных как правило избирались их непубличные имена), то *Федором* он мог стать, скорее всего, в честь Федора Стратилата, память которого отмечается 8 июня. Обыкновенно имя публичное выбиралось из тех, что могли считаться подходящими, традиционными для элиты, и выбор этот осуществлялся в относительно близких календарных окрестностях дня рождения нарекаемого. Федор Стратилат, один из самых почитаемых святых на Руси, давний покровитель правящего дома, безусловно как нельзя лучше подходил на роль небесного тезки по публичному имени. Однако крестильным для князя скорее всего было *Митрофан*, поскольку именно патрону по крестильному имени отдавалось предпочтение при заказе икон, церковном строительстве и кормовом поминании.

Таким образом, мы можем уверенно говорить, что на несохранившейся иконе, завещанной Даниилу Ногтеву, и на окладе дошедшей до нас иконы «Спас Вседержитель» присутствуют патрональные изображения князя и княгини Татевых, отца и матери Анны Ногтевой (и, соответственно, тестя и тещи князя Даниила Андреевича). Монастырское же предание о связи иконы «Спаса Вседержителя» с этой семьей находит убедительное подкрепление.

Почему же, однако, на окладе иконы Спаса, как и на окладе «Богоматери Владимирской», появляется св. Елевферий? Напомним, что монастырская опись связывает икону «Богоматери Владимирской» не просто с семьей Ногтевых, но с вполне конкретной ее представительницей – княгиней Анной Федоровной. Имя же *Елевферий*, наряду с более известным *Даниил*, носил не кто иной, как ее муж – князь Даниил / Елевферий Андреевич Ногтев, скончавшийся в 1599 г. В свое время он был воеводой в Новгороде, а потому вполне естественно, что указание на его светскую двуименность сохранилось в Синодиках новгородского Софийского собора: «Князь Данила Ногтев. Князя Елеуферия в иноцех Еуфимия»; «Род князя Данила Ноктева. Князя Елеуферия во иноцех Еуфимия скимника» (Шаблова, 2017: 115, 123).

Обратим внимание, что хотя в этих свидетельствах и фигурирует публичное имя князя *Даниил*, поминать его предписывается под именем *Елевферий*, которое было дано ему в крещении. С уверенностью определить, какое из мирских имен было для князя крестильным, мы можем благодаря тому обстоятельству, что в разных источниках указывается и его третье, монашеское, имя — *Евфимий*. В ту пору обладателю христианской мирской двуименности иноческое имя в подавляющем большинстве случаев подбиралось так,

чтобы оно по первой букве совпадало с тем из его мирских имен, которое он получил в крещении. Так, князь Иван / Софроний Сицкий в монашестве становится *Сергием*, а не, скажем, *Ионой*, князь Андрей / Емельян Телятевский — *Ермогеном* (sic!), а Федор / Конон Апраксин — *Корнилием*. Соответственно, коль скоро Ногтеву было выбрано монашеское имя *Евфимий*, то в крещении он почти наверняка был *Елевферий*, а не *Даниил*.

Эта уверенность только подкрепляется тем фактом, что на двух интересующих нас иконах среди других небесных покровителей семьи Татевых и Ногтевых обнаруживается фигура св. Елевферия. Более убедительным делается и высказывавшееся ранее предположение, что уникальная житийная икона мученика Елевферия, известная только по описи Спасо-Евфимьева монастыря 1660 г., также была вкладом Анны Ногтевой. В самом деле, совершенно естественно, что семейная икона Татевых с изображением патрональных святых Федора / Митрофана Ивановича и его жены Марии была по завещанию передана в семью их дочери, Даниила / Елевферия Андреевича и Анны Федоровны. Сами же Ногтевы потомства после себя не оставили, и различные иконы с изображением семейных патрональных святых отошли монастырям.

Итак, все те изображения на окладах икон «Спас Вседержитель» и «Богоматерь Владимирская», которые несут на себе отпечаток личного, индивидуального благочестия заказчиков, находят соответствие в ономастиконе двух поколений, двух супружеских пар из семьи Ногтевых и Татевых. Женщины здесь были одноименными, их крестильные имена совпадали с публичными, а потому мы находим на иконе изображения Анны Пророчицы и Марии Египетской. Мужчины же носили по два светских христианских имени, и в полном соответствии с традицией в дробницах окладов оказались запечатлены их святые покровители по крестильным именам — св. Митрофан Цареградский и св. Елевферий.

Установленные соответствия позволяют более уверенно причислять эти иконы к вкладам семьи Ногтевых. Скорее всего, они были сделаны тем человеком, которому довелось пережить всех остальных членов семьи — Анной Федоровной Ногтевой, урожденной Татевой. Весьма вероятно, что ее вкладом в Спасо-Евфимиев монастырь была и житийная икона св. Елевферия, небесного покровителя ее мужа.

Книжная эмблема и традиции естественной истории

Жанр книжной эмблемы, созданный Андреа Альчиато в 1531 г., мыслился как всеохватный: предполагалось, что любой предмет может стать для него материалом. Отсюда – многочисленность тематических видов эмблем (любовных, политических, философских, религиозных и т. д.), среди которых присутствуют и эмблемы на темы естественной истории. Эта дисциплина описывала макрокосм (прежде всего, живой мир) не только как физическую, но и как символическую данность. Мир – не просто создание Бога, но и его «речь», обращенная к человечеству. Эдуард Топселл в «Истории четвероногих зверей» называет историю животных «хрониками, созданными самим Богом; в них каждый зверь – слово, каждый вид – предложение...» (*Topsell E. The Historie of Foure-Footed Beastes. London, 1607; вступительный раздел*). Естественная история должна истолковать «высказывания», созданные на Божественном языке, в котором каждое растение или животное – «слово», несущее скрытый смысл. Поэтому естественная история интересовалась не только физическим строением организмов, но и их смысловым ореолом. Самым удобным инструментом для воссоздания символики животного и была эмблема, которая могла даже включаться в состав естественных историй: Улиссе Альдрованди, создатель многолетнего труда по истории животных, в статьи о некоторых из них вводит раздел «символы и эмблемы».

Если естественная история использовала эмблематику как инструмент символического описания природы, то эмблематика, в свою очередь, стремилась включить в создаваемую ей систему смыслов как можно больше естественнонаучного материала. Интерес эмблематистов к миру природы достигает кульминации в четырех центуриях изданных в Нюрнберге эмблем местного врача и ботаника Иоахима Камерария; материал его книг – исключительно флора и фауна.

Набор символических смыслов живой природы, отчасти заимствованный из средневековых трактатов, в эмблематике либо модифицировался, либо обогащался новыми мотивами. В символике природы появились смысловые пласты, выражающие творческие и моральные принципы ренессансного гуманиста. Ночная фиалка, благоухающая ночью или ранним утром, указывает на то, что «утренние часы <...> наиболее подходящи для изучения свободных наук и прославления муз»; пчелы, получающие мед даже из «горьких цветов», подобны «ученым мужам», извлекающим полезное

даже из «не слишком авторитетных книг»; чеснок усиливает аромат роз – так «бездарная зависть служит побуждением для выдающихся умов» (*Camerarius J. Emblemata ex re herbaria*. 1590. NN 20, 67, 53); «десятилетняя беременность» слониhi указывает на то, что и «рукописи хорошо увидеть свет через девять зим после того, как она была начата» (*Reusner N. Emblemata*. Frankfurt a/M, 1581. Lib. I. N 40).

Новый смысловой пласт образуют и эмблемы, где «факты» естественной истории служат политической цели – критике тирании. Выдра, которая «уничтожает больше рыбы, чем она способна упрятать в свой желудок», тем самым «свиристствует против всех», уподобляясь тирану, раздувшемуся «от злобного бешенства»; маленькая мангуста, убивающая крокодила, показывает, что «тирания никогда не пребывает в безопасности» (*Camerarius J. Emblemata ex animalibus quadrupedibus*. 1595. NN 95, 99).

У новооткрытых животных, не известных античности и Средним векам, символический ореол отсутствовал, и эмблематика взяла на себя задачу его создать. Так, американский броненосец стал символом добродетели, способной себя защитить: «добродетель – надежная броня», гласит надпись над его изображением в эмблеме Камерария (*Emblemata ex animalibus quadrupedibus*. N 83). Райская птица, сведения о которой пришли в Европу из Азии в середине XVI в., якобы не имела ног и никогда не садилась на землю. В эмблематике она получила по крайней мере два значения. У Камерария она – позитивный образ тех, кто «не знает сношения с землей», повернувшись «навсегда всей душой к небесному и вечному» (*Emblemata ex volatilibus et insectis*. 1596. N 43); Иоанн Самбук придает райской птице негативный моральный смысл, толкуя ее как символ тех, «кто лишен покоя» и «никогда не преуспеет из-за гложущих забот» (*Sambucus J. Emblemata*. Antwerpen, 1566. P. 113).

Эмблематика не ограничивалась символическим истолкованием естествонаучных «фактов», но в некоторых случаях брала на себя функцию их уточнения. Корректирующие сведения, как правило, сосредоточены не в основной части эмблем, а в комментариях к ним. Так, Камерарий именно в комментарии опровергает рассказ Плиния Старшего о рождении бесформенных медвежат, которые получают форму благодаря вылизыванию медведицей: поверье о вылизывании объясняется тем, что «новорожденные медвежата оплетены таким плотнейшим последом, что медведица может их распутать лишь лизанием» (*Emblemata ex animalibus quadrupedibus*. N 21). Одновременно с коррекцией проводилась и верификация, критерий которой состоял в наличии «точных» свидетельств от заслуживающих доверия ученых, якобы видевших данный феномен. Неудивительно, что при подобном методе верификации многие

химерические создания античной натуралистики не только не разоблачались как ложные, но и обретали дополнительные «реалистические» детали. Конрад Геснер в «Истории животных» в разделе о единороге сообщает, что в 1520 г. в реке Аре был найден его рог, обладающий свойством мощного антидота. Рог из Аре не был уникальным: переписка Камерария с Самбуком показывает, что в Вене в начале 1580-х гг. шла торговля рогами единорога; один из них, как сообщает Самбук в письме от 10 февраля 1581 г., купил «государь московитов (Moschorum Princeps) за 24000 талеров» (*Gerstinger H. Die Briefe des J. Sambucus. Wien, 1968. S. 257*).

Оба гуманиста создали и эмблемы о единороге, дополняющие его традиционную христологическую символику новыми смыслами: Самбук подчеркивает пользу, которую приносит рог-противоядие, и снабжает изображение единорога надписью «драгоценно то, что полезно» (*Emblemata. P. 144*); в эмблеме Камерария единорог символизирует предусмотрительность: прежде чем пить из источника, он опускает туда свой рог-антидот и таким образом очищает воду; тем самым он учит человека «ничего не предпринимать без проверки» (*Emblemata ex animalibus quadrupedibus. N 12*).

Книжная эмблема взаимодействует с естественной историей двояким образом: и надстраивает над фактами систему смыслов, и в определенной мере уточняет сами факты. Углубленное исследование этого взаимодействия – насущная задача науки об эмблематике.

*С. Франклин, проф. Ю.Э. Шустова, к.и.н., доц., с.н.с.
Кембриджский университет ИАИ РГГУ, НИОРК (МК) РГБ*

О сводном каталоге русских печатных бланков 1645–1762 гг.

1. Общее описание

Печатный бланк – документ, напечатанный наборным шрифтом с пробелами для заполнения от руки. Печатный бланк следует признать одним из самых значительных и широко употребляемых продуктов типографского станка. В Европе бланки печатались уже при Гутенберге. Больше пятисот лет бланки играют важную роль в развитии социально-политических, экономических и культурных функций и влияния технологии печати. Самые ранние бланки кириллическим шрифтом были напечатаны в 1587–1595 гг. в Вильне (ставленная иерейская грамота) и во Львове около 1616 г. (разрешительная грамота монемвасийского архиепископа Иоасафа). Однако, в обзорах истории печатания в России – да и не только в России – бланки почти не фигурируют. В историографии печати доминирует история книг. За весьма немногими исключениями, в том числе, например, – статьи И.А. Вознесенской о патентах на чин

(Вознесенская И.А. Патенты на чин XVIII века: эволюция формуляра // Труды Государственного Эрмитажа: Мат-лы науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Н.П. Лихачева. СПб., 2014. С. 384–389; Она же. Патенты на чин в России XVIII–XIX вв. // Canadian-American Slavic Studies. 2016. Т. 50. № 2. С. 159–176), Ю.Э Шустовой и др. о разрешительных грамотах (Шустова Ю.Э. География изданий разрешительных грамот восточных патриархов в XVII в. // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: Мат-лы XXIII междунар. науч. конф. М., 2011. С. 463–467; Она же. Разрешительные печатные грамоты 40-х гг. XVIII в. иерусалимского патриарха Парфения: проблемы изучения и атрибуции // Каптеревские чтения – 9: Сб. статей. М., 2011. С. 215–243; Она же. Печатные бланки разрешительных грамот восточных иерархов XVII в.: проблемы атрибуции // Монфоко: Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Вып. 4. М., 2017. С. 639–656), С. Франклина о паспортах (Franklin S. Printing and Social Control in Russia 1: Passports // Russian history. 2010 № 37. P. 208–237; Idem. Printing and Social Control in Russia 3: Blank Forms // Russian history. 2015. № 42. P. 114–135) печатные бланки как таковые не исследовались, не подвергались ни классификации, ни каталогизации. Они не сохранялись систематически, в библиографиях или не упоминались вовсе, или описывались как другие виды источников (чаще всего актовые) (см. «Каталог летучих изданий и их перепечаток» Н.П. Лихачева, изданный в 1895 г.) без указания на специфику тиражного бланка.

Сводный каталог русских печатных бланков (СКРПБ) является первым опытом справочного издания по данным источникам. В нем впервые систематически идентифицированы и представлены все известные виды и разновидности русских печатных бланков, прослеживается хронология их появления, восстанавливаются основные этапы их видоизменений.

Хронологические рамки СКРПБ – от начала правления Алексея Михайловича до начала правления Екатерины II. В истории бланков это период, который можно условно назвать «докоммерческим», когда репертуар печатного производства определялся главным образом или самими производителями или официальными заказчиками. В данный период почти все печатные бланки являлись непосредственными инструментами государства или Церкви. Поэтому функции печатных бланков оставались достаточно ограниченными. Только начиная с последней трети XVIII в. в связи с процессами расширения частного предпринимательства и рыночных отношений в типографском деле сильно увеличивается и количество и разнообразие видов бланка – от театральных билетов до при-

глашений на бал. Эта более развитая стадия в эволюции русских печатных бланков в СКРПБ не отражается.

2. Классификация источников и структура содержания каталога В СКРПБ – следующие основные разделы:

Первый раздел – церковные бланки. Сюда входят: антиминсы; разрешительные грамоты, ставленные грамоты;

Второй раздел – государственные бланки. Сюда входят: жалованные грамоты; патенты на чин; паспорта (заграничные, внутренние, крестьянские / покормежные, монашеские, купеческие, корабельные); пропуска (абшиды, оборонительные листы); удостоверения личности; подорожные; присяжные листы;

Третий раздел – начало периода размножения жанров, включая, например, первые финансовые бланки (векселя), первые ведомственные бланки, первые частные заказы и окказиональные бланки.

3. Структура разделов: описания и публикации

В каждом разделе приводятся:

- сведения о специфике и ранней истории данного вида с учетом сохранившихся экземпляров, архивных источников и других косвенных данных;
- описания бланков с учетом: даты выпуска каждого вида и основных разновидностей; даты выдачи описанных экземпляров (по мере возможностей – самых ранних); формата, размеров, материала (бумага, пергамен, ткань), шрифта (кириллица или гражданский); черт оформления (например, наличие печатей, подписей, декоративных инициалов, заставок, обрамлений и т. п.);
- публикация полных текстов главных видов и разновидностей бланков.

4. Ограничения и desiderata

СКРПБ не может претендовать на исчерпывающую полноту. С одной стороны, возникают привычные проблемы неровной сохранности источников. Некоторые виды бланков считались престижными документами, предназначались для особого хранения, изготавливались соответственно добротнее. Патенты на чин печатались на пергамене, антиминсы – на ткани, царские жалованные грамоты – часто на бумаге в александрийский лист. Другие бланки, наоборот, предназначались на кратковременное или даже одноразовое использование, являлись малоформатными документами на обычной бумаге, комкались и истирались в карманах, выбрасывались. Так, например, различные пропуска и паспорта. А разрешительные грамоты вообще предназначались не для хранения, а для помещения во гроб умершему. В некоторых случаях мы знаем о выпусках бланков не по сохранившимся экземплярам, а только по упоминаниям о них в архивных источниках. Мы надеемся, что удалось оп-

ределить основные виды печатных бланков данного периода, но об истории разновидностей пока известно значительно меньше. С другой стороны, можно не сомневаться в том, что сохранилось значительно больше печатных бланков, чем обнаружено. Поскольку среди источниковедов до сих пор «бланковедов» было совсем немного, печатные бланки как таковые редко разыскивались. Предполагаем, что в архивах и библиотеках хранятся многие печатные бланки, на которые не обращали специального внимания, но которые могут существенным образом восполнить пробелы в наших представлениях о разновидностях данного источника. Не исключено, что обнаружатся и новые основные виды.

Желательно, чтобы СКРПБ стал по возможности полным отражением предмета. Поэтому составители надеются, что коллеги – библиотекари, архивисты, источниковеды, историки – будут готовы участвовать в процессе идентификации недостающих материалов, сообщать о печатных бланках, с которыми они сталкиваются в ходе работы. Составляется список особо разыскиваемых видов и разновидностей, но любые новые сведения могут оказаться полезными.

*А. Г. Авдеев, к.и.н., доц.
ПСТГУ*

О мастерах, расписывавших Троицкий собор Макарьева Калязина монастыря, и времени его росписи

Доклад подготовлен при поддержке Университета Дмитрия Пожарского, Лаборатории RSSDA и Фонда Развития ПСТГУ в рамках исследовательского проекта «Корпус русских надписей / Corpus inscriptionum Rossicorum» (см.: <https://www.cir.rssda.su>).

Фрески Троицкого собора Макарьева Калязина монастыря, выполненные артелью государевых кормовых иконописцев во главе с Симеоном Аврамовым летом 1654 г., принадлежат к числу признанных шедевров древнерусского искусства второй половины XVII в. К сожалению, значительная их часть погибла во время взрыва храма в 1940 г. Уцелевшие фрагменты стенописи хранятся в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры и Центральном музее древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублёва.

Имена мастеров, расписывавших собор, были запечатлены в надписи на внутренней стене основного четверика собора за северной дверью у иконостаса на левом клиросе. Надпись была снята со стены в процессе подготовки собора к взрыву в 1940 г. и перевезена в ГНИМА им. А.В. Щусева, где прошла предварительную реставрацию и была очищена от загрязнений с закреплением красочного слоя. В настоящее время надпись хранится в Отделе хранения трёхмерных экспонатов ГНИМА (инв. № РIV–275).

Надпись дошла с многочисленными утратами красочного слоя, что отразила её публикация, выполненная с большими неточностями А.И. Успенским в 1916 г. и без изменений воспроизведенная в «Словаре русских иконописцев XI–XVII вв.», составленном И.А. Кочетковым. Неверные чтения, допущенные в данной публикации, способствовали распространению имён несуществующих иконописцев: Семён Яковлев, (Иван?) и Вавил Петр, Автоном. Более точное прочтение надписи в 1940 г. дал директор Калязинского краеведческого музея И.Ф. Никольский в неизданной статье по истории Троицкого Калязина монастыря (ГНИМА. Ф. 52. Д. 27. КПоф–4804/27), но его вариант прочтения известен мало.

Надпись была документирована в 2018 г. и включена в Свод русских надписей (CIR0091) (операторы документирования: Ю.М. Свойский, Е.В. Романенко, А. Клеймёнов, Д. Анисимова, авторы описания: А.Г. Авдеев, О.Н. Радеева).

Методика 3D моделирования, используемая при документировании и исследовании эпиграфических памятников в CIR, позволила частично восстановить утраты текста. Основным источником для полной реконструкции надписи стал Синодик Калязина монастыря, хранящийся в Тверском государственном объединённом музее (ТГОМ КЗМ ОФ. № 920. Л. 221–221 об., 227–227 об.), куда были вписаны имена иконописцев и их ближайших усопших родственников: «Род московских иконописцев, которые писали стенное пис(ь)мо в соборной ц(е)ркви и в приделе и с(вя)тыя ворота в Калязине м(о)н(а)ст(ы)ре. Род Ивана Филатьева. Фоки. Анноу. Феофилакта. Флора. Евдокии. Петра. Андрия-иноки. Перасковию. Пелагию. Афонасия мл(а)д(е)нца. Род Семена Аврамова. Моисея. Татияну. Тимофея. Амвросия. Иноку Еоупраксию. Михайла. Оубиеннаго Никитоу мл(а)д(е)нца. Вассоу. Матроноу. Род Васи[л](ь)я Ильи-на. Иерея Григория. Илью. Димитрия Прокопия. Еуфросинию. Пелагию. Род Марка Гущина. Иякова. Инокоу Маремьяну. Павла. Феодора. Анну. Ефрема. Гликерью. Род Петра Яковлева. Иякова. Наталию. Иноку Софию. Инока Макария. Никифора мл(а)д(е)нца. Фотинию мл(а)д(е)н(ца). Иоакима. Петра. Род Андрия да Васил(ь)я Федоровых. Анну. Иякова. Иякова. Симеона. Феофилакта. Михайла. Сав(в)у. Сав(в)оу. Стефана. Инока схим(ника) Серапиона. Род Семена Стефанова. Иерея Парфения. Михайла оубиеннаго. Анну. Ирину. Пигасию. Пими́на. Марем(ь)яну мл(а)д(е)н(ца). Род Иванна Самойлова. Самойла. Василия мл(а)д(е)нца. Инока Серьгия. Дарию. Агрипину. Иванна. Коз(ь)му. Род Ивана Алексеева. Алексия. Амвросия. Афонасия. Мину. Варвароу. Гликерью. Марью. Илью оубиеннаго. Род Григория Данилова. Михаил. Захария. Анну. Данила. Андроника. Вассоу. Род Семена Павлова. Данила. Кондрата оуб(ь)енн(о)го. Анну. Мавру. Капетолину. Род Ивана Стефанова. Иерея Л(ь)ва. Иерея Григория. Марфоу. Марфоу. Пелагию. Иванна. Род Иякова Автономова. Инока Пахомия. Инока Саватия. Варвароу. Оульянию».

В восстановленном виде изучаемая надпись выглядит следующим образом: «О Г(о)с(по)де трудивыися сию соборную ц(е)рков(ь) Живоначал(ь)ные Тро(и)цы, предел Рож(е)ства Преч(и)стыя Б(ого)ро(д)и)цы и малая ц(е)рк(о)в(ь) [He]py]ko[t]ворна[го] Образа и с(вя)тыя врат{а} и стены пис(ь)мом г(о)с(у)д(а)ревы кормовыя иконописцы: Симеон Аврамов, Василей Ильин, Иван Феофилатов и з братом Михаилом, Семен Сер[геев? Грузинец], Петр Яковлев, Анд-

рей, Ил[ья и] Василей Федоровы, Симеон Стефанов, Иван Алексиев, Ива[н] Самойлов, Григорей Данилов, С[име]он Павлов, Иван Степа[но]в, [Марк Гушин, Яков А]в[т]ономо[в]».

Ядро артели составили иконописцы, трудившиеся над росписью Успенского собора в 1642–1643 гг. В 1649–1650 гг., во время работ в Саввино-Сторожевском монастыре, к ним присоединились ещё три мастера – Симеон Стефанов, Григорий Данилов и Симеон Павлов. В окончательном виде артель сформировалась в 1652 г., когда в её составе стали работать Иван Стефанов и Яков Автономов. В 1654 г. Симеон Аврамов (не участвовавший в работах артели, но, очевидно, знакомый с уровнем мастерства артельщиков) пригласил мастеров для росписи Троицкого собора Калязина монастыря. Видимо, по приглашению Симеона Аврамова к ним присоединились Михаил Феофилатов с братом Иваном и Семён Грузинец (известный только по храмовой летописи). Однако в Синодик Калязина монастыря не были включены имена Михаила Филатьева и Ильи Фёдоровых, хотя родство Андрея и Василия Фёдоровых в нём было отражено. Очевидно, лица, не попавшие в Синодик, либо занимались росписью храма короткое время, либо уровень их мастерства был достаточно низок, либо и то и другое вместе. После росписи Троицкого собора Калязина монастыря артель распалась: часть мастеров скончалась во время эпидемии сибирской язвы 1654–1655 гг., другие стали работать в иных артелях.

Что же касается времени росписи Троицкого собора, то храмовая летопись (CIR0031) датирует начало работ 8 июня 1654 г. Дополнительные хронологические указатели надписи позволяют датировать окончание росписи в промежутке не ранее 25 июля (начало третьего года патриаршества Никона) и не позднее 31 августа 1654 г. (окончание 7162 г. от Сотворения мира, совпадающего с продолжением десятого года царствования Алексея Михайловича и первого года жизни царевича Алексея Алексеевича). Во всяком случае, стенопись была создана до приезда царской семьи, эвакуированной из Москвы во время морового поветрия.

*К.А. Аверьянов, д.и.н., в.н.с.
ИРИ РАН*

Сколько было Днепровских порогов?

Одним из главных аргументов в многолетнем споре «норманистов» и «антинорманистов» является вопрос о названиях Днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей», где они приводятся на «росском» и славянском языках. При этом для большинства «росских» названий может

быть предложена скандинавская этимология, в частности, из старонорвежского языка. Именно этот аргумент рассматривался рядом историков как одно из главнейших доказательств скандинавского происхождения русов.

Приведем описание Днепровских порогов по тексту византийского императора: «Прежде всего они (росы. – *К. А.*) приходят к первому порогу, нарекаемому *Эссути*, что означает по русски и по-славянски “Не спи”. [...] Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу, называемому по-русски *Улворси*, а по-славянски *Островунипрах*, что значит “Островок порога”. Он подобен первому, тяжек и трудно проходим. И вновь, высадив людей, они проводят моноксилы, как и прежде. Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый *Геландри*, что по-славянски означает “Шум порога”, а затем так же – четвертый порог, огромный, нарекаемый по-русски *Аифор*, по-славянски же *Неасит*, так как в камнях порога гнездятся пеликаны. [...] Подступив же к пятому порогу, называемому по-русски *Варуфорос*, а по-славянски *Вулнипрах*, ибо он образует большую заводь, и переправив опять по излучинам реки свои моноксилы, как на первом и на втором пороге, они достигают шестого порога, называемого по-русски *Леанди*, а по-славянски *Веручи*, что означает “Кипение воды”, и преодолевают его подобным же образом. От него они отплывают к седьмому порогу, называемому по-русски *Струкун*, а по-славянски *Напрези*, что переводится как “Малый порог”. Затем достигают так называемой переправы Кра-рия, через которую переправляются херсониты, [идя] из Росии, и пачинакиты на пути к Херсону».

На протяжении более чем двух столетий шла научная полемика по поводу происхождения названий порогов. Начиная с Г.З. Байера, были выдвинуты скандинавская, венгерская, греческая, славянская, готская, иранская, балтийская и еврейская их трактовки. Между тем, при обращении к карте, ситуация начинает выглядеть совершенно иначе (см. Приложение). Мы не случайно привели столь обширную цитату из сочинения византийского императора, где он перечисляет семь порогов на Днепре, при этом используя 13 топонимов для их обозначения (если считать *Эссути* с его наименованиями по-русски и по-славянски за два топонима).

Но все ли они названы? Днепровские пороги (в 1932 г. они были затоплены после строительства ДнепроГЭСа) на протяжении XVI–XIX вв. описывались неоднократно. Перечень из 13 Днепровских порогов находим в «Книге Большому чертежу»: «1. А ниже реки Самари на Днепре *порог Кадак*. 2. Ниже Кадака миля *порог Звонец*. 3. А ниже Звонца *порог Сурской*. 4. А ниже Сурского 2 версты по-

рог Лоханной. 5. А ниже Лоханного 3 версты *порог Стрельчей*. 6. А ниже Стрельчего 2 версты *порог Княгинин*. 7. А ниже Княгинина с версту *порог Ненасытец*. 8. А ниже Ненасытца на 5 верстах наискось *Вороного Забора*. 9. А ниже Вороного Забору *порог Волнег*. 10. А ниже Волнега 3 версты *порог Будило*. 11. А ниже Будилы 3 версты *порог Лычной*. 12. А ниже Лычного 3 версты *порог Товалжаной*. 13. А ниже Товолжаного 3 версты *порог Вольной*.

Эта цифра в «Книге Большому Чертежу» полностью совпадает с 13 «росскими» и славянскими названиями Днепровских порогов у Константина Багрянородного. Тем самым оказывается, что в его сочинении даны описания всех 13 водных преград порожиистой части Днепра. Наше предположение подтверждается любопытным фактом. Самым известным из Днепровских порогов являлся Ненасытец, седьмой по счету в «Книге Большому Чертежу». Если считать, что каждый из топонимов Константина Багрянородного (независимо от того, русское или славянское это название) является названием порога, то седьмым упоминаемым им порогом будет *Неасит*, относительно которого в литературе уже высказывалось мнение о его тождестве с Ненасытцем. Тем самым оказывается, что все выдвигавшиеся на протяжении более чем двух столетий версии об этимологии названий Днепровских порогов являются не более чем «игрой ума».

Византийский император, описывая Русь, пользовался сведениями, как минимум, двух информаторов. При этом один из них был русом, а второй – славянином. Не сумев правильно сопоставить их данные, Константин Багрянородный, видимо, счел, что в ряде случаев они продублировали друг друга. Поэтому вместо 13 порогов на Днепре у него их получилось семь.

Те же 13 порогов, что и «Книга Большому Чертежу», перечисляет в своем дневнике австрийский дипломат и путешественник Эрих Лясота (1550–1616), побывавший в 1594 г. в Запорожской Сечи и проживший там около месяца. Но в позднейших описаниях их число меняется. Скажем, А. Вельтман насчитал их в общей сложности четырнадцать. Согласно «Описанию» Днепра, составленному в 1697 г., порогов насчитывалось двенадцать. Подобный разнобой в цифрах объясняется тем, что Днепр в своей порожиистой части прорывался через скалистые гранитные гряды. Эти гряды подразделялись на две категории: если гряда прорезала русло реки по всей его ширине, от берега до берега, составляя род плотины с сильным перепадом воды, то она именовалась *порогом*; если же гряда заграждала только часть русла, оставляя в нем проход, то она называлась *заборой*. Если включать в число преград и заборы, то их получится 14, так как уже после основных Днепровских порогов ниже острова

Хортица «Книга Большому Чертежу» называет «порог Белекова Забора». Если же из этого числа исключить заборы, оставив только пороги, их останется двенадцать. Начиная со второй половины XVIII в. в районе Днепровских порогов постоянно проводились работы по улучшению судоходных условий порожиистой части Днепра. В числе прочего они заключались в расчистке опасных мест фарватера от камней. Это привело к тому, что общее число порогов к концу XIX в. сократилось до девяти.

*А.Ю. Авчухов, соискатель уч.ст. к.и.н.
Волгоградский ГУ*

Монетовидная бона Ахтубинского пароходства

В начале 2019 г. в Астрахани был приобретен односторонний жетон Ахтубинского пароходства номиналом 2 копейки. Он представляет собой штампованный из латуни (меди или бронзы) круг диаметром 3,2 см. По окружности размещена выпуклая надпись «АХТУБИНСК. ПАРОХОДСТ.», разделенная точками. В центре «2 к.». Жетон имеет следы продолжительного нахождения в почве. Дата отсутствует. Назначение жетона не известно. Целью данной публикации является введение его в научный оборот и определение хронологических границ деятельности пароходства.

Товарищество на вере Ахтубинского пароходства выросло в начале 90-х гг. XIX в. из очень скромного предприятия местного пригородного сообщения между посадом Дубовкой на Волге и деревней Пришиб (ныне Ленинск) на Ахтубе. В 1892 г. общество имело всего 4 небольших пассажирских и буксиро-пассажирских баркаса, а к 1900 г. располагало уже 21 паровым судном, ходившим от Рыбинска до Астрахани. Уставные операции товарищества определялись, как «содержание городского перевоза в городе Хвалынске Саратовской губернии, посаде Дубовка Саратовской губернии и в городе Царицыне» (Акционерно-паевые предприятия России. 1912 год. М. С. 11).

Предприятие было особенно интересно тем, что оно охватывало целый ряд мелких пароходчиков, владевших нередко одним или двумя баркасами. Это был первый опыт широкого объединения не крупного капитала, как в больших акционерных обществах, а своеобразных кустарей парового судоходства, той судовой, по местному выражению, «горчицы», которую иронично называли «плавающими самоварами». Эти низовые «горчичники» прекрасно справлялись со своим делом и в конце концов закрепили свой союз на основании особого устава (*Шубин И.А.* Волга и волжское судоходство. М., 1927. С. 606–607).

В 1907 г. предприятие изменило свою административно-правовую форму, и 10 августа был Высочайше утвержден новый устав Товарищества на паях «Ахтубинское Пароходство» (ПСЗРИ. Собр. третье. Т. XXVII. 1907 г. № 29470). Устав провозглашал: «Для продолжения и развития действия принадлежащего Товариществу на вере под фирмою «Ахтубинское Пароходство» товаро-пассажирского пароходства и перевозного дела по реке Волге, с её притоками и прилегающими озерами, учреждается в городе Царицыне Товарищество на паях, под наименованием: «Ахтубинское пароходство».

Среди учредителей товарищества, которых насчитывалось 37 человек, присутствовало несколько иностранцев, которыми, возможно, были приглашенные для работы на заводе «Урал – Волга» французские и бельгийские инженеры. Остальные были мелкими пароходчиками, передававшими свои предприятия «со всем принадлежащим к ним движимым и недвижимым имуществом, равно контрактами, условиями и обязательствами ... Товариществу (§ 2 устава). ... Взамен передаваемого имущества владельцам его разрешалось получить, вместо денег, паи Товарищества, по нарицательной цене» (§ 22). Основной капитал составил 300 000 рублей, разделенных на 1200 паев по 250 рублей каждый. Паи, известные только в виде «образцов», автору удалось обнаружить в фондах отдела письменных источников ГИМ (ОПИ ГИМ. Ф. 36. Ед. хр. 25. Л. 31–34).

Российское законодательство старалось не допускать в пароходное дело иностранцев. В качестве исключения иностранцам и лицам иудейского вероисповедания было разрешено передавать принадлежащее им недвижимое имущество во вновь созданное предприятие (примечание к § 4 устава). Товарищество имело право выбирать служащих всех разрядов как из русских подданных, так и из иностранных.

Товарищество на паях «Ахтубинское пароходство» открыло свои действия 20 мая 1908 г. Управление делами Товарищества принадлежало Правлению, находившемуся в городе Царицыне и состоявшему из трех директоров, избираемых общим собранием пайщиков. В директоры избирались лица, имевшие на своё имя не менее 20 паёв, которые хранились в кассе товарищества или в учреждениях Государственного банка «во всё время бытности избранных лиц в помянутых званиях и не могли быть никому передаваемы до утверждения отчета и баланса за последний год пребывания владельцев паёв директорами» (§ 40 устава).

Для непосредственного заведования делами Товарищества правление с утверждения общего собрания пайщиков избирало из своей среды или же из сторонних лиц особого директора-распоря-

дителя. Он должен был представить дополнительно ещё не менее 20 паёв. Директором-распорядителем был избран известный в Царицыне пароходный деятель Тимофей Михайлович Канавин, директорами Петр Андреевич Булыгин и А.Е. Токарев. Вплоть до национализации в 1918 г. пароходство возглавлял управляющий Франц Иванович Экман. Известно, что «Пароходству Франца Ивановича Экман» в 1908 г. принадлежал пароход «Анна». Его имя стоит первым в числе учредителей товарищества.

В целом прибыль общества за 1910 г. составила 17162 рубля, хотя дивиденда не было. Баланс на 1 января 1911 г. составил 447 163 рубля. Стоимость имущества равнялась 304 497 рублей (Акционерно-паевые предприятия России. 1912 год. М. С.11).

*Л.И. Акимова, д.иск., в.н.с.
ГМИИ им. А.С. Пушкина*

Апулийская пелика с Посейдоном и Амимоней: символический смысл росписи

В IV в. до н.э. западными греками было создано огромное число краснофигурных ваз, найденных в гробницах. Их сложные росписи пока не получили убедительной интерпретации. Здесь предлагается опыт истолкования смысла одной из лучших ваз такого рода – апулийской пелики мастера Копенгагенской танцовщицы (Москва. ГМИИ им. А.С. Пушкина. Инв. П 16 741), ок. 330 г. до н.э. Ей был посвящен большой очерк Н.А. Щербаковым (*Щербаков Н.А. Апулийская пелика. Казань, 1912*), после чего – лишь краткое эссе в связи с выставкой «Диалоги в пространстве культуры» (*Акимова Л.И. Мастер Копенгагенской танцовщицы – Фабрициус // Диалоги в пространстве культуры / Автор идеи И.А. Антонова. М., 2002. С. 36–41*). Ваза, известная в Европе с 1845 г., попала в Россию в 1872 г. (в ГМИИ с 1912 г.). Как и все апулийские погребальные вазы, пелика (В. 76 см) не функциональна и имеет символическую роспись на тему ритуала перехода.

Боковые стороны вазы украшены крупными блоками пальметт; фас и реверс имеют разные сюжеты. Сцена с Посейдоном и Амимоней представлена на реверсе. Миф известен по Аполлодору (II.1.4) и Гигину (Fab. 169). Когда 50 дочерей Даная бежали из Ливии в Аргос от предстоявшего им брака с 50 сыновьями Египта, они столкнулись с отсутствием воды. Посейдон, проигравший Гере спор из-за Аргоса, закрыл все источники. Данай послал дочерей разыскивать воду. Одна из них, Амимона, вступила в брак с Посейдоном, и бог иссек источник; Данаиды были спасены.

В мифах вода появляется благодаря Посейдону, в имени которого, как и в имени Даная, заключен индоевропейский корень, связанный с *водой*: -don/dan. Оба представляют *Владыку вод*, спасающего от смерти женщин. Но рисунок на пелике трактует ситуацию иначе. В центре показана *крена*, похожая на погребальные наиски Тарента. Рядом сидит Амимона с *гидрией*, *Владычица вод*. Бог же поднимается откуда-то снизу. Он – пришелец, странник, вода предназначается ему. Речь идет о *хаотической водной среде*, в которой зарождается мир и в которую все живое уходит по смерти – для реституции. У крены *два водостока* в виде львиных масок, но воду на *агалму* изливает только один, ближайший к Посейдону. В Нижний мир привел олимпийца Гермес Психопомп, опирающийся на *керикейон*. Посейдон будет возрожден – его лань уже *вдыхает аромат* цветка; сорванный *цветок* держит в руках богиня за Амимоной. К Посейдону с брачным *венком* летит Эрот.

В верхнем ярусе изображены возлежащий Пан с *сирингой*, инструментом «смерти», и сидящая Афродита с *зеркалом*, символом жизни: оба с *ветвями* в руках, а за Паном вырастает *Мировое дерево*. Разделенные креной группы (по горизонтали и вертикали) имеют *брачный смысл*, с учетом развернутых формул Мать / Дева и Отец / Сын. Снизу и справа от зрителя брак «матриархальный» (Мать-Дева+Сын-Супруг), сверху и слева «патриархальный» (Отец-Сын+Богиня). Композиция круговая, с креной как Водным провалом, сферой смерти-рождения; в ее начале – Гермес Психопомп, в конце – Афродита.

На фазе – многофигурная сцена из трех горизонтальных поясов, с трехчастным делением каждого. Снизу: растение и две геральдические «животные группы» по сторонам цветка (лань / гусь и пантера / гусь), говорящие о «космическом порядке». В середине: центральная группа с сидящей на троне богиней, к которому прислонилась девушка с тенией (формула Матери/Девы). Слева к ним направляется умерший-юноша. Ситуация повторяет эпизод с Посейдоном, но юноша поднимается снизу, из вод: оттуда женщина выносит для него *дифрос с пурпурной подушкой*, на которой изображена *ладья с гребцами*. Он держит в руке *стригиль* – инструмент «разрезания хаоса», аналогичный серпу Геи, которым был кастрирован Уран, чтобы вместо чудовищ рождались нормальные люди. Умерший, уже прошедший первый этап космогенеза (разделение), но еще находящийся «в тени» (*под зонтиком*), готов вступить в «священный брак» с Владычицей; за ним уже высится *Мировое дерево*, женщина с прохусом и фиалой будет совершать *ритуальное возлияние* в знак открытия нового жизненного цикла. Замыкает сюжетный ряд эпизод «венчания». Мать остается на троне, Дева дарит

венки юноше. Он по-прежнему со *стригилем*, но уже *сидит*, хотя и на *складном стуле* (в переходном состоянии). Между ним и богиней видна *лира* – инструмент «созидательный», струнный. По-смертная трансформация завершена.

Верхний ряд начинает сидящая женщина с *открытым ларцом*, символом выхода из лона-Преисподней. Душа умершего воспаряет в небеса на колеснице Афродиты (символ – *взлетающий лебедь*), запряженной двумя эротами, ритуальные вещи в руках которых говорят о завершении цикла жизни – умерший останавливает полет. Ему несут *тению и фииматерий* – для будущей брачной «связи» и «нового дыхания», и опять прохус с фиалой – для *ритуального возлияния*. Юноша снова низойдет в Нижний мир – для новой трансформации. Он уже не связан с Мировым деревом: в руках у него снова только посох странника.

Таким образом, обе стороны вазы изображают круговой путь умершего. Воскрешение мыслится в первичных водах, через брак с их Владычицей, в результате которого душа воспаряет на колеснице в небеса.

Реверс и фас, построенные аналогично, с *мужскими персонажами* как объектом «перехода», составляют *общую* двухчастную композицию, где реверс с его креной представляет первую часть ритуала: прибытие умершего к Владычице вод и их *разделение* (трезубцем и креной), а фас – вторую: соединение, *союз / интро-низацию* и выход души в новый мир. Космогенез как форма ритуала перехода – тема подавляющего большинства апулийских ваз, которых ныне известно около 10 000. Тщательный анализ росписи, сделанный Н.А. Щербаковым, привел его к выводу об отсутствии связи обеих сторон вазы и их общем «светском» характере, не имеющем отношения к погребальной сфере (*Щербаков Н.А.* Указ. соч. С. 10). Ныне это заключение, первый тезис которого продолжает сохранять свою силу, нуждается в пересмотре.

*А.Н. Акинъшин, к.и.н., доц.
Воронежский ГУ*

Нисходящая родословная Николая Павловича Петерсона (1844–1919)

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00953а
«Н.Ф. Федоров. Энциклопедия (с онлайн-версией)»*

Николай Павлович Петерсон – ближайший друг и последователь русского философа Николая Федоровича Федорова (1829–1903). На протяжении многих лет Федоров общался с ним, был зна-

ком со всей его семьей. В 1894–1899 гг. Н.П. Петерсон жил в Воронеже, служил здесь мировым судьей (см.: Н.Ф. Федоров и его воронежское окружение (1894–1901): Статьи, письма, воспоминания, хроника пребывания в Воронеже / Сост. А.Н. Акинъшин, О.Г. Ласунский. Воронеж, 1998). Некоторые члены семьи остались здесь после его перевода в Ашхабад на должность члена Окружного суда.

Биография самого Николая Павловича неплохо известна (см.: Гачева А.Г. Петерсон Н.П. // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 568–570), гораздо меньше внимания уделено его семье, поражавшей друзей и знакомых своей многочисленностью. От двух жен у Петерсона было не менее 16 детей (несколько детей умерли во младенчестве, о них нет сведений), ныне его потомство представлено четвертым, пятым и шестым поколениями.

Первой женой Петерсона была Фаина Ивановна Лихачева (?–1874/75), от которой родились шестеро детей. Старший, Павел (13.06.1868–1921), отставной военный, женат на Марии Антоновне Рутковской, имел дочь Фаину (1903–?), ее дети Ольга (в замужестве Видейко) и Галина, а также внуки живут на Украине. Следующим шел Александр (14.08.1869 – погиб в Первую мировую или в Гражданскую войну), чиновник губернского правления, был женат на воронежской дворянке Юлии Ивановне Поповой, дети: Екатерина, Мария (учительница, умерла в 1970-е гг. в Ростовской обл.), Андрей и умерший в младенчестве Николай. Елизавета (16.06.1870–1919), служащая статистического отдела железнодорожного ведомства, вышла замуж за Д.Ф. Кривошеина (1871–1933). Супруги Кривошеины умерли в Воронеже, их дочери Анастасии (27.04.1913 – после 1998), жившей в г. Черкесск Ставропольского края, автор обязан многими сведениями о потомках Н.П. Петерсона.

Вера Петерсон (18.11.1872–1937), служившая в Воронежском окружном, затем областном, суде, замужем не была, воспитывала племянницу Анастасию. Дмитрий (1873–вт. пол. 1890-х гг.), не выдержав муштры, застрелился на военной службе. Владимир (01.04.1875–1922) служил нотариусом в Рязани, от супруги Натальи Ивановны имел четверых детей: Льва, Нину (актриса МХАТа и Театра Вахтангова в 1920-е гг.), Михаила и Евгения.

В 1878 г. Николай Павлович женился на Юлии Владимировне Огаревой (28.07.1858–19.05.1930), дальней родственнице герценовского соратника. В Воронеже жил ее племянник, адвокат Владимир Рафаилович Федоров (1896–1948), окончивший свою жизнь в тюрьме, его дочь Кира Федорова (1919–1993) стала драматической актрисой.

Старшим во втором браке родился Алексей (10.02.1879 – умер в Гражданскую войну), был женат на Анне Николаевне (25.01.1897 – после 1922). Константин (1881 – погиб в русско-японскую войну) семьи создать не успел. Григорий (20.02.1883–19.11.1962), юрист, жил в Москве, от жены Клавдии Ильиничны у него были дочери Ирина и Виктория (ок. 1915 – после 1998). Наталья (26.02.1884 – после 1941), крестница Н.Ф. Федорова, работала учительницей в Семилуках под Воронежем, затем в Харькове, где у нее доживала мать. У Натальи были дети Никанор и Ксения. Михаил (22.09.1885–22.11.1962) стал известным филологом, жил в Москве. От первой жены Татьяны Михайловны Казанской (1898–1929) имел сына Владимира (07.06.1922–12.01.1942), погибшего на фронте; в 1933 г. женился на Анфисе Федоровне Вышеславцевой (1889–1975) (см. о нем: *Кочергина В.А.* Профессор М.Н. Петерсон. Москва, 1996). Судьба близнеца Михаила, Агриппины, после 1912 г. неизвестна. Иван (04.06.1887 – умер в Гражданскую войну), у него остались дети Павел и Галина. Зоя (16.04.1889 – июль 1973), учительница, была замужем за адвокатом Драгутином Драгутиновичем Новаком (1884–18.11.1944). У них было двое детей: экономист Ирина (01.09.1917–09.11.2005) и профессор ветеринарии Дмитрий (30.06.1919–18.12.2007). Зоя Николаевна приезжала несколько раз в Воронеж, где работал ее сын, она оставила небольшие воспоминания о семье (опубликованы в 1998 г.). Михаил Дмитриевич Новак (р. 1957) – доктор биологических наук, профессор Рязанского государственного агротехнического университета; дети Ирины Новак: Эдуард Федорович Ложкин (30.01.1938–27.12.2012) – доктор ветеринарных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, работал в Костромской сельскохозяйственной академии, Владимир Викторович Лазарев (р. 1946) – инженер-строитель, живет в Петербурге.

Надежда умерла в городе Мокшаны Пензенской губернии в начале 1890-х гг. в трехлетнем возрасте. Самой младшей, Любви (27.08.1893–25.10.1991), в замужестве Рутковской, суждена была долгая жизнь. С нею еще успела встретиться биограф Федорова, Светлана Григорьевна Семенова. У Любви Николаевны были дочери Надежда (17.02.1918–04.03.2011), библиотечный работник, и Юлия (03.07.1916–13.04.1997) Андреевны, у последней – дочь Галина Вадимовна.

Из шестнадцати детей Н.П. Петерсона потомство было у девяти, всего внуков у него насчитывалось более двадцати. Представители следующих поколений полностью не выявлены.

Н.А. Алексеенко,
*dr. Etudes Médiévales (Paris IV –
Sorbonne)*, к.и.н., с.н.с.
Институт археологии
Крыма РАН (Симферополь)

Ю.А. Цепков (Севастополь)
независимый исследователь

**Клад позднееримских монет IV–V вв.
из окрестностей села Соколиное
(предварительное сообщение)**

В последнее время на территории юго-западного Крыма достаточно часто стали находить клады монет позднееримского времени. Важность каждой такой находки неопределима, поскольку любой клад или кладовый комплекс в той или иной мере является своеобразным срезом с денежного обращения региона, нередко показывающим определённые его особенности или специфику. Как правило, все эти находки происходят либо с сельских поселений, либо с прилегающей к ним территории, что обуславливает их особое значение для уточнения состава денежного рынка на территории сельскохозяйственной округи позднеантичной Таврики.

К настоящему времени существует информация об около двух десятках подобных находок, однако лишь некоторые из них так или иначе введены в научный оборот (*Демьянчук С.Г.* Клад позднеантичных монет из окрестностей села Верхнесадовое // *Сугдейский сборник*. Киев; Судак, 2008. Вып. III. С. 419–424; *Корищенко А.Н.* Крымские клады позднееримских медных монет // *Нумизматика и эпиграфика*. М., 2011. Т. XVIII. С. 108–135; *Он же*. Клад монет из Байдарской долины 2011 г. // II Международный Нумизматический Симпозиум «ПриПОНТИйский меняла: деньги местного рынка» Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2012. С. 21–23; *Он же*. Новый клад позднееримских монет из юго-западного Крыма // V Международный Византийский Семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2013, С. 31–32; *Ступко М.В.* Новый клад позднееримских монет из окрестностей Севастополя // III Международный Нумизматический Симпозиум «ПриПОНТИйский меняла: деньги местного рынка». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2014. С. 37, 38).

В 2017 г. стала доступной информация ещё об одном новом кладе монет IV–V вв., обнаруженном в горном Крыму в окрестностях села Соколиное. Обстоятельства находки клада неизвестны. Он состоял из 76 крупных медных позднееримских монет одного номинала (AE 2 = *maiorina*): Грациана (367–383) – 4 экз.; Валентиниана II (375–392) – 14 экз.; Феодосия I (379–395) – 30 экз.; его жены Флак-

циллы – 2 экз.; Аркадия (383–408) – 18 экз.; Гонория (393–423) – 6 экз.; Льва I (457–475) – 1 экз.; неатрибутированный эмитент IV в. – 1 экз.

Абсолютное большинство составляют монеты выпусков Феодосия I, его жены Флакциллы и сыновей Аркадия и Гонория (56 экз.). Самыми ранними являются выпуски Грациана, а самой младшей – монета Льва I, которая, впрочем, выпадает из общей группы и не исключено, что она является случайной примесью и не принадлежит данному комплексу.

В соответствии с принятой хронологией позднеримских монет выпуски доминирующей группы принадлежат четвертому (378–383 гг. – 8 экз.), пятому (383–388 гг. – 25 экз.) и последнему, седьмому периоду эмиссии (392–395 гг.), когда производилась чеканка как от имени отца императора (14 экз.), так и его сыновей-соправителей Аркадия (9 экз.) и Гонория (6 экз.). Монеты, выпущенные уже после смерти Феодосия I во время самостоятельных правлений Аркадия на Востоке, а Гонория на Западе, в кладе не представлены.

На наш взгляд, время тезаврации клада следует определять в границах двух последних десятилетий IV в.

Места чеканки в основном представлены восточными монетными дворами: Никомедия – (26 экз.), Константинополь – (21 экз.), Гераклея – 8 экз.; Кизик – 6 экз.; Антиохия – 4 экз., а также двумя западными: Аквилея (1 экз.), Рим (2 экз.). Неясными остались места выпуска на 8 монетах плохой сохранности.

Особое внимание обращает на себя присутствие в кладе монеты Феодосия I, перечеканенной из антиохийского сентенионалия Констанция II (337–361).

Из крымских находок данному комплексу по составу близки клады: Красножёрненский 2000 г., Инкерманский 2007 г. (*Коршенко А.Н. Крымские клады...*) и Верхнесадовский 2009 г. (*Ступко М.В. Указ. соч.*), которые также состояли из крупной позднеримской меди и содержали монеты западных монетных дворов.

Формирование комплексов из однотипных монет – для Таврики явление не характерное. Как правило, здесь преобладают комплексы с широким хронологическим диапазоном в 200–300, 500 и более лет. Соколиновский и другие вышеназванные клады – очевидные примеры кратковременных накоплений в пределах 50 лет или около этого, характеризующие достаточно специфическое отношение населения к денежному обращению, которое отдавало предпочтение определённой унифицированной монетной массе – типологически подобной, близкой по размеру и весу и соответственно упрощавшей обращение.

Столь узкий хронологический диапазон и подбор единообразной монеты, удобной для расчётов, очевидно, отображает своеобразие исторической ситуации, в которой находились владельцы сокровищ. И здесь, на наш взгляд, весьма показателен известный Ай-Тодорский клад, который В.А. Сидоренко связывал с появлением в Крыму очередной волны варварского населения (*Сидоренко В.А.* К вопросу этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV – начала V в. с подражаниями «лучистого типа» // *Материалы к этнической истории Крыма.* Киев, 1987. С. 133–144). Аналогичен Соколиновскому кладу, хотя и не происходящий из Крыма, но отражающий те же процессы перемещения варварских контингентов по территории Восточной Европы, и клад из окрестностей села Мошны, в котором практически такой же набор монет (*Алексеев Н.А., Левада М.Е.* Клад у села Мошны // *Петербургский апокриф. Послание от Марка.* Библиотека Stratum. Санкт-Петербург; Кишинев, 2011. С. 373–395).

В пользу принадлежности рассматриваемого клада варварскому населению говорит и регион его происхождения – горный Крым, территория расселения готов «страны Дори» Прокопия Кессарийского. Не исключено, что и наш клад вместе с другими депозитными находками из районов крымских предгорий является своеобразным отражением имперской политики по усилению восточных границ при помощи поселившихся здесь федератов.

А.В. Алямкин, к.и.н. (Курган)

К вопросу о классификации Краткосрочных Обязательств Государственного Казначейства (КОГК), номинарованных в фунтах стерлингов

После решения М.С. Горбачева в 1986 г. об урегулировании взаимных претензий с Великобританией компания Baring Brothers выплатила соответствующие суммы британским гражданам и организациям, потерявшим свои активы или собственность в России в период 1917–1918 гг. После краха Baring Brothers в 1995 г. и перехода всех активов к компании ING на аукционе SPINK в сентябре 2008 г. единым лотом было выставлено 15 281 экземпляров Краткосрочных Обязательств Государственного Казначейства (КОГК) России, номинарованных в фунтах стерлингов.

В связи с этим остро встал вопрос о классификации подобных знаков. Классификация аукционного дома SPINK, сделанная при продаже данного лота, нас не устраивала. Все попытки сделать это быстро и сразу к результату не приводили.

В прошлом году, работая над общим каталогом бумажных денежных знаков России, редакционной коллегией было принято решение о включении в первый том т. н. «процентных денег». В этот раздел вместе с различными многочисленными купонами, билетами Государственного казначейства, выпусками займа Свободы, платежными обязательствами Центральной кассы Наркомфина, и другими были включены и краткосрочные обязательства Государственного казначейства вообще. Если учесть, что данные выпуски, начатые еще в 1812 г., были вообще «не замечены» в отечественной бонистике, кроме выпусков 1914–1915 гг. (высокие) и 1915–1917 гг. (длинные), то до классификации обязательств, номинированных в других валютах, руки не доходили тем более. Следует отметить, что КОГК выпускались не только в фунтах стерлингов. На сегодня известны выпуски, номинированные в немецких марках, французских франках, долларах США, японских йенах и финских марках.

Выпуск КОГК в иностранной валюте впервые был произведен Россией ещё во время русско-японской войны. Тогда обязательства были размещены в Германии и Франции. В конце сентября 1914 г. было достигнуто соглашение о выпуске краткосрочных обязательств в Англии. Указ от 6 октября 1914 г. предписывал министру финансов:

1. Приступить к выпуску КОГК на 400 000 000 рублей с обозначением достоинства обязательств не только в рублях, но в случае надобности в иностранной валюте.

2. Выпустить КОГК в английской валюте на сумму 12 000 000 фунтов стерлингов, производя уплату процентов по этим обязательствам вперёд.

Выпуск этих КОГК производился через банкирский дом Baring Brothers, который предоставлял кредит России и от своего имени выпускал обязательства, гарантированные Императорским Российским правительством. Первый выпуск обязательств в английской валюте состоялся в ноябре 1914 г. Было выпущено 24 обязательства номиналом 500 000 фунтов стерлингов на сумму 12 млн фунтов стерлингов. В дальнейшем, вплоть до сентября 1915 г., выпуск обязательств в английской валюте производился таким же образом. О каждом выпуске издавался указ с обозначением суммы выпускаемых обязательств.

В сентябре 1915 г. между Россией и Англией было заключено соглашение о предоставлении России кредитов на сумму 25 000 000 фунтов стерлингов в месяц. На эту сумму в Англии выпускались КОГК России. С этого времени выпуски КОГК в английской валюте приобрели регулярный характер. Обязательства выпускались в первых числах каждого месяца на сумму 25 000 000 фунтов стер-

лингов. Все обязательства выпускались сроком на один год минус один день.

Кроме того, происходило погашение ранее выпущенных обязательств. Но вместо выплаты капитала выпускались новые обязательства на такую же сумму, причём проценты уплачивались вперёд. Это было установлено указом о выпуске обязательств в иностранной валюте. По сути дела, КОГК сроком на один год превращались в долгосрочный заём с уплатой процентов. Такую практику отсрочки КОГК правительство России с успехом применяло ещё в 1905–1908 гг.

На практике мы предлагаем разбить весть массив КОГК номинированных в английских фунтах на три части.

1. Малый формат (150 x 230 мм). Здесь мы видим три последовательных выпуска номиналами только в 1000 и 5000 фунтов, соответственно 1915, 1916 и 1917 гг. выпуска. С нашей стороны все обязательства имеют рукописную подпись посла России в Британии Бенкендорфа. С Британской стороны использованы подписи директоров Baring Brothers: Cecil Baring, John Baring – 2nd Baron Revelstoke, Windham Baring, Gaspard Farrer, Alfred Mildmay, Sydney Ward.

2. Большой формат (165 x 260 мм). Данный тип является наиболее многочисленным. Номинальный ряд был расширен до 1000, 5000, 10 000, 100 000 и 500 000 фунтов стерлингов. С нашей стороны даны рукописные подписи Бенкендорфа, Рутковского, Набокова и Ермолаева. Ермолаев, в свою очередь, подписывал эти обязательства как по поручению посла России в Лондоне (By delegation of the ambassador of Russia in London), так и по поручению временного поверенного в делах в России в Лондоне (By delegation of the charge d'affaires of Russia in London). Следует особо отметить, что Ермолаев подписывал обязательства как при Императорском, так и при Временном правительстве. Таким образом, получается четыре последовательных выпуска Императорского правительства, плюс один выпуск Временного Правительства.

3. Неосуществленный выпуск в форме Treasury Bills (200 x 280 мм). Самый сложный и до сих пор непонятный тип с точки зрения содержания. Известен на сегодня только в бланках. Но формализуется просто. Предполагалось два выпуска, оба номиналами в 2500, 5000 и 10 000 фунтов стерлингов. Первый выпуск имеет подпись Бенкендорфа и относится к Императорскому правительству. Второй подписан Ермолаевым в качестве представителя уже Временного правительства.

Таким образом, мы показали общие подходы по классификации КОГК, номинированных в фунтах стерлингов. Внутри каждого вы-

пуска существуют разновидности и варианты по наличию, равно как и расположению водяного знака. Полная система классификации будет опубликована в ближайшее время.

Автор благодарит А.Д. Пулина за помощь в написании данного материала.

*Е.В. Антонец, д.ф.н., доц.
МГУ им. М.В. Ломоносова*

К вопросу о маргиналиях в каролингских рукописях Юстина

«Эпитама» Юстина представляет собой краткое изложение «*Historiae Philippicae*» римского историка I в. н. э. Помпея Трога. Сочинение Трога не сохранилось, но дошли Прологи ко всем 44 книгам его произведения. Время жизни Юстина обычно относят к концу III – началу IV в. н. э. Его «Эпитама» была одним из самых популярных исторических сочинений в Средние века.

Предметом настоящей заметки являются каролингские рукописи «Эпитомы» и сохранившиеся в них глоссы каролингского времени. Маргиналиям в рукописях Юстина IX в. посвящена глава в книге А.И. Сидорова «Историческая книга во времена Каролингов в контексте книжной культуры франков (VIII–X вв.)» (СПб., 2015). Автор анализирует современные тексту маргиналии двух каролингских рукописей Юстина – Paris. BNF. Lat. 1601 (Флери) и РНБ. Lat. Q. v. IV. 5 (Верона), исходя из предположения, что эти маргиналии возникли в IX в. и принадлежат читателям-эрудитам IX в.

Не умаляя высокой оценки книги А.И. Сидорова, позволим себе усомниться в справедливости данного предположения.

От IX в. сохранилось шесть рукописей Юстина. Из них пять принадлежат к «Трансальпинской» семье (по классификации Ф. Рюля). Это рукописи: Paris. BNF. Lat. 4950 (800–805 г., северо-восточная Франция, сигл в критических изданиях A), Leiden. Voss. Lat. Q. 32 (800–850 г., Флери, сигл в изданиях V), St. Gallen, Stiftsbibliothek. Cod. Sang. 623 (IX в., Санкт-Галлен, сигл H), Giesen. Hs. 79 (последняя треть IX в., сигл G) и Paris. BNF. Lat. 1601 (IX в., Флери, т. н. cod. Ashburnhamensis olim Montepessulanus, сигл Q). Одна рукопись IX в. относится к «Итальянской» семье – Петербургская рукопись РНБ. Lat. Q. v. IV. 5 (IX в., Верона, сигл Y).

Из этих рукописей глоссы, вносившиеся в рукопись одновременно с основным текстом, имеются в A, Q, G, V и Y (оцифрованные версии всех этих рукописей, кроме Y, доступны на сайтах соответствующих библиотек). Санктгалленская рукопись H содержит редакторскую правку IX в., но не имеет глосс IX в. (пометы на полях рукописи относятся к XV–XVI вв.).

Глоссы рукописи Y, представляющей иную ветвь традиции, нежели A, Q, G, V, требуют отдельного изучения. Ниже мы рассмотрим маргиналии четырех древнейших рукописей «Трансальпийской» ветви традиции.

В лучшей рукописи Юстина, кодексе A, встречаются лишь несколько маргиналий (для 1-й книги «Эпитомы» их всего две: на л. 7 об. (I 1, 9) и на л. 8 (I 2, 9)). Глоссы выполнены тем же писцом, который писал основной текст, причем они внесены одновременно с основным текстом: на л. 8 писец специально делает три строки короче, чтобы в промежуток между столбцами вписать глоссу.

В рукописи V содержатся глоссы разного времени. Выделяют шесть почерков, из которых два (V² и V³) современны основному тексту и относятся к IX в. Часть глосс принадлежит писцу основного текста (V¹). Первый глоссатор IX в. (V²) работал светлыми чернилами и помимо маргинальных глосс внес редакторскую правку в весь текст «Эпитомы». Второй глоссатор IX в. (V³) писал темными чернилами, мелким письмом, используя сокращения. В рукописи G часть глосс выполнена писцом основного текста. Основная масса глосс кодекса Q тоже относится к IX в.

Анализ текста глосс показывает следующее. Две рукописи – Q и G содержат наибольшее число глосс IX в. При этом текст значительной части глосс ко всей «Эпитоме» в этих рукописях одинаков. В рукописи V глоссы, написанные писцом основного текста (V¹), всегда дословно совпадают с глоссами рукописей Q и G, а из глосс, написанных первым каролингским редактором (V²), – значительная часть.

В рукописи A две единственные глоссы к 1-й книге «Эпитомы», написанные писцом основного текста, дословно совпадают с глоссами остальных рукописей. В качестве иллюстрации приведем глоссы к началу 1-й книги «Эпитомы»:

Zoroastres primus dicitur artes magicas inuenisse (I 1, 9): A Q V¹ G
Indos semiramis (samiramis G, samiramis V¹) et alexander soli ingressi (I 2, 9): A Q V¹ G

imperium assiriorum (assyriorum G) mille CCC (trecentis G, trecentos V¹) annis fiut (I 2, 13): Q V¹ G

exitus sardanapalli ubi se incendit (I 3, 5): Q G

somnium astiagis (astyagis G) de cyro (cyzoro G) rege nepote (I 4, 2): Q G

Tamiris regina scytarum (scitarum V²) (I 8, 2): Q G V²

Cyrus cum CC milibus persarum ne nuntio quidem superstitute uincitur (I 8, 11): Q G V².

Даже этот небольшой пример показывает, что глоссы всех четырех рукописей имеют общий источник. Им был, вероятно, архе-

тип рукописей «Трансальпинской» семьи, который Ф. Рюль возводил к IV в., полагая, что он содержал интерлинейные глоссы. Как мы видим, архетип имел также и маргинальный комментарий. Почти все каролингские писцы, выполнявшие основной текст, переписали глоссы своего протографа, но с разной степенью полноты. О том, что писцы IX в. механически копировали текст глосс из протографа, а не вписывали его как собственный комментарий говорит, например, передача личных имен. Так, в рукописи Q в основном тексте находим *amiramini*, в глоссе — *semiramis*; в рукописи V в основном тексте *zoastre*, в глоссе — *zoroastres* (V¹). Об этом же свидетельствует расположение текста глосс. Например, в рукописях находим такой словораздел и деление на строки:

indossa / me rames / etalexan / der soli / ingressi: A

Indos sami / ramis eta / lexander / soli ingressi: V¹

indos same ra / mes etalexan / der soli ingressi: G.

Таким образом, не все глоссы каролингских рукописей Юстина относятся к IX в. Ядро глосс составляют *позднеантичные* маргиналии, содержащиеся в архетипе рукописей ветви Т. По-видимому, каролингские писцы копировали античную глоссированную рукопись Юстина, подобную дошедшим до нас античным глоссированным кодексам Теренция (Vat. Lat. 3226) и Вергилия (Verona. Bibl. Capit. XL 38).

При переписывании часть античных глосс пропусклась, часть сохранялась и дополнялась новыми пометами. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в рукописях Горация IX–X вв., содержащих на полях конгломерат античных схолиев и каролингских глосс (Paris. BNF. Lat. 7972; 7974; 7971).

*О.В. Ауров, к.и.н., доц.
ШАГИ ИОН РАНХиГС (Москва)*

Плиний Старший в средневековой Испании: о рукописи MSS/10042 из собрания Национальной библиотеки (Мадрид)

История рецепции античной культуры в Средние века неотделима от истории распространения рукописей произведений античных авторов, в числе которых – и знаменитая «Естественная история» Плиния Старшего (23–79), хорошо известная средневековым интеллектуалам. Христианская Испания не стала исключением из этого правила: еще в VII в. данными плиниевой энциклопедии пользовался Исидор Севильский (ок. 560–636).

Однако дальнейшая «испанская» судьба памятника вызывает существенные вопросы. Дело в том, что на полуострове практически не представлена рукописная традиция, предшествующая XIV в.

(времени изготовления эскориальских рукописей Q-I-4 и R-I-5). Единственное исключение как будто представляет рукопись MSS/10042, ранее принадлежавшая Библиотеке Толедского собора (где она имела шифр “Cajon 47 num. 11”), в 1869 г. переданная в мадридскую Национальную библиотеку. Эта пергаменная рукопись в переплете, обтянутом тисненной кожей и снабженным застежками, содержит большую часть текста «Естественной истории» до конца XXVI-й книги. От последней XXXVII-й книги, посвященной описанию драгоценных камней, сохранилось лишь название (“Incipit liber eiusdem XXXXVII qui est ultimus continens de gemmis et pretiosis lapidibus ...” (f. 230r)). Судя по расположению этой надписи на странице, переписчик и не собирался копировать эту книгу. Текст в две колонки. Начало каждой книги сопровождается роскошными цветными инициалами. В двух случаях в инициалы вписаны миниатюрные изображения. В начале пролога в инициал L (“Libros Naturalis Historiae, novicium Camenis Quiritium tuorum opus...” (etc.)) вписано изображение писателя, читающего свою книгу (помещенную на попир) слушателям (f. 1r). В начале второй книги инициал M (Mundum et hoc – quocumque nomine alio caelum appellare...” (etc.)) вписаны изображения беседующих монаха и мирянина (f. 15v).

Судя по типу письма, кодекс был изготовлен в Италии или на юге Франции. По тому же признаку разные исследователи датируют рукопись XI–XIII вв. (ранняя датировка представляется маловероятной); правда, существуют и более поздние датировки вплоть до XV в. (едва ли оправданные). Тип текста, по мнению авторитетного британского исследователя М.Д. Рива, восходит к парижской рукописи BNF. Lat. 6797, датируемой XII в.

Вопрос о том, когда рукопись попала в Испанию, остается открытым. На последней странице рукой XIV в. написано: “Iste liber est domini E. Archiepiscopi”. Применительно к этому периоду упомянутый выше М.Д. Рив считает возможным атрибутировать владение рукописью одному из двух толедских архиепископов этого времени: Химено (лат. *Eximinus*) Мартинесу де Луна, занимавшему толедскую кафедру в 1328–1338 гг., либо его преемнику знаменитому Хилью (лат. *Egidius*) Альваресу де Альборнос-и-Луна (1338–1350), позднее изгнанному в Авиньон, где он получил кардинальский сан. Учитывая возможное итальянское происхождение рукописи, последнее представляется более вероятным, поскольку Хиль де Альборнос был тесно связан с Италией и являлся основателем Испанского коллегия при Болонском университете, созданного в 1369 г. по его завещанию, составленному в 1364 г.

Означает ли это, что до этого времени «Естественная история» не была известна в Испании (по меньшей мере, в Кастилии и Леоне)? Такое заключение было бы слишком категоричным. Подтверждающие это данные, – прямые и косвенные цитаты из «Естественной истории» в кастильских текстах начиная с XIII в., – будут подробно рассмотрены в докладе.

Рукописи

Мадрид. Biblioteca Nacional de España.
[Plinio Secundo, Cayo] Naturalis Historia. MSS/10042 (olim Toledo 47.11).

El Escorial. Real Biblioteca del Monasterio de San Lorenzo.
C. Plinii Secundi naturalis historiae libri II-XXXVII. RBME Q-I-4.
C. Plinii Secundi naturalis historiae libri II-XXXVII. RBME R-I-5.

Издания источников

Fray Juan Gil de Zamora (O.F.M.). De preconiiis Hispanie / Ed. M. de Castro y Castro. Madrid, 1955.

Lucae Tudensis Chronicon Mundi / Ed. Emma Falque // Lucae Tudensis Opera Omnia. T. 1. Turnhout, 2003 (Corpus Christianorum. Continuatio Medievalis, LXXIV).

Pliny. Natural History / With an English Translation in Ten Volumes. Vol. 2. Cambridge (Mass.); London, 1961. Vol. 3. 1967.

Primera Crónica General de España / Editada por R. Menéndez Pidal con un estudio actualizador de D. Catalán. 2 Vols. Madrid, 1977 (Fuentes cronísticas de la historia de España, I).

Roderici Ximenii de Rada Historia de rebus Hispaniae sive Historia Gothica / Cura et studio J. Fernández Valverde // Corpus christianorum. Continuatio mediaevalis. T. LXXII. Turnholti, 1987.

Литература

Domínguez Bordona J. Manuscritos con pinturas: notas para un inventario de los conservados en colecciones públicas y particulares de España. Vol. 1. Avila; Madrid, 1933.

Doody A. Pliny's Encyclopedia: The Reception of Natural History. Cambridge, 2010.

Pfeiffer R. History of Classical Scholarship from 1300 to 1850. Oxford, 1976.

Reeve M.D. Manuscripts of Pliny's *Natural History* in Spain // Exemplaria Classica. Revista de Filología Clásica. Journal of Classical Philology. 2006. Núm. 10. P. 151–186.

Reeve M.D. The Editing of Pliny's *Natural History* // Revue d'histoire des texts. 2007. T. 2. P. 107–179.

Sandys J.E. A History of Classical Scholarship. Vol. 1: From the Sixth Century B.C. to the End of the Middle Ages / 3rd ed. Cambridge, 1921.

Texts and Transmissions: A Survey of the Latin Classics / Ed. by L.D. Reynolds. Oxford, 1983.

З.Б. Афанасьева, м.н.с.

НБ Украины им. В.И. Вернадского; Институт книговедения

Суперэксlibрис на книгах из библиотеки графа Г. С. Строганова

Статья посвящена исследованию частных книжных собраний и библиотек, находящихся в отделе библиотечных собраний и исторических коллекций (ОБСИК) Института книговедения Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (НБУВ) на примере личной библиотеки графа Григория Сергеевича Строганова.

В процессе обработки книжного фонда ОБСИК выделяются книжные издания, которые ранее принадлежали различным библиотекам или частным коллекциям и не были представлены в НБУВ единым библиотечным комплексом. Среди этого массива литературы за последнее время были обнаружены книги из личной библиотеки графа Григория Сергеевича Строганова, которые являются историческим памятником книжной культуры XX в.

Г.С. Строганов (1829–1910) – выпускник Московского университета, действительный статский советник, почетный член Академии художеств, коллекционер. Занимал высокие государственные посты в военных ведомствах (1850–1872), состоял советником при министре народного образования (1883–1902). Оставив государственную службу, граф Г.С. Строганов выезжает в Италию, приобретает в Риме недвижимость, перестраивает дом на улице виа Систина / виа Грегориана таким образом, чтобы в нем могли разместиться богатейшее собрание произведений искусства и библиотека, насчитывающая более 30 тысяч томов. Дом Г.С. Строганова впоследствии получил название «Palazzo Stroganoff». Семья графа проживала в фамильном имении Немиров, на Украине (Винницкая область), доставшемся его супруге по наследству и расширенном за счет покупки недвижимости у ее родственников.

В фамильном особняке находилось значительное количество произведений искусства и богатая личная библиотека, часть литературы из которой попала в фонды НБУВ в результате известных исторических событий и национализации частной собственности.

Нами были исследованы *de visu* книги из частной библиотеки Г.С. Строганова, выбранные из общего массива книжных фондов

ОБСИК по наличию двух характерных фамильных печатных экслибрисов, наклеенных на внутренней стороне верхней крышки переплета. Отличительной чертой книг из библиотеки графа Г.С. Строганова является их богатое внешнее оформление: издания в твердых кожаных переплетах представлены в широкой цветовой гамме с золотым орнаментным тиснением на корешках. Среди этой части библиотеки особенно выделяются книги, которые имеют суперэкслибрисы – тиснения с элементами флористики. Рассмотрим некоторые из этих изданий.

Diderot D. Le neveu de Rameau (Paris, [1900 ?]). Племянник Рамо – философско-сатирический диалог Дени Дидро (1713–1784).

Sand, George. Lettres à Alfred de Musset et à Sainte-Beuve (Paris, 1897). Письма Жоржа Санда (1804–1876) Альфреду де Мюссе и Сент-Бёву. Мемуары французской писательницы (настоящее имя – Амандина Аврора Люсиль Дюпен, баронесса Дюдеван) отражают ее переписку с Альфредом де Мюссе (1810–1857) – французским поэтом, драматургом и прозаиком, а также с Шарлем Огюстеном де Сент-Бёв (1804–1869) – французским литературоведом и критиком.

Laclos P. Les liaisons dangereuses (Paris, 1903). «Опасные связи» – эпистолярный роман Пьера Амбруаза Франсуа Шодерло де Лакло (1741–1803), ставший одним из первых образцов психологического романа XVIII в.

Levaillant M. Le miroir d'étain (Paris, 1906). «Железное зеркало» – поэтическое произведение Мориса Луи Левеллана (1883–1961), французского поэта, писателя и критика, дипломата, члена Французской академии (1811), биографа творчества Франсуа Рене де Шатобриана (1768–1848).

Margueritte P. La lanterne magique (Paris, 1909). «Волшебный фонарь» – роман Поля Маргаритта (1860–1918), французского писателя и драматурга, члена Академии Гонкуров (1900).

На книгах из библиотеки графа Г.С. Строганова отмечено более пятидесяти различных видов суперэкслибрисов: тиснения золотом, преимущественно орнаментного характера, среди которых выделяются издания, которые имеют суперэкслибрисы с элементами флористики. Проанализировав *de visu* содержание этих книг, можем предположить, что различные виды орнамента могли использоваться владельцем библиотеки для выделения некоторых книг из общей массы литературы по определенной тематике. В частности рассмотренные примеры изданий из библиотеки графа Г.С. Строганова принадлежат к эпистолярно-мемуарному жанру литературы.

Космическая символика с позиций исторической науки

Почему космическая символика, эмблематика должны стать предметом научного изучения? Прежде всего, это часть истории космических исследований, остающихся предметом пристального общественного внимания, это и тема взаимоотношений государства и общества в области науки и техники. Кроме того, в эмблематике, как известно, часто скрываются смыслы, подчас глубинные, подсознательные, говорящие своим языком очень многое. В.В. Похлебкин отмечал, что выявленные дефекты в советской символике и эмблематике, отмечаемые с конца 1970 – начала 1980-х гг., «неуклонно снижали уважение к СССР за рубежом, вели к падению его международного престижа, ибо ясно указывали на некомпетентность государственной власти в вопросах политического и идейного значения геральдики и на неспособность этой власти контролировать деятельность своих органов. Таким образом, еще задолго до развала СССР начались нарушения и вырождение, эклектизм в советской, социалистической геральдике, утрата ею своей идейности и геральдической грамотности» (*Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики*. М., 2001. С. 397).

До сих пор космическая символика интересует, главным образом, историков космических исследований и коллекционеров – филателистов, филокартистов, фалеристов, нумизматов, сигнуманистов (коллекционеров нашивок).

Космические символы появились в виде логотипов космических организаций, стали использоваться на плакатах, значках, монетах, почтовых марках и др. Отдельный комплекс символов и эмблем возник в связи с деятельностью космических учреждений, предприятий и организаций, оборудования, связанного с космосом. Раньше всего космическая тематика появилась на почтовых марках и значках. Первой такой маркой формально считается марка США 1948 г., посвященная ракетному полигону в Техасе, с изображением взлетающей ракеты. В СССР первой можно считать марку 1951 г., посвященную К.Э. Циолковскому, на заднем фоне которой была изображена ракета. С 1957 г. в СССР стали ежегодно выпускать несколько марок, посвященных различным аспектам космических исследований. Наиболее частыми стали очевидные символы – условные ракеты или изображения спутников. В 1959 г. к XXI съезду КПСС была издана серия марок. Одна из них, посвященная космосу, включала характерные элементы социалистической символики – красное знамя с серпом и молотом, Кремль. К ним добавлены но-

вые элементы – условная ракета с красной звездой и реалистические изображения первых трех спутников. Такие «идеологические символы» присутствуют на многих советских марках.

Практически одновременно с почтовыми марками в СССР начался массовый выпуск значков и знаков, посвященных космическим исследованиям, значков с космическими элементами в оформлении. Ими отмечался каждый запуск (см.: Космонавтика на значках – космическая фалеристика // <http://kosmonavtika.nsknet.ru/raznoe/znaki-otlichija/>). На примере значков разного времени, посвященных первому спутнику, можно выделить устойчивые символы, наиболее часто встречающиеся. Это те же красная звезда, серп и молот, реже – красное знамя, надпись «СССР». Новыми устойчивыми символами стало изображение спутника, условное обозначение орбиты, изображение Земли (полное или частичное), с территорией СССР, выделенной красным цветом. Из традиционных символов, восходящих к глубокой древности, можно выделить наиболее часто встречающиеся звезды (пяти- и четырехконечные).

Космическая тематика широко представлена и в ассортименте российских юбилейных и общественных медалей, ведомственных знаков отличия с разнообразной символикой (<https://voenmag.ru/catalog/medali-kosmos>; <https://www.roscosmos.ru/24954/>).

Первой советской монетой с космической тематикой стала монета номиналом 10 коп., выпущенная в ознаменование 50-летия Советской власти. На реверсе монеты изображен монумент покорителям космоса, воздвигнутый в Москве в 1964 г. (*Прокопьев А.* Космические монеты // <https://bankinform.ru/news/singlenews.aspx?newsid=90008>). В СССР монеты с космическими элементами оформления или посвященные космосу выпускались в 1977, 1979, 1980, 1981, 1983 и других годах. В США чеканили монеты с космической символикой реже. По-видимому, первой была однодолларовая монета 1971–1978 гг. выпуска, посвященная президенту Эйзенхауэру, скончавшемуся в 1969 г., и одновременно высадке американцев на Луну. На ее обороте – орел с оливковой ветвью в лапах (напоминающий официальный герб государства), парящий над поверхностью Луны, и спускаемый лунный модуль *Eagle* («Орел»). Как и в советской нумизматике космическая символика использовалась при выпуске монет, посвященных крупным общественно значимым юбилеям. Например, в наборе монет к 200-летию независимости США имеется монета с «колоколом Свободы» на фоне Луны.

Помимо традиционных объектов интереса коллекционеров, заметную известность приобрели различные нашивки, или патчи (англ. *patches*) – эмблемы на одежде космонавтов, персонала космических организаций и предприятий. Своим происхождением

патчи обязаны военной отрасли, прежде всего, официальным нарукавным нашивкам. Многие космонавты были военными летчиками, что несомненно повлияло на историю появления космических патчей. В BBC и BMC США существовала традиция помещать эмблемы на самолетах. С созданием NASA популяризировались его логотипы, помещавшиеся в том числе на одежду астронавтов (*Chambers J.R., Chambers M.A. Emblems of Exploration, Logos of the NACA and NASA. Washington, 2015*). Первый патч конкретной космической миссии был предложен астронавтом Г. Купером в 1965 г. для корабля «Джемини 5», поэтому его считают родоначальником космических эмблем. В США эти нашивки быстро стали традицией (*Розенблюм Л. Звезды на нашивках. Эмблемы американской космонавтики от «Джемини» до «Спейс Шаттла». Израиль, 2017*). Все пилотируемые космические полеты, любые другие проекты и запуски, отдельные научные программы и эксперименты в США (даже секретные) получали свои эмблемы и символическое название. Эмблемы полетов с именами экипажа, персональные нашивки стали неременной принадлежностью одежды, скафандра космонавта и работников космической отрасли. Первоначально изображение придумывают космонавты, потом оно дорабатывается художниками.

С точной хронологией появления космических символов, логотипов и эмблем в СССР на оборудовании и одежде есть определенные сложности. Первым символом на одежде космонавта считают надпись «СССР» на шлеме скафандра Ю.А. Гагарина. Но у последующих пяти космонавтов эта надпись отсутствовала, а фотографии с такой надписью – более поздние, постановочного характера.

Космический патч был размещен на одежде В.В. Терешковой, но это не стало традицией. В 1965 г. на левых рукавах скафандров экипажей «Восхода-2» (Беляев-Леонов, Заикин-Хрунов) появляется эмблема из темно-синего бархата, в виде вытянутого ромба, с ракетой в верхней части, с полусферой Земли, с надписью: «СССР» (*Коряков С. «Знаки различия» на космической «форме одежды» // <https://pandia.ru/text/77/409/77616.php>; Лантратов К. Эмблемы на скафандрах // Новости космонавтики. 2000. № 10. С. 58–60*). Размещение эмблем на одежде советских космонавтов не стало устойчивой традицией, у одних советских космических экипажей такие эмблемы были, у других нет. Логотип и эмблемы разрабатывались только для всех международных экипажей по программе «Интеркосмос» и по программе экспериментального полета «Аполлон» – «Союз». В 1993 г. для тринадцатой основной экспедиции на орбитальной станции «Мир» была разработана и утверждена эмблема экипажа. С этого началась более устойчивая традиция разработки

эмблем для российских экспедиций на «Мир», а впоследствии и на Международную космическую станцию (МКС).

Высказывается мнение, что существующие российские космические эмблемы (нашивки) нужно считать неофициальными, так как они не прошли геральдическую экспертизу и не зарегистрированы в Государственной герольдии при Президенте РФ, а утверждаются Роскосмосом. Но в США только военные нашивки сертифицируются Институтом Герольдии, космические же утверждают в NASA. Общей проблемой для изучения значков и космических нашивок являются вопросы хронологии их выпуска. Даты отсутствуют при публикации их изображений на многочисленных сайтах коллекционеров. Предстоит еще документально уточнить историю появления многих советских и российских космических символов, критически изучить фотографии космонавтов. Коллекционеры редко задумываются над проблемой подлинности космических патчей, непосредственно связанных с конкретным полетом, побывавших в космосе. Многие патчи создавались уже после полета, некоторые из них специально для распространения или продажи в качестве сувениров или объектов коллекционирования. Коллекционеры предлагают свои примеры систематизации предметов, которые необходимо также критически проанализировать.

В имеющейся литературе отсутствуют серьезные сравнительные исследования истории космической символики на разных носителях, разного функционального назначения, которые могут вывести исследователей на более глубокие наблюдения и более широкие обобщения о ее эволюции, значимости в обществе, культуре и идеологии.

*Т.А. Базарова, к.и.н.
заведующая НИА СПбИИ РАН*

«Книга-журнал» петровского офицера Алексея Топорнина из собрания Санкт-Петербургского Института истории РАН

В конце XVIII – начале XIX в. рукописные сборники писем и указов Петра Великого стали предметом собирательского интереса коллекционеров и ученых, поэтому в настоящее время эти рукописи можно обнаружить в фондах и коллекциях различных архивов и библиотек. Наряду с рукописями, которые неоднократно переписывались, сохранились сборники, содержащие подборки документов, связанных с научными или деловыми интересами их владельцев.

В Научно-историческом архиве СПбИИ РАН отложилось несколько десятков таких сборников, которые условно можно разделить на три группы.

1. Копии с печатных писем и указов (встречаются включения и отдельных печатных листов): хронологические (напр.: Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Д. 188 (Высочайшие указы и манифесты за 1719–1740 гг.) или тематические подборки (напр.: Там же. Колл. 11. Оп. 1. Д. 113 (Сборник законов и указов, по которым Берг-коллегия разного свойства дела производит)).

2. Копии писем и указов, хранившихся в личных или государственных собраниях. Например, основу отложившегося в фонде Воронцовых сборника «Письма Петра Великого и А.В. Макарова А.М. Дивьеру» (Ф. 36. Оп. 1. Д. 686) составляют копии документов с 1713 по 1716 гг. (один петровский указ датирован 1719 г.). В те годы будущий первый петербургский генерал-полициймейстер занимался строительством Ревельского порта, а затем нанимал служителей в Копенгагене. Предположительно источником для него послужили материалы Кабинета Петра Великого. Сборник имеет записи о принадлежности библиотеке Воронцовых, собранной несколькими поколениями выдающихся государственных деятелей XVIII–XIX вв.

3. Сборники, включавшие не только рукописные копии печатных указов и манифестов, но и распоряжений, полученных составителем во время его военной или гражданской службы. Сюда можно отнести «Книгу-журнал... Алексея Яковлева сына Топорниина» (Колл. 115. Оп. 1. Д. 180). Согласно офицерской сказке, А.Я. Топорнин служил в Псковском драгунском полку полковым обозным (с 1706 г.), а после Прутского похода был произведен в поручики (Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия: Сб. документов в 2-х томах. Т. 1 / Сост., вст. ст. К.В. Татарникова. М., 2015. № 753).

Заглавие рукописи на первом листе почти полностью затерто. В архивной описи у нее другое название — «Сборник указов и манифестов за 1677–1726 гг.». Наверное, этим и объясняется отсутствие у исследователей интереса к данному источнику.

Водяные знаки свидетельствуют о том, что основная часть рукописи написана на бумаге 1719–1727 гг., а вставной лист датируется 1730–1740 гг. Сборник написан несколькими почерками черными и коричневыми чернилами и содержит копии четырнадцати печатных указов, манифестов и объявлений 1722–1728, 1736 г. Хронологический принцип не соблюдается: после манифеста о смерти Петра Великого (28 января 1725 г.) помещен указ из Сената о беглых (6 апреля 1722 г.), за затем «Объявление ко известию всем о уборах, каковы употреблять при нынешнем случае до указу» (10 февраля 1725 г.) и т. д.

Страницы между указами заполнены подневными записями и заметками А.Я. Топорнина, относящимися к его службе в 1721–1725 гг. (получение и распределение жалования, расход денег и т. п.). Фразы «нынешняго 721 году», «в нынешнем 725 году» позволяют предположить, что это были преимущественно дневниковые записи. Другой скорописью сделана копия распоряжения К.Э. Рёне о произведении А.Я. Топорнина в поручики Псковского полка (4 декабря 1711 г.; на место умершего поручика Петра Шахова). Четким писарским почерком скопирован диплом на чин капитана (30 апреля 1725 г.). Значительное место занимают материалы, связанные с деятельностью А.Я. Топорнина в канцелярии свидетельства душ Азовской губернии 1722–1725 г. (в том числе «образцовые» сказки и образец реестра, которые использовались при проведении ревизии 1722 г.).

По-видимому, рукой Алексея Яковлевича написаны родословные Топорниных и Григорьевых. На страницах рукописи есть сведения об имении его отца – Якова Кирилловича Топорнина – селе Николаевском («Чертановка тож»). В своей офицерской сказке 1721 г. Алексей Яковлевич сообщил, что за ним «поместий и вотчин нигде нет». Но через четыре года, в 1725 г., он купил себе поместье в Пензенском уезде на реке Верховзимке (приложена копия купчей).

На некоторых листах автографы оставила Катерина Топорнина (на л. 3 – ее подпись и дата «1756 г.»). По-видимому, той же рукою составлен и список медной и оловянной посуды. В «реестре что есть книг», помимо церковных, перечислены и светские издания: «Триязычный букварь», Уложение, История Марка Аврелия, «Книга Есопава и притчи, Киевской летописец» и др. По-видимому, уже после смерти Алексея Яковлевича в книге появилась копия благословенной грамоты Иосифа патриарха Московского на строительство теплого храма во имя Спиридона-чудотворца по челобитной Абожена Топорнина (1652 г.).

Основное содержание сборника составляют копии указов, деловые и хозяйственные записи, а также заметки и пробы пера представителей нескольких поколений Топорниных. Помимо этого, скопировано оглавление Корана и «калязинская челобитная» – литературный памятник второй половины XVII в. Данное произведение написано в форме челобитной от имени крылошан Троицкого Калязина монастыря. Она адресована архиепископу Тверскому и Кашинскому Симеону и содержит жалобу на своего архимандрита Гавриила. «Калязинская челобитная» неоднократно привлекала внимание исследователей, которые выявили ее многочисленные

списки. В тексте, помещенном в этом сборнике, имя архиепископа Симеона не упоминается.

Данная рукопись представляет интерес как источник по истории рода Топорниных и их библиотеки, а также повседневности и самосознания русского дворянства первой половины XVIII в.

*А.Г. Баранов, к.и.н.
председатель Союза бонистов*

Систематизация водяных знаков на государственных бумажных деньгах Советской России в 1917–1921 гг.

В бонистических каталогах нет единообразия терминологии в названиях и описаниях водяных знаков. Нам представляется, что найденная в архивах ЭЗГБ – Гознак нумерация бумаг с водяными знаками «от производителя», совмещенная с их официальными описаниями и сведениями из каталогов бумажных денежных знаков, составят стройную систему, удобную для использования.

1) № 206. Бумага белая с водяным знаком, образующим узор из сложного переплетения вытянутых по длине билета крупных эллипсовидных фигур, образованных светлыми дугообразными полосами на темном фоне. Концы полос переплетаются в серединах эллипсов, а в остающихся внутри последних промежутках расположены маленькие светлые площадки. Обозначение в каталогах: Пик – Value; Денисов – № 10 “ковровый рисунок” по всему полю. Применялась для государственных кредитных билетов образца 1917 г. достоинством 250 и 1000 руб.; казначейских знаков «керенок» 20 и 40 руб. и государственных кредитных билетов образца 1918 г. достоинством 5000 и 10 000 руб.

Государственные кредитные билеты образца 1918 г. достоинством в 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500 и 1000 руб. были выпущены в обращение в мае 1919 г. Для изготовления банкнот каждого достоинства применялась бумага со специальным водяным знаком с цифрами номинала. Бумага со специальным водяным знаком от банкнот образца 1918 г. достоинством 1, 3, 5, 10, 25 и 50 руб. применялась только для этого выпуска.

2) «Специальный 100 руб.». Бумага белая, с водяным знаком, состоящим из светлых арабских цифр «100» на темном фоне, расположенных в горизонтальные параллельные ряды и отделенных друг от друга небольшим светлым кружком. Цифры и кружки расположены в параллельных рядах в шахматном порядке.

3) «Специальный 250 руб.». Бумага белая, с водяным знаком, состоящим из светлых арабских цифр «250» на темном фоне, размещенных в диагональные ряды, отделенные друг от друга доволь-

но широкими промежутками. В каждом ряду цифры расположены ступенчато и над каждой цифрой «2» (именно между ней и полем расположенной выше цифры «250») находится по светлому кружку.

4) «Специальный 500 руб.». Бумага белая, с водяным знаком, состоящим из светлых арабских цифр «500» на темном фоне. Цифры эти расположены вертикальными рядами таким образом, что цифры одного ряда находятся против промежутков между цифрами соседнего ряда.

5) «Специальный 1000 руб.». Бумага белая, с водяным знаком, состоящим из светлых арабских цифр «1000» на темном фоне. Цифры эти расположены вертикальными рядами таким образом, что цифры одного ряда находятся против промежутков между цифрами соседнего ряда.

Кроме государственных кредитных билетов образца 1918 г. бумага со специальным водяными знаком «цифры номинала» 100, 250, 500 и 1000 применялась для изготовления расчетных знаков РСФСР соответствующих достоинств образца 1919 и 1921 гг.

6) № 324. Бумага белая. Узорный водяной знак, состоящий из диагонально расположенных белых полос и темных квадратов с просветом в середине. Обозначение в каталогах: Пик – Lozenges; Денисов – № 1 “теневые квадраты” по всему полю; Кардаков и Рябченко – уголки; Малышев – № 27А по всему полю рисунок, составленный из четырехугольников, в которые вписаны треугольники (теневые квадраты). Впервые применена для изготовления государственных кредитных билетов достоинством 1 руб. образца 1898 г. В документах ЭЗГБ – Гознак неофициально называлась бумагой с «рублевым рисунком». В рассматриваемый период применялась для изготовления расчетных знаков РСФСР достоинством 1, 2 и 3 руб. образца 1919 г.

7) № 317 «широкие волны». Пик – Broad waves; Денисов – № 6 “горизонтальные волнистые линии” по всему полю; Кардаков и Рябченко – волны шире; Малышев – № 70А по всему полю волнистые линии.

8) № 318 (пробный) «узкие волны». Пик – Narrow waves; Денисов – № 6 “горизонтальные волнистые линии” по всему полю; Кардаков и Рябченко – волны уже; Малышев – № 71А по всему полю волнистые линии.

Бумага с водяными знаками № 317 и № 318 применялась для изготовления расчетных знаков РСФСР достоинством 5000 и 10 000 руб. образца 1919 г.

9) № 258. Бумага белая с водяным знаком, состоящим из расположенных в параллельные ряды шестилучевых звезд, окаймленных широкой полоской и расположенных в каждых двух смежных ря-

дах в шахматном порядке. Каждая звезда соприкасается последовательно двумя лучами с соседними звездами, как расположенными в том же ряду, так и с выше и ниже лежащими звездами, образуя между собой и этими звездами светлые ромбические промежутки. Обозначение в каталогах: Пик – Stars или Small stars; Денисов – № 5 «светлые 6-лучевые звезды» по всему полю; Кардаков и Рябченко – Толстые звезды (тзв.); Малышев – № 60А по всему полю узор из шестилучевых малых звезд; народное название – звезды Давида. Предназначалась для изготовления расчетных знаков РСФСР образца 1921 г. достоинством 100, 250, 500, 1000, 5000 и 10 000 руб.

В 1920 г. в случае отсутствия на фабриках Гознака бумаги с нужным водяным знаком при изготовлении расчетных знаков РСФСР образца 1919 г. Гознак дал разрешение своим фабрикам использовать бумагу с «унифицированным узором» – водяным знаком № 258. Кроме того, в 1921 г. на 1-й московской фабрике Гознака ряд серий расчетных знаков достоинством 1000 руб. был отпечатан с использованием водяных знаков № 324 и № 285.

10) № 285. Бумага белая. Узорный водяной знак состоит из системы крупных шестилучевых звезд, кажущихся рельефными благодаря перемежающимся в каждой звезде свету, тени и полутени, отделенных друг от друга выступающими по середине каждого луча ребрами. Звезды не отделены друг от друга, но лучи одной звезды являются продолжением другой звезды и входят в образование соседних звезд. Обозначение в каталогах: Пик – Large stars; Денисов – №3 «крупные 6-лучевые звезды» по всему полю; Кардаков и Рябченко – большие теневые звезды (бзв.) (тзв.); Малышев – № 69А по всему полю узор из больших теневых звезд. Применялась для изготовления расчетных знаков РСФСР достоинством 15, 30 и 60 руб. образца 1919 г., затем для расчетных знаков достоинством 50 руб. образца 1920 г. и расчетных знаков образца 1921 г. достоинством 25 000, 50 000 и 100 000 руб.

Кроме бумаги производства ЭЗГБ – Гознак, при изготовлении некоторых бумажных денежных знаков применялась иностранная (немецкая) бумага, на которой в 1917–1920 гг. печатались украинские денежные знаки и дензнаки Вооруженных сил Юга России (ВСЮР). В документах Гознака такая бумага называется то украинской, то деникинской. Некоторые бонисты называют ее «трофейной». В 1921 г. она была использована для изготовления расчетных знаков РСФСР достоинством 3 и 5 руб. образца 1920 г. на Ростовской-на-Дону фабрике Гознака.

11) «Ажурные звезды». Бумага немецкого производства. Stern-Sechseck-Muster WZ. 63. Пик – Stars; Денисов – № 4 «ажурные звезды» по всему полю; Кардаков – светлые тонкие звезды (сзв.); Ряб-

ченко – связанные звезды, ажурные звезды или тонкие звезды; Машлев – № 71А по всему полю узор из звезд из тонких линий и округлых треугольников (ажурные звезды).

12) «Грибы». Бумага немецкого производства. Schippen WZ. 187. Пик – Spades; Денисов – № 7 «грибы» по всему полю; Кардаков и Рябченко – грибы.

*А.В. Баранова, студентка
РГГУ*

Из опыта составления семейной родословной

В настоящее время возрастает интерес к составлению и изучению людьми своей родословной. Существует два направления ведения генеалогии: любительское (составление древа для изучения своей семьи) и историко-научное (использование генеалогии в исторических исследованиях). И в том и в другом направлении исследователи сталкиваются с проблемой нехватки ресурсов с информацией о людях, особенно имеющих недворянское происхождение.

Моя родословная ведется в направлении любительском. Началось все с построения таблицы в Microsoft Word, а личный архив был систематизирован по типам источников: фото- и видеоматериалы, письменные документы. Все материалы взаимодополняют друг друга, поэтому рассматривать их следует в совокупности.

Позже была найдена программа «Древо жизни», которая значительно облегчила задачу составления базы данных. В ее функционал входит: строить персональное родословное древо любого типа (только прямые родственники, прямые родственники с братьями и сестрами, кровные родственники, все родственники) для любой выбранной персоны; вычислять названия степеней родства и отображать их в генеалогическом древе; строить родословное древо с фотографиями; отображать (по желанию) в древе место и даты рождения и свадьбы, место жительства, профессию и другую информацию о персоне; вычислять статистику по поколениям или по всему дереву: количество живых, мужчин/женщин, среднее количество детей, среднюю продолжительность жизни и т. д.; сохранять древо в произвольном масштабе как изображение PNG или SVG (растровый и векторный графические форматы), что удобно для печати и просмотра на экране компьютера; добавлять персоне несколько фотографий, аудио-, видео- и любых других документов. Программа также содержит механизм событий для сложных биографий; позволяет создавать родословные росписи с биографиями – хорошая основа для родословной книги; делает возможным хранение всех вводимых данных только локально, то есть на компьютере

пользователя, не посылая их в Интернет. Данная программа натолкнула нас на оцифровку всех бумажных носителей, а также фото- и видеодокументов из семейного архива. Теперь в каждой карточке персоны имеется информация и документы, касающиеся её.

С недавнего времени многие архивы ведут оцифровку материала, который предоставлен в свободном доступе. Например, благодаря базе данных «Мемориал», мы узнали, где погиб мой прапрадед, и где он похоронен. На форуме ресурса «Всероссийское генеалогическое древо» мы нашли своих родственников, которые тоже составляют свое древо в программе «Древо жизни», что дало возможность совместить наши схемы и расширить поиск родственников. На сайте «Открытые списки» была найдена полноценная карточка о прадеде, репрессированном в 1942 г. и реабилитированном в 1944 г. На сайте Государственного исторического архива Латвии представлена оцифрованная метрическая книга (доступ закрытый), в ней содержится информация о рождении прадеда, его братьях и сестрах, а также родителях. Главным условием использования любого Интернет-ресурса является правильность построения запроса, понимание и интерпретация искомой информации.

Из устного источника известно, что мой предок Платон Чутчев (1780–1840 гг.) – крепостной крестьянин с. Копыл Липецкой губернии. Его сын Афанасий был куплен помещиком Федцовым и привезен в д. Федцовку Рязанской губернии. У него родились дети Федор и Родион Чютчевы. Устные сведения позже подтвердились: выписка из ЗАГСа пос. Александра-Невского свидетельствует о покупке крестьянина Афанасия помещиком и его раннем месте жительства. Федор (род. в 1836 г.) был женат три раза, в третьем браке были дети Павел (1881 г.р.), Ольга (1884 г.р.), Анна (1891 г.р.). Так же имеется примечание: «В ЗАГСе пос. Александра-Невского в книгах регистрации о рождении фамилия Тютчевых пишется так только с рождения детей Павла Федоровича. До того – фамилия эта пишется как Чутчевы».

Мой прапрадед Петр Анисимович работал путевым обходчиком на станции Стенде Виндавской (ныне Рижской) железной дороге, у него было семь человек детей. Семья принадлежала Рижской Гребеншиковской старообрядческой общине. После начала Первой мировой войны семья уходила от немцев и осела в поселке Румянцево под Москвой. Дед Фома Петрович тоже был железнодорожником и к началу Великой Отечественной войны работал заместителем начальника службы пути Восточно-Сибирской железной дороги. В 1942 г. он был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы, но в 1944 г. реабилитирован Военной железнодорожной коллегией Верховного суда СССР. Другой мой прапрадед Василий

как владелец «чайной» в Нахабине был в 1930 г. раскулачен и сослан в Казахстан, откуда вернулся в 1937 г. Его дом еще долго стоял вблизи станции Нахабино. По отцовской линии в Великой Отечественной войне героически проявили себя братья Владимир и Николай Ананьевы, погибшие в конце войны в Германии и Польше.

На данный момент в моей родословной информация о 9 поколениях и 649 родственниках. Обнаружились «белые пятна», которые служат целью новых исследований. На судьбы предков повлияли крепостное право, Первая мировая война, революция 1917 года, раскулачивание, развитие железнодорожного транспорта, Великая Отечественная война и другие события в стране и мире. Современные технологии очень помогают в генеалогических исследованиях, с развитием практики электронной археографии находить информацию становится проще.

*С.И. Баранова, д.и.н., к.иск., проф.
РГГУ*

К вопросу о вкладах мастеров изразцового дела Москвы второй половины XVII века

Можно утверждать, что такая заметная, яркая деталь архитектурного декора как изразцы появилась благодаря развитым вкусам и возможностям заказчиков, и выбор крайне дорогого в XVII в. материала — ценинных (многоцветных) изразцов — осуществлялся ими. За уникальными изразцовыми вставками и керамическими иконами Москвы и Старицы XVI в. видна воля царского двора, за многоцветными декорами второй половины XVII в. — более многочисленный круг заказчиков, отдавших предпочтение изразцу при украшении возводившихся по их заказам сооружений.

Во второй половине столетия вырастает и активность приходского каменного строительства, не уступающая по объемам государственному и монастырскому. Новшества, появлявшиеся в дворцовой архитектуре, ставшей эталоном, переходили в зодчество посада.

Такова история украшения изразцами церквей в Заяузье, где находилась Гончарная слобода — место производства изразцов. Можно было предположить, что с началом широкого производства многоцветных изразцов здесь будут строить храмы с изразцовым убранством. Однако, последовал длительный перерыв, связанный, видимо с громадным количеством заказов, с которыми едва успевали справляться местные мастера. И только на излете «золотого» века московского изразца, к началу XVIII в., в слободе вновь возводят храмы с керамическим декором — на этот раз многоцветным. Из

них до наших дней уцелели церкви Успения в Гончарах и Николы на Болвановке, стоящие неподалеку друг от друга.

Одним из самых нарядных храмов Заяузя с богатым керамическим убранством была церковь Архидиакона Стефана, снесенная в 1932 г. Про каменное здание известно, что оно было построено в 1701 г. Изразцовый декор церкви Архидиакона Стефана создавался с помощью небольшого набора многоцветных изразцов, т. е. путем многократного их использования. Все изразцы изготовлены из красной глины и отличаются великолепным качеством обжига, чистотой тонов полив, блеском глазури. Такое очевидное стремление к уменьшению числа разновидностей было напрямую связано с уменьшением числа дорогостоящих форм. Простоте и однообразию приемов введения изразцов в декоре церкви была неожиданно противопоставлена композиция «Евангелисты» из четырех майоликовых икон, которая прозвучала в скромном храме мощно и торжественно.

Приглашая мастера для такого заказа, заказчики и зодчие не только делали выбор в пользу сложившейся репутации мастера, но и получали в его лице собственную манеру, более или менее устойчивые приемы, которые могли быть им известны и ценимы. В нашем случае это мог быть только хорошо известный мастер.

Не случайно автором рельефов принято считать Степана Иванова Полубеса, мастерской которого принадлежала ведущая роль в изготовлении изразцов для убранства московских храмов второй половины XVII в. Известно, что в 1691 г. архимандрит Солотчинского монастыря Игнатий Шангин пишет письмо стряпчему Тарасу Желябовскому, в котором велит ему купить для монастыря «тридцать херувимов и серафимов самого доброго и чистаго мастерства». Желябовский нашел «таких серафим и херувим только у одного человека дворцовых ценинных дел мастера у Степана Иванова сына Полубеса» (цит. по: *Анциферова Г.М.* Изразцовая композиция «Евангелисты» // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XIII–XIX вв. М, 2002. Вып. 6. С. 119). Вскоре изразцы украсили монастырскую церковь Святого Духа.

Почти одновременно, в 1702 г., изразцовые евангелисты украсили приходской храм Гончарной слободы – церковь Успения. Это произошло в ходе перестройки возведенной в 1654 г. церкви, когда бесстолпный храм, завершенный пятиглавием, получил трапезную на месте разобранного притвора и придел во имя св. Тихона Амафунтского. На восьмигранном барабане главки придела находятся три керамические иконы: Евангелисты Матфей, Марк, Лука. Отсутствует четвертая фигура на северной грани, загороженная четвериком основного храма.

Стилистический, иконографический анализ декора церквей Заязья свидетельствует о почерке государевых мастеров. Изготовление крупных фасадных изразцов представляло особую сложность и требовало не только редкого умения, но и особых условий, которые имели в первую очередь дворцовые мастера. Они были создателями изразцового убранства для храмов, строившихся по повелению царей и их ближайшего окружения, а также для крупных монастырей и казенных гражданских построек.

С подобным изразцовым оформлением не мог соперничать убор приходских церквей, за исключением храмов в Гончарной слободе, где прихожанами и вкладчиками могли быть сами мастера. Возможно, заботы о строительстве храма и его украшении в слободе брали на себя видные прихожане, для которых особый вид ктитинства – пожертвование изразцов на церковь – был формой обозначения своего статуса и проявления «цехового патриотизма». В пути, по которому шли заказчики, строители, мастера как жители и прихожане, сказывалось и желание особо выделить «свой» храм среди других.

Этот яркий архитектурный образ в полной мере демонстрирует нам полнокровность культуры московского посада. За полвека изразечники Москвы прошли путь, превративший их в истинных художников. Вставшие в полный рост на стенах храмов фигуры Евангелистов завершили традицию развития московского наружного архитектурного декора, резко оборванную преобразованиями Петра.

Во второй половине XVII в. очевидный интерес государственной власти к новым декоративным возможностям, которые давало использование ценных изразцов, определил их широкое применение в зданиях, имевших важное идеологическое, политикорепрезентативное и градостроительное значение. Государственная, элитарная составляющая в таком декоре определила ограниченное расширение круга заказчиков фасадных изразцовых декораций, в который входили представители верхушки русского общества. За ними следовали уже и жители слобод: объединяя средства и возможности, они стремились украсить свой храм не хуже, чем царственные заказчики.

*В.А. Бароне, к.и.н., доц.
РГГУ*

Антианглийские пропагандистские сочинения и книжная культура во Франции в первой половине XV века

В 1337–1453 гг. в Европе разразилась Столетняя война – крупнейший военно-политический конфликт эпохи Средневековья, главными участницами которого были Англия и Франция с союз-

никами в лице ведущих западноевропейских государств и политических сил того времени.

Особенно тяжелой для Франции эта война стала в начале XV в. При душевнобольном Карле VI в стране началась гражданская война – представители ведущих герцогских домов боролись за власть. В октябре 1415 г. англичане одержали победу в битве при Азенкуре, где погиб цвет французского дворянства. В ходе английского вторжения на континент 1417 г. была оккупирована Нормандия – в провинции были размещены английские гарнизоны и установлена автономная от остальной Франции администрация. В 1420 г. был подписан договор в Труа, который ознаменовал создание двуединой англо-французской монархии под эгидой династии Ланкастеров. Сын Карла VI, дофин Карл был лишен династических прав, он бежал из Парижа в земли к югу от Луары, где учредил собственное правительство с центром в Бурже. Таким образом, Франция в рассматриваемую эпоху оказалась разделенной на несколько фактически независимых политических образований: английскую, бургундскую и буржскую части королевства.

Указанные обстоятельства в сочетании с некоторыми другими аспектами привели к появлению во Франции нового вида литературы – антианглийских пропагандистских трактатов и памфлетов, относящихся к разряду «военной пропаганды». Совокупность данного типа произведений имеет свои особенности. Созданные в условиях и по поводу франко-английского противостояния, эти произведения отличаются заметным полемическим характером и яркой антианглийской направленностью. Общей их целью является демонстрация незаконности английских претензий на корону и территории Франции, а также утверждение представления о «правильности» и «справедливости» действий французского народа. Для этого авторами используются доводы различного характера: они ссылаются на нормы канонического, римского, феодального и обычного права, прибегают к исторической и юридической аргументации, развивают тему «отвратительного характера» англичан.

В силу самого жанра пропаганды исследуемая литература была призвана формировать общественное мнение. Для достижения максимального эффекта в этом направлении ее создатели должны были оперировать идеями и представлениями, которые хорошо знакомы, понятны и близки их потенциальной аудитории. Поэтому специфичность пропаганды заключается в том, что она является одновременно и отражением состояния национального самосознания, и фактором его дальнейшего распространения и развития. Отмеченные критерии выводят нас на проблему степени реального распространения этих сочинений и, как следствие, содержащихся в них идей, а

также о мере успеха этих идей, как в социальном, так и в географическом масштабах. Вопрос о составе читателей такого рода произведений, в свою очередь, сопряжен с более широкой проблемой: кем была представлена читающая публика этого времени в принципе.

Значительное количество сохранившихся копий того или иного памятника, которые датируются более поздним периодом нежели время создания оригинала (в частности, большинство манускриптов с антианглийскими полемическими трактатами относится ко второй половине XV в.), позволяет высказать предположение об их весьма устойчивой популярности и довольно широком распространении. Рукописи некоторых памфлетов могли содержаться в работах других авторов, благодаря чему они получали дополнительную известность. Наконец, численность аудитории пропаганды, по мнению специалистов, не может исчерпываться лишь читающей публикой. Историки указывают на живую для XIV–XV вв. традицию публичного чтения вслух, еще не вытесненную пристрастием к чтению индивидуальному, «про себя», что также может рассматриваться в качестве одного из путей, по которому происходило распространение пропагандистских идей в это время.

О читателях французских полемических сочинений первой половины XV в. можно судить по состоянию и степени качества сохранившихся манускриптов: от роскошных, выполненных на пергамене с большим количеством миниатюр, до весьма скромных, недорогих, без украшений и написанных на бумаге. Таким образом, их социальный состав подразумевал как знатных особ, так и людей невысокого статуса. В отдельных случаях исследователям удается с точностью установить личность владельцев рукописей. Часто указание на аудиторию, до которой хотели «достучаться» полемисты, содержится и в самих сочинениях: главным адресатом Жана де Монтрейя было рыцарство; свой «Обвинительный диалог» Ален Шартье адресует «высочайшему и превосходнейшему величию принцев, высокочтимому великолепию дворян, благоразумию клириков и доброму мастерству французского народа»; обращение к «трем сословиям – людям Церкви, дворянам и прочим его обитателям» встречается в трактатах дез Юрсена; создатель «Ответа доброго и истинного француза» посвящает свое произведение «всем истинным французам королевства», и т. д. Косвенным свидетельством нацеленности пропагандистов на широкую, в том числе международную, аудиторию может служить использование в их трактатах латыни – желание охватить не только представителей французской «образованной элиты», выходцев из клерикальной и университетской среды, но также «врагов и противников» англичан. Выражением их стремления воздействовать на умы можно считать

стиль и форму исследуемых произведений, использование символических образов, достаточно стереотипных, понятных и близких коллективному сознанию.

Полемическая традиция, культивируемая в трактатах и памфлетах первой половины XV в., сохраняется спустя десятилетия после окончания англо-французского конфликта, во многом продолжая определять развитие французской пропагандистской мысли.

*Н.В. Башнин, к.и.н., н.с.
СПбИИ РАН*

Об участии Вологодского архиерейского дома в кумпанствах Петра I

Вологодской епархией в 1684–1707 гг. управлял архиепископ Вологодский и Белозерский Гавриил (Кичигин). Как и прочие землевладельцы, он вместе с монастырями своей епархии создал кумпанство. Сохранилась роспись от 6 марта 1697 г. участников этого предприятия, в ней перечислены ответственные лица и количество дворов, которые были в собственности у архиерейской кафедры и обителей: «205 году марта в 6 день карабельного дела кумпанщики. Преосвященного Гавриила архиепископа Вологодского и Белоозерского Матфей Яковлев сын Волков с тысячи з двусот тринадцати дворов; Кирилова монастыря Василей Марков сын Булычов с пяти тысяч з двусот пятидесят дворов; Прилуцкого монастыря Яков Алферьев сын Старелов со шестисот с шеснатцати дворов; Корнильева монастыря Гаврило Павлов сын Беляницын с семисот с тритцати одного двора; да Матфей же Волков за Инокентьев монастырь со ста девятнатцати дворов, за Нуромской монастырь со ста четырех дворов» (Старая Вологда. XII – начало XX вв. Сборник документов и материалов. Вологда, 2004. С. 57). Таким образом, от Вологодской епархии образовалось кумпанство, включающее в себя собственников 8033 крестьянских дворов. В это объединение вошли только пять обителей, тогда как всего их по росписи 1699 г. было 24 степенных и нестепенных монастыря (Архив СПбИИ РАН. Колл. 117. Оп. 1. Ед. хр. 2114. Сст. 2).

Для строительства корабля и его оснащения кумпанство вологодского архиепископа Гавриила заключило договор с голландским купцом Францом Тиммерманом. Согласно порядной записи от 16 апреля 1697 г. на «новопостроенный борколон» Ф. Тиммерман обязался поставить 400 ручных гранат, 200 мушкетов, 60 «пар пистолей», 1700 аршинов парусного полотна «доброго», 1900 аршинов парусного полотна «ниже той руки», 10 стоп бумаги на картузы,

120 аршин ткани на знамена, 8 «кумпасов», 10 песочных часов, 5 якорей и других материалов для оснастки. Отдельно зафиксирована роспись веревкам, блокам и «векшам» (вид блока подъемного устройства). В документе оговорена толщина и длина веревок, их обработка – смоленные / несмоленные. Все эти припасы надлежало привести «из-за моря в предбудущей 206-й год на Москве по зимнему пути». Таким образом зимой 1697/1698 г. товар должен был поступить. За эти «припасы» у представителей кумпанства вологодского архиепископа Гавриила Ф. Тиммерман получил 2800 руб. (Старая Вологда... С. 57–58).

Кто строил первый корабль вологодского кумпанства неизвестно, а вот возведением второго барколана «со всеми воинскими припасы» занимался «иноземец Елизар Елизарьев сын Избрант». Согласно грамоте архиепископа Вологодского и Белозерского Гавриила из Москвы в Вологду казначею Авраамию и дьяку Ивану Шестакову от 4 апреля 1698 г. этому иностранцу надлежало «поряде» дать «с нашего вологодского компанства две тысячи сто рублей» (Старая Вологда... С. 58–59). Покупкой пушек и ядер на борколон вологодского кумпанства занимался член гостинной сотни купец Зиновий Суровцев. Покупал он их у «иноземца Болдвина Томасова», доставляли из Архангельска к Москве и потом в Воронеж. Согласно росписи от 2 марта 1699 г. в Воронеже рядом с Успенским монастырем было «положено» 14 пушек. Еще 18 пушек уже находились у места постройки корабля, на который, вероятно, и надлежало установить 32 пушки. Покупка 14 пушек «с провозом» от Архангельска до Воронежа «стала» в 415 руб. 29 алтын (Старая Вологда... С. 59).

Таким образом, строительство и оснащение 2 кораблей за 2 года обошлись Вологодскому архиерейскому дому св. Софии и пяти монастырям в значительную сумму – 5315 руб. 29 алтын.

В 1698 г. Вологодский архиерейский дом св. Софии и северные монастыри начали строить второй корабль «по складству двумя компанствъ». Уже 8 марта 1698 г. архиепископ Гавриил писал из Москвы в Вологду о сборе денег в епархии «отнюдь без всякого отложения» ввиду предстоящих расходов на корабельное дело (Архив СПбИИ РАН. Колл. 117. Оп. 1. Ед. хр. 2090). С кумпанством вологодского архиепископа Гавриила объединился епископ Тамбовский и Козловский Игнатий. Об этом становится известно из указа архиепископа Вологодского и Белозерского Гавриила от 31 мая 1698 г., посланного в Вологду к приказному В.И. Борисову и дьяку Петру Ташлыкову (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Ед. хр. 10813. Сст. 1). Согласно этому документу следовало не только собрать деньги на новый корабль, но «в первый карабль донять по дватцати

по семи алтын з двора». В должниках оказалось население вотчины Спасо-Каменного монастыря. Для строительства второго «нынешнего» корабля предписывалось собрать по 20 алтын с двора в вотчинах Спасо-Каменного, Дионисиево-Глушицкого, Николо-Озерского, Ферапонтова, Кирилло-Новоезерского монастырей. Стряпчих этих обитателей вместе с собранными деньгами надлежало «выслать к Москве за поруками не замотчав без всякого задержания, чтоб тому денежному збору и карабельному делу явного ослушания не было и то дело каким бы их нерадением не остановилось». Домовым архиерейским детям боярским надлежало поехать в вотчины упомянутых монастырей и следить за сбором денег, при этом архиепископ Гавриил ставил жесткое условие для своих служащих: «А не доправя тех денег ис тех монастырей и из вотчин выезжать не велеть» (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Ед. хр. 10813. Ст. 1–2).

О скорости исполнения указа архиепископа Гавриила можно судить по следующим датам. Грамота архиерея была написана 31 мая 1698 г. и прибыла в Вологду 5 июня 1698 г. Уже 9 июня 1698 г. приказной В.И. Борисов и дьяк Петр Ташлыков отослали ответное письмо архиепископу Гавриилу в котором сообщали, что разослали детей боярских по всем монастырским вотчинам с указанием сбора денег на «карабельное строение» (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Ед. хр. 10813. Ст. 7).

Наконец, 14 июня 1698 г. приказной В.И. Борисов и дьяк Петр Ташлыков отписали архиепископу Гавриилу о том, что собраны деньги «в карабельное строение, которой строитца ныне по складству двема кумпанствы, с вотчины Глушицкого монастыря со ста штидесят четырех дворов, по дватцати алтын з двора, девяносто восемь рублей тринацать алтын две денги; Николы Озерскаго монастыря же с трехсот дву дворов сто восемьдесят один рубль шесть алтын четыре денги» (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Ед. хр. 10813. Ст. 11). Полученные деньги были отданы на Вологде иноземцу Владимиру Иевлеву, а он от себя написал «грамотку» в Москву к иноземцу Матвею Лаврентьеву сыну Попу о том, чтобы тот отдал такую же сумму стряпчему Вологодского архиерейского дома св. Софии Ивану Сечихину. Тем самым отпадала необходимость везти крупную денежную сумму в столицу.

**К вопросу об атрибуции и датировке бумаги
одной «сказки» зимы 7172 (1663/1664) года**

Известно, что побудительным мотивом к подаче служилыми людьми «сказок» являлся соответствующий царский указ (см., например, начало «сказки» дворянина московского С.М. Вельяминова: «172-го генваря в 3 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца сказал Степан Михайлов сын Вельяминов» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 360. Столп. 2. Л. 728)). На основании такого указа в декабре – январе 7172 (1663/1664) г. служилые люди думных, дворцовых и московских чинов подали «сказки» о готовности к полковой службе, а именно: о собственной боеготовности, о количестве «людей з боем», о количестве принадлежащих им крестьянских и бобыльских дворов либо отсутствию у них поместий и вотчин («сказки» хранятся в РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ, Оп. 9. Столбцы Московского стола, Ед. хр. 360. Столп. 2. Сказки служилых людей о поместьях и вотчинах и вооружении, в каком они явятся на службу. 756 л.).

В этом документальном комплексе обращает на себя внимание единственная «полуанонимная» «сказка»: «[На т]воеи государеве цареве и великого князя Алексея Михайло[в]ича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца службе буду я, холоп твой Ивашка, на коне, две лошади просты, людей пять человек. А в поместье за мною, холопом твоим, крестьянских девяносто дворов. А что было за мною, холопом твоим, вотчишек, и те отдал детям своим» (Там же. Л. 661). Для установления личности этого «Ивашки» следует обратить внимание на два обстоятельства: 1. На обороте «сказки» в левом верхнем углу подъячим проставлено буквенной цифирью число «28»; 2. Вотчины «Ивашка» отдал сыновьям. Номер «27» проставлен на обороте «сказки» казначея А.С. Нарбекова, а номер «29» – на обороте «сказки» думного дворянина П.К. Елизарова. Как установлено, нумерация «сказок» произведена в соответствии с порядком перечисления их подателей в «подлинном» боярском списке. Значит, «Ивашка» – это думный дворянин, записанный в боярский список между А.С. Нарбековым и П.К. Елизаровым, и это либо И.П. Матюшкин, либо И.Ф. Еропкин. «Сказка» сына И.П. Матюшкина, стольника П.И. Матюшкина, разрешает вопрос о личности «Ивашки». В этой «сказке», в частности, говорится: «А поместья за мною, холопом твоим, нет ни единые четверти.

А в вотчинках сто десеть дворов» (Там же. Л. 642). Становится понятным, почему на «сказке» «Ивашки» подьячий не приписал фамилию, что всегда делалось на «полуанонимных» «сказках» (см., например, там же, Л. 609): И.П. Матюшкин был хорошо известен служащим Разрядного приказа, поскольку длительное время, с 27 ноября 1634 г. до июня 1662 г., служил вторым судьей в Приказе Большой казны.

«Сказка» И.П. Матюшкина интересна ещё и тем, что написана на бумаге с разновидностью филиграни «Две башни», совершенно не характерной для середины XVII в., в том числе для первой половины 1660-х гг. Для этого времени типичны разновидности с четырёхзубцовыми башнями (см., например, водяные знаки на бумаге «сказок» лета 7161 (1653) г. – РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 234. Л. 24, 452), в то время как «сказка» И.П. Матюшкина написана на бумаге с трёхзубцовыми башнями. Фрагмент филиграни «Две башни» на листе «сказки» И.П. Матюшкина по обрезу близок варианту филиграни «Две башни» в каталоге Н.П. Лихачёва (*Лихачёв Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. III. Альбом снимков. № 4180 [1585 г.]*); подобен варианту филиграни «Две башни» в каталоге Э. Лауцявичюса (*Лауцявичюс Э. Бумага в Литве в XV–XVIII вв. Атлас. Вильнюс, 1967. № 716 [1590 г.]*).

Таким образом, временной разрыв между «сказкой» И.П. Матюшкина и сходными с вариантом её бумаги датированными вариантами филиграни «Две башни» превышает 70 лет, что противоречит известным положениям о залежности бумаги. Тем не менее, представляется, что думный дворянин И.П. Матюшкин имел возможность при написании «сказки» воспользоваться листом бумаги конца XVI в., хранившимся в Большой казне, где он служил около трёх десятилетий («сказка» его сына П.И. Матюшкина написана на бумаге с вариантом филиграни «Голова шута» первой половины 1660-х гг.).

*М.В. Бибилов, д.и.н., г.н.с.
ИБИ РАН*

Еще одна афонская находка

Афонский монах, богослов, литургист и историограф Афона, Иаков Неаскитиот (1790-е гг.–1869), называемый также иногда Иаковом Ватопедским, Иаковом Святогорцем и др., не известен большинству справочников и энциклопедий, единичны упоминания и отсылки о нем и в афоноведческой научной литературе. Его имя в рукописях пишется по-разному – Иаков Святогорец, Афонский, Ватопедит, Неаскитиот и др., вводя в соблазн видеть в указанных авто-

рах разные персоналии. Анализ текста Жития Антония Печерского, включенного Иаковом в его главный труд жизни «Афониаду», привел к выводу о специальном внимании греческого афонского книжника к русской, и шире – к славянской проблематике. Материалы по истории Русской, а также Сербской, Болгарской др. иноземным Церквям (молдо-валашской, «иллирийской») занимают всё большее место в структуре «Афониады», если проследить эволюцию ее текстов от первоначального списка, датированного 1848 г., до последнего, законченного в 1865 г., за несколько лет до смерти.

В непосредственной связи с указанным трудом Иакова находится еще один кодекс, хранящийся на Афоне в рукописном собрании библиотеки Русского монастыря св. Пантелеимона и обнаруженный в ходе работы осенью 2018 г. Это – Codex Athos Panteleemon. gr. 283, который, исходя из его содержания, можно назвать «Славянским сборником», ибо в книге содержатся не известные доселе греческие переводы древнерусских литургических и агиографических памятников и другие материалы по русской, сербской, болгарской истории Афона. Кодекс (330 x 210 мм) содержит 148 листов (начальный вне счета, а также л. 22 об.–24 об., 72 об.–75 об.; в конце л. 141/145 и 147 об.–148 об. – чистые). Как следует из колофона, кодекс переписан «рукой Иакова Святогорца пресвитера», т. е. известным Иаковом Неаскитиотом. В работе над рукописью принимал участие и другой копиист (л. 73–81, 117–121).

«Славянский сборник» содержит греческие тексты «Последования св. Покрову», «Последование прп. Антонию Россу» (т. е. Антонию Печерскому), его «Житие», «Служба Феодосию игумену Печерскому, т. е. Пещеры» и др. На л. 15 начинается текст Службы в честь Антония Печерского: «10 (числа) июля месяца Последование с пением блаженного отца нашего Антония Росса». А на л. 19 об.–22 следуют стихи песнопений «Того же месяца, 10 (числа) – Память блаженного отца нашего Антония, который возвел в Киеве российском пещерный монастырь, названный Персечуи, и ученика его преподобного Феодосия ...». На л. 23–35 помещено Житие Антония Печерского: «Житие и божественные деяния преподобного отца нашего Антония Росса и святогорца». В завершение текста Иаков свидетельствует (л. 35): «Переведено и передано на языке со славянского русского «Иллирийского» наречия на нашу обыденную греческую речь – мной, грешным и несчастным монахом Иаковом Святогорцем для пользы читающим братьям. Когда и храм во имя его (т. е. Антония) был воздвигнут на горе, названной Самарийской, вне святой обители Эсфигмена. В год Спасителя 1848 в месяце июле, о каковом помолитесь, читающие». На л. 35 об.–40 об. помещено Житие Феодосия Печерского. Раздел открывает

черно-красный орнамент с надписанием киноварью «Преподобного Феодосия». И далее – текст леммы: «Житие вкратце преподобного отца нашего Феодосия – ученика преподобного Антония, игумена Обители Пресческвуи, т. е. Пещерной». Л. 41–47 занимает Повествование об Успенском соборе (в Киево-Печерской Лавре). Черно-красный орнамент предвещает развернутую лемму сочинения: «Повествование о возведении чудесного Храма Успения Богородицы. И необыкновенная история, каким образом он возник в начале. Как Макарий – Симон, ставший затем епископом Владимира и Сусдаря (так! – М.Б.), написал. И как он взял от образа распятого чудный серебряный венец и золотой пояс. И какого размера в соответствие с этим был воздвигнут тот священный Храм».

Новый раздел сборника открывается на л. 47 об. после многоцветного (зелено-желто-черно-красного) орнамента новым агиографическим текстом: «Месяца ноября, 23 (числа) – Последование св. Митрофана». На л. 48–[53] после трехцветного орнамента (черно-желто-красного) переписаны стихи службы в честь прп. Митрофана Воронежского. Наконец, на л. [53]–69 об. помещено «Житие во святых отца нашего Митрофана названного в ангельском чине Макарием I – епископом Воронежа, чудотворца; переведено с русского наречь на наше». Следующий раздел на л. 69 об.–72 посвящен (за черно-красным орнаментом) Энкомию апостолу Андрею Первозванному. На л. 73–81 об. рукой второго писца помещена «Заметка о подвижничавших на св. Горе Афон при богоненавистниках=папистах преподобных богоносных отцов наших». В лемме же указано: «Переведено со славянского», что важно для «Славянского сборника». Таков состав афонского «Славянского сборника» Иакова Неаскииота.

А.В. Богатырёв, к.и.н., доц.

АНО ВО «Поволжский православный институт» (Тольятти)

Знак “I H S” из русской рукописи XVII века

Среди примеров переводной литературы XVII столетия наряду с прочими указывают «Глас отчизны» (Николаев С.И. Русско-польские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008. С. 206) – сочинение с критикой польского короля Яна III Собеского. Русское «переложение» данного произведения 1674 г., с которым мы ознакомились через Российский государственный архив древних актов (Коллекция документов резидентуры В.М. Тяпкина в Речи Посполитой), завершает перерисованная, очевидно, с оригинала эмблема, состоящая из трех латинских букв: “I H S”. Их появление можно расценить как намерение

повторить экслибрис библиотеки (подобные встречаются: *Warren J.B.L. A Guide to the Study of Book-Plates*. Manchester, 1900. P. 203, 211, 213), откуда, вероятно, был позаимствован использованный для перевода экземпляр. Тем не менее, расположение эмблемы побуждает видеть в ней часть колофона, завершающего текст источника. В дополнение ко всему литеру “Н” венчает крест, сам рисунок подписан «знак езуитский», а «езуиты» помечены как «Исусово товариство (общество. – А.Б.)» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 164. Л. 76 об.).

Знак Ордена иезуитов (Общества Иисуса) действительно имеет похожее начертание, которое истолковывают как монограмму Христа (“*Iesus Homo Salvator*”), покровителя духовной организации (*Biasiotto P.R. History of the Development of Devotion to the Hole Name*. New York, 1943. P. 9; *Nelson E. Religion Royale in the Sacred Landscape of Paris: The Jesuit Church of Saint Louis and the Resacralization of Kingship in Early Bourbon France (1590–1650)* // *Layered Landscapes: Early Modern Religious Space Across Faiths and Cultures*. London; New York, 2017. P. 176). Обнаружение подобного в русском манускрипте XVII в., пусть и в варианте перевода, представляется интересным. Если говорить об указанном столетии, сочетание “I H S” пока привлекло внимание как пример украинской печати или в границах немецкой «книжной» культуры (*Шустова Ю.Э. Герб Иисуса Христа в украинских печатных изданиях XVII в.* // *Гербовед*. 2004. № 4. С. 78–84; *Она же. Символика сердца в орнаментике украинских изданий XVII–XVIII вв.* // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании*. М., 2016. С. 70). Изображения символов, отсылающих к западным монашеским объединениям, в русской рукописной традиции того времени редки: сразу вспоминается лишь филигрань “I H S” на подлиннике «слова» Лазаря Барановича 1676 г. (Описание Рукописного отдела БАН СССР. Л., 1980. Т. 4. Вып. 2. С. 11), созданного, правда, «южнорусским» ученым мужем.

Появившись в переводе «Гласа», знак дополняет представления о восприятии иезуитов в России Алексея Михайловича. Хотя члены Ордена, что не секрет, посещали русские земли и во времена Ивана IV (в 1581–1582 гг. в связи с русско-польскими переговорами), оказывались в «Московии» в XVII столетии, содержались в качестве пленных (как отец А. Кавечинский, 1655 г.) (*Инглот М. Общество Иисуса в Российской империи (1772–1820 гг.) и его роль в повсеместном восстановлении Ордена во всем мире*. М., 2004. С. 7, 8), сведения о познаниях образованной прослойки российского общества в области орденской эмблематики довольно скудны.

Вместе с тем рисунок из «Гласа» имеет явное отличие от обозначения Общества Иисуса: под “Н” располагается нечто, напоминающее цветочный бутон на стебле или древнерусскую букву «Фертъ». Предположим, здесь была предпринята попытка воспроизвести сердце и гвозди, орудие Христовых мук, часто помещаемые в указанном месте (*Smith J.Ch. Sensuous Worship. Jesuits and the Art of the Early Catholic Reformation in Germany. Princeton; Oxford, 2002. P. 3*). В то же время, если исходить из содержания «Гласа», написанного в связи с выборами польского короля 1674 г. (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 164. Л. 71, 72, 73), вывод несколько меняется. Нельзя исключать, что за литеру «Фертъ» был принят символ, связанный с греческим «избирать» («избираем», «избирателен») (*Савельева Л.В. Славянская азбука: Дешифровка и интерпретация первого славянского поэтического текста // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. Петрозаводск, 1994. С. 19, 20*).

Отнесение знака “I H S” к Ордену иезуитов ставит новые вопросы, прежде всего, о роли конгрегации в элекции 1674 г. Эмблема оказалась в «листке» с критикой Яна III, воспитанника иезуитов (*Załęski S. Jezuiści w Polsce. Kraków, 1905. T. 4. Cz. 3. S. 1337*), немало сделавшего для Виленской Академии (*Baliński M. Dawna Akademia Wileńska. Petersburg, 1862. S. 160*), центра иезуитской мудрости. Собеского причисляют к единомышленникам Людовика XIV, благоволившего Обществу (*Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С. 100, 186, 258*). Но в стане оппонентов монарха находился большой друг иезуитов – краковский епископ Анджей Тшебицкий (*Wójcik Z. Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji, 1674–1679. Wrocław, 1976. S. 59; Przyboś A., Rożek M. Biskup krakowski Andrzej Trzebiński. Warszawa; Kraków, 1989. S. 151*), потом перешедший к открытой конфронтации.

Отсутствие единой трактовки “I H S” не позволяет нам свести все исключительно к иезуитскому ордену. Со страниц «Гласа» «Отчизна-матка» (недовольные Яном III политические силы) обращается к своим «сынам», обвиняя в несчастьях Речи Посполитой якобы вероломного и несправедливого «погубителя» Собеского, который выставляется в мрачном, невыгодном свете. Читателя подводят к мысли о необходимости обороны своих прав, борьбы с «мучителем» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 164. Л. 70 об., 72, 74, 74 об., 75 об., 76). Контекст заставляет видеть в “I H S” не христограмму, а сокращение знаменитого “In Hoc Signo (Vinces)”, «Сим победиши!» (*Portae Gloriarum, quas Iosepho, ac Leopoldo Austriaco recens nato affectu debito posuit Societas Iesu. Olomucii, 1682. P. 3; Bretzke J.T. Consecrated Phrases: A Latin Theological Dictionary. Collegeville Minnesota,*

2003. Р. 63), по легенде явившегося предзнаменованием грядущих побед Константина Великого.

*О.Б. Бокарева, и.о. с.н.с.
Архив РАН*

**Столбцы Посольского приказа по русско-персидским
отношениям первой половины XVII в.: проблемы описания
дипломатических и делопроизводственных документов**

По русско-персидским отношениям первой половины XVII в. в РГАДА сохранились семь «персидских» «книг посольских дел» (Ф. 77. Оп. 1. Реестр I. Книги. Л. 4–7 об. Д. 6–12. 1618–1650 гг.), 41 грамота (Там же. Оп. 2. Л. 2–21. Д. 1–41. 1603–1650 гг.), проект международного договора (Там же. Оп. 3. Л. 2 об. Д. 5. 1600 г.), дипломатическая и делопроизводственная документация в 160 столбцах (Там же. Оп. 1. Реестр II. Столбцы. Л. 46–88 об., [143–143 об.]. 1600–1650 гг.).

В разрезанных столбцах находятся дела – особые комплексы документов, появившихся в ходе подготовки и проведения посольств (русских в Персию, иранских в Россию). Столбцы содержат документы, вошедшие в состав посольских книг полностью или частично, либо не вошедших. Дела состоят из дипломатической (копии и переводы русско-персидских грамот) и делопроизводственной документации (статейные списки послов, посланников и гонцов двух государств; царские указы руководителям дипломатических миссий и русским приставам, сопровождавшим кызылбашских послов и купчин; челобитные; отписки русских воевод о продвижении посольств; росписи подарков персидских шахов и ханов русским государям; выписки из дел о приездах и отпусках иранских послов и о «даче» им «корма»). Документация в столбцах и «в розни» (неполные, ветхие дела) хранилась в Посольском приказе в качестве рабочего материала для последующего использования в делопроизводстве.

Систематизация «персидских» дел в архиве Посольского приказа по книгам, грамотам, столбцам и розни отражена в опубликованных «Описях Царского архива и архива Посольского приказа 1614 г.», «Описи архива Посольского приказа 1626 г.», «Описи архива Посольского приказа 1673 г.», в неизданной описи архива Посольского приказа 1632 г., а также в реестрах, составленных служащими МАКИД в 1770-х – начале 1800-х гг.

Согласно пометам «Реестра II Персидскаго двора старых лет делам, в столпцах содержащимся, с 1588-го по 1700 год», составленного А.Ф. Малиновским, дела в столбцах и россыпи хранились в

архиве в связках и коробьях. Дела, связанные с отпуском русских послов в Персию и приемом дипломатических миссий от шахов, были сгруппированы в хронологическом порядке.

Однако датировка документов, приведенная в названии реестра, не соответствует датировке всех документов, указанных в нем: описание начинается с сентября 1588 г. (с отправления первого русского посольства в Персию во главе с дворянином Г.Б. Васильчиковым), заканчивается апрелем 1720 г. (челобитной дворянина А.И. Лопухина, посланного в Иран). Пагинация столбцов в реестре не сплошная, а погодная, что затрудняет их общий подсчет. Перечень столбцов помещен в конце реестра.

В XX в. сотрудниками ЦГАДА В.Н. Шумиловым и А.П. Левецкой был проведен переучет сохранившихся документов: один столбец за 1606 г. о приезде в Россию шахского гонца и о грузинской земле отсутствовал, был изъят в XIX в., вычеркнут из реестра (Там же. Л. 47; помета); второй столбец за 1624–1625 гг. о привозе в Москву от шаха Аббаса I к патриарху Филарету Ризы Христовой в золотом ковчеге был помещен в фонд № 135 «Государственное Древлехранилище» (Там же. Л. 63 об.); в 1958 г. ряд дел был передан в МИД СССР.

В 1985 г. был проведен переучет документов, включены в реестр дела из россыпи, сохранившиеся в виде отрывков. В 2008 г. сотрудником РГАДА А.Д. Шаховой была составлена соответствующая вкладная опись. По описи из россыпи за 1613–1645 гг. составлены 17 дел в столбцах: наказные памяти и грамоты воеводам, записи по челобитным служащих Посольского приказа и персидских купчин, отписки воевод, сыскное дело кн. Г.В. Тюфякина, роспись государева жалования послу С.В. Волынскому, роспись подарков персидского шаха царю Алексею Михайловичу (Там же. Л. [143–144]).

Объем первоначально сохранившихся столбцов – 143 (Там же. Л. 46–88 об.). Ряд сведений из них содержится в карточной описи фонда «Сношения России с Персией» (Там же. Ф. 180. Канцелярия МГАМИД. Оп. 13. Д. 272. Л. 17, 59–79). Полностью отсутствуют столбцы за 1601–1606 гг. и 1633 г.

Все дела в столбцах написаны делопроизводственной скорописью XVII в., с исправлениями, приписями подъячих на местах сстава. Водяные знаки в делах иногда отсутствуют; распространена филигрань «кувшинчик».

Тематически и хронологически можно выделить несколько групп дел:

1. 1600–1612 гг. Отрывочные дела, связанные с дипломатическими миссиями послов А.Ф. Жирового-Засекина и И.П. Ромодановского к шаху Аббасу I (Там же. Ф. 77. Оп. 1. Реестр II. Л. 46–48);

2. 1613–1617 гг. Дела, связанные с извещением шаха Аббаса I об избрании на царство Михаила Федоровича: статейный список посла М.Н. Тиханова, прием посла Булат-бека и др. (Там же. Л. 49–53 об.);

3. 1618–1628 гг. Дела, связанные с контактами царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета с шахом Аббасом I: наказ посланнику Ф.И. Леонтьеву, дело посла М.П. Барятинского, отпуск гонца Г. Шахматова, дело о посольстве В. Коробьина и ответного посольства Русан-бека с подарком для патриарха – Ризой Христовой (Там же. Л. 54–67);

4. 1629–1645 гг. Дела, связанные с контактами царя Михаила Федоровича с шахами Сефи I и Аббасом II: прием посла Ма[г]мет Сали-бека, статейный список посла А. Плещеева, дело купца Н.А. Светешникова, отпуск посла С.И. Истленьева, статейный список посла С.В. Волинского (Там же. Л. 68–82 об.).

5. 1646–1650 гг. Дела, связанные с контактами царя Алексея Михайловича с шахом Аббасом II: статейный список посла С.И. Козловского, статейный список купца А. Грибова, статейный список посланника Г. Булгакова, дело посла Магмет Кулы-бека (Там же. Л. 83–88 об.).

Группы дел №№ 3–5 составляют основу посольских книг №№ 6–12. Группы дел №№ 1–3 были частично опубликованы Н.И. Веселовским в XIX в. и послужили основой для монографий П.П. Бушева.

*М.О. Болотина, гл. специалист
ГАРФ*

Как армянский купец стал российским дворянином: ранняя история династии Лазаревых

Генеалогические сведения приводятся практически в каждой работе о Лазаревых, но основываются они только на извлечении из грамоты Екатерины II 1776 г. на дворянство и на дипломе императора Священной Римской империи Иосифа II (см.: Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. 1. М., 1833. С. 176–177, 181–188). Согласно родословной легенде род Лазаревых был известен с XIV в. и вел свое начало из армянского города Старая Джульфа.

В фонде Герольдмейстерской конторы в деле о пожаловании Лазаревых в российское дворянство сохранилась записка Л.Н. Лаза-

рева о своем происхождении (РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 28. Л. 240), а также подлинные грамоты грузинского царя Теймураза II и армянского патриарха Симеона и их переводы (*Болотина М.О.* «В вечные времена в честь и достоинство Нашей Российской империи дворянства возвести...». Документы РГАДА о происхождении дворян Лазаревых. 1761–1776 гг. // Исторический архив. 2015. № 5. С. 186–195). Новые документы не только дополняют уже имеющиеся генеалогические данные, но дают подлинные документальные свидетельства о начальном этапе истории фамилии.

Неспокойная обстановка в Персии вынуждала армянское население перебираться в более благоприятные земли. Многие, в том числе и Лазаревы, выбирали Россию. Л.Н. Лазарев вместе с женой Анной Екимовной (1710–1770) и детьми приехал в Астрахань из Персии (*Амирханян А.Т.* Армянский переулоч, 2. М., 1989. С. 10). Вопрос о точном времени переселения Лазаревых в Россию до настоящего времени остается спорным. Существующие точки зрения существенно расходятся по хронологии: время правления Петра I, 1750-е гг. и 1760-е гг.

Наиболее раннюю дату приезда Лазаревых в Россию называет публицист С.Н. Глинка (*Глинка С.Н.* Обзорение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи. Ч. 2. М., 1832. С. 245–246). В России в это время стали появляться первые шелковые мануфактуры, одной из них владел армянский купец Джульфинской компании И.Ф. Шериман, у сына которого в 1758 г. Лазаревы приобрели шелковую фабрику во Фряново и дом в Москве. Можно предположить, что они были давними знакомыми, и Лазарь Назарович еще юношей, в 1720-е гг., во времена Петра I, мог участвовать в торговых операциях Шеримана и работе его фабрики.

В литературе также встречаются упоминания о знакомстве Лазаря Назаровича с другим купцом – Д.Я. Земским. Некоторые биографы предполагают, что благодаря Земскому Лазарев познакомился с Петром I, который оценил его знание восточных языков и назначил переводчиком при сношениях с Персией (*Новокрещенных Н.Н.* Чермозский завод. Его прошлое, настоящее и летопись событий. СПб., 1889. С. 9). В книге Г. Ипполитовой и В. Гасперович (Владельцы «Виллы Абамалек». СПб., 2005. С. 7) указывается, что Л.Н. Лазарев поступил на русскую службу переводчиком в 1720 г., но авторы при этом пишут, что в указанный год царствовала императрица Елизавета Петровна. В списке переводчиков Посольского приказа на 1718 г. имени Лазаря Лазарева нами не обнаружено (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 45).

Версия о переезде Л.Н. Лазарева в Астрахань в первой четверти XVIII в. вызывает ряд сомнений. Поэтому были просмотрены сказки армянских купцов, проживавших в городе на момент первой ревизии населения (1724 г.) (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 183), но имени Лазаревых там не обнаружено.

А.А. Амирханян считает, что Лазаревы переехали в Россию в числе других переселенцев приблизительно в 1750 г. (*Амирханян А.А. Тайны дома Лазаревых. М., 1992. С. 21*). Подобной точки зрения придерживается и А.П. Базиянц (*Базиянц А.П. Над архивом Лазаревых (Очерки). М., 1982. С. 24*).

Третью точку зрения высказал в XIX в. автор исторического очерка Лазаревского института восточных языков А. Зиновьев (*Зиновьев А. Исторический очерк Лазаревского института восточных языков ... СПб., 1863. С. 6*). Зиновьев, также, как и Амирханян, не указывает никаких документальных свидетельств, которые подтверждали бы его версию.

В связи с тем, что в литературе указываются разные даты переезда Лазаревых в Россию, нами была проведена работа по поиску документов и уточнению версий. К сожалению, точную дату установить не удалось, но наиболее вероятной мы считаем время сразу после 1747 г., на что указывает записка самого Лазаря Назаровича (См.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Д. 28. Л. 243).

В ряду видных деятелей екатерининской эпохи историки неизменно выделяют Ивана (Ованеса) Лазаревича Лазарева (1735–1801). К 1764 г. он переехал из Москвы в Санкт-Петербург и приобрел дом. Благодаря своим связям, семья Лазаревых продолжала заниматься доставкой товаров, в том числе редких драгоценных камней, с Востока; Иван Лазаревич также выступал кредитором и поручителем при покупках ювелирных изделий и вел финансовые дела крупнейших вельмож Екатерининского времени.

В начале 1764 г. Иван Лазарев представил императрице Екатерине II несколько ценных предметов для подарков иностранным дипломатам. Екатерина II по достоинству оценила оказанные Иваном Лазаревым услуги, 9 августа 1764 г., произошло значительное событие в истории рода Лазаревых – он был пожалован в придворные ювелиры (Указы и повеления Императрицы Екатерины II за февраль-декабрь 1764 г. // Сенатский архив. Т. 14. СПб., 1910. С. 398). Поставщиком драгоценностей для императорского двора, как свидетельствуют архивные документы, являлся и дядя И.Л. Лазарева купец Джульфинской кампании Артемий Назарович. В бумагах Кабинета Екатерины II нам удалось обнаружить дело о покупке у него в 1765 г. алмазных вещей, в котором сохранился реестр украшений, дающий представление о том, как молодая императрица формиро-

вала свою ювелирную коллекцию (РГАДА. Ф. 10. Кабинет Екатерины II. Оп. 3. Д. 399. Л. 3-5 об.).

В историю ювелирного дела Лазарев вошел в связи с тем, что именно он, благодаря своим торговым связям, сумел приобрести ценный индийский алмаз, который у него по сравнительно дешевой цене купил фаворит Екатерины II могущественный граф Г.Г. Орлов и преподнес императрице в 1773 г. в день ее именин (См.: *Базиланц А.П.* Указ. соч. С. 95–122).

*А.Г. Бондач, специалист I категории
РГАДА*

«Историческая криптография»:

Цифрные письма на греческом языке из фондов РГАДА

Среди грекоязычных документов, отложившихся в фонде 68 («Сношения России с Молдавией и Валахией») РГАДА, имеется значительное количество шифрованных дипломатических посланий – «цифрных писем», которые сосредоточены в описи 1 («Книги и дела») ф. 68. Все они относятся к петровской эпохе (точнее, к 1701–1715 гг.); их численность – более 100 единиц, т. е. около 40 % от общего количества документов на греческом языке из ф. 68, датируемых указанным периодом.

Отметим, что об использовании шифров в российской дипломатической переписке начала XVIII в. известно лишь в общих чертах, причем на материале русскоязычных документов (см. обзорную работу: *Подъяпольская Е.П.* Шифрованная переписка в России в первой четверти XVIII века // Проблемы источниковедения. Т. 8. М., 1959. С. 314–342). Особенности шифрования греческих текстов ранее не были предметом научного исследования. Анализ указанных цифрных писем мы рассматриваем как первую попытку изучения данного вопроса.

В греческих цифрных письмах из ф. 68 РГАДА использовано четыре различных шифра, которым мы присвоили условные номера (от I до IV), основываясь на хронологической последовательности писем, где эти шифры применены впервые (I — РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1701 г. Д. 2. Л. 15–22; II — 1703 г. Д. 8. Л. 1–1 об.; III — Там же. Л. 18–19; IV — 1705 г. Д. 3. Л. 3–3 об.). Шифр IV является чисто цифровым (буквам греческого алфавита соответствуют определенные – как правило, двузначные – числа, записываемые арабскими цифрами), тогда как в шифрах I–III в качестве шифробозначений наряду с арабскими цифрами используются буквы греческого и латинского алфавита, а также специальные символы (например, ♀). Такие символы, в частности, применяются при шифровании имен

важнейших государственных и церковных деятелей: к примеру, в шифре I Иерусалимский патриарх обозначается восьмилучевой звездой, Петр I — четырехконечным крестом с засечками, и т. д.

В целом все эти шифры можно было бы отнести к обычным шифрам простой замены, где каждой шифрвеличине (букве, слову, словосочетанию) соответствует одно шифробозначение (элемент специально составленного алфавита), а каждое шифробозначение применяется для шифрования только одной определенной шифрвеличины. Однако специфика греческого языка (наличие дифтонгов, итацизм, этацизм и др.) привела к некоторым усложнениям. Так, в шифре I несколько разных букв и дифтонгов, обозначающих один и тот же звук, зашифровываются с использованием одного шифробозначения (η, ι, υ, ει, οι, ηι = латинская буква u; ε, α = цифра 6). Диакритические же знаки, имевшиеся в открытом тексте, при шифровании вообще не учитывались (например, α без диакритики и α с любым сочетанием ударения и придыхания зашифровывались одинаково), что еще больше усложняло расшифровку. Возможно, поэтому в отдельных письмах шифровальщики последовательно проставляли необходимые диакритические знаки над строкой в зашифрованном тексте (такие случаи наблюдаются при использовании шифра IV). Это, конечно, могло существенно облегчить не только расшифровку писем адресатом, но и их дешифровку в случае перехвата.

В рассматриваемых цифирных письмах весьма часто встречаются и другие нарушения требований конспирации: зашифрованный текст пишется с разбивкой на слова, с использованием знаков препинания, с делением на абзацы. В текстах некоторых писем присутствуют отдельные незашифрованные слова и словосочетания на греческом языке. Иногда в начале или в конце документа указывается дата в незашифрованном виде (по-гречески или по-русски). Все эти обстоятельства значительно снижали стойкость используемых шифров, которая и сама по себе была сомнительной: шифры простой замены считаются наиболее примитивными, и в рассматриваемый период в передовых странах Западной Европы они давно уже были вытеснены более совершенными шифрами (о развитии криптографии до XVIII в. в России и за рубежом см., напр.: *Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М., 2002. С. 6–79*).

Однако в настоящее время ключевую роль в раскрытии интересующих нас шифров играют встречающиеся в нескольких делах письма с полной или частичной расшифровкой. Как правило, зашифрованный греческий текст вписан над строкой в цифирном письме (РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1705 г. Д. 3. Л. 3–3 об. [шифр IV]; 1715 г. Д. 1 [шифр II]), но может быть оформлен и в виде отдельного документа (РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1704 г. Д. 1. Л. 4–5 об.

[шифр I]). В перспективе это позволит составить полную «цифирную азбуку» для каждого из четырех шифров и тем самым обеспечить уверенное чтение всех греческих цифирных писем из ф. 68.

Успешное решение этой задачи делает доступным для исследователей содержание большого числа секретных посланий, которыми обменивались молдавалашские господа и политические деятели (Константин Бранкован, Михаил Раковица, Константин и Стефан Кантакузины, Георгий Кастриот и др.) с руководителями российского внешнеполитического ведомства (Ф.А. Головиным, Г.И. Головкиным и П.П. Шафировым), и тем самым будет способствовать более детальному пониманию связей Российской империи с Молдавией и Валахией, а также всей российской политики в Юго-Восточной Европе.

М.А. Борец

Руководитель проекта Postcardhistory

Почтовые открытки 1900–1920 годов как источник по истории священнослужителей и их семей

Изучая почтовые старинные открытки, есть возможность выявить имена священников, служивших в различных храмах, а также узнать подробнее о членах их семей. В рамках статьи расскажем о священниках Санкт-Петербурга, чьи имена сохранились на почтовых открытках из коллекции автора.

В Александро-Невской Лавре в 1915 г. секретарем при митрополите служил Тихомиров Петр Иванович. С частной просьбой писал ему из Тифлиса Прокурор Синодальной Конторы И. Попов по поводу своего зятя, священника церкви Спаса на Сенной. В Лавре также служил иеродьякон Павлин Кочетов, которому из Липецка в 1904 г. писал племянник.

Известно, что при высших учебных заведениях до 1917 г. были храмы. Так в церкви при Технологическом институте служил дьякон Чанцев Алексей Михайлович. Из Дорогобужа Смоленской губернии ему писала племянница Маруся Васильева. В храме при Артиллерийском училище на Выборгской стороне служил Иоанн Федорович Альбов. В открытке упоминается также его супруга Александра Александровна. Имя священника Докучаева Павла Ивановича связано с церковью Пресвятой Богородицы при Политехническом институте. Отец Павел известен как член Братства Ревнителей Церковного Обновления. Ему на домашний адрес в Петербург, Мойка, 48 в 1908 г. писала «недостойная ученица и бывшая духовная дочь». Дьяконом церкви при 2-м кадетском корпусе состоял Пальмов Михаил Александрович. Его сына Сергея Михай-

ловича (а также Верочку, Надюшу, Сереженьку и Шуру) поздравляли близкие с Пасхой в 1918 году.

Уезжая в большой город, не всегда была возможность оставить адрес для писем. Нередко самым надежным адресом становилась квартира священника. Так полковому дьякону Семеновского полка Любочскому для Александры Вас. писала крестница Женья Б. из Сомино Новгородской губернии.

Особая удача, когда открытка писалась самим священнослужителем. К примеру монахиня Ераста поздравляла семью Лагачевых из Новой деревни с Пасхой.

Возможна группировка материала по географическому признаку. Из почтовой открытки священнику Ласкееву Спасо-Бочаринской церкви на Выборгской стороне (ныне не сохранилась) узнаем о его супруге Зинаиде, племяннице Н. Остроумовой, также жившей в Петербурге. На Выборгскую сторону в дом Покровской церкви писали дьякону Крисиюку из Рязани в 1916 году. Открытка в адрес Гонестова Ивана Павловича (адрес – Шпалерная, 52), священника Князь-Владимирского собора, сообщила и его домочадцах – супруге Варваре Никаноровне и дочери Нине Ивановне. Краеводам Кронштадта может быть интересна открытка, адресованная Руфине Григорьевне и Николаю Николаевичу Шемякиным, падчерице Иоанна Кронштадского и ее супругу, высокому чину Кронштадской таможни. Отцу Дьякону Дымскому Аристарху Ивановичу в 1915 г. (на адрес Рижский пр., дом 52, кв. 7) писали из Гостилиц близкие знакомые. Передавали поклон Лиле и Шурику. Отцу Александру Никитину (на адрес Б. Подъяческая, д. 32, кв. 4) в 1913 г. писали Татьяна и Марина Ланонишковы. В 1914 г. Бардину Якову Дмитриевичу дьякону Андреевского собора на 6-й Линии Васильевского Острова писал племянник Васильев из Орла, а его супруге Александре Андреевне – крестница Мария Блесткина из Санкт-Петербурга. Также на Васильевский остров – на адрес 3-я линия, дом 50 отцу дьякону Афанасьеву Павлу Александровичу писала Е. Преображенская из Шлиссельбурга.

По своему интересны почтовые открытки в адрес студентов Духовной Академии. Они присланы из разных городов. Очевидно, что очень многие адресаты стали впоследствии священниками. Так из города Орел в 1910 г. студенту Академии Акимову Афанасию Никитичу писал брат.

Подборка из нескольких открыток позволяет проследить несколько лет служения преподавателя Александро-Невского духовного училища Беляева Петра Федоровича (1909 г., в тексте также упоминаются Лида и Володя). В 1904 г., судя по открытке, он служил в Румынии в *Légation Impériale de Russie*. А уже в 1910 г. от-

крытки адресовались ему и о. Сергию Смирнову в село Чаруса Рязанской губернии.

Рядом с Александро-Невской Лаврой находилось Исидоровское епархиальное женское училище. Принимали в училище, как правило, дочерей священников Петербургской губернии. Примечательна открытка, которую писала ученица III класса В. Беляева педагогу Акимовой Вере Никитичне в конце апреля 1921 г. за несколько месяцев до закрытия училища. Также своему педагогу Никольской Любови Сергеевне писала воспитанница Е. Соболева в 1913 г. Воспитаннице VI (!) класса Смирновой Елене Петровне писала подруга Леля К. в 1911 г. с обращением Ее Высокоблагородию.

Сохранился архив семьи последнего петербургского епархиального архитектора А.П. Аплаксона, есть исследования о его деятельности. Тем ценнее трогательная переписка малолетнего сына Бори с дедушкой В. Вадковским, тестем архитектора. О сестре Андрея Петровича Екатерине известно было лишь, что она уезжала лечиться за границу. След ее нашелся в Швейцарии в местечке Terriet на Женевском озере. Она писала открытку отцу и даже указала свое окно в отеле «Richelieu», в котором жила.

Бывает, открытка таит в себе загадку. В 1907 г. из Парижа близкие знакомые писали мадам Pilat в Святейший Синод в Санкт-Петербург. Другая открытка, найденная позднее, прояснила, что это – Пилат Людмила Алексеевна, служившая в хозяйственном отделе Синода. А ее муж Михаил В. в 1901 г. служил в канцелярии Обер-прокурора Синода.

Очевидно, что в 1900–1920 гг. переписка в открытках была делом обычным. Дальнейшее изучение крупнейших коллекций обещает интересные открытия. Всего в собрании автора более 250 открыток, адресованных 130 священнослужителям разных губерний. А также несколько тысяч открыток в адрес высших чиновников, дворян и генералов.

*М.Ю. Борисов, 2 курс бакалавриата
РГГУ*

**Маргиналии в экземплярах парижских изданий
исторической тематики второй половины XVI в.
(по материалам Российской государственной библиотеки
и Национальной библиотеки Франции)**

В круг чтения французских читателей второй половины XVI в. входила литература по истории. Различные анналы и хроники издавали многие типографии, часто книги переиздавались. Эти издания были посвящены истории от времен Римской империи и до эпохи

Генриха IV, преимущественно книги связаны с французской историей. Особое место здесь занимают работы Иоанна Зонары (Jean Zonaras), Ангеррана де Монстреле (Enguerrand de Monstrelet), Николя Жиля (Nicole Gilles), Иоганна Кариона (Jean Carion), Филиппа де Коммина (Philippe de Commines). Их, как и книги других многочисленных авторов хроник и анналов, печатало большое количество парижских типографов (Abel l'Angelier, Federic Morel, а также Jean Ruelle, François Regnault, Vincent Sertenas, Etienne Cavelier Cavelier, Jean du Pré, Michel de Vascosan, Guillaume le Noir, Gabriel Buon, Charles Perier, Nicolas du Chemin, Pierre l'Huiller, Jean Richer, Pierre du Puys, Nicolas Bonfons, Jean Houze, Pierre Mettayer, Robert Estienne), что может говорить о популярности среди городского населения исторической литературы в эпоху Возрождения и Гугенотских войн.

Для данной работы были использованы книги, хранящиеся в собрании НИОР (Музея книги) РГБ. Большинство их попало в фонд из частных и библиотечных (преимущественно немецких) коллекций. Также рассматривались издания, хранящиеся в Национальной библиотеке Франции.

Всего было изучено 28 изданий в 32 экземплярах хроник и анналов разных авторов, изданных в Париже во второй половине XVI в. В книгах было выявлено 259 рукописных помет, записей, заметок и т. п. Из них – 253 пометы на французском языке (включая среднефранцузский), 4 – на латыни, 1 – на английском и 1 – на немецком. Записи и пометы написаны разными чернилами. Большинство записей не датированы, поэтому датировать их можно только по палеографическим признакам, зачастую весьма приблизительно. Датированные записи относятся ко второй половине XVI – XX вв. включительно. Подавляющее большинство (свыше 215 записей и помет) относится к XVIII–XIX вв.

Классифицировать записи и пометы можно по их содержанию.

- 1) Повторяющие информацию из текста или его исправляющие – 80 записей. Представляют собой исправления читателями слов или выражений в тексте, иногда с выносом их на поля книги. Иногда читатели делали неправильные исправления или полностью повторяли зачеркнутое. Данная группа помет характеризуется наличием множества орфографических исправлений (в том числе исправление среднефранцузских слов на современное их написание), вариаций написания одного и того же слова. Они интересны и полезны в качестве источников по изучению эволюции языка.
- 2) Пометы информационные, связанные с данной книгой – 14 (например, пометы о покупке книги, хвалебные слова в адрес автора книги, разбор разных изданий автора данной книги и т. п.).
- 3) Пометы библиотечные

– 6 (штампы, печати, пометы библиотекарей из разных регионов Европы). 4) Записи-комментарии – 186. Самая многочисленная группа в данной классификации. Поскольку это исторические книги, то читатели очень часто выделяли информацию из текста, комментировали ее, делали свои дополнения. Зачастую делались ссылки на другие страницы и тома с комментариями, это упрощало поиск информации и ускоряло работу с книгой. Необходимо отметить, что иногда в таких пометах содержатся и личные эмоции их авторов. Можно встретить как хвалебные заметки по поводу содержания книги, так и критику с дополнением собственной информации. 5) Пометы информационные, не связанные с данной книгой – 4. Это читательские записи о каких-либо событиях и по самым разнообразным вопросам. Иногда это пространственные записи на всю страницу. Одна из таких записей, датированная 1569 г., повествует о сражении при Жарнаке на реке Шаранта (*bataille sur la rivière de la Charente*). Такие записи читателей отражают социально-политические явления того времени, говорят о степени осведомленности читателя и о степени вовлеченности в политическую жизнь общества. 6) Владельческие записи – 10. В одной из книг имеется надпись «Ioannis Alberti Fabricii», что говорит о принадлежности данной книги знаменитому немецкому филологу и библиографу Иоганну Альберту Фабрициусу (1668–1736).

В изученных книгах выявлено 43 экслибриса. В их числе 10 личных (графа Н.П. Румянцева, графов Штольбергов из Германии, немецкого дипломата и ученого Езекииля Спангейма и др.) и 33 библиотечных экслибриса, большинство – из двух библиотек Парижа: библиотеки Арсенала (*Bibliothèque de l'Arsenal*) и Королевской Библиотеки (*Bibliothèque Royale*) / Императорской Библиотеки (*Bibliothèque Imperiale*) / Национальной Библиотеки Французской Республики (*Bibliothèque Nationale RF*). Сейчас собрание Арсенала входит в состав Национальной Библиотеки Франции. Немалое количество книг из немецких библиотек: Берлинской, Дрезденской. Имеется также экслибрис библиотеки парижской коллегии иезуитов (*Collegio Parisiensi Societatis Jesu*).

Маргиналии в книгах позволяют не только изучить историю бытования отдельно взятого экземпляра книги, но и получить определенные знания о читательских практиках. Особенно интересно проследить, как воспринимались исторические труды, напечатанные во второй половине XVI в., читателями XVII–XIX вв. Дальнейшее изучение записей и владельческих знаков экземпляров французских книг исторической тематики XVI в. позволит глубже изучить историю книги и книжной культуры этого периода.

Волга X века по данным научных школ Средней Азии и Ирана

Если сравнить топографическую информацию среднеазиатской и иранской классической научных школ, оставивших описание пути по Волге в X веке, то окажется, что обе школы указывали три интервала: 1) расстояние от Итиля до бургасов; 2) протяженность земли бургасов; 3) расстояние от бургасов до Булгара. На весь путь от Итиля до Булгара среднеазиатская научная школа отводила 30 дней пути, тогда как иранская в общей сложности указывала 40 дней. Разночтения есть и для каждого интервала в отдельности.

Надо учитывать, что ученые среднеазиатской школы предпочитали использовать среднеазиатский длинный фарсах (путь, который за час проходил караван верблюдов), равный 5,927 км. Тогда как представители иранской школы использовать короткий фарсах, то есть путь, который за час проходил пешеход. Если пересчитать указанные в источниках дни пути в наш километраж, то можно заметить ряд совпадений.

Во-первых, ученые обеих научных школ считали одинаковой протяженность всего пути от Итиля до Булгара. Она неплохо совпадала с реалиями, так как Булгар стоял на 30 км южнее места слияния Камы и Волги, а Итиль на месте городища Самосделка, в 43 км южнее Астрахани. Если нанести их данные на современную карту, переведя дни пути в километраж, то перед нами вполне реальный путь вверх по реке в начале X века, измеренный до походов по Волге киевских князей, разгромивших булгар, бургасов и хазар: $30 \text{ дн.} \times 59,27 \text{ км/дн.} = 1778 \text{ км}$; $40 \text{ дн.} \times 44,45 \text{ км/дн.} = 1778 \text{ км}$.

Во-вторых, ими указаны также одинаковые расстояния от Итиля до начала земель бургасов, бывшего, судя по пропорциям, ровно на полпути между Булгаром и Итилем: $1778 : 2 = 889 \text{ (км)}$, где $15 \times 59,27 = 20 \times 44,45 = 889 \text{ (км)}$. Вероятно, это место находилось на левом берегу Волги в пределах современной агломерации Саратов–Энгельс, так как крепость Саратова была специально возведена на полпути между Казанью и Астраханью. В позднем Средневековье Казань сменила Булгар, сместившись немного на север, Астрахань встала северней Итиля, но интервалы между этими важными торговыми пунктами остались прежними. О Левобережье говорит описание того пути: «От области бургасов до хазар все степь, дорога – благоустроенная, с источниками, деревьями, текучими водами» (Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962. Т. 1. С. 27). Интересно, что в

XII в. ал-Идриси повторит эти измерения, но на своей карте покажет здесь уже не начало земель буртасов, а город Буртас, а в XIV в. на том же месте братья Пиццигани укажут город Яйлак.

Для более северных территорий ученые обеих школ дают разные сведения. У Ибн Русте есть лишь первый в 15 дней и третий интервалы, где «от земли Буртасов до земли этих Болгар три дня пути» (*Хвольсон Д.А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу Али Ахмеда бен Омар Ибн Даста. СПб., 1869. С. 24). Видимо, указание второго интервала, когда известен весь путь и два его крайних участка, он счёл излишним. Но его протяженность в 12 дней пути сохранил один из поздних компиляторов Мехмед Займ. Всего выходило $15+12+3=30$ дней, т. е. месяц пути каравана.

Судя по текстам, собранным в Каспийском своде Б.Н. Заходера, у среднеазиатской школы, и у Ибн Русте в частности, эти 12 дней тоже есть, но они завуалированы, с математической точки зрения показаны более изящно: «Согласно Ибн Русте, “пространство их земель (буртасов) 17 дней как в длину, так и в ширину”. Те же самые промеры упоминают Гардизи и Марвази» (*Заходер Б.Н.* Указ. соч. С. 233). Буквальный перевод скрывает смысл этого текста. Дело в том, что пространство на Востоке с эпохи архаики традиционно указывали в виде окружности. Её диаметр равен корню квадратному из суммы квадратов двух равных катетов. Именно диаметр (гипотенуза) в 17 дней, а не путь (катет равнобедренного треугольника) указан в среднеазиатских текстах. То есть длину пути на север (катет L) можно было рассчитать по теореме Пифагора: $L^2 + L^2 = 17^2$; где L действительно равно 12 дням пути: $12 \text{ дн.} \times 59,27 \text{ км/дн.} = 711 \text{ км.}$

Согласно ученым иранской школы, протяженность земли буртасов и расстояние от нее до Булгара выглядело следующим образом:

Информация ал-Истахри и Ибн Хаукала о том, что «от начала (земли) буртасов до конца её около 15 дней» (Там же. С. 235–236), была либо заимствована у географов Средней Азии с пересчётом в пешеходные фарсахи («около 15 дней», а точнее, 16 дней дают такое же расстояние: $16 \times 44,45 = 711 \text{ км}$), либо это более поздний небольшой прирост земель Волжской Булгарии.

Длину пути по Булгарии иранская школа чётко не показала, так как акцент был смещен на интервал к землям южных русов, где у ал-Истахри указано, что от Булгара до Куйабы русов около 20 переходов. Таким образом, длина от земли буртасов до Булгара определяется следующим образом: $20 - 15 = 5$.

Куйабу ал-Истахри и Ибн Хаукала принято отождествлять с Киевом. Но Днепр, а с ним и Киев, в X в. географы исламского мира не знали. А вот путь по Волге за мехами и к единоверцам, как и

Куяба (позднейший Укек) посредине этого пути, им были известны, ведь еще ал-Хорезми в IX в. упоминал о существовании на широте Увецкого городища «наблюдательного пункта, построенного Зу-л-Карнайном» (Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата: Тексты, перевод, комментарий. М., 1988. С. 44). Потому абрис путей по Волге у исламских географов X в. довольно точен.

*Е.Д. Браун, к.и.н., доц.
РГГУ, РАНХиГС (Москва)*

Роза Тюдоров:
удачный символ прекращения династических распрей
или гениальная геральдическая мистификация?

Роза Тюдоров – одна из самых известных и растиражированных геральдических эмблем. Этот экзотический красно-белый цветок был создан герольдами по случаю свадьбы основателя династии Тюдоров Генриха VII (1485–1509) и Елизаветы Йорк. Общеизвестно, что красно-белая роза символизировала прекращение Войн Роз (1455–1485), в ходе которых за престол боролись Йорки и Ланкастеры, и единение некогда враждовавших домов (считается, что алая роза была эмблемой предков Генриха VII Ланкастеров, а белая – символом династии Йорков).

При ближайшем рассмотрении выясняется, что эта привычная картина – не более чем миф, деконструкции которого и будет посвящен данный доклад. Отступлений от реальности несколько. Наличие в эмблеме Тюдоров лепестков алой розы в любом случае стало изрядной натяжкой. Родство Генриха VII с домом Ланкастеров было настолько дальним, что в официальном акте о восшествии на престол Генрих предпочел заявить, что занял трон «по праву завоевания». Также важно отметить, что белая и алая розы не были общепринятыми или даже наиболее популярными символами домов Йорков и Ланкастеров – они использовались не всеми монархами и наряду со многими другими эмблемами. Наконец, современники вообще не осмысливали противостояние Ланкастеров и Йорков как конфликт двух роз; более того, до воцарения Тюдоров события 1455–1485 гг. в принципе не воспринимались как единая война или серия войн.

На мой взгляд, Роза Тюдоров оказалась исключительно удачным геральдическим символом, прежде всего, в силу своей эстетической и смысловой целостности. Соединив две розы, герольды несколько вольно обошлись с материалом, зато получили на редкость удачную и, главное, непротиворечивую эмблему мирного

единения династий (не секрет, что подавляющее большинство совместных «гербов» молодоженов относится к области кентавристики). В итоге Тюдоровская роза оказалась на диво жизнестойким растением. Несмотря на все разоблачения, она продолжает «задавать тон» нашим представлениям об истории Англии. Мы не просто используем термин «Война Роз», именно благодаря эмблеме Тюдоров в исторической памяти алая и белая роза стали главными, неотторгаемыми символами династических распрей конца XVв.

*Е.В. Булычева, к.и.н., доц.
РГГУ*

Данные эпиграфики (надписи об аренде священных земель) о финансировании празднеств в Афинах в V–IV вв. до н. э.

В Древней Греции праздники являлись важнейшей частью повседневной жизни населения. Как правило, они посвящались богам и героям. Греки верили, что боги незримо присутствуют на праздниках, а их благосклонное отношение к людям зависит от правильно совершённых жертвоприношений (*Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб., 2010. С. 12*). Каждый гражданский коллектив тратил большие средства на проведение праздничной церемонии, поскольку празднество сопровождалось обильными жертвоприношениями, спортивными и мусическими агонами, победители и призёры которых награждались различными призами. Оратор Демосфен в IV в. до н. э. отмечает, что на главный афинский праздник Панафиней полис расходует средств больше, чем на военный морской поход (IV. 35). В связи с этим большой интерес представляет вопрос о финансировании праздничных мероприятий в Афинах, крупнейшем полисе древнегреческого мира, который по количеству проведения празднеств превосходил многие другие полисы Древней Эллады (*Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 7*). По данной проблеме в нашем распоряжении имеется несколько источников информации: сообщения античных авторов, данные археологических раскопок и эпиграфический материал. К сожалению, первые два из указанных источников весьма фрагментарны. Больше всего сведений по данной проблеме можно почерпнуть благодаря эпиграфическому материалу. До нашего времени не сохранились (возможно, таковых не было вообще) надписи, специально посвящённые финансированию праздничных церемоний, но есть эпиграфические свидетельства о других сторонах жизни древнегреческого полиса, из которых можно получить необходимую информацию. Это надписи о сдаче в аренду священных земель в Афинах и их

области Аттика, которые датируются завершением V–IV в. до н. э. Эти эпиграфические тексты содержатся в специальных сборниках – «Inscriptiones Graecae», который был издан в Берлине в конце XIX – начале XX в., а также в сборнике древнегреческих надписей – «Greek historical inscriptions», опубликованном в 2003 г. в Оксфорде П. Роудзом. Надписи представляют собой договора о передаче в аренду священных земель (теменосов), посвящённых богам (Афине, Гермесу, Афродите, Зевсу), а также различным героям. В качестве арендаторов в них выступают свободные граждане полиса, а арендодателями являются территориально-административные подразделения полиса: демы, филы, фратрии, а также религиозные сообщества оргеонов (*Булычева Е.В. Права и обязанности арендодателей священных земель в Аттике IV в. до н. э. // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. М., 2017. Том. 9. № 4. С. 301–310*). В них представлено описание земель, сдающихся в аренду, условия арендной сделки, а также в ряде случаев содержится информация о том, как следует распределять средства, полученные от аренды. Эта информация представляет для нас интерес в связи с вопросом о финансировании праздничных церемоний в Афинах.

До нашего времени весьма полно сохранилась надпись из дема плотейцев, которая датируется концом V – IV в. до н. э. В ней содержится подробная информация о передаче средств, полученных от сдачи в аренду священных угодий, на финансирование праздничных церемоний. В частности, говорится о том, что из средств, полученных от сдачи в наём, следует выделить необходимые суммы денег на священнодействия, проводимые в общине плотейцев (IG. II². 1172, lines. 14–16). В этой же надписи содержится очень интересная информация о том, какие средства необходимо передать от дема плотейцев на празднества в честь богов. Сказано, что на праздник в честь Афродиты и Анакии следует выделить 1200 драхм серебра, на празднество Аполлонии – 1100 драхм (IG. II². 1172, lines. 6–9).

Весьма подробные сведения о финансировании праздничных церемоний за счёт доходов от аренды священных земель содержатся в договоре об аренде теменосов сообщества Саламиниев. Документ датируется примерно 333/2 г. до н. э. (Greek historical inscriptions. 37). В нём есть интересная информация о том, что в результате какого-то конфликта сообщество Саламиниев разделилось на две группы, каждая из которых должна была взять на себя обязательства по уходу за священными угодьями. Саламинии сдают эти земли в аренду и из полученного дохода выделяют средства на праздничные церемонии. При этом они выдают не только денежные средства, но и жертвенных животных (Greek historical inscriptions. 37. lines. 27–28, 30–35, 37, 49–50).

В нашем распоряжении также имеются надписи о сдаче в аренду теменосов оргеонов Эгрета (IG. II². 2499) и о передаче в аренду священных участков бога Гермеса (IG. II². 2493) и различных богов и героев в деде Пирее (IG. II². 2496). В них также представлены сведения о передаче денежных средств и священных животных на праздничные мероприятия. Кроме того, содержится интересная информация об обязанности участников аренды подготовить специальные помещения для проведения праздничных церемоний ((IG. II². 2499, lines. 5–17).

Таким образом, надписи об аренде священных земель представляют весьма важную информацию по проблеме финансирования праздничных церемоний в Древних Афинах. К сожалению, ряд источников сохранился весьма фрагментарно, что не даёт возможности получить подробный материал по данному вопросу. Но на основании сохранившегося материала можно заключить, что доходы от аренды священных земель часто тратились на проведение праздников. В качестве посвящений использовались как денежные средства, так и жертвенные животные. Кроме того, участники аренды несли обязательства по предоставлению специальных помещений для ритуальных целей.

Х.А. Буриева, к.и.н., доц.

Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека

Об историографии топонимии города Ташкента XX века

С хронологической точки зрения историографические работы, касающиеся исторической топонимии города Ташкента в советский период, можно разделить на четыре группы: 1) исследования 1917–1940 гг.; 2) работы, опубликованные в 1945–1966 гг. (до землетрясения 1966 г. в Ташкенте); 3) научно-исследовательские труды 1967–1991 гг. (после землетрясения и до периода независимости); 4) публикации периода суверенного развития Узбекистана.

Количество литературы первой группы сравнительно меньшее, в ней сведения об исторических топонимах встречаются при освещении истории политической, социально-экономической, культурной жизни города; в большинстве своем это – очерки, статистические сборники, карты (1) (*Маллицкий Н.Г.* Ташкент. Исторический очерк. Т., 1927. 27 с.; Народное здравоохранение в Узбекистане. Самарканд, 1927. 25 с.; Народное образование УзССР за 15 лет (1924–1939) / Под ред. Е.В. Рачинской. Т., 1939. 208 с. и др.).

Во вторую группу вошли: путеводители, справочники, исторические исследования, посвященные непосредственно истории Ташкента, а также издания статистического характера (2) (Народное

образование в Узбекской ССР за 25 лет (1924–1949) / Под. ред. А. Муратходжаева. Т., 1949. 121 с.; *Зотов А.Н.* Ташкент в шестой пятилетке. Т., 1958. 95 с.; *Бекназараов Н.* История развития Фрунзенского района г. Ташкента (1936–1964 гг.). Т., 1966. 66 с., и др.).

Например, в кратком справочнике по городу Ташкенту, подготовленном коллективом авторов Р. Гулямовым, Г. Зайко, А. Зотовым и др., содержатся сведения о расположении Ташкента в древности и средневековье, его наименовании и территориальных делениях, также встречаются и некоторые топонимические материалы. Так, значение названия города «Ташкент» раскрывается как «каменная крепость», наименование реки «Чирчик» – взято от слова «Парак», что означает «стремящийся». В книге упоминается об административно-территориальных делениях Ташкента (6), о городских парках, площадях и их наименованиях, о количестве промышленных объектов (300), высших учебных заведений (16) и некоторых их названиях, упомянуто о наличии медицинских учреждений, спортивных, культурных учреждений (3) (*Гулямов Р., Зайко Г., Зотов А. и др.* Ташкент. Краткий справочник. Т., 1958. 192 с.).

Третья группа литературы, наиболее многочисленная, представлена в виде научных исследований по истории отдельных отраслей городской жизни, это – сборники, ежегодники, касающиеся народного образования столицы, труды историков, где встречаются сведения о некоторых топонимах города, путеводители, справочники, краткие очерки, альбомы, составленные из фотоснимков и схем (4) (*Чеботарева В.Г.* Ташкент в прошлом и настоящем (краткий исторический очерк). Т., 1968. 42 с.; *Борисов С.* Ташкент без окраин (очерки). Т., 1971. 52 с.; Ташкент (фотоальбом) (на узб., рус. и фр. яз.). Ред. Р.А. Сафаров. Т., 1978.; *Аминджанова М.Т., Рахимов М.Р.* Город древний, город юный. Т., 1981. 20 с.; *Юсупов Э.Ю.* Молодость в возрасте 2000 лет. Т., 1983. 27 с.; *Зияев А.А.* Центр Ташкента – прошлое и настоящее. Т., 1987. 86 с. и др.).

К примеру, в 1984 г. Географическим отделением Академии наук был издан атлас города, состоящий из 20 иллюстраций достопримечательностей города, 26 схем, 1 карты, 9 текстов. В тематических схемах показаны расположения археологических памятников, растительности, общеобразовательных школ, средних специальных и высших учебных заведений, театров, музеев, кинозалов, библиотек, объектов торговли и т. д. (5) (Ташкент. Географический атлас / Сост.: Академия наук УзССР Отдел географии. М., 1984).

Четвертая группа в историографической классификации на сегодняшнем этапе является самой малочисленной, включает в себя научные издания периода 1991–2018 гг., где можно выделить научные труды непосредственно по исторической топонимии города и

работы касательно исторического развития г. Ташкента в целом, его отдельных отраслей, а также издания энциклопедического и справочного характера (6) (*Ревес А.М., Мороз Л.И.* Город, в котором живу и учусь. Т., 1991. 43 с.; Тошкент – ислом маданияти гавҳари. Фотоальбом. Т., 2004. 240 б.; *Алимова Д.А., Филанович М.И.* Тошкент тарихи (қадимги даврлардан бугунги кунгача). Т., 2007. 167 б. и др.).

В частности, монография Х. Буриевой посвящена тематике исторической топонимии г. Ташкента. В книге приведена классификация городских топонимов, даны исторические сведения о районах, улицах, объектах народного хозяйства, культурно-просветительских учреждениях и выполнен этимологический анализ некоторых городских наименований. На основе изучения архивных документов, картографических материалов, трудов ученых автор стремился осветить общую картину исторической топонимии Ташкента в советский период, выявить ее специфические аспекты и безусловную связь с историей города (7) (*Буриева Х.* Тошкент шаҳри жой номлари тарихидан / Из истории наименований г. Ташкента / Ташкент, 2012. 122 с.).

В целом, следует отметить, что научных исследований, выполненных по проблемам топонимики г. Ташкента, пока весьма мало, и это направление ждет новых изысканий. Однако, имеется широкий пласт исторических работ, где встречаются сведения по городским топонимам 1917–1991 гг. Данные материалы являются важной литературой при исследовании исторической топонимии города, а также ценным источником при составлении историко-топонимического словаря Ташкента.

*Н.Т. Валеева, к.ф.н., доц.
РГТУ*

Правописание приставок на -з/-с: к истории одного орфографического правила

Правописание большинства приставок в современном русском языке базируется на ведущем, фонематическом принципе русской орфографии, обеспечивающем единообразное написание одной и той же морфемы в формах одного и того же слова и в разных словах вне зависимости от её фонетического состава; ср.: *подвид, подпол, поднял, подстаканник, подбежать...*; *отнять, отбросить, оттепель, отданный...* и под. Однако данный принцип не реализуется в группе так называемых приставок на -з/-с: *без-, вз-, воз-, из-, низ-, раз-(роз-), через-(чрез-)* – в которых, как известно, буква з чередуется с с в зависимости от буквы, следующей далее, а именно: з перед гласными и звонкими согласными, с перед глухими со-

гласными. Так это правило формулируется в учебниках, и, несмотря на абсолютную научную нестрогость, оказывается интуитивно понятным пишущему-неспециалисту, что, впрочем, как показывает практика, отнюдь не гарантирует его от ошибок, ведь для успешного применения этого правила необходимо помнить, какие согласные буквы следует относить к «звонким», а какие к «глухим». При этом интересно отметить, что, несмотря на многократные попытки переломить указанную правописательную традицию, введя единообразное написание через *з* во всех графических контекстах, она не просто продолжала существовать на протяжении многих столетий, но и отвоёвывала всё новые позиции как по части приставок, которые должны ей следовать, так и по части согласных букв, требующих перед собой замены *з* на *с*. Причём последние 100 лет продолжала существовать уже в статусе кодифицированной нормы.

Оставив пока за скобками вопрос о причинах такой упорной живучести, рассмотрим здесь только историю этого орфографического правила.

Традиция чередования букв *з* и *с* на конце приставок уходит корнями в глубокую древность и изначально заимствуется русским языком из старославянского. Согласно данным Древнерусского подкорпуса Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) практически все приставки из современного правила (они перечислены в первом абзаце) почти регулярно меняли *з* на *с* перед *к*, *п*, *т*, *ф*, *х*, а некоторые ещё и перед *с*, *ц* и *ш*. Исключение составляют *низ-*, которая встречается только в варианте с *з*, и *через-* (*чрез-*), которая вообще не встречается в качестве приставки, а в качестве предлога всегда пишется как *чересь* (*чресь*). Уже в период формирования современного русского языка, когда начинаются серьёзные научные рефлексии и по поводу его орфографии, этой древней традиции предлагают следовать многие учёные, в том числе М.В. Ломоносов (*Грот Я.К.* Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доньне. М., 2010. С. 229).

В.И. Даль, который не занимался специально вопросами орфографии, тем не менее, не мог обойти некоторых из них при подготовке своего словаря; его позиция по нашей теме тоже, как и следовало ожидать, состоит в поддержании традиции: «В слитных предлогах *воз-*, *низ-*, *раз-* буква *з* иногда переходит в *с*. <...> Перед *к*, *п*, *т*, *ф*, *х*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ*» (*Даль, Владимир.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. М., 1999. Т. 1. С. XXXV, 224).

Наоборот, одним из убеждённых противников чередования *з/с* на конце приставок был Я.К. Грот. Основные идеи раздела «Фонетическое употребление *С* вместо *З* в предлогах: *ВОЗ*, *НИЗ*, *РАЗ*, *ИЗ*» его знаменитого труда (*Грот Я.К.* Спорные вопросы русского

правописания от Петра Великого доныне. М., 2010. С. 228–232) сводятся к следующему. Замена *з* на *с* на конце приставок соответствует произношению, но противоречит общему характеру нашей орфографии. Поэтому лучше не давать хода дальнейшей неправописности и ограничиться уже устоявшимися заменами *з* на *с* в приставках *воз*, *низ* и *раз* перед *к*, *п*, *т*, *ф*, *х*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ*. Оптимальным вариантом было бы вообще устранить эти замены и писать все приставки только через *з*. Последнюю идею Я.К. Грота много позже пытались воплотить в жизнь разработчики так называемого «Проекта Главнауки» 1930 г. (Григорьева Т.М. Русский язык: Орфоэпия. Графика, Орфография. История и современность. М., 2004. С. 238–241), но даже им самим она в итоге показалась слишком радикальной.

Современное же правило правописания приставок на *з* фактически было разработано Орфографической комиссией 1904 г. и утверждено постановлениями и декретами о реформе графики и орфографии 1917–1918 гг. (Там же. С. 222–238); все его последующие редакции за истекшие 100 лет сводятся лишь к корректировке формулировок.

*Д.И. Вебер, к.и.н.,
ассистент
СПбГУ*

*А.Ю. Лобода, вед.
специалист
НИЦ Курчатовский
институт*

*Е.И. Носова, к.и.н.,
н.с.
СПбИИ РАН*

Матрица печати Ордена Госпитальеров из собрания Н.П. Лихачева: анализ иконографии и следов бытования

В Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН хранится коллекция западноевропейских печатей эпохи Средних веков и Нового времени. Коллекция разнородна по своему составу: в ней имеются оригиналы, выполненные из разных материалов (металл, воск), слепки, заказанные по экземплярам Национального архива Франции, а также матрицы печатей. Среди последних наше внимание привлекла матрица, на которой имеются явные следы переделки. Проблематикой настоящего сообщения является атрибуция этого экземпляра, а также детальный анализ следов бытования образца, призванный ответить на вопрос, как именно и с какой целью матрица была переделана.

Легенда печати, а также ее изображение свидетельствуют о том, что перед нами обратная стороны матрицы печати Ордена Госпитальеров. Традиционно печать была двусторонней и выполнялась чаще всего из металла. Лицевая сторона варьировалась в зависимости от того, кому принадлежит печать, а обратная

устойчиво сохраняла свою иконографию с момента появления первых сохранившихся экземпляров до XIX в.

Она выглядит следующим образом: Легенда: [H]OSPITALIS IhERSVALEM между двумя точечными ободками. Протяженное здание с одним большим и двумя малыми заостренными куполами. Из-под большого купола свисает лампада. Под зданием изображено лежащее тело, в головах которого восьмиконечный крест, в ногах – приведенное в движение кадило.

С конца XIX в. в историографии ведется спор вокруг интерпретации изображения лежащего тела. Первоначальная версия заключалась в том, что оно представляет собой больного. Эта версия была навязана основной миссией госпитальеров – лечением больных паломников, пребывающих в Святую Землю. Затем было замечено, что на более поздних изображениях над головой больного появляется нимб, что привело исследователей к иконографии Христа во гробе. Обращение к письменным памятникам заставило отказаться от этих теорий, так как в статутах ордена четко указано, что на печати изображено «тело человека, умершего накануне» («cors d'ome mort d'avant»). Четкость, с которой статут описывает печать, не позволяет усомниться в этой интерпретации. Однако ясно читающийся нимб противоречит этой теории. Как можно объяснить это противоречие?

Анализ печатей в сочетании с нарративными источниками приводит к выводу, что по всей вероятности интерпретация иконографии орденской печати не была стабильна. Она менялась и наполнялась новыми смыслами, что было спровоцировано изменением в положении ордена.

*И.А. Вознесенская, к.и.н., н.с.
НИОР БАН*

Рукописи сочинений П.Н. Крекшина в собрании БАН: уточнение атрибуции

В собрании БАН хранятся семь рукописей П.Н. Крекшина, авторство которого определяется в колофоне. Две рукописи касаются древней истории Руси – о княгине Ольге (32.6.7.) и «Краткое описание о начале народа славенского» (Тек. пост. 445). Три рукописи представляют собой списки «Экстракта из великославных дел царей и великих князей» (25.1.11, 31.6.35, 32.7.4), составленного Крекшиным в 1756 г. «История жития и славных дел государя императора Петра Великого от рождения его величества по день славного погребения...» (32.12.10) представляет собой копию с рукописи Крекшина, изготовленную в Академии наук в 1753 г. На самой

рукописи написано: «Списана с бумаг камисара Крекшина». Особого внимания заслуживает список «Журнала царствования благочестивых и великих государей... Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича» (45.13.9). В колофоне содержится дата составления этого сочинения П.Н. Крекшиным – 1752 г. Сравнение этого текста с известной повестью, опубликованной И.П. Сахаровым (Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841), показывает близость повествования, однако фантастических подробностей в журнале 1752 г. мы не видим. Некоторые наблюдения позволяют предположить, что известная публикация И.П. Сахарова – это более ранний анонимный текст, который, возможно, и послужил источником для Крекшина.

Биография П.Н. Крекшина (1684–1763/64) содержит немало «белых пятен». По одной версии, он состоял у Петра I «квартирмейстером», участвовал в военных походах и был пожалован «коммисаром ранга капитанского». Согласно другой, Петр Никифорович начал карьеру со скромной должности писца. Однако уже в 1714 г. Крекшин в качестве комиссара состоял у выдачи жалованья. В 1719 г. он получил подряд на строительство участка канала на острове Котлин. В следующем году его заподозрили в растрате казенных денег. Судебное разбирательство растянулось на несколько лет. Тем не менее, в 1722–1727 гг. П.Н. Крекшин был «при следствии кронштатских дел», получая годовое жалованье 240 рублей, а в 1730-х гг. служил комиссаром Монетной канцелярии (*Кротов П.А. Основание Санкт-Петербурга: загадки старинной рукописи.* СПб., 2006. С. 41–44). Тогда же, в 1730-е гг., по мнению П.А. Кротова, бывший петровский комиссар увлекся российской историей. Особое внимание в своем творчестве он уделял царствованию Петра I. Известно, что в 1742 г. новгородский дворянин поднес императрице Елизавете Петровне «Краткое описание блаженных дел великого государя императора Петра Великого, самодержца всероссийского...».

Над биографией Петра I Крекшин продолжал трудиться до конца дней. С.А. Мезин отметил, что делом жизни П.Н. Крекшин считал составление подробных «Журналов», в которых описывал каждый день жизни первого российского императора (*Мезин С.А. О первых историках Петра Великого (заметки на полях современных изданий) // История Петербурга. 2009. № 1 (47). С. 89*). Самое популярное сочинение Крекшина – «Сказание о зачатии и рождении... Петра Великого» – распространялось в рукописях. Впервые оно было издано В. Воробьевским в Москве в 1787 г., затем Ф. Туманским в «Собрании разных записок» в 1787 г., в 1841 г. И.П. Сахаровым в «Записках русских людей» и в 1848 г. в «Отечественных записках». Следует отметить, что все издания отличаются по объему и по языку.

И.П. Сахаров в предисловии заметил, что ни Вороблевский, ни Туманский, опубликовав сказание, не знали, чье это сочинение. Только Сахаров идентифицировал этот текст с записками Крекшина. Для публикации он использовал два списка; которые, по словам публикатора, представляли собой копии записок Крекшина, поднесенных им императрице Елизавете Петровне (Записки русских людей. Предисловие. Без пагинации). Сахаров сличил оба списка и, как он говорил, составил противень. Также И.П. Сахаров написал, что «В Москве, у г. К. есть сборник, слывущий под именем Крекшинского, но в этом сборнике вместе с его записками помещены и записки графа Матвеева...». Таким образом, еще И.П. Сахаров обратил внимание на существование рукописных сборников, содержащих различные тексты по истории петровского времени, однако, связав эти тексты с именами Крекшина или Матвеева, он никак не обосновал выбор имен авторов.

Сосуществование в рукописях текстов Крекшина и Матвеева со ссылками на публикацию Сахарова отметил Г.Н. Геннади в одном из рукописных сборников БАН (17.4.3.). В рукописных сборниках используется только часть текста Крекшина, начинающаяся словами: «Во дни благочестивого и великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, в счастливое его царствование...». Обрывается повествование на моменте прихода к власти царевны Софьи. Далее в сборниках следует текст о Стрелецком бунте, атрибутируемый обычно А.А. Матвееву.

Проанализировав текст «Сказания» П.Н. Крекшина по списку середины XVIII в. из собрания РГБ (Ф. 178. № 1341), Е.В. Колосова обратила внимание на тесную связь крекшинского сказания с записками А.А. Матвеева (*Колосова Е.В.* К проблеме традиции древнерусской исторической повести в литературе XVIII в. («Сказание» П.Н. Крекшина о Петре I как последний этап развития исторической повести XVII века) // *Древнерусская литература и ее связи с новым временем. Исследования и материалы по древнерусской литературе.* М., 1967. С. 288-316). Автор задалась вопросом, кто присоединил к повести Крекшина часть из записок Матвеева, сам Крекшин или какой-нибудь переписчик. Попытка сгруппировать тексты по разным спискам оказалась невнятной. В итоге автор предположила, что источником для сказания Крекшина послужили записки о Стрелецком бунте и предложила разделить списки на три группы по близости к запискам.

Вопрос об авторстве этих текстов остается открытым и требует серьезного исследования. Абсолютно все выявленные списки таких сборников анонимны. Иван Петрович Сахаров, атрибутировавший эти тексты Крекшину и Матвееву и в целом «оказавший науке не

малые услуги», известен также как автор подделок, в частности, «рукописи Бельского», на которую он ссылался в своих публикациях (*Пытин А.Н.* Подделки рукописей и народных песен // ПДП. СХХVII. СПб., 1898. С. 26). Он издавал мнимые народные песни собственного сочинения. П.М. Строев обвинял его в плагиате.

*И.В. Волков, к.и.н., в.н.с.
Российский НИИ культурного и природного наследия им.
Д.С. Лихачёва (Институт Наследия)*

Метрологические наблюдения в связи с происхождением «трапезундской» группы средневековых амфор

Происхождение большинства античных амфор установлено на основании данных клейм. Естественнонаучные и прочие методы значительно менее эффективны. Средневековых амфорных клейм значительно меньше. На изделиях самой распространенной рассматриваемой группы есть два клейма XIV в., в которых предположительно читается имя династии Комнинов, но на этот факт обычно не обращают внимания.

Возможность привлечения данных метрологии связана с относительной многочисленностью преимущественно итальянских источников XIII–XV вв., фиксирующих как поставщиков вина, так и меры для его продажи. Исходим из того, что самому массовому поставщику греческого вина должна соответствовать самая многочисленная группа амфор. Зная, что стандартность объемов амфор отражает определенную систему мер, следует признать за центр их производства тот город, система мер которого более всего соответствует стандартам объема амфор.

Следовательно, поскольку основным экспортером вина на рынки Причерноморья был Трапезунд (территория империи в целом), требуется найти соответствие с его мерами (*Волков И.В.* Трапезундские керамические клейма из Азова // *Морская торговля в Северном Причерноморье.* Киев. С. 202–215).

Этот способ имеет свои недостатки: возможна кратность объема сосудов разным единицам измерения, у специалистов по метрологии этого времени существуют противоречивые мнения о фактическом значении единиц объема; усадка амфор в процессе сушки и обжига может давать значительные отклонения от стандарта; практические определения объемов (особенно по рисункам) могут давать значительные погрешности; особенно трудно учесть потери от впитывания и норму заливки; существовали международные единицы объема, которые нельзя связать с отдельными регионами,

и тем более городами. Эти недостатки сглаживаются при работе с массовым материалом.

В Трапезунде для измерения объема вина использовали две меры: *φάλλερον* и *τσαρίκιον*. Объем первой не известен, второй, по предположению Э. Шильбаха, – 53,8 л (*Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970. S. 128*). Н. Бельдичеану высказал гипотезу о соответствии этой трапезундской меры комниновской эпохи турецкому чабуру, использовавшемуся в Трапезунде (*Beldiceanu N. Biens monastiques d'après un registre Ottoman de Trébizonde (1487) // Revue des études Byzantines. T. 35. P. 175–214: P. 94*). Итак, ищем соответствие амфор объему в 53,8 л.

Общепризнано, что для контроля объема продукции использовали линейные измерения. Амфоры «трапезундской» группы дают наиболее яркие свидетельства этого. В XII – первой трети XIII в. на их внутренней стороне всегда присутствуют выразительные отпечатки мерной линейки. В 20–30-е гг. XIV в. по максимальному диаметру проходит отпечаток мерной веревки. Сама форма в XIV в. может быть разбита на две полусферы, соединенные усеченным конусом, у которого верхнее основание в два раза больше нижнего. Это довольно точно соответствует схеме формовки сосудов по частям, стыковка которых находится на местах измерений.

Поскольку самый массовый стандарт амфор золотоордынского времени имеет максимальный внешний диаметр порядка 48–49 см, исходим из того, что использовались трапезундские меры длины (в отличие от мер, объема, применявшиеся во многих местах): *σπίδαμν* (23,43 см) или *πηχυς* (56,8 см). Первая более проста для вычислений, хотя они взаимозаменяемы. Тогда общий объем состоит из трех частей: V_1 – объем полусферы диаметром (23,43*2) см; V_2 – объем усеченного конуса высотой 23,43 см и диаметрами оснований 23,43 см и (23,43*2) см; V_3 – объем полусферы диаметром 23,43 см.

Легко вывести общую формулу объема такой трехчастной фигуры, если единственную единицу измерения посчитать неизвестной переменной (x). Тогда $V = V_1 + V_2 + V_3 = 1/12 \pi (2x)^3 + 1/3 \pi x (x^2 + (1/2 x)^2 + 1/2 x^2) + 1/12 \pi x^3 = 8/12 \pi x^3 + 7/12 \pi x^3 + 1/12 \pi x^3 = 16/12 \pi x^3 = 4/3 \pi x^3$.

Таким образом, полученный результат соответствует формуле объема шара с диаметром равным диаметру большего основания конуса (и максимальному диаметру амфоры). Если допустим, что табличное значение двух *σπίδαμν* – это максимальный диаметр амфоры, то в результате получится следующий объем: $V = 4/3 * 3,14 * 23,43^3 = 53849,9 \text{ см}^3$.

В реальности эмпирическая формула могла быть еще проще: $1/6\pi$ могла быть заменена простой дробью $11/21$. При подстановке максимального диаметра «трапезундских» амфор с табличным значением 2 спидамэ в такую формулу объема шара, использовавшуюся у византийцев (*Ибн Мамати*. Правила Диванов. М., 1989. С. 89). Автор трактата происходил из семьи наследственного византийского чиновника и прекрасно знал способы измерений, практиковавшиеся при сборе налогов и пошлин, так как сам исполнял должность при арабах. Получается результат, соответствующий тсарикиону (53,8 л) с точностью до второго знака после запятой: $V = 11/21 D^3 = 11/21 (2 \cdot 23,43)^3 = 11/21 \cdot 46,86^3 = 53899 \text{ см}^3$.

Следовательно, наиболее вероятный источник поступления амфор рассматриваемой группы – это Трапезундская империя. Это только один пример того, как метрология может быть использована для решения вопроса о происхождении группы керамического импорта.

*Д.М. Володихин, д.и.н., проф.
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Портреты на солиде императора Льва VI Мудрого и фоллисе императора Романа I Лакапина как образец для портрета великого князя киевского Владимира Святого на златнике

В специальной нумизматической литературе широко распространено мнение, согласно которому при изготовлении златников Владимира Святого (конец X – начало XI столетия) в качестве образца использовался солид императора Василия II Болгаробойцы (*Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983. С. 60–61). Однако, возможно, что киевскими монетариями был использован иной образец, также константинопольского происхождения. Ввиду особенностей источника, думается, окончательно определить источник подражания невозможно; поэтому версию автора этих строк уместно воспринимать лишь как гипотезу, не более того.

Итак, не вызывает сомнений, что при эмиссии златников солид Константинопольской империи использовался как образец, включая сюда вес, пробу металла и эстетическое оформление. Это, так сказать, общее место в специальной литературе. Но какой именно солид – вопрос более сложный. Между солидом Василия II и златником Владимира Святого, конечно, есть черты сходства. И дело не только в том, что хронологически период правления Владимира Святославича поглощается периодом правления Василия II, что на бытовом уровне не может не вызвать идеи, согласно которой в

Киеве просто взяли как образец современную ходячую монету Империи, всем хорошо известную. На реверсе солида и златника – идентичное погрудное изображение Господа Бога. Кроме того, одна из двух фигур на аверсе солида (а там изображены сам Василий II и его младший соправитель, будущий автократор Константин VIII) несет отпечаток сходства с портретом Владимира Святого: то же одеяние в виде тоги (саккос и лор?), приблизительно та же диадема с подвесками на голове (скиадий?), а в правой руке – жезл-крестовина, напоминающий диканикий.

Но есть и существенные различия. Прежде всего, на солиде Василия II присутствуют две фигуры соправителей, а на златнике великого князя киевского лишь сам Владимир Святославич. Притом фигура с солида, обнаруживающая черты сходства с фигурой со златника, это явно младший из соправителей, Константин VIII. Сам Василий II выше ростом, стоит по другую сторону жезла-крестовины, держит его хоть и правой рукой, но слева от себя, притом держит, взявшись заметно выше Константина. Василий II одет совершенно иначе, ни малейшего сходства. Наконец, оба константинопольских монарха изображены с маленькими головами (пропорционально телу), поэтому о каких-то чертах лица можно говорить лишь условно: их при таком размере в принципе невозможно различить. А у Владимира Святого на златнике – непропорционально большая голова, очень хорошо видно вислые усы и то ли тяжелый подбородок, то ли маленькую бородку.

Допустим, погрудное изображение Господа Бога киевские мастера могли скопировать с любого константинопольского солида, чеканившегося хоть при Василии II, хоть при Иоанне Цимисхии, хоть при Никифоре Фоке, хоть при Константине VII Багрянородном: все эти изображения весьма похожи друг на друга.

Но что касается изображения самого великого князя, то возникают вопросы: во-первых, непонятно, почему в качестве образца выбран младший из константинопольских соправителей (трудно представить, что в Киеве об этой иерархии государей в соседней, притом наиболее могущественной державе, не знали); во-вторых, отчего при общем сходстве «иконографии» монеты черты различия все же весьма ощутимы? Можно ли говорить о реальном портретном сходстве или все-таки имеет смысл поискать иные образцы, с которых мог быть скопирован «портрет» Владимира Святославича?

Унижение своего правителя через уподобление его младшему из иноземных государей выглядит маловероятным с точки зрения политической. Что же касается «портретного сходства», то при уровне развития монетного дела Руси на начальном, можно сказать, «колыбельном» этапе его развития, достичь подобного сходства на пред-

метах мелкой пластики было делом мало осуществимым, т. е. вряд ли сам Владимир Святославич мог поставить перед монетариями такую задачу (хотя некоторые специалисты говорят именно о «передаче портретных черт» Владимира Святославича на его монетах: Мельникова А.С., Уздеников В.В., Шиканова И.С. Деньги России. История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. М., 2000. С. 19).

Что же касается иных образцов для работы киевских монетариев, то хотелось бы обратить внимание на относительно редкий тип монет, присутствовавший в работе Константинопольского двора с конца IX по середину X столетия. Это монеты с особым портретным изображением императоров: крупная (гораздо более крупная, чем у подавляющего большинства подобного рода изображений IX – начала XI вв.) продолговатая голова с вислыми усами, отлично виден императорский венец с подвесками, одеяние – такое же, как на златниках Владимира Святого. Такой тип восходит к солидам Льва VI Мудрого (886–912 гг.). Но у Льва VI в правой руке – держава, и в этом заключается заметное иконографическое отличие от златников князя Владимира. При Романе I Лакапине (920–944 гг.) названный тип портретного изображения переходит на медные фоллисы, притом в правой руке у Романа I уже скипетр (что более похоже на жезл-крестовину в правой руке Владимира Святославича), а держава переходит в левую руку (в этом месте на златниках – маленький родовой знак Рюриковичей). Монеты Романа I, в сущности, представляют собой модификацию солидов Льва VI. Они были хорошо известны русским дружинникам, служившим по найму при Романе I, и, очевидно, проникли на Русь не только через торговые каналы, но и как часть имущества возвращавшихся домой дружинников.

Итак, автор этих строк выдвигает предположение, согласно которому монеты Романа I Лакапина послужили образцом для изготовления златников Владимира Святого, в свою очередь, представляя собой несколько видоизмененный чекан солидов Льва VI.

*Г.Ф. Гасанова, м.н.с.
ГИМ*

Гангутское сражение 1714 года: коммеморация в фалеристике и нумизматике

Первая морская победа России – победа в Гангутском сражении 27 июля 1714 г. – нашла отражение во множестве различных источников: мемуары, живопись, архитектура, скульптура, кораблестроение. Данное исследование посвящено сохранению памяти об

этом сражении и коммеморативным практикам в фалеристике и нумизматике.

Факт учреждения и изготовления, изобразительные средства, использованные в медалях и монетах, отклик общества на них – все это является способами коммеморации, и на их примере можно определить, как они формируют, трансформируют, актуализируют или де-актуализируют события прошлого.

В первую очередь необходимо упомянуть наградную медаль «За Победу при Гангуте», учрежденную в 1714 г. Медаль была исполнена в двух вариантах: в золоте для офицерских чинов и в серебре для нижних чинов, участвовавших в Гангутском сражении. На лицевой стороне медали помещен портрет Петра I, а на оборотной стороне запечатлено само сражение.

Изначально серебряных медалей было недостаточно для награждения всех участников сражения, и в канцелярию генерал-адмирала и на имя Петра I стали поступать засвидетельствованные командирами частей частные ходатайства солдат и матросов с просьбами о выдаче медали (*Пискунова Л.С.* Награждение медалями за Гангутский бой 27 июля 1714 г. // Труды Государственного Эрмитажа. Т IV, 1961. С. 137). В итоге к 1717 г. дополнительно отчеканили достаточное количество медалей и выдали их тем, кому ранее не хватило. Такое стремление получить медаль демонстрирует ее значимость и желание власти и участников сохранить память о первой морской победе.

В столетний юбилей не было коммеморационных мероприятий, вероятно, по причине Заграничных походов и потому, что это еще не вошло в практику.

Довольно широко распространялась практика учреждения наградных медалей на юбилей значимых исторических событий во время правления Николая II.

В июле 1914 г. было запланировано празднование 200-летия победы при Гангуте, которое не состоялось из-за начала Первой мировой войны. К празднованию было приурочено учреждение юбилейной медали «В память 200-летия морского сражения при Гангуте», а также изготовление юбилейной плакетки «В память 200-летия Гангута» и «гангутского рубля» (*Попов А.А., Тупольт Н.А.* Описание юбилейных плакетки, нагрудной медали и рубля в память двухсотлѣтія гангутской побѣды // Нумизматика. 2014. № 35. С. 4–5). Как и на медали 1714 г., на лицевой стороне юбилейной медали изображен портрет Петра I, на оборотной – сражение при мысе Гангут. Рисунок на штемпелях медали, лицевой стороны плакетки и «Гангутского рубля» проектировал медальер П.Г. Стадницкий.

Вопрос о круге лиц, которым предоставлялось право ношения медали, был спорным. Изначально в него входили, в основном, все действующие чины Военно-морского ведомства. Однако были случаи подачи прошений на право получения и ношения медали теми, кто был этим правом обделен. Круг лиц постепенно расширялся. В своих мемуарах матрос линкора «Гангут» Д.И. Иванов рассказывает о подготовке линкора к празднику и об обещаниях руководства наградить строителей юбилейной медалью (*Иванов Д.И. Я – матрос «Гангута»!* М., 1987. [Электр. ресурс], URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/ivanov_di/02.html. С. 33–34). Также право на получение и ношение медали было испрошено иностранными Морскими Агентствами Англии, Франции и, что удивительно, Японии (*Лозовский Е.В. К истории учреждения медали в память двухсотлетия Гангутской победы.* [Электр. ресурс], URL: <http://medalirus.ru/stati/lozovskii-medali-gangutskoi-pobedy.php>).

О «Гангутских рублях» довольно много написано. Интересно, что в 1927 г. были отштампованы новоделы, скорее всего, для подогрева интереса коллекционеров (*Снацкий И.Г. Новоделы // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Сборник статей.* [Электр. ресурс], URL: <http://vsemonetki.ru/books/item/f00/s00/z0000018/st006.shtml>). На аверсе рубля изображен портрет Петра I, орел на реверсе держит в клювах и лапах четыре карты, являвшиеся символами четырех русских морей.

Сам по себе факт создания памятных предметов, интерес общества к ним, с одной стороны, может говорить о стремлении воспитать в обществе патриотические чувства и об интересе к значимым событиям прошлого, а с другой стороны, может свидетельствовать о стремлении верховной власти задобрить общество в беспокойную эпоху, а также о развитии тенденции коллекционирования памятных предметов и низведении их до статуса редкой вещицы.

Следующий юбилей – 250 лет – был в 1964 г. По этому случаю в 1965 г. была выпущена юбилейная настольная медаль «250-летие победы русского флота над шведами у мыса Гангут», автором которой был А.А. Королюк (*Шкурко А.С., Салыков А.Ю. Памятная медаль советского периода 1919–1991. Каталог.* М., 2005. С. 34). На лицевой стороне медали многоплановое изображение, на переднем плане – портрет Петра I, на заднем – корабли в водах. На оборотной стороне – фраза Петра I: «Воистину нельзя описать мужество русских воинов». Практика юбилейных празднований знаменательных событий уже не была новой для СССР, например, за десять лет до юбилея Гангутского сражения праздновали пятидесятилетний юбилей Русско-японской войны.

В Российской Федерации также существует серебряная юбилейная медаль «В память 300-летия Гангутской битвы» Санкт-Петербургского Морского собрания. Кроме того, существует монета номиналом в 25 рублей 1996 г., посвященная 300-летию ВМФ России с изображением Гангутского сражения, а также золотая коллекционная монета 1000 рублей 2014 г. на 300-летний юбилей Гангутской победы, ее тираж составляет 250 экземпляров.

Таким образом, можно сделать вывод, что память о первой морской победе воплощается в памятниках фалеристики и нумизматики на протяжении более 300 лет, представляя интерес все это время и для народа, и для коллекционеров, и для исследователей.

*А.А.Герцен, к.г.н., н.с.
Институт географии РАН*

*Е.Г. Паскарь
Молдавское историко-
географическое общество*

**Географические и этноисторические сведения
«Сказания вкратце о молдавских господарях
отколе начася Молдовская земля»**

Особое место в ряду средневековых письменных источников, содержащих важнейшие сведения по исторической географии Карпато-Днестровских земель, занимает «Сказание», сохранившееся в нескольких списках Воскресенской летописи. Изучением его в разное время занимались И. Богдан, В.В. Иванов, Н.М. Карамзин, В.Д. Корольюк, А. Ксенопол, А.В. Майоров, Д. Ончул, П.Ф. Параска, Р. Рёсслер, Н.Д. Руссев, В.Н. Топоров, Б.П. Хашдеу, И.-Х. фон Энгель, А.И. Яцимирский и другие. Анализ географических и этноисторических сведений о волохах, содержащихся в «Сказании», позволяет реконструировать основные вехи исторической географии молдавского этноса на ранних этапах этногенетического процесса.

Указание года 6867 (1359) приводило исследователей в замешательство, заставляя объяснять его условность, приближать описанные события к середине XIV в., зачастую вопреки логике и хронологии изложения. Причина в том, что в первом издании текст с датой вынесен в начало изложения, хотя очевидно, что она относится к названию.

События, описанные в первых строках «Сказания», локализованы в северо-восточной части современной Италии – областях Венеция и Фурлания (совр. Фриули): братья Роман и Влахата – предводители племён, переселявшихся из-за гонений на христиан. Исход владов в Центральную Европу и Балканы начинается после завоевания Италии лангобардами в 568 г. (Паскарь 2014). В пользу достоверности историко-географических свидетельств выступает ряд

прямых и косвенных доказательств: особая лексическая и грамматическая близость фриульского языка (*furlan, lenghe furlane*) с восточно-романскими (молдавским, румынским) (Bartoli 1925; Нарумов, Сухачёв 2001; Iliescu 2015), его распространение в ряде регионов Румынии (Нарумов, Сухачёв 2001); значение слова *венетик* (*venetic*) в молдавском (румынском) языке – «чужак, пришелец»; многочисленные следы топонимического переноса по маршруту древних миграций: *Удине* (фриул. *Udin*, слов. *Videm, Vidan*, лат. *Utinum, Vedinum* – провинция и столица автономной области Фриули-Венеция-Джулия) и *Видин* (область и её центр в северо-западной Болгарии), *Соча* (река на границе Словении и Италии) и *Сучава* (река и город на Буковине), *Солкан* (пригород Гориции на реке Соче) и *Солка* (пригород Сучавы), *Брдо* (населенные пункты в Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Сербии) и гора *Берда* (Буковина), *Камполонго* (ит. *Campolongo* – населенный пункт в Альпах, область Венеция), *Кьямплунк* (фриул. *Cjamlunc*, ит. *Campolongo al Torre* и фриул. *Cjamlunc Tarpoian*, ит. *Campolongo Tapogliano* – коммуны в провинции Удине) и *Кымпулунг* (молд. *Cîmpulung*, рум. *Câmpulung-Moldovenesc* – коммуна и историческая область в горах Западной Молдавии), а также *Кымпулунг* (*Кымпулунг-Мусчел*, рум. *Câmpulung-Muscel* – один из древнейших городов Румынии, первая столица Валахии).

Следующий пассаж «Сказания» говорит о новой родине племён – загадочном «*Старом Риме*». Решение историко-географической загадки выводится из топонимической антитезы с *Римом Новым*, в который Константин Великий перенёс столицу Римской империи в 330 г. из Сердики (Софии). Вместе с округой в памяти поколений она оставалась землями Старого Рима, где, согласно «Сказанию», одно из владских племён основало город по имени главы своего княжеского рода – Роман (в 70-ти км от Софии). Сообщение о Формозе (816–896) дает хронологическую подсказку о том, когда земли Старого Рима и город Роман населяли предки молдаван – вlahи – в то время, когда он был папой римским, т. е. с 891 по 896 гг. Упомянут он не случайно: в 866 г. Формоз вёл миссионерскую деятельность в Болгарии. Расселение вlahов здесь подтверждается этнографическими и картографическими данными; в 1878 г. рядом с г. Романом обозначен г. Влахка (*Vlaska*).

Следующая строка «Сказания» повествует о захвате Нового Рима (Константинополя) крестоносцами в начале XIII в. и конфликте между ними и валахами. Сообщения Паисия Хиландарского (1722–1773) расширяют сведения «Сказания», раскрывая детали предшествовавших событий (Царственик 1844, 46–47): после антивизантийского восстания 1185–1187 гг. и создания Второго Болгарского

царства Асенями были покорены и присоединены две Влахии (без сомнений, Угровлахия и Молдовлахия), в которых римское исповедание было строжайше запрещено, население переведено в православие, а латинский язык заменён болгарским. Присоединение Молдовлахии и Угровлахии к Болгарии, судя по титулу царя по документам Зографского монастыря 6700 (1192) г. (Априлов 1845), происходит на рубеже 80-х и 90-х гг. XII в. (между 1186 и 1192 гг.). Очевидно, строки «Сказания» описывают действия под руководством Ивана Калояна (1197–1207) «короля Болгар и Влахов», воевавшего против Латинской империи и разгромившего крестоносцев в 1205 г.

Остальные абзацы «Сказания» также посвящены XIII в.: речь идёт о первом архиепископе сербском Савве и святом Владиславе Сербском (1234–1243). Затем зафиксировано нашествие в 1241 г. монголо-татар на Молдавию и бегство герцога Неймета (с чьим именем связан западно-молдавский город и замок Нямец) из страны на запад, в Паннонию, где он станет основателем знаменитого венгерского рода Неметуйвари. Дальнейшие описания относятся к периоду монголо-татарского нашествия. В заключительной части «Сказания» повествует о переселении из Марамуреша в Восточно-Карпатские земли предков молдаван, избрании первого господаря и воеводы Драгоша, основании им первых поселений – *Первое место* (город) *на Молдаве* (совр. селение *Молид*) и *место Баня* (ныне село *Бая*). «Сказание» фиксирует гидроним *Молдава* до заселения волохами Молдавии, а основание государства относит к последней четверти XIII в. (более раннему периоду, чем обычно считали советские и румынские историки), но не позднее 1290 г. – последнего в правлении Владислава IV.

Этапы расселения волохов по Балканско-Карпатскому региону в VI–XIV вв. представлены на специальной карте, разработанной авторами (Герцен, Паскарь 2013).

*В.Н. Глазьев, д.и.н., проф., декан
Воронежский ГУ*

Биографические сведения в документах о назначениях воевод в Разрядном приказе XVII века

Городовое воеводство в XVII в. рассматривалось как государева служба. Царь лично принимал прибывших с воеводства членов государева двора (см., например: Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 9. Записная книга Московского стола (1626, мая 5 – 1627, августа 31). С. 385–386). Успешное воеводство влекло за со-

бой повышение поместных и денежных окладов и иные награды от имени государя.

Вопрос о назначении на городское воеводство рассматривался в приказах, ведавших той или иной территорией. В XVII в. Разрядный приказ производил назначение в подведомственные ему города и уезды воевод, приказных людей, стрелецких и казачьих голов, подьячих «с приписью». Эта процедура получила документальное оформление в делах об определении на должности местного управления. Сложилась достаточно четкая система оформления подобных дел.

Документы о назначениях должностных лиц местного управления сохранились в составе «воеводских» столбцов, относящихся к определенным годам. Дело начиналось, как правило, с челобитной служилого человека об «отпуске» в тот или иной город воеводой, приказным человеком, стрелецким или казачьим головой. Дело могло содержать одну челобитную или сразу несколько лиц претендовали на определенную должность, что создавало ситуацию соперничества между ними, своеобразного «конкурса», арбитром в котором выступали руководители Разрядного приказа. Для обоснования своей просьбы служилые люди в челобитных сообщали о себе следующие сведения.

Одним из важнейших оснований для назначения воеводой, приказным человеком или головой являлась служба. Челобитчик отмечал год начала службы, участие в дальних походах, выполнение важных правительственных поручений. Безупречность службы подчеркивалась фразой «на многих службах был с приезде до отъезду» или «до отпуску». Проситель должности сообщал о полученных им ранах в боях, пребывании в плену.

В челобитных служилые люди приводили сведения о своих родственниках. Отмечались их длительная служба, раны, гибель в боях, пребывание в плену. К числу родственников относили дедов и отцов, родных и двоюродных братьев, племянников, сыновей. Так, орловский копейщик Ф.И. Анохин в челобитной о назначении воронежским стрелецким и казачьим головой от 6 марта 1694 г. отмечал: родственников «моих в походах побито и в полон поимано человек с 50 и большеи» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стлб. Белгородск. ст. Д. 1395. Л. 167).

На обороте челобитных ставилась помета с указанием даты подачи челобитной и распоряжение об оформлении выписки – развернутой справки, заполненной в Разрядном приказе. Составители выписки обращались к записным книгам Московского стола всяких дел, годовым сметным росписям, где содержались сведения о том городе, куда просили назначения служилые люди. Разрядные по-

дьячие отмечали: кто и с какого срока находится там на воеводстве, какого числа и месяца истекает двухлетний срок его пребывания в должности, высчитывали время с момента составления выписки до этой даты.

Следующая часть выписки посвящалась проверке сведений, сообщенных в челобитных. Для этого привлекались различные документы, в частности, смотренные списки военных походов, записные книги раненных. При составлении выписки присутствовал челобитчик, часть сведений записывалась с его слов. Так, 25 февраля 1694 г. ливенский копейщик Аким Дементьевич Ковелин подал в Разряд челобитную о назначении воеводой в Верхососенск. В смотренном списке Львовского похода 1656 г. подьячие обнаружили в числе убитых Степана Дементьевича Ковелина, в смотренном списке Черниговского похода 1668 г. в числе взятых в плен Ивана Дементьевича Ковелина. Родство подтверждал сам проситель: «А по сказке челобитчика Акима Ковелина, что Степан и Андрей ему братья родные» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стлб. Белгородск. ст. Д. 1395. Л. 333).

Устными показаниями челобитчика в Разряде ограничивались в том случае, если он служил в полках нового строя и сведения о его службе находились в другом приказе. Рязанец рейтар И.П. Немтинов, подавший челобитную о назначении в Карпов стрелецким и казачьим головой, подал сказку о службах в Разряд, но проверить ее там не смогли, потому что «он службою ведом в Рейтарском приказе» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стлб. Белгородск. ст. Д. 1694. Л. 235). В дополнение к челобитной соискатели должности представляли росписи своих служб. При подведении итогов подсчитывалось их число для того или иного челобитчика.

Составленная выписка передавалась для рассмотрения руководителю Разряда. Срок вынесения решения не нормировался. Челобитчик должен был хлопотать о вынесении решения – «ходить за выпиской». Если он этого не делал, выписка без решения передавалась в архив (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стлб. Белгородск. ст. Д. 981. Л. 125). Дело завершалось распоряжением о назначении на должность, содержащемся в помете и указной грамоте. Формулировки обоснования: «за его службы», «за многие службы отца и родственников и за его службы», «за службу и за смерть сродников его». Указ об определении на должность записывался в Разряде в соответствующую книгу.

Составители дела не всегда заботились о том, чтобы назначение выглядело обосновано. В сентябре 1695 г. на должность воронежского стрелецкого и казачьего головы оказалось два претендента: орловский дворянин П.С. Анохин и стремянной конюх С.Г. Торпа-

нов. Первый подробно перечислил свои службы, раны, отметил пребывание в плену в течение 17 лет. Второй в тексте своей челобитной обоснований не привел. Подьячие записали его слова: «Служить без жалования стало не в мочь и кормиться нечем». Назначение получил С.Г. Торпанов (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стлб. Белгородск. ст. Д. 1413. Л. 279–280, 282–283). Причина в «поноровке и дружбе дьяка Федора Игнатьевича Замятнина и для того, что он, голова, ему, дьяку, в свойстве и отпускал он его на головство» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. Стлб. Дополн. отдела. Д. 98. Ч. 7. Л. 14).

*О.И. Голованова, к.ф.н., доц.
Тюменский индустриальный университет*

«Авторство» как структурный компонент источниковедческого анализа (на примере тюменской деловой письменности XVIII в.)

Памятники деловой письменности являются историко-культурными произведениями и не могут рассматриваться в отрыве от их создателей. Проблема авторства для документов XVIII в. в условиях коллегиального делопроизводства формулируется в трудах исследователей следующим образом: «вопрос о писцах связан с решением проблемы, отражение чьей речи можно видеть в записях таможенных документов: целовальника, производившего досмотр и диктовавшего писцу; торговца, перечислявшего, что именно он привез <...>; того, кто непосредственно исполнял писчую работу в данной таможне или писца той таможни, откуда привезена переносимая в книгу выпись?». «Не следует рассматривать язык указов Екатерины Второй как ее собственный: в них лишь отображены <...> настроения и чаяния императрицы, ее царская воля, обеспеченная аппаратом помощников (государственных чиновников и приближенных) в соответствующую тому времени деловую форму и закрепленная на бумаге» (*Мальшева И.А. Проблемы источниковедческого исследования письменных памятников XVIII в. // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 127; Никитин О.В. Язык указов Екатерины II 1762 г. И формирование официально-делового стиля в России XVIII в. // Филологические науки. 2003. № 6. С. 94*).

Пытаясь приблизиться к пониманию «вечного» вопроса, кто «автор» того или иного документа XVIII в., считаем необходимым обратиться к методологическому подходу А.С. Лаппо-Данилевского: двигаться в потоке сознания создателей текстов, стремиться «лучше понять ситуацию, <...> замысел произведения, <...> способ, принятый автором для воплощения этого замысла» (Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие. М., 1998. С. 239). Данный принцип применим

не только для интерпретации индивидуальной психики, но и для понимания произведений коллективного творчества.

В качестве примера мы обратились к экстракту из следственного дела 1774 г., связанного с попыткой ссыльных организовать бунт в Тюмени и уезде в период народного движения под общим руководством Емельяна Пугачева (1773–1775 гг.). Экстракт выполнен скорописью, характерной для того времени.

О сложности обстановки в начале января 1774 г. свидетельствуют объявление чрезвычайной ситуации, эвакуация немногочисленного дворянства, отъезд воеводы и передача власти военному коменданту, организация народного ополчения и установление караульных постов с пропускным режимом, заваливание снегом и лесом основных дорог, выплавка ядер для пушек и т. д. Главная задача тюменской воеводской канцелярии: не допустить бунтарского движения внутри уезда.

Экстракт представляет собой краткое изложение и является вторичным документом по отношению ко всему следственному делу, где каждый участник выполнял свои функции:

1) воевода и его помощники («товарищи») проводили допросы и определяли степень вины участников бунта: «имель согласие злодейское коменданта воеводу и протчих начальников зарезать и домы их разграбить и в самозванцеву партию уйти» (Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТО). Ф. И-47 «Тюменская воеводская канцелярия». Оп. 1. Д. 5454а. Л. 2);

2) писец, который записывал с учетом существующих формуляров-образцов устную речь подозреваемого или свидетеля;

3) подозреваемый или свидетель, чья устная речь трансформировалась в письменную и «оседала» в следственных документах.

Окончательный вариант допросов представляет собой результат трансформации устной речи в письменную речь, введения следственного материала в трафарет (формуляр) соответствующего жанра, «редакторской» правки и переписывания текста «набело».

Перед составителем же экстракта стояла задача передать основное содержание следственных материалов.

Таким образом, перед нами – «коллективный» субъект речи с первичной и вторичной информацией, где каждый из коммуникантов выполнял свою роль в процессе порождения документа.

Князья Ростовские при Михаиле Федоровиче по материалам боярских и жилецких списков

Смена династии и стремление монархии к абсолютизму привела к утрате влиятельными семьями Московского государства своего первенствующего положения. Среди них оказались и князья Ростовские, игравшие не малую роль в истории Московского государства в XVI – начале XVII вв. Эта ветвь дома Рюриковичей, восходящая к старшему сыну великого князя Всеволода Большое Гнездо, князю Константину, была широко представлена в составе Боярской Думы на протяжении всего этого периода (*Зимин А.А.* Суздальские и Ростовские князья во второй половине XV – первой трети XVI вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1976. Т. VII. С. 56–69; *Сергеев А.В.* Князья Суздальские и Ростовские во второй трети XVI в. // *Творческое наследие А.А. Зимина и современная российская историография. Доклады, статьи и воспоминания.* М., 2017. С. 181–199). К концу Смуты положение князей Ростовских заметно ухудшилось, несмотря на то, что некоторые из них при царе Василии Шуйском были пожалованы в думу. Согласно боярскому списку 1610/11 г. думный чин имел только князь Владимир Иванович Бахтеяров-Ростовский. Он умер в 1616/17 г. 2 февраля 1615 г. в бояре был пожалован князь Афанасий Васильевич Лобанов-Ростовский. Никто другой из рода князей Ростовских при царе Михаиле Федоровиче в думу пожалован не был. При Алексее Михайловиче боярская дума была расширена и несколько Ростовских князей были включены в нее. Таким образом, время царствования царя Михаила Федоровича стало для князей Ростовских понижением их позиций при дворе.

Для выяснения судьбы представителей этого рода за указанный период были привлечены боярские и жилецкие списки. Боярские списки сохранились за 1624–1645 гг. Жилецкие списки сохранились за 1616–1645 гг. с лакуной в шесть лет с 1637 по 1642 гг., так как за этот период жилецких списков пока не обнаружено. Боярские списки были двух видов – «подлинные» и «наличные». Целью составления и ведения «подлинных» боярских списков был контроль за личным составом государева двора. Они отражали полный состав служилой части двора за исключением жильцов, фиксировали все изменения в нем и основные служебные назначения московских чинов. Для учета текущего состава двора создавались т. н. «наличные» боярские списки, отражавшие наличие всех присутствующих в Москве лиц не занятых на службе за пределами столицы.

«Подлинные» боярские списки составлялись ежегодно, а «наличные» – по несколько раз в году по мере необходимости. К «наличным» боярским спискам также относятся «половинные» списки, в которых состав двора расписывался по служебным «половинам». Такие списки пока мало изучены. По всей видимости, они составлялись также раз в год.

Для учета состава жильцов велись жилецкие списки. Среди них также встречаются «подлинные», однако пока сложно провести классификацию этих документов по указанным видам. Имена жильцов в списках располагаются в порядке, соответствующем размеру поместного и денежного окладов. В некоторых списках указывается только поместный оклад, в некоторых – и поместный, и денежный. Рядом с именами жильцов имеются пометы о службе, состоянии здоровья, отпусках, повышении окладов и переводе в другой чин. Также среди помет имеются разного рода делопроизводственные знаки, например, крестик или литеры «е» и «н», которые, скорее всего, свидетельствуют о присутствии или отсутствии на смотре указанного лица. В конце некоторых списков составлялся перечень новопожалованных в чин за текущий год с указанием месяца.

При сопоставлении имен князей Ростовских, упоминающихся в боярских и жилецких списках за указанный период, с данными «Бархатной книги» обнаружилось отсутствие в ней ряда лиц. Это свидетельствует о том, что боярские списки являются более полным источником по истории дворянских родов, чем родословные росписи. Всего в боярских и жилецких списках 1616–1645 гг. упоминается 31 человек, относящийся к роду Ростовских князей. Старшая ветвь представлена князьями Щепиными (2 лица) и Приимковыми (12), которые являются потомками старшего сына князя Василия Константиновича (ум. 1316) князя Федора (ум. 1331). Младшая ветвь – князьями Катыревым (1), Буйносовыми (3), Темкиным (1), Касаткиными (6) и Лобановыми (6). Это потомки князя Константина Васильевича (ум. 1365), младшего брата князя Федора.

В течении всего указанного периода 10 человек из князей Ростовских значатся в жильцах, 5 – в патриарших стольниках, 4 – в стряпчих, 12 – в стольниках, 15 – в дворянах московских и один в боярах. 12 из них получили новый чин и четверо – третий чин. В жильцах отмечены шесть человек из семьи Приимковых и четверо – из Касаткиных. В патриарших стольниках служили два Приимкова, один Касаткин и два Лобанова. В стряпчих – все четверо Приимковы. В стольниках – один Щепин, четыре Приимкова, два Буйносова, один Темкин, один Касаткин и три Лобанова. В московских дворянах значится один Щепин, шесть Приимковых, один Катырев, один Буйносов, четыре Касаткиных и два Лобанова. В перечне

стольников самое высокое положение у кн. Ю.П. Буйносова и кн. М.М. Темкина (в первом десятке), в перечне московских дворян – у кн. И.М. Катырева, кн. И.П. Буйносова и кн. А.Д. Приимкова (в первом десятке). Положение остальных представителей Ростовских князей в указанных перечнях значительно ниже. Судя по пометам о службе, князья Ростовские не часто получали назначения. Двое из них – кн. Ю.П. Буйносов и кн. М.М. Темкин были назначены воеводами в Астрахань и Казань, где чаще всего проходили службу лица, имеющие боярский чин.

Таким образом, наиболее высокое положение в структуре государева двора занимали князья Катырев, Буйносовы и Темкин, имеющие всего от одного до трех представителей рода, тогда как более многочисленные ветви Приимковых, Касаткиных и Лобановых остаются на низких позициях. Князья Щепины также не занимают высокого положения. Дальнейшее изучение положения князей Ростовских при Михаиле Федоровиче следует связать с выяснением материальной обеспеченности указанных лиц.

*Е.С. Гришин, ассистент, преподаватель
РАНХиГС (Москва), вед. специалист ФГБУ «Гидроспециология»*

**Регулярная пространственная мобильность населения
в средние века как проблема социальной географии
(по материалам перемещений германского короля
Генриха IV в 1063–1073 гг.)**

Тема личной пространственной мобильности в средние века тесно примыкает к социальной географии: регулярность и длительность перемещений во многом определялась статусной принадлежностью, сословием и родом занятий конкретного человека. У нас пока ещё нет ясной картины зависимости пространственной мобильности индивидуума от его положения в социальной иерархии. Однако уже на основе известного материала можно указать, что эта зависимость не была прямой: владелец феода в марке, где происходили частые конфликты с внутренними и внешними врагами, не мог себе позволить надолго удалиться от своих владений; постоянные передвижения были самым надежным средством удерживать под контролем ситуацию. Географический кругозор средневекового человека, безусловно, был шире, чем его собственная мобильность, и в большей степени определялся его контактами, возможностью обращения к устным источникам. Однако и здесь регулярная информированность не могла выходить за определенные пределы.

Выбор в качестве фактографической основы исследования перемещений германского короля Генриха IV в 1063–1073 гг. обу-

словлен несколькими причинами, прежде всего, репрезентативным характером его географической активности. Кроме того, одно из достоинств десятилетнего периода, предшествовавшего Саксонской войне, состоит в возможности сопоставления нескольких нарративных источников, пространственно обособленных друг от друга. К ним относятся «Анналы» Ламберта Херсфельдского, «Альтайхские анналы», «Аугсбургские анналы» и «Анналы» Бертольда из Рейхенау. Безусловно, с точки зрения информативности первенство принадлежит Ламберту, однако именно возможность параллельного сравнения его сведений с текстом альтайхского анналиста позволяет говорить об информации и её распространении комплексно, без привязки к единственному источнику. Бертольд уступает обоим в географическом охвате событий и детальности сообщений; с другой стороны, по ряду моментов его сведения также полезны, проясняя противоречивую информацию из других источников. Пространственный кругозор «Аугсбургских анналов» довольно узок; тем важнее их роль в источниковой базе исследования: именно они представляют нам материал для калибрования перемещений, указывая только лишь даты пребывания Генриха IV в Аугсбурге.

Потенциал исследования характера географической мобильности Генриха IV состоит в двух основных аспектах: более детальный анализ социально-исторической географии Германии XI в. и источниковедческий аспект, позволяющие сделать ряд заключений относительно возможностей фиксирования перемещений короля в нарративных источниках.

Распространение информации в средние века лучше всего может быть определено словом «расползание». Германии, в отличие от Испании и Италии, досталось гораздо меньше римского наследства в виде мощеных дорог; регулярная курьерская служба не применялась, до организации почты оставалось ещё несколько веков. В этих условиях циркуляция сведений была тождественна географической активности населения и в среднем соответствовала обычной скорости пешехода. Как мы можем судить по материалу хроник, расползание новостей от одного герцогства к другому происходило импульсами. Стабильные перемещения между городом и деревней, между отдельными городами поддерживали регулярную, хоть и спонтанно организованную, циркуляцию сведений по всем землям империи.

Сравнение двух корпусов источников – анналов и источников официального происхождения – позволяет сформулировать несколько наблюдений относительно неравномерности в распределении сообщений по месяцам в анналах и хрониках. Регулярность сведений по декабрю объясняется регулярной рубрикацией – сооб-

щениями о праздновании Рождества. И без того малочисленные сообщения по февралю происходят в основном из Аугсбургских анналов, которые фиксировали прибытие короля в город. Повышение частоты упоминаний с марта по май уже нельзя списать только на рубрикацию, связанную с Пасхой, – в этом интервале и в самом деле происходит много значимых событий, которые ассоциировались с различными церковными праздниками. После июня следует провал вплоть до ноября. Если бы мы делали выводы о частоте перемещений короля и его людей лишь на основе анналистики, то могли бы прийти к ложному заключению, что в определенное время года активность затихает, а в отдельные месяцы, напротив, резко повышается. Все же распределение по сообщениям в анналах и хрониках показывает нам не столько реальную картину деятельности короля, сколько возможности наблюдения за этой деятельностью. Раскладка по грамотам дает более сбалансированную картину: июль, август и октябрь по плотности событий не отстают от прочих месяцев. Грамоты при всей их нерегулярности демонстрируют сравнительно равномерное распределение материала по годичному интервалу: и перемещение, и государственные дела, если и прерываются на некоторое время, то не проявляют в этих перерывах какой-либо цикличности или закономерности.

*А.Л. Грязнов, с.н.с.
НП «НИЦ «Древности» (Вологда)*

Княжеские села на Белоозере в XIV–XVI веках

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект «Родовое землевладение Белоозерских князей в XV–XVI вв.» № 17-01-00073

Данные топонимики сравнительно давно используются для локализации владений землевладельцев XIV–XVI вв. В основном это отождествление названий владельческих центров с именами/прозвищами/фамилиями своих владельцев. В свое время С.Б. Веселовский наглядно продемонстрировал применимость такого подхода для реконструкции землевладения древнейших московских боярских родов. Однако есть случаи, когда сведения письменных источников дают достаточно полную картину как географии, так и истории землевладения какого-либо рода. Тогда появляется возможность проверить корректность информации, получаемой благодаря топонимике.

Одним из таких случаев является землевладение Белоозерских князей. Районы расположения их владений в XV–XVI вв. давно известны, а генеалогия и антропонимика за ранний период вполне

подробно отражены в родословных. В таком случае достаточно легко выявить поселения, названия которых могли бы быть связаны с именами или прозвищами кого-либо из Белозерских князей. К их числу относится с. Никольское под Звенигородом, перешедшее кн. Фунику Кемскому в конце XV в. Во владении потомков Фуника это село оставалось до второй половины 1560-х гг. и ныне известно под названием Фуньково. На рубеже XV–XVI вв. большое владение в Дябринской вол. приобрел кн. Ахметек Согорский. Эта вотчина оставалась во владении потомков Ахметека до 1550/51 г., а ее владельческий центр в это время был известен под названием Ахметеково. В Вадбальской вол. поблизости от других владельческих центров, принадлежавших князьям Вадбальским, находится д. Драницыно. Ее название можно связать с представителями младшей линии Вадбальских князей Иваном Драницей и его сыном Дмитрием Драницыным. В целом, этими тремя примерами ограничиваются сведения о связи названий владельческих центров с именами их владельцев из Белозерских князей. Причем, в двух случаях мы имеем дело с приобретениями за пределами родового гнезда.

С другой стороны, если проанализировать все известные названия княжеских сел на Белоозере, то становится видно, что в большинстве своем древнейшие из них имеют названия по церквям (Никольское, Ильинское, Покровское, Вознесенское, Воздвиженское, Борисоглебское, Юрьевское, Семеновское, Васильевское, Всехсвятское, Георгиевское) и можно выделить несколько случаев посвящения храма в селе, соименное его первому вероятному владельцу (Георгиевское в Вадбале, Крутое в Шелешпале, Васильевское на Ухтоме). Однако часть сел и селец имеют «обычные» названия (Крутое, Великое, Гридинское, Пожар). Связано это, по всей видимости, с тем, что эти села выросли из селец, появившихся в результате дробления княжеской вотчины. Иногда источники позволяют зафиксировать такие случаи. В частности, сначала в качестве деревень, а позднее селец и сел упоминаются Билбякино, Бояринцево, Яковлевское, Панинская. Процессы повышения статуса поселений улавливаются с рубежа XV–XVI веков.

Для более раннего периода характерна ситуация, когда по имени владельца называется не село, а целая волость. В конце XIV в. это Федосьин Городок, являвшийся ядром владений княгини Федосьи, а в конце XV в. это Углеца Константинова, принадлежавшая кн. Константину Дмитриевичу Угольскому. В целом, для XIV–XV вв. у белозерских князей характерно выделение новых фамилий на основе названия волостей, которыми владела выделяющаяся ветвь рода. В этом плане топонимика и антропонимика полностью согласуются друг с другом. Причем необходимо учитывать, что на раннем этапе,

когда целой волостью или даже группой волостей владел один князь, сел в его владении (даже на территории одной волости) могло быть больше одного. При этом сам князь, скорее всего, жил в городе, и село, таким образом, не являлось его резиденцией и, следовательно, не было причин для именования села по имени владельца. В этот период второе название по имени князя могла получить непосредственно волость (что мы и видим на примере Федосьина Городка и Углецы Константиновой). На этапе, когда разделу начали подвергаться владения непосредственно в пределах одной волости, владельческими центрами становились села, уже существовавшие на тот момент (именовавшиеся по церквям). На следующем этапе, когда владельческие центры возникали в бывших деревнях, для названия сел и селец использовались уже устоявшиеся названия.

Пример с княжеским землевладением может создать впечатление, что именование по владельцам не было продуктивным способом номинации населенных пунктов на Белоозере, однако, это совершенно не так. Названия по именам своих владельцев на протяжении XIV–XVI вв. получали как боярские села (Бабинское, Лопатино, Елизарово Раменье, Семеново Раменье, Иванов Борок, Романова Слободка, Угрюмово), так и владения вотчинников средней руки (Поленовская, Максимово, Есипово, Третьяково, Заломова).

Как же можно интерпретировать полученные сведения? В целом, использование только данных топонимики дало бы лишь самые общие сведения о землевладении Белозерских князей. Отличия, выявляемые в распространенности именовании владельческих центров в княжеских вотчинах с одной стороны и вотчинах нетитулованных землевладельцев с другой, связаны, скорее всего, с тем, что первоначально владения князей включали уже вполне освоенные территории с относительно развитой поселенческой структурой. Села на этих землях первоначально не становились княжескими резиденциями и вплоть до рубежа XV–XVI вв. условий для усвоения ими названий по именам владельцев не было. Названия по имени или фамилии владельцев могли получить села, которые были во владении одной линии на протяжении длительного времени, но акты XVI в. показывают высокую интенсивность перераспределения владений внутри рода Белозерских князей. С вотчинами нетитулованных феодалов ситуация была несколько иной. Как правило, они были гораздо меньших размеров, чем княжеские владения и в селе располагалась резиденция владельца. Это и создавало условия для появления «говорящих» топонимов.

Объемы московской глиняной посуды как исторический источник

Тема объемов в глиняной посуде мало или почти не разработана. На протяжении веков русские меры претерпевали значительные изменения. Например, в X–XII вв. меры веса сыпучих тел, меры жидкости были весьма неопределенны и изрядно колебались, а в т. н. «период раздробленности» XIII–XV вв. использовались различные меры, чаще всего заимствованные из соседних государств. В XVI–XVII вв., несмотря на значительные исторические потрясения, происходит процесс стабилизации русской метрологии, в стране создается единый товарный рынок, в котором устанавливается твердая метрологическая система. Мы недавно начали работу по изучению метрических единиц в русском гончарстве, поэтому остановимся на некоторых вопросах кратко.

Для того, чтобы развернуть эту работу в полном объеме, необходимо, во-первых, знать всю русскую метрологию от древнерусского периода до XVIII в., и когда в России стали использоваться наравне с русскими мерами иностранную метрологию. Во-вторых, иметь достаточно значительный фонд целых сосудов XVI–XVIII вв. В нашем распоряжении имеется почти 295 ед. целых форм. Все формы (чертежи) были разбиты по элементам в точках перегиба контура формы. По всем чертежам форм были рассчитаны объемы. Формула объема усеченного конуса хорошо известна, она послужила основным инструментом для получения этой информации. Здесь надо сделать несколько важных замечаний: 1. мы считали только внутренний объем, толщина стенок сосуда учитывалась округленно – 7 мм; 2. мы не считали первый элемент, часть венчика, которая не несет полезного объема; 3. мы не считали объем поддона, который также не несет объема.

Русские меры длины, которые использовались в быту:

Вершок – мера длины, равная ширине двух пальцев (указательного и среднего). Вершок = $1/16$ аршина = 1,75 дюйма = 44,45 мм.

Локоть – древнейшая мера длины, которой пользовались многие народы мира. Это расстояние от конца вытянутого среднего пальца руки или сжатого кулака до локтевого сгиба. Его длина колебалась от 38 см до 46 см или 11–16 вершков.

Пядь, пядень (или четверть). Название происходит от древнерусского слова «пясть», т. е. кулак или кисть руки. Различают пядь

малую – расстояние между концами вытянутых большого и указательного пальцев, которое составляет около 18 см, и пядь великую – расстояние от конца вытянутого мизинца до конца большого пальца, 22–23 см.

Меры объема:

Четверик = 8 гарнцев = 2 ведра = 26,24 л

Ведро = 13,12 л

Гарнец = 1/4 ведра = 1/8 четверика = 3,28 л

Гарнец = 4 кварты = 16 стаканов = 8 фунтов = 3,28 л

В результате мы получили информацию по объемам:

По *горшкам* – всего 56 ед.: объемы от 0,336 л – до 3,683 л. Среди горшков есть объемы, которые дают нам возможность предполагать, что они близки русским мерам – гарнцам. Это большие горшки, близкие к величине объема 3,28 л. Использовались для приготовления пищи. Их ставили на стол.

Корчаги и зерновики – 18 ед., хоть и дают большие объемы, но они совершенно не совпадают с древними мерами, они самые крупные из того, что у нас есть. В основном, мы получили самые популярные размеры от 25 л до 40 л.

По *мискам* – 44 ед. Разброс здесь очень велик от 0,008 л до 0,851 л.

По *кувшинам* – 156 ед. от 100 г до 4,250 л. Более всего кувшинов XVIII в. (115 ед.), они дают показатели от 1,5 л до 3,0 л. Ранние кувшины дают «разнобой».

Подведем итог. Есть параметры горшков, кувшинов и других форм, которые дают нам близкие величины, но они «тонут» в обширной «разновеликости» представленных форм в нашей коллекции. Этому «разнобою» в размерах есть вполне разумное объяснение. Дело в том, что мы имеем дело с посудой, большая часть которой сделана до XVIII в. В XI–XVI вв. посуду делали вручную, на ручных и ножных кругах, чаще всего на ручных, следовательно, эти формы никогда не попадут в «правильный» размер. Формы, сделанные на ножных кругах, больше «похожи» на стандартные формы, однако и они были строго индивидуальны. Это не литейная форма, где всё вычислено до миллиметра. Гончар в них только *пытался* выдержать точный размер, но всё было «на глазок», приблизительно. Судя по этнографическим наблюдениям, можно сказать, что горшки сами служили «мерой» для продажи (или обмена), особенно это относилось к продаже «сыпучих» продуктов (зерна, крупы, и т. д.).

Русская метрология на протяжении нескольких веков оказалась в изоляции, но постепенно с развитием торговли и обмена, особенно в период выхода из-под золотоордынской зависимости, начался

процесс сопоставления и освоения когда-то выработанных величин с торговыми стандартами европейских стран. Это привело к установлению компромиссных весовых единиц.

Итак, подведем итог. Нам представляется, что предложенная схема *систематизации* (назовем так нашу обработку материала) вполне достигла нужного результата. Мы получили количественные характеристики археологических форм из раскопок и теперь можем их анализировать с точки зрения не только самой формы (её конструкции), но и их соотношения между собой. Речь идет о том, какие функции в хозяйстве человека выполняли те или иные формы. Надо ещё добавить, что данные объемов сосудов, особенно собранных в одном жилище или доме, могут косвенно свидетельствовать о количестве членов семьи и о распределении типов посуды по функциям: для сохранения продуктов, для еды, для питья. Естественно, что этой информации мало, и поэтому необходимо увеличение материала для обработки и вычислений.

А.Н. Гуслистова, н.с.
НИИ «НИИЦ «Древности» (Вологда)

Топография Вологды в XVII веке

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-49-350008 «Вологда в период Позднего Средневековья: междисциплинарные исследования по материалам раскопок влажного культурного слоя в границах крепости XVI века»)

Значительный корпус кадастров позволяет подробно изучить топографию Вологды в XVII в. В историографии утвердилось мнение о том, что в XVII в. Вологда делилась на четыре района: собственно Город (крепость грозненского времени), Верхний и Нижний посады и Заречье. Однако ни кадастрам, ни другим источникам такое деление неизвестно. В документах XVII в. городская территория включает в себя Город и посад, причем здесь располагались дворы как посадских людей, т. е. тяглого населения, так и монастырей и дворянства, т. е. белые. К посаду примыкали городские слободы архиепископа и нескольких монастырей и пригородные села. Весь этот комплекс объектов с разным юридическим статусом и образовывал собственно город Вологду. Наиболее полно такая структура представлена в материалах писцового описания 1627 г. В результате посадской реформы в юридическом плане город стал более монолитным. Тем не менее, и в дальнейшем внутри Вологды сохранялось прежнее территориальное деление, включающее Город, посад и слободы.

Несмотря на то, что термин Город в XVII–XVIII вв. применялся к крепости, построенной при Иване IV, деление Вологды на Город и посад известно еще до ее строительства. Впервые в явном виде Город упоминается в жалованной грамоте кн. Андрея Меньшого 1467 г. на двор Кирилло-Белозерского монастыря. О том, что в данном случае говорится не о городе в широком смысле, а о его укрепленной части, свидетельствует другая грамота этого же князя от 1471 г., по которой этот двор локализуется «на Вологде внутри Города». В двусоставном виде (Город и посад) Вологда впервые упоминается в летописном известии о передаче церквей в ней в состав Пермской епархии, когда митрополит и новгородский архиепископ передали Пермской епископии свои церкви в Вологде «в городе и на посаде».

Внутренняя структура города была вполне традиционной для городов Московского государства. Существовало несколько районов (Горы, Камень, Болото, Обухово, Ехаловы Кузнецы). По их территории проходили улицы и переулки. Трассы улиц учитывали естественный рельеф, огибая низинные и заболоченные территории. Берега рек и ручьев соединяли мосты. Улицы, проходившие по берегу реки, именовались берегами (Мироносицкий, Сретенский и др.).

Важным элементом городской топографии были храмы. При описании пожара 1525 г. сказано, что в Вологде сгорело 30 церквей. В писцовой книге 1627 г. упоминается 40 действующих церквей и несколько церковных мест. В 1702 г. в Вологде было 47 действующих церквей и 6 церковных мест. Расположение церквей, точнее их плотность, хорошо коррелируется с древностью заселения соответствующих районов. Наибольшая плотность наблюдается на территории, где городская система расселения прослеживается уже в XIII–XIV вв. Немногим менее плотная храмовая застройка наблюдается в местах, заселение которых датируется временем не позднее XV в. (в границах грозненской крепости). В относительно новых районах (Рощенье, Новинки, Козлена), церкви расположены на значительном удалении друг от друга.

Кроме разделения на Город и посад, источники XVII в. знают еще три системы описания внутренней структуры города: третнюю, сороковую и приходскую. В окладных книгах Вологодской епархии XVII в. городские церкви разделены на четыре комплекса: в Городе, Владимирская, Успенская и Мироносицкая трети. Локализация храмов, относящихся к ним, показывает, что это были именно территориальные комплексы, имевшие четкие границы. М.С. Черкасова связывает третнее деление вологодских храмов со следами разной церковной юрисдикции до передачи Вологды в состав Пермской епархии (митрополичьей – Успенская, новгородской – Влади-

мирская и ростовской – Мироносицкая). Однако, в летописном сообщении ничего не говорится о храмах, относившихся к Ростовской епархии, а храмы под митрополичьей и новгородской юрисдикцией располагались не только на посаде, но и в Городе, т. е. в пределах крепости, локализуемой в районе Ленивой площадки (на территории позднейшей Успенской трети).

Если деление на трети использовалось только во внутрицерковной документации, то сороковое деление находило более широкое применение. Сороковое деление использовалось в описаниях 1617, 1657, 1687 гг., в актах и таможенных книгах. Всего в Вологде насчитывалось 14 сороков (8 на городской стороне и 6 на заречной). Особенностью сорокового деления было то, что оно не распространялось на Город, а охватывало только посад. Сопоставление кадастров, с разной системой фиксации места жительства вологжан (по улицам и по сорокам) позволяет определить, какие улицы относились к тем или иным сорокам, а привязка сороков к соответствующим группам приходов, помогает определить районы, по которым проходили эти улицы.

Писцы, описывавшие Вологду, не придерживались единых правил при фиксации городской топографии. Например, в Покровской улице в разное время числилось от 13 до 25 дворов, а в Пятницкой со всеми переулками от 67 до 200. Очевидно, что здесь речь идет не о физическом исчезновении дворов, а о разных методах идентификации улиц. В результате такой «подвижности» городской топографии один и тот же двор мог быть отнесен к разным улицам. В таких случаях более надежной реконструкции городской топографии можно достичь, локализуя упоминаемые в источниках элементы городской среды (башни, ворота, административные учреждения). Например, в Спасо-Прилуцком виде «Летописца от 72-х язык» сообщается, что в 1568 г. в Вологде на царском дворе началось строительство церкви Рождества Христова, а напротив нее каменной палаты. Точное место расположения царского двора неизвестно, а Рождественская церковь до настоящего времени не сохранилась. Однако, ее расположение можно определить поблизости от Рождественской башни вологодской крепости. Недалеко от этого места располагается существующая ныне церковь Покрова Пресвятой Богородицы, которая по писцовой книге 1627 г. находилась «на старом на государеве дворе». Таким образом, удастся выяснить расположение царского двора, а проводившиеся в этом районе археологические раскопки выявили трассу улицы и несколько усадеб, располагавшихся, судя по всему, в непосредственной близости от царской резиденции.

Новые сведения к биографии А.А. Виниуса в 1693 году

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00511

Имя Андрея Андреевича Виниуса широко известно в научной литературе. Уникальный карьерный путь выделяет его среди представителей нетитулованной элиты второй половины XVII – начала XVIII в. Переводчик, московский дворянин, дьяк, думный дьяк, почтмейстер, работа в Посольском, Аптекарском, Сибирском приказах – вот далеко не полный перечень его служб. Ему посвящены многочисленные статьи, несколько монографий и диссертация. Из них следует выделить труд И.Н. Юркина, отличающийся глубокой проработкой источников (*Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. М., 2007. 552 с.). Однако, несмотря на богатую историографическую традицию, далеко не все стороны биографии А.А. Виниуса освещены с должной полнотой. Постоянно появляющиеся новые исследования (см., например: *Шамин С.М.* Новые данные о карьере Андрея Андреевича Виниуса: 1664–1674 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXXII Межд. науч. конф. Москва, 11–12 апр. 2019 г. М., 2019, в печати) лишний раз доказывают неисчерпаемость архивных источников.

Одним из наименее изученных фрагментов жизнеописания Виниуса является его поездка в феврале 1693 г. к малороссийскому гетману Ивану Степановичу Мазепе. Официальная цель путешествия заключалась в оповещении малороссийских должностных лиц в рождении дочери царя Ивана Алексеевича – Анны (будущей императрицы в 1730–1740 гг.). Общая канва миссии известна еще со времен С.М. Соловьева, однако изучение архивных источников позволило раскрыть некоторые любопытные подробности.

Еще в сентябре – октябре 1690 г. А.А. Виниус, возвратившийся годом ранее в Посольский приказ в чине дьяка, затеял т. н. «местническое» дело за право числиться вторым в списке дьяков приказа (подробнее: *Юркин И.Н.* Указ. соч. С. 197–199). Он обосновывал свой запрос более ранним пожалованием во дворяне, чем получение чина дьяка его основными оппонентами – В. Посниковым и Б. Михайловым. Дело не двигалось с мертвой точки более двух лет по причине, на наш взгляд, не столько пресловутой «приказной волокиты», сколько из-за особенностей послужного списка участников спора. Противники Виниуса отличались значительными заслугами на дипломатическом поприще, чего явно не хватало Андрею

Андреевичу. Сейчас сложно сказать, каким образом он добился назначения посланцем к гетману, но результаты поездки оправдали его вероятные ожидания.

При подготовке миссии в феврале 1693 г. Виниус «напомнил» о своих претензиях, подав челобитную, в которой просил внести изменения в текст грамот и наказа, которые он вез с собой (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Ед. хр. 219. Л. 66). Суть прошения заключалась в написании его отчества с «вичем», а ссылаясь он на ту же грамоту 1675 г. о «сыску серебряных и медных руд», которая использовалась, в числе прочего, при возбуждении тяжбы в 1690 г. (*Сторожев В.Н.* Дело дьяка А.А. Виниуса. Тверь, 1896. С. 2). Результатом рассмотрения дела стало решение, подтверждавшее его право на соответствующее отчество и санкционировавшее корректировку дипломатических документов. В начале июня после возвращения дьяка в Москву ситуация о «местничестве» окончательно разрешилась в его пользу. 18 июня 1693 г. указом царей Виниусу велено «сидеть выше дьяков Василия Посникова, Бориса Михайлова» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1693 г. Ед. хр. 5. Л. 1).

В целом поездка сыграла определенную роль в процессе формирования внешнеполитических интересов молодого царя Петра I Алексеевича. Как позже писал сам Виниус, из Батурина он «согласие гетманское привез Азовской победы» (*Юркин И.Н.* Указ. соч. С. 200). Прямого указания о планировании нападения на Азов в документации Малороссийского приказа обнаружить пока не удалось. Однако в процессе обсуждения будущего похода в низовья Днепра вполне могла возникнуть идея о необходимости отвлечения сил турок одновременной атакой на разных театрах боевых действий. Кроме того, в рамках вялотекущей (на тот момент) Русско-османской войны 1686–1700 гг. поднимались вопросы проведения активной разведки в пограничных районах, подготовки обороны южного порубежья в случае наступления неприятеля и пр. (РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Ед. хр. 219. Л. 120–132 и др.).

Проведенный анализ источников и историографии позволяет предположить следующую цепочку событий. По приезде в Москву Виниус после непродолжительной паузы отправляется в новую поездку в Архангельск (в июле), на этот раз уже с самим Петром I. Царю был необходим эрудированный собеседник во время первой дальней поездки, который мог из первых рук проинформировать о событиях внешней политики, а при необходимости и выступить посредником в общении с иностранцами. К тому времени дьяк, исполнявший уже несколько лет должность почтмейстера, был хорошо известен молодому самодержцу как составитель выписок из курантов. С 1690 г. Виниус не только формировал, но и регулярно

зачитывал этот «экстракт» информации о жизни зарубежных стран (Шамин С.М. Формирование внешнеполитических представлений Петра I и выписки из курантов 1690–1693 гг. // Российская история. 2012. № 4. С. 115–119). Параллельно он давал уроки иностранного (голландского, а, возможно, и немецкого) языка монарху. В ходе путешествия на север происходит их сближение, переросшее на ближайшие несколько лет в тесное сотрудничество (Юркин И.Н. Указ. соч. С. 213–215). Полагаем, что, делясь впечатлениями от поездки к Мазепе, Виниус неоднократно обсуждал с любопытствующим самодержцем и военные вопросы противостояния Османской империи и Крыму. Отсюда становится понятна и начавшая формироваться подспудно идея об атаке пестуемых «потешных» полков на Азовскую крепость, размеры гарнизона которой (4–6 тыс. человек) не предполагали ожесточенного сопротивления. При этом основной удар силами регулярной армии (полки Белгородского разряда) при поддержке войск гетмана предполагалось нанести по крепости Казыкермень и другим укрепленным пунктам в низовьях Днепра.

Т.Н. Джаксон, д.и.н., г.н.с.
ИВИ РАН

Исландия – знакомая и незнакомая

Работа выполнена по гранту РФФИ №18-09-00486

Со времен Пифея (вторая половина IV в. до н. э.), чье подлинное сообщение до нас, к сожалению, не дошло, греческие и римские писатели и географы, описывая крайний (в их понимании) север, живописали удивительный *остров Туле* (варианты: *Фула, Тула, Тиле*), который (в пересказе Страбона) «отстоит от Бреттании к северу на 6 дней морского пути и находится вблизи замерзшего моря», «является наиболее отдаленной страной», а в соседних с ним областях «нет более ни земли в собственном смысле, ни моря, ни воздуха, а некое вещество, сгустившееся из всех этих элементов, похожее на морское легкое..., по нему невозможно ни пройти, ни проплыть на корабле» (I.4.2, II.4.1, II.5.8). Возникнув как воплощение человеческого представления о крайнем северном пределе обитаемой земли, остров Туле – по мере расширения географических знаний – «сместался» на север. Ранне-средневековые авторы крайне мало сумели добавить к тому, что уже было сказано авторами античными, и лишь повторяли их удивительные рассказы. Существует предположение, что первым, кто, описывая остров Туле, имел в виду не какие-то иные

земли, а Исландию, был ирландский монах и ученый Дикуил (до 770 – после 825 г.), который в географическом трактате «Об измерении круга Земли» (VII.7–13) рассказал о неизвестных ранее островах в Атлантическом океане (один из них *Туле*) со слов проживавших там ирландских монахов. Предположение это подкрепляется словами первого исландского историка Ари Мудрого (1067/68–1148 гг.), утверждавшего, что раньше, чем Исландия была заселена из Норвегии, здесь были какие-то крещеные люди, но они не хотели находиться рядом с язычниками и уехали прочь, оставив после себя ирландские книги, колокола и посохи, из чего он заключил, что они были ирландцами (подробнее см.: *Джаксон Т.Н. Ultima Thule* в западноевропейской и исландской традициях // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. М., 2005. С. 63–72).

Всё же действительно открыта (в том смысле, что за открытием последовало заселение) Исландия была около 870 г. Источники называют различные имена, но честь первооткрывателя острова отдана традицией норвежцу Ингольву Арнарсону. В конце IX – начале X в. около 420 семей «взяли землю» на острове, а уже в 930 г. в Исландии был учрежден Альтинг, который стал собираться раз в год, в июне, на Полях Тинга, в районе современного Рейкьявика. Однако «письменная фиксация» острова произошла значительно позднее, когда на практике он был уже достаточно хорошо известен: впервые Исландия была описана в 70-х гг. XI в. в хронике Адама Бременского «Деяния архиепископов гамбургской церкви» («*Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*»). Адам пишет об Исландии (IV.36), держась, как он утверждает, «правдивости, избегая рассказней» (*Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви* / Пер. В.В. Рыбакова // *Немецкие анналы и хроники X–XI столетий*. М., 2012. С. 443), а в действительности – на основании книжной учености, соединенной с библейской мудростью. Ссылаясь в одном параграфе и нескольких схождениях (либо цитируя / пересказывая без указания) на Саллюстия, Плиния, Лукана, Солина, Марциана Капеллу, Павла Орозия, Беду Достопочтенного (упоминающего к тому же Пифея), а также Книгу Чисел, Евангелие от Иоанна, Деяния святых Апостолов, Первое послание к Тимофею и Послание к Римлянам, Адам рисует образ лежащего «далеко в середине океана», «почти неизвестного» и «бесконечно отнесенного от прочих» острова Тиле (*insula Thyle*), носящего имя «Исландия» (*Island*) «по тому льду, что сковывает океан», черному и способному к горению; острова, где по полгода не бывает ночи и дня, где «совсем нет плодов, деревьев [же] очень мало», где люди «обитают в подземных пещерах», «живут за счет разведения скота и укрыва-

ются его шкурами» (Там же. С. 442–443). Далеко не такой была жизнь на острове к середине XI в., так что Адам просто воспользовался стандартным приемом для описания тех земель, о которых ничего не знал: он составил компиляцию из книжных сведений.

Сочинение Адама, как считают исследователи, послужило главным источником и образцом для анонимной норвежской «Истории Норвегии» («*Historia Norwegie*»), записанной примерно веком позднее, около 1170 г. (*Mortensen L.B. Introduction // Historia Norwegie / I. Ekrem, L.B. Mortensen. Tr. by P. Fisher. Copenhagen, 2003. P. 8–47*). Вопреки ожиданиям, в описании Исландии (HN VIII) аноним ни в коей мере не следует за Адамом. Он лишь сообщает, что «римляне называли остров *ultima Tile* (“Крайняя Тиле”)), но не пересказывает при этом ни одного из устоявшихся книжных мифов относительно этого острова. Напротив, его рассказ выдает принадлежность другой традиции. Наряду с трудом Адама, называют еще один источник германского происхождения, который мог послужить моделью для автора «Истории Норвегии»: «Образ мира» Гонория Августодунского (между 1110 и 1139 гг.). Но также среди источников называют сочинения исландских историков начала XII в. Ари Мудрого и Сэмунда Мудрого. Явно не последнее место среди источников занимала и устная традиция, как утверждают, не связанная с исландскими сагами (подробнее см.: *Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Изд. второе, в одной книге, испр. и доп. М., 2012. С. 545–553*). Не вызывает сомнения хорошее знакомство с островом самого автора либо его информантов. Судя по количеству описанных в «Истории Норвегии» природных чудес, то, что путешественники видели в Исландии, о чем впоследствии рассказывали, потрясало воображение и закреплялось в устной традиции, почему анонимному автору и не пришлось в рассказе об этом острове прибегать к древнему книжному знанию.

*А.Р. Джисоева, к.и.н., н.с.
ОР БАН*

Планы и карты XVIII века с орнаментированными картушами (из собрания рукописных карт БАН)

Основой коллекции рукописных карт БАН являются карты и планы Географического департамента Академии наук, в том числе унаследованные им чертежи кабинета Петра Великого, картографические материалы первых экспедиций к границам России и материалы для подготовки Атласа Всероссийской Империи Ивана Кириллова. Были и другие источники пополнения собрания карт Географического департамента, например, чертежи, выполненные

артиллерийскими инженерами. Причины, по которым артиллерийские чертежи разного времени оказались в БАН, нам пока точно не известны, вопрос требует изучения.

На данном этапе исследование истории поступлений карт и планов из Артиллерии в Академию наук сводится к выявлению одной довольно яркой группы планов и карт XVIII в., имеющих штампы Географического департамента, но составленных в Артиллерии. Некоторые из них имеют подписи с указанием чинов, другие не подписаны, но имеют те же характерные особенности в оформлении картушей: название указывается на широкой ленте, концы которой спадают симметрично каскадом складок, экспликация дается в развернутом свитке с подворачивающимися на зрителя уголками или надорванными краями, которые туго скручиваются, предоставляя чертежнику возможность светотеневой моделировки малинового испода нарисованного листа. Эти два варианта картушей часто встречаются на чертежах XVIII в. Но в выявленной нами группе планов и карт есть еще третий особый картуш для масштаба, который указывается в прямоугольнике с орнаментированной рамкой или на прямоугольной стороне бруска, данного в аксонометрической проекции. Картуш этот украшен стилизованными хризантемами нежных оттенков розового, голубого, желтого и зеленого, иногда они прорисованы поверх размытых акварельных пятнышек, совпадающих по цвету с тонкими нитевидными лепестками. На некоторых таких картушах ниточки лепестков преобразовываются в сетку кракелюра, а дальнейшее развитие мотивов этого обрамления в руках составителей и копиистов приводит к изображению бруска в элегантных мраморных разводах, позже – в пятнах мрачно-розовых оттенков розового, черного и серого, напоминающих расцветку гранита.

В коллекции рукописных карт ОР БАН выявлено 26 ед. хр., относящихся к указанной группе чертежей. Шифры рассматриваемых материалов дополнены указанием в скобках номера по каталогу Б.В. Александрова (*Александров Б.В.* Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в Отделе рукописной книги Библиотеки Академии наук СССР // Географический департамент Академии наук XVIII века. Приложение II / Ред. В.Ф. Гнучева. М.; Л., 1946. С. 267–412), в случае, если описание чертежа было в нем опубликовано: Осн. оп. 134 (№ 685), 296, 297, 298, 299, 300, 391 (№ 48), 377 (№ 37), 614 (№ 449), 618 (№ 448), 635 (№ 542), 636 (№ 543), 637 (№ 541), 642 (№ 545), 707, 717 (№ 322), 718 (№ 323), 733 (№ 334), 734 (№ 336), 736 (№ 338), 742 (№ 344), 827 (№ 424), 828 (№ 423), 829 (№ 425), 836 (№ 426); Доп. оп. 226, чертежи № 2, 3, 4.

Почти все планы датированы и относятся к 1730–1740-м гг. В них отражены направления и результаты военных походов этого времени (Русско-турецкие кампании 1735–1739 гг., договор о границе с Турцией 1740-х гг., русско-шведская война 1741–1743 гг.).

Таким же образом оформленные планы крепостей есть в РГВИА, РГИА и архиве ВИМАИВиВС. Некоторые из этих чертежей опубликованы в великолепном издании, посвященном крепостным сооружениям России XV–XVII вв. (*Воротникова И.А., Неделлин В.М.* Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. М., 2016–2017. Т. 1–2). Все эти чертежи также датированы 1730–1740-ми гг. или же первой половиной XVIII в., за исключением немногих планов 1750–1760-х гг., имеющих особенностью грязноватый тон акварелей на бруске-картуше. Подписаны эти чертежи, в основном, теми же офицерами, что и планы коллекции БАН – артиллерийскими инженерами Рухом, де Боскетом и др. или же учениками и выпускниками Шляхетного кадетского корпуса Чеглоковым, Аракчеевым, например, и даже выучениками первой артиллерийской школы, выпускниками 1718 г. Иваном Сацеперовым, Петром Кутузовым и др.

Планы 1740-х гг., исполненные учениками и выпускниками кадетского шляхетного корпуса, могут быть соотнесены с образцами работ кадетов, обучавшихся артиллерии и фортификации в классе у капитан-поручика Ивана Ремезова (См. альбом с фортификационными учебными планами: РО БАН. Рукописные карты. Доп. оп. 266). Но Иван Ремезов в 1730-е гг. сам еще учился в только открывшемся в 1732 г. Кадетском корпусе, где в 1740-е гг. стал преподавать.

Самые ранние карты и планы с подобным приемом в оформлении картушей относятся к 1724–1735 гг. Скажем, «Ландкарта Табасарана» (РО БАН. Рукоп. карты. Осн. оп. 391) и «Карта Святого Креста», показывающая место соединения рек Сулака и Аграхани, где была поставлена крепость (Там же. 377), имеют в картушах орнамент из нежных хризантем желтого, зеленого, голубого и розового цветов. Как мы уже отметили, в 1740-е гг. этот мотив трансформировался в разноцветную кракелюровую сетку и в мраморные разводы тех же, а затем и других оттенков.

Таким образом, нам стал понятен круг исполнителей чертежей с особым стилем в оформлении картушей с цветами и цветными разводами – это инженеры-артиллеристы от выпуска 1718 г. еще Московской Артиллерийской школы (Альбом выпускных работ этого года с чертежами крепостей (без картушей) и с перечнем учеников хранится в РО БАН: П. I. Б. 23) до выпускников Шляхетного кадетского корпуса. Кроме того, мы представляем, как развивался мотив

оформления картушей, и можем на глаз приблизительно определить период составления чертежа рассматриваемого круга (при отсутствии подписей и даты) по декоративному приему. Появились и новые вопросы. Хотелось бы выяснить, что повлияло на формирование создавшейся традиции оформления чертежей в рассматриваемой манере, а также понять, в каких случаях одни и те же исполнители чертили, тщательно выписывая акварелью узоры картушей, а в каких – даже не выделяя графический масштаб обводкой тушью.

*Л.И. Добровольская, к.и.н., зав. сектором
Гос. Эрмитаж*

К вопросу о материальных «преимуществах» по ордену Св. Георгия

В первом же Статуте Военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия содержатся статьи о материальных преимуществах кавалеров (ПСЗРИ. 1769. Т. 18. № 13387). Размеры пожизненных пенсий старшим по времени пожалования кавалерам составляли в зависимости от степени: 700–400 – 200–100 руб. На все пенсии отпускатось 38 400 руб.; лимит по первому классу ранялся 8400 руб., по остальным – по 10 000 руб. Смешивать суммы, отпущенные на каждый класс, запрещалось.

Согласно Статуту, учрежденного 13 февраля 1807 г. Знака отличия Военного ордена, дополнительные выплаты получали нижние чины, удостоенные этой награды. За первый и второй подвиги добавлялось по 1/3 жалования, за несколько – по целому. Вдовы получали пенсии еще в течение года после смерти награжденного.

В 1833 г. все выплаты по ордену и Знаку отличия были подтверждены в новом Статуте. При этом общее число льгот было увеличено (ПСЗРИ. 1833. Т. 8. № 6611. Ст. 55–67). Старшинство для получения пенсии зависело от чина награжденного. Иностранные кавалеры, живущие за границей, пенсий не получали, а иностранцы на российской службе после ее оставления и выезде за границу их лишались. Все права и преимущества распространялись на тех, кто получил Знак отличия, будучи в ополчении (Ст. 113–132).

Высочайшим Указом от 1 января 1843 г. были изменены на «пенсии» названия выплат по всем орденам, а также их суммы и количество вакансий. По ордену св. Георгия 1 ст. – 1000 руб. (6 чел.), 2 ст. – 400 руб. (25 чел.), 3 ст. – 200 руб. (50 чел.), 4 ст. – 100 руб. (150 чел.) (ПСЗРИ. 1843. Т. 18. № 16404).

С разделением в 1856 г. Знака отличия Военного ордена на степени выплаты составили по 1 ст. – 1,5 жалования, по 2 ст. – 1,0, по

3 ст. – 2/3, по 4 ст. – 1/3 жалования (ПСЗРИ. 1856. Т 31. № 30274. Ст. 444–446).

Резкий рост числа кавалеров ордена св. Георгия 4 ст. при Николае I, во многом связанный с награждением за выслугу лет, привел не только к некоторому обесцениванию награды, но и создал проблемы с предоставлением упомянутых в Статуте льгот. Именно поэтому первый Указ Капитулу Александра II по ордену св. Георгия, данный 15 мая 1855 г., касался передачи функция награды за выслугу лет 4-ой степени ордена св. Владимира. В 1858 г. в дополнение к этому был подписан указ об увеличении на 200 числа вакансий с окладом в 150 руб. для кавалеров, получивших эту награду за отличие. На существовавшие до этого 100 вакансий очередь состояла, как и раньше, из кавалеров, удостоенных ордена за отличие и за выслугу лет (ПСЗРИ. 1858. Т 33. № 33368). В том же году были установлены и суммы выплат для награжденных Знаками отличия Военного ордена «азиатцев, неимеющих офицерского чина, за службу в милициях на Кавказе»: 36–24–16–8 руб. в зависимости от степени (Там же. Ст. 33367).

В связи с сокращением числа кавалеров 2-ой ст. в 1889 г. Капитул испросил Высочайшее соизволение на сокращение по ней количества пенсий до 15 и на использовании оставшихся денег на 25 пенсий 4 ст. «за отличие» (ПСЗРИ. 1889. Т. 9. № 5726).

Быстро менявшиеся в конце XIX – начале XX в. реалии требовали постоянной корректировки ряда утвержденных еще в 30-х гг. XIX в. статей орденского статута. В 1908 г. для этого было создано две комиссии, состоявшие, в основном, из георгиевских кавалеров: Военно-сухопутная, которую возглавил генерал-от-инфантерии Х.Х. Рооп, и Морская – вице-адмирал Э.Н. Щенсевич. Помимо редактирования статей, касающихся ордена и знака отличия, Комиссиям было вменено в обязанность составить статут о золотом (наградном) оружии и положение о медали с надписью «За храбрость», носимой на георгиевской ленте (РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 1090–1094).

Как и в принятых ранее статутах, отдельный раздел проектов был посвящен правам и преимуществам награжденных. Основные разногласия комиссий в отношении материальных выплат касались: размеров пенсий по георгиевскому кресту (у Роопа в цифрах 18, 12,9 и 6 руб., у Щенсевича – как и было в частях жалования). Военно-сухопутная комиссия предлагала сократить выслугу лет на пенсию от Казначейства на 10 лет для кавалеров ордена и на 5 – для получивших георгиевское оружие. Обе комиссии предлагали выплачивать пенсии вдовам награжденных пожизненно или до выхода их замуж, а также облегчить им процедуру истребования этих

денег. Результаты работы были направлены соответствующим министрам, а затем со всеми необходимыми заключениями переданы на рассмотрение в созданное в 1910 г. Особое совещание георгиевских кавалеров под председательством вел. кн. Константина Константиновича.

Все статьи, касающиеся материальных преимуществ, были рассмотрены в Совете Министров, где министр финансов выступил против сокращения сроков выслуги пенсий, а также предложил уменьшить выплаты по георгиевскому кресту (90–70–50–30 руб.) и медали (24–18–12–6 руб.). По мнению министра, часть материальных льгот награжденные должны были получить в рамках параллельно обсуждавшегося проекта устава о пенсиях военнослужащим и их семьям.

Статут Императорского Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, принадлежащего к сему Ордену Георгиевского Креста и причисляемых к тому же Ордену Георгиевского Оружия и Георгиевской Медали, был утвержден императором в Севастополе 10 августа 1913 г. (ПСЗРИ. 1913. Т 33. № 40135). Статьи о правах и преимуществах награжденных вошли в виде целых отделений в каждую часть документа: по ордену Ст. 34–62; кресту Ст. 86–104, оружию Ст. 127–140, медали Ст. 181–197. По ордену размер пенсий был сохранен (1000–400–200–150 руб.), при изменении количества вакансий (6–8–13–600). По Георгиевскому кресту пенсии были увеличены и составили (120–96–60–36 руб.), по медали они составили (36–24–18–12 руб.) соответственно. Вдовы получали выплаты еще 1 год после смерти награжденного. По Георгиевскому оружию выплат не производилось. По всем знакам отличия были предусмотрены льготы и при получении других наград.

Необходимо учитывать, что, помимо предусмотренных в Статутах, некоторым категориям награжденных производились дополнительные выплаты или оказывалась необходимая помощь из сумм орденского капитала, предназначенного на благотворительность, и капитала на содержание стражи при гробе фельдмаршала гр. Румянцева-Задунайского.

*Н.Е. Домрачев, студент
МГУ им. М.В. Ломоносова, специалист РГАДА*

**К вопросу о печатях русских постоянных
дипломатических представителей в Варшаве
(на примере резидента П.Б. Возницына)**

Последняя четверть XVII в. в истории русской дипломатии – время становления принципиально нового института постоянных

дипломатических представителей, или резидентов. С 1674 по 1677 гг. в Варшаве работала русская миссия, возглавляемая резидентом В.М. Тяпкиным (ум. 1686 г.). Следующий резидент дьяк Посольского приказа П.Б. Возницын (ум. 1702 г.) был послан в Польско-Литовское государство в январе 1688 г. Как и в 1670-е гг., обмен резидентами между Москвой и Варшавой призван был укрепить военный союз между Московским государством и Речью Посполитой и контролировать действия союзника.

Связь с Москвой русские резиденты осуществляли при помощи почтовой службы. В РГАДА хранится богатая коллекция документов, связанных с работой миссии П.Б. Возницына (февраль 1688 – май 1689 г.). Она включает его «вестовые письма» на имя боярина кн. В.В. Голицына, отписки на имя царей-соправителей и царевны Софии Алексеевны, переводы польской и центрально- и западноевропейской прессы и другие материалы (РГАДА. Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 235; 1688 г. № 4, № 5; 1689 г. № 4, № 4-а). Все присланные П.Б. Возницыным письма и отписки обладают уникальной особенностью: на всех документах (за небольшим исключением) сохранились печати русского резидента. Коллекция писем и отписок В.М. Тяпкина не может похвастаться таким богатством: сохранились только отдельные отписки. Таким образом, именно материалы П.Б. Возницына предоставляют возможность изучить функции и значение печатей в работе русских постоянных дипломатических представительств в Варшаве.

Русский резидент в Варшаве вел не только еженедельную переписку с руководством Государственного Посольского приказа, но и поддерживал регулярную переписку с поляками и подданными Империи. Наличие двух постоянных аудиторий его корреспонденции требовало выработки двух вариантов печатей. Условно мы их будем именовать «кириллической» и «латинской», основываясь на их главном отличии – графической системе, используемой для передачи литературных обозначений.

Среди писем и отписок резидента П.Б. Возницына были выявлены следующие отписки:

1. *«Кириллическая» «малая» печать П.Б. Возницына*: в декорированном зерну овале (с диаметрами 14 и 12 мм) герб типа «Телец» (польск. «Ciołek») – в испанском щите телец, идущий вправо, на щите рыцарский шлем вправо с наметом, в нащлемнике возникающий вправо телец. Слева и справа от тельца кириллические литеры полууставом «П» и «В» («П[рокофий] В[озницын]»). Отписки на сургуче темно-вишневого цвета с примесью металлической крошки. Использовалась с 5 февраля по 11 октября 1688 г. (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1688 г. № 5. Л. 76 об.).

2. «Кириллическая «большая» печать П.Б. Возницына: в декорированном растительным орнаментом овале (с диаметрами 18 и 14 мм) герб типа «Телец» (польск. «Cioplek»). Изображение и литеры идентичны № 4. Оттиски на сургуче темно-вишневого цвета с примесью металлической крошки. Использовалась с 18 октября 1688 г. по май 1689 г. (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1689 г. № 4. Л. 54 об.).

3. «Латинская» печать П.Б. Возницына: в декорированном зеркально овале (с диаметрами 14 и 12 мм) вензель из переплетенных завитых латинских букв «P» и «W» под дворянской короной, над которой возникающий вправо телец. Оттиски на сургуче темно-вишневого цвета с примесью металлической крошки. Известна в мае – июле 1688 г. (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 235. Л. 115 об.).

Изображение на «кириллических» печатях представляет собой классический польский шляхетский герб, справа и слева от которого располагаются кириллические литеры, уточняющие личность резидента. Избранным П.Б. Возницыным изображение герба «Cioplek» не случайно. В Речи Посполитой им пользовалось 171 шляхетская фамилия, среди которых фигурируют и Возницкие. Именно от них согласно легенде, вошедшей в официальные российские родословцы, вели свое происхождение владимирские дети боярские Возницыны.

В то же время на печати «латинского» типа присутствуют далеко не все элементы геральдической визуализации генеалогической легенды Возницких. Можно предположить, что русский резидент отдавал себе отчет в легендарности происхождения своего рода и понимал, что в Речи Посполитой к нему могут возникнуть серьезные вопросы о правомочности использования герба «Cioplek» на личной печати.

Печать резидента была предметом его индивидуального обихода. Ее изготовление и «присвоение» не входили в компетенцию Посольского приказа. Среди богатого комплекса документации, сопровождающей работу миссии в Варшаве, отсутствуют какие-либо упоминания об изготовлении печатей резидентов. Этим должен был озаботиться дипломат, выступающий в этом случае как личность, а не как слуга царского величества.

В то же время печать оставалась одним из важнейших элементов идентификации адресанта письма, особенно если речь шла о важной дипломатической информации. Для Посольского приказа важнейшим индивидуализирующим признаком оставался набор элементов печати, а не форма их изображения. Это хорошо иллюстрирует полное отсутствие какой-либо реакции как со стороны П.Б. Возницына, так и со стороны его корреспондентов из Москвы, когда он сменил «русскую» печать.

Посольский приказ и резидента беспокоило обеспечение целостности корреспонденции в пути. Об этом свидетельствует уникальный состав сургуча. Резиденту удалось создать смесь сургуча с металлическими стружками и добиться редкого темно-вишневого цвета. Подделать его, и заменить сломанную печать постороннему лицу было крайне сложно.

Таким образом, печати русских резидентов служили с одной стороны формой визуализации и утверждения представителями средней страты служилого сословия Московского государства своего социального положения, а с другой были средством идентификации автора и верификации содержания почтовой дипломатической корреспонденции. Но средством защиты информации от любопытных глаз на пути следования документов они служить не могли.

*О.В. Дудина, преподаватель
Воронежский ГУ*

«Сказки» служилых людей Белгородского полка 1697 г. как исторический источник

Правительство регулярно производило разборы ратных людей Белгородского разряда, в ходе которых определялась степень их боеспособности и хозяйственной состоятельности. Как правило, разборы проходили в годы обострений международной обстановки, в предвоенное или в военное время.

Один из разборов служилых людей Белгородского полка проходил в 1697 г., в период, непосредственно следующий за Вторым Азовским походом, в условиях продолжающейся войны с Османской империей. В ходе разбора посланные из Москвы официальные лица опрашивали служилых людей о размерах поместий, крестьянских и бобыльских дворах, источниках доходов, родственниках мужского пола. За утайку сведений предусматривалось строгое наказание. Записанные ответы служилых людей назывались «сказками». «Сказки» служилых людей и перечневые выписки из них – важный источник, характеризующий структуру населения. «Сказки» широко использовались В.М. Важинским, изучавшим землевладение служилых людей (*Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в.: (По материалам южных уездов России)*. Воронеж, 1974). «Сказки» южнорусских детей боярских, казаков, стрельцов привлекли внимание В.П. Загоровского (*Загоровский В.П. История Воронежского края от А до Я*. Воронеж, 1982. С. 258).

«Сказки» содержат информацию о службе, обеспечении земель и иных источниках доходов, наличии крестьянских дворов, дворовых и задворных людей, родственниках старше 15-ти лет способных к службе, отставленных от службы и малолетних. В качестве примера рассмотрим «сказки» курских служилых людей 1697 г. (РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола Д. 1569. Л. 1–385).

Служилый человек, «курченин», названный по фамилии, имени, отчеству, сообщал о своем чине: служит «по московскому списку в дворянех», «в жильцах», «по выбору», «по дворовому», где начале службы. Год записи в службу нередко совпадал с датами разборов южнорусских служилых людей. Начало службы могло быть указано приблизительно: службу «лет с пятьдесят», «лет тридцать и больши», «многие годы». Подающий «сказку» информировал о занимаемых полковых должностях ранее и в момент подачи «сказки» (завоевочник, есаул, порутчик, ротмистр, майор, адъютант, квартирмейстер), о видах службы (сотенная служба, копейщики, рейтары, солдаты). «Начальные люди» называли свои полки: Севский полк (Там же. Л. 287), Курский рейтарский полк (Там же. Л. 293), Большой выборный полк адмирала-генерала Франца Яковлевича «Волфертова» (Там же. Л. 294), Белгородский рейтарский полк (Там же. Л. 297).

В «сказках» сообщались и биографические подробности, например, Н.М. Анофреев был взят в полон в Крым и ранен, и «за многие службы, и за раны, и за полонное терпение от службы отставлен» (Там же. Л. 31). М.Н. Анненков, по его словам, взял к себе племянника «для одиночества своего», а крестьянин «бежал в 204-м году» (Там же. Л. 37). Сын И.И. Букреева пятнадцатилетний Егор «живет в Белгороде для научения грамоте» (Там же. Л. 38). Шестнадцатилетний брат Е.А. Белого Семион «живет на Москве для грамотного учения» (Там же. Л. 61). Сын А.А. Озерова Степан «живет на Москве в подьячих в Поместном приказе» (Там же. Л. 305). Сын М.Ф. Воронова Афанасий «был в Курску, и в Белгороде и в Судном Московском приказе в подьячих, а ныне в Белгороде в подьячих» (Там же. Л. 67). У С.Д. Шеховцова отец Дмитрий назначен приказным человеком «в малороссийском городе Сенном» (Там же. Л. 69).

В «сказках» курские служилые люди подавали сведения о верстании поместным окладом или же отмечали: «Поместным окладом не верстан», указывали земельный оклад, денежный оклад, реальный размер землевладения – дачу, местонахождение поместья и вотчины, наличие мельницы с информацией о ее назначении: для собственного потребления или о размерах оброка с мельницы. Часто мельница находилась в совместном владении с родственниками.

В «сказках» сообщалось о службе сыновей и братьев (с указанием имен) и их чинах, полковых должностях и поместьях. Малолетние дети до 15-ти лет отмечались с именем и возрастом. «Сказка» завершалась фразой: «А будет я хотя малое что утоил, а в сей своей сказке не написал, а мимо меня хто известит и за тое утайку чтоб великий государь указал вышеписанное мое поместье, и вотчину, и крестьян, что написано в сей моей сказки выше сего, что есть отписал на себя, великого государя и отдал тому, хто в том на меня известит». Отмечалось, кто писал «сказку». «Сказка» заверялась рукоприкладством или самого служилого человека, или подписавшего документ по его поручению. В отличие от «сказок» курских служилых людей, воронежские служилые люди в «сказках» не упоминали о верстании, поместном и денежном окладе. Очевидно, в конце XVII в. в связи с распадом служилого города эта информация стала не актуальной. В остальном «сказки», поданные в Воронеже в 1697 г., не отличаются от курских «сказок» того же года (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1567. Л. 1–154).

На основе «сказок» в том же 1697 г. была составлена перечневая выписка (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 905). Подьячие Разрядного приказа провели кропотливую работу по извлечению и обобщению информации из сказок. В результате исследователи имеют важные и достоверные сведения о составе служилого населения Белгородского полка в конце XVII столетия.

*А.А. Евдокимова, к.ф.н., с.н.с.
Институт языкознания РАН*

Формулы со словом «κοιμητήριον» в византийских погребальных надписях Коринфа

Большая часть погребальных византийских надписей Коринфа содержит слово «κοιμητήριον» как название для надгробного памятника и как ядро целого ряда формул.

1. Первая группа надписей (19 шт.) строится вокруг формулы «κοιμητήριον + Р.п. умершего». Женских имен два: *Θεοδοσία* и *Σελήνης*, мужских пять: *Ιουλιανού*, *Θεοδούλου*, *Αθηναίου*, *Αθηνέου* *πρώτου* и *εὐτυχέστατος*. дополнения: *ἐγίαριον*.

2. С глаголами в формуле «κοιμητήριον· ἐνθα (ἐνθάδε) *κατάκειται* (κεῖτε) + Им.п.» встречаются три надписи V–VI вв. и одна с добавлением в текст даты. Также к этой группе относятся три надписи с глаголами со значением «умирать»: «κοιμητήριον + Р.п. *ὅστις ἐτελεύτησεν* + дата» (V–VI вв. – *Meritt B.D. Corinth. The inscriptions. VIII, 1. Cambridge, 1931* (далее – *Cor. 1*). 153), «κοιμητήριον ἐνθα *κατάκειτε* + Им.п. *τελευτήσας* + дата» (V–VI вв. – *Kent J.H. Corinth.*

The inscriptions. VIII, 3. Princeton, 1966 (далее – Cor. 3). 582), «κοιμητήριον· ἔνθα κατὰκτε + И.п. ἀνεπαύσατο + дата» (V–VI вв. Cor. 1, 151). Некоторые из глаголов с семантикой смерти создают свои формулы: «κοιμητήριον + Р.п. ἀνεπαύσατο + дата» (V–VI вв. Cor. 3, 588), «κοιμητήριον + Р.п. + ἀνεπάη + возраст» (V–VI вв. Cor. 3, 628) и более пространное описание «κοιμητήριον + Р.п. + ἀφῆρπασε παῖδ' ἀπὸ μητρὸς» (без даты – Inscriptiones Atticae aetatis romanae / Ed. W. Dittenberger. Parts I–II. Berlin: 1878–1882. 1387).

Среди глагольных формул в качестве адресатов надписей четверо мужчин, некоторые с указанием на профессии: *Ἠλίας, Πέ[τ]ρου ταξε[ώ]του*, *Παῦλον σιτευταρίου*, *Ἀδομάντιος ὁ μακάριος*. Женщин две: *Ἀμ[μ]ιανῆς*, *Παυλίνας μακαριωτ(ά)της* и один адресат введен описательно: *ἀρτη ἢ τὴν μ[ακαρ]ίαν μνήμην* (V–VI вв. Cor. 1, 151).

3. Следующая большая группа с формулой «κοιμητήριον διαφέρων(οντα) + Р.п.» встречается в памятниках в различных написаниях 18 раз. С именем умершего в Д.п. еще 6 раз, а случаев, когда падеж утрачен или имя не дошло – 17. Мужские имена: *Ἀνδρέου* (2 раза), *Ἐλπιδιανού* (2 раза), *Μαυρίκιου*, *Κοσμᾶ*, *Ἀλεξάνδρου*, *Γεωργίῳ*, *Πλ[.]τῳ*, *Ἐλπιδιανού*, *Εὐκάρους*, *Ζήνωνι*, *Τουλιανού*, двое с прозвищами: *Παῦλον ἐπικλὴν Μ[α]κροχείρου* (V–VI вв. Cor. 3, 559), *Ἀνδρέου τ[οῦ] μακαρίου Πυρομάλλου* (V–VI вв. Cor. 1, 154). Женские имена: *Ἀριάγνης*, *[Ἀνν]ας*, *Θωμαδίας*, *Μακεδονίας*, *Εὐγενίας*, *τῆς [μακαρίας Ἀναστασίας]* (V–VI вв. Cor. 3, 666). дополнения: *κατήλυν*, *τρα[πέζι]τῃ τὸ ἐ[πικλὴ]ν Κοδρυ* (V–VI вв. Cor. 3, 640), *βα[λν]ικαρί[ο]ν, γουναρίου, χευ[ματο]/π(), σιτισταρίου*.

4. Следующее соединение формул в V–VI вв. «κοιμητήριον διαφέροντα + Р.п. + ἔνθα κατὰκτε» представлено в трех надписях, с Д.п. вместо Р.п. – в четырех, одна из них с уточнением даты. Четыре памятника предлагают еще добавить адресата в Им. п. после *ἔνθα κατὰκτε*, и только одна надпись без даты. В четырех надписях утрачены адресаты, и в одном из них *ἐνθάδε* вместо *ἔνθα*. К этой же категории относятся тройные соединения формул, когда прибавляется либо «ἀνεπαύσατο + И.м.+ дата» (3 раза), либо «ἀγορασθὲν παρὰ + Р.п.» (5 раз и 1 раз с Д.п. после *διαφέρων*), оба глагола из этих формул представлены и в других формах. Среди владельцев шесть мужчин: *Κωνστα[ντίν]ῳ*, *Ἐπιφανίου*, *Εὐσεβίῳ Ἀνατολικοῦ*, *Λαυρε<v>τήῳ τοῦ υἱοῦ Καλωγενήτω*, *Γερ[μα]νῶ*, *Κλήμ[εντι]-ριῳ* и две женщины: *Εὐφρασία*, *Μαθθέα*. Среди погребенных шесть мужчин: *Ἀνδρέ[ας]*, *Μάξιμος*, *Ρουφίνος*, *ἀδελφ(ός) αὐτ[οῦ]*, *Νουμένις*, *Ἐπαγαθῶς* и восемь женщин: *Στεφανίς*, *Γεωργία*, *Ἄννα[ς]*, *Μαρία*, *Ἐλένη*, *μακαρία Ἀγαθοκλία*, *Ἀναστασία*, *Παῦλα*. Среди купивших двое мужчин: *Λεωνιδίου*, *Κυ[β]ριακοῦ*. Дополнения: *λευκαντῇ, κ[αλλι]ν(άριος) κέ οἱ [λο]ίποῖ πεδες [Πα]νταμιανο<v>* (V–VI вв. Cor. 3, 547), *σο<λ>ίτι*

κ(αί) καμμογοραστή, ανω σαλαμ[αρ]ίω [τὴν γωνίαν, σινη]ολαρίου и дважды употреблен эпитет μακα-ριω]τάτ<η>.

5. Сочетание формул «κοιμητήριον διαφέροντα + Р.п. + ἀνεπαύ-
σατο Им.п. + дата» представлено тремя надписями, в четвертой
один из владельцев указан в Д.п., а в пятой утрачен и адресат, и
владелец. Шестая надпись предлагает вместо ἀνεπαύσατο синони-
мичное ему ἀπέθανεν. Среди владельцев двое мужчин: Ἰωάννου,
Ἀγαθοκλῆ и женщина. К мужчинам относится уточнение: «αὐτα-
δέρφοις οὗς ἔτεκαί εἰ τούτων μήτηρ Ἀφοβία· τῷ τὴν μακαρίαν μνήμην
Συμφέροντος ἐξκ(ουβίτορος) γεναμένου» V–VI вв. Сог. 3, 541). Среди
погребенных также двое мужчин Ἰωάννης, Χεν[.]μων и женщина
Εὐτυ[χαί]α.

6. В соединении формул «κοιμητήριον διαφέρων + Р.п. +
ἀγορασθὲν παρὰ + Р.п. + сумма + дата» (5 шт.) возможны следую-
щие вариации: 1) вторая половина может быть заменена на сино-
нимичное: «ὃ ἡγόρασεν ἀπὸ» (2 раза), 2) Д.п. вместо Р.п. дата опу-
щена, 3) вставлено [ἐπαύσα]το. Среди владельцев семь мужчин:
Γεωργίω, [Ἀνα]στασίω, Πέτρ[ω], Ἰωάννου, Ἀνδρέου (2 раза),
Ἀνδρέα, четыре женщины: Εὐτυχιανῆ, [Ἀ]ννας, Ἀνδρέα, Εὐγενία.
Среди погребенных трое мужчин: Κο[σμο]δώρου, Τρύφωνος, ὁ
μα[κάρ]ιος) и женщина: Ἀναστασία. Среди тех, у кого купили, двое
мужчин: Γιριώνος, Κυριακοῦ. Дополнения: φασαναρίου, τῷ μακα-
ριω(τῷ) δεκανῶ, σαλαμαρίου τοῦ κ(αί) куртᾶ.

7. На весь комплекс этих формул с κοιμητήριον по отношению к
адресатам используется выражение τὴν μακ(αρίαν) μνήμην 18 раз. По
одному разу встречаются синонимичные ему конструкции: ὁντως
σεμνήν τὴν μνήμην, τῆς τὴν μακαρίαν μνήμην γεναμένης и в Р.п.

8. В трех надписях V–VI вв. встречаются традиционные (см.:
Евдокимова А.А. Проклятия в византийских надписях. Малоазий-
ские традиции и византийские граффиты // IV междуна. конференция
по эпиграфике памяти И.И. Ковалевой. М., 2017. С. 63–68) для
Малой Азии проклятия: ἢ τις δὲ δοκεῖμάσει τοῦτο ἀνῦξ<ε> χωρὶς τῶν
<τ>οῦτου <δ>εσποτῶν, ἔστω αὐτῷ τὸ ἀνάθεμα Ἄννα κ(αί) Καίάφα
(Сог. 3, 644). [ἢ τις ἀν]ῦξι χωρὶς συγγεν(ῶν) αὐτοῦ, λόγ(ον) δῶη τῷ
Κ(υρίω). (Сог. 3, 636) μή τις σὺν ἐπι[β]ουλεύῃ κ(αί) ὀρύξῃ αὐτὰ κὲ εἰς
ζήμιας ἑαυτοὺς [π]εριβάλῃτε (Сог. 3, 539).

Таким образом, самая распространенная формула среди разо-
бранных – «κοιμητήριον διαφέροντα», она может соединяться с дру-
гими глагольными формулами с семантикой смерти.

К вопросу об изобразительных девизах в XVI–XVII веках

Историография, посвящённая изобразительным девизам (далее – ИД) довольно обширна и включает в себя не только статьи, но и ряд монографий. ИД в виде щитодержателей, нашлаемых эмблем и различных почётных добавлений исследуются с разных сторон, но суть этого явления остаётся невыясненной. Подобно гербам, определений ИД существует множество, однако далеко не все из них могут не то что отразить суть этого явления, но и просто приблизиться к ней.

Наиболее полным можно считать такое определение XIX в.: «[Термин] девиз применяется по отношению ко всей области военного дела, а инсигния – только к относящемуся к военным чинам; под этим понимается то, что девиз служит просто для различения, а инсигния – для различения и одновременно выделения [по рангу и заслугам]. Таким образом, кокарды, цвета, цифры и металлы, которые являются составной частью девизов, общие для всех без исключения военных как знак их войск, а звёзды, нашивки, жезлы, галуны, являющиеся инсигниями, принадлежат исключительно офицерам и генералам, которые их используют, помимо общих девизов, как знаки иерархии и как символы уважения, чести и почтения. Из этого следует, что не всякий девиз – инсигния, но всякая инсигния – девиз, и по этой причине, если при случае инсигния может заменять отсутствующий девиз, то никогда девиз не может заменять инсигнию» (*Almirante J. Diccionario militar. Etimológico, histórico, tecnológico. Con dos vocabularios francés y alemán. Madrid, 1869. P. 716*). Но в этом определении даже не затрагиваются родовые и личные, женские ИД (имевшие гендерную и социальную подоплёку – платья с особого вида украшениями при испанском Дворе могли носить только аристократки, вышедшие из детского возраста или находившиеся в нём, но уже бывшие помолвленными) и другие особенности.

В XVI–XVII вв. как в дидактических трактатах, так и в художественных текстах проводилась мысль о различии значения цветов в ИД и гербах, что было характерно и для испанской, и для французской эмблематики. Понимание цветов в гербах, девизах и эмблемах частично совпадало, например, жёлтого, зелёного, но имелись и некоторые различия (красного цвета и его оттенков). Подобно гербам, ИД были частично наследуемыми, но в отличие от гербов, любой человек мог обладать таким их количеством, каким хотел. Сте-

пень взаимодействия наследуемых и изобретённых девизов пока остаётся невыясненной.

Письменные девизы могли быть размещены вообще где угодно – от монет, книг, портретов до кандалов и цепей. В XVI в. в девизной культуре испанцы подражали французам и заимствовали новейшие изменения в понимании ИД у итальянцев, однако в отношении влияния английской девизной культуры вопрос остаётся открытым.

Включение элементов местных эмблематических систем Нового Света в гербовое пространство испанских вице-королевств должно было заставить их работать не только с другими геральдическими знаками, но и с сопутствующими регалиями как местной знати, так и конкистадоров (*Елохин К.А.* Портреты с гербами как источник геральдики // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Выпуск 2 (66) [Электр. ресурс]. URL: <http://history.jes.su/s207987840002134-6-1>). Не следует забывать и о кастовой системе в Новом Свете, в которой каждая каста имела свои особенности в одежде. Таким образом, эмблематическое пространство, в котором работали девизы как средство коммуникации, в обеих Америках было шире, чем собственно в Испании.

Если для Англии и Франции диффамация герба и изобразительного девиза были нормой (*Черных А.П.* Наказание и поругание герба в Средние века // Средние века. Вып. 78 (1–2). М.: Наука, 2017. С. 14–27), то в Испании поругание герба существовало, но диффамация изобразительного девиза остаётся под вопросом.

ИД могли быть мультиплицированы в сочетании с гербом с одним полем как личным (гранаты и личный герб сэра Дж. Печё), так и государственным (армилярные сферы и королевский герб в монастыре Христа в Томаре), или многочастным (Геркулесовы столбы и испанский герб; горящие головни с ведрами и герб Висконти-Сфорца), или совокупностью гербов (огнива с искрами и гербы на серебряном талере имперского г. Кемптен 1542 г.).

Подобно гербам, одними и теми же ИД могли пользоваться разные, несвязанные между собой люди. В разных ситуациях люди могли пользоваться разными ИД (духовными, любовными, военными), в отличие от более жёстко регламентированных гербов.

Герб не мог стать ИД, но ИД могли быть добавлены в гербы – в личные, и впоследствии ставшие государственными (испанский герб), городские (Рио де Жанейро, Ронда, Трухильо (Перу), Лима, Безансон).

Были и свои правила использования ИД. Так, Кальдерон указывал, что общественно осуждалось сокрытие одних знаков (мести) под другими знаками (веселья). Также в романе «Хроника Палме-

рина из Англии» осуждалось сокрытие ИД просто под слоем покрытия щита (но знаки были изображены).

Совмещение ИД предков (красно-белая тюдоровская роза 1486 г.), супружеских ИД (Католических королей; Филиппа II и Марии Тюдор), вероятно, работало по тому же алгоритму, что и совмещение супружеских гербов. В отличие от гербов, личными ИД можно было обмениваться (Католические короли; Людовик Орлеанский и Жан Бесстрашный). ИД могли быть изменены по желанию владельца, в отличие от герба.

Ввиду небольшого формата остаются нерассмотренными нашьлемники и щитодержатели, но уже сейчас можно отметить, что алгоритмы, на основе которых развивалось использование ИД, были лишь отчасти сходны с правилами составления и функционирования гербов. В отличие от гербов, ИД не регулировались законодательно, но рекомендации по их использованию находились в дидактических трактатах. Использование ИД за счёт персональной и ситуативной составляющих было гораздо шире, чем использование гербов. Лишь более тщательное и всестороннее изучение ИД позволит приблизиться к пониманию сути этого явления и дать ему полноценное определение.

И.Б. Емелин

Редактор геральдического журнала «Sub Clypeo» (Петрозаводск)

Гербы Вытегры XVIII века

Вытегра – районный центр Вологодской области. Во времена российской империи – уездный город Новгородской и Олонецкой губерний. С гербом этого города связаны два интересных геральдических сюжета.

Первый проект герба города Вытегра был создан князем Михаилом Михайловичем Щербатовым в 1775 г.: «В зеленом поле златой императорский скипетр прямостоящий с оком проведения изъясляющий надежду на новую пользу от учреждения сего города может империя российская приобрести, и купно милость и провидение монаршее» (*Соболева Н.А. Гербы городов России, М., 1998, С. 126*).

Данный сюжет основан на эмблеме с девизом «Сим предусматривай и промышленяй» (*His praevide et provide*) из «Символов и эмблемат» (*Symbola et emblemata. Amsterdam, 1705. № 348*). «Символы и эмблематы» являются компилятивным изданием. Эмблемы для него взяты из других более ранних работ. В частности из книги Даниэля де ла Фея (*Devises et emblems anciennes et modernes: tirées des plus celebres auteurs. Amsterdam, 1691. Tab. 26. № 7*).

Первоисточником эмблемы следует считать книгу Диего Сааведра (*Saavedra Fajardo, Diego de. Idea de un príncipe político christiano: Representada en cien empresas. Monaco [=München], 1640. P. 395–408*). 55-я глава, посвященная хорошим советникам, имеет девиз «His praevide et provide», который сопровождается эмблемой: выходящая из облака рука держит скипетр, усеянный глазами. Автор так поясняет значение эмблемы: «Аристотель, обучая Александра Великого лучше разбираться в способностях советников, сравнил их с глазами... Правители Персии и Вавилона называли советников своими глазами, своими ушами и своими руками соответственно тем должностям, которые они занимали. Семь духов Божьих, посланных во всю землю, являли собой семь очей Агнца. Правитель для успешности дел, должен смотреть во все глаза и слышать во все уши, а поскольку он не может быть всегда и везде, он должен использовать глаза и уши других. Благоразумный князь всегда найдет случай использовать министров как свои глаза, уши и руки. Это большое преимущество, если он знает, как им распорядиться, это означает, он полностью осознает ситуацию через их глаза и уши и может дать совет каждому из них. Египтяне обозначали так око, которое венчало их скипетр, смотря в будущее. Пророк Иеремия, возможно, имел это в виду, когда сказал: «Вижу жезл миндального дерева». По этой причине здесь представлен в качестве эмблемы скипетр, усеянный глазами, чтобы дать понять правителю, что должен в делах положиться на министров...». В своей работе Диего Сааведра основывается на античных авторах и Священном Писании, цитируя Апокалипсис и книгу пророка Иеремии.

Этот наполненный смыслом и символикой герб не был утверждён, и через несколько лет Вытегра получила другой символ, более «утилитарный». Вытегорский герб был утвержден 16 августа 1781 г.: «В верхней части щита герб Новгородский. В нижней – в золотом поле часть кормы галерной, из которой поставлен распущенный российский купеческий флаг, ибо всем городе производится строение такого рода судов, и мещане оными торгуют» (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 21 № 15209). Стоит отметить, что в Вытегре не знали о наличии у них герба как минимум до 1785 г. Это видно из сообщения вытегорского городничего Герценберга: «Описания герба да и пожалования не имеется». С необходимостью узнать о своем гербе вытегорцы столкнулись в связи с торговыми днями: на знамени необходимо было изобразить герб. Городовой магистрат и обратился к Вытегорскому городничему с просьбой выяснить, «какой герб сему городу быть следует» Результатом этого обращения и была присылка в Вытегру 23 января 1785 г. описания городского герба (*Смир-*

нов Ю.Л. Вытегра. У истоков города // Вытегра: Краевед. альм.: Вып. 1. Вологда, 1997. С. 342). Такая же ситуация была, например, в Петрозаводске.

Герб Вытегры мог использоваться без верхней новгородской части (*Пушкарев И.И.* Описание Олонецкой губернии. СПб., 1843. Карта, приложенная к изданию), с гербом Олонецкой губернии и даже пересечённым на три части с новгородским и олонецким гербами вместе (http://subclypeo.narod.ru/Sub_clypeo_9.pdf С.58).

Наиболее интересный сюжет в гербе – «купеческий флаг». В книге чертежей и рисунков (Полное собрание законов Российской империи. Книга чертежей и рисунков: рисунки гербам городов. СПб., 1843. Л. 52) и других справочниках черно-белый рисунок воспроизводит следующий порядок цветов флага: чёрный, более светлый и белый. Что дало жизнь двум предположениям: 1. По ошибке гравёра вместо купеческого флага изображён чёрно-жёлто-белый флаг. 2. Опять же по ошибке гравёра купеческий флаг был перевернут. По понятным причинам невозможно определить цвета на должностных знаках и печатях. На большинстве изображений герба порядок полос не различим. На планах генерального межевания тёмная полоса также помещена сверху.

Ответ на то, какой там был флаг дают раскрашенные копии «Книги чертежей и рисунков»: там красно-сине-белый флаг. Это тоже можно было бы считать ошибкой составителей, если бы подобная ошибка не повторялась в более ранних и независимых источниках. Окончательный ответ даёт оригинал указа, утвердившего герб Вытегры. Там действительно изображён красно-сине-белый флаг (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 147. Л. 90). Это можно было также посчитать ошибкой, но создатели герба явно знали геральдику и не могли допустить столь элементарной ошибки. Красно-сине-белый флаг и другие сочетания триколора встречаются и в других источниках: на гербе Обвинска, на картине «Бурлаки на Волге», на изображениях разных кораблей, а значит, даёт повод более подробно изучить бытование «русского купеческого флага».

*И.Е. Ермолова, к.и.н., доц.
РГГУ*

Очертания Понта Эвксинского в представлении римлян первых веков нашей эры

Важнейшими источниками по истории Северного Причерноморья в древности являются произведения на древнегреческом и латинском языке, так как народы, населявшие его, не имели своей письменной традиции. Наиболее ярко и полно воззрения римлян

первых веков нашей эры на этот регион отражает сочинение выдающегося историка IV в. – Аммиана Марцеллина. В его «Деяниях» собран тот материал, который дает возможность ответить на вопрос, каким представляли Северное Причерноморье его современники, что они знали о его истории, этнографии и географии. Данная работа посвящена анализу сведений Аммиана о форме Понта Эвксинского.

Информация о черноморском регионе сосредоточена в экскурсе в 8 главе XXII книги его сочинения. Географическая часть экскурса в основном, вероятно, зиждется на периплах (*Ермолова И.Е.* Аммиан Марцеллин и античная традиция о Северном Причерноморье // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. М., 1999. С. 339), т. е. на описаниях морского пути.

Опираясь на предшествующую античную традицию, историк пишет: «Все географы единогласно уподобляют вид моря скифскому луку с натянутой тетивой» (*Amm. Marc.* XXII.8.10 – пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сони; далее будет указываться только §). Скифский лук появился у народов евразийских степей, а затем распространился и на Востоке (*Daremborg Ch., Saglio E.* Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Paris, 1973. Т. I. Р. 389; *Савостина Е.А.* К символике изображения лука на Боспоре // Советская археология. 1983. № 4. С. 48). Он известен только по изображениям, в частности, на бляшках, шаровидном сосуде из кургана Куль-Оба и воинском надгробии (*Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1966. С. 114; *Голенцов А.С., Дашевская О.Д.* Надгробие воина с Херсонесской хоры // Вестник древней истории. 1981. № 2. С. 110), так как археологами не найдено ни одного экземпляра скифского лука хорошей сохранности. Особенность скифских луков, как пишет Аммиан, заключается в том, что они имели не один, а два изгиба, разделенные прямой и круглой планкой – рукояткой (*regula*) (37). Подробное описание частей лука с привязкой их к местности позволяет реконструировать представления этого автора о географических объектах юга нашей страны.

По Аммиану Марцеллину, «оконечности лука образуют с обеих сторон два узких Боспора, лежащие друг против друга, Фракийский и Киммерийский» (13). Боспорами проливы назывались в древности потому, что, по легенде, через них проходила некогда дочь Инаха, превращенная в корову (*in bovem*) (*Ibid.*), т. е. «боспор» – это бычий брод. Название «Фракийский» не вызывает вопросов, а по поводу греческого имени Керченского пролива существуют различные точки зрения. Одни исследователи считают его топонимическим свидетельством пребывания киммерийцев на Керченском по-

луострове, другие полагают, что он назван так греками просто как «северный» для отличия от Фракийского, так как у местного ираноязычного населения он назывался «Рыбным Путем» (*Panti-Kapa*).

Как и древние ионийцы, Аммиан полагал, что Меотийское озеро примыкает к Эвксинскому Понту с востока (11), следовательно Боспор Фракийский, по его представлению, находился на западе. Южное побережье Черного моря сравнивается в экскурсе с тетивой натянутого лука (20). И. Гваландри усматривает противоречие в том, что в § 13 Аммиан Марцеллин считает концами лука проливы, а в § 20 будто бы пишет о тетиве, начинающейся к востоку от мыса Карамбис (*Gualandri I. Fonti geografiche di Ammiano Marcellino XXII,8 // La Parola del Passato. 1968. Vol. 23. No. 120. P. 205*). Кажется, противоречия тут нет, так как в § 20 речь идет о том, что только этот мыс, выдающийся далеко на север, мешает полному сходству азиатского берега с тетивой, а не о том, что она здесь только начинается. Такая интерпретация черноморской географии восходит, вероятно, к одному из периплов – «Описанию населенной земли» Дионисия Перизгета II в. н. э.

Со средней частью скифского лука Аммиан отождествляет Таврический полуостров, говоря, что именно на эти места приходится его вершина (*Hastenus arcus apex protendi existimatur* – 37). Историк называет и самую южную точку полуострова – мыс Криуметопон, т. е. Бараний Лоб (20). Относительно локализации этого мыса существуют разные точки зрения. Полагают, что в древности Бараньим Лбом называли или Ай-Тодор, или Аю-Даг, или Сарыч. Какой мыс подразумевает Аммиан Марцеллин, выяснить не представляется возможным. Изогнутые части лука приравнивались им к участкам европейского побережья Понта восточнее и западнее Таврики (37; 43).

Усматривая в § 37 указание на то, что, вступая в противоречие с ранее сказанным, Аммиан Марцеллин объявляет не Боспор Киммерийский, а Тавриду концом лука, его центральную часть И. Гваландри помещает между Тирой и Истром (*Gualandri I. Fonti geografiche. P. 205*). Но тогда непонятно, как соотнести с очертаниями черноморского побережья тетиву воображаемого лука; при такой интерпретации получается, что она связывает по прямой Карамбис и Криуметопон, а на это текст «Деяний» не дает никакого права. Если обратиться к более ранним произведениям, в которых прослеживается традиция отождествления Черного моря с луком, то в них его центральной частью считается Херсонес Таврический (Strabo II.5.22; Pomp. Mela I.102; Plin. H. N. IV.12.76; 86), современный Крым, а не зона между Днестром и Дунаем.

По-видимому, стремление наложить сведения Аммиана на современную географическую карту, как это пытается сделать итальянский ученый, и не может дать положительных результатов, поскольку представления историка IV в., как и его современников, о данном регионе были весьма приблизительными, о чем свидетельствует разбираемый экскурс. Постоянное сравнение в античной традиции очертаний побережья Понта Эвксинского со скифским луком со временем стало «общим местом». Образ «скифского лука» выполнял уже функцию знака, лишь условно соотносимого с берегами Черного моря (*Илюшечкина Е.В. «Скифский лук» как модель для ориентации в пространстве // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 г. М., 2005. С. 81*).

*М.М. Жукова, ст. преподаватель
РГГУ*

Жизнь и быт советской научной и творческой элиты в отражении отечественной кинохроники 1930–1980-х годов

Основными источниками для изучения повседневной жизни и быта советской элиты выступают воспоминания, официальные документы о премировании, о выделении жилья, протоколы обысков у арестованных представителей элиты, а также научно-техническая документация о строительстве жилых домов, домов отдыха, гостиниц в Москве, Ленинграде, республиканских центрах, в которой отражены представления государства о должном уровне комфорта элитного жилища. Однако не менее значимым источником для изучения быта советской элиты являются изобразительные источники, в том числе кинохроника, которая запечатлела представителей советской интеллигенции в окружении привычных вещей за повседневными и профессиональными занятиями в рамках сложившегося образа жизни.

В состав комплекса кинодокументов, хранящихся в Российском государственном архиве кинофотодокументов (далее – РГАКФД), входят многочисленные сюжеты в информационных и отраслевых киножурналах («Союзкиножурнал», «Новости дня», «Советское искусство», «Советское кино», «Наука и техника»), биографические документальные фильмы, посвященные деятелям советской науки и культуры, а также сюжеты кинолетописи, в которых содержатся съемки выдающихся современников за работой, на отдыхе, дома, на даче или в санатории. Такие сюжеты были призваны проиллюстрировать тезис о тесной связи советской интеллигенции и простого народа и при этом фиксировали обстановку, уровень жизни, при-

вычный для советской элиты и недоступный для большинства кинозрителей.

Выявленные кинодокументы можно разделить на несколько групп: первая группа – представители элиты за работой и на отдыхе дома, на даче, в санатории, т. е. в неформальной обстановке; вторая – представители элиты во время зарубежных поездок, в том числе на официальных мероприятиях; третья группа – сюжеты об объектах инфраструктуры, предназначенных преимущественно для советской элиты (о строительстве жилья, в том числе высотного дома на Котельнической набережной в Москве; о гостиницах в крупных городах; о поезде Москва–Ленинград «Красная стрела» и т. д.). С точки зрения содержания наиболее полно в кинохронике освещены жилищные условия, комфорт и сервис, а также мир вещей, доступные советской элите.

В данном комплексе преобладают документы, созданные в 1950–1980-е гг. Документы 1930–1940-х гг. носили в большей степени официальный характер.

Если рассматривать весь комплекс документов с точки зрения занятий запечатленных представителей элиты, то преобладают кинодокументы о деятелях культуры и искусства: о писателях, художниках, музыкантах, актерах, режиссерах и т. д. Количество сюжетов о деятелях науки невелико, большинство сохранившихся съемок, запечатлевших советских физиков, конструкторов, летчиков-космонавтов, представляют собой официальные съемки (за работой в лаборатории, на официальных мероприятиях). Вероятно, это объясняется публичностью деятелей культуры и относительно секретным характером деятельности представителей науки и техники, а также индивидуальным характером творчества большинства представителей искусства. Наиболее многочисленными являются фильмы и сюжеты о жизни и быте писателей (А.М. Горький, А.Н. Толстой, К.М. Симонов, С.В. Михалков, И.Г. Эренбург и др.), больше всего было выявлено документов о М.А. Шолохове и его усадьбе в станице Вёшенская за период 1940–1980-х гг. (свыше 20 документов).

Необходимо отметить, что образ жизни партийной номенклатуры для кинохроники оставался темой неприкосновенной: сюжеты, запечатлевшие партийных и государственных деятелей в неформальной обстановке, единичны: Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев и другие на охоте, принимают зарубежных гостей на даче, в Крыму (РГАКФД. № 19227, 19462, 19463, 19466, 22485).

При этом более полно картина быта и мира вещей советской элиты представлена в кинолетописи – остатках от монтажа готовой продукции, которые широкий зритель не видел. Так, в кинолетописи

си сохранились кадры с участием советских композиторов Д.Д. Шостаковича (Там же. № 22319), А.И. Хачатуряна (Там же. № 19176), Г.В. Свиридова и скрипача Д.Ф. Ойстраха (Там же. № 22246), в домашней обстановке, интерьеров их квартир; квартира писателя В.В. Вишневского (Там же. № 17517); дача И.Г. Эренбурга (Там же. № 22213); дом академика И.В. Курчатова (Там же. № 21858), интерьер квартир в жилом доме на Котельнической набережной в Москве (Там же. № 16749, 17472); советские ученые Е.В. Тарле, Н.Д. Зелинский, Н.Н. Семенов и другие дома и на даче, инфраструктура и интерьеры гостиниц «Ленинградская» и «Украина» в Москве и другие кинодокументы, в которых подробно запечатлены условия жизни советской элиты (планировка квартир и дач, мебель, камины, домашние библиотеки, кабинеты, музыкальные инструменты, сувениры, привезенные из зарубежных поездок, автомобили и т. д.).

При анализе данных документов закономерным является вопрос о постановочном характере съемок. Сравнение кинохроники с письменными источниками позволяет сделать вывод о достоверности кинодокументов: демонстрация достатка и комфорта на экране коррелировала с официальной установкой о том, что представители советской научной и творческой элиты вносят выдающийся вклад в развитие страны, доказывают всему миру преимущество социалистического строя, а потому заслуживают благ, которыми обладают. Кроме того, для советского человека именно жилье, комфорт, мир вещей выступали в качестве социального маркера статуса гражданина, так как были доступны далеко не каждому. Поэтому демонстрация на экране особых условий жизни советской элиты не вызывала протеста, в том числе потому, что носила сдержанный характер. В связи с этим наиболее перспективными для изучения жизни и быта такой социальной страты, как советская научная и творческая элита, являются документы кинолетописи, которые более полно запечатлели бытовые условия и уровень комфорта, доступный избранным советским гражданам, по сравнению с экранной продукцией, так как они не подвергались монтажу и отбору.

Л.А. Заворотная, к.и.н. (Москва)

**Нумизматы Русского зарубежья.
Иван Игнатьевич Бекиш (1894–1968)**

Имя нумизмата и издателя Ивана Игнатьевича Бекиша стало известно в России благодаря статье В.З. Арефьева (США) «Нумизматические записки», опубликованной в газете «Миниатюра» (СПб., 1997. № 36. С. 5). В ней автор рассказал о человеке, который, живя

в Австралии, впервые в Русском зарубежье стал издавать сборник статей по русской нумизматике.

Иван Игнатьевич Бекиш родился в 1894 г. в России в Виленской губернии. Он с отличием окончил местное училище и поступил в Виленский учительский (христианский) институт. После его окончания И.И. Бекиш преподавал в городском училище. В годы Первой мировой войны, находясь на фронте, он был тяжело ранен. После лечения его перевели работать в Канцелярию полевого госпиталя. В 1917 г., уволившись с военной службы, И.И. Бекиш поступил секретарем в адвокатскую контору. Параллельно он сдал экзамены на частного поверенного и занялся практикой при Виленском суде. Вскоре он женился и накануне Второй мировой войны вместе с семьей переехал в Варшаву (биографические сведения о И.И. Бекише были любезно предоставлены автору Русским Историческим Обществом в Австралии).

Иван Игнатьевич с детства увлекался русскими, польскими и литовскими монетами, читал книги по истории и нумизматике. Он познакомился с известным коллекционером, специалистом по нумизматике и русской военной медалистике В.Г. фон Рихтером, который в 1930-х гг. не раз выступал с докладами в Вильне и в Варшаве. В годы Второй мировой войны, когда Польша была оккупирована Германией, немецкое командование конфисковало у И.И. Бекиша большую и лучшую часть его нумизматического собрания. В 1945 г. Иван Игнатьевич вместе с семьей переехал в Лондон и поселился в доме у В.Г. фон Рихтера, который с 1940 г. жил в Англии. Здесь И.И. Бекиш вновь начал коллекционировать монеты. Особое внимание он уделял русскому материалу и приобрел у В.Г. фон Рихтера часть его нумизматического собрания. Иван Игнатьевич был членом основанного в 1946 г. в Париже Клуба любителей русской военной старины, позже переименованного в Общество (ОЛРВС) (*Заворотная Л.А.* Общество ревнителей русской военной старины в Париже (1946–1980-е гг. // Нумизматический сборник МНО. М., 2014. № 19. С. 13–68).

В 1950 г. И.И. Бекиш с семьей переехал в Австралию. В Сиднее он вместе с другими русскими иммигрантами, членами ОЛРВС Н.М. Кампером, П.М. Перекристом и В.А. Петрушевским, стал основателем Австралийского отдела парижского ОЛРВС в г. Стратфилде (ныне один из районов Сиднея). Председателем был избран Н.М. Кампер, товарищем председателя И.И. Бекиш. Австралийский отдел поставил задачу собирать предметы, связанные с историей России. Он также издавал «Извещение» в качестве приложения к журналу «Русский в Австралии», открыл библиотеку и Музей-уголок русской старины при Петропавловском кафедральном собо-

ре в Стратфилде. В своей просветительской деятельности члены Австралийского отдела старались привить молодому поколению иммигрантов интерес к русской истории, культуре и языку, помогая тем самым сохранить свою национальную самобытность (*Заворотная Л.А.* Австралийский отдел Общества любителей русской военной старины (1950–1960-е гг.) // Нумизматический сборник МНО. М., 2018. № 21. С. 186–214). Иван Игнатьевич был также членом Австралийского и Американского нумизматических обществ.

В Австралии И.И. Бекиш продолжал заниматься русской нумизматикой и, по словам современников, со временем «стал искуственным знатоком» в этой области. Он собрал коллекцию русских монет и обширную литературу по данной теме. Помимо дореволюционных изданий, И.И. Бекиш старался приобретать книги, изданные в СССР. К ним относились работы И.Г. Спасского, Труды Государственного Эрмитажа, сборник «Нумизматика и эпиграфика», журнал «Советский коллекционер». Иван Игнатьевич вел переписку со многими известными коллекционерами, живущими в странах Европы, Америки, в Китае.

С некоторыми из них он был лично знаком: с боннистом Н.И. Кардаковым (Берлин), с собирателями русских и китайских монет братьями П.Н. и В.Н. Алиными (Харбин, Бразилия) и др. Многие корреспонденты присылали И.И. Бекишу сведения о наиболее интересных памятниках, а также оттиски с монет. В 1960-е гг. Иван Игнатьевич стал переписываться с сотрудниками Государственного Эрмитажа и Государственного исторического музея.

И.И. Бекиш был не только страстным коллекционером, но и исследователем. Круг его интересов был широк и охватывал все периоды русской монетной системы – от Древней Руси до начала XX в. Иван Игнатьевич публиковал свои работы в издаваемом им сборнике по русской нумизматике «Нумизматические записки» (Сидней, 1960. Кн. I; Сидней, 1966. Кн. II). И.И. Бекиш в своих публикациях опирался на архивные материалы, сохранившиеся за рубежом, на доступные ему дореволюционные и советские издания, а также на многолетний опыт работы с нумизматическими памятниками. Иногда в качестве иллюстраций он привлекал монеты из своего собрания. Среди его статей по древнерусской нумизматике следует отметить: «Две неопубликованные монеты Киевского князя Владимира Ольгердовича», «Несколько слов о значении знаков и надписей на серебряных слитках древней Руси». К императорскому периоду относятся работы: «Сестрорецкие медные рубли 1770–1771 гг.», «Медный пробный рубль 1807 года».

И.И. Бекиш являлся автором впервые изданного за рубежом в 1960 г. каталога русских монет Имп. Николая II с 1894 по 1917 гг.,

куда вошли также монеты, чеканенные для Финляндии. В Предисловии автор писал, что со дня кончины Имп. Николая II прошло более сорока лет, но никто ранее из русских нумизматов не привел в известность монеты этого царствования. И.И. Бекиш стремился заполнить этот пробел. Каталог был составлен по образцу каталога Х.Х. Гиля и А.А. Ильина, которые положили начало в описании монет Имп. Николая II до 1904 г. (*Гиль Х.Х. Ильин А.А. Русские монеты, чеканенные с 1801 по 1904 г. СПб., 1904*).

Некоторые статьи И.И. Бекиша носили познавательный характер и были посвящены истории создания «семейного» полутора-рублевика 1835–1836 гг., выпуску монет для Молдавии и Валахии. Они основывались на уже ранее опубликованных работах. К материалам общего характера относятся статьи о деятельности «Общества любителей русской военной старины в Париже» и о «Нумизматике в Советском Союзе».

Важной для исследователей является работа И.И. Бекиша «Материалы к библиографическому указателю по русской нумизматике». Она включает около 250 публикаций, вышедших за рубежом в период с 1930 по 1965 гг. на русском и иностранном языках.

Среди авторов статей в «Нумизматических записках» встречаются имена русских нумизматов, проживавших в США: В.З. Арефьева, А.Ф. Долгополова, П.Я. Сагайдачного, В.А. Шугаевского.

Иван Игнатьевич успел издать в Австралии только два выпуска «Нумизматических записок». Однако эти два выпуска, отпечатанные в небольшом количестве экземпляров, сегодня являются не только библиографической редкостью, но и важным источником по истории изучения русской нумизматики за рубежом.

*А.В. Зайцева, к.и.н., зав. сектором
ОРКиР НБ МГУ им. М.В. Ломоносова*

Неудачи в истории студенческого учебного книгоиздания (Москва, вторая половина XIX – начало XX в.)

Книгоиздательская деятельность московских студентов середины XIX – начала XX в. была вполне успешной. За семьдесят лет в свет вышло более 900 учебных пособий по множеству дисциплин, тиражи некоторых из них в начале XX в. достигали 5000 экземпляров. Тем интереснее рассмотреть случаи, когда задуманные издания не были доведены до конца или вовсе не состоялись.

Источниками для их изучения служат рекламные материалы и отчеты студенческих издательств, воспоминания и дневники студентов-издателей, делопроизводственная документация высших учебных заведений и цензурных органов. В них нередко содержат-

ся ценные библиографические сведения (например, имена авторов и издателей, заглавия произведения, планируемые тиражи) и указания на причины, по которым издание не состоялось.

Неудачи постигали студентов-издателей на разных этапах редакционно-издательского процесса. Часть запланированных к публикации книг так и осталась на уровне задумки. К их числу принадлежит «История средневековой философии» А. Штекля под редакцией приват-доцента И.В. Попова. Согласно рекламе, общество взаимопомощи студентов-филологов Московского университета планировало напечатать этот учебник к осени 1910 г. ([Хроника] // Студенческая жизнь. 1910. № 18. С. 15). Однако книга увидела свет лишь в 1912 г. благодаря частному издательству В.М. Саблина. Причиной случившегося, вероятнее всего, были финансовые и организационные неурядицы в обществе (Очевидец. Общество взаимопомощи студентов-филологов при И.М.У. (5 ноября 1908 г. — 5 ноября 1913 г.) // Студенческое дело. 1913. № 12. С. 2).

Из-за нехватки денег провалились целых три проекта издательской комиссии слушателей Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского. Комиссия отказалась от издания «Истории Франции XVIII в.» С.Ф. Фортунатова, «Основ государственного права» А.В. Дайси и «Истории XIX века» А.А. Кизеветтера. В последнем случае была объявлена подписка, но число подписчиков оказалось невелико, и собранные средства не покрыли бы расходов на издание (Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. Исторический очерк... М., 1914. С. 108–109).

Также не был опубликован курс Б.И. Сыромятникова по истории русского государственного права, поскольку автор отказался его редактировать (Там же. С. 109). Обычно нежелание лектора просмотреть и одобрить записи слушателей для их дальнейшего тиражирования не играло решающей роли в издательском процессе, и многие студенческие издания вышли с пометкой «без редакции профессора». Случай с издательской комиссией шанявцев представляет собой исключение.

Некоторые издания были приостановлены на этапе создания рукописи. Так, еще будучи студентом историко-филологического факультета, Н.И. Кареев настолько увлекся лекциями слависта А.Л. Дювернуа, что «взялся даже составлять для товарищей записки по его лекциям» (*Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 115). В 1870 г. он решил опубликовать их и подал рукопись под заглавием «Глаголица и глаголические памятники» в Московский цензурный комитет. Цензуре рукопись показалась подозрительной, и после недолгой переписки комитета с Московским университе-

том издание было запрещено (ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 38. Д. 687. Л. 11–17).

Произошедшее с Кареевым было прямым следствием новых правил, принятых в 1869 г., согласно которым студентам запрещалось самостоятельно литографировать профессорские лекции (Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 4. СПб., 1871. Стб. 1395–1396). Попытка Кареева издать курс Дювернуа «официально», типографским способом, была вызвана, очевидно, желанием обойти запрет на литографирование.

Другие не столь находчивые студенты просто игнорировали правила 1869 г. Они по-прежнему составляли записки, а литографы охотно их тиражировали. Если нарушение обнаруживалось при проверке литографской мастерской инспектором книгопечатания и книжной торговли, то все готовые листы изымались, и издание прерывалось на этапе печати. В 1870–1875 гг. было прекращено печатание 25 курсов лекций по истории и теории права, физике, медицине, биологии и химии (ЦГА Москвы. Ф. 212. Оп. 1. Д. 23. Л. 66–66 об.; Д. 36. Л. 40–44, 149–154; Д. 61. Л. 7–7 об.; Д. 73. Л. 192–193).

Имелись и другие причины неудач. При печальных обстоятельствах, из-за болезни профессора, весной 1865 г. остановилось издание лекций С.В. Ешевского, предпринятое студентом-юристом П. Погожевым (ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 282. Д. 19. Л. 1–4 об.). Оно так и не было возобновлено, поскольку Ешевский вскоре скончался.

Случаев полного уничтожения издания уже после его выхода в свет нами не выявлено, однако такие попытки предпринимались. В качестве примера можно привести «Полный курс физики» А.Г. Столетова. Курс был опубликован студентом С. Стецкевичем в 1892 г. без согласия профессора. Из-за нарушения авторского права издание было признано незаконным. Поскольку тираж успел частично разойтись, было принято два решения. Во-первых, суд предписал уничтожить ту его часть, что была изъята цензурной инспекцией из типолитографии В. Просина. Во-вторых, чтобы ограничить распространение уцелевших экземпляров, инспектор студентов Московского университета запретил продажу книги в университетских стенах (ЦГА Москвы. Ф. 212. Оп. 2. Д. 34. Л. 232; Ф. 418. Оп. 223. Д. 30. Л. 49–50).

Издательские неудачи студентов, вызванные финансовыми и организационными затруднениями, желанием обойти существующие правила и некоторыми другими причинами, породили совокупность неоконченных и несостоявшихся изданий. Репертуар таких изданий представляет не меньшую ценность, чем репертуар

благополучно напечатанных книг. В нем также имеются сведения о тематическом разнообразии публикаций, круге издателей и т. д. Главное же его достоинство заключается в том, что он показывает масштаб издательских амбиций студенчества.

*Р.В. Зарапин, к.и.н., доц.
РГГУ*

Греческое население Западной и Центральной Азии в эпоху предэллинизма

Долгое время в исторической науке никто не обращал внимания на демографические ресурсы, которыми обладал Александр Македонский при создании своей империи. Известно, что лично им во время походов было основано более десятка городов, каждый из которых был заселен не только представителями местных этносов, но также греками и македонцами. Учитывая, что многие города вскоре получали статус полисов, греко-македонское население должно было в них преобладать.

Численность войска Александра Македонского до сих пор остается предметом научных дискуссий, однако самые смелые оценки дают не более 50 тысяч человек. Вместе с тем античные источники указывают, что Александр систематически отправлял домой в Грецию и Македонию старых солдат, уже неспособных нести службу (например, *Агг. Anab.* III.29), значительное количество его воинов погибало в сражениях и во время восстаний местного населения. Так, по словам Арриана, во время пребывания Александра в Средней Азии местные жители перебили стоявшие по их городам отряды македонских солдат (*Агг. Anab.* IV.1). При рассказе об основании городов все авторы пишут о нескольких тысячах солдат, которых оставлял там македонский царь. В Сузах (носивших в эллинистическую эпоху название Селевкия-на-Эвлее) он разместил гарнизон, насчитывавший 3 тысячи человек (*Curt.* V.2.16), в Александрии Арахозии – 4600 человек (*Curt.* VII.3.5), в Александрии Кавказской – 7000 македонцев, а также воинов, которые уже по возрасту не могли нести службу (*Curt.* VII.3.22–23).

Возможно, Александр Македонский мог использовать в своих целях греческих наемников, находившихся на персидской службе. Во время похода против племен мардов, живших в Гиркании и Мидии, к нему пришли послы греческих наемников (*Агг. Anab.* III.24–25). По словам Арриана, Александр посадил их под стражу, но отпустил тех наемников, которые нанялись к персам до заключения мира и союза с Македонией. По всей вероятности, имеется в виду Коринфский конгресс, значит, их служба персам должна была про-

должаться не менее 10 лет. Арриан называет цифру 1500 человек; таким образом, количество наемников было существенным.

Нет оснований считать, что это был случайный отряд, отправленный персами на северо-восточную границу. Переброска воинских контингентов между регионами – нормальное явление для любой империи. Доказательства существования подобной практики в государстве Ахеменидов весьма многочисленны: в двух арамейских папирусах конца V в. до н. э., обнаруженных в Элефантине (на юге Египта) упоминается воин Даргаман из Хорезма; это же имя неоднократно упоминается в бактрийских документах данной эпохи. Геродот называет имя некоего ионийца Скилака, который при Дарии по его приказу совершил плавание вниз по реке Инд, а затем в Египет (Hdt. IV.44).

Однако греческие наемники могут быть не единственным источником пополнения воинского контингента Александра Македонского во время Восточного похода. Существуют данные о персидской практике насильственного переселения из одного региона в другой целых этносов или жителей отдельных городов. Ксенофонт упоминает город Лариса Египетская (Xen. Hell. III.1.7), названный так потому, что здесь Киром Старшим были поселены пленные египтяне. При Дарии I в селение Барки в Бактрии была переселена часть жителей греческого города Барки. Многочисленные данные о таких переселениях приводит Геродот: Ахемениды переселяли египтян – в Бактрию (Hdt. IV.204), ионийцев в Сузы (Hdt. VI.20), греков – в Хузестан (Hdt. VI.119).

Такие переселения могли затрагивать десятки тысяч человек. Источником людей для таких переселений могла быть населенная греками западная часть Малой Азии. Еще в архаическую эпоху этот регион столкнулся с перенаселением (Милет занимал первое место в списке городов, выведивших свои апойкии) и, несмотря на отток части населения во время греко-персидских войн, проблема нехватки земель могла стоять там достаточно остро. Наиболее яркий эпизод с переселенцами из Малой Азии приводит Квинт Курций Руф. По его словам, после переправы через Амударью Александр захватил город Бранхидов – потомков переселенцев из Милета, которые когда-то были вынуждены покинуть родину после осквернения храма Дидимеон (Curt. VII.5.28–34). Курций утверждает, что они продолжали соблюдать греческие обычаи, но были уже двуязычными. Ряд историков считает эту историю недостоверной, в качестве аргумента приводя тот факт, что о городе Бранхидов не упоминает Арриан. Однако, кроме Курция, эту историю приводит Страбон, а труд Арриана вообще изобилует лакунами. Логично предпо-

ложить, что Арриан, опиравшийся на Птолемея Лага, не упоминал об этом случае, считая его типичным.

Аналогом истории с Бранхидами можно считать Александрию (Спасину-Харакс) в Южном Двуречье. По Плинию (Plin. VI.138), этот город был основан Александром Македонским и заселен жителями ранее существовавшего города Дурина – основанного около 700 г. до н. э. форпоста карийских торговцев. Археологически и эпиграфически фиксируются греческие полисы в Ниневии и Вавилоне, однако античными историками факт присутствия греков в этих городах не упоминается.

Присутствие греков в Средней Азии в эпоху предэллинизма может быть доказано и при помощи археологии. Об этом свидетельствуют неоднократные находки греческих (в первую очередь афинских) монет середины V в. до н. э., в том числе найденный во второй половине XIX в. Амударьинский клад, включающий в себя монеты Афин, Византия, греческих городов Малой Азии конца V – середины IV в. до н. э. вместе с ахеменидскими монетами. Город Бранхидов пока не обнаружен археологически; Э.В. Ртвеладзе, ранее связывавший его с Келифом – наиболее удобной переправой через Амударью, теперь склоняется к отождествлению милетского поселения с городищем Талашкантепа в Сурхандарьинской области Узбекистана.

Таким образом, проникновение греков на Восток началось в эпоху предэллинизма, еще до начала Восточного похода. Греческое влияние в этом регионе началось как минимум за полтора века до распада державы Ахеменидов и стало важной основой формирования империи Александра Македонского.

*П.А. Захарчук, м.н.с.
ИИЕТРАН*

**Комплексный анализ графически-изобразительных
источников по истории металлургии в исследованиях
отечественных историков науки 1930-х годов**

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-011-00366 «Профессия «историк науки» в российском социокультурном и научном контексте первой половины XX в.»

Под графически-изобразительными источниками по истории отечественной металлургии, мы понимаем изображения заводов, фабрик, мастерских, заводских агрегатов, чертежи, планы городов, созданные рисовальщиками на предприятиях, чаще всего анонимно. Датируются эти изображения концом XVII–XVIII вв., когда

грань между техническим рисунком и художественным полотном была еще слишком размыта.

Толчком к проведению комплексного анализа графически-изобразительных источников в 1930-х гг. стала реализация важного археографического проекта – издание труда генерал-лейтенанта, специалиста в области горного дела и металлургии Виллима Ивановича де Геннина (1676–1750) «Описание Уральских и Сибирских заводов». Первая попытка публикации этой работы была сделана в 1826–1827 гг. в «Горном журнале». Однако в ту публикацию вошел не весь материал, и ни одной иллюстрации из рукописи опубликовано не было.

Работу по подготовке к изданию этого труда взяла на себя группа ученых, состоявшая из сотрудников Института истории науки и техники, Историко-археографического института, и приглашенных лиц. Изучение графически-изобразительных источников поведилось Николеом Борисовичем Баклановым (1881–1959) и Владимиром Андреевичем Каменским (1896–1969). Стоит учесть, что для осуществления комплексного анализа данного источника, у этих исследователей были высокие профессиональные компетенции. Бакланов был профессиональным художником и профессором Всесоюзной академии художеств. Каменский работал с графически-изобразительными источниками, будучи сотрудником Русского музея. В характеристике этой организации на Каменского было сказано: «Следует особо упомянуть о графическом и художественном даровании Каменского, дающем возможность свободно читать чертежи, копировать их как и любые рисунки, выразившимся для Отдела в замечательном изобретении Каменского – светящегося монитора, позволяющем любую фотографию мастерской, цеха и т. п. представить в трехмерном виде с сохранением документальной точности» (АРАН. Ф. 154. Оп. 2а. Д. 19а. Л. 6).

Первые результаты проведенной работы по изданию труда Геннина были опубликованы Н.Б. Баклановым в 1933 г. в статье «“Натуралии” Де Геннина как источник по истории техники в России» (Известия АН СССР. Сер. 7 (Отделение общественных наук). 1933. № 4. С. 307–332). Автор провел подробный сравнительный анализ известных на тот момент пяти списков рукописи. Все эти списки были копиями оригинала, судьба которого до сих пор не известна. Число рисунков в каждом из списков рукописи разнилось, но в среднем варьировалось в пределах 170–180 единиц. Проведя палеографический анализ, Бакланов пришел к выводу, что «иллюстрации во всех экземплярах исполнены в одной технике: чертеж или рисунок пером или тушью и затем оттушеваны кистью или одontonно или с расцветкой» (Там же. С. 317). Изображения, пред-

ставленные в труде Геннина, ученый разделил на группы: в одну поместил планы фабрик, в другую – изображения деталей машин, в третью – виды заводов, в четвертую – изображения, связанные с горным делом, в пятую – карты городов, в шестую – изображение не имеющие прямого отношения к тексту рукописи.

В 1935 г. результаты по изучению графически-изобразительных источников были опубликованы уже В.А. Каменским в статье «Русская железная и медная мануфактура в изображениях XVIII – первой половины XIX в.» (Архив истории науки и техники. М.; Л., 1935. Вып. 7. С. 229–294.). Автор предложил свою классификацию, разделив все имеющиеся источники на три группы. В первую он включил изображения из рукописи труда Геннина, распределив последние на две подгруппы: 1) рисунки, имеющие техническое значение; 2) горнозаводские ландшафты и производственные интерьеры. Вторую группу источников составили изображения, входящие в т. н. Шлаттеровскую серию – комплект гравюр к многотомному изданию 60–х гг. XVIII в. трудов И.А. Шлаттера по горному делу и металлургии. В.А. Каменский отмечал, что, в отличие от Геннинских изображений, в данной серии преобладали архитектурные, «анатомические схемы мастерских», а производственный интерьер представлял собою чертеж, построенный по принципу «диаметрической аксонометрии». К последней группе графических источников по истории металлургии автор отнес реалистические изображения горнозаводского производства второй половины XVIII в. Он считал, что по своему характеру данные источники представляли собой «новое реалистическое направление» изображения горнозаводского производства, отражающее не только его техническую сторону, но и социально-бытовые моменты жизни рабочих.

Бакланов и Каменский занимались анализом графически-изобразительных источников по истории металлургии. Но если для первого важно было ответить на вопрос, что изображено на том или ином рисунке, то для второго более важным являлся вопрос, как оно изображено. Именно в этом состоит принципиальная разница подходов двух ученых к анализу материала. Бакланов последовательно описывал сюжет изображения, сообщал, с какой стороны лежит тот или иной предмет. Для Каменского более важным было понять цель создания изображений и выяснить, какие художественные приемы выбрал рисовальщик для ее достижения. Ответы именно на эти вопросы были положены им в основание своей классификации. Его и Бакланова подходы дополняли друг друга, рисуя более полную картину явления.

В 1937 г. «Описание Уральских и Сибирских заводов» Геннина было издано. Публикация изобразительно-графических источников

имела свои погрешности. Всего была издана лишь 1/4 часть изобразительного материала. Все изображения были черно-белыми, хотя в рукописи они были цветными, а их формат был уменьшен в 4 раза. Однако даже в таком виде, они прочно вошли в источниковую базу последующих научных исследований по истории отечественной металлургии.

*Ю.Н. Звездина, к.иск., с.н.с.
Музеи Московского Кремля*

**Фрагменты надгробия Томазины Груамонти
работы Альвизе Ламберти да Монтаньяна
из собрания музея «Дом Ромеи» в Ферраре**

В феррарском музее «Дом Ромеи» хранятся фрагменты надгробия представительницы семейства д'Эсте Томазины Груамонти (дочь Дузе Груамонти и вдова Аццо Х д'Эсте), находившегося прежде в церкви Сант Андреа (не сохранилась). Скульптурный комплекс был выполнен в 1498 г. из белого мрамора Альвизе (Алоизио) Ламберти да Монтаньяна, который, по одной из гипотез, создал Архангельский собор Московского Кремля и украсил резбой его порталы, а также порталы Благовещенского храма.

Об этом мастере известно немного, не сохранились даже сведения о дате его кончины. Он упоминается в итальянских архивных документах в 1494 – около 1500 г. Это не противоречит сведениям об архитекторе, благодаря которому и был возведен кремлевский собор-усыпальница русских князей и царей: в 1499 г. он отправился в Москву, но, как известно, был задержан в Крыму ханом Менгли-Гиреем и участвовал в строительстве Бахчисарайского дворца. В 1504 г. зодчий прибыл в Москву.

Исследователи работ итальянских архитекторов в России обычно сравнивают белокаменные порталы Бахчисарайского дворца и кремлевских Архангельского и Благовещенского соборов. Мы предлагаем обратиться к фрагментам, хранящимся в музее «Дом Ромеи». С одной стороны, они свидетельствуют о том, что Альвизе Ламберти прекрасно владел мастерством скульптора и хорошо усвоил ренессансные традиции. Такова фигурка путто (сохранилась одна из двух), на подножии которой высечено имя мастера. Понятно, что подобное произведение не могло быть использовано в начале XVI в. при украшении скульптурой православных храмов. Великолепное владение мастерством скульптурного портрета демонстрирует бюст Томазины Груамонти, заключенный в тондо в виде стилизованной раковины (здесь уже напрашивается сравнение со знаменитыми раковинами, украшающими закомары Архангельско-

го собора). Портрет обрамлен тонко разработанной гирляндой из разнообразных плодов и пятилепестковых цветов (также вызывающий в памяти гирлянды, которыми украшены порталы кремлевских храмов, особенно Благовещенского собора).

Образ Томазины Груамонти наводит на мысль о том, что скульптор был хорошо знаком с традициями древнеримского портрета имперского периода: мы видим то же внимание мастера к индивидуальным чертам и отказ от идеализации. Примечательно, что внимание к реалистично трактованным деталям сказалось и в особенностях трактовки плодов в гирлянде, близких природе. В убранстве кремлевских соборов плоды менее тонко разработаны, но это, должно быть, обусловлено использованием другого материала – более мягкого белого камня.

Сравнение с рельефным декором колонн и пилястр порталов кремлевских соборов вызывает и растительный декор (тонкие стебли и листья плюща) мраморной доски с высеченной на ней торжественной надписью. Сама же доска выполнена в форме широко распространенной в имперском Риме *tabula ansata* (буквально: «доска с ручками»). Эта форма носителя памятной надписи или другой важной информации хорошо узнаваема, она использовалась и в вывесках, и в убранстве храмов, и на саркофагах. Форма *tabula ansata* возрождается в XV в. и сохраняется по крайней мере до XIX столетия, с эпохи Ренессанса ее особенно применяли для памятных надписей на надгробиях. Она встречается в разных видах искусства, в религиозных композициях на ней могли помещать строки, прославляющие Богоматерь.

Памятную функцию *tabula ansata* выполняет и в памятном комплексе Томазины Груамонти. Примечательно, что обычно *tabula ansata* бывает лишена какого-либо декора, за исключением профильной рамки, в редких случаях – декоративно разработанной имитации крепления (например, на погребальной урне I в. н. э. из собрания Археологического музея в Удине). Однако Альвизе Ламберти украшает доску тонким, изящным растительным декором, очевидно, наделенным символическим содержанием, поскольку плющ со времен античности означал немеркнущую память об умершем, а как вечнозеленое растение мог указывать на воскресение и вечную жизнь души.

То же внимание к тонкому декору демонстрирует скульптурное убранство кремлевских Архангельского и Благовещенского соборов. До наших дней сохранились тонкие стебли и листья на пилястрах и колонках, реалистично и вместе с тем изящно трактованные плоды в гирляндах, возносящихся над входами в храмы. Мастер, создавший эти рельефы в России начала XVI столетия, не мог

включить в декор объемные фигурки путти, однако изображения фантастических существ, в том числе полуобнаженных сфинксов, являются элементами «декора в декоре», представляя детали канделябров в откосах порталов.

С.В. Зверев, к.и.н.

зав. отд. Нумизматики и археологии Музеев Московского Кремля

Материалы по генеалогии московских денежных мастеров XVII века

Бытовавшая в России до конца XVII в. ручная техника чеканки монет на расплюснутых кусочках серебряной проволоки позволяла использовать в монетном производстве не слишком квалифицированных работников, часами выполнявших тяжелую и однообразную работу, ударяя молотком по гладкому торцу чекана, вручную поставленного рабочей поверхностью с надписью в несколько строк с именем и титулом царя, на гладкую монетную заготовку, положенную на рабочую поверхность нижнего закреплённого штемпеля с изображением всадника.

Денежными мастерами становились небогатые жители Москвы или «гуляющие вольные люди». Работа на денежном дворе была сдельной и зависела от объёма и периодов поставок серебра в столицу, что было связано со сроками навигации в Архангельске и «волной» серебра в Москву по первому санному пути. Денежные мастера получали определённые привилегии и освобождались от некоторых повинностей посадских людей, например, от тягот карательной службы.

Однако не прослеживается формирования особой корпорации мастеров-денежников, в отличие от серебряников, кузнецов, стрельцов и др. Сохранившиеся списки мастеров Московского денежного двора 1632, 1647, 1660–1662 гг. и их упоминания в писцовых книгах Москвы 1638, 1665–1676 гг. дают весьма фрагментарные сведения о периодах работы некоторых денежников, но всё же позволяют отметить, что очень немногие имена повторяются в списках через 10–15 лет. Вместе с тем, характер записей отражает только короткую «цепочку» из двух или трех имен из разных поколений семьи денежных мастеров, а обозначения по отчеству – «Ивашка Иванов», «Федька Васильев» и т. п. – дают довольно много повторов и очень затрудняют выявление родственных связей.

Лишь в случае наличия какого-то яркого прозвища или взаимодополняющих сведений различных документов можно составить более широкие фрагменты поколенных росписей московских де-

нежников. Примерами могут служить семьи Калининых и Пестенковых.

В окладной росписи сбора пятинных денег 1632 г. упомянуты денежники: Васька Калинин, имущество которого было оценено в 60 рублей, Посничко Калинин – 50 рублей, Ерофейко Калинин – 25 рублей (*Зверев С.В.* Сбор пятинных денег в 1632 г. гостем Н. Светешниковым с мастеров Московского денежного двора // Тихомировские чтения. Ярославль, 2017. С. 242–265). В переписной книге Москвы 1638 г. в Денежной слободе указаны размещенные рядом дворы членов этой семьи с указанием вооружения на случай осады: «денежного мастера Ерофейка Калинина, у него сын Гришка с них две пищали», «денежного мастера Васьки Калинина, у него пищаль», «денежного мастера Петра Калинина» также имевшего пищаль, «денежного мастера Васки Калинина, у него пищаль», и живущего тут же его сына «денежного мастера Ивашка Васильева, у него сын Офонка, будут оба с пищальми» (Переписная книга г. Москвы 1638 года. М., 1881. С. 297–298). В составленной в 1648 г. росписи работников Московского денежного двора указаны живущие в Денежной слободе мастера Ерошко и Васька Калинины и, в числе проживавших «за Покровскими вороты в Барашах и Огородниках», Посничко Калинин (История форм труда в Русском государстве первой половины XVII века. М., 1989. Т. II. С. 335). Все эти сведения позволяют более полно представить родственные связи денежных мастеров Калининых.

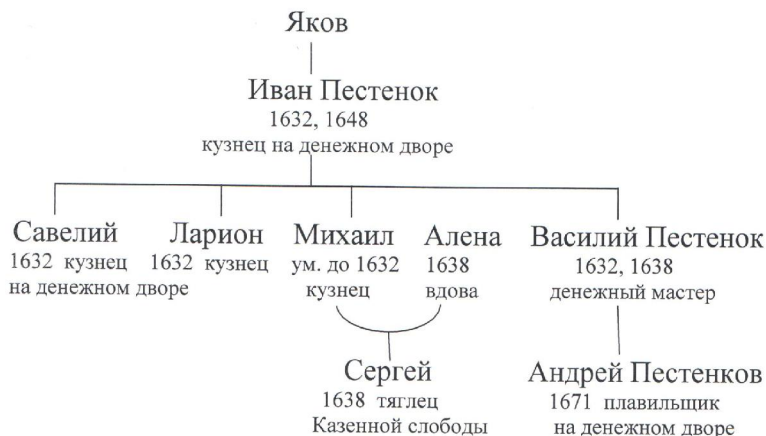
Также по разным письменным источникам выявляются представители семьи Пестенковых, работавшие на Московском денежном дворе. В окладной росписи сбора пятинных денег 1632 г. указан денежный мастер «Васка Иванов Пестенок. Живота ево двадцать пять рублей». Также отмечены его отец и братья, которые были кузнецами на денежном дворе и также были довольно зажиточными людьми: «Ивашко Яковлев Пестенок. Живота ево пятьдесят рублей», Савка Иванов. Живота ево сорок рублей», «Ларка Иванов. Живота ево десять рублей» (*Зверев С.В.* Указ. соч. С. 251, 255). Переписная книга Москвы 1638 г. фиксирует в Денежной слободе двор «вдовы Олены денежного двора кузнеца Михайловы жены Иванова, у ней сын Казенные слободвы тяглец Сергейко Михайлов, да у ней же живет в соседех денежной мастер Васка, прозвище Пестенок, Сергейко и Васка будут с пищальми» (Переписная книга... С. 297). Вероятно, денежник Василий Иванович Пестенок жил у вдовы брата, который, видимо, умер еще до 1632 г., поскольку не указан в предыдущем списке в числе других сыновей Ивана Пестенка, работавших кузнецами на денежном дворе. В переписной книге Москвы 1671 г. «за Яускими вороты по левую сторону» отмечен двор сына

Василия, плавильщика денежного двора Андрея Пестенкова (Переписные книги Москвы 1665–1676 гг. М., 1886. С. 62). Все эти сведения дают возможность с некоторой степенью предположения наметить родственные связи Пестенковых, среди которых были мастера Московского денежного двора разных специальностей.

КАЛИНИНЫ

ПЕСТЕНКОВЫ

С.В. Зверев, к.и.н., зав. отделом

А.М. Колызин, к.и.н., с.н.с.

Музеи Московского Кремля

Животные лунного календарного цикла в русской монетной чеканке конца XIV в. К вопросу о датирующем значении

Еще в конце XVIII в. нумизматы опубликовали предположение о связи с восточным календарем некоторых изображений животных и птиц на русских монетах XIV–XV вв. По мнению авторов, такие

изображения и татарские надписи на той или иной монете ясно указывали, что она была «в дань татарам сделана» и, например, уменьшенное изображение собаки указывало, что изображен щенок собачей породы, а «младость пса» обозначало выплату дани за часть года (*Щербатов М.М.* Опыт о древних российских монетах // Академические известия на 1780 год. Ноябрь. СПб., 1780. Ч. VII. С. 342–343).

Несколько ироничное повествование о таких изысканиях, помещенное в статье И.Г. Спасского о раннем этапе отечественной нумизматики (*Спасский И.Г.* Очерки по истории русской нумизматики // Нумизматический сборник. М., 1955. Ч. I. С. 91–96) надолго пресекли попытки связать изображения животных на монетах с лунным календарным циклом. В обзорной работе А.В. Чернецова об изображениях на русских средневековых монетах основное внимание уделено их символике, направленности на прославление княжеской власти, связи с легендами и мифами (*Chernetsov A.V.* Types on Russian Coins of the XIV and XV centuries. An iconographic study / British Archeological Report (BAR). International series. 167. Oxford, 1983).

Кроме того, нумизматы определили, что на монетах русских князей арабские надписи с именем и титулом хана Тохтамыша или только с титулом «султан справедливый» помещали специально, как выражение вассалитета (*Федоров-Давыдов Г.А.* Монеты Московской Руси. М., 1981. С. 52–53).

Вместе с тем, изучение монет Золотой Орды позволило выявить три серии новогодних монет со знаками зодиакальных созвездий, свидетельствующие о высоком уровне астрономических знаний. Также были прослежены довольно частые случаи помещения на монетах Золотой Орды изображений животных лунного календарного цикла (*Галкин Л.Л.* Некоторые новогодние монеты Золотой Орды // Советская археология. 1985. № 4. С. 186–197); *Он же.* Археологические свидетельства астрономических знаний улуса Джучи // Историко-астрономические исследования. 1987. М., 1987. С. 171–184).

Известны медные пулы золотоордынских городов с изображениями животных точно соответствующих обозначенным годам лунной хиджры: пул Гюлистана с барсом 764 г.х. (1363–1364) – год кота, пул Азака с павлином 783 г.х. (1381–1382) – год петуха, пул Орды с верблюдом 785 г.х. (1383–1384) – год свиньи, которую в мусульманских странах заменяет изображение верблюда. Также существуют монеты без обозначения года: пул Мокши с котом, пулы Хаджи-Тархана с Барсом, Обезьяной и Слоном (заменил мышь),

пулы без указания места чеканки с зайцем, павлином, собакой, верблюдом.

Таким образом, в Золотой Орде было вполне обычным обозначение даты на монете посредством изображения соответствующего животного лунного календарного цикла. Поскольку Русский улус был частью Золотой Орды и князья признавали сюзеренитет ханов, то при возобновлении русской великокняжеской и удельной чеканки в конце XIV в. помещение на монетах изображений «календарных» животных (к тому же не имеющих явного русского символического осмысления) может быть связано с золотоордынской традицией. Русские и татарские монеты находились в иконографической и метрологической связи (3 московских денги = 2 ордынских дирхема).

Чеканка монет в Москве началась в 1381 г. с выпуска серебряных денег с изображением на лицевой стороне воина и кириллической круговой надписью и арабской надписью с именем хана Тохтамыша на оборотной стороне (*Колызин А.М.* Начало чеканки монет в Москве // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники. М., 2009. С. 442–447). Помещение на лицевой стороне одного из следующих типов московских денег изображений петуха и собаки, являвшихся «календарными» животными 1381–1382 и 1382–1383 гг., может указывать на дату получения ханского ярлыка князем Дмитрием Ивановичем и дату появления монетного типа.

В Нижнем Новгороде один из ранних монетных типов с именем Василия Кирдяпы несет изображение четвероногого из семейства кошачьих, что может указывать на «год Кота» (1387–1388 г.), когда этот князь получил власть над городом (*Федоров-Давыдов Г.А.* Монеты Нижегородского княжества. М., 1989. С. 27–28).

Обращает на себя внимание монета удельного Можайского княжества с именем Андрея Дмитриевича и изображением лошади без всадника, «календарного» животного 1391–1392 или 1402–1403 гг. Она находит параллели в московских монетных надчеканах с изображением лошади или лошадиной головы.

Вновь изображения петуха и петуха с собакой появляются на монетах великого князя Московского Василия I, что может указывать на 1393–1394 и 1394–1395 гг. Следует отметить, что эти даты связаны с получением Василием I ярлыка на Нижний Новгород, Городец, Мещеру и Тарусу, что существенно увеличило владения Московского великого князя (*Федоров-Давыдов Г.А.* Монеты Нижегородского... С. 29). Также изображение петуха и собаки помещены на одном из типов денег удельного князя Дмитровского Петра Дмитриевича.

Целая группа монет, чеканенных великими и удельными князьями (Москва, Серпухов, Галич, Можайск, Дмитров, Нижний Новгород) несет изображение четвероногого хищника, что может быть связано с символом силы и мужества и, вместе с тем, остается указанием на «год тигра» 1398–1399 г. или «год кота» 1399–1400 г.

Таким образом, нельзя отвергать возможность помещения на русских средневековых монетах изображений животных лунного календарного цикла, которые указывали на дату получения ханского ярлыка и утверждение власти князя или обозначали дату чеканки, как это было на монетах Золотой Орды.

*Г.А. Зверкина, к.ф.-м.н., доц.
доцент РУТ(МИИТ), с.н.с. ИПУ РАН*

Пифагор, Архимед, квадратные корни и шутка Фибоначчи

*«В геометрии существует два сокровища:
первое – теорема Пифагора, второе – золотое сечение.*

*Первое можно сравнить с мерой золота,
второе – с драгоценным камнем».*

И. Кеплер (1571–1630)

«Золотое сечение» или деление отрезка «в среднем и крайнем отношении» известно математикам с древнейших времён. Вероятно, в древнегреческую математику оно вошло во времена Пифагора.

Пифагорейцы, как сообщали многие античные авторы, имели некий сакральный символ, по которому опознавали членов своей секты (пифагорейской школы). Полагают, что это была правильная пятиконечная звезда, для точного построения которой используется деление отрезка в среднем и крайнем отношении, т.е. построение циркулем и линейкой точки, которая делит радиус описанной вокруг звезды окружности так, что отношение большей части радиуса к меньшей такое же, как отношение всего радиуса к большей его части. То есть если длина отрезка равна x , а длина большей стороны

$$-b, \text{ то } \frac{x}{b} = \frac{b}{x-b}; \text{ и } \varphi = \frac{x}{b} = \frac{1+\sqrt{5}}{2} \approx 1.61803398875...$$

Существует легенда о том, что один из пифагорейцев был наказан богами за выданную непосвящённым людям некую тайну пифагорейцев. Иногда предполагают, что это был факт существования несоизмеримости (что сомнительно: ведь гораздо позже Платон в диалоге «Менон» искренне восхищается новым знанием – знанием о несоизмеримости). Скорее всего, несчастный пифагореец рассказал о способе построения правильного пятиугольника (и звезды).

Леонардо Пизанский (Фибоначчи) сформулировал такую задачу: есть пара кроликов, которые плодятся каждый месяц, принося новую пару кроликов (на самом деле в помёте кролика обычно 5-9 крольчат, иногда до 14; и да, беременность длится около месяца). Через месяц после рождения новая пара кроликов готова к размножению (на самом деле через 3-4 месяца), и через два месяца приносит первый помёт. Сколько пар кроликов будет через год?

Пусть 1 января у нас 1 пара кроликов приносит крольчат. Первая пара зачинает новых крольчат, остальные маленькие. 1 февраля уже есть 3 пары – первоначальная, подросшая и родившаяся. Первые две пары приступают к размножению. 1 марта у нас 5 пар – 3 из прошлого месяца, и уже две новых. 3 взрослых пары приступают к размножению, и т. д. Получается последовательность чисел:

1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, 144, 233, 377. (#)

То есть 1 января следующего года будет 377 пар кроликов.

Эта задача, формулировка которой противоречит биологии, приводит к «последовательности Фибоначчи»: $a_1=1$, $a_2=2$, $a_3=1+2=3$, $a_4=2+3=5$, $a_5=3+5=8$, etc.

При этом *вдруг* (!) обнаружилось, что отношение двух соседних чисел Фибоначчи стремится к золотому сечению φ : $\frac{a_{k+1}}{a_k} \rightarrow \varphi$.

Было ли это совпадением? Не думаю. Это – наследие античной математики.

В древней Греции использовалась крайне неудобная для вычислений нумерация, и сравнение и упрощение дробей было весьма непростой задачей. Тем не менее, была придумана схема для этого, и эта схема по сути совпадает с тем, что сейчас называется «цепные дроби». Например,

$$\sqrt{2} = 1 + \frac{1}{2 + \frac{1}{2 + \frac{1}{2 + \frac{1}{2 + \dots}}}}; \quad \sqrt{3} = 1 + \frac{1}{1 + \frac{1}{2 + \frac{1}{1 + \frac{1}{2 + \dots}}}}; \quad \varphi = 1 + \frac{1}{1 + \frac{1}{1 + \frac{1}{1 + \frac{1}{1 + \dots}}}}.$$

Если вычисление цепной дроби оборвать в какой-то момент, то получится «подходящая дробь», являющаяся приближённым значением иррационального числа. Но приближённые значения для иррациональных чисел проще находить с помощью итерационной процедуры, основанной на свойствах цепных дробей. Для этого выбирается некоторое первоначальное целое приближение

$\sqrt{A} \approx a_0 = \frac{x_0}{y_0}$, $x_0 = a_0$, $y_0 = 1$, и затем вычисляется последова-

тельность приближений для $\sqrt{A}$ по очень простой схеме:

$$x_1 = x_0 + Ay_0 \quad y_1 = x_0 + y_0, \text{ и } a_1 = \frac{a_0 + A}{a_0} = \frac{x_0 + Ay_0}{x_0 + y_0} = \frac{x_1}{y_1}, \dots,$$

$$x_k = x_{k-1} + Ay_{k-1} \quad y_k = x_{k-1} + y_{k-1}, \text{ и } a_k = \frac{x_{k-1} + Ay_{k-1}}{x_{k-1} + y_{k-1}} = \frac{x_k}{y_k}, \dots$$

В работах «Алгоритм Евклида как вычислительное средство античной математики» (Историко-математические исследования. 2000, Вып. 5 (40). С. 232–243) и «Метод простой итерации: от Вавилона до Ньютона» (Историко-математические исследования. 1999. Вып. 3 (38). С. 270–315), и др., автором было показано, что такими схемами пользовался Архимед (? – 212 г. до н.э.) для вычисления приближений для $\sqrt{3}$; также сохранились тексты Теона Смирнского (первая половина I в.) о приближениях таким образом числа $\sqrt{2}$.

Для φ процедура вычисления приближений ещё проще:

$$x_0 = y_0 = 1; \quad x_k = x_{k-1} + y_{k-1}; \quad y_k = x_{k-1}; \quad \frac{x_k}{y_k} \rightarrow \varphi. \quad (*)$$

Поскольку следы золотого сечения находят во многих античных постройках, естественно предположить, что в Древней Греции умели вычислять φ приближённо (ведь строить непростой чертёж прямо на строительном объекте крайне затруднительно). Возможно, у них были некие таблицы, но приближения для φ требовалось вычислять с разной точностью для строящихся объектов разного размера. Поэтому вполне естественно, что описанная выше процедура определения приближённого значения φ имела широкое применение. Зная очень простую схему (*), можно вычислить значение φ с любой точностью.

Поэтому автор предполагает, что схема (*) была известна Леонардо, хорошо знакомому с математическими знаниями древнегреческих и арабоязычных математиков. А арабоязычные математики излагали не только то, что сделали сами, но и то, что почерпнули у других народов, в частности, в Индии, где схема (*) была хорошо известна (наследие бежавших от христиан греков-язычников?). И именно схема (*) вдохновила Фибоначчи на создание задачи-шутки. А последние числа в ряду (#) дают прекрасное приближение для φ : $\frac{377}{233} \approx 1,618026\dots$. Последовательность чисел Фибоначи (#) –

это, по-видимому, пример одной из первых в истории *рекуррентной* или *возвратной* последовательности – последовательности, в которой каждый следующий член вычисляется с использованием определённого количества предыдущих.

В эпоху Возрождения возродился интерес к золотому сечению как к сокровенному античному знанию, всеобщей мере гармонии. Золотое сечение находили (с натяжками или без) во множестве природных явлений и творений человека. И – о чудо! – тогда же было обнаружено, что с помощью последовательности Фибоначчи можно вычислять приближения золотого сечения.

В.И. Иванов, д.и.н., проф.

Краснодарский социально-экономический институт

Некоторые черты кубанского письма 70-х гг. XIX в. (по материалам церковного делопроизводства)

Переход от традиционной древнерусской скорописи к новому письму происходит в России во второй половине XVIII в. Н.П. Берков считал, что на формирование нового письма влияли новый гражданский шрифт, латинская графика «антиква», а также бытовавшая в России «парадная» скоропись; «обычная» же скоропись постепенно отмерла (О переходе скорописи XVIII в. в современное письмо // Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С.Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 37–50). Приблизительно во втором десятилетии XIX в. преобладающим становится круглое, слегка наклонное, двунажимное письмо. Его победу в обиходном употреблении относят к 1860–1870-м гг. При этом отмечается, что в провинции, особенно в среде священнослужителей долго сохранялся «старинный поповский почерк» – тонкий, прямой, использовавший архаичные начертания отдельных букв (*Рейсер С.А.* Русская палеография нового времени. М., 1982. С. 85–88, 92).

В данной работе делается первая попытка выявления некоторых областных особенностей письма. Основой для неё послужили документы церковного делопроизводства 70-х гг. XIX в. Выявлено примерно 25 почерков екатеринодарских священников и церковнослужителей. Графика их весьма разнообразна. К тому же почерк одного и того же лица мог меняться (иногда довольно сильно) в зависимости от его физического или психологического состояния; необходимости экономить место на бумаге или, наоборот, возможности писать свободно. Один и тот же автор мог писать сначала бегло и ровно, а потом коряво и неряшливо. Такие переходы происходят порой в рамках одного предложения.

Самой простой характеристикой почерка является его размер. По этому параметру почерки можно разделить на крупные (4 почерка), средние (8 почерков) и мелкие (13 почерков). Значительно преобладали, составляя более половины, почерки мелкие (буквы высотой около 2 мм). К крупным мы отнесли почерки с высотой букв около 4 мм и более. Таких оказалось только 20 %.

Другой важной особенностью письма является нажим. Из рассмотренных образцов довольно много (8 почерков) можно охарактеризовать как однонажимные прямые, обычно без завитков и росчерков. Такой почерк, очевидно, можно отнести к писарским или военно-писарским (*Рейсер С.А.* Указ. соч. С. 91). Два почерка отличаются сильными нажимами при написании практически всех букв. Ещё пять обладают заметным нажимом при написании некоторых букв, особенно их вертикальных элементов. Оставшиеся почерки (10) имеют среднюю, не очень яркую двунажимность.

Важной характеристикой почерка, на наш взгляд, служит наличие декоративных элементов в графике письма. Среди рассматриваемых почерков три можно назвать особенно декоративными. Многие буквы в них украшались завитками и росчерками вверх (особенно часто буквах: б, г, д, Д, П, Т), удлинёнными петлями (д, т, у) и хвостиками вниз (ц, щ, ж). Другие (7 почерков) имели только завитки и росчерки вверх или длинные петли и хвосты (4 почерка) вниз. Остальные (11 почерков) не имеют ярко выраженных завитков и петель. Интересной особенностью двух почерков является подчеркивание букв «т» сверху и «ш» снизу, которое стало распространенным в первой половине XX в. В одном почерке замечено написание латинского N, вместо русского Н, что было характерно для второй половины XVIII в.

При письме использовались разные приемы сокращения: а) подтитлом (иногда с выносной «с» в виде точки) пишутся сакральные названия (Бца=Богородица); названия церковных учреждений (ксия=консистория); мсц=месяц; б) сложные контракции: имва = Им(ператорского Величест)ва; в) простые сокращения слов (иногда оканчиваются на гласную): феодо=феодосийская; г) сокращения слов до одной буквы: р=рубль; к=копейка; д=духовная.

Можно отметить, что почти всегда прописные буквы ставились в начале текста, в начале нового предложения, однако говорить о строгом следовании современным правилам их употребления не приходится. Имеется два почерка, где большинство (*больше половины*) слов пишется с большой буквы. В целом, наиболее часто прописные буквы использовались: 1) при написании имен собственных (делалось это не всегда; иногда фамилия писалась с прописной, а имя могло быть написано строчными); 2) географические

названия (встречаются тексты, где названия стран могло начинаться со строчной буквы: россия; 3) особенно последовательно прописные буквы использовались при упоминании императора и членов его семьи; связанных с императором документов и вещей; 4) при написании названий высших государственных и церковных учреждений: Правительствующий Сенат, Святейший Синод, Консистория; 5) титулов высших гражданских и церковных лиц; 6) воинских и светских званий и должностей: Хорунжий, Есаул, Генерал-Прокурор; 7) церковных чинов и должностей: Священник, Дьячек, Дьяконские, Причетнические, Протоиерейша; 8) сакральные названия и названия церковной утвари: Антиминс, Господь Бог, Скуфья, Святой мир(р), Преображения Господня; 9) нормативных актов и некоторых случайных слов: Устав; Указ, Канцелярия, Май, Месяц, Следствия, Селение.

Во всех практически образцах почерков отмечается слитное написание предлогов и частиц. Знаков препинания, кроме точки в конце предложения, почти нет. Запятая встречается очень редко. Точка с запятой (;) встречается чаще, для обозначения сокращения слов. Ошибочно написанные слова, выражения или части текста сами составители заключают обычно в круглые (редко в квадратные) скобки или выделяют с двух сторон косыми чертами. Иногда неисправный текст зачеркивают построчно (не часто) или перечеркивают.

В церковном делопроизводстве на Кубани в 70-е гг. XIX в. пользовались при письме похоже исключительно гусиными перьями. Характерных для железных перьев бороздок не отмечено. Писали коричневыми (от темно-коричневого до светло-жёлтого цвета) чернилами, приготовленными, очевидно, по традиционной технологии из дубовых «орешков», с применением ржавчины или железного купороса.

*С.С. Илизаров, д.и.н., проф.
РГТУ, зав. отделом ИИЕТ РАН*

Вспомогательные исторические дисциплины в деятельности Комиссии по истории знаний

Работа подготовлена при поддержке РФФИ (Грант №19-011-00366)

История науки как сфера специальной профессиональной деятельности, т. е. как профессия, оформляется в первой половине XX столетия. Начальный процесс институционализации истории науки связан с именами А.С. Лаппо-Данилевского, С.Ф. Ольденбурга, В.И. Вернадского и др.

Первой устойчивой академической структурой, специально организованной для изучения истории науки, стала Комиссия по истории знаний (далее – КИЗ). Инициировал создание КИЗ академик В.И. Вернадский в 1921 г., но реально она начала функционировать с весны 1926 г., после его возвращения в Ленинград из длительной зарубежной командировки.

Сохранившиеся документы позволяют проследить во многих деталях становление первого историко-научного центра, в том числе выявить такой аспект, как применение и использование в деятельности КИЗ тех вспомогательных и специальных средств, которые наполняют понятие «Вспомогательные исторические дисциплины» (далее – ВИД). Этот момент существенно значим, поскольку ни создателям КИЗ, ни ее членам (представленным практически всем составом членов АН СССР того времени), ни научным сотрудникам изначально не были ясны параметры профессии «историк науки» и необходимые компетенции; даже сама принадлежность этой профессии и научной дисциплины к разряду исторической науки не была очевидна. Как известно, зрелость той или иной исторической отрасли определяется рядом факторов, в числе которых инструментальная оснащенность исследователя, а умение применять весь арсенал ВИД может оказывать решающее значение особенно в историко-ведчески ориентированных изысканиях.

Разумеется, в КИЗ каких-либо специальных научных исследований по тематике ВИД не проводилось. Тем не менее, с самого начала глубокий историзм и системность в изучении истории науки были присущи уже на уровне постановки задач. Определялось это прежде всего концептуальными установками создателя КИЗ. В.И. Вернадский был не только организатором, но и выдающимся исследователем в области истории науки. Одним из первых крупных проектов КИЗ стала работа по актуализации наследия крупнейшего естествоиспытателя XIX в. академика К.Э. фон Бэра в связи с исполнявшимся в 1926 г. 50-летием со дня его кончины. Для этого в КИЗ была организована особая Бэрдовская подкомиссия, а само бэрдоведение стало одним из важных историографических направлений. Изучение жизни Бэра, его документального наследия, подготовка юбилейной выставки и т. п. инициировали исследование генеалогии великого ученого. Серьезные изыскания были проведены по истории медали и премии его имени, учрежденной в Санкт-Петербургской академии наук в 1864 г. Далее возникла идея, и начались работы по подготовке биографического словаря членов Академии наук – современников Бэра. Постепенно это переросло в подготовку Биографического словаря всех сотрудников Академии наук за 200 лет ее существования (замечу – только в самое послед-

нее время началась практическая реализация этой почти вековой давности идеи).

Широкий историко-научный охват имели проводимые в КИЗ работы по ломоносоведению и эйлероведению. Это касалось вопросов архивных разысканий, археографических публикаций их трудов, поиска захоронения Л. Эйлера и др. Вообще в деятельности КИЗ вопросы архивной эвристики, каталогизации отдельных собраний и коллекций (арабские, средневековые западноевропейские рукописи и т. д.), выработка приоритетного репертуара и принципов археографического издания научных сочинений постепенно занимали всё большее место.

В.И. Вернадский считал, что устойчивое развитие истории науки должно базироваться на существовании исследовательского центра, профильных журнала и музея. Эти направления последовательно реализовывались в каждодневной деятельности КИЗ. Здесь широким фронтом велись работы и накапливался опыт изучения памятников науки и техники, представленных в образцах старой техники, научных приборов и инструментов, в изобразительных материалах, артефактах, найденных в ходе археологических раскопок и т. д. КИЗ вплотную подошла к созданию Музея истории науки и техники. Историк техники В.А. Каменский в программной записке о создании при КИЗ музея в 1931 г. писал, что изучение истории науки и техники, как и музейная экспозиция, должны быть осуществлены на основе взаимопроникновения интересов и методов исторической науки, естествознания и техники. В тот же год необычайно широкую исследовательскую программу по истории метрологии и хронологии (включая историю научных измерительных приборов и инструментов) в контексте эволюции учения о пространстве и времени предложил академик А.Н. Крылов.

Говоря о направлении работ в области ВИД, нельзя не отметить, что с КИЗ активно сотрудничала выдающийся медиевист и палеограф О.А. Добиаш-Рождественская, которая регулярно принимала участие в научных заседаниях комиссии и выступала в прениях по заслушанным докладам. Она сама, как минимум дважды, докладывала на заседаниях КИЗ о результатах своих работ: 4 декабря 1927 г. – сообщение «Хронологические элементы на полях рукописи Беды»; 24 февраля 1929 г. – «Западные мастерские письма на заре средних веков и рукописи Публичной библиотеки».

Логика развития вела КИЗ к большей историзации, к освоению методического опыта, накопленного исторической наукой, применению и творческому развитию вспомогательных исторических дисциплин на материале истории науки и техники. Так, в период существования КИЗ здесь изучались формы и содержание источни-

ков по истории науки и техники: письменных, вещественных и изобразительных; в том или ином объеме и виде рассматривались вопросы палеографии, кодикологии, генеалогии, метрологии, хронологии, архивоведения, археографии, библиографии, картографии, иконографии и др.

*Л.И. Илларионова, с.н.с.
НИОРК (Музей книги) РГБ*

От публикации до формирования стилистического направления в искусстве (страницы творчества И.П. Ропета)

Известное петербургское издание «Мотивы русской архитектуры» (1874–1880) связано с именами И.С. Богомолова, В.А. Гартмана, Ф.С. Харламова, И.П. Ропета, Л.Я. Урлауба, М.Т. Преображенского, С.О. Шестакова, А.И. Вальберга, М.А. Кузьмина, И.А. Монигетти, А.Л. Гуна, Л.В. Даля и др., плеядой архитекторов, которые были сторонниками демократического направления русского стиля. Среди них И.П. Ропет оказался настолько яркой личностью, что все направление в искусстве стали называть «ропетовщиной», превратив это слово в синоним выражения «петушиный стиль» (*Кириченко Е.И.* Архитектор И.П. Ропет // Архитектурное наследство. 1972. № 20. С. 85), а само творчество мастера оставило заметный след в истории искусства.

Иван Павлович Ропёт (1845–1908) – академик архитектуры, художник-прикладник и график, действительный член Академии художеств – псевдоним Ивана Николаевича Петрова. Воспитывал Ивана дядя, в память которого он и принял отчество «Павлович» (*Б.М.-ъ.* Памяти И.П. Ропета. 1845–1908 // Зодчий. 1909. № 3. С. 29). «Каким образом он сделался «Ропетом» – нам осталось неизвестным, – пишет современник в статье, посвященной памяти архитектора в 1909 г., – В Академических бумагах сохранилось «полугодовое свидетельство Училища, находящегося при церкви Св. Анны», где он получил образование, и где он уже именуется «Иван Петров-Ропет», но «Петров» принимается, очевидно, за отчество, и в дальнейших академических документах он везде уже просто именуется Иваном Ропетом. И сам он с этого времени подписывается «И. Ропет» (*Б.М.-ъ.* Указ. соч. С. 29).

В 1860 г. он поступает в Академию художеств, успешно осваивает архитектурную науку под руководством профессора А.М. Горностаева и в 1871 г. заканчивает Академию с золотой медалью. В качестве пенсионера работает в России (строит для Политехнической выставки 1872 г. павильон садоводства, баню-теремок в усадь-

бе С.И. Мамонтова и т. д.). В 1876 г. Иван Павлович отправляется в Париж и участвует в проектировании и строительстве павильонов Русского отдела Всемирной выставки 1878 г. Выставочные здания, временные по своей сущности, более соответствовали локальным задачам и воплощали прежде всего демократические воззрения и художественные идеалы, связанные с эпизодическими, проходящими событиями, и не были рассчитаны на «жизнь в веках». Но эти сооружения оказались наиболее яркими, этапными произведениями архитектуры второй половины XIX в. Все представленные на архитектурных выставках проекты были доступны для ознакомления через публикацию их в периодических изданиях. Проект павильона на выставке в Париже вызвал «...массу толков как в иностранной, так и в отечественной печати» (Б.М.-ъ. Указ. соч. С. 29) и тем самым сразу принес И.П. Ропету широкую известность и репутацию ведущего мастера русского стиля, после чего русский стиль получил и мировое признание.

Далее, продолжая обучение, И.П. Ропет едет во Францию, Италию, Каир. По дороге в Россию его постиг нервный удар. Он удалился от людей, и больной, разбитый жил одним искусством, которому служил до последних своих дней честно и бескорыстно (Б.М.-ъ. Указ. соч. С. 30) еще 30 лет своей жизни: И.П. Ропет проектирует Курский вокзал в Москве, новый корпус Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, павильоны русского отдела для Международных выставок в Копенгагене (1888) и Чикаго (1893), ряд загородных домов, дач, школ, часовен, надгробных памятников. Скончался он 12 декабря 1908 г.

Демократические тенденции в художественной жизни России второй половины XIX в. исходили из романтического понимания народности. В это время была поставлена задача освоения в русском искусстве народного национального наследия. Долгое время внешняя форма, народный мотив, декоративная деталь трактовались как воплощение народных начал, как символ национального зодчества. Всем строем своего творчества И.П. Ропет принадлежит к демократическому варианту русского стиля 70-х гг. XIX в. В его работах переплетаются две тенденции. С одной стороны, акцентируется внимание на декоре, его художественной выразительности и облике. С другой стороны, прослеживается чувство материала, особенности его фактуры, богатство колористической гаммы, живописность и пластическая выразительность объема. «Веселая, простодушно – нарядная праздничность узоров на фасадах, мебели и в интерьерах усиливалась цветом. Каждая деталь наличников окон, дверей, карнизов, люстр окрашивалась в разные цвета, теми же красками сверкала изразцовая облицовка печей» (Кириченко Е.И.

Указ. соч. С. 89–91). В студенческие годы, много работая на мебельной фабрике, им были «...придуманы и созданы те бесчисленные павлины, петухи, рукавицы, ленты и фантастические порезки с пестрою раскраской, которые потом так обильно стали воспроизводиться...» (Б.М.-ъ. Указ. соч. С. 30) в «Мотивах русской архитектуры» Анатолия Рейнбота. Среди опубликованных работ И.П. Ропета можно назвать разные проекты в Абрамцеве; для Всемирной выставки в Париже 1878 г., множество предметов декоративно-прикладного искусства.

Рубеж 70-80-х гг. XIX в. в России оказался переломным; прекратило свое существование издание «Мотивы русской архитектуры», представлявшее на протяжении 1870-х гг. один из важнейших источников распространения «русского стиля» (Борисова Е.А. Русская архитектура второй половины XIX века. М., 1979. С. 248), где и закладывались основы будущих стилистических поисков в русле «национального романтизма».

*Д.П. Исаев, к.и.н., ст. преподаватель
ИИМО ЮФУ*

О предметном поле воображаемой исторической хронологии

Традиционно историческая хронология рассматривается как вспомогательная историческая дисциплина, часть науки об измерении времени, наряду с математической, или астрономической, хронологией. В учебных пособиях указывается, что историческая хронология «исследует различные системы времясчисления в их развитии и взаимодействии, определяет, уточняет и проверяет даты источников, приводит их в соответствие с современной системой счета времени» (Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Ключи к тайнам Клио. М., 1994. С. 208). Действительно, сосредоточивая свое внимание на абсолютных датирующих признаках, историческая хронология решает, в первую очередь, технические задачи исторического исследования (Специальные исторические дисциплины. Учебное пособие. СПб., 2003. С. 162).

Современные же тенденции развития корпуса вспомогательных исторических дисциплин, все более распространяющегося их атрибутирования как специальных исторических дисциплин (с более высоким методологическим статусом), позволяют ставить задачу расширения их предметного поля за счет внимания к тем вопросам, которые не были характерны для классического этапа развития наук. Мы рискуем поставить вопрос о возможном становлении воображаемой хронологии, которая должна обратить внимание на то, как человек представлял и воспринимал определенные единицы

измерения времени в единстве познания окружающего мира, природы и истории.

В данной работе преследуется цель поделиться некоторыми данными в области изучения воображаемой истории, полученными в результате анкетирований, проводившихся в течение ряда лет в ИИМО ЮФУ (Ростов-на-Дону). Респондентам (обучающимся) предлагалось выполнить ряд заданий, среди которых можно выделить следующие: изобразить в виде схемы, рисунка и т. д. модель восприятия таких единиц измерения времени как неделя, месяц, календарный год, а также сконструировать индивидуальный образ исторического процесса в целом.

Полученные результаты характеризуются значительным разнообразием. Их полноценное научное осмысление является делом будущего. Очевиден междисциплинарный статус заявленной задачи, где необходимы квалифицированные суждения ученых относительно психофизиологических, когнитивных оснований человеческого мышления. Пока же хотелось зафиксировать некоторые явные закономерности. Так, воображаемая модель календарного года изображается респондентами, в основном, в виде окружности с четырьмя секторами, соответствующим временам года. Что неудивительно, поскольку восходит к наблюдаемой смене, повторяемости природных явлений. Разночтения касаются, во-первых, направленности данного процесса смены времен года (по/против часовой стрелки). И здесь объяснения требует именно вариант движения против часовой стрелки, возможно, основанного на коллективном традиционном представлении о *возвращении* жизни, света и тепла весной (*Проништейн А.П., Кияшко В.Я.* Хронология. М., 1981. С. 84). Внимания также заслуживает различная ментальная протяженность определенных месяцев в году и, как следствие, величина соответствующего ему сектора в заданной окружности. Связано это прежде всего с тем, ассоциируется тот или иной месяц с учебой / работой или отдыхом. Как вариант, по признанию одного из респондентов, времена года воображаемо окрашены в различные яркие или тусклые цвета. Наконец, один из представленных примеров несет в себе ощутимые признаки полученных ранее астрономических знаний: окружность календарного года диаметрально поделена на две части с указанием дней зимнего (22 декабря) и летнего (22 июня) солнцестояния.

Более редко встречающиеся варианты модели года представлены в виде обычной последовательности месяцев, раздельного прямоугольника и т. д. Понятно, что на складывание того или иного образа влияют различные факторы, начиная от укоренившихся традиционных ментальных схем, эстетических представлений, полу-

ченных в детстве конкретных научных знаний до более сложных, выявление которых и составляют нашу дальнейшую задачу.

В рамках воображаемой исторической хронологии уместно коснуться и проблемы восприятия исторического процесса сквозь призму существующих систем летосчисления. Поскольку участвовавшие в проекте респонденты в целом воспитаны в рамках рационалистического европеизированного дискурса и использования календарной системы, ориентированной на счет по христианской эре, то данное обстоятельство обусловило и полученные результаты. В связи с этим, укажем на необходимость получения в будущем данных о восприятии линии исторических эр в иных культурах.

Итак, «стрела времени» в представленных моделях выглядит направленной протяженностью (слева направо, вверх, вниз), где условным хронологическим нулем выступает год рождения Христа. Вариативность рассматриваемых моделей передана в виде прямой линии, многоступенчатой лестницы, а также кривой линии, где воображаемые провалы символизируют негативный исторический опыт, а подъем – расцвет той или иной исторической эпохи. Встречаются и более сложные модели, несущие в себе отпечаток усвоенных математических представлений.

К сожалению, решение поставленных исторических проблем в рамках воображаемой хронологии может быть осуществлено лишь частично. Возникает закономерный вопрос: сможем ли мы получить адекватные данные о представлениях людей прошлого? Возможно, разработка специальной методики в какой-то мере позволит выявить опосредованную информацию в исторических источниках. Тем не менее, потенциальное складывание воображаемой хронологии как отрасли специальной исторической дисциплины свидетельствует о том, что историческая хронология сегодня способна решать не только технические вопросы исторического исследования, но и касаться важных методологических проблем исторического познания.

*Э.Г. Истомина, д.и.н., проф., г.н.с.
ИРИ РАН*

Мурманский берег Баренцева моря: заселение и формирование хозяйства в XVIII – начале XX веков

Мурманский берег, Мурман – это часть северного побережья Кольского полуострова, омываемого Баренцевым морем. Он начинается от государственной границы России с Норвегией на западе и доходит до мыса Святой Нос на востоке Кольского полуострова. Его скалистые берега изрезаны фиордами, имеют несколько глу-

боко врезанных заливов (Кольский, Мотовский и др.). Вдоль берега располагаются острова, наиболее крупный из которых Кильдин. Поверхность Мурманского берега – мохово-лишайниковая и кустарниковая тундра; климат арктический, но под влиянием Нордкапского течения системы Гольфстрима отличается относительно мягкой зимой.

Для экономики северного края России XVIII в. особое значение имел промысел трески на Мурмане, существовавший с середины XVI в. Треска являлась основным продуктом питания поморов, на нее выменивали на ярмарках хлеб, покупали орудия лова. Жир, вытопленный из трески, высоко ценился на рынке из-за целебных свойств и как продукт питания. Сушеными тресковыми головами поморы кормили скот. Часть трески поступала на довольствие петровского военного флота. Треску ловили в весеннее и летнее время по всей прибрежной полосе Мурмана. На побережье существовало несколько десятков становищ, принадлежащих разным группам промышленников (кандалакшским и кольским крестьянам, Крестному, Антониево-Сийскому, Печенгскому и Кандалакшскому монастырям). Соловецкий монастырь имел становище на острове Кильдин. В становищах, как правило, имелись жилые избы, амбары для хранения снастей, погреба для рыбы, бочек, посуды, а в некоторых станах – бани и часовни.

Лов трески и палтуса, основных промысловых рыб Мурмана, производился на одномачтовых, парусно-весельных судах-шняках грузоподъемностью до 1,5–2 тыс. пудов. Экипаж такого судна состоял из четырех человек. Ловили рыбу так называемым «ярусом» (длинная веревка, к которой привязывались короткие бечевки с крючками и наживкой, см.: *Белов М.И.* История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956. Т. 1. С. 344).

Центром мурманских тресковых промыслов была Кола – старинное селение на слиянии рек Кола и Тулома, близ впадения их в Кольский залив. Уже в XV–XVII вв. оно было отправным пунктом морских плаваний на промыслы к о-вам Шпицберген (Грумант) и Новая Земля. В 1710 г. в ней насчитывалось 22 двора со 170 постоянными жителями. В Коле находились царские службы, взыскивающие пошлины с рыбаков и судов, жили представители беломорских компаний. Летом ее население возрастало в несколько раз за счет прибытия промышленников с побережья Белого моря (*Шаскольский И.П.* О возникновении города Колы // Исторические записки. М., 1962. Вып. 71. С. 48).

Значительное число промышлявших на Мурмане отмечалось в первой половине XVIII в. Отмена Екатериной II монополии на морские промыслы еще более увеличило приток промышленников на

Мурман. В 1777 г. в Коле в сезон лова было зарегистрировано 1030 человек, промышлявших на 245 шняках и карбасах. В 1781 г. добыча рыбы на Мурмане и ее доставка в Архангельск составила 164 тыс. пудов соленой и 26 тыс. пудов сухой рыбы.

Российские мореходы, отправной точкой которых был Мурман, постепенно расширили зону своих промыслов на запад до Варангер-фиорда, что способствовало непосредственным контактам русских поморов с жителями Северной Норвегии, торговле их друг с другом. К концу XVIII в. число постоянных жителей Колы возросло до 700 чел., число сезонных промышленников – до двух тысяч. В Архангельск с мурманских промыслов приходило до 270 судов. В 1784 г. Кола становится уездным центром Архангельского наместничества (Белов М.И. Указ. соч. С. 192).

В связи с тем, что вектор геополитических интересов России в XVIII в. сместился на Балтику, а затем к южным морям, Поморье лишилось государственного внимания и экономической поддержки, что не преминуло сказаться на характере развития края. В конце XVIII в. возникают проблемы и с организацией промыслов, особенно удаленных. На Мурманском берегу также наметилось сокращение промысловой деятельности. Чтобы привлечь на Мурман оседлое население, в 1868 и в 1876 гг. были изданы Высочайшие положения о льготах для переселенцев, которые освобождались от воинской и государственной повинности и гербового сбора, получали право на беспатентную торговлю и занятие промыслом рыбы и морского зверя. На Мурмане могли селиться и иностранцы при условии принятия ими российского подданства (*Брейтфус Л.Л.* Рыбный промысел русских поморов в Ледовитом океане; его прошлое и настоящее // Отд. оттиск из «Материалов к познанию русского рыболовства». СПб., 1913. Т. II. Вып. 1. С. 15).

Государственные интересы требовали существенного укрепления позиций России на Мурмане, прежде всего, в связи с расширением и усилением влияния Норвегии в этом регионе. Так, в 1896 г., помимо сбыта рыбы в собственной стране (Норвегии) и на другие рынки, около одного миллиона пудов ее было привезено в российские северные губернии, тогда как весь русский улов на Мурмане составлял 514 462 пуда. В этой связи мурманское направление и, главным образом, его заселение русскими стало одной из важных задач в деятельности Комитета для помощи поморам Русского Севера, созданного в 1894 г. Была поставлена цель – открытие на Мурмане торгового порта и подведение к нему железной дороги. К 1911 г. численность колонистов на Мурмане достигла 3020 чел., из них русские составляли 46,6 %. Остальной национальный состав населения Мурмана был пестрым: норвежцы, финны, карелы, саа-

мы и др. В 1916 г. в связи со строительством железной дороги на восточном побережье незамерзающего Кольского залива был основан поселок, вскоре преобразованный в город с присвоением названия Романов-на-Мурмане. В 1917 г. его переименовали в Мурманск, ставший крупным заполярным торговым и рыбным портом, северными морскими воротами России (*Ушаков И.Ф.* Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972. С. 413–417).

*Е.В. Казбекова, к.и.н., с.н.с.
ИБИ РАН*

Гравюры Библии Лютера как один из источников для миниатюр XIX в. в экземпляре Библии Гутенберга в РГБ

Данное сообщение дополняет предварительные результаты исследования иллюминации XIX в. в экземпляре Библии Гутенберга в РГБ (см.: *Казбекова Е.В.* Новое об иллюминации экземпляра Библии Гутенберга в РГБ // История книжной культуры XV–XX веков / Отв. ред. и сост. Д.Н. Рамазанова. М., 2018. Ч. 2. С. 39–49).

Как уже не раз отмечалось, экземпляр знаменитой 42-строчной Библии Гутенберга в РГБ (до 1945 г. Лейпциг. Deutsches Buch- und Schriftmuseum), почти полный, первого набора печати, уникален своими миниатюрами. К ним обращались до войны П. Швенке, Й. Шиннерер, после войны Э. Кёниг, Т.А. Долгодрова, описавшая их иконографию, и Э.М. Уайт. За время своего существования данный экземпляр В42 пережил как минимум шесть этапов иллюминации, из них три – в XIX в. Самыми существенными стали переделки, произведенные по заказу последнего частного владельца (1878 или 1881–1884), дрезденского коллекционера Генриха Клемма (1819–1886), который заменил переплет и заказал нарисовать 144 темперные миниатюры (из 282) и большую часть орнаментальных полубордюров. Хотя руководство лейпцигского музея, судя по всему, не очень охотно допускало к экземпляру исследователей, – за 1886–1945 гг. с экземпляром почти никто не работал, – вмешательства Г. Клемма не были тайной для научного мира. На них указывал П. Швенке в 1900 г., они описаны в 1913 г. Й. Шиннерером (некоторое время он был директором музея) вместе с аналогичными «улучшениями» в почти сотне наиболее ценных инкунабулов и рукописей из коллекции Клемма (*Schinnerer J.* Fälschungen in alten Handschriften und Druckwerken // Zeitschrift für Bücherfreunde. N.F. Jg. 5. N. 4. Leipzig, 1913. S. 97–111: S. 111. Anm. 1).

Кто в Дрездене (?) рисовал для Г. Клемма миниатюры, не установлено. По рисунку и гамме прослеживается минимум три-четыре

руки, позднейших дорисовок не было, миниатюры скопированы или восходят к нескольким источникам-образцам – прежде всего, гравюрам в иллюстрированных раннепечатных Библиях из коллекции Г. Клемма. Большая часть гравюр срисована в зеркальном отражении. Я уже отмечала продуманную иллюстративную программу миниатюр Г. Клемма, демонстрирующую прекрасное знание Библии, и недостаточно умелое ее воплощение; а также один из источников-образцов – Библии А. Кобергера (Кельн, 1478/79 г. и Нюрнберг, 1483 г.; отличия в них есть только в гравюрах к Апокалипсису) (Там же. С. 47–48). Теперь удалось установить еще один источник-образец – Лютеровскую Библию 1534 г. (Виттенберг: Hans Lufft), с которой срисовано порядка 10 % миниатюр. В собрании Клемма ее не было, но у него было переиздание Х. Люффта 1556 г. и факсимильные издания Библии Лютера 1853 и 1872 гг.

Художники Г. Клемма, в отличие от заказчика миниатюр, плохо знали Библию. К книге Неемии сюжет миниатюры, скопированной из Библии Лютера 1534 г., не находит аналогов в библейском тексте: разбитый идол Дагона на пороге филистимского храма превратился в обезглавленного священника перед алтарем (Т. 1. л. 233). В Т. 2 трижды перепутаны евангельские сюжеты: «Noli Me tangere» (Ин 20:16–17) дан к явлению Христа Марии Магдалине в Евангелии от Марка (Мк 16:9), где о запрете Христа прикасаться к Нему не упоминается (Т. 2 л. 217), «Поклонение волхвов» (Мф 2:9–11) – к благовестию пастухам в Евангелии от Луки (Лк 2:8–18) (Т. 2 л. 219), «Воскресение Господне» (Т. 2 л. 234 об.) с изображением разбегающихся от гроба стражников (ср. Мф 28:4) – к Воскресению в Лк 24:4–6, где речь идет, как и в Мк 16:9–11, о женах-мироносицах.

Я уже отмечала, что миниатюры Г. Клемма резко отличаются от миниатюр XV в. за счет другой одежды и рисунка лиц. Одежда, – даже там, где рисунки скопированы с гравюр Библии Кобергера или Библии Лютера, – нередко намеренно изменена и напоминает маскарадные костюмы (например, Т. 2 л. 134 «Пещь огненная, пожигающая слуг царя») или просто мужскую одежду второй половины XIX – начала XX вв. (например, Т. 1 л. 9, 31, 76, Т. 2 л. 312).

На фоне других мастеров Г. Клемма выделяется один с более высоким уровнем исполнения, он копировал очень вольно, часто не в зеркальном отражении. У него прослеживается изменение одежды, по сравнению с образцами, на «псевдославянскую» и антикатоллическая направленность. На части миниатюр, даже по образцам из Библий А. Кобергера и Х. Люффта, присутствуют рубахи-толстовки, порты, сапоги и пр.: «Строительство Вавилонской башни» (Т. 1 л. 9 – скопирована из Кобергера), «Делание кирпича» (Т. 1 л. 31), «Пять царей Amorрейских повешенные» (Т. 1. л. 107 – воз-

можно, восходит к гравюре в Библии Люффта), в миниатюрах к Апокалипсису с гравюр Библии А. Кобергера на л. 312, 312 об., 313 тома 2. В миниатюре «Взятие Иерихона» (Т. 1. л. 104) имеется полустертая надпись буквами, напоминающими еврейские и церковнославянские (ср. надпись фантазийными еврейскими и латинскими буквами на миниатюрах «Моисей получает скрижали Завета» и «Самоубийство Саула» любекской Библии Арндса 1494 г. л. 46 об., 124). На л. 35 Т. 1 в миниатюре «Исход из Египта» Моисей изображен в православной рясе с наперсным крестом, в «Распятие» (Т. 2 л. 234) Христос пригвожден к Кресту четырьмя, а не тремя гвоздями (т. е. так, как этот вопрос трактуется в православной, а не католической традиции), а иудейские священники изображены одетыми в подобие католических стол и митр. Отмечу, что отдельные аналогичные образцы с облачением Моисея и Распятием известны в западной гравюре раннего Нового времени (благодарю за консультацию О.Р. Хромова). Однако их сведение здесь вместе и сочетание с «псевдославянской» одеждой, по моему мнению, указывает на намеренный, программный характер.

Цель вмешательства, произведенных по заказу Г. Клемма, как представляется, – сознательная мистификация, желание коллекционера запутать знатоков, изготовить такую подделку, которую можно продать, не будучи разоблаченным. Такое поведение встречалось в среде библиофилов-коллекционеров XIX в. Дальнейшие действия Г. Клемма косвенно подтверждают это предположение. В 1884 г. он выпустил каталог своего собрания рукописей и инкунабул, где описал свой переплет и иллюминацию как оригинальное убранство XV в. Он отверг поступавшие из США предложения о покупке коллекции за 600 тыс., потом за 1 млн марок, и предложил ее, – как считается, из соображений патриотизма – за 400 тыс. марок Саксонскому правительству, которое приобрело ее в 1885 г. (Allgemeine deutsche Biographie. Bd. 51. 1906. S. 204–208). Эта коллекция легла в основу созданного в 1886 г. Музея книжного дела и письма в Лейпциге, а клеммовская Библия Гутенберга стала его жемчужиной.

*А.А. Калашиникова, аспирант, м.н.с.
СПбИИ РАН*

Заверение документов в канцелярии князя Михаила Андреевича Белозерского

От Михаила Андреевича Белозерского (ум. 9 апреля 1486 г.) сохранился обширный архив, состоящий из более чем ста жалованных, указных, меновых и правых грамот. Большая часть этих гра-

мот опубликована в АСЭИ. Т. 2: № 65, 66, 68, 69, 74, 76–80, 88, 90–92, 106–113, 120–142, 147, 149, 153–156, 159, 162, 164, 166, 167, 171–173, 179, 182, 186, 188, 189, 190, 201, 104, 211, 212, 217, 218, 220–223, 228, 233, 235–237, 239–245, 248, 253, 255, 262, 265, 269, 272, 318, 320–322, 324–326, 390, 391, 397. 38 из них сохранились в подлиннике. Все они заверены прикладной печатью князя или имеют ее следы. На некоторых грамотах, как, например, на жалованной грамоте игумену Кирилло-Белозерского монастыря Кассиану, печать сохранилась полностью вместе с изображением и надписью (АСЭИ. Т. 2. № 110). На печати Михаила Андреевича Белозерского изображалась женщина с рогом изобилия в левой руке, которую окружает надпись «печать князя Михаила Сѡндреевича». Такая печать всегда оттискивалась на черном или желтом воске, она прикладывалась непосредственно к грамоте. В нижней части грамоты справа параллельно основанию делался надрез, язычок загибался влево. Через два небольших отверстия в язычке и теле грамоты продевалась тонкая бумажная полоска, ее концы загибались друг на друга на лицевой стороне документа, и на них оттискивалась печать (детально о наложении воска на грамоту см.: *Кашианов С.М.* Актовая археография. М., 1998. С. 260–261).

Единственным исключением является правая грамота 1478–1482 гг. суда князя Михаила Андреевича Белозерского по делу о спорных землях между Троице-Сергиевым и Кирилло-Белозерским монастырями (Архив СПбИИ РАН. Кол. Строева. № 552; АСЭИ. Т. 1. № 467). К правому нижнему углу грамоты тремя стежками («куриная лапа») прикреплен длинный (9 см) яркий малиновый шнурок, к которому, по-видимому, должна была крепиться печать, однако, ее следов нет. До сегодняшнего дня не сохранилось ни одного судебного документа, заверенного вислой печатью, такие документы заверялись небольшими личными печатями судей, которые крепились к телу грамоты. Малиновые шелковые шнурки использовались для царских вислых печатей, а крепление в виде куриной лапы для княжеских печатей (*Лакиер А.Б.* Русская геральдика. СПб., 1855. С. 104; *Новикова О.Л.* Особенности креплений вислых печатей иерархов Северо-Восточной Руси в конце XIV – XVI вв. // Вестник «Альянс-Архео». 2014. № 5. С. 5; *Кашианов С.М.* Актовая археография. М., 1998. С. 258–267), однако ни одна из сохранившихся грамот Михаила Андреевича не заверялась подобным образом.

Суть спора состоит в том, что Афанасий Внуков и его сын Алеша Афанасьев вложили в Кирилло-Белозерский и Троице-Сергиев монастыри соответственно одни и те же земли. Афанасий Внуков оформил данную на Саврасовскую и Гридину деревни, Троицкую

церковь и землю усть-Вашкинца при постриге в Кирилло-Белозерский монастырь, причем его сын Алеша присутствовал при оформлении грамоты и упоминается среди послухов. По-видимому, позже Алеша собственноручно оформил данную на те же земли Троице-Сергиеву монастырю, который проиграет земельный спор.

Места для крепления шнура внизу грамоты почти не оставлено. Нижний правый угол грамоты отрезан и загнут так, что поврежден фрагмент текста, хотя при публикации это не указывается, пропуск реконструируется без ссылок и пояснений (АСЭИ. Т. 1. С. 354).

Можно предположить, что малиновый шнурок был прикреплен к грамоте из собрания СПБИБ РАН значительно позднее XV в., что также объясняет его хорошую сохранность и яркость цвета. Печать князя Михаила Андреевича либо совсем не была приложена, либо была отрезана вместе со всем нижним полем грамоты. Однако саму грамоту едва ли можно считать поддельной.

Правая грамота с малиновым шнурком написана канцелярским полууставом, имеющим общие черты с почерками писцов, оформлявших грамоты князя Михаила Андреевича (подробно о почерках канцелярии белозерского князя Михаила Андреевича см.: *Мошкова Л.В.* Грамоты XV – первой трети XVI в. из Ф. 281 РГАДА: палеографические заметки (статья первая) // Вестник «Альянс-Архео». 2016. № 17. С. 83–84). Ее почерк наиболее близок почерку, которым написана жалованная грамота князя Михаила Андреевича архимандриту Симонова монастыря Симеону из собрания РГАДА (АСЭИ. Т. 2. № 391). Эти грамоты близки по времени создания, кроме того, их объединяет манера начертания некоторых букв. Так, у литеры «т» иногда встречается своеобразное серповидное начертание. Схожим образом пишется литера «ъ».

Обе грамоты заканчиваются фразой: «а подписал дьяк Иван», далее следует монограмма. Л.В. Мошкова отождествляет эти монограммы и приписывает их дьяку Ивану Ципле (*Мошкова Л.В.* Принципы чтения дьяческих монограмм на актах XV – начала XVI в. // Вестник «Альянс-Архео». 2017. № 19. С. 11–12).

На грамоте с малиновым шнурком присутствует водяной знак – готическая литера «Р» с четырехконечным крестом сверху, 6 см в высоту, 2 см в ширину. При публикации водяной знак описан, но не отождествлен. В онлайн базе данных водяных знаков (Wasserzeichen Informationssystem) нам удалось обнаружить три идентичных филигрانی 1480 г. (DE8280-Hs.509.640a_343 <Persistent URL> DE1185-S1381_10 <Persistent URL> DE1185-S1381_4 <Persistent URL>). Отождествление филигрانی позволяет сузить датировку правой грамоты с малиновым шнурком до 1480–1482 гг.

Итак, анализ почерка, водяного знака и дьяческой монограммы позволяют предположить, что грамота с малиновым шнурком подлинная, однако шнурок, по-видимому, был прикреплен к ней позднее. По какой причине грамота подверглась такого рода поновлению пока сложно сказать. В копийных книгах Кирилло-Белозерского монастыря сохранились списки этой грамоты (ОР РНБ. Собр. СПбДА. А 1/16. Л. 1081–1084; Q.IV.1136. Л. 144 об.–148 об.), которые не упоминают о том, были ли приложены печати к подлиннику.

Т.М. Калинина, к.и.н., с.н.с.
ИВИ РАН

Сарматия в «Книге картины Земли» ал-Хорезми

Арабский ученый ал-Хорезми (ок. 783–ок. 850) работал в «Доме мудрости» при халифе ал-Ма'муне (813–833), участвуя в составлении двух не дошедших до нас работ: «Проверенных мамуновских таблиц», представлявших собой перечень координат населенных пунктов, и карты мира.

Опираясь на «Географическое руководство» Птолемея (II в. н.э.), ал-Хорезми создал свою книгу координат. Птолемей впервые показал местоположения двух Сарматий – Европейской (Σαρματίας τῆς Εὐρώπῃ θέσις) и Азиатской (Σαρματίας τῆς ἐν Ἀσίᾳ θέσις), считая границей между ними реку Танаис.

Ал-Хорезми один из разделов своей книги назвал «Места [на карте], где названы пределы стран». Однако он привел географические координаты не пределов стран, а только их центров – Европейской Сарматии Птолемея, назвав страну *Сармāтийя* – земля *бурджан* 45°00'Д 52°30'Ш, а также Азиатской Сарматии Птолемея под именем *Сармāтийя* – земля *ал-лан* 78°00'Д 59°30' (Das Kitāb Ṣūrat al-arḍ des Abū Ġa'far Muḥammad Ibn Mūsā al-Ḥuwārizmī / Н. v. Mžik. Leipzig, 1926. S. 105).

По мнению украинского востоковеда В.Г. Крюкова, ал-Хорезми имел в виду донецко-приазовских алан – *бурджан*, а также среднедонских алан – *ал-лан* (Крюков В.Г. Арабская астрономическая география первой половины IX в. об Азовском море, ландшафте и населении Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Донецк, 2009. Т. 7. Хазарское время. С. 443). Всю территорию Европы с запада на восток – от Вислы, через систему горных гряд Центральной Европы до Керченского пролива, западного побережья Азовского моря и речной системы Северский Донец – Нижний Дон; с севера на юг – от юго-восточной части Балтийского моря до придунайских провинций Римской империи и до южного побережья Черного моря, как полагает В.Г. Крюков, и во

времена Птолемея, и в эпоху ал-Хорезми занимали дунайские и донецко-приазовские болгары, которых ал-Хорезми назвал *бурджанами* (Крюков В.Г. Ал-Хуварізі про «Сарматію – землю бурджанів» та сусідні з нею «країни». Луганськ, 2009. С. 216–385). Исследователь обрисовал этноисторическую и геополитическую ситуации в Северном Причерноморье и Приазовье, начиная с эпохи Геродота до IX в., при этом считая эти земли якобы всегда принадлежавшими именно и только Украине (Там же. С. 385, 537 etc.). Такой подход ставит под серьезное сомнение научные разыскания В.Г. Крюкова.

Обращение же В.Г. Крюкова к археологам, работающим на территории Подонечья и Приазовья, называть болгарское или прото-болгарское население этих областей *бурджанами* (Крюков В.Г. Этноним «бурджан» у арабских авторов IX в. // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников ИВ АН СССР. Вопросы истории, идеологии, философии, культуры народов Востока. М., 1981. Т. 1. Источниковедение и историография. С. 7–8) заставляет предостеречь от ненадежных и просто ошибочных выводов.

Территория Европейской Сарматии Птолемея и координатные данные ал-Хорезми для *Сарматии* – центра страны *бурджан* несопоставимы, поскольку, во-первых, данные Птолемея и ал-Хорезми отнюдь не одинаковы, а во-вторых, в книге ал-Хорезми нигде не обозначены границы Сарматии – земли *бурджан*. Координаты для центра Европейской Сарматии Птолемея в книге ал-Хорезми не следует воспринимать как руководство для определения местоположения народа *бурджан*: сам этноним далеко не однозначен, хотя в большинстве научных трудов он соотносится с Дунайской Болгарией (Калинина Т.М. Этноним «бурджан» в сочинениях арабских средневековых географов (варианты соотношения устной и письменной традиции) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 г. Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 192–216).

В книге ал-Хорезми в перечне населенных пунктов шестого климата упомянут город с таким же названием *Бурджан*, но с координатами Д 40°00'Ш45°00' (Das Kitāb Šūrat al-arḍ. S. 30). Они могут показывать территорию Придунайской Болгарии, однако не связаны с информацией о Сарматии.

Сарматия, а она земля алан, названная ал-Хорезми, соотносится с Азиатской Сарматией Птолемея (Ptol. V. 9). По данным Птолемея, Азиатская Сарматия располагалась между Доном и Волгой, Кавказом и северными неизвестными землями. Народы, названные Птолемеем в Азиатской Сарматии (Ptol. V, 16–25), не всегда поддаются отождествлению. Ранее считалось, что аланы поименованы среди народов Европейской Сарматии, между вендами

и роксоланами, по побережью Меотиса (Ptol. III, 19). Однако позднее, с привлечением иных рукописей, ученые пришли к заключению, что названы не *аланы*, а некие *алауны из числа скифов* (Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. М., 2009. Т. I. С. 186. Примеч. 5).

По координатным данным ал-Хорезми, центр *Сарматии* – земли *алан* находился восточнее Волги (птолемеевой Ра) и южнее Рипейских гор, в области, примерно соотносимой с Азиатской Сарматией Птолемея. Граница двух Сарматий по данным Птолемея – река Танаис – ал-Хорезми не учтена.

Помимо такого упоминания алан, ал-Хорезми называл также в шестом климате *гору ворот хазар и алан* (861–862), а также *гору между двумя морями, в которых находились ворота хазар и алан* (863–864) – реальное, современное ему название, под которым разумелся Дарьяльский горный проход (Das Kitāb Šūrat al-arḍ. S. 58). Однако и эти объекты могут иметь соответствия в птолемеевых данных о Сарматских и Албанских воротах (Ptol. V, 8, 11 и V, 8, 15). Ал-Хорезми показал также координаты горы Алан (*джабал ал-Лан*) (939–940) далеко на востоке (107°45'Д 62°25'Ш – 114°35'Д 62°20'Ш) (Das Kitāb. S. 64). Этот ороним, вероятнее всего, соответствует данным Птолемея о горе Алан (?) (Αλανᾶ ὄρη) (Ptol. VI, 14). Но все вышеназванные оронимы не имеют отношения к Сарматиям.

Итак, разграничение Сарматий в книге ал-Хорезми выглядит иначе, чем у Птолемея: в Европейскую Сарматию он поместил народ *бурджан*, не ясный ни по происхождению, ни по местоположению; в Азиатской Сарматии он расположил *алан*, однако искать конкретное местоположение этого народа на основании координатных данных ал-Хорезми также не стоит.

Е.Н. Кириллова, д.и.н., в.н.с.,
зам. директора ИВИ РАН

О прошениях ремесленников и торговцев (Реймс, XV–XVIII вв.)

История прошений ремесленников и торговцев – важная часть истории ремесла в средние века и Новое время. Именно с составления коллективного прошения начиналась процедура утверждения устава профессионального сообщества. Первоначально такие прошения были устными, письменный текст был необходим в том случае, когда за утверждением устава мастера обращались к королю, и в истории Реймса это скорее исключение, чем правило, поскольку почти все городские ремесленники находились в ведении бальи архиепископа и герцога Реймса.

Первый пример обращения мастеров к королю относится к XV в.: это мясники, история утверждения устава которых в 1467 г. связана с последствиями недавних, 1461 г., волнений, когда мясникам запретили иметь братство, устраивать собрания, выбирать должностных лиц. Фактически было запрещено профессиональное сообщество мясников, и через несколько лет «выработанный мясниками города и представленный архиепископу» устав прошел трехэтапное рассмотрение и утверждение: архиепископом Реймса, бальи архиепископа, королем Людовиком XI. Наиболее подробно прошение мясников пересказано в решении архиепископа, в королевской грамоте и в решении бальи оно дано в сокращении. Во вводных и заключительных формулах упоминаются «грамоты» (lettres), поданные властям и рассмотренные ими, что подтверждает составление письменно не только статей устава, но и прошения.

Следующие примеры прошений городских мастеров, направленных королю, относятся к XVI в.: это кожевники и дубильщики в 1535 г., аптекари и бакалейщики в 1552 г., суконщики в 1569 г. Прогонения этого времени не сохранились, однако в королевские ордонансы, в постановления местных властей включены их пересказы. Как и прошения, это специфический жанр и особый вид текстов, исторически более ранних, чем письменные прошения.

Письменные обращения ремесленников Реймса к местной власти, к бальи архиепископа Реймса, появились значительно позднее, чем прошения, адресованные королю. Я полагаю, что лишь в конце XVI – XVII вв. И в это же время традиционным становится такой формуляр решения бальи, в котором обоснование приводилось дважды. Первый раз говорилось о ходатайстве мастеров или купцов, обратившихся к бальи с прошением об утверждении регламента, приводились аргументы из этого текста. Во второй раз те же или другие аргументы звучали уже в качестве обоснования решения бальи. Формулировки, использованные во втором случае, могли совпадать с первым вариантом или излагать его сокращенно.

Второе обоснование есть не во всех решениях об уставах или их изменениях. Например, в 1618 г., добавляя новые статьи к уставу стригальщиков сукна 1603 г., бальи Рене Буржуа привел лишь те аргументы, которые были высказаны мастерами стригальщиками.

Ходатайство мастеров могло быть просто упомянуто, без использования и пересказа его аргументации. Так, при утверждении устава столяров в 1592 г. бальи архиепископа Жан Пиош не стал называть причины изменения прежнего устава, указав, что они полностью изложены в прошении мастеров и других представленных ему документах, что подтверждает составление прошения в письменной форме – оно названо первым в списке рассмотренных

бальи документов: приложенные к прошению постановление, запрос фискальному прокурору архиепископства, прежний регламент столяров 1567 г. (не сохранился), статьи нового регламента, согласованные со всеми мастерами ремесла и подписанные ими, заключения и запросы фискального прокурора. Аналогично упоминание об обращении мастеров содержится в королевском патенте для сукноделов 1569 г. и королевском патенте 1742 г., утвердившим сентенцию бальи Реймса для бочаров, принятую в 1730 г.

В постановлении могли быть использованы первые слова из прошения, когда фраза могла быть даже не закончена, как в решении Луи Фремена, бальи и генерального наместника Реймса, для изготовителей шерстяной кисеи 1710 г.: «...рассмотрев прошение, нам представленное... мастерами и мастерами, представляющими сообщество изготовителей шерстяной кисеи города Реймса, излагающее, что уже более века и т. д.». Текст прошения сохранился, и эта фраза в нем есть – именно с нее начиналось изложение просьбы мастеров.

Сопоставление текстов позволяет обнаружить разную практику обращений к местной и центральной власти. До середины XVII в. далеко не все уставы утверждались и в городе, и в столице – это не было необходимо для того, чтобы устав законно действовал. В тех же случаях, когда его направляли для утверждения и местной, и центральной власти, составлялись, как можно предположить, разные прошения.

Если сравнить пересказ прошения бочаров во введении их устава 1606 г. и аргументы из постановления королевского совета, то идея о предотвращении злоупотреблений при изготовлении бочек, для чего необходимо дополнить регламент, прежде существовавший у бочаров (1596 г., не сохранился), присутствует в обоих текстах. Однако в первом случае это пространное изложение, с множеством деталей и с повторами, во втором – лаконичный текст, в котором использованы иные формулировки, включая традиционную для королевского законодательства формулу об «общем благе».

Постановление реймского бальи 1710 г. дословно повторяло первую фразу из ходатайства изготовителей шерстяной кисеи («...что уже более столетия и т. д.»). И в королевском патенте 1711 г., утвердившем этот регламент, есть подобная отсылка к прошению. Однако для обоснования решения использовано другое выражение: «поскольку для общего блага и для [того, чтобы] предупреждать злоупотребления...». Оно отсутствует в прошении мастеров, наполненном жалобами на налоговые тяготы, и его нет в решении бальи, в котором последовательно перечислены все рассмотренные им документы.

Кроме этого прошения, сохранились и другие тексты XVIII в.: прошения музыкантов 1700 г., мясников 1737 г., ножовщиков 1738 г. и поваров 1757 г. Особенности этих прошений и их соотношение с их пересказами предполагается рассмотреть в докладе.

*М.Ю. Киселев, к.и.н., руководитель Центра
Архив РАН*

Пособие по эпиграфике А.Н. Вершинского: к вопросу о публикации

Архив Российской академии наук по праву считается одним из крупнейших информационных центров по истории РАН, ее учреждений и организаций, отечественной и зарубежной науки и культуры, научного наследия российских ученых. В фондах архива сохранились документы по эпиграфике как вспомогательной исторической дисциплине.

В Архиве РАН хранится фонд А.Т. Николаевой (1908–1988), историка-архивиста, доктора исторических наук, профессора. Среди документов фонда отложилась рукопись «Исторические надписи как источник по истории СССР (Краткое пособие по эпиграфике)» подготовленного А.Н. Вершинским (машинопись с рукописными вставками) в 1940 г. (Архив РАН. Ф. 1950. Оп. 1. Д. 139. Л. 1–127). В предисловии к пособию автор указывал, что его занятия эпиграфикой связаны с совместной работой с И.А. Шляпкиным, а в дальнейшем с А.А. Шахматовым при подготовке к публикации Новгородских летописей: «В результате знаний, полученных от своих учителей, которых вспоминаю с чувством глубокой благодарности, и собственных наблюдений и сложилось это небольшое исследование».

Будучи историком по специальности, автор поставил целью по новому использовать данные эпиграфики, подойдя к ним как к историческому источнику. Он сообщал, что не удалось, в силу требований к объему работы, развернуть ряд положений подробнее, шире использовать известный науке материал, иллюстрировать выводы большим количеством примеров. Автор считал, что, давая первые классификацию исторических надписей, «в ней найдутся недочеты и пробелы, как и в программе описания памятников эпиграфики. Исправлению всех пробелов поможет коллективное обсуждение и замечания критики».

Пособие состоит из следующих разделов:

1. Исторические надписи, как источник по истории народов Закавказья, Средней Азии, Сибири и Северного Черноморья.
2. Обзор работ по русской эпиграфике в XIX–XX вв.

3. Русские исторические надписи XI–XVII вв. как источник феодальной эпохи.

А. Исторические надписи и вопросы источниковедения.

Б. Исторические надписи и вопросы изучения производительных сил феодальной эпохи.

В. Надпись как источник для изучения социально-политических отношений феодальной Руси.

Г. Надписи как источник для изучения идеологии и быта феодальной эпохи.

Д. Надписи и культурные взаимоотношения Руси и соседних народов.

IV. Классификация надписей.

V. Приемы копирования и воспроизведения надписей.

VI. Исторические надписи в системе музейной экспозиции.

VII. Программа описания памятников материальной культуры, имеющих надпись.

Обратимся к классификации надписей, предложенной А.Н. Вершинским. Его не удовлетворяла общепринятая классификация, поскольку в ней не учитывалось содержание самого текста надписей. К первой категории он предложил отнести все надписи мемориального характера, в которых, независимо от материала, содержится указание на тот или иной исторический факт. Ко второй категории – надписи вкладного характера, содержание которых заключается в акте передачи собственности отдельного лица учреждению. Третья категория – надгробные надписи. К четвертой категории можно отнести все надписи – знаки феодальной собственности. Пятую категорию составляют надписи, указывающие на мастера-ремесленника, сделавшего ту или иную вещь. Шестую категорию будут составлять надписи обетно-заклинательного характера. Седьмая категория – надписи пояснительные. В восьмую категорию он предлагал отнести надписи, содержащие церковные тексты. При этом А.Н. Вершинский указывал, что обе классификации, основанные в первом случае на материале, во втором – на содержании, можно использовать параллельно.

К рукописи пособия приложено письмо (подлинник) дочери А.Н. Вершинского – А.[А.] Вершинской на имя заведующего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ В.И. Самойлова, датированное 17 декабря 1951 г. В письме сообщалось, что А.Н. Вершинский перед своей смертью в 1944 г. передал рукопись пособия в Историко-архивный институт А.И. Андрееву для подготовки к печати. Однако в 1946 г. рукопись пособия была возвращена А.А. Вершинской. Дочь ученого «крайне тяготила мысль, что работа моего отца, написанная по дисциплине, очень

нуждающейся в учебном пособии, остается мертвым капиталом». Она просила В.И. Самойлова высказать свое мнение по поводу издания пособия, и, в крайнем случае, предлагала напечатать на печатной машинке несколько экземпляров пособия для его использования студентами в кабинете кафедры. А.А. Вершинская сообщала, что обращается к В.И. Самойлову по совету А.А. Зимина 27 декабря 1951 г. В.И. Самойлов направил А.А. Вершинской письмо, в котором сообщал, что после обсуждения на кафедре было принято решение просить ее выслать рукопись для решения вопроса о ее внедрении: «"Русская эпиграфика"» нам нужна».

Анатолий Николаевич Вершинский (1888–1944) – историк, археолог, краевед, редактировал журнал «Тверская старина», который издавался в Старице с 1911 г. Личный фонд ученого хранится в Государственном архиве Тверской области. Приведенная информация о рукописи пособия приоткрывает еще одну неизученную страницу как в исследовании научной деятельности А.Н. Вершинского, так и истории эпиграфики. Исследователям предстоит изучить вопросы обсуждения рукописи на кафедре, ее ценности как одного из пособий по изучению эпиграфики, и, в конечном счете, публикации.

Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории вспомогательных исторических дисциплин и может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

С.Н. Кустерев

ген. директор НИИО «Альянс-Архео»

Весовое значение четверти ржи в начале XVII в. по позднейшим псковским летописным известиям

Весовое содержание зерновых культур в стандартной единице объема сыпучих тел, каковой в XVI – начале XVII в. была четверть, в существующей литературе определяется на основании двух известий о цене ржи в Пскове во время голода 1602 г. и дороговизны 1612 г., читающихся в Псковской Первой летописи по рукописи, принадлежавшей местному воеводе окольничему Никифору Сергеевичу Собакину, отражавшей текст свода 1645 г., как это было установлено А.Н. Насоновым.

В первом из текстов сообщается: «В лето 7109 году грех ради наших рано в лете стаха великие морозы, и тогда побил морозом рожь и ярь, и с того году стало на крестьянский род великий глад: во 110 году купили ржи четверть по 2 рубли, а жита по тому же и овес, а четверть была старая не велика, против нынешней вдвое менши, полумера, а овса по рублю по десяти алтын четверть; да во

111 году купили рожь по 3 рубли четверть, а жито по полтретья рубли четверть, а овса по рублю и по десяти алтын» (ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 321). Исследователи (Н.В. Устюгов, Е.И. Каменцева, Н.А. Шостын), принимая за новую меру шестипудовую четверть первой половины XVII в., путем несложных вычислений приходили к выводу, что прежняя, покупавшаяся в Пскове в 1602 г. по цене в 2 рубля, вмещала в себя четыре пуда ржи, и допускали бытование такого весового значения, а тем самым и соответствующего объема в предшествующий Смуте начала XVII столетия весьма длительный период. Поскольку четверть являлась долей старинной и уже вышедшей к тому времени из употребления кади, то вес помещаемой в эту последнюю ржи определялся бы как 16 пудов.

Второе из летописных известий несколько корректировало эти расчеты, сообщая в статье 7120 г.: «А хлеб во Пскове дорог был, по 30 алтын четвертина, а четвертина мала была, мало болши осмака» (ПСРЛ. Т. 4. С. 330). На основании этого свидетельства еще А.И. Никитский заключил, что при равенстве позднейшей четверти шести пудам ржи и исчислении по две осьмины в любой из четвертей вес осьмины («осьмака») в новой системе измерений или старой четверти ржи в 1602 г. должен составить 3,5 пуда, почему целая кадь вмещала бы в себя лишь 14 пудов. В данном случае исчисление четверти именно в 3,5 пуда выбрано исследователем произвольно, дабы отразить выражение летописца «мало болши осмака». В действительности превышение веса «старой» четверти над весом «новой» осьмины вряд ли достигало столь значительной доли как 1/7 часть. Куда справедливее усматривать гораздо меньшую разницу между величинами, которой в дальнейших расчетах можно пренебречь.

Таким образом, оказывается, что все специалисты, пытаясь выяснить весовое значение объема четверти ржи, исходным пунктом принимали соответствие упомянутой летописцем четверти такой же объемной мере, использовавшейся в торговых и иных операциях на значительной части Русского государства первой половины XVII столетия и способной вместить шесть пудов ржи. Этот подход, видимо, страдает определенным методическим недостатком, поскольку игнорируется факт существования на протяжении длительного периода, по меньшей мере, вплоть до 1670-х гг., региональных единиц измерения, в том числе и сыпучих тел, в частности – четверти. Кроме того, не учитывается происхождение самих используемых летописных известий, что в данном случае может иметь решающее значение.

Процитированные относящиеся к 1602 и 1612 гг. сообщения вместе с включающим их целым летописным сочинением появились из-под пера псковского летописца, который, повествуя о

псковских же реалиях, должен, видимо, пользоваться местными величинами, соотнося их с общерусскими, употреблявшимися хлебными торговцами и московскими администраторами. Следовательно, в одной из соотносимых автором сочинения четвертей, – скорее, в более поздней и привычной ему, – стоит видеть местную меру, использовавшуюся в Пскове в середине XVII в.

В связи с этим необходимо учесть сведения об особенностях бытовавших на русском Северо-Западе мерах емкости, содержащиеся в сочинении побывавшего в 1674 г. в России в составе шведского посольства Иоганна Филиппа Кильбургера, записавшего: «3 московския четверти составляют 2 новгородских, а 1 новгородская составляет 2 стокгольмских тонны; псковская четверть немного больше новгородской, а четверть в Печоре в свою очередь немного больше псковской» (*Курц Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 156).

Московская четверть в период пребывания Кильбургера в русской столице соответствовала уже восьми пудам ржи, почему новгородская должна была вмещать тот же сорт зерна весом в 12 пудов. Местная псковская мера мало чем от нее отличалась, почему и для нее можно принять то же весовое значение – 12 пудов ржи.

Если теперь соотнести полученную величину со свидетельством псковского летописца, то окажется, что четверть 1602 и 1612 гг., будучи вдвое меньше современной самому автору известий, должна была вмещать в себя шесть пудов хлебного зерна, то есть «старая» для летописца четверть полностью соответствовала распространенной в русской торговле московской шестипудовой четверти, употребление которой известно уже с начала XVII в.

Таким образом, сообщения псковской летописи под 1602 и 1612 гг. не могут рассматриваться как основание для версии о существовании в это и предшествующее время четверти как эталонной меры, вмещающей четыре пуда ржаного зерна. В сочетании же со сведениями иного источника они позволяют сделать вывод о бытовании в этот период и в более раннее время шестипудовой четверти как доли старинной кади, в которой числилось 24 пуда того же вида хлебного продукта.

*Н.А. Кобяк, н.с., глав. специалист
ИСл РАН, Научная библиотека МГУ*

**«Чудо об иконе Максима Грека»:
попытка верификации данных**

«Служба и Житие Максима Грека» особой редакции (РГБ. Ф. 310. № 338. л. 12–115), а также переводы из Свиды, сделанные

Максимом Греком (л. 119–244), были переписаны сторожем «Большаго второго Благовещенскаго собора ...», что у великаго государя на сених Симионом Федоровым сыном Моховиковым».

«Житие» и «Сказание о чудесах» представляют собой особую редакцию, известную до сегодняшнего дня только по этой рукописи собрания Ундольского (*Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1891. С. CCXLIII; Синицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 279*).

Имя Симеона Федорова Моховикова, сторожа кремлевского Благовещенского собора, стало известно широкому кругу исследователей сравнительно недавно благодаря находке принадлежавшей ему рукописи – Сборника сказаний о чудотворных иконах, с «Повестью о посаднике Щиле», житиями российских святых, украшенного гравюрами русских и зарубежных гравиров петровского времени (НБ МГУ. № 293).

Сходство имен писца рукописи Ундольского и владельца рукописи МГУ Симеона Федорова Моховикова и главного героя Чуда Симеона Федорова дало основание ряду исследователей говорить, не приводя каких-либо доказательств, об их идентичности. Моховиков был объявлен «образованным купцом», «осторожным старообрядцем», автором не только рассматриваемого Чуда, но и всего Жития Максима Грека, составленного в начале XVIII в., а также автором-составителем «Солнца пресветлого».

Анализ рукописи РГБ, а также исторические реалии текста Чуда дают возможность приблизиться к ответу на вопрос, когда и при каких обстоятельствах оно могло быть создано.

В нескольких статьях и докладах последних лет, посвященных проблемам верификации научных данных на примере Симеона Федорова Моховикова, я показала, что он не был старообрядцем, что биография героя Чуда, его взгляды, знакомства и все случившиеся события, скорее всего, не имеют отношения к Моховикову – писцу части рукописи Ундольского и бывшему владельцу рукописи МГУ.

Чудо, произошедшее от иконы Максима Грека, является последним в «Сказании о чудесах» и, в отличие от предыдущих двадцати, не имеет номера. Действие Чуда происходит на протяжении семи месяцев с 13 ноября 1720 г. по 20 мая 1721 г. Неназванные даты, скрытые ссылки на различные указы и постановления, содержащиеся в тексте, датируются раньше 1720 г. – года начала событий. И хотя названный в начале рассказа Указ Петра I о передаче дел от 13 ноября 1720 г., скорее всего, является вымыслом автора, подобная передача дел вполне могла быть: с 1719 г. Земский приказ подчинялся Юстиц-коллегии. Ему частично подчинялась Московская ратуша. А поскольку Земский приказ прекратил существова-

ние не позднее зимы 1721/22 г., вполне возможно, что в 1720 г. какие-то документы передавались в другие учреждения, в том числе и в Ратушу. Таким образом, ни «белые», ни «черные» даты рассказа не приближают нас к выяснению времени создания Чуда.

В Чуде названы по имени семь человек, являющихся участниками событий: это, во-первых, «некий стольник» Василий Никитич Борятинский; торговые люди: сам Симеон Федоров, имеющий лавку в Седельном ряду (л. 105 об., 106), хорошие знакомые нашего героя: Федул Михайлов Забелин (л. 105 об.), Василий Максимов Удавленников (л. 106), Иван Максимов Жариков (л. 106), торгующие в том же ряду.

Кроме имен «торговых людей», называются имена нескольких иконописцев, писавших изображение Максима Грека, современников событий – Евстафия Федорова Беляева, жившего в «Спасской слободе у Сухаревой башни» (л. 107 об.), его брата, также иконописца, Василия Тимофеевича, писавшего текст тропаря и кондака на иконе Максима (л. 108 об.–109 об.).

Ни одно из перечисленных лиц не упомянуто ни в «Переписи московских дворов» 1716–1717 гг., ни в материалах первой ревизии 1719–1725 гг., ни в «Материалах для истории московского купечества», ни в «Книге по сбору мостовых денег». Имена иконописцев были включены в «Словарь иконописцев» (М., 2003) только на основании их упоминаний в тексте Чуда; Евстафий Федоров Беляев был отождествлен составителями Словаря с московским изографом, принимавшем в 1718–1719 гг. участие в создании иконостаса Преображенской церкви в Ревеле под руководством Ивана Зарудного, неким Фёдоровым Остафеем, вероятно, на основании сходства имени и профессии. Иконостас выполнялся по заказу кн. А.Д. Меншикова в 1718–1719 гг. в Москве в сарае во дворе Меншиковой башни.

Еще один герой Чуда – «ратушский старый подъячий» Михаил Морсочников, тот самый главный «злодей» и «гонитель», который грозился обрить Симеона Федорова и «щипками» выщипать ему бороду. Он принадлежал к потомственной служилой бюрократии, его отец – дьяк Евдоким Лукин Морсочников – служил в Оружейном приказе, в разное время сам Михаил был канцеляристом камерирской конторы в Москве, секретарем московской Синодальной типографии. В 1722 г. Морсочников был предан суду за получение взяток с подрядчиков, незаконное получение им лишнего жалования и подделку документов. Однако в 1725 г. по согласию Сената в поминовение его Императорского величества Морсочников был отпущен и освобожден от выплат. Но, согласно тексту Чуда: «А сего богохульного и злонравного и злоименитого и мнителного на

христианский народ Михаила Морсочникова прииде некакий царев гнев, и оковаша его, и всадиша в темницу, и пыташа его, и не исполниша своего хотения на христианы, но самого Господь Бог наказаша его, исчезоша сам без вести».

Таким образом, получается, что автор рассказа не знал об итогах процесса по делу Морсочникова, и его сведения ограничивались концом 1721–1722 гг., когда Морсочников был под судом за растраты и злоупотребления. Таким образом, текст Чуда мог быть написан до 1725 г. – времени возвращения Морсочникова в Москву.

Еще одну хронологическую поправку дает написание государственного титула в начале рассказа и в тексте о молитве за царя, читающемся как заключительная часть Чуда (л. 114 об.). Оба раза Петр I назван по имени и поименован большим государевым титулом — «Великий государь, царь всея Великия и Малыя и Белья России самодержец», который применялся до 22 октября (2 ноября) 1721 г., после чего был заменен на титулатуру: «Мы, Пётр Первый, император и самодержец Всероссийский».

Таким образом, можно сказать, что рассказ о Чуде от иконы был создан в Москве в промежутке с 20 мая по 22 октября 1721 г.

*С.С. Ковалева, аспирантка
РГГУ*

Новые сведения о предках С.А. Есенина

Восходящее древо С.А. Есенина состоит из ничем особенно не примечательных людей крестьянского сословия. Однако сам процесс исследования крестьянской родословной позволяет выявить весьма любопытные сюжеты, как для практической генеалогии, так и для исторической науки в целом.

Подробные родственные связи С.А. Есенина второй половины XIX – начала XX в. уже описывались (*Аникина О.Л.* Генеалогия рода Есениных. По материалам ГАРО // Новое о Есенине. Рязань, 2002, С. 235–241). Углубленное исследование и схема опубликованы (*Ковалева С.С.* Исследование родословной Сергея Есенина XVII–XX вв по документам ГАРО, ГАРФ, РГАДА // Генеалогический вестник. № 50. СПб., 2014, С. 82–92). После апробации на научных конференциях исследование было дополнено (*Ковалева С.С.* Родословная С.А. Есенина: по архивным материалам // Есенинский вестник ГМЗ С.А. Есенина. Вып. №7(12). Рязань, 2015. С. 78–83). Самый ранний архивный источник, из которого на тот момент удалось почерпнуть информацию о предках известного поэта – переписная книга Переславль-Рязанского уезда за 1646 год.

Данное сообщение посвящено более раннему периоду на основании документов РГАДА по Переславль-Рязанскому уезду конца XVI – начала XVII в., сосредоточенных в фонде Поместного приказа. Всего для поиска новых сведений было отобрано семь писцовых книг: три за 1628 г., одна за 1627–1629 гг., одна за 1616 г., и две книги за 1597–1598 гг. Надо заметить, что не каждый уезд Российской империи имеет такое разнообразие и столь хорошую сохранность источников за вышеупомянутые годы.

В качестве исходных данных было известно, что «...половина села Костянтинова, а была та вотчина за князем Микитой княж Михайловым сыном Мезеттским, а в полуселе крестьян... двор Автомошка Оксентьев у него четыре сына Гришка, Спирка, Ларка, Гришка ж» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 13338. Л. 346 об.–347 об.). То есть поиск был сосредоточен на имени Оксентий, у которого возможно уже родился сын Автомошка в селе Константиново. Село частично было в вотчине Н.М. Мезецкого и относилось к Понискому стану Переславль-Рязанского уезда. В просмотренных пяти книгах (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 395; 354; 398; 13328; 13329) ни стана, ни села, ни помещика не нашлось, оставшиеся две книги оказались более информативны.

Для начала рассмотрим выписки из писцовой книги Каменского стана Переславль-Рязанского уезда письма И. Львова и подьячего И. Русинова 1628–1629 гг. Здесь упоминается «стан Пониской, а в нем за помещики... за князем Романом княж Михайловым сыном Мезецким половина села Костентиновского... крестьянские дворы... двор Осенка Васильев» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 13334. Л. 1031, 1039). Всего во владении Р.М. Мезецкого, среди 10 крестьянских и 19 бобыльских дворов, другого имени, похожего на Оксенку, не оказалось.

Из писцовой и межевой книги Понисного стана Переяславль-Рязанского уезда писца К. Воронцова-Вельяминова 1627–1629 гг. стало известно, что «за князем Романом княж Михайловым сыном Мезецким... половина села Костентиновского,... да крестьянских дворов... во дворе Осенка Васильев з братьями з Данилком да с Ерошком...» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1070. Л. 271 об.–272).

Среди всех дворов, числившихся за Мезецким, в книге упомянут только один Осенка, без сына Автомошки, которого могли не записать за малым количеством лет. В целом книга письма К. Воронцова-Вельяминова оказалась подробней книги письма И. Львова. Упоминание братьев дает возможность дополнить информацию из переписной книги 1646 года.

Разумеется, данных не так много, чтобы можно было совершенно точно определить Оксенку Васильева как предка С.А. Есенина, но

таковы особенности исследования крестьянских родословных. С большой долей вероятности можно предположить, что самого раннего, документально установленного предка рода Есениных звали Василием. Он родился и жил в XVI в. на Рязанской земле, в селе Константинове, которое до передачи в княжеские владения было в дворцовом ведомстве.

В свою очередь, изученная писцовая книга благодаря межевым описаниям дает представление о самой местности: размерах земли, угодьях и рыбных ловлях, реках и озерах, что может быть интересно с точки зрения исторической географии: «...Романом Мезецким в полуселе Костентиновском... пашни паханные... з братом ево со князем Микитою в розных местах две тысячи пятсот пятьдесят копен, да на резанской стороне на Белоборском лугу сена триста копен лесу бору и дровяново за рекою за Окою на Мещерской стороне чем они владели напред сего в длину на пятнатцать верст, поперег – четыре версты, инже болши инже менши к селу Костентиновскому за рекою за Окою угодья рыбные ... азерко Глубокое, озерко Юрьев, озерко Сандурово Суходол тож ...» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1070. Л. 274–274 об.).

Таким образом, при весьма скудных данных, зная только название населенного пункта, имя помещика, имена членов семьи, которые со временем преобразуются, вычисляя возраст, можно составить родословную простой крестьянской семьи, узнать информацию о месте их проживания.

*В.Н. Козляков, д.и.н., проф.
Рязанский ГУ им. С.А. Есенина*

«Дневник похода короля Сигизмунда III под Смоленск» как источник по истории Первого ополчения

«Дневник похода короля Сигизмунда III под Смоленск» – один из самых известных польских источников, повествующих о событиях Смуты после прихода под Смоленск армии короля Сигизмунда III в 1609 г. К сожалению, во всех публикациях текст «Дневника» обрывается на записи 7 января 1611 г. (Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека... СПб., Т. 1. 1872. Ст. 427—720; *Diariusz drogi króla Jmci Zygmunta III od szczęśliwego wyjazdu z Wilna pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 Augusta i fortunnego powodzenia przez lat dwie do wzięcia zamku Smoleńska w roku 1611* / Опраć. J. Byliński. Wrocław, 1999). Существуют и другие лакуны «Дневника» (Тюменцев И.О., Тутикова Н.А., Мирский С.В. Неизвестный фрагмент дневника по-

хода короля Сигизмунда III в Россию 1609–1611 годов // Вестник Волгоградского ГУ. Сер. 4. 2017. Т. 22. № 4. С. 91–108).

Продолжение записей «Дневника» после 7 января 1611 г. было обнаружено лишь недавно польской исследовательницей М. Кацпржак в одной из рукописей Государственного архива Швеции (Svenska Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Polska Manuskript. sygn. E 8597 nr 335 A). М. Кацпржак опубликовала известие (с утратами) о взятии Смоленска 13 июня 1611 г. Позднее М. Куран установил, что недостающее окончание известия шведской рукописи отразилось еще в одном памятнике (Sprawa Smoleńska z literatury okolicznościowej pierwszej połowy XVII wieku. Ze zbiorów Archiwum Narodowego Szwecji Skoklostersamlingen / Wyd. M.M. Kacprzak, Warszawa, 2006; Kuran, Michał. Krótkie a prawdziwe opisanie wzięcia Smoleńska – brakujące zakończenie Diariusza króla Jmci Zygmunta III [...] pod Smoleńsk // BAROK. Historia – Literatura – Sztuka. Półrocznik. XVII/2 (34). 2010. S. 161–168). С другими материалами из рукописи E 8597 работали И.О. Тюменцев и Н.В. Эйльбарт.

Публикация в Интернете на сайте «Repozytorium cyfrowe poloników / Digital Repository Polonica» цифровой копии шведской рукописи сделала доступным этот памятник для изучения (<http://repcyfr.pl/dlibra/docmetadata?id=207&from=publication&>).

Источником сведений «Дневника» о событиях внутри России, связанных с организацией Первого ополчения, были донесения главы московского гарнизона А. Госевского.

О серьезности, с какой в королевском лагере под Смоленском восприняли угрозу от сбора ополчения во главе с П.П. Ляпуновым, говорят записи 28 января и 17 февраля 1611 г. Упомянув «vires y incrementa» (силу и рост) «московской измены», к числу первых сторонников П.П. Ляпунова, кроме Заруцкого, причисляли еще Исая Сумбулова. До сих пор не вызывало сомнения, что И.Н. Сумбулов был последовательным сторонником присяги королевичу Владиславу. Известие «Дневника» позволяет скорректировать представления об этом эпизоде начальной истории земского движения. В королевском лагере под Смоленском действия И.Н. Сунбулова под Пронском были восприняты как измена, а его стали причислять к сторонникам П.П. Ляпунова. Упомянется в «Дневнике» и о дальнейших действиях «казаков запорожских», захвативших Орел, Карачев, Кромы, Болхов. Там они расправились с местным населением, и отослали воевод к королю, лишив Первое ополчение возможной поддержки ряда Украинных городов.

К 17 февраля 1611 г., когда провалились попытки послать на борьбу с П.П. Ляпуновым в Рязани полки М. Струся и Я. Сапег, составитель «Дневника» включил в «заговор» Калугу, Тулу, За-

райск и Коломну с близлежащими уездами. Говоря о борьбе с «изменой», особенное внимание уделял действиям против А. Прокопеевского «с казаками донскими». Известный из русских источников поход рати боярина кн. И.С. Куракина во Владимир, оказывается, был упреждающей мерой А. Гусевского. Он распорядился отправить под Владимир «пана Косаковского с князем Куракиным», где им совместными усилиями в начале боев удалось нанести «немалый урон донцам». Интересны также сведения об отсылке гусарских рот и пана Руцкого с казачьими полками «к Коломенской дороге», выбивших «неприятеля» из «двух слободок в 10 милях от столицы».

Одно из самых важных свидетельств «Дневника» содержится в записи 17 февраля, позволяющей уточнить вопрос о причастности патриарха Гермогена к созданию Первого ополчения (см., например статьи Л.М. Сухотина и С.А. Белокурова: Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 324–338, 625–626). Королевские секретари писали об обвинениях патриарха Гермогена «первейшими боярами» и представителями короля в Москве в «недоброжелательстве» к королю Сигизмунду III. От патриарха требовали, чтобы он «простонародья не возмущал, и до бунтов и кровопролития не приводил». В ответ на возражения, патриарху Гермогену предъявили некие «верные документы», требуя, чтобы он не вмешивался в государственные дела. Именно тогда патриарху «придали приставов», и он оказался под фактическим арестом из-за поддержки сбора ополчения.

Известие «Дневника» объясняет позицию А. Гусевского на переговорах с московской стороной под Смоленском в 1615 г., где он предъявлял перехваченную «смутную грамоту» патриарха Гермогена, тайно отправленную в Нижний Новгород 8 января 1611 г. Польско-литовские дипломаты прямо обвиняли патриарха Гермогена в сопротивлении людям польского короля и призыве ополчения к Москве: «што смута всчалася и кровь хрестиянская пролилася от него, и из городов люди пришли и города отложилися по его ж зсылке: што есмы вам письмом показали, да и сами ведаете то подлинно» (РГАДА. Ф. 79. Д. 30. Л. 139; АЗР. СПб., 1851. Т. 4. № 209. С. 482, 486). О приходе бояр во главе с М.Г. Салтыковым к патриарху Гермогену писал и автор «Нового летописца», после чего «приставиша к нему приставов и не велеша к нему никоу пушати» (ПСРЛ. Т. 14. С. 107). Запись в «Дневнике» говорит о времени и причинах этого столкновения с боярами, произошедшего, как выясняется, в самом начале Великого поста.

С 1 по 13 апреля 1611 г. составители «Дневника» отметили полное отсутствие каких-либо заметных известий, что можно связать с начавшейся осадой Москвы Первым земским ополчением.

*В.И. Колесов, независимый исследователь
Краснодар*

Генеалогия и семейная история (случай горских греков Северо-Западного Кавказа)

Для исследователя истории социальных, этнических, религиозных и иных групп главным вопросом остается проблема отнесения индивида себя к группе, ведь такое отнесение «это постоянно идущий процесс, состоящий из неопределенных, хрупких, противоречивых и постоянно меняющихся связей» (*Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. С. 43). Избежать такой неопределенности можно, сузив исследовательский фокус до изучения конкретной семьи. При этом возрастает роль генеалогических изысканий, раскрывающих семейно-брачные отношения, связывающие отдельные семьи в сообщества, консолидированные как социально, так и по другим основаниям. Особенно актуальным становится использование генеалогии при исследовании Северо-Западного Кавказа в период Кавказской войны и после ее окончания – период формирования современных контуров этнических и иных образований в регионе.

Речь в докладе пойдет о малочисленной группе т. н. «горских» адыгоязычных греков, дисперсно проживавших среди адыгов. Процессы XIX в. превратили их в общность, с одной стороны, с единым самосознанием / самоназванием – «урым», дифференцировавшее от соседей черкесов и армян (черкесогаев), а с другой – сохранившую различные отношения с этими соседями. Генеалогические изыскания дали возможность увидеть брачные связи горских греков с черкесогаями, видимо, обусловившие совместные миграции армян и греков из Закубанья на территорию Российской империи (станции Гривенская Черкесская и Переясловская Черноморского казачьего войска, затем после образования Кубанской области – в Армавир, с. Греческое (Хаджихабль) и аул Бжедугхабль). С другой стороны, «поиски себя» и влияние греческого национализма привело часть горских греков к переселению в село понтийских греков Мерчанское, где постепенно возникли новые брачные отношения. Советская национальная политика (от коренизации до репрессий и депортаций) внесла коррективы в идентификационные стратегии и, соответственно, брачные связи – некоторые горские греки стали фиксироваться как «черкесы» или «русские». Составление генеало-

гий фамилий Демтировых, Серафимовых, Кокшевых, Девтеровых, Костановых, Аслановых демонстрирует такие разнородные процессы семейных траекторий, влияющих на идентичности и групповую консолидацию. Например, в истории семьи Демтировых есть все вышеуказанные тенденции. Браки горских греков с черкесами документально не подтверждены, в отличие от черкесогоав с черкесами (Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 261. Оп. 1. Д. 600. Л. 144, 149; Ф. 249. Оп. 1. Д. 868. Л. 38), но в семейных преданиях эти факты артикулируются (Полевые материалы Ю.Д. Кочериди. Интервью с Демтировым Николаем Георгиевичем, 1931 г.р., с. Мерчанское).

При переселении на территорию России в 1822–1823 гг. из «армянского аула Хатузука» Николай Демтирова за него несколько раз поручались черкесогоаи Чентамировы, их же он называл, судя по документам, «армянскими братьями» (ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 416. Л. 1, 7 об.–9 об., 11, 17, 18, 20–20 об., 22–23, 43). Дочь Николая Марфа/Хани была замужем за черкесогоаем Бох/Аствацатур Барино/Бароновым (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 1. Л. 45 об.–46), а одна из дочерей Петра Николаевича (в метрической книге на церковноармянском языке – Бедрос Демдиров) Марья была повенчана с черкесогоаем Ильей Бороковичем Богарсуковым в 1849 г. (ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 1. Л. 49 об.–50). Вместе с Чентамировыми и Бароновыми Демтировы мигрировали из Гривенской Черкесской в Переясловскую станицу (где к ним присоединились Богарсуковы). По архивным материалам известны и другие браки: армянина Хачадура Темгуова/Темирова с гречанкой Дуспни (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 491. Л. 6 об.), грека Серафимова с черкесогоайкой Екатериной Курджи (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1322. Л. 3 об.), грека Николая Девтерова с Сусанной Чубаровой (Похищение невесты // Кубанские областные ведомости. 1914 г. 20 апреля, воскресенье. С. 1), черкесогоя Иваниса Каладжиева/Каладжиёка с неизвестной гречанкой, в начале 1850-х гг. (ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 461. Л. 5), черкесогоя Петра/Борока Асланова с гречанкой Деспиной (ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Д. 5. Л. 392 об.) и т.д.

В с. Мерчанском молодые Демтировы к концу XIX в. бракосочетались с понтийскими гречанками: у Николая Назаровича жена Маргарита, у Александра Павловича – Параскева, у Максима Дмитриевича – Миланья (ГАКК. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2600. Л. 20–21).

В советский период, особенно с конца 1930-х гг., генеалогические данные свидетельствуют о браках горских греков аула Бжедугхабль с адыгами и русским. Кроме этого, на выбор идентичности, по-видимому, влияла и репрессивная политика государства. Например, в 1930 г. в Краснодаре арестован Илларион Яковлевич

Костанов (1871), в деле указан как «грек» (Книга Памяти жертв политических репрессий по Краснодарскому краю. Т. 2. Краснодар, 2008. С. 155), его сын Михаил Илларионович (1896), осужденный в 1945 г. – как «адыг» (Жертвы политического террора в СССР // lists.memo.ru/index11.htm).

Генеалогической ценностью обладают документы периода II Мировой войны: наградные листы, списки безвозвратных потерь, немецкие карточки военнопленных. Для примера приведем несколько таких карточек. Лев Алексеевич Асланов (16.07.1921), Бжедугхабль (Bscheduchabel), имя отца – Alex, фамилия матери – Девтерова (Dewterowa), национальность – грек (Grieche), владеет языками – русским и адыгейским. Девтеров Петр Николаевич (1896), Бжедугхабль, Russ. Adygeeg. В списках потерь национальность указывалась, но приведены ближайшие родственники. В наградных листах напротив зафиксирована национальная принадлежность. Например, Девтеров Василий Николаевич – армянин, Девтеров Илья Михайлович – грек, Хазаров Сергей Мартынович – грек, Хазаров Аркадий Лукьянович – черкес, Костанов Дмитрий Григорьевич – адыгеец.

Таким образом, генеалогические исследования демонстрируют трансформирующиеся внутрисемейные стратегии и межсемейные интеграции, всякий раз изменяющие параметры группы (состав, численность, границы).

<i>А.И. Комиссаренко,</i>	<i>Н.Ю. Болотина,</i>	<i>А.Ю. Кононова,</i>
<i>д.и.н., проф.</i>	<i>к.и.н., доц., гл. спец.</i>	<i>к.и.н., гл. спец.</i>
<i>РГГУ</i>	<i>РГАДА</i>	<i>РГАДА</i>

**Научно-информационный потенциал писцовых книг,
составленных в дворцовых приказах, о положении
карельских крестьян-переселенцев Бежецкого Верха
во второй половине XVII века**

Актуальной научной проблемой является создание полноценной источниковой базы для изучения этноэкономического освоения отдельных территорий Русского государства во второй половине XVII – начале XVIII в. Особый интерес представляет история заселения Бежецкого Верха в указанное время. Бежецкий Верх – территория в верховьях реки Мологи, расположенная на северо-востоке Тверского края. В XIII–XV вв. часть территории Бежецкого Верха входила в Новгородскую республику, часть – в Тверское княжество. В конце XIV – начале XV в. Бежецкий Верх был присоединен к Московскому княжеству. Земли Бежецкого Верха были разорены и опустошены в период Опричнины и Смуты.

История заселения Бежецкого Верха XVII–XVIII вв. тесно связана с историей исхода карелов в Россию, начавшегося после Столбовского мира 1617 г., по которому Карельский уезд отошел к Швеции, продолжавшегося в течение всего XVII в., а также в начале XVIII в. (*Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII в. М., 1937; *Жербин А.С.* Переселение карел в Россию в веке Петрозаводск, 1956; *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихсо В.* История карельского народа. Петрозаводск, 1998; *Салохеймо В.* Рождение Тверской Карелии // Прибалтийско-финские народы. Афина, 1995. С. 461–462; *Чернякова И.А.* Карелия на переломе эпох. Петрозаводск, 1998; *Дмитриева З.В.* Карельские выходцы на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке // Кириллов. Вып. V. Вологда, 2003. С. 81–90; *Головкин А.Н.* История Тверской Карелии. Тверь, 2008; *Бландов А.А.* Валдайские карелы в XVII – начале XVIII веков // Финноугроведение. 2014. № 2. С. 20–30; *Шварев Н.М.* Карелы Боровичского уезда Новгородской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вопросы уралистики. 2014. Научный альманах. СПб., 2014. С. 557–612; *Смирнов А.К.* Поречье Бежецкого края. Исторический обзор. М., 2015; *Савинова А.И., Степанова Ю.В.* Карельская диаспора южных районов Тверского Поволжья: история формирования и историческая судьба // CARELICA. 2018. № 1).

В итоге этого процесса на территории России образовалось несколько анклавов расселения карелов. Один из них сформировался в районе Бежецкого Верха, где карельские выходцы расселились как на государевых, так и на владельческих землях. Время его формирования Ю.В. Степанова, А.И. Савинова, А.А. Бландов обоснованно относят к 40-м гг. XVII в. А.Н. Головкиным, Ю.В. Степановой и А.И. Савиновой показано, что карельские переселенцы на новом месте считали себя и действительно имели статус вольных людей, свободных от крепостной зависимости, которые «наимуют землю» у владельца (*Головкин А.Н.* Указ. соч. С. 31; *Степанова Ю.В., Савинова А.И.* Правовой статус и хозяйственные практики карельских переселенцев в Верхневолжье в XVII–XVIII вв. // Итоги и перспективы исследований аграрной истории России X–XXI вв. XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений. Брянск, 24–28 сентября 2018 г. М., 2018. С. 55).

Эти выводы исследователей подтверждаются сведениями писцовых книг, составленных в дворцовых приказах. Так, в отписной книге «корелян» Бежецкого Верха, составленной стольником Ф.М. Аксаковым по наказу из Приказа Тайных дел в 1661–1662 гг. (сохранилась в списке), заслуживает внимания запись о «корелянах нового выхода», поселившихся на пустоши Рудниковой, которая

была отдана им в наем владельцем В. Лаптевым, и который «во крестьяне их не ряживал» (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 168). В той же книге зафиксировано, что «кореляне», проживавшие в вотчине Алексеевского монастыря, в переписной книге 1646 г. «были написаны крестьянами, а корелянами не описаны». Это послужило формальным основанием для их отписи на государя (Там же. Л. 209 об.). Как показано дозором Д.Г. Тютчева 1669–1670 гг. «государевы записные кореляне» «пашут хлеб на наемных помещиковых и вотчинниковых землях» (Там же. Л. 348).

Как видно, наймитами были и «государевы записные кореляне». Это была особая категория карельских крестьян-переселенцев, созданная в ходе упомянутого уже описания Аксакова 1661–1662 гг. Помимо карельских земледельцев, поселившихся на государевых пустошах, Аксаковым было отписано на государя 1109 дворов «корелян», проживавших на владельческих землях (Там же. Л. 153). Однако, как записано в отписной книге, им было велено «жить за великим государем на тех же землях, на которых они ныне живут, покамест им для селитьбы земли будут отысканы» (Там же).

Указ, который был зачитан владельцам, на землях которых остались «государевы записные кореляне» при отписи их на государя Ф.М. Аксаковым в 1661 г., включал, в частности, требование, чтобы им «налоги не чинили» (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 153 об.). Ценные сведения о привилегированном положении «государевых корелян», проживавших в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря, которые «зделя не делают и податей не платят», были выявлены З.В. Дмитриевой в вытно-переписной книге келаря монастыря Матвея Никифорова 1665 г. (*Дмитриева З.В.* Указ. соч. С. 89). Как следует из переписной и дозорной книги московского дворянина Д.Г. Тютчева и подьячего В. Второва 1669 г., «государевы записные кореляне», проживавшие и на дворцовых, и на владельческих землях, государственных податей официально не платили (Ф. 1239. Оп. 2. Кн. 1451. Л. 347 об.).

Материал переписной книги карельских дворцовых волостей Бежецкого, Новоторжского, Ярославского и Угличского уездов, составленной стольником В.Ф. Рязановым и подьячим Гаврилой Кашкиным по наказу из приказа Большого дворца в 1682 г. свидетельствует, что в начале 80-х гг. XVII в. «государевы записные кореляне», проживавшие на владельческих землях, по-прежнему составляли категорию земледельческого населения, свободную от уплаты государевых податей: «государевых денежных оброков и стрелецкого хлеба ... не платят» (Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 562. Л. 253 об. Дошла в подлиннике). В отличие от них, «государевы записные кореляне», проживавшие на дворцовых землях, к началу 80-х гг.

уже были обложены налогами и интегрированы в дворцовое хозяйство. Материал книги показывает, что значительное число крестьян-корелян уходило с дворцовых земель на поселение в поместья и вотчины.

М.А. Корзо, к.и.н., с.н.с.
Институт философии РАН

Источники *exempla* в проповеднических текстах Киевской митрополии XVII в.: избранные сюжеты

В проповеднических текстах *exempla* традиционно занимали важное место, выполняя роль аргумента (наряду с библейскими цитатами и выдержками из богословских сочинений), назидательной истории, дающей конкретные и наглядные образцы надлежащего для христианина поведения, а в эпоху барокко – и занимательной истории, которая была призвана не только удивить и позабавить слушателя (читателя), но зачастую и просто удержать его внимание. Конкретный материал для подобного рода *exempla* мог черпаться как из многочисленных богословских, исторических, научных и иного рода сочинений, так и из жизни, когда проповедник апеллировал к известным для его слушателей (читателей) событиям и происшествиям из недавнего прошлого (*Lyons J.D. Exemplum: the Rhetoric of Example in Early Modern France and Italy. Princeton, 2014*).

При столь глубокой укорененности *exempla* в проповеднической практике, его статус в западно- и восточнохристианской традициях был несколько иным. Средневековый Запад достаточно рано породил огромное число энциклопедических изданий и компендиумов, систематизирующих *exempla* как по алфавитному, так и по тематическому принципу. В раннее Новое время *exempla* встречаются в многочисленных пособиях по риторике и эмблематических сборниках, также в рукописных пособиях по составлению не только церковных, но и светских поучений на разные события (*Barłowska M. Swada i milczenie. Zbiory oratorskie XVII–XVIII wieku – prolegomena filologiczne. Katowice, 2010*). В восточнохристианском ареале подобного рода вспомогательные издания были малочисленны, а проповедники Киевской митрополии XVII в., зачастую прошедшие через католическую систему образования, активно обращались к западной книжной продукции.

Выявление конкретных источников *exempla* того или иного проповеднического текста позволяет реконструировать круг чтения автора и т. н. «библиотечный ресурс» данного сочинения (*Яковенко Н. У пошуках Нового неба. Життя і тексти Йоанікія Галятовського. Київ, 2017; Корзо М.А. О судьбах латинской книги в право-*

славных кругах Киевской митрополии XVII века: избранные сюжеты // История книжной культуры XV–XX веков: к 100-летию научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги) РГБ. В 2 ч. Ч. 1. М., 2018. С. 182–189), а также в отдельных случаях сделать предположение о том, к каким риторическим компендиумам автор мог обращаться в процессе получения образования.

В качестве примера для анализа выбраны «образцовые» (то есть могущие служить в качестве образца для составления более пространных поучений) проповеди на заключение брака и на погребение, которые были опубликованы соответственно в рамках чина венчания и чина погребения двух львовских изданий «Требника»: типографии Михаила Слёзки 1644 г. (экземпляр РНБ) и типографии Арсения (Желиборского) 1645 г. (экземпляр РГБ и экземпляр Польской Национальной Библиотеки (Варшава) – с рукописными дополнениями и пометами). Данные проповеди, составленные, предположительно, епископом Львовским и Каменец-Подольским Арсением (Желиборским), представляют собой интересный пример смешения жанров традиционного для восточнохристианского ареала «слова» и барочного наставления. Проповеди содержат ряд *exempla*, которые восходят как к отческой литературе (например, к «Синайскому Патерику»), к памятникам апокрифического характера), так и к различным в жанровом отношении западным изданиям: учебнику по риторике «Оратор без подготовки» Михаэля Радау, лекциям по античной истории и мысли Целия Родигинуса, сочинениям по иероглифике, другим.

*Т.В. Костина, к.и.н., м.н.с.
СПбИИ РАН*

Объявления о лекциях высших наук в России XVIII в.: проблемы сохранности и использования

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 18-013-00595/18

В XVI в. в университетах Европы начинают публиковаться лекционные списки на латинском языке; к XVIII в. практика таких публикаций становится общепринятой (Кларк У. Академическая харизма и истоки исследовательского университета / Пер. с англ. М., 2017. С. 86). Возникшие в России в 1724 г. в Петербурге и в 1755 г. в Москве Академия и Университет также информировали общество о начале своих публичных и частных лекций печатными объявлениями (или каталогами) на латинском и русском языках.

Объявления в разные годы, а иногда дважды в год печатались в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомо-

сти», отдельными брошюрами, а также отдельными листами. Тираж (от 50 до 400 экземпляров) рассылали по учебным заведениям, отправляли знатным особам, развешивали около учебных зданий и даже расклеивались «в главнейших местах» города на полицмейстерских будках (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 290. Л. 16–20). Н.Н. Мельникова писала о Московском университете: «Подобные объявления печатались университетом ежегодно на русском и латинском языках. Они являются важным источником для изучения истории Московского университета и образования в России. Следует заметить, что большая часть их не сохранилась» (Издания напечатанные в типографии Московского университета. XVIII век / Под ред. П.Н. Беркова. М., 1966. С. 18).

Казалось бы, сохранившиеся объявления должны были стать одним из основных источников для изучения истории университетов в России XVIII в. Тем более что большая часть архива Московского университета была утеряна в пожаре 1812 г. Однако до сих пор в работах исследователей используется лишь часть сохранившегося комплекса. Обращаются к объявлениям редко, а доступные сведения при этом очень обедняются, поскольку отсутствуют общие представления об этом комплексе источников, о возможностях, которые дает планомерное изучение объявлений. Можно предположить также, что исследователи Московского университета считают содержание сохранившихся объявлений так или иначе отраженным в Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Московского университета и других «базовых» работах по истории Московского университета. Но анализ статей словаря показывает, что в нем использовала лишь часть объявлений, сохранившаяся в собрании МГУ (БСППИМУ. 1755–1855. Ч. 1–2. М., 1855. С. 362–369, 414 и др.).

В результате многолетней работы библиографов почти все объявления о лекциях, публиковавшиеся в России отдельными изданиями, оказались учтены в справочниках: латинские – в «Сводном каталоге книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке» (Т. 3: S–Z. Приложения. Л., 1986. С. 211–236), а русские – в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800» (Т. 2. М., 1964. С. 333–335; Т. 6. М., 1975. С. 56–60). В последнем учитывались книги, имеющие пять и более листов. В результате в него попали бы только русскоязычные объявления Московского университета за 1757 и 1766 гг., и с 1772 г. до конца века с купюрами (нет объявлений за 1773, 1776, 1782 и 1797 гг.). Но ввиду важности этого вида источника для листовых объявлений о лекциях в 6 томе был создан специальный раздел: «Летучие издания», связанные с учебной деятельностью Академии наук и Мос-

ковского университета». В нем, действительно, учтен листовой материал, причем для экземпляров, сохранившихся в архивах, полностью указано их место хранения.

Указания на объявления Московского университета, в том числе листовые, вошли также в справочник, составленный Н.Н. Мельниковой (Издания напечатанные в типографии Московского университета. XVIII век / Под ред. П.Н. Беркова. М., 1966). Что же касается объявлений о лекциях Академии наук XVIII в. то, по-видимому, в упомянутых сводных каталогах учтены почти все изданные отдельными изданиями объявления (в 1726, 1732, 1734, 1742, 1748, 1757, 1761–1763, 1765, 1766 гг.). Обследование фондов СПбФ АРАН позволило выявить, что практически неучтенными в них оказались экземпляры коллекции печатных изданий, собранной Г.Ф. Миллером (Ф. 21. Оп. 7). Исключениями стали попавшие в каталоги дела 103 и 116. Но кроме них в коллекции находятся объявления за 1732 (Д. 28), 1734 (Д. 38), 1738 (Д. 41), 1742 (Дд. 51, 52), 1748 (Д. 61), 1757 (Д. 82) гг. Из них одно издание не попало в каталоги вовсе: *Ad Institutiones Mathematicas, Physicas, Historicas et Oratorias, Publice in Aedibus Academiae Tradendas, Harum Doctrinarum Cupidi Invitantur a Professoribus Petropolitanis*. [СПб., тип. Акад. Наук, 1738] [1] с., 2^о, хотя о самом факте существования такого издания было известно Ю.Х. Копелевич (*Копелевич Ю.Х.* Первые академические студенты // ВИАТ. 1996. № 2. С. 13).

Таким образом, казалось бы, большая часть работы была закончена еще к середине 1980-х гг.: экземпляры найдены и описаны, а их местонахождение известно. Тем не менее, просмотр объявлений о лекциях, оказавшихся рассеянными более чем по десятку книго- и архивохранилищам двух столиц, оказывается трудоемкой задачей для исследователей. Представляется актуальным появление общедоступной (или по меньшей мере рабочей, доступной для части исследователей) базы данных, в которую вошла бы информация, извлеченная из всех сохранившихся объявлений о лекциях.

Такая база данных способна не только показать, в какие годы и чем занимался (собирался заниматься) конкретный лектор, но и дать существенную информацию для актуальных проблем истории образования и науки: об интенсивности учебного процесса в учебных заведениях; о циркуляции учебной литературы в России, о процессе перехода с латинского на русский язык преподавания, о популярности тех или иных курсов в обществе (косвенным свидетельством является размер аудитории и переход на новые языки преподавания), а значит и, в целом, о взаимодействии университета с обществом.

Об одной генеалогической ошибке

В РГАДА в фонде Русского генеалогического общества хранится малоизученная коллекция генеалогических материалов (Ф. 1293. Оп. 1. Д. 72. Материалы по родословию дворянских родов, собранные В.В. Руммелем). На л. 85 помещена краткая родословная якобы петербургских купцов-книготорговцев Глазуновых, которые Высочайшим указом от 19 ноября 1882 г. по случаю 100-летней деятельности семейной фирмы были возведены в потомственное дворянское достоинство:

1. Борис; 2(1). Сила Борисович; 3(2). Константин Силиович; 4(3). Сила Константинович, потомственный почетный гражданин с 1840 г.; 5(3). Алексей Константинович, потомственный почетный гражданин с 1840 г.; 6(3). Илья Константинович; 7(3). Анисья Константиновна, в замужестве за генерал-лейтенантом Есаковым; 8(6). Иван Ильич, действительный статский советник, санкт-петербургский городской голова (на 1883 г.); 9(6). Александр Ильич; 10(6). Константин Ильич.

Конечно, интерес анонимного генеалoga к купеческому роду, получившему дворянство именно за успешную коммерческую деятельность, не случаен, поскольку чаще купцы получали дворянство по ордену, полученному за благотворительность.

При сборе сведений для поколенной росписи Глазуновых выяснилось, что автор росписи произвольно соединил два однофамильных рода разного происхождения. Природа ошибки в целом понятна. Оба семейства принадлежали к купеческому сословию, занимали видное положение в своем кругу, жили в приходе Казанского собора и имели сходный набор личных имен. Доступных автору источников, которые позволили бы не сделать ошибки, почти не было. Книга «Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. 1782–1882» (СПб., 1883) была опубликована, по сведениям Ульянинского, тиражом всего 100 экземпляров и не поступала в продажу. Такой же библиографической редкостью был и выпущенный в 1903 г. Н.М. Лисовским «Краткий очерк столетней деятельности типографии Глазуновых в связи с развитием их книгоиздательства 1803–1903» (500 экземпляров).

В этих изданиях приведены достаточно подробные сведения, даже с портретами, о происхождении книготорговцев Глазуновых и выдающихся представителях рода. Иван Ильич Глазунов, действительно бывший городским головой столицы, был возведен в потомственное дворянство еще в 1876 г. по выслуженному ордену и чину.

Его братья получили дворянство в 1882 г. в связи со столетием деятельности книготорговой и книгоиздательской семейной фирмы. Константин Ильич Глазунов – отец известного композитора А.К. Глазунова.

Однако добыть сведения о Силе Борисовиче Глазунове (ок. 1747–1823) тоже было непросто, справочники Санкт-Петербургской купеческой управы стали регулярно печататься с середины 1860-х гг. С.Б. Глазунов занимался посредничеством и откупам. О нем и его потомках нашлись сведения в метрических книгах и исповедных ведомостях Казанского собора. В процессе исследования выявлено 12 человек его потомков.

Его сын Константин (ок. 1782–1814) рано умер, семейное дело продолжала его вдова Екатерина Алексеевна, урожденная Жадимировская (ум. в 1845 г.), также из видного купеческого рода, возведена с детьми в 1835 г. в потомственное почетное гражданство. Внуки Силы Борисовича Сила Константинович (1808–1807) и Алексей Константинович (1811–1859) вышли из купеческого сословия и состояли на гражданской службе. Таким образом, это купеческое семейство уже во второй половине XIX в. «сошло со сцены», в то время как их однофамильцы процветали.

В роду книгоиздателей Глазуновых удалось выявить 40 человек. Поколенные росписи обоих однофамильных родов войдут во 2-й выпуск справочника «Санкт-Петербургское купечество. Роды, возведенные в потомственное дворянское достоинство», который публикуется в издательстве Российской национальной библиотеки. Необходимо выявлять, изучать и вводить в научный оборот наследие наших предшественников. Однако они, как и мы, имели право на ошибку.

*О.С. Кротов, аспирант
ИИМО ЮФУ*

Миграция русских старообрядцев на Дон в XVII–XVIII вв.: направления и этапы

Церковная реформа Никона XVII в., силовые методы ее проведения (в их числе расправы с иерархами и рядовыми священнослужителями, не принявшими нововведений) вызвали широкое недовольство среди разных слоев населения Российского государства. Открытое неприятие реформ привело к возникновению старообрядчества как оппозиционного по отношению к официальной Церкви движения, охватившего разные слои населения. Жестоко преследуемые за свои убеждения, люди убегали в отдаленные глухие места, за пределы России.

Касательно истории Дона можно выделить несколько этапов и направлений миграции староверов из центральных регионов страны на Дон в течение двух столетий. Старообрядцы на Дону появляются в первые десятилетия после завершения церковной реформы, а попытки обустройства на Дону фиксируются источниками рубежа 1670–80-х гг. Поселения старообрядцев формируются, в основном, на притоках Дона: реках Хопре, Донце и Медведице. Не имея собственной церкви и проповедников, первые донские старообрядческие общины исполняли свои религиозные потребности за счет беглых старцев, зачастую также выполнявших роль посыльных и посредников в общении между донскими и другими старообрядческими общинами. Во второй половине XVII в. роль такого старца для донских старообрядческих городков исполнял Корнилий, а впоследствии появился и более известный в исторической литературе старец Досифей. Через данных старцев донские староверы поддерживали отношения с признанным центром старообрядчества в России – Пустозерском, откуда регулярно получали наставления, инструкции и указания. Досифей также является и одним из организаторов первого старообрядческого монастыря в районе р. Чир. В конце XVII в. в результате столкновения с правительственными войсками и раскола внутри донского казачества поселения по верховью р. Дон были разорены, а сами старообрядцы были вынуждены бежать. Часть сторонников старой веры ушла на р. Куму, где они вошли в близкий контакт с гребенскими казаками.

Следующий этап миграции староверов на Дон и с Дона был связан с движением Булавина в начале XVIII в. Кондратию Булавину удалось вновь сплотить проживающих и рассеянных по многим донским городкам приверженцев старой веры. Одним из ключевых мотивов выступления была защита истинной веры, что приводило к росту числа сторонников движения. Один из последних сподвижников Булавина Игнат Некрасов вместе с 600 семьями, большая часть которых были старообрядцами, бежали на Кубань. Таким образом, противостояние донских старообрядцев и московского правительства, продолжавшиеся со второй половины XVII в. и закончившееся полным поражением сторонников старой веры привело к массовому исходу старообрядцев с Дона.

В XVIII в. набирают силы новые духовные центры старообрядческого движения – районы Ветки и Стародубья на землях польской шляхты. Здесь образовались крупнейшие старообрядческие центры, укрывавшие в последующие десятилетия беглецов из России. Эти центры, несомненно, оказывали влияние и на положение сторонников старой веры на территории донского казачества. В архивах Донской духовной консистории сохранилось немало сведений о нахож-

дении на Дону священников из Стародубья и Ветки. Воронежская епархия и ее представители в лице Увещательной комиссии, созданной с целью предотвратить массовый переход казачества в старообрядчество, безуспешно пыталась разыскивать и арестовывать ветковских и стародубских попов, но сталкивалась с сопротивлением не только местного рядового казачества, но и станичных старшин и атаманов. Именно Ветковскую церковь донские старообрядцы воспринимали как единственно верную. Казаки открыто говорили о себе, несколько переиначивая Символ веры: «Веруем в едину святую соборну Ветковскую церковь!» Исповедовались и причащались они от набгающих на Донщину ветковских попов.

Еще одним крупным центром старообрядческого движения в России был Иргиз – приток Волги, протекающий на юго-востоке Саратовской и Самарской областей. О наличии староверов с Иргиза на Дону известно по источникам (донесения войсковой канцелярии). Сохранились сведения и о деятельности попов с Иргиза. Так, на Дону был пойман священник Филарет Петров, родом из Владимирской области, служитель в Иргизском монастыре. Прибыв на Дон в конце XVIII в., священник проповедовал, крестил младенцев, освящал книги, браки и охотно брал деньги за это. Деятельность священника охватывала станицы Цимлянская, Верхнечирская, Маноцкая Раздорская. Вскоре он был схвачен и отправлен на покаяние во Владимирскую область. И это был не единственный случай открытой деятельности иргизских священников. После 1763 г. мы снова наблюдаем массовое перемещение старообрядцев по всей территории страны и земля донского казачества также не стала исключением.

*А.К. Круглов, реставратор I категории
СПбГУ*

К вопросу о раннем периоде использования бумаги на Руси

На рубеже XIV–XV вв. у восточных славян пергамен как основной материал для письма замещается бумагой. Поскольку начальные стадии новых явлений не доходят до исследователя или доходят крайне отрывочно, будем говорить не о начале, а о раннем периоде нового явления. «Ранним периодом» будем называть вполне определенное время, в продолжение которого происходит технологическое освоение нового материала. Немногочисленные памятники этого периода демонстрируют затруднения, возникшие в связи с тем, что бумага по своим физико-химическим свойствам сильно отличается от пергамента. Рассмотрим только те затруднения, которые привели к изменению конструкции переплета.

Говоря о первых славянских рукописях на бумаге, прежде всего уделяют внимание рукописям, собранным «в прокладку». Тетради этих рукописей состоят из пергаменного бифолия снаружи и внутри тетради и бумажных бифолиев в середине. Одна из таких рукописей – Архивская Лествица (РГАДА. ф. 181. № 452), которую считают древнейшей восточнославянской по языку рукописью, написанной на бумаге (*Гальченко М.Г.* Палеографическое описание Архивской лествицы XIII в. // *Старобългаристика.* 1989. № 1. С. 46–52). Поскольку нас интересует только принадлежность рукописи «раннему периоду», полемике относительно датировки мы не уделяем внимания. Имеется подробное описание состава тетрадей еще двух рукописей «в прокладку»: Диоптра 1388 г. (ГИМ. Чуд. 15) и Диоптра второй четверти XV в. (Люблина. Собр. Копитара. № 14) (*Miklas H., Fuchsbauer J.* Die kirchenslavische Übersetzung der Dioptra des Philippos Monotropos. Bd. 1. Wien, 2013. S. 94–96, 125–126). Так же в прокладку собрано Тырновское Евангелие 1273 г. (Архив ХАЗУ. III.a.20). Во всех этих случаях, опасаясь, что швальные нити могут прорвать бумагу, считали необходимым расположить с обеих сторон тетради пергамен.

В исследованиях не указывается, как были шиты эти рукописи. Учитывая их балканское происхождение, можно думать, что изначально они были шиты цепочками. Вероятно, уже в следующем поколении книжники убедились, что и чисто бумажные тетради при бережном использовании хорошо выдерживают традиционное византийское шитье.

Трифоновский сборник (РНБ. Соф. 1262) содержит черновые материалы для редактирования «Власфимии». Его считают эталоном псковского говора рубежа XIV–XV вв. Первая тетрадь сборника целиком состоит из пергаменных листов, в трех тетрадах пергаменный бифолий расположен снаружи тетради, в одной тетради такой же бифолий расположен в середине, три тетради содержат по три-четыре одинарных пергаменных листа рядом с одинарными бумажными. Остальные тетради чисто бумажные (*Корогодина М.В.* Палеографические и кодикологические особенности Трифоновского сборника рубежа XIV–XV века // *Историк и источник.* СПб., 2018. С. 74–91). В этой рукописи четыре тетради из 15-ти собраны в прокладку с одним пергаменным бифолием, который достаточно укрепляет тетрадь независимо от своего расположения. Несистематичность использования пергамена можно объяснить черновым характером рукописи.

Рукопись Патерика скитского с Пандектами Никона Черногорца (РНБ. Погод. 267) по филиграммам датируется 80–90-ми гг. XIV в. (Рукописные книги собрания Погодина. Каталог. Вып. 1. Л., 1988.

С. 186–192.) и содержит произведения в ранних переводах и редакциях, которые для конца XIV в. уже являлись редкостью. В орфографии памятника присутствуют особенности новгородского диалекта (*Иванова-Константинова Кл.* Об одной рукописи конца XIV в. Погодинского собрания // ТОДРЛ. Т. 25. 1970. С. 294–308). Хотя рукопись написана целиком на бумаге, ее следует отнести к «раннему периоду». Внутренний лист каждой тетради этой рукописи укреплен узкой полосой пергамена, приклеенной изнутри в сгибе листа, т. е. создатели этой целиком бумажной рукописи так же не доверяли бумаге, как создатели других «раннебумажных» кодексов.

В случае двух последних рукописей – Псковской и Новгородской – были особые причины не доверять бумаге. Оба кодекса шиты «особым» образом, как шили в то время все или большинство рукописей на северо-западе Руси (*Круглов А.К.* К вопросу о типологии русских переплетов: один из способов шитья пергаменных рукописей XIV–XV вв. // Специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 2018. С. 374–404). При таком шитье швальная нить захватывает лишь небольшие участки тетрадей напротив ремня, поэтому такое шитье может быть долговечным только при прочном материале.

Укрепленная пергаменной полосой тетрадь (Погод. 267) прочно держится в блоке, но из-за разной упругости на изгиб у пергамена и бумаги в том месте, где заканчивается пергамен, образуется излом, по которому лист бумаги может оторваться. Рукопись была написана неопытными писцами, о чем говорят невыработанные почерки, небрежная нумерация тетрадей и плохое оформление всей рукописи (*Иванова-Константинова Кл.* Указ. соч. С. 305). Однако переплетчик был весьма опытен, в этом убеждает сходство переплета как по технике, так и по оформлению с другими новгородскими переплетами. Пергаменные минеи Софийского собора, написанные по благословию архиеп. Алексия Соф. 198 (1369 г.) и Соф. 189 (1370 гг.) и по благословию архиеп. Иоанна БАН. 34.7.5 (1398 г.), имеют исконные переплеты, отличающиеся от Погод. 267 только наличием литых накладок и простым шитым льном капталом, в отличие от более роскошного (технически такого же) шелкового многоцветного каптала Патерика.

Приведенные примеры демонстрируют поиск способов надежного шитья бумажных тетрадей, результатом которого стал возврат в конце XV в. к шитью византийскими цепочками, от которых на северо-западе отказались в середине XIV в. Этот переход происходил синхронно «второму южнославянскому влиянию», но без непосредственной связи с ним. Смена типа шитья была результатом активного творческого поиска, который не отрицает заимствование

опыта, существующего в других традициях. В данном случае была решена чисто техническая проблема долговечности переплета.

*Т.А. Круглова, к.и.н., доц.
МГУ им. М.В. Ломоносова*

«Азбуки» в составе первого печатного пособия по палеографии (1844 г.)

Первое печатное пособие по отечественной палеографии «Сборник палеографических снимков с почерков древнего и нового письма, разных периодов времени, изданный для воспитанников межевого ведомства» (М., 1844) не было обойдено вниманием исследователей. Они отметили как недостатки, так и достоинства учебно-методического труда, подготовленного известным архивистом П.И. Ивановым (1794–1860 или 1864). Однако учебное пособие, предвосхитившее содержание и структуру будущих подобного рода палеографических изданий, заслуживает дальнейшего анализа; и сегодня не лишен историографического и источниковедческого интереса, в частности, вопрос о раскрытии П.И. Ивановым темы кириллической азбуки.

В научном аспекте тема представлена в первой главе пособия «Исторический взгляд на развитие славяно-русской письменности и словесности». В кратком обзоре истории славянских азбук, в первую очередь кириллической, автор опирался на исследования Й. Добровского, Н.М. Карамзина, А.Х. Востокова. Вехи на пути графических преобразований кириллических литер П.И. Иванов обозначил понятиями «устав», «полуустав», «скоропись». При упоминании этих преобразований автор сделал отсылку «Смотр[и] приложенные азбуки», имея в виду наглядный материал, в котором отдельные начерки кириллических букв выстраивались в алфавитном порядке. Этот материал находился в другой части пособия – в альбоме-хрестоматии. Тема кириллической азбуки связала таким образом теоретический и практический разделы пособия.

Принцип наглядности, необходимый для любого учебного пособия, был обеспечен факсимильным (техникой литографии) воспроизведением образцов кириллического письма из рукописных книг и документов за период с XI в. до 1770 г., а также несколькими азбуками с вариантами начерков букв, встреченными в этих источниках. Далее такие азбуки будем называть палеографическими.

В первой половине XIX в. палеографические азбуки играли важную роль в становлении и развитии собственно палеографии, являясь инструментом накопления графического материала, а также доступным (т. е. без обращения к оригиналам) средством для

сравнительного анализа буквенных начертаний. С научной целью подобные факсимильные азбуки были составлены и впервые опубликованы А.Н. Олениным в 1806 г. для визуализации одного из доказательств древности Тмутараканского камня.

Азбуки, создаваемые в палеографии, по форме совпадали с алфавитами в рукописных азбуках-прописях, фиксировавших современный графический стандарт и распространявших его для обучения письму, но по содержанию отличались от них. Главное различие обусловлено целевыми установками в обучении, требовавшими разных по хронологии учебный материал. Впрочем, одну из обычных азбук П.И. Иванов привел почти полностью. Это был рукописный Букварь Кариона Истомина 1693 г. Также П.И. Иванов воспроизвел два текстовых фрагмента из азбук-прописей XVII в. Палеографических же азбук в пособии насчитывается 20, и количественно они соотносятся с текстами-иллюстрациями (без учета образцов подписей известных исторических деятелей) как один к пяти.

Автор пособия, распределяя азбуки по типам кириллического письма, не был последовательным в наименованиях выделенных групп. Восемью азбукам он дал заглавия «Начертание букв древних азбук», и это были образцы уставных начерков. Семь других азбук определений не имели, но их буквенную графику можно отнести к полууставной. Наконец, пять азбук были названы автором скорописными. Результаты этой систематизации, проведенной без более или менее четких палеографических критериев, в целом не противоречат результатам нынешней типологизации этих же азбучных начерков.

Палеографические азбуки в пособии разнородны по происхождению. Азбуки уставного и полууставного письма так же, как и «выписки» из текстов, на основе которых они составлялись, были взяты готовыми из опубликованных исследований А.Н. Оленина, К.Ф. Калайдовича, П.И. Кеппена. Скорописные же азбуки создавались специально для данного пособия. В отличие от заимствованных азбук, «привязанных» к конкретным рукописным памятникам, скорописные азбуки имели сводный характер, т. е. были построены на буквенных начерках, взятых из многих текстов, но без ссылок на них. Скорописные азбуки располагались в пособии весьма логично: каждая замыкала ряд иллюстраций с скорописными текстами одного столетия и получала обобщенное заглавие, к примеру, такое – «Скопись XVI века».

Сводный характер скорописных азбук предусматривает наличие в их составе либо всех рисунков буквы, встречаемых в иллюстративных текстах отдельного столетия, либо включение только типичных для столетия вариантов строчных и выносных букв. Но аз-

буки П.И. Иванова не отвечают ни тому, ни другому условию. Даже в азбуке XVII в. отсутствуют яркие приметы скорописи этого столетия, например, связные написания двух и больше литер, хотя в иллюстрациях они встречаются. Отобранные примеры графических вариантов не позволяют увидеть в азбуках эволюцию скорописи, протекавшую в течение нескольких столетий, и понять техническую сторону скорописания. Состав азбук производит впечатление случайного отбора форм строчных букв, при котором автор не руководствовался каким-нибудь четким критерием. Понимание авторского подхода к отбору начертаний букв для скорописных азбук затрудняется, конечно, и отсутствием комментариев палеографического характера ко всем азбукам.

Итак, в первом печатном учебном пособии по отечественной палеографии так называемые палеографические азбуки использовались как самостоятельный иллюстративный материал. Они были призваны как обобщить начертания букв в отдельных памятниках, так и представить тип древнерусского кириллического письма в целом. Но автору азбук не всегда удавалось визуально передать существо каждого из типов письма, особенно скорописи. Без сомнения, такая ситуация сложилась объективно из-за слабой разработанности в то время многих вопросов палеографии.

*А.С. Кручинин, зав. отделом
Дом Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына*

Джек на стене: к вопросу о терминологии и систематизации пиратских флагов

Создание стройной системы флагов, использовавшихся пиратами, скорее всего невозможно как из-за скудости сведений об этом, так и вследствие характерного для разбойничьих капитанов произвола при выборе или изобретении своих символов. Однако даже ограничиваясь британскими (метрополией или колониями) уроженцами и последней третью XVII – первой третью XVIII вв., представляется допустимым сделать несколько обобщающих наблюдений.

Основными терминами, соответствующими различным видам морских флагов, в это время, помимо общего «flag», были «ensign» (часто также «ancient») – главный корабельный флаг, «jack», «pendant» (или «rennant») – вымпел и «vane» – флаг небольшого размера (применительно к пиратским кораблям он ни разу нам не встречался). Термин «jack» появился, вероятно, в связи с учреждением в 1606 г. при Иакове I соединенного англо-шотландского флага и скоро стал обозначать «флаг, поднимаемый на носу корабля» – на блинда-стенге или бушприте. В начале XX в. Encyclopaedia Britan-

nica рекомендовала не употреблять термин «Union Jack» для флага такого рисунка, если он поднят на мачте, а не носовом флагштоке; поэтому использование П.И. Белавенцем в русском тексте термина «джэк» без попыток перевода и даже в значении «элемент других флагов» (1928) представляется неудачным, а приемлемым эквивалентом кажется скорее «гюйс»: ср. у К. Алярда (1705, русский перевод 1709) «Аглінскої геюс от Якова» применительно к флагу «Union Jack».

У пиратов отмечено использование на носу кораблей как королевского гюйса («Union Jack» – в походе Г. Моргана на Панаму в 1670–1671 гг., «King's Jack» – в последнем бою Б. Робертса у берегов Гвинеи в 1722 г.), так и – у того же Робертса – собственного образца. Пожалуй, только у него встречается и вымпел, причем двух разных образцов с интервалом в месяц: в одном случае – «черный шелковый», в другом – «голландский вымпел». Последний легко было назвать голландским, поскольку при короле Вильгельме III, бывшем штатгальтером Нидерландов, одному из вариантов гербового флага Соединенного Королевства сопутствовал вымпел в виде флага Святого Георгия (красный прямой крест в белом поле) с двумя длинными косицами цветов голландского флага (красный, белый и синий). Учитывая, что на старинном изображении голландского корабля вымпел государственных цветов поднят на гроте под флагом, а «типовые» изображения английских кораблей несут гербовый флаг («Royal Standard») на гроте же, неудивительно, что и у Робертса на гравюре XVIII в. черным вымпелом украшена грот-мачта. Интересно, что английский вымпел на гроте был присвоен «легальным» приватирам, а использование «беззаконным» пиратом Робертсом вымпела обозначало, вероятно, претензии не на легальность, а на какой-то особый статус, высший, нежели «простого разбойника».

Систематизировать многочисленные и разнообразные пиратские флаги можно попытаться на основании их расположения на мачтах и флагштоках, хотя и тут не следует абсолютизировать рождающиеся гипотезы, поскольку и флаги, и гюйсы, и вымпелы могли, меняя свое место, использоваться для сигнализации. На королевском флоте существовало, конечно, и «обыкновенное» расположение флагов; а как обстояли дела у пиратов?

Х. Дэвис поднимал на грот-мачте черный флаг с фигурой Смерти, а на фок-мачте – красный флаг с рукой, держащей саблю (1719); Робертс первоначально плавал, кроме английского флага, под «их пиратским флагом на гроте, с мертвой головой и тесаком»; на кораблях Э. Инглэнда были черный флаг с мертвой головою на гроте и «кровавый флаг» на фок-мачте (1720). Лояльным же британским поданным еще с 1606 г. следовало поднимать на гроте соединенный

англо-шотландский флаг, а на фокке — англичанам флаг Святого Георгия, а шотландцам — Святого Андрея; изображения адмиральных кораблей (1692 и 1705) показывают на гроте королевский штандарт, а на фокке — адмиральский флаг или «vape» непонятного цвета, возможно, просто сигнальный.

«Пиратского» материала для обобщений, разумеется, недостаточно, но некоторые сопоставления все же можно сделать. Предположение о черном флаге как символе отвергающей старый мир «пиратской нации» кажется явно чрезмерным, хотя параллель между «Banner of King Death», поднятым на гроте, и королевским или национальным флагом там же, безусловно, интересна. Но все-таки главным флагом на корабле остается кормовой («ensign»). Во всех описанных случаях это флаг Святого Георгия или «Red Ensign» — красное полотнище с флагом Святого Георгия «в крыже». А вот флаг на фокке, как будто замещающий адмиральский (кстати, последний был красным с изображением якоря! — не хуже и не лучше любого пиратского), особенно в тех случаях, когда он снабжается какими-либо символами, уместно определить как «капитанский» — аналог «должностного» флага, хорошо известного по флотам позднейшего времени.

Наконец, следует упомянуть и о случаях видоизменения государственных (королевских) флагов. Корабли Моргана везли десант для похода на Панаму под флагами Святого Георгия и «Red Ensign», но с обращенными цветами (красный и белый поменялись местами). Э. Дэвис в 1685 г. поднял «белый флаг с нарисованной рукой с мечом» — распространенный среди пиратов символ, однако необычной оказывается мотивировка: взяв у французов приватирский патент, Дэвис вследствие этого посчитал своим флагом белый — французский, дополнив белое полотнище «своим личным» символом. Настоящую загадку представляет собою вариант известной гравюры, изображающей захват Робертсом десятка купеческих судов в январе 1722 г.: на этом варианте один из черных флагов знаменитого пирата имеет в крыже... флаг Святого Георгия, а на кормовом флагштоке развевается обычный «Red Ensign».

Таким образом, параллели между пиратскими флагами и общей картиной флажной символики британских кораблей свидетельствуют скорее против представлений о пиратстве конца XVII — начала XVIII вв. как о попытке «создать принципиально иное устройство своего замкнутого социума» и дают отрицательный ответ на многозначительные вопросы, «не превратили ли они черный флаг в своего рода антипод всем государственным и национальным флагам?»

Читал ли Рене Анжуйский книги из своей библиотеки?

Библиотека Рене Анжуйского (1409–1480), герцога Лотарингии, Анжу, графа Прованса, короля Неаполя и т. д., на сегодняшний день представляется исследователям неординарной среди книжных собраний своей эпохи. Главными ее особенностями считаются как жанровое своеобразие коллекции, так и наличие книг на редких языках при практическом отсутствии книг на французском.

В XV в. книжные коллекции французских аристократов претерпели существенные изменения. Количество книг стало расти, наличие более сотни томов перестало быть редкостью. Основу собраний стали составлять книги на французском языке. Менялись и жанры: благочестие уступало место художественной литературе и истории. Последние, согласно инвентарям, составляли уже более 60 % в библиотеках знати (*Hasenohr G. L'essor des bibliothèques privées aux XIVe et XVe siècles // Histoire des bibliothèques françaises du VIe siècle à 1530. P., 1989. Т. 1. P. 245*). Считается, что «коллекции были отражением интересов и чаяний их владельцев» (*Ibid. P. 248*).

На этом фоне библиотека короля Рене Анжуйского представляется исследователям уникальной. По данным нескольких инвентарей (1457, 1472, 1508 гг.), у короля имелось около 130 томов на латинском, греческом, арабском, еврейском, итальянском, немецком, среди которых значится лишь одна книга на французском языке. «Добрый король Рене» сегодня известен нам как автор нескольких собственных сочинений. В его библиотеке нет ни его личных трудов, ни книг, послуживших источниками для его вдохновения, на которые он ссылается в своих произведениях (которые он, соответственно, должен был читать). При его дворе активно трудились другие авторы. Сегодня имеется информация об 11 писателях его круга (*Hemelryck T. van, Haug H. De l'émulation bibliophile à la création auctoriale. La dynamique littéraire à la cour de René d'Anjou // René d'Anjou, écrivain et mécène (1409–1480) / Ed. F. Boucher. Turnhout, 2011. P. 287*). Все их сочинения, написанные при анжуйско-провансальском дворе, не значились в имеющихся инвентарях. Не было в библиотеке Рене, судя по всему, и произведений его кузена и поэта Карла Орлеанского. Книжное собрание Рене, мецената и любителя театра, способствовавшего появлению на свет фарсов и моралите, не содержит никаких следов подобных сочинений. Также как нет там и книг турниров, посвященных ему или написанных по его поручению. Вместе с этим, библиотека театра и поэта Рене

содержит в большом количестве литургические книги, теологию, патристику, философию, Аристотеля и классических авторов.

Загадку несоответствия личности короля и его собрания еще предстоит разгадать. К сожалению, исследований, посвященных анжуйскому двору и книгам короля, ведется не так много, по сравнению с изучением собраний Лувра или герцогов Бургундских. Осложняет поиски полное отсутствие владельческих подписей Рене на книгах, что также не было свойственно позднесредневековым библиофилам (*Gautier M.-E. La bibliothèque du roi René // Splendeur de l'enluminure, le roi René et les livres. Angers; P., 2010. P. 21*).

Почему же библиотека Рене Анжуйского более соответствует просвещенному клирику, нежели принцу крови? Имеем ли мы дело лишь с частью информации, неполнотой каталогов-инвентарей? В этом случае сложно объяснить перевес в пользу исключительно религиозно-философской части собрания. Мог ли владелец держать разные жанры книг в разных замках (а потому французские книги нам остались неизвестны)? Могла ли исчезнуть или быть передана после смерти Рене, не имевшего прямых наследников мужского пола, именно французская часть собрания как более ценная для представителей его окружения, увлеченных литературой и театром? Все это еще предстоит нам узнать.

Можно ли вообще говорить о собрании Рене как о библиотеке, т. е. о специально подобранных с конкретной целью книгах? Видимо, нет, поскольку до нас не дошли сведения о специально составленных каталогах, отведенном для нее помещении и хранителе, ведавшем книгами, как можно все это наблюдать в случае с библиотекой в Лувре. Книги во владении Рене появлялись самими разными способами: от наследования и даров до заказа и покупки. Между тем, в своих работах исследователи невольно создают образ Рене как единственного читателя своих книг, к тому же живущего в одиночестве в замке. Мы знаем на примере библиотеки Лувра, что книги активно «выдавались на руки», причем не только членам королевской семьи. Король Рене был окружен множеством людей. Сложное политическое положение, попытки отвоевывания принадлежащих ему по праву наследования земель, предполагали наличие управленческого аппарата и обсуждения стратегий поведения в конкретных ситуациях (противоположную точку зрения см.: *Matz J.-M. La “bibliothèque” de René d'Anjou, un instrument de gouvernement? // René d'Anjou (1409–1480): pouvoirs et gouvernement. Rennes, 2011*). Отсутствие владельческих помет может также свидетельствовать, что книги имели хождение в придворном кругу, а не относились только к личному кругу чтения короля.

Французских книг не могло не быть у Рене Анжуйского, учитывая круг его интересов. В новейших исследованиях приводятся атрибуции все новых и новых книг, однако, к ним относят и купленные или заказанные для подарков книги, и книги, принадлежащие членам семьи, включая его наследника Карла, графа дю Мэна. Однако экземпляры книг, написанных Рене, а также составлявших круг его чтения, известный по этим сочинениям, пока не атрибутированы. Можно предположить, что коллекция сохранилась именно в таком виде, поскольку была передана впоследствии доминиканскому монастырю Сен-Максимэна в Провансе. Французские же книги сам король мог раздарить в конце жизни приближенным в благодарность за услуги, или же они могли каким-то образом разойтись уже после смерти владельца.

*Т.А. Кузьменко, с.н.с.
Архив РАН*

Стенограммы заседаний Президиума Российской академии наук как исторический источник (источниковедческий анализ)

Объектом анализа являются стенограммы заседаний постоянно действующего коллегиального исполнительного органа управления Российской академии наук (РАН) – Президиума РАН, хранящихся в Архиве Российской академии наук (Москва).

Стенограммы заседаний Президиума Академии наук, постоянно действующего коллегиального исполнительного органа управления Академии, являются ценнейшими историческими источниками в корпусе документов, создающихся в аппарате Президиума Академии наук. Стенограммы заседаний Президиума академии входят в состав фонда «Секретариат Академии наук» (Ф. 2) и являются приложением к протоколам заседаний, поэтому сформированы в дела вместе с протоколами и постановлениями Президиума. Постановления выносятся по каждому вопросу, входящему в повестку дня. Стенограмма выступления в случае необходимости (плохая слышимость, научная терминология) редактируется докладчиком и прикладывается как доклад (правленая стенограмма). Таким образом, в фонде 2 сохраняются как неправоленные, так и праволенные стенограммы заседаний Президиума АН СССР (РАН).

Заседания Президиума АН СССР (РАН) зафиксированы не только на бумаге, но и на магнитной пленке, аудиокассетах и CD-дисках. По состоянию на 01.01.2019 в Архиве РАН хранилось 4164 ед. хр. фонограмм за 1968–2017 гг. (Ф. 2. Оп. 35).

Тематика научных сообщений-докладов, которые заслушиваются на заседаниях Президиума АН СССР (РАН), очень разнообразна:

доклады о научных достижениях российских ученых; научные сообщения по актуальным темам естественных и гуманитарных наук, медицины, сельского хозяйства, экологии, международного положения, политики, экономики, высшего образования, информационных технологий, развитии науки в регионах страны, образовании научных учреждений, награждении ученых, взаимодействии науки и высшей школы, др.

Особый интерес представляют научные дискуссии по докладам, отражающие персонифицированные взгляды ученых Академии наук на существующие проблемы и способы их разрешения. Доклады и дискуссии ученых Российской академии наук публикуются, но, как правило, в кратком изложении и отредактированном виде в журнале «Вестник Российской академии наук».

Как пример источниковедческого анализа автором сравниваются документальный и опубликованный источники – стенограммы научного доклада. 12 января 1999 г. академик-секретарь Отделения экономики РАН академик Д.С. Львов выступил на заседании Президиума РАН с научным сообщением «Развитие экономики России и задачи экономической науки» (АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 376. Л. 20–46), под заголовком «Экономическая наука и развитие России» доклад был опубликован (см.: Вестник Российской академии наук. 1999. № 8. С. 722–742).

Анализ обнаружил значительное расхождение между опубликованным текстом и документом – стенограммой заседания Президиума РАН, хранящейся в Архиве РАН. В публикации сделан лаконичный вывод, что «главные причины плачевного результата реформ следует искать в профессиональной неподготовленности и отсутствии высоких морально-нравственных начал у тех, кому было доверено осуществлять преобразования. Ритуальный подход к экономике на основе стандартных схем погубил реформы в России» (Там же. С. 726). Вместе со статьей опубликованы отсутствующие в архивной стенограмме аналитические таблицы и диаграммы, дополняющие содержание доклада.

Архивный документ отражает более подробное и эмоциональное изложение мыслей докладчика: «Наши реформаторы, правительство, многие наши специалисты не имели представления о той экономике, которая реально имеет место... Ни в официальной статистике, ни в материалах правительства, к сожалению, вне рамок бюджета мы не обнаружим львиную часть нашего национального богатства, которое было приватизировано, доход от этого богатства был приватизирован полутора процентами населения... В советское время за счет ренты, природных ресурсов, аналогичных факторов поддерживалась военная промышленность, оборона, достаточно

большие деньги давались на науку. Куда же девалось это? Произошло совершенно чудовищное перераспределение. И когда говорят, что реформы не завершены, это неверно. Реформы завершены в интересах этих полутора процентов населения, которые узаконены и считаются уважаемыми гражданами в этой стране, которые, по существу, эту страну разграбили» (АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 376. Л. 28–29). В дискуссии по докладу академика-секретаря приняли участие многие известные ученые, выступления которых опубликованы в сокращенном варианте (Вестник Российской академии наук. 1999. № 8. С. 737–742). Но сокращен не только текст, из текста исключена оценка учеными отношения власти к науке. Так, из выступления академика О.Т. Богомолова исключено замечание, что на протяжении семи лет реформ ученые-экономисты выступали ежегодно публично с докладами, которые вскрывали ошибки проводимого правительством России курса реформ и давали альтернативные решения, однако все это игнорировалось». (АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 376. Л. 28–29).

Результат исследования показывает, что при изучении стенограмм необходимо использовать в качестве подлинника архивный документальный источник и как дополнение – таблицы и диаграммы, содержащиеся в опубликованном, часто сокращенном и отредактированном докладе. Архивом РАН в рамках гранта РФФИ в 2016–2018 гг. проводилась работа по проекту «Фундаментальная наука в дискуссиях Президиума Академии наук в период смены идеологической парадигмы (1980-е–1990-е гг.): комплексное исследование уникального архивного фонда». В результате этой работы повестки заседаний Президиума АН СССР за 1980–1999 гг. размещены на сайте Архива РАН: <http://isaran.ru>. Сто семь наиболее значимых по содержанию стенограмм (общим количеством 5452 листа) отсканированы, размещены в ИСАРАН и доступны для исследователей в читальном зале Архива РАН.

*А.В. Кузьмин, к.и.н., с.н.с., доц.
РАНХиГС (Москва), ГАУГН*

Воронье-Волынские в конце XIV – начале XVII веков

Воронье – младшая линия старомосковского рода Волынских, генеалогия и службы которых за конец XV–XVII вв. исследованы слабо. В работах Г.А. Власьева, С.Б. Веселовского и А.А. Зимина отмечены лишь фрагментарные данные источников о Волынских. Основатель младшей линии рода – Давыд, второй сын князя Д.М. Боброка Волынского от его первого брака с неизвестной по имени и происхождению княгиней. О биографии Давыда почти ни-

чего не известно. В молодости вместе с отцом и братом Борисом он выехал на службу в Москву. В последней четверти XIV – начале XV в. Давыд мог быть участником военных походов против ВКЛ и Орды.

Пролитовская позиция великого князя Василия I оттолкнула от службы при его дворе часть выходцев из Юго-Западной Руси, которые жаждали взять военно-политический реванш у правителей ВКЛ. В середине 1389 г. некоторые из этих лиц после смерти великого князя Дмитрия Донского перешли на службу в галицко-звенигородский удел князя Юрия Дмитриевича. Согласно майскому завещанию 1389 г. отца, он считался преемником Василия I на Владимирском и Московском великом княжении. По-видимому, среди перешедших в это время на службу в удел оказались Б.Д. и Д.Д. Волынские. В ряде родословцев они указаны как бояре. Имена братьев отсутствуют в великокняжеских актах. Поэтому можно думать, что родословцы отражают данные о службе сыновей Дмитрия Боброка в уделе князя Юрия Дмитриевича, а не в Москве. Кроме того, ни в сохранившихся известиях актов и летописей, ни в позднейших списках бояр великого князя Василия I ни один представитель рода Волынских так и не был упомянут.

Единственным сыном Давыда был Григорий. Сведений о его службе в первой половине XV в. нет. Учитывая тот факт, что потомки Д.Д. и Г.Д. Волынских служили из Ржева, можно полагать, что Григорий каким-то образом мог быть связан с Ржевским уделом. У Г.Д. Волынского было два сына – бездетный Дмитрий и продолжатель рода Михаил Вороной. Г.А. Власьев приписывал ему должность дворецкого в «1501 и при Василье Иоанновиче». Это утверждение ошибочно. В 1501 г. дворецким в Великом Новгороде был не М.Г. Вороной, а его старший троюродный брат И.М. Волынский. У М.Г. Вороного было трое сыновей – Петр, Иван Вороной и Федор. Старшим из них «умер молод» и без наследников. Г.А. Власьев приписал его брату Ивану Вороному в 1543 г. наместничество в Елатье, в 1547 г. воеводство в Муроме, а в 1549 г. – в Туле. Проверка этих служебных назначений по авторитетным спискам разрядных книг показывает недостоверность данных Г.А. Власьева. Их получал не И.М. Вороной, а его сын Михаил.

Некоторые сведения о службе И.М. Вороного действительно сохранились, но в других видах источников. Еще М.В. Толстой опубликовал уникальную запись от 8 января 1532 г. на 50-ти пудовом колоколе колокольни Петропавловского собора в Пскове. Согласно ей, городовым приказчиком был Иван Вороной. Его служба в Пскове проходила, по крайней мере, в 1531–1532 гг. Разрядные книги не сохранили данных об этом. По-видимому, виной тому был знаме-

нитый Московский пожар 1547 г., уничтоживший раннюю разрядную документацию последней четверти XV – первой половины XVI в.

Посольская документация по русско-литовским отношениям отмечает, что 22 февраля 1536 г. в связи с приемом в Кремле шляхтича Гайко была указана служба великокняжеским дворянам. Среди них был «Иван Михин сын Вороново». К этому времени он занимал довольно высокое положение в кругу столичных детей боярских Государева двора. К началу 1541 г. И.М. Вороной должен был получить разрешение покинуть службу. По-видимому, это могло произойти по причине какой-то серьезной болезни. 20 февраля 1541 г. он сделал денежно-вещевой вклад в Троице-Сергиев монастырь. Здесь он был пострижен под именем Иосифа. И.М. Вороной скончался не позднее первой половины или середины 1543 г., так как уже 21 сентября 1543 г. в Троице-Сергиев монастырь поступил вклад его сына Михаила. Он «дал... по отце своем иноке Иосифе денег 25 рублей». 29 марта 1544 г. М.И. Вороной добавил к этому вкладу еще «денег 25 рублей». Общая сумма вклада за И.М. Вороного была достаточной, чтобы его имя внесли для поминания в «вечный синодик» обители.

У И.М. Вороного был один сын Михаил Вороной († 1571). Во время правления царя и великого князя Ивана IV Грозного он прославился как один из видных бояр, воевод и администраторов в юго-восточных уездах России. Многие годы М.И. Вороной был дворецким в Казани и Нижнем Новгороде.

Единственным сыном Ф.М. Вороного был Иван. Сначала он служил как помещик из Шелонской пятины Новгородской земли. С.Б. Веселовский полагал, что здесь И.Ф. Вороной был испомещен еще в конце XV в. К 1539 г. он утратил права на незначительную часть своих условных владений в Дегожском погосте Шелонской пятины. Огаревым были отделены «починки Ивана Федорова сына Вороного»: Голянищево, Сидорково и Глупиха, в которых проживало всего четыре крестьянина. По-видимому, эти земли долгое время не имели своих владельцев и И.Ф. Вороной, будучи рачительным хозяином, использовал их для своих нужд. Основная часть его поместья на 1539 г. состояла из земель, ранее принадлежавших «тое жь волости Рождественского монастыря конець Рогатицы съ поля».

Центром новгородского поместья И.Ф. Вороного была дер. Городок на р. Шелони. Здесь у него был свой двор. Вместе с помещиком проживали трое его слуг, «пашни боярские и служни в одном поле 20 коробей, а в дву потомуж, сена 100 копен, 5 оберж; да отхожая пожня на реке на Шолоне, а ставитца на ней сена 60 копен». В состав весьма среднего по доходам поместья И.Ф. Вороного также

входили деревни Приклон на р. Болотне, «Мышыно» на р. Ушанке, Жидова, Глазанова, Друшино, Китово «на острове», Захарово, Сметово, Быстрая, Василево и Ондрейково на р. Шелони, Еловское, Зерема, Горбатая, «другая» Быстрая («и та деревня поставлена из деревни из Быстрой»), Туравино-Карпово, Межник и Заполье. В середине XVI в. служба И.Ф. Вороного была связана с Государевым двором.

Во второй половине XVI в. Александр и Григорий, дети И.Ф. Вороного, не сделали заметной военной карьеры и не оставили наследников. Оставшиеся после их смерти жены и дочери закончили свою жизнь как монахини престижных столичных монастырей.

*А.В. Кузьмин, к.ф.-м.н., к.иск., н.с.
ИИЕТ РАН*

«Механический Космос» (от Античности до начала XVII века)

«Карп Антиохийский где-то говорит, что сиракузянин Архимед составил только одно механическое сочинение, а именно, об устройстве небесного глобуса, не найдя из других предметов ничего достойного сочинения» (Папп) (*Архимед. Сочинения* / Пер. И.Н. Веселовского. М., 1962. С. 370).

«Небесный глобус», представлял собой совершенный механический планетарий. Фрагментарные сообщения позволяют достаточно детально реконструировать механизм этого открытия Архимеда (*Житомирский С.В. «Небесный глобус» Архимеда // Историко-астрономические исследования. Вып. XIV. М., 1978. С. 271–302*). «Небесный глобус», не был только «сферой» и не был просто «моделью Космоса», но – «театром-планетарием», демонстрирующим видимые движения небесных тел. Конструкция представляла собой звёздный глобус, центрируемый по оси мира, которую было необходимо установить согласно широте, «погружённый» в «чашу», край которой моделирует горизонт. Вдоль эклиптики перемещались подвижные механизмы моделей планет и светил. Модель Луны показывала также текущую фазу.

Имеется достаточно свидетельств, что этот глобус был технически реализован. Но если этот механизм не был (точнее не мог быть в полной мере) воплощён в техническом изделии, он всё же стал возможен: Космос был представлен единой системой математически выверенных циклов, которые могут обладать техническим воплощением.

Весьма содержательный заочный спор о том, чья модель неба совершеннее: Архимеда или великого механика XVI в. Джуанелло

Турриани (1500–1585), служившего при дворе Карла V, содержат записи его современников Амброзио Моралеса и дона Луиса де ла Эскозуры (*Бэк Т. Очерки по истории машиностроения. Т. I / Пер. Е. Левковича и Б. Прозорова. М.: Л., 1930. С. 126*). Одним из значимых вдохновляющих начал создания совершенного часового механизма, которое совершил Джуанелло Турриани, была известная ему из книг информация о создании Архимедом «небесного глобуса».

Согласно Джуанелло, «искусство здесь выведено им за пределы цифр». Механическим способом удалось получить (путём интуитивного доведения до совершенства системы зубчатых передач, в том числе с элементами асимметрии), соотношения периодов, которые было невозможно представить в рамках не только известных на тот момент математических теорий, но и отношений, представимых в виде десятичных дробей с конечным количеством знаков после запятой: возникает аналоговая техническая модель Космоса, преодолевающая несовершенство наличной на тот момент математики. Джуанелло высоко оценил собственные заслуги: на своём издании он поместил надпись: «*Qui sim scies, per opus facere conaberis*» («Ты поймёшь, кто я, если попробуешь сделать то же самое, что и я»). Дон Луис де ла Эскозура упрекнул его в нескромности, указав на то, что он претендует на славу, превосходящую славу Архимеда.

Сохранившееся воплощение идей глобуса Архимеда – башенные часы на площади Св. Марка в Венеции. Часы, украшающие сегодня площадь Св. Марка, появились в начале XVII в. Часы показывают и истинное солнечное время, отсчитываемое от момента нижней кульминации Солнца, и обычное для нас поясное время, согласно которому организована гражданская жизнь. Первое, что обращает на себя внимание, это сложный циферблат красивых оттенков тёмно-синей эмали, который правильно было бы назвать необычным набором указателей – своеобразных «колец-стрелок», несущих на себе символы и макеты небесных объектов. Геометрические символы звёзд золотого цвета на синих эмалевых поверхностях, имеют только декоративное значение.

Собственно циферблат этих часов – это внешнее светло-серого оттенка мраморное кольцо, разделённое на 24 сектора, пронумерованные римскими цифрами, от I до XXIII. Причём, *пронумерованы*, именно сектора, а не разделительные линии, как в большинстве современных часов. Сутки разделены на равных 24 часа, каждый из которых геометрически представлен отдельным сектором мраморного круга. Каждый из 24-х секторов имеет половинную метку. Эклиптика (Зодиак) разделена на пятиградусные сектора – каждый знак Зодиака, разделён на шесть секторов, в каждом из которых – пять градусов.

Внутри мраморного циферблата расположено три кольца, совершающих круговые движения с различными скоростями. Четвёртое центральное кольцо, «окружающее» занимающий центральное положение шар-Землю, как и сама «Земля», остаётся неподвижным. Среднее кольцо обладает одной стрелкой, украшенной легко узнаваемым антропоморфным изображением Солнца.

Часовая стрелка с символом Солнца показывает не просто номер текущего часа суток, но и положение Солнца на эклиптике или в Зодиаке (первое подвижное кольцо). Первое (наибольшего диаметра) подвижное кольцо одновременно показывает положение самого Зодиакального круга относительно горизонта в текущий момент времени. Кольцо, несущее Зодиак, таким образом, движется несколько быстрее Солнца, которое как бы «запаздывает» примерно на один градус за каждые сутки, согласно своему годовому движению среди звёзд. Внимательный взор, таким образом, увидит здесь сумму двух движений часовой стрелки-Солнца: суточного (относительно внешнего циферблата) и годового (относительно Зодиака – первого подвижного кольца).

Двигается не только Солнце, но целое кольцо со знаками Зодиака и текущим положением Солнца. Перед зрителем возникает своеобразный планетарий, где в каждый момент времени мы видим положение относительно горизонта всей Эклиптики (Зодиака). Следующее кольцо, среднего диаметра, с закреплённой на нём часовой стрелкой с символическим изображением Солнца, таким образом, показывает положение Солнца в Зодиаке и номер текущего часа суток. Третье подвижное кольцо – кольцо Луны. Сфера, символизирующая Луну, также подвижна. Одна её половина окрашена в цвет золота, другая – тёмно-синего цвета, сливающегося с цветом «неба». Поверхность кольца Луны имеет 12 делений. С их помощью легко можно оценить простым взглядом величину угла, который в данный момент составляют геоцентрические направления на Солнце и на Луну.

Вяч.С. Кулешов, н.с.

Стокгольмский университет (Швеция)

Фрагменты генеалогии правителей Волжской Булгарии X века

Полития булгар (тюрк. **bulγar*, араб. *bulgār*, *al-bulgāriyya*, слав. **bьlgare*) появилась в Среднем Поволжье в последние десятилетия VII в., но только для периода между концом IX и концом X в. имеются письменные и нумизматические источники, позволяющие описать структурные черты, ряд особенностей политической куль-

туры и фрагменты династической истории этого общества (союза племен).

Ключевым источником для реконструкции генеалогии правителей Волжской Булгарии X в. являются серебряные монеты, относящиеся к двум группам: *именные* дирхамы (сюда же необходимо отнести монеты с титулом *ал-амйр йалтаваёр*, обычно атрибутируемые царю Алмышу-Джа'фару, и монеты с тамгами, дополняющими или функционально замещающими имена некоторых поздних правителей) и *подражательные* дирхамы (с именами среднеазиатских эмиров), более частотные в первой половине X в. По указаниям в монетных легендах и по данным анализа штемпельных цепочек уверенно выделяются два производственных центра волжско-булгарских дирхамов – Булгар и Сувар (араб. *suwār*). Штемпели именных и подражательных монет вырезались одними и теми же мастерами; один из них, булгарский резчик Исхак ибн Ибрахим, известен по подписному штемпелю с датой 346 г. х. (957/958) (*Rispling G. Names of die engravers on 10th century Islamic coins // Festschrift till Lars O. Lagerqvist. (Numismatiska meddelanden. N. XXXVII.) Stockholm, 1989. P. 333–334*). Иным путем саморепрезентации следовал резчик (или группа резчиков) Суvara середины – третьей четверти X в.: в оформлении надписей использованы выразительные декоративные решения, позволяющие говорить об особом локальном стиле монетной эпиграфики.

Впервые именные монеты правителей Волжской Булгарии были выделены в конце 1820-х гг. Х.Д. Френом (*Drei Münzen der Wolga-Bulgharen aus dem X. Jahrhundert n. Chr. / Erläutert von Ch.M. Fraehn // Mémoires de l'Académie impériale des sciences de Saint-Petersbourg. Sixième série. Sciences politiques, histoire, philologie. T. I. Première livraison. St.-Petersbourg, 1830. P. 171–204*). Современные взгляды на их типологию восходят к работам Р.Р. Фасмера, С.А. Яниной и Г. Рисплинга. Список групп именных дирхамов в новейшем типологическом указателе исламских монет (*Album St. Checklist of Islamic Coins. Third Edition, November 2011. Santa Rosa CA, 2011. P. 158*), к сожалению, неполон: отсутствует информация о суварских монетах Му'мина ибн Ахмада и редких суварских анонимных монетах с тамгой, морфологически исходной для тамги Му'мина ибн Ахмада.

По именным монетам, чеканенным в Булгаре, известны правители: Мика'ил ибн Джа'фар, 'Абдаллах ибн Мика'ил, Му'мин ибн ал-Хасан и 'Абд ар-Рахман ибн Му'мин (уникальная монета, опубликованная А.А. Молчановым). По именным монетам, чеканенным в Суваре, известны правители: Талиб ибн Ахмад и Му'мин ибн Ахмад.

На монетах разных типов известны следующие четыре тамги: крестовидный трезубец (единственный тип с именем ‘Абдаллаха ибн Мика’ила), горизонтальная ветвь с косым «отростком» (анонимный тип Сувары с датой 347 г.х. и формулой *ла-ху ал-мулк* ‘ему принадлежит царство’ на лицевой стороне между символом веры и тамгой), горизонтальная ветвь с «отростком» и боковым «штрихом-ограничителем» (суварские дирхамы с именем Му’мина ибн Ахмада) и тамга, морфологически идентичная греческой альфе с ломаной гостой (на болгарских монетах и брактеатах Му’мина ибн ал-Хасана, а также на именных и неименных монетах и брактеатах без обозначения монетного двора).

Относительная и абсолютная хронология упомянутых выше типологических групп в настоящее время имеет следующий обобщенный вид:

Мика’ил ибн Джа’фар (Булгар) – конец 930-х и 940-е гг.;

‘Абдаллах ибн Мика’ил (Булгар) – 950-е гг.;

Талиб ибн Ахмад (Сувар) – конец 940-х гг. и 950-е гг.

анонимные монеты «ла-ху ал-мулк» с тамгой в виде горизонтальной ветви – конец 950-х гг.

Му’мин ибн ал-Хасан (Булгар) и Му’мин ибн Ахмад (Сувар) – синхронны, 970-е и 980-е гг.

‘Абд ар-Рахман ибн Му’мин (вероятно, Булгар) – 990-е гг.

Сопоставление имен эмитентов (имена с отчествами) с датировками монетных типов позволяет говорить о двух или трех родах, представители которых наследовали власть в Булгаре и Суваре в соответствии со следующими фрагментами генеалогических цепочек:

(а) болгарская династия Алмыша-Джа’фара 920–950-х гг.: *ал-амир йалтавар* Джа’фар (отец, до середины 930-х гг., хорошо известен по «Книге» Ахмада ибн Фадлана), Мика’ил (сын, 940-е гг.), ‘Абдаллах (внук, 950-е гг.);

(б) суварская династия Ахмада: Ахмад I (отец, монеты неизвестны), Талиб (сын, конец 940-х гг. и позднее), Ахмад II (внук, предположительно – эмитент неименных монет «ла-ху ал-мулк» с тамгой, конец 950-х гг. и позднее), Му’мин (правнук, именные монеты с тамгой, морфологически производной от там тамги Ахмада II, 970-е гг.);

(в) болгарская династия ал-Хасана: ал-Хасан (отец, именные монеты неизвестны, 960-е гг.?), Му’мин (сын, 970-е и 980-е гг.), ‘Абд ар-Рахман (внук, 990-е гг.).

Нельзя исключить (хотя никаких нумизматических свидетельств на этот счет нет), что цепочка (в) может напрямую восходить к цепочке (а): в этом случае единственным «недостающим звеном»

правдоподобно оказался бы не известный по именным монетам правитель по имени ал-Хасан (отец болгарского царя Му'мина ибн ал-Хасана). Если это предположение верно, то ал-Хасан вполне мог бы быть сыном 'Абдаллаха (и правнуком Алмыша-Джа'фара), однако нужно подчеркнуть, что такая редукция остается целиком умозрительной.

В заключение следует вновь обратить внимание на ключевую особенность организации волжско-болгарской политики (конфедерации?), объясняющую удивительную устойчивость ее центров / зон (в частности, в плане ономастики) и правящих элит (в плане генеалогии) в их соотношении друг с другом: на протяжении X в. (и, возможно, позднее) они сохраняют этническую («племенную») маркировку. Такие ранние города Волжской Булгарии как Булгар, Сувар и *Ошель* (др.-рус.; слав. **oščelъ* < тюрк. **äskäl* – этноним племени эскелей), первые два из которых стали центрами прокламативной монетной чеканки и политогенеза, получили свои названия и роли по ведущим племенам-конфедератам волжско-болгарского союза (булгарам, суварам, эскелям). Соответствующие «племенные» идентичности следует, вероятно, приписать и описанным выше правящим династиям Булгара и Сувара.

М.А. Курьшева, к.и.н., с.н.с.
ИБИ РАН

Пурпурный лекционарий императора Василия I Македонянина: Neapol. gr. 2* (ex Vindob. Suppl. gr. 12)

Греческая рукопись Neapol. gr. 2* (ex Vindob. Suppl. gr. 12) из Национальной библиотеки в Неаполе неоднократно исследовалась учеными и обычно широко датировалась IX в. или IX–X вв. (*Gregory C.R.* Textkritik des Neuen Testamentes. Bd. I. Leipzig, 1900. S. 391; *Cavallo G.* Funzione e strutture della maiuscola greca tra secoli VIII–XI // *La paléographie grecque et byzantine*. P., 1977. P. 106, 129, tav. 34; *Orsini P.* Scrittura come immagine. Morfologia e storia della maiuscola liturgica bizantina. Roma, 2013. P. 54; *Orsini P.* Studies on Greek and Coptic Majuscule Scripts and Books. Berlin, 2019. P. 80). Тем не менее, относительно недавно Г.Р. Парпулов отнес эту рукопись ко второй половине X в. (*Parpulov G.R.* The codicology of ninth-century Greek manuscripts // *Semita et Classica. International Journal of Oriental and Mediterranean Studies*. Vol. 8. 2005. P. 165, n. 4; *Parpulov G.R.* Two more manuscripts for Basil the Bastard // *Byzantine and Modern Greek Studies*. 41 (2). 2017. P. 305–306).

Манускрипт являет собой т. н. праздничный или сокращенный тип лекционария (*l 46*): имеет нестандартный состав и избранные

чтения на Божественной литургии по воскресениям начиная с Пасхи и для некоторых главных праздничных дней (*Aland K. Kurzgefasste Liste der griechischen Handschriften des Neuen Testaments*. B.; N.Y., 1994. S. XV). Этот роскошный древний кодекс маленького размера (162 x 145 мм) был написан литургическим маюскулом золотыми и серебряными чернилами на окрашенных фиолетовым пурпуром пергаменных листах.

Описание и негативный (поскольку рукопись написана золотом на пурпуре) микрофильм находится на сайте Института изучения Новозаветных текстов в Мюнстере (см.: <http://ntvmr.uni-muenster.de/manuscript-workspace/?docid=40046>).

На л. 1 об. кодекса есть выполненное золотом, скорее всего, одним из писцов, изображение креста с вписанной в него надписью без диакритических знаков: «Βασίλειον κρατος». Эта надпись стала основным ориентиром для более точной датировки рукописи. На основе этого своеобразного экслибриса с именем правителя К. Вайцман предположил, что манускрипт был создан для основателя Македонской династии Василия I (867–886), ограничив годы создания рукописи годами правления этого императора (*Weitzmann K. Ein kaiserliches Lektionar einer byzantinischen Hofschule*. Wien; Wiesbaden, 1959. S. 309–320 (перезд.: *Weitzmann K. Byzantine Liturgical Psalters and Gospels*. L., 1980. VIII. S. 309–320)). Такая же датировка кодекса существует в трудах А. Якобини, который поддерживает точку зрения К. Вайцмана (*Iacobini A. Il segno del possesso: committenti, destinatari, donatori nei manoscritti dell'età macedone // Bisanzio nell'età macedoni: forme della produzione letteraria e artistica / A cura di F. Conca e G. Ficcadori*. Milano, 2007. P. 154–155).

Однако, Г.Р. Парпулов попытался датировать рукопись Nearol. gr. 2* второй половиной X в. и обосновать ее принадлежность Василию Лакапину по прозвищу Ноф (ок. 925 – ок. 985) (PmbZ # 20925), незаконнорожденному сыну Романа Лакапина, внуку и паракимомену при Константине VII Багрянородном и последующих императорах, включая Василия II Болгаробойцу (*Parpulov G.R. Two more manuscripts for Basil the Bastard // Byzantine and Modern Greek Studies*. 41 (2). 2017. P. 305–306).

Между тем, палеография и декорация этой рукописи не оставляют сомнений в ее датировке IX в. Кодекс написан крупным вертикальным библейским маюскулом тремя писцами: I писец – л. 1–29, 46–50 об.; II писец – л. 30–45, 51–156, 166–182; III писец заостренным вертикальным маюскулом написал л. 157–165. В кодексе почти отсутствуют диакритические знаки. Такая редкая нерегулярная диакритика в маюкульной рукописи второй половины X в. невозможна (*Фонкич Б.Л. К вопросу о датировке греческих маю-*

скульных рукописей IV–X веков (Предварительные наблюдения) // Синайский кодекс и памятники древней христианской письменности: традиции и инновации в современных исследованиях. СПб., 2012. С. 89–97 (переизд.: *Фонкич Б.Л.* Исследования по греческой палеографии и кодикологии: IV–XIX вв. М., 2014. 2. С. 19–27)). Эпизодически надстрочные знаки использовались всеми тремя писцами. В рукописи присутствует весь набор этих знаков, однако по мере продвижения работы писцы отказываются от их использования. Скорее всего, это связано с особенностями текста, – простого, ясного (от 8 до 13 букв в строке, 9–10 строк на странице) и небольшого по объему, – который как раз легко воспринимается глазом и без диакритики. Мнение Г.Р. Парпулова о том, что это экфонетические знаки, ошибочно.

В кодексе использована стандартная простейшая декорация заставок рукописей IX в. В ней нет никаких признаков т. н. «лепесткового стиля», как думает Г.Р. Парпулов.

Наконец, следует обратить внимание на семантику владельческой маюскульной надписи «Βασίλειον κράτος». Полисемантический политический концепт «τὸ κράτος» (*Liddel H.G., Scott R. Greek-English Lexicon. Oxford, 1996. P. 992*) был исключительно важен для идеологии Македонской династии. Его основное значение предполагало личную суверенную власть *par excellence*. В Византии такой властью обладал только император, а не сколь угодно могущественный придворный. Есть показательный пассаж в программном для Македонской династии тексте «Житии Василия I Македонянина», где его внук Константин VII представлен как тот, кто принял «τὸ κράτος» своего деда (*Chronographiae quae Theophanis Continuati nomine fertur Liber quo Vita Basilii Imperatoris amplectitur / Rec. Anglice vertit indicibus instruxit Ihor Ševcenko. Berlin, 2011. S. 174 (48.56)*). А судя по трактату «Об управлении империей», Константин VII обозначал свое суверенное правление до прихода к власти Романа I Лакапина и после потери им трона, как «первую» и «вторую» автократии (*Constantine Porphyrogenitus. De administrando Imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik. English transl. by R.J.H. Jenkins. Washington D.C., 1967. P. 252 (51.136)*). Наконец, пурпурный кодекс в Византии мог принадлежать только императору, а не незаконнорожденному сыну «скифянки» внуку Василию Нофу.

Топография столичных торжеств в 1917 года

Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-39-00080 мол_а

Жизнь улиц Петрограда и Москвы в 1917 г. была крайне насыщенной: именно здесь вершилась судьба революции, из уст в уста передавались последние новости и проходили первые торжества новой России, называемые «праздниками свободы». Они являлись неотъемлемой частью революционного процесса и могли характеризовать его кульминационные точки, как самые радостные, так и наиболее печальные.

Широкое распространение в 1917 г. получила такая форма празднеств как митинг-концерт, «в котором форма политического собрания сочеталась с концертно-зрелищной программой» (*Генкин Д.М.* Массовые праздники. М., 1975. С. 35). Митинги-концерты проводились в помещениях различной вместимости (в бывших императорских театрах, великокняжеских резиденциях, в кинематографе, учебных заведениях и т. д.), а просто митинги или собрания – в основном на центральных площадях, где трибунами для выступавших нередко оказывались имперские памятники.

Схожим видом празднеств были встречи политических деятелей, завершавшиеся ораторскими выступлениями или теми же митингами-концертами. Одной из наиболее подробно описанных в воспоминаниях осталась встреча В.И. Ленина на Финляндском вокзале. Петроград и Москва приветствовали также Г.В. Плеханова, П.А. Кропоткина, Е.К. Брешко-Брешковскую и др. Между столицами и фронтом с «зажигательными речами» перемещался А.Ф. Керенский, выступали другие представители новой власти и просто активисты.

Митинги-концерты несли важный эмоциональный заряд, но, как правило, оставались локальными событиями, в которых задействовалась лишь часть столичной территории. Однако были торжества, объединявшие город в едином порыве. Для Москвы – это «истинный праздник» свободы 1–4 марта 1917 г. 1 марта чтецы с красными флагами и рупорами зачитывали телеграммы из Петрограда, Кремль оставался закрытым, но людской поток все равно двигался в центр – к зданию Думы. Наибольшее количество собравшихся находилось на Воскресенской, Лубянской, Театральной площадях и шире – в пределах Бульварного кольца (сказывалась радиально-кольцевая планировка города). По свидетельству очевидцев, на улицы высыпало до 1 млн. человек, но при этом сохранялся поразительный порядок.

тельный порядок (*Окунев Н.П. Дневник Москвича, 1917–1924. Кн. 1. М., 1997. С. 14–18*). Тогда еще присутствовала иллюзия «бескровной» революции. Однако вопросы безопасности при скоплении большого количества людей требовали повышенного внимания, что лишний раз подтвердила не вполне удачная попытка проведения в те дни всенародного молебна и парада войск на Красной площади.

Приметой времени были похоронные демонстрации. Самая масштабная из них (претендовавшая на статус общенациональной) прошла в Петрограде – похороны жертв революции 23 марта 1917 г. Вопрос о месте и времени похорон вызвал живые дискуссии среди организаторов. В качестве возможных локаций назывались Марсово поле, Казанский собор, Таврический сад, Дворцовая площадь, Знаменская площадь и Летний сад. Обсуждался вопрос децентрализации (похороны по районам) и централизации торжества (этот вариант возобладал). Местом захоронения была выбрана Дворцовая площадь, но под напором общественности (с подачи Комиссии по делам искусств) локация была изменена в пользу Марсова поля. Похороны объявлялись всенародными и общегражданскими (т. е. без участия Церкви) (Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. Ленинград, 1991. С. 143–144, 146, 151–152, 180–182, 196, 242–244).

Согласно опубликованному «Церемониалу похорон жертв революции», колонны участников формировались от Василеостровского района, Петроградской и Выборгской стороны, Нарвского, Невского и Московского районов, а затем по указанным маршрутам следовали к Марсову полю (*Правда. 1917. № 15. С. 2*). Таким образом, разделенные процессии имели единый пункт пересечения, но не задерживались в нем. Печальное торжество объединялось ритмичностью и практически безостановочностью движения. Данный подход отличался от принципа построения императорских похоронных процессий, имевших общий вектор следования, но в то же время чем-то напоминал перемещение крестных ходов. Гораздо более продуманным было вовлечение участников шествий. Кроме того, после Ходынки наметилась тенденция к децентрализации площадок имперских торжеств, в данном же случае, хоть и не без некоторых колебаний, организаторы взяли на себя ответственность по обеспечению порядка.

Главным «праздником свободы» 1917 г. по праву назывался Первомай (18 апреля). В Москве большая часть города превратилась тогда в площадку для празднований: от Красной площади и центральных улиц до более отдаленных районов (Петровский парк, Сокольники, Воробьевы горы) – повсеместно устраивались митинги под открытым небом. Аналогично проводилось торжество в

Петрограде, только центральной магистралью здесь являлся Невский проспект: «Весь Невский, на всем протяжении, был запружен толпой. <...> Собирались вокруг того или иного центра плотные кучки и рассеивались вновь. Никто никуда не спешил; никто не вышел сюда ни за делом, ни для официального торжества. Но все *праздновали*, и все впервые вышли сюда – на люди, в толпу, на улицу своего города – со своим праздником и занимались здесь своими делами». Невский определялся как «завоеванный народом» (Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. М., 1991. С. 96). Тот же мотив «завоевания» повторился во время Июльского кризиса 1917 г., только уже в несколько другом контексте (Колоницкий Б.И. Политическая топография Петрограда и революция 1917 года (Невский проспект) // Исторические записки. М., 2003. № 6 (124). С. 336–338). Череда следующих торжеств настала уже после Октября 1917 г.

Большевики рассматривали историю советских празднеств с 1918–1919 гг., называя торжества 1917 г. «специфически окрашенными», хотя и признавали их влияние на более поздние формы массовых шествий (Массовые празднества. Ленинград, 1926. С. 55–56). Вместе с тем, по многочисленным свидетельствам очевидцев, именно в торжествах 1917 г. можно было почувствовать тот самый «дух свободы», во имя которого совершалась революция.

А.Л. Лифшиц, к.филол.н., доц.
ФГН НИУ ВШЭ (Москва)

«Каждый пишет, как он слышит»: об особенностях письма «Евангелия Горчаковых» рубежа XIV–XV веков

В Научной библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова с конца 1950-х гг. хранится рукопись Евангелия-апракос (НБ МГУ. № 1367; см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг. XIV в. Вып. 1. М., 2002. № 185), многие особенности которой делают ее уникальной.

Эта рукопись «в лист» традиционно датируется XIV веком, она существенно обрезана при позднейшем переплетении, написана крупным уставом в два столбца по 20 строк на странице. Иными словами, это – древнерусское напрестольное Евангелие, каких сохранилось относительно немало.

На замечательную графико-орфографическую систему рукописи первой обратила внимание О.А. Князевская (см.: Князевская О.А., Кобяк Н.А. Древнерусская рукопись середины XIV в. № 1367 из библиотеки МГУ // Мир старообрядчества. Вып. 4. М., 1998. С. 413–419). Примеры из этого кодекса использовал А.А. Зализняк

(Зализняк А.А. «Мерило праведное» как акцентологический источник // Зализняк А.А. Труды по акцентологии. Т. 1. М., 2010. С. 562 и след.). Удалось установить нетривиальное бытование рукописной книги в XIX столетии (Кобяк Н.А. Евангелие библиотеки Московского университета: подделка или поиск авторитета? // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. М., 2004. С. 187–200). Однако некоторым особенностям кодекса не было до настоящего времени уделено достаточно внимания.

Прежде всего, рукопись, содержащая 192 л. древнего пергамена, имеет лишь широкую датировку XIV веком, что было бы легко объяснимо, если бы перед нами был фрагмент книги. К сожалению, рукопись Горчаковых не с чем сравнивать – она единственная представляет собой письменность большого региона.

При этом рукопись, принадлежавшая Горчаковым, сохранилась в достаточном объеме, чтобы можно было сделать наблюдения над ее письмом: по характеру каллиграфических и декоративных элементов письма, по несомненному знакомству переписчика с младшим полууставом она может быть отнесена к рубежу XIV–XV столетия, хотя не содержит признаков Второго южнославянского влияния, а по ряду орфографических особенностей, по начеркам отдельных графем может быть сочтена достаточно архаичной. Так, переписчик в ряде случаев демонстрирует зависимость от протографа, вероятно раннего, из которого в текст памятника попадают графические архаизмы, такие, например, как использование а-йотированного после мягких согласных.

Предлагаемая датировка, тем не менее, едва ли может быть сочтена окончательной или по-настоящему удовлетворительной.

Кроме того, рукопись из Научной библиотеки МГУ является уникальным свидетельством особого стиля книжной орнаментики в юго-западной Руси рубежа XIV–XV вв. Многие декоративные элементы этой книги вполне вписываются в картину развития (старо)византийского орнамента на территории Древней Руси, однако ряд инициалов и особенно заставки рукописи разительно отличаются от всего, что мы можем видеть в других сохранившихся памятниках письменности. Вероятно, можно говорить об использовании в оформлении книги фольклорных орнаментальных мотивов.

Но главная особенность рукописи, пожалуй, состоит в том, что ее переписчик не скрывает не только характерные черты своего живого произношения («новый ять», фонема о-закрытое, билабиальный W и пр.), но неправдоподобно (для переписчика евангельского текста) небрежен в своей работе.

Он, вероятно, спешит, поскольку текст изобилует пропусками строк или, наоборот, их повторами, изобличающими отсутствие у писца навыков переписывания или неиспользование простейших приспособлений для фиксации внимания. Он явно не слишком хорошо знает новозаветную историю, поэтому некто приступает не к апостолу Филиппу, а вдруг против всякого ожидания – «къ Пилату. иже бе от Вифъсаиды Галелеискыя». Вместо Левия Фаддея (*Левеосъ Фадеосъ) встречаем наполовину бессмысленное имя «Келевосъ Фадивосъ»; множество зачал переписчик приписывает евангелисту Матфею, хотя традиция склонна считать авторами некоторых из них Марка, Луку, Иоанна и т. д. С другой стороны, переписчик с готовностью исправляет мнимые ошибки предшественника, и тогда в рукописи возникают «ведра» вместо «одров», пропадают отрицательные частицы, что меняет смысл иной притчи на противоположный; в отдельных случаях смысл можно установить, лишь сравнивая чтение рукописи с изданными образцовыми текстами.

Очевидно, рукописи с таким количеством ошибок, как в «Евангелии Горчаковых», неминуемо должны были исключаться из обихода. При том, какова общая сохранность древнерусского рукописного фонда, их в принципе не должно было сохраниться.

«Евангелие Горчаковых» тем самым оказывается исключительным примером того, насколько непрехотливым могло быть обычное древнерусское православие того времени – судя по утратам, по следам воска и загрязнениям писчего материала, этот кодекс активно использовался в богослужении.

*Д.В. Лобанов, методист
ЦМ ВОВ 1941–1945 гг.*

Саркофаги Плещеевых в Донском монастыре

За алтарной частью Малого собора Донского монастыря сохранились два саркофага с гербами Плещеевых на торцах. Упоминание об одном из них было опубликовано в конце XVIII в.: 1777 г. «Сентября 13, Подпорутчика Лавра Ферапонтовича Плещеева» (Путеводитель к древностям и достопамяностям московским / Составление, статья С.С. Илизарова. М., 2009. С. 317). Вошло оно и в трехтомный «Московский некрополь», но с другой датой смерти – 13 февраля 1777 г., «жил 51 г. 1 м. 1 д.» (Московский некрополь / Сост. В.И. Сaitов, Б.Л. Модзалевский. Т. 2. СПб., 1908. С. 427). Здесь с датой явная ошибка, на саркофаге стоит дата 13 сентября.

Кем же был, погребенный в Донском монастыре Лавр Ферапонтович Плещеев? Е.И. Елагина в написанной ею семейной хронике

пишет, что «Анастасия Ивановна Плещеева была собственно заму-
жем за Лавром Ферапонтовичем. Но это узнали только на его похо-
ронах, имя его скрывали, чтобы никто не испортил его; все думали,
что его зовут Алексей Александрович. Он был мартинист и после-
дователь Новикова. Об нем слышала я, что он много переводил
книг и всякий год в конце все сжигал написанное им» (Воспомина-
ния Екатерины Ивановны Елагиной и Марии Васильевны Беэр //
Российский архив. История Отечества в свидетельствах и докумен-
тах XVIII – XIX вв. Т. XIV. М., 2005. С. 284). А.И. Плещеева, урож-
денная Протасова, свояченица Н.М. Карамзина, действительно бы-
ла женой премьер-майора Алексея Александровича Плещеева, но
он и его жена были в оппозиции к кружку «московских мистиков»
(Воспоминания Екатерины Ивановны Елагиной... С. 317).

Здесь произошла ошибка. Е.И. Елагина перепутала отца с сы-
ном. В монастырском некрополе был погребен отец Алексея Алек-
сандровича подпоручик Александр Алексеевич Плещеев (1726–
1777), сын сенатора, тайного советника, московского губернатора
Алексея Львовича Плещеева (1681–1740). Это соответствует и би-
лету о погребении – «умершее тело подпорутчика Александра Пле-
щеева ... в Донском монастыре погребсти позволено сентября 14
1777 г.» (ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 4925. Л. 23). Здесь приве-
дено подлинное имя Плещеева. На саркофаге же масонское имя.
Можно предположить, что именно Александр Алексеевич мог быть
близок в последние годы своей жизни Н.И. Новикову, когда тот в
1775 г. был принят в ложу «Астрея» сразу в третью, мастерскую
степень. День рождения А.А. Плещеева можно установить по ар-
хивному описанию памятника – 11 августа 1726 г. (ЦГА Москвы.
Ф. 421. Оп. 1. Д. 7280. Л. 207).

А.А. Плещеев был похоронен рядом с сестрой девицей Анной
Алексеевной Плещеевой. Имя А.А. Плещеевой не вошло ни в спи-
сок «Путеводителя к древностям и достопамяностям московским»,
ни в «Московский некрополь». К сожалению, надпись на ее сарко-
фаге плохой сохранности, но даты жизни можно установить по ар-
хивному описанию памятника – родилась 15 июля 1727 г., умерла
15 августа 1776 г. (ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7280. Л. 206 об.–
207). Интересно отметить, что согласно тому же архивному описа-
нию слева от могилы А.А. Плещеевой были позднее утраченные
памятники Сумароковых: русского поэта, драматурга Александра
Петровича Сумарокова (1717–1777) и его третьей жены Веры Про-
хоровны (1743–1777) (ЦГА Москвы. Ф. 421. Д. 7280. Л. 206 об.).
Памятник А.П. Сумарокову, поставленный в 1950-х гг. Моссовете-
том, сейчас находится на участке Щепкиных (*Домбровский И.Е.*
Некрополь Донского монастыря. М., 2007. С. 44).

Юридически закреплённое описание герба Плещеевых вошло в первую книгу «Общего гербовника дворянских гербов Всероссийской империи»: щит разделён вдоль на две части, в правой в серебряном поле виден до половины орёл с золотым на главе его венцом, в левой части в голубом поле выходящая из облака в латы облечённая рука с мечем (Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. I СПб., [1798]. № 44). Представленные на саркофагах гербы вполне схожи с Высочайше утвержденным описанием. Но, в отличие от «Общего гербовника», геральдические знаки поменялись местами: в правой части помещена выходящая из облака облечённая в латы рука с мечем, в левой части – орёл с золотым на главе его венцом. Учитывая то, что герб Плещеевых не вошел в Гербовник А.Т. Князева 1785 г., можно сделать предположение, что на саркофагах представлен самый ранний вариант герба Плещеевых, предшествующий официальному его утверждению 1 января 1798 г.

Одной из причин выбора Плещеевыми Донского монастыря как места погребения, как нам представляется, было их близкое родство с женой царевича Александра Арчиловича Имеретинского (1674–1711) Гликерией Ильиничной (Элизбаровной), урожденной княжной Давыдовой (Давиташвили) (ум. 1720), погребенной вместе с мужем в Сретенской церкви Большого собора. Так, дочь Александра Алексеевича Плещеева Анна Александровна была замужем за ротмистром Филиппом Алексеевичем Кар (1734–1809), племянником княгини Евдокии Филипповны Давыдовой, урожденной Кар, муж которой князь Федор Ильич (Элизбарович) Давыдов был родным братом княгини Гликерии Ильиничны Имеретинской (*Думин С.В., Гребельский П.Х.* Дворянские роды Российской империи. Т. 3. М., 1995. С. 79).

М.Г. Логотова, к.и.н., с.н.с.

ОР РНБ

Роль рукописной книги в истории «Нового благочестия»

Отправной точкой возникновения самого успешного движения Позднего Средневековья *Devotio Moderna* («Новое благочестие», Нидерланды, Германия, конец XIV–XV вв.) стала проповедь его основателя, нидерландского патриция Герта Грооте (1340–1384), однако конституировалось движение уже после смерти Грооте. «Новое благочестие» составилось из двух организационных структур: полусветских общин братьев и сестер общей жизни (более двухсот домов в нидерландских и немецких городах) и монастырей августинских уставных каноников Виндесгеймской конгрегации

(97 монастырей в конце XV в.). Движение ставило целью восстановление норм жизни первоначальной апостольской Церкви и исправление общества, достигаемое непрестанной работой отдельного индивида над своим внутренним человеком на путях следования Христу, а также передачей этого опыта другим людям. Первая община братьев общей жизни составила из священников и клириков, переписывавших книги для Герта Грооте. Связь «Нового благочестия» с рукописной книгой (проповедь словом написанным) была изначальной и пронизывала все стороны деятельности братьев общей жизни и виндесгеймских каноников. Переписка необходимой обществу этико-религиозной литературы не позволяла распадаться стихийно возникавшим общинам последователей Грооте, и именно этот фактор, переписка книг, обеспечил успех и длительность – более столетия – действенной фазы этого движения. В преддверии появления книгопечатания деятели «Нового благочестия» чутко уловили потребность общества в расширении средств религиозной информации и потому проповедовали словом не только устным, но и письменным тоже. Перепиской уже известных произведений и сочинением новых они предоставляли современникам необходимую духовную пищу – обращенную к личности верующих и доступную их пониманию религиозную литературу, в том числе на народных языках. В конце XIV в. виндесгеймский каноник Ян Скуткен перевел на нидерландский язык все книги Нового Завета.

Созданные в скрипториях «Нового благочестия» рукописные книги читались. Наиболее востребованным стало сочинение Фомы Кемпийского (1379/80–1470) «О подражании Христу»: сохранилось более 800 рукописных списков на латыни и на национальных языках, были напечатаны 80 инкунабульных изданий. С распространением книгопечатания рукописная книга утратила свое прежнее значение, и *Devotio Moderna* уступило место новым религиозным и культурным феноменам.

А.А. Лукьянов
Генеалогическая ассоциация РОИА

О незаконной дочери великого князя Георгия Александровича

При работе с документами фонда великого князя Георгия Александровича (1871–1899) (ГАРФ. Ф. 675) была обнаружена дневниковая запись от 9(21) февраля 1896 г., в которой великий князь пишет о рождении дочери.

«День был отвратительный: дул весьма свежий о[ст] и по временам шел дождь; одним словом гадость. Получил от Мадленки письмо, в котором она пишет, что 11-го января у неё родилась дочь.

Вот приятный сюрприз, можно сказать. Адовая челюсть. Нечего сказать удивила, в папаши произвела! Благодарю! До завтрака читал, а после одного тоже читал, а после чая опять читал, а также написал М. письмо. Петя уехал в Ниццу ночевать. После обеда читал и играл на мандолине. Лёг спать около 11 часов» (ГАРФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 13. Л. 40).

Жоржетта Клэра Жеромина Бланшар (Blancher) родилась в Марселе 11(23) января 1896 г. Её мать – французская подданная Шарлотта Жеромина Мадлена Бланшар (родилась в Ницце 26.10.1878 г.) находилась в кратковременной связи с великим князем во время его пребывания в Алжире в апреле 1895 г., о чём свидетельствуют дневниковые записи от 2(14) апреля – 25 апреля (07 мая) 1895 г. (ГАРФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 12. Л. 92–116).

При изучении документов фонда «Кабинет Е.И.В. Министерства императорского двора» (РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 36, 113) выяснилось следующее. 1 сентября 1900 г. из Кабинета Е.И.В. в ведение французского посольства в Петербурге чиновником для особых поручений при министре императорского двора, гофмейстером, тайным советником Смельским был передан капитал в 100 000 рублей, в пятипроцентных банковских облигациях, с условием хранения в Государственном банке, с тем, чтобы распоряжением посольства выдавались проценты с него, по 6000 французских франков, французской подданной, проживающей в городе Ницце, г-же Шарлотте Жеромине Мадлене Бланшар, остаток же процентов капитализировался в Петербургском отделении Лионского Кредита (Crédit Lyonnais), для передачи дочери г-жи Бланшар, девице Жоржетте Клэре Жеромине, при достижении ею совершеннолетия. В 1911 г. французское посольство заявило, что Жоржетта Бланшар достигла в январе текущего года пятнадцатилетнего возраста, и что ввиду увеличившихся расходов по воспитанию и образованию её, мать той девицы ходатайствует о добавлении ей к получаемому уже содержанию еще 700 франков в год до совершеннолетия дочери из той части процентов, кои капитализируются. К 1911 г. капитал, предназначенный для девицы Жоржетты Бланшар, достиг 22 600 рублей. Совершеннолетие наступит в январе 1917 г. Министр императорского двора, генерал-адъютант барон Фредерикс наложил резолюцию: «Препятствия к удовлетворению ходатайства г-жи Бланшар не встречается».

Отметим, что некоторые из этих документов ранее использовались историком И.В. Зиминым при написании книги «Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. Повседневная жизнь Российского императорского двора» (Москва, 2011. С. 385). Приведём цитату: «Иногда характер выплат из средств Кабинета свиде-

тельствовал о неких скандальных семейных историях, суть которых не расшифровывалась даже в служебных документах с грифом «Секретно». Например, в 1900 г. по высочайшему повелению из средств Кабинета Е.И.В. был образован капитал в 100 000 руб. в 5 %-ных банковых облигациях. Этот капитал передали в распоряжение французского посольства в Петербурге с условием, чтобы он хранился в Государственном банке. С этого капитала отчислялись проценты (по 6000 франков в год) для некой г-жи Бланшар, французской подданной, проживавшей в Ницце. На эти деньги Бланшар должна была растить свою дочь Жоржетту. По достижении совершеннолетия весь капитал в 100 000 руб. должен быть передан именно Жоржетте. Видимо, Николай II, выделяя огромные деньги, был прекрасно осведомлен, кто из великих князей являлся отцом этой «девицы Жоржетты», родившейся в Ницце 23 января 1896 г. Можно даже полубопытствовать, кто из великих князей с такими «приключениями» отдыхал в Ницце в начале 1895 г. Всё указывает на женолоба великого князя Алексея Александровича, дядю Николая II».

В свете вышеизложенного гипотеза об отцовстве великого князя Алексея Александровича документально опровергается.

*Е.А. Ляховицкий, к.и.н.
зав. ЛКИиНТЭД ОР РНБ*

**К технологической характеристике древнерусских
пергаменных кодексов XV в.: следы волосяного покрова
(на материалах датированных кодексов собрания
Отдела рукописей РНБ)**

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 17-29-04157 офм _м

Настоящий доклад представляет некоторые результаты комплексного исследования датированных древнерусских пергаменных кодексов XV в., находящихся в фондах Отдела рукописей РНБ (всего было исследовано 16 кодексов). В число основных направлений этого исследования входило изучение артефактов производства, среди которых одну из наиболее информативных групп следов представляют остатки волосяного покрова.

В исследованных кодексах они представлены, во-первых, следами волосяных луковиц, зачастую – с остатками волоса, во-вторых, собственно сохранившимися волосами (нижними частями волосяного стержня). Последние редко встречаются на поверхности пергамена и выявлены только в Лестнице собр. М.Н. Погодина 73. Однако во всех без исключения исследованных кодексах удалось

выявить отверстия, на краях которых наблюдается сохранившаяся шерсть. Надо полагать, что такого рода сохранность волос является обычной для древнерусских пергаменных кодексов, по крайней мере XV в. Это обстоятельство представляется весьма значимым для перспектив исследования пергаменов: структура волоса является важным маркером вида животного. Еще более важно то обстоятельство, что сохраняющаяся в волосе генетическая информация (ядерная ДНК в луковице волоса, рибосомное ДНК в его стержне) дает возможность реконструкции популяционной истории, что открывает возможности для датировки и локализации пергаменных кодексов, а также для истории животноводства в России. При этом сохранившиеся на краю отверстия волосы не являются, в отличие от собственно пергаменного листа, сколько-нибудь значимой частью кодекса и могут быть безболезненно удалены из него.

Интересные результаты дает анализ частотности следов волосных лукович, которые фиксируются простым наблюдением. По этому параметру кодексы можно разделить на три группы:

а) с очень редкими следами лукович: процент листов, где они фиксируются от общего объема рукописи, — от 0,49 до 4,24 %;

б) со средней частотой: от 7,89 до 10,8 %;

в) с высокой частотой: от 19,06 до 45,6 %.

В хронологическом распределении этих групп прослеживается определенная тенденция: среди восьми рукописей, относящихся к 1390-м — 1420-м гг., представлены четыре кодекса с высокой частотой (Собр. Погодина 26 (1391 г.), 73 (1421 г.), 45 (1422 г.); ОСРК. Фп. I. 41 (1397 г.)) и только два с низкой частотой (ОСРК. Qп. I. 31 (1406 г.); Соф. собрание 399 (1411 г.)). Особенно нужно отметить присутствие среди первых роскошного Апостола 1391 г., одного из шедевров древнерусского книжного искусства.

Напротив, среди восьми рукописей, относящихся к 1430-м — 1460-м гг., находятся пять с низкой частотой (Соф. собр. 191 (1438 г.), 196, 200 (1441 г.), 201 (1464 г.), собр. Погодина 18 (1463 г.)) и только две рукописи с высокой частотой (ОСРК. Фп. I. 48 (1431 г.), Соф. 207 (1439 г.)). При этом, первый из них в целом выполнен на весьма низком уровне, о чем говорит, в частности, систематически встречающаяся в этом кодексе «надстройка» листов путем пришивания кусков пергамена к полям основного листа. Второй кодекс также характеризуется довольно небрежным письмом и отсутствием какой-либо орнаментации. Эти обстоятельства дают почву для предположения о смене отношения книжников к наблюдаемым на пергамене волосным луковичам после первой четверти XV в., которое должно быть проверено на более представительном массиве кодексов.

С точки зрения расположения волосяных луковиц, в исследованных кодексах имеются два варианта. В подавляющем большинстве рукописей наблюдаются хаотично расположенные следы волосяных луковиц округлой формы с небольшими вариациями по размеру. Такое расположение указывает на то, что в качестве сырья пергамена использовались шкуры крупного рогатого скота (см.: *Michel A. Skin deep: an outline of the structure of different skins and how it influences behavior in use. A practitioner's guide // Why Leather? The material and cultural dimensions of leather. Leiden, 2014. P. 32; Melzer E.A. Medieval Parchment: the analysis of manuscripts from the State Library of Victoria. University of Melbourne, 2017. P. 56*). Преобладание коровьего пергамента хорошо коррелирует с археологическими данными о животноводстве древней Руси, надежно устанавливающими тот факт, что именно крупный рогатый скот являлся основной животноводческой культурой, и, соответственно, его шкуры являлись основным кожевенным сырьем (см.: *Курбатов А.В. Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортмент кож средневековой Руси // Stratum Plus. № 5. 2010. С. 171–172*).

В четырех поздних пергаменных кодексах (Соф. 191 (1438 г.), Соф. 196 (1441 г.), Соф. 201 (1464 г.) и Соф. 205 (1463 г.)) наблюдаются расположенные рядами следы продолговатой формы двух размеров. Такой характер следов волосяных луковиц указывает на выделку пергамента из кож коз (см.: *Michel A. Skin deep... P. 36; Melzer E.A. Medieval Parchment... P. 56*).

*М.С. Маадыр, к.и.н., ст. преподаватель
Тувинский государственный университет*

Архивные документы по истории книжной культуры Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.)

Цель данного доклада – представить обзор книжных памятников и документов архивохранилищ, содержащих сведения о книжной культуре Республики Тыва, входящей в состав Сибирского федерального округа РФ. Особый интерес представляет небольшой отрезок времени в XX в. – с 1921 по 1944 гг., когда тувинцы имели свою государственность, Тувинскую Народную Республику (История Тувы. Т. II. Новосибирск, 2007. 429 с.). Она была одним из трех государств мира, взявших в то время курс на построение социализма, наряду с СССР и МНР. В настоящее время основной массив документов по данной тематике хранится в архивах Республики Тыва. Например, в фондах Научного архива Тувинского института гуманитарных, социально-прикладных и экономических исследований (НА ТИГПЭИ) и Национального музея имени Алдан-Маадыр

Республики Тыва (НМ РТ) сконцентрированы сохранившиеся рукописные книги и ксилографы на восточных языках, привозившиеся в Туву с XIX в. из Монголии, Бурятии, Тибета и Китая. Объем только тибетоязычных работ, хранящихся в НА ТИГПЭИ, достигает 1500 единиц. В фондах НМ РТ еще в 90-х гг. XX в. были обследованы более 900 монгольязычных рукописей (*Маадыр М.С.* Книжные собрания буддийских монастырей Тывы // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. Матер. науч.-практ. конф. Москва, 25–26 ноября 2010 г. М., 2011. С. 61–64). Эти книги использовались в буддийских монастырях Тувы, хранились в личных собраниях отдельных тувинских чиновников, представителей духовенства и у некоторых простых аратов.

В НА ТИГПЭИ, НМ РТ и ГА РТ (Государственный архив Республики Тыва) фондированы также различные виды печатной продукции на монгольском, тувинском и русском языках, выпускавшиеся в 1924–1944 гг. в г. Кызыле, столице ТНР. В указанных хранилищах сосредоточены и печатные издания, привезенные из Москвы, Верхнеудинска и Улан-Батора.

Непосредственный интерес представляют фонды ГА РТ: Р-120 «Министерство культуры ТНР», Р-136 «Тувинское книжное издательство», Р-281 «Областное управление культуры» и Р-30 «Тувинская республиканская библиотека им. А.С. Пушкина». Фрагментарного характера сведения встречаются также в документах фондов 79 «Отдел народного образования Тувинской автономной области», 93 «Президиум Малого Хурала ТНР», 103 «Полномочное и торговое представительство ТНР в СССР», 109 «Ученый комитет ТНР», 140 «Министерство здравоохранения ТНР» и других.

Например, в фонде 136 (имеются 285 ед. хр. за 1937–1984 гг.) содержатся постановления, приказы, Министерства культуры и Совета Министров ТНР, справки, докладные записки, протоколы редакционных совещаний, межведомственные официальные письма, штатные расписания и другие документы. На титульном листе описи указано: «Тувинское объединенное государственное издательство (ТувОГИЗ). Тувоблиздат. Тувинское книжное издательство». Анализ документов и самих книжных изданий показывает, что название «Тувинское книжное издательство» (Тувкнигоиздат) окончательно сформировалось после принятия Тувы в состав СССР (октябрь 1944 г.).

Часть документов этого же 136-го фонда принадлежит Комитету печати, предшественнику Тувкнигоиздата. Комитет создан в 1936 г. и был первым самостоятельным издательским учреждением ТНР (ГА РТ. Ф.136. Оп. 1. Д. 10. Л. 14). Документы свидетельствуют о частой передаче Комитета печати из подчинения одного ведомства

другому в 1939–1943 гг. В 1943 г. он был преобразован в крупную государственную кампанию и получил название «Тувинское объединенное государственное издательство» (Там же. Л. 4). ТувОГИЗу были переданы Государственная типография и Центральный книжный магазин (Там же. Л. 15, 20). Деятельность книжного магазина была рентабельной, за что Минфин ТНР удерживал с него деньги за сверхприбыль (ГА РТ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 9. Л. 166).

В период существования ТНР тувинская книга стала востребованной и на международном уровне. Об этом свидетельствуют документы фонда 103 «Полномочное и торговое представительство ТНР в СССР» (8 ед. хр. за 1934–1941 гг.), в которых имеются неоднократные письменные обращения Библиотеки Конгресса США в Совет Министров ТНР и Представительство ТНР в Москве с просьбой установить книгообмен (ГА РТ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 2. Л. 30; Д. 4. Л. 43; *Маадыр М.С.* США и Тувинская Народная Республика: вопросы книгообмена (по документам Государственного архива Республики Тыва // Библиосфера. 2018. № 2. С. 24–27). Главная американская библиотека желала получать прежде всего законодательные, судебные, правительственные периодические издания. Взамен тувинской стороне Библиотека Конгресса предлагала равноценные американские издания.

Архивные документы свидетельствуют, что имели место «чистки» книжных фондов, связанные с политическими репрессиями, происходившими в стране с 30-х гг. XX в. Разорению и уничтожению подвергались книжные собрания местных буддийских монастырей, первых светских библиотек, Комитета печати и т. д. Основанием для подобных действий послужили вытеснение духовенства из общественной жизни, наличие в печатных изданиях фамилий, публикаций или фотографий «контров» и «врагов народа» (ГА РТ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 2. Л. 55–57; *Маадыр М.С.* Первые библиотеки Тувы: возникновение, уничтожение и возрождение // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 6. № 3. С. 70–73).

В целом, изученные архивные документы позволяют утверждать, что в пространстве книжной культуры ТНР параллельно сосуществовали рукописная и печатная, восточная и западная книги на разных языках. Правда, типографский способ производства печатной продукции зародился в Туве, по сравнению с другими регионами, гораздо позднее – в середине 20-х гг. XX в.

Документы по интересующей нас теме имеются также в федеральных и государственных архивах других субъектов. Например, в ГА РФ, РГАСПИ, Новосибирской и Иркутской областей и т. д. Вполне вероятно наличие сведений по истории книжной культуры Тувы и в архивах Монголии и Китая.

К вопросу о происхождении глоссированного списка конца XII в. Digestum Novum BAV. Pal. Lat. 756

В последнее время исследователи получили возможность детального изучения по цифровым копиям в Интернете тех рукописей, которые в XVI в. составляли великолепную библиотеку пфальц-графов Рейнских в Гейдельберге и значительная часть которых вошла позднее отдельной коллекцией в библиотеку Ватикана. К сожалению, этот подлинный подарок ученым, живущим в «цифровую эпоху», имеет характерные для многих таких изданий изъяны. Исследователей с их акрибией и неспешным стилем работы нередко во Франции, Англии, а теперь и в Германии полностью отстраняют от участия в цифровой публикации, делая ее уделом технического персонала. Так и данная рукопись получила на сайте «Bibliotheca Palatina digital» неожиданную новую датировку XIV в., хотя по письму основного текста и по составу первоначального слоя глосс она не может быть датирована иначе, чем рубежом XII–XIII вв. Другое дело, что на некоторые страницы рукописи позднее уже совсем иным почерком были внесены части законченного комментария Аккурсия, скончавшегося в 1263 г.

Автор доклада пришел к специальному исследованию ватиканской рукописи в рамках изучения традиции глосс к тексту Юстиниановых Дигест выдающегося болонского правоведа конца XII в. Иоанна Бассиана. Ватиканская рукопись содержит наиболее раннюю запись значительного числа глосс, отмеченных знаком Бассиана, причем большей частью отсутствующих в других известных списках Digestum Novum, которые можно датировать временем не позднее середины XIII в. (удалось насчитать и в той или иной мере изучить восемь таких списков).

Внешней отличительной особенностью рукописи является то, что в ней отсутствуют характерные для болонских рукописей рубежа XII–XIII вв. орнаментальные мотивы, которые служили прежде всего выделению слов, выражавших основную тему (argumentum) той или иной статьи Дигест, и, очевидно, помогали студентам в самостоятельной работе с текстом юридического памятника. Налицествует только один декоративный элемент, сближающий рукопись с болонскими рукописями того времени – особое оформление рубрик, где вытянутые вертикали букв и такие же дополняющие их вытянутые штрихи образуют подобие решетки из красных и синих вертикалей.

Несмотря на это возможное подражание одному из художественных нововведений болонских мастеров, можно с достаточной долей уверенности предположить, что рукопись была создана в соседней с Болоньей Модене, где с 80-х гг. XII в. утвердилась своя особая школа ученого права. На многих листах рукописи мы встречаем множество мелких и в то же время детальных глосс Пиллия да Медицина рядом с такими же глоссами Плацентина. Лишь во фрагменте одного итальянского кодекса, по некоторым признакам созданного в Пьяченце в последние десятилетия XII в. (Bruxelles. BRB. Mss II. 1768. f. 5r–6v) можно отметить наличие столь дробных и частых глосс Плацентина. Следует заметить, что Плацентин получил образование в Болонье, но свою деятельность правоведа и учителя права начал в Мантуе, возможно, еще в 60-е гг. XII в., далее действовал на Юге Франции, затем на некоторое время вернулся в Болонью, но скоро обосновался в родной Пьяченце на целых четыре года, а затем опять отправился во Францию, где и закончил свои дни.

Что касается глосс Пиллия означенного типа, то, во всяком случае в списках *Digestum novum*, мы таковых нигде более не встречаем. Хотя Пиллий родился в области Болоньи, в расположенном в 25 км к востоку от нее г. Медицина, учился в Болонье и начал там свою преподавательскую деятельность, около 1180 г. он переселился в соседствующую с ней, но расположенную уже в области Эмилии и соперничающую с Болоньей Модену. В Модене он стал развивать свой подход к толкованию памятников права и к преподаванию ученого права, выдвигая на первый план нужды судопроизводства и активно приспособливая к ним нормы римского права, что выразилось, в частности, в развитии им такого вида учебных упражнений французского происхождения, как *broadcardica*, где общие положения римского права применялись к характерным для средневековой Италии правовым казусам. Он же создал комментарий к своду ломбардского феодального права, *Libri feodorum*, и таким образом ввел его в корпус ученого права. Как важную веху в судьбе Пиллия отметим его вероятное пребывание в Провансе, которое можно датировать временем между 1188 и 1192 гг.

Весьма вероятно, что рассматриваемая рукопись, включая основную и древнейший пласт глосс, была прямой копией экземпляра *Digestum novum*, который принадлежал Пиллию, дополненной записями его экстраординарных лекций (толкование *Digestum novum* не входило первоначально в основную программу) одним из его учеников. Остается открытым вопрос, была ли эта

копия выполнена при жизни Пиллия или же после его кончины, т. е. после 1207 г.

Ранее высказывалось предположение, что в руках Пиллия находился список трех последних книг Юстинианова Кодекса, принадлежавший самому Плацентину. В отношении принадлежавшего Пиллию списка *Digestum Novum*, прототипа нашей рукописи, где так тщательно воспроизведены краткие и вместе с тем детальные глоссы Плацентина, можно думать, что она представляла собой экземпляр, либо заимствованный им у верного ученика Плацентина, либо особо тщательно выполненную копию такого экземпляра. Едва ли речь могла идти о французском прототипе, так как наша рукопись содержит и многочисленные глоссы Иоанна Бассиана, начавшего свою преподавательскую карьеру в Мантуе и связанного с Плацентиним, но никогда во Франции не преподававшего. Верным учеником Плацентина был Оттон из Павии, составивший первый сборник из *brocardica*. У него в Мантуе или Пьяченце учился Карл де Токко, впоследствии прославившийся в качестве комментатора лангобардского права, и тот же Карл учился непосредственно у самого Плацентина.

Предстоит решить, кто из этих двух учеников Плацентина дал в распоряжение Пиллия свой экземпляр *Digestum novum*: Оттон или Карл? Исследователи до сих пор не нашли отражение деятельности Оттона в современных ему документах. Гораздо больше мы знаем о Карле. Его пребывание в Болонье в начале XIII в. не вызывает сомнений, как и предшествовавшая его преподавательская деятельность в Пьяченце. Но нужны новые детальные исследования, чтобы пролить свет на возможные личные связи Пиллия и названных учеников Плацентина.

*А.С. Майорова, к.и.н., доц.
СГУ им. Н.Г. Чернышевского*

Исторические сведения в «Топографическом и историческом описании Саратовской губернии» (1807 г.)

Топографические описания – явление весьма заметное в русской науке, и возникновение их было связано с развитием государственного управления. Предметом государственного управления как научной дисциплины являлось государство в целом. Представители этой дисциплины называли ее также статистикой.

Саратовская губерния как административно-территориальная единица появилась на карте России в 1780 г. Вначале она называлась наместничеством, и вскоре после его открытия приблизительно в 1782 г. было составлено «Описание Саратовского наместниче-

ства». Его автором считается саратовский губернатор И.И. Поливанов (опубликовано в: Исторический и географический месяцеслов на 1785 год. СПб., [1784]. С. 33–72. Рукопись хранится в ОР РНБ. Ф. 50. Ф. IV. 68). Очень близким к нему по содержанию является «Краткое описание Саратовского наместничества вообще и порознь каждой округи, составляющих оное». (РГВИА Ф. ВУА Оп. 1. Д. 19017). Исторические сведения в этих описаниях отсутствуют, целью их составления было выяснение социально-экономического потенциала Саратовского Поволжья. Однако в первом описании упоминаются памятники прошлого – археологические объекты на территории Саратовской губернии.

«Топографическое и историческое описание Саратовской губернии», составленное в 1807 г. под руководством губернатора П.У. Белякова, впервые опубликовано в 2011 г. (Топографическое и историческое описание Саратовской губернии. Волгоград, 2011). О его существовании саратовские историки узнали только в конце XIX в. Позднее его рукопись была найдена П.Г. Любимовым и использована им в одной из своих работ. Саратовскому исследователю М.В. Булычеву удалось выявить два списка данного описания, один из которых положен в основу публикации. Важной особенностью его содержания является наличие исторических сведений о городах и уездах, а также об археологических памятниках и мемориальных объектах на территории губернии и в ее городах.

Сведения по истории Саратовского Поволжья, которые содержатся в названных описаниях, в последнее время вызывают интерес исследователей, изучающих формирование исторической традиции в регионе. Саратовский историк В.М. Захаров указывает на фрагменты «Описания Саратовского наместничества», в которых упоминаются памятники прошлого (*Захаров В.М. Основатели саратовского краеведения* (А.Ф. Леопольдов и Г.С. Саблуков). Саратов, 2011. С. 19–20). Волгоградский исследователь А.Л. Клейтман анализирует характер использования устных источников составителями «Топографического и исторического описания» (*Клейтман А.Л. «Топографическое и историческое описание Саратовской губернии» как памятник провинциальной историографии и исторический источник* // Топографическое и историческое описание ... С. 15).

Составители данного описания использовали разнообразные источники. В нем приведено содержание документов, опубликованных и неопубликованных, об основании городов Саратовской губернии и о важнейших событиях в их истории, а также о преданиях и о вещественных памятниках – остатках военных укреплений и жилищ. Те фрагменты описания, в которых представлены сведения о «достойных замечания остатках древности», показывают их зави-

симость от устной традиции. Особенностью терминологии описания является употребление понятия древность и определения древний к тем памятникам, которые с современной точки зрения таковыми не являются.

Составители описания сопоставляют имеющиеся сведения и высказывают свои суждения об их достоверности. При наличии в городе «достопамятностей», т. е. мемориальных предметов, авторы обязательно называли их и указывали, где они хранятся. Не во всех уездах губернии местная администрация справилась с задачей представить сведения об их «достопамятностях». Наиболее подробные исторические описания посвящены Царицыну, Камышину, Саратову (Топографическое и историческое описание ... С. 73–75, С. 63–66, С. 28–30). Очень краткие сведения имеются об Аткарске, нет исторических сведений о Кузнецке, о Хвалынске и Сердобске. Однако в материалах по Кузнецкому и Хвалынскому уездам встречаем данные о местных «древностях» – археологических объектах (Там же. С. 51–52, 94). Обширная справка посвящена истории колоний иностранных поселенцев (Там же. С. 112–114).

Клейтман справедливо указывает на критическое отношение авторов данного описания к рассказам старожилов, местным легендам и преданиям (*Клейтман А.Л.* Указ. соч. С. 15). Он полагает, что данное описание можно отнести к памятникам историографии, так как оно не только содержит «массив фактического материала», но и предлагает «его авторское концептуальное осмысление». А.Л. Клейтман называет описание уникальным трудом «не только для региональной, но и для отечественной историографии XVIII–XIX вв. в целом» (Там же. С. 17).

Суждение Клейтмана о наличии в «Топографическом и историческом описании» определенной концепции не отражает особенностей структурирования в нем материала. Используемые в этом описании данные расположены по тематическим разделам, характерным для статистических описаний и не претендующим на выстраивание концепции. Описание не подходит под определение памятника историографии – Клейтман совершенно справедливо указал на главную его особенность, характерную для статистических описаний, а именно, на сложный состав представленных в нем сведений. В «Топографическом и историческом описании» исторический компонент не был основным, да и не мог быть таковым.

Тем не менее, значительный интерес представляет разнообразие использованных составителями этого описания источников, а также стремление критически осмыслить устные предания. Следует отметить, что в дальнейшем при составлении подобных описаний их авторы в большей степени опирались на письменные источники.

Очевидно, в первые десятилетия XIX в. в Саратове уже существовали частные библиотеки и архивы местных учреждений.

*И.В. Маркелова, аспирант
ГАУГН*

Записи XVI–XVII вв. на рукописных книгах XV–XVII вв.: к вопросу о методике исследования

Славянские кириллические записи на рукописных книгах стали предметом источниковедческого исследования только со второй четверти XIX в. и особенно во второй половине XX – начале XXI вв.

В XIX в. началась подготовка к публикации многочисленных археографических описаний рукописей (А.Х. Востоков, А.С. Петрушевич, А.В. Горский и К.И. Невоструев, И.И. Срезневский и др.). Эти описания содержат, в том числе, и первые издания текстов записей. Отличительной особенностью этих трудов является большая вариативность в принципах палеографического описания и археографической передачи текстов записей на книгах. В конце XIX – начале XX вв. появились отдельные статьи и монографии, посвященные исследованию записей. Н.П. Лихачев (1900) рассматривал записи с точки зрения их репрезентативности в генеалогических реконструкциях. В.П. Адрианова (1912) исследовала записи, содержащие указания цен на книги и, следовательно, историю формирования книжного рынка в России. А.А. Покровский (1916) установил круг счетчиков Московского Печатного двора в XVII в. и представил реконструкцию сохранившегося книжного фонда псковско-новгородских рукописей XI–XVII вв. В середине XX в. академик М.Н. Тихомиров предложил общие принципы археографической передачи текста записей. Его ученики и последователи продолжили публикацию записей из разных собраний ГИМ и РГАДА, дополнив правила воспроизведения их текстов общими приемами лингвистической, дипломатической и критической транскрипции. В наши дни изучением записей на книгах занимаются Л.В. Столярова, Л.М. Орлова-Гимон, А.С. Усачев и др.

Записи на рукописных книгах можно условно отнести к массовым источникам: 1) в XV–XVII вв. они (как особый вид письменных источников) многочисленны (насчитывается более 1500 текстов); 2) классифицируются по подвидам и разновидностям; 3) некоторые записи удостоверительного и осведомительного подвида (именные, выходные, дарственные (вкладные), купчие) по своей внутренней форме (формуляру) состоят из устойчивых речевых компонентов (шаблонов).

К XVI–XVII вв. в основном сложилась устойчивая традиция оформления некоторых подвидов записей внутри книги (имеются в виду особенности как внешние, сугубо палеографические признаки их письма, так и наличие в них определенных элементов внутренней формы (дата, инскрипция, интитуляция, invocatio, аппрекация, санкции и др.). Последнее уподобляет их по форме и содержанию актовым источникам и позволяет применять к ним элементы формулярного анализа (С.М. Каштанов, Л.В. Столярова).

Предметом моего исследования являются записи XVI–XVII вв. на книгах Священного Писания XIV–XVI вв. Синодального собрания ГИМ, не синхронные основному тексту и свидетельствующие не о происхождении рукописного кодекса, а об истории его бытования и круге чтения в России в XVI–XVII вв., т. е. на заре книгопечатания. Изучаются записи владельцев, читателей, библиотекарей, книгопродавцев, счетчиков, вкладчиков, завещателей, дарителей и пр. Большинство из них опубликованы (А.В. Горский, К.И. Невоструев, Т.Н. Протасьева и др.), некоторые вводятся в научный оборот впервые.

В 95 вкладных и купчих записях на книгах Синодального собрания ГИМ, которые в XVII в. отличаются большой витиеватостью формулировок, вычлениются формулы, в которых фиксировались либо факт церковного пожертвования («дал», «положена бысть» и др.) или сделка (во вкладных записях вводится оборотом «за помин»). Купчие записи оформляют сделку, связанную с приобретением (продажей) книг, и фиксируют смену владельца и цену на книгу. Отличительной особенностью книгохранительных и владельческих записей является их лаконичность. Владельческая принадлежность кодекса оформляется в формулах «Книга Х», «Книга Псалтырь Х», где Х – имя и социальный статус владельца. Гораздо реже встречаются дополнительные сведения, такие как предыстория владения рукописью или обстоятельства ее передачи другому владельцу. Отдельную группу составляют книгохранительные записи Печатного Двора XVII в. Их формулировки практически идентичны, чаще всего меняются только дата их составления и наименование кодекса.

Анализ внутренней структуры и установление повторяющихся компонентов формуляра в записях XV–XVII вв. на рукописных книгах Синодального собрания ГИМ позволяет нам рассматривать их как массовый источник. Этот метод не только облегчает обработку многочисленных данных, но и дает возможность получить недетерминированные результаты в контексте исследования одного из наименее изученных, но весьма информативных источников – славянских (русских) надписей на книгах XV–XVII вв.

Список источников и литературы

Адрианова В.П. Материалы для истории цен на книги в Древней Руси XVI–XVII вв. СПб., 1912.

Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.

Гимон Т.В., Орлова Л.М. Летописный источник исторических записей на пасхалии в рукописи РГБ. 304.I.762 (XV в.) // Источниковедческие исследования. М., 2014. Вып. 6. С. 54–79.

Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855–1869, 1917. Отд. 1–3.

Лихачев Н.П. Летописи и записи в рукописях и на книгах как генеалогический материал. СПб., 1900.

Петрушевич А.П. Акты, относящиеся к истории Южнозападной Руси. Львов, 1868.

Протасьева Т.Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). Ч. 1. М., 1970; Ч. 2. М., 1973.

Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков): Общее повременное обозрение / Предисл. А.Ф. Бычкова. Изд. 3-е, испр. М., 2011.

Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI–XI веков на пергаменных кодексах. М., 1998.

Столярова Л.В., Капитанов С.М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.) М., 2010.

Усачев А.С. Записи на книгах и возможные перспективы изучения массовых представлений в России XVI в. // Румянцевские чтения – 2016: в [2 ч.]. М., 2016. Ч. 2. С. 231–234.

Усачев А.С. Книгописание в России XVI века: По материалам датированных выходных записей. М.-СПб., 2018. 2 Т.

*А.В. Матисон, д.и.н.
зав. сектором ЦГА Москвы*

Отношение представителей дворянских родов к службе в архиерейских детях боярских (генеалогический аспект)

Вопросы правового статуса архиерейских детей боярских в России не столь хорошо изучены, как аналогичные аспекты применительно к государевым дворянам и детям боярским, однако они все же получили определенное отражение в специальной литературе (см., например: *Лохвицкий А.В.* Очерк церковной администрации в древней России // Русский вестник. 1857. Т. 7. [Кн. 2]. С. 209–272; *Каптерев Н.Ф.* Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874). В то же время, совершенно не исследованным остается

вопрос, как сами представители «служилых по отчеству» воспринимали службу при архиерейских домах.

Статус архиерейских детей боярских в XVII в. был ниже, нежели у государевых детей боярских. Согласно «Соборному уложению» 1649 г., возмещение за бесчестие «митрополичим и архиепископим и епископим детям боярским» было приравнено только к членам суконной сотни, посадским и «ямским охотникам» (ПСЗ. Собрание 1. Соборное уложение. Глава 10. № 94, 95).

В начале XVIII в. происходит окончательное снижение значения архиерейских детей боярских: часть из них была отчислена от архиерейских домов, преимущественно в военную службу, другие – записаны в подушный оклад, и только некоторые из них остались в качестве служителей при епархиальных архиереях (*Лохвицкий А.В.* Указ. соч. С. 220; *Каптерев Н.Ф.* Указ. соч. С. 59, 100). Вместе с тем, в 1721 г. на докладе Синода о том, чтобы считать архиерейских детей боярских наравне с дворянами и не включать в подушный оклад, последовала резолюция: «Быть так, которые от шляхетства, считая от деда» (ПСЗ. Собрание 1. Т. 6. № 3854).

Неудивительно, что архиерейские дети боярские (а равно и иные служители) всячески стремились доказать свое происхождение от дворянских родов. Например, в 1702 г. во время проведения переписи Тверского архиерейского дома некоторые из служителей показали, что их отцы и деды служили в архиерейских детях боярских «изстари». В то же время, другие стремились подчеркнуть, что их предки попали в архиерейский дом из государевых дворян. Архиерейский дьяк Федор Андреевич Малечкин утверждал, что его прапрадед дан по государеву указу в архиерейский дом, «а родом он был новгородец и служил Великому Государю по Новугороду по дворянскому списку» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 46. Л. 101 об.). Архиерейский стряпчий Андреян Иванович Раковский свидетельствовал, что его дед дан в архиерейский дом в дети боярские «из дворянского чину и с вотчинкою в Кашинском уезде» (Там же. Л. 107). Другие дети боярские – Максим Семенович Ногин и Алексей Иванович Бибилов, утверждали, что их отцы также были архиерейскими детьми боярскими, а деды служили «во дворянх по городу» (Там же. Л. 108, 270).

Еще более отчетливо эта тенденция проявилась во время подачи сказок первой ревизии в начале 1720-х гг. Государевых дворян показали своими предками сразу несколько тверских семей. При этом они стремились подчеркнуть, что определение на службу в архиерейский дом произошло не по их воле, и на то имелись документы, во всех случаях утраченные. Стряпчий Алексей Иванович Давыдов в своей сказке показал: «А жалованная грамота, с которою дан был

в доме архиерейском дед мой, в Москве в смутное время, как бунтовали стрельцы, с протчими отца моего пожитки у дяди моего стрелянных конюхов у стряпчего Василья Михайлова сына Гунтова взяли, и с таковой грамоты копии, также и с поместей и с вотчин, у меня дедова нет» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3532. Л. 73 об.–74). Сын боярский Петр Борисович Поздеев сообщил: «а в котором городе или уезде оной дед мой Иона был испомещен и жалованная грамота дана ис которого приказу, того сказать не могу, понеже помянутая жалованная грамота и протчие старинные деда нашего письма были во Твери в доме дяди нашего Федора Поздеева, и в прошлом 703-м году оной дядя наш Федор Поздеев со всем домом своим погорел без остатку» (Там же. Л. 125 об.). Сын боярский Герасим Дмитриевич Малечкин показал, что почти все указы и грамоты сгорели, а оставшееся хранилось в доме его дяди – архиерейского дьяка и было «ворами покрадено» (Там же. Л. 127 об.–128). Также и сын боярский Иван Обросимович Пестов сослался на то, что семейные документы сгорели, в том числе и грамота, по которой был «пожалован в дом тверского архиерея» его дед (Там же. Л. 136 об.).

Кроме того, все они стремились поименно назвать своих родственников, по-прежнему остававшихся в государственной службе. Так, Герасим Малечкин свидетельствовал, что «родственники ж наши по фамилии испомещены в Новгородском уезде и служат Императорского Величества в разных рангах» (Там же. Л. 128). В то же время, сами сродники, вероятно, смотрели на службу однородцев в архиерейских детях боярских как на родословную «потерьку». Во всяком случае, представители Бибиковых и Давыдовых, подавая в конце XVII в. росписи в Палату родословных дел, не упоминали лиц, служивших в архиерейских детях боярских (см.: Родословные росписи тверской аристократии конца XVII века (публикация Л.Е. Шабаева) // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2017. Вып. 2. С. 222–226, 233–234). Между тем, по крайней мере, в отношении Давыдовых, подвизавшихся при Тверском архиерейском доме, мы можем с уверенностью утверждать, что они являются одной из ветвей древнего рода, чьи представители подали росписи в Палату родословных дел. Об этом свидетельствуют сохранившиеся материалы об утверждении данной ветви Давыдовых в потомственном дворянстве (*Чернявский М.П.* Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 г. [Тверь, 1869]. С. 55).

Все это позволяет предположить, что представители дворянских родов в XVII – начале XVIII вв. были склонны воспринимать, службу в архиерейских детях боярских не только как менее статус-

ную по сравнению с государственной службой, но даже, в определенной степени, как вредящую родовому престижу.

Т.В. Медведева, к.и.н., с.н.с.

ИСл РАН

**В одном ряду с С.Р. Минцловым и П.А. Зайончковским
(неопубликованные указатели по отечественной
мемуаристике из фондов Пушкинского дома)**

Историки, имеющие дело с источниками личного происхождения, хорошо знакомы с фундаментальными справочниками, увидевшими свет в XX в.: «Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России» С.Р. Минцлова (3 т. 1911–1912); многотомная «История России в дневниках и воспоминаниях» под редакцией П.А. Зайончковского (1976–1989), а также «Указатель воспоминаний, дневников, путевых записок XVIII–XIX вв. (из фондов отдела рукописей)» (Сост.: С.В. Житомирская и др. Под ред. П.А. Зайончковского и Е.Н. Коншиной. М., 1951), «Воспоминания и дневники XVIII–XX вв. Указатель рукописей» (ред. и предисл. С.В. Житомирской. М., 1976).

Тем важнее обратить внимание на работу, в методологическом и содержательном отношении предшествовавшую этим фундаментальным справочникам, а отчасти и дополняющую их. Речь идет о двух неопубликованных трудах Александра Осиповича Круглого (1868–1922), сохранившихся в фонде А.И. Лященко в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома).

Это «Указатель рукописных записок, дневников и воспоминаний» (РО ИРЛИ. Ф. 362. Д. 91. 460 л.), работа над которым велась автором почти до самой смерти, и «Библиография опубликованных воспоминаний» – том с описаниями «Аксаков – Афанасьев» (Там же. Д. 92. 215 л.), предположительно, фрагмент большой работы начала XX в., актуальность которой пропала после выхода книги С.Р. Минцлова.

А.О. Круглый, основатель справочно-библиографического отдела БАН и библиограф-подвижник, проявил себя как историк, архивист, археограф и книговед, знаток частных архивов и книжных собраний (см.: *Елкина Н.Н.* Библиотекарь Русского отделения Библиотеки Академии наук А.О. Круглый // Библиотеки Петербурга – Петрограда – Ленинграда. СПб., 1993. С. 47–57).

Из двух названных рукописей наибольшую значимость имеет «Указатель». Он представляет собой систематизированную по алфавиту авторов картотеку из 460 небольших листов «в четверку», каждый из которых посвящен одному мемуарному памятнику. Ин-

формация для описаний собиралась не только по печатным отчетам библиотек и музеев (Московского публичного и румянцевского музеев, Императорской публичной библиотеки), но и по опубликованным воспоминаниям других лиц, исследованиям, некрологам, а также по указаниям знатоков архивных фондов.

Описания содержат: имена авторов с годами жизни; названия мемуарных произведений с годами, к которым они относятся; указания на источники информации; замечания о формате рукописей, просмотренных *de visu*; аннотации, поясняющие ценность воспоминаний; а также, при наличии, ссылки на использование воспоминаний в современной литературе и сведения об их судьбе (так, у воспоминаний О.С. Павлищевой, сестры Пушкина, была оставлена помета «Сожжены»). Среди персоналий картотеки имена как заметные, так и малоизвестные. Некоторые из воспоминаний были опубликованы. Среди имен на карточках: императрица Александра Федоровна, В.И. Анненкова, О.Н. Асенкова, А.А. Аракчеев, Н.Н. Бантыш-Каменский, М.Б. Барклай-де-Толли, П.С. Билярский, А.Т. Болотов, А.И. Герцен и Н.А. Герцен (Захарьина), С.Н. Глинка, Л.И. Голенищев-Кутузов, Н.И. Греч, К.К. и Я.К. Грот, В.И. Даль, С.Ю. Дестунис, А.А. Закревский, А.А. Измайлов, Н.А. Качалов (чьи записки опубликованы совсем недавно), П.Д. Киселев, Е.П. Ковалевский, княжна Е.А. Ливен, А.Н. Радищев, А.А. Шахматов и еще сотни менее известных авторов.

Собранная информация проверялась Круглым на предмет следующей публикации. «По-видимому, напечатана в Рус[ской] Ст[арине] 1869»; «Напеч.» – встречаются пометы на некоторых карточках. «По-видимому не издан весь. См. мое обозрение» – отмечено возле «Дневника» Ф.В. Чижова (РО ИРЛИ. Ф. 362. Д. 91. Л. 415). Дневники Чижова до сих пор не изданы в полном объеме. Как и дневники «артиллерии капитана» П.О. Яковлева за 1786 г., о которых в аннотации замечено: «Дневники являются драгоценными памятниками домашнего быта великорусских помещиков в конце XVIII века. В них сохранились все мелочи сельской жизни. Не опущены без внимания и некоторые события из боевой жизни автора дневников, к[отор]ый воевал вместе с гр. Румянцевым-Задунайским и участвовал в бою при Кагуле» (Там же. Л. 439–439 об.).

После выхода указателя С.Р. Минцлова проверка на наличие публикаций проводилась и по нему. С ним же была впоследствии соотнесена и вторая, уже строго библиографическая работа, составленная под редакцией А.О. Круглого – «Библиография опубликованных воспоминаний», от которой сохранился начальный том.

Описания опубликованных воспоминаний содержали, как правило, кроме имени автора (или псевдонима с указанием рядом на-

стоящего имени), заглавия и выходных данных издания, еще несколько полей. Каждому автору (от Аксакова до Афанасьева) был отведен один лист картотеки форматом «в четверку», обильно заполненный информацией. Таких листов в рукописи сохранилось более двухсот.

Для некоторых воспоминаний давались аннотации, как краткие («Описывает свое детство» к воспоминаниям Надежды Дуровой, помещенным в «Русском инвалиде»: РО ИРЛИ. Ф. 362. Д. 92. Л. 38), так и пространные, как у «Воспоминаний моряка» Е.И. Аренса, где в обширную аннотацию были включены цитаты из предисловия автора мемуаров (Там же. Л. 149). К некоторым воспоминаниям давались указания на рецензии, вышедшие в периодической печати.

Карточки, заполненные разными почерками, свидетельствуют о коллективной работе над указателем, в которой А.О. Круглый являлся руководителем. Его пометами о соответствии данных картотеки указателю С.Р. Минцлова пестрят почти все описания. Результаты подробного сопоставления выявляют пробелы в указателе С.Р. Минцлова. «Минцлов не упом[инает]» – подписано на многих карточках, на других есть точные номера из справочника Минцлова.

Для большинства воспоминаний указателя проводилась проверка *de visu* (пометы «просм[отрено]»), некоторые исключались после внимательного рассмотрения, как не относящиеся к мемуаристике. Так случилось, например, с «воспоминаниями» сибирского сельского учителя, скрытого псевдонимом И. Ангарский, писавшего в конце XIX в. о «деревенской грешнице» (Там же. Л. 69).

Работа над этим библиографическим указателем не ограничивалась начальными буквами алфавита. Об этом свидетельствуют обороты многих карточек, содержащие черновые описания воспоминаний на другие буквы (вплоть до «Ч» – «Путешествия по Северу России» П.И. Челищева).

Указатели А.О. Круглого отличает системность и тщательность в подходе к составлению описаний – многолетняя деятельность автора-энтузиаста поражает масштабом охвата и сохраняет актуальность до настоящего времени как образец источниковедческой, библиографической и архивной эвристики.

*А.Г. Мельник, к.и.н., зав. отделом
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»*

Службы русским святым как источник по истории почитания этих подвижников благочестия в XIV–XVII веках

Факт появления в какой-то момент службы определенному святому свидетельствует о высоком уровне развития его культа в дан-

ное время. В ряде случаев тексты церковных песнопений, посвященных святым, составлялись раньше соответствующих житий.

Из служб можно извлечь сведения о практиках почитания свя-
тых, социальной направленности их культов, социальных функциях
этих подвижников. В тех случаях, когда святому с течением време-
ни было посвящено несколько служб или служба видоизменялась,
можно проследить, как эволюционировали представления о нем.
Проиллюстрируем сказанное на следующих примерах.

Служба св. Игнатию Ростовскому относится к XIV в. Она при-
зывает все «ростовстии народи» прийти к раке Игнатия, то есть эта
служба была обращена к жителям Ростова. Служба проникнута
мольбами к Игнатию о защите Ростова и о даровании побед «князю
нашему», то есть ростовскому князю. Недвусмысленно говорится и
о том, от кого жаждали защиты ростовцы: от «поганьская нашеств-
вия». Ясно, что имелись в виду татары. У Игнатия также просили
защиты и от междоусобных войн. Как видим, в эпоху монголо-
татарского ига и междоусобиц русских князей основная функция
св. Игнатия заключалась в защите Ростова и помощи в этом ростов-
ским князьям. В тексте той же службы XVII в. слова «князю наше-
му» заменены на «царю нашему».

Служба св. Димитрию Прилуцкому, составленная до присоеди-
нения в 1481 г. Вологды к Русскому государству, представляет это-
го преподобного как целителя больных, защитника Вологды, по-
кровителя русской Церкви, «князей наших», монахов и простых
людей. Но ни разу святой не назван заступником великих князей.
В варианте службы XVII в. св. Димитрий призван был покрови-
тельствовать царю.

В службе, составленной до присоединения Великого Новгорода
к Москве, св. Евфимий Новгородский характеризуется как покров-
итель этого города и целитель больных.

Первая служба св. Феодору Ярославскому, известная по списку
1469 г., была составлена вскоре после включения в 1463 г. Яро-
славля в состав Русского государства и начавшегося в тот же год
почитания этого подвижника. В службе многократно повторяется
просьба к св. Феодору о заступничестве за «свой» город Ярославль.
Значит, культ св. Феодора в значительной степени был тогда обра-
щен к сообществу Ярославля, но важно, что не только к нему. Бук-
вально в первой строке той же службы утверждается, что святой
явился «в Роустей стране». Ярославль же представлен в службе не в
качестве некоего независимого политического центра, а как город
этой страны. В службе фигурируют великий князь, князья «наши»,
очевидно, — ярославские, просто князья, «вельможи», иноки и
«младенствоующии», все верные, т. е., представители всего рус-

ского общества той эпохи, включая московских великих князей. Всем им св. Феодор призван был быть целителем и заступником. Более того, святой «и земле нашей великий помощник и мьногимъ странамъ заступникъ...». Таким образом, культ св. Феодора был наделен и региональной, и общероссийской значимостью. В текстах более поздних служб Феодору, Давиду и Константину Ярославским конца XV – начала XVI в. указанные региональные черты были сведены к минимуму, а общероссийская направленность их культа стала доминирующей.

Св. Алексей, митрополит Московский, в посвященной ему службе середины XV в. прославляется как целитель больных, как покровитель Москвы, как покровитель и защитник Руси, как покровитель Церкви и Русской митрополии, как покровитель московских государей, как помощник князьям и русскому воинству, как хранитель страны от междоусобиц.

В службе на память св. Сергия Радонежского 25 сентября, составленной между 1440 и 1459 гг., преподобный обозначен как опора монашеству и всей Церкви, как целитель недужных, как помощник князю в военных действиях против внешних врагов. Новая служба св. Сергию на 25 сентября содержится в Минее, написанной в Москве в 1505 г. В отличие от предшествовавшей, эта служба более развернута, в ней старые функции св. Сергия существенно переосмыслены и сформулированы новые. Вот их общий перечень: Сергий – «всего мира молебникъ и заступникъ и страж от иноплемениковъ»; «Савы Освященнаго устава наследникъ»; «Феодосия общему житию ревнитель непорочень»; «пастырь Х(ристо)ва стада изрядень»; заступник «всех призывающих и имя его с(вя)тое въ всякихъ скръбехъ»; «священникомъ образъ сугубой»; князьям и воеводам «крепос(ть) противу ратныхъ къ оплчению»; воинам «храбрая дерзос(ть) на врагы иноплемениныхъ»; «плавающимъ окормитель пречюдень явис(я) направляя въ пристанища тихая»; «пленимымъ свободитель»; «мужемъ и женамъ целомудрию наказатель премудръ»; «юношамъ и д(е)вамъ образъ д(е)вства показася»; «всемъ недужнымъ исцеление дарова съ верою приходящимъ къ чудотворному его гробу». Вероятно, эта новая служба была составлена не раньше конца XV – начала XVI в. или около 1505 г. То есть культ св. Сергия был переосмыслен именно в период образования единого Русского государства. В последующем преподобный стал восприниматься как могущественный чудотворец. В списках службы XVI в. он представлен, кроме всего прочего, покровителем русских царей.

Рассмотренные и некоторые другие службы свидетельствуют о следующих тенденциях. Культы святых, возникшие в различных религиозных центрах до их включения в единое Русское государст-

во, были, как правило, обращены к соответствующим местным обществам. Но после присоединения этих центров к Москве местным культам была придана с большей или меньшей последовательностью общероссийская социальная направленность. Если же культы святых складывались в условиях единого государства, то эти подвижники сразу мыслились покровителями и «своего» местного сообщества, и всей России, и московских государей. Социальные функции и практики почитания святых соотносились со статусами их культов.

*А.В. Мельников, к.и.н., зав. отделом
Исл РАН*

Три анонимные работы по русской истории и историографии 1913–1916 гг. в личном архивном фонде А.И. Яковлева

В.Г. Вовина-Лебедева в монографии «Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв.» (СПб., 2011) впервые ввела в научный оборот рукопись труда 1916 г. по историографии русского летописания, хранящуюся в личном архивном фонде чл.-корр. АН СССР А.И. Яковлева и в описи отнесенную к разделу работ самого фондообразователя (АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 116. Л. 1–116 об.). Рукопись охватывает период изучения русских летописей от А.-Л. Шлецера до А.А. Шахматова включительно. В.Г. Вовина-Лебедева ставит эту работу в общий ряд классических исследований летописания как первый труд, в котором оцениваются все опубликованные к 1916 г. труды А.А. Шахматова и проводится идея глубокой преемственности в изучении летописей (Там же. С. 25–33).

Справедливо вызвав сомнение в принадлежности работы А.И. Яковлеву, В.Г. Вовина-Лебедева присваивает рукописи название *Anonyme (An)*, так как предпринятая ею попытка установить авторство оказалась неразрешимой. Аргументация исследовательницы сводится к тому, что основной текст написан «рукой неустановленного лица, но с правкой другим почерком, отчасти похожим на почерк А.И. Яковлева ... все вышеперечисленное дает некоторое основание считать, что это текст, возможно, кого-то из учеников Яковлева, им правленный и дописанный. Маловероятна другая возможность: что это его собственный текст, переписанный в основной части какой-то другой рукой, но им правленный и дописанный. Правка стилистическая, а не смысловая, но известно, что сам А.И. Яковлев никогда не занимался изучением летописей, хотя интересовался этой темой» (Там же. С. 25).

Кто же может быть автором? По нашему мнению, рукопись совершенно не содержит помет, правки или каких-либо иных следов, относящихся к весьма характерному почерку А.И. Яковлева. На первом, машинописном листе, название «Историческая литература о летописях» – автограф дочери А.И. Яковлева, историка О.А. Яковлевой (это как минимум третий почерк, встречающийся в рукописи). Ее же рукой на обложке сделана надпись: «О занятиях русскими летописями 1916 г.» поверх затертой надписи карандашом, прочитывающейся лишь частично как «Отчет Л....». При всей полноте описания рукописи В.Г. Воиной-Лебедевой: формат, почерки, вставки, редакторская правка и т. д., исследовательницей не обращено внимание ни на пометы О.А. Яковлевой, ни на последний лист рукописи, где, вероятно, изначально было имя автора, впоследствии плотно замазанное черными чернилами другого оттенка, поверх вычищенного чем-то твердым (АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 116. Л. 116 об.).

Пытаясь определить возможного автора среди учеников А.И. Яковлева или в кругу близких к нему ученых, мы обратились к опубликованной переписке С.Б. Веселовского. В ней помещены письма оставленного в 1915 г. для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории в Московском университете по рекомендации М.М. Богословского Лоллия Ивановича Львова (1888–1967). В письмах Л.И. Львов подробно описывает свои работы по программе подготовки магистерских экзаменов. В июле 1916 г. он пишет: «Занимаюсь я по старому упорно – и все лето мое ушло на вопрос о летописи: вопрос этот сам по себе меня не заинтересовал нисколько, но интересно быть зрителем, как интересовались этим вопросом другие, с какой стороны подходили к нему, как ставили его и какие ответы давали на свои вопросы. Быть может, нужно жалеть понапрасну растраченную энергию, но такие виртуозные и гениальные (!) полеты, на какие способен Шахматов, меня глубоко радуют и доставляют эстетическое удовольствие (эквилибристика и находчивость наряду с изумительной памятью и эрудиция его – поражают)» (Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М., 1998. С. 427).

Обращение к подлиннику письма (АРАН. Ф. 620. Оп. 2. Д. 78. Л. 9–9 об.) решает вопрос об одном из почерков – именно рукой Л.И. Львова, сделана правка по основному тексту, а также написана последняя часть о А.А. Шахматове. Вопрос о переписчике рукописи остается открытым; допускаем, что это могла быть супруга Л.И. Львова. Характерно, что часть писем С.Б. Веселовскому напечатана на машинке, схожей с первыми листами текста рукописи, а раздел о книге А.А. Шахматова «Повесть временных

лет» написан на бумаге с водяным знаком 1915 г., изображающим герб Великого княжества Финляндского; где Л.И. Львов проводил летние месяцы.

Записи в дневнике М.М. Богословского также указывают на авторство Л.И. Львова. Запись от 26 ноября 1916 г.: «...принялся за чтение отчета Л. Львова о летописях, составленного очень подробно, и читал его далеко не окончив, до 7 ч. вечера»; 29 ноября: «Заканчивал ... чтение отчета Львова и составление о нем отзыва» (*Богословский М.М. Дневники, 1913–1919: из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 274–275*).

Таким образом, авторство работы принадлежит Л.И. Львову. Рукопись представляет собой отчет к одному из вопросов по подготовке программы магистерских экзаменов, наряду с упомянутыми в переписке с С.Б. Веселовском работами об изучении Русской Правды, Псковской Судной грамоты, уставных грамот.

Также в фонде А.И. Яковлева нами атрибутированы еще две машинописные анонимные работы, принадлежащие Л.И. Львову: «Воеводы на Тотье в первые годы после Смутного времени» (АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 7) и «Поземельные споры на Тотье в первое двадцатилетие после Смуты» (Там же. Д. 15). У обеих работ уничтожены титульные листы, обе содержат пометы А.И. Яковлева и О.А. Яковлевой. Авторство их бесспорно устанавливается по вторым экземплярам, сохранившимся в архивном фонде Московского университета (ЦГА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 513. Д. 5006, не позднее 1915 г.; Д. 5007, 1913 г.). Обе работы были оценены М.М. Богословским, М.К. Любавским, А.И. Яковлевым как весьма удовлетворительные.

Причина намеренного сокрытия авторства названных работ – судьба их автора. В 1919 г. Л.И. Львов эмигрировал, жил в Финляндии, Эстонии, Болгарии, Франции, Чехословакии, Германии, стал известным журналистом и литературно-художественным критиком, выпустил несколько сборников поэтических произведений. В годы Второй мировой войны – активный коллаборационист; после войны работал на «Радио свобода» и сотрудничал с Институтом по изучению истории и культуры СССР в Мюнхене.

Путь сокрытия авторства, вероятно, представлялся для А.И. Яковлева единственно возможным, чтобы сохранить для науки работы одного из подающих надежды молодых московских историков. С установлением их авторства не только расширяются наши представления о творческой биографии Л.И. Львова, но обнаруживается новый материал для истории исторической науки в Московском университете, для понимания этапов формирования будущего ученого и профессора в начале XX в.

Историческая география Британии в сочинениях «долгого XII века»

В докладе рассматриваются два описания острова Британия, созданные в первые десятилетия после Нормандского завоевания 1066 г. Первое из них, анонимное, было создано на рубеже XI–XII вв. (между 1090 и 1109 гг.). Первоначально оно, по-видимому, было написано на древнеанглийском языке (сохранилась слегка модернизированная версия в рукописи второй половины XIII в., см.: Oxford. Jesus College MS. 29. part II. f. 194v–195r; *An Old English miscellany containing a bestiary, Kentish sermons, Proverbs of Alfred, religious poems of the thirteenth century* / Ed. by R. Morris. London, 1872. P. 145–146), позднее были выполнены два независимых друг от друга перевода на латынь (один остается не опубликован, другой издан: *Symeonis Monachi Opera et Collectanea* / Ed. by J. Hodgson Hinde. Surtees Society. Vol. 51. London, 1868. P. 220–222). Другое описание содержится в начальной части «Истории англów» Генриха Хантингдонского (первая версия датируется 1130-ми гг.; Генрих Хантингдонский. История англów / Пер. С.Г. Мереминского. М., 2015. С. 52–63).

Для обоих описаний характерно использование разнородных материалов: сочинений античных и раннесредневековых авторов (Орозия, Беды Достопочтенного, возможно, Плиния Старшего), англосаксонской административной документации, кельтской (валлийской) литературной традиции. При этом география Британии рассматривается в них в историческом измерении. В анонимном описании акцент сделан на церковную географию, указания на изменения границ различных епископств. По-видимому, оно имело сугубо практический характер и было предназначено для ознакомления с английскими реалиями кого-то из нормандских прелатов (возможно, Роджера, епископа Солсбери и ближайшего советника короля Генриха I). Описание Генриха Хантингдонского имеет иную жанровую природу, оно гораздо более литературно и основано на его исторической концепции о последовательной власти над островом различных народов (бриттов, римлян, англосаксов, нормандцев).

В обоих сочинениях понятие «Англия» рассматривается как название всего острова, заменившее более старое «Британия». Это служит имплицитным выражением претензий англо-нормандских монархов на власть над всем островом. Вместе с тем, оба автора вынуждены были признавать неоднородность пространства «Англии – Британии», лишь часть которой была разделена на стандартни-

зированные административные единицы – графства (*шайры*). И одна из латинских версий анонимного описания, и книга Генриха Хантингдонского сохранились в большом количестве средневековых списков. Их продолжали читать, переписывать и порой актуализировать вплоть до Нового времени. Они оказали глубокое влияние на представления англичан о географии собственного острова, а также на раннюю английскую картографическую традицию.

*М.П. Мироненко, к.и.н., с.н.с.
ИСл РАН*

Материалы по генеалогии в архиве библиографа и книговеда У.Г. Иваска

Историк книги, библиограф, библиофил Удо Георгиевич Иваск (1878–1922) проявил себя во многих областях науки и культуры. Он изучал живопись под руководством К.А. Коровина и В.Н. Мешкова в их мастерских, учился в Строгановском центральном училище технического рисования. В 1902 г. он занялся изучением экслибрисов, что положило начало отечественному научному изучению русских книжных знаков (1902). У.Г. Иваск составил «Описание русских книжных знаков» (М., 1905–1918. Ч. 1–3), где сам был автором рисунков 36 книжных знаков и описал свыше 6 тысяч экслибрисов, находившихся в его собственном собрании и в собраниях других московских коллекционеров. Иваск – один из основателей Московского общества любителей книжных знаков (1904), а свое собрание экслибрисов, лучшее в стране, он в 1910 г. подарил Археологическому институту (ныне – в ГМИИ). В то же время он был одним из самых выдающихся библиографов в России. Особое значение для истории книжного собирательства имеет его труд «Частные библиотеки в России. Опыт библиографического указателя» (СПб., 1911–1912), в котором он собрал сведения о более чем 1,3 тысяч частных библиотек и биографические материалы об их владельцах. Ему принадлежали обзоры жизни и трудов выдающихся русских библиографов: «Памяти Алексея Петровича Бахрушина» (М., 1904), «Сергей Александрович Соболевский и его библиотека» (М., 1906), «Несколько слов о Якове Борисовиче Брюсе, его библиотеке и книжном знаке» (М., 1907), «Григорий Николаевич Геннади (Обзор жизни и трудов)» (М., 1913; также статья в РБС. 1914. Т. 4). Он один из создателей Российского библиографического института и Российской центральной книжной палаты (1917). В 1918–1920 гг. У.Г. Иваск был заведующим отделом редких и художественных изданий в Румянцевском музее.

Еще одним направлением его деятельности была генеалогия. Иваск был автором целого ряда генеалогических работ и родословных: «Суконные фабриканты Бабины. Генеалогический этюд» (М., 1910), купеческих семей Москвиных (1910), Куманиных (1912), а также составил родословную собственной семьи Ивасков.

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится довольно большой личный фонд У.Г. Иваска (ОР РГБ. Ф. 783), составляющий 459 единиц хранения. Центральное место в нем занимают его библиографические труды и труды по книговедению, работы о библиофилах и библиографах. Вместе с тем в фонде довольно широко представлены его работы по генеалогии. Среди них автографы генеалогической таблицы рода Иваск (1912–1914) и родословных семей Бремпель, Битнер, Гассель, Живаго и др. (большая часть этих семей была родственной ученому). К родословной семьи Бремпель присоединены документы из их семейного архива за 1847–1911 гг. в копиях рукой У.Г. Иваска, наклейки с образцами почерков представителей этой семьи, портреты, фотографии членов семьи и домов, принадлежавших им в 1875–1910-х гг. (К. 3. Ед. хр. 26–28).

Большая родословная семьи Живаго (1914) составляет 106 л. (К. 3. Ед. хр. 30–. К. 4. Д. 1). К ней приложены материалы о жизни и деятельности представителей семьи Живаго: врача Голицынской больницы и коллекционера А.В. Живаго с указанием на собранную им коллекцию египетских древностей, исторического живописца С.А. Живаго с изображением иконостаса Исаакиевского собора с иконами его работы и описанием его живописных работ, скульптора Т.Р. Живаго с воспроизведением скульптур ее работы и др. Документы из семейного архива Живаго, собранные Иваском для этой родословной занимают 17 единиц хранения. Среди них выписки из писцовых и переписных книг XVI – начала XVIII в., сделанные Иваском копии документов из семейного архива 1829–1918 гг., на русском, немецком, итальянском и др. языках, письма, свидетельства, грамоты о награждении орденами, духовные завещания, некрологи, фотографии, репродукции картин и др.

Родословная Матвеевых также сопровождается выписками из писцовых книг XVII в. и печатных источников, списками документов из личных архивов Матвеевых и их родственников (1798–1912) (К. 4. Д. 2–15). Родословная семьи Гассель содержит позднейшие разъяснения и дополнения, составленные уже в 1970-х гг. дочерью У.Г. Иваска Е.У. Кульпа-Иваск, много сделавшей для сохранения и разбора архива отца (Там же. Ед. хр. 29). К родословной семьи Фроловых (1910-е гг.) приложены выписки из ландратских и переписных книг 1710, 1715, 1744 гг. и печатных источников, копии

документов из семейных архивов 1826–1912 гг., письма, материалы торгового дома «Д.П. и М. Фроловы», «Книга для записывания проживающих приезжающих и выезжающих» по дому Фроловых в Москве, выданная Московской управой благочиния в 1865 г.

Имеющиеся в архиве У.Г. Иваска родословные и разнообразные подготовительные материалы к ним представляют собой лабораторию его генеалогической работы и показывают всеобъемлющий подход ученого к их составлению.

*А.А. Митрофанов, к.и.н., н.с.
ИВИ РАН*

Коронация Наполеона в Милане 1805 года и иерархия коронационных элементов

История Французской революции и наполеоновских войн неразрывно связана с новым дискурсом о власти. И на каждом этапе развития событий творцы Революции старались создать новое эмблематическое пространство, насыщенное подходящими смыслами, новую церемониальную реальность, в которой этот дискурс, а также ценности этого времени приобретали почти сакральное значение, как субститут утраченной религиозной константы. Одним из ярких примеров своеобразного синкретизма старых и новых традиций стала коронация Наполеона Бонапарта в качестве короля Италии в 1805 году.

В политической культуре революционного десятилетия, с которым тесно смыкается и наполеоновский период, как в центре, так и на местах важнейшее значение придавалось роли магистрата — представителя народа, облечённого властью. В это время создается церемониал и разрабатываются основы вестиментарного кода, венцом которого были проекты официальных костюмов для членов Директории, Совета пятисот и Совета старейшин. И всё же ничего подобного церемонии коронации революционная Франция не знала. Коренной политический поворот, связанный с интригами и последовавшим расстрелом герцога Энгиенского, стал прологом к провозглашению Империи и коронации Наполеона в качестве императора французов 2 декабря 1804 г. При подготовке к этой церемонии впервые встал вопрос о соединении монархического церемониала с церемониалом нового типа, по сути республиканским. Именно поэтому папа Пий VII только благословлял своим присутствием помазание и коронацию в соборе Нотр-Дам, а император Наполеон, возложив на себя корону, произносил текст присяги, где упоминалась и конституция Франции. Также была проведена и коронация его супруги в качестве императрицы.

Вслед за коронацией в Париже наметились изменения и на итальянском направлении. Император французов решил изменить политический режим в подвластных землях и вместо должности президента Итальянской республики, которую он к 1805 г. занимал, «принял» предложенный титул короля Италии. Предлагавшийся итальянской элитой пост «конституционного короля Италии» он отверг, настаивая на сакральности. Первоначально он предполагал назначить королем брата Жозефа, но решение изменилось. Коронация Наполеона происходила 26 мая 1805 г. в Милане при участии политической и военной элиты Франции и Ломбардии. Римский папа на этот раз на церемонии не присутствовал, его замещал кардинал-архиепископ Капрара, но в целом церемония напоминала церемонию 1804 г., с некоторыми отличиями. В частности, в миланской церемонии использовались сразу четыре короны, в том числе главная реликвия Ломбардии – железная корона лангобардов. Церемониал миланской коронации подготовил главный церемониймейстер Л.-Ф. де Сегюр, он же тщательно разработал и порядок доставки железной короны лангобардов – святой реликвии из города Монца в Милан. Этот пункт был первым в программе всех мероприятий (*Programme de la cérémonie du couronnement de S. M. l'empereur Napoléon, roi d'Italie, par L.-P. Ségur, 23 mai 1805*).

Миланская коронация выглядит более радикальным шагом по сравнению с коронацией в Париже 1804 г. Это был совершенно новый церемониал, так как железной короной императоры Священной Римской империи не короновались с 1530 г. В конструировании новой, наполеоновской империи, акт коронации в Милане выражал притязания на преемственность власти Наполеона Бонапарта от Священной Римской империи.

Отметим два важных аспекта церемонии и используемых регалий. В процессе коронации Бонапарт последовательно занимал два трона, малый и большой, сооруженные в миланском соборе, а также шествовал в двух коронах (императорской короне из лавра и изготовленной специально для этого случая короне Италии), надетых одна поверх другой. Железная корона лангобардов, которая является вотивной короной, возлежала на подушке во время церемонии, но надеть ее, видимо, не было возможности, так как ее диаметр составляет всего 15 см. Железная корона и была единственной подлинной реликвией, ради которой Наполеон затевал все действо. Перед церемонией была также изготовлена копия железной короны, но, как она использовалась, неизвестно. Императрица Жозефина только присутствовала на церемонии, как и ее сын, получивший титул вице-короля Евгений Богарне. Завершение церемонии проис-

ходило в соответствии с церемониалом Старого порядка, молебен *Te Deum* слушали в базилике Святого Амвросия Медиоланского.

В полдень император вышел из дворца, неся на голове императорскую корону и корону Италии, вставленную в нее. В руках его были скипетр и рука правосудия Италии, а сам он был в королевской мантии, которую поддерживали великие оруженосцы Италии и Франции Капра и Коленкур. Во время шествия в собор перед Наполеоном несли регалии Карла Великого, Италии и Империи, в следующем порядке: корона Карла Великого, скипетр Карла Великого, рука правосудия Карла Великого; меч Карла Великого, меч Италии, мантия Италии, железная корона. В процессе коронации император получил из рук кардинала кольцо, мантию, меч, скипетр и руку правосудия, но не корону (*Pigni E. Le due incoronazioni di Napoleone // Aevum. Anno 79. Fasc. 3. 2005. P. 739–744*). Корону Наполеон на короткое мгновение возлагал на голову самостоятельно и сразу вернул ее на алтарь, произнеся при этом фразу, видимо, не предусмотренную в церемонии: «Бог вручил мне ее, горе тому, кто к ней прикоснется». После чего снова надел корону Италии, вставив в императорскую корону (последнюю они не снимал во время церемонии). Только после возложения на себя железной короны Наполеон прошествовал на большой трон, на ступенях которого уже было уготовлено место Евгению Богарне, вице-королю.

Присяга короля Италии также отличалась от императорской: «Я клянусь поддерживать целостность королевства, уважать и поддерживать религию государства, уважать и обеспечивать равенство прав, политическую и гражданскую свободу, необратимость продажи национальных имуществ, клянусь не повышать никаких налогов, устанавливать какой-либо налог только в соответствии с законом, управлять с единственной целью обеспечить счастье и славу итальянскому народу». После присяги герольды произнесли: «Славнейший и августейший король Наполеон коронован и интронизирован: да здравствует император и король!».

Таким образом, коронация Наполеона в Милане была политическим манифестом, адресованным верующему населению и элите Италии, а также Венскому двору. Император французов показывал, что отныне он, «новый Карл Великий», является преемником прав Габсбургов на итальянские земли, что освящено древней реликвией. Вместе с тем, ни брат Наполеона Жозеф, ни Иоахим Мюрат, последовательно занимавшие королевский престол в Неаполе, не проходили церемонии помазания и коронации. То есть традиция, созданная в 1804–1805 гг., зачала гораздо раньше, чем рухнул весь колосс наполеоновской империи.

Клады начала XVII века на территории Вятского края

Монетные клады являются важнейшими источниками изучения различных сторон социально-экономической и политической истории не только центра страны, но и регионов ее составляющих. На данный момент существует ряд публикаций кладовых комплексов начала XVII в. и намечены направления исследований (*Мельникова А.С.* Русские монетные клады рубежа XVI–XVII веков. Киев, 2003; *Мельникова А.С., Дядченко О.С.* Монетные клады. Сводка кладов и сведений о находках. М., 1994 и др.). В этих публикациях отмечается, что к началу XVII в. число монетных обнаружений в северо-восточном направлении от центра страны заметно сократилось. И если монетные клады времени правления Ивана Грозного встречаются на территории Вологодской, Костромской и Кировской областей, то клады времени царствования Бориса Годунова в этих местах практически не встречаются (*Мельникова А.С.* Русские монетные клады... С. 13).

Тем не менее, информация об обнаружении монетных «ухоронок» на территории Вятского края / губернии сохранилась в разного рода источниках: в архивных делах, в публикациях местной и центральной прессы, в сведениях, предоставленных автору местными кладоискателями. В целом мы располагаем информацией о двух кладах Бориса Федоровича Годунова (1598–1605) и двух кладах Василия Ивановича Шуйского (1606–1610).

В делах Археологической комиссии Института истории материальной культуры Российской Академии наук (ДАК ИИМК РАН) и Государственного архива Кировской области (ГАКО) зафиксированы две находки 1892–1893 гг., относящиеся ко времени правления Бориса Годунова: около деревни 2-й Аршининской Орловского уезда (ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 28. Л. 18, 41; ДАК. Ф. 1. 1892 г. Д. 143. Л. 1–9; ОАК за 1892 г. С. 96, 158, 159 и др.) и села Сернур Уржумского уезда Вятской губернии (ДАК. Ф. 1. 1892 г. Д. 215. Л. 54 об. –56 и др.). Оба комплекса содержали монеты новгородского чекана, Ивана III и Ивана IV, Бориса Годунова. В первом кладе также были псковские монеты и монета Василия III. Длительное обращение «старых» монет (псковских, новгородских, Ивана III и Василия III, т. е. до реформы 1535–1538 гг.) – особенность денежного обращения на Вятской земле.

Небольшой клад из деревни 2-й Аршининской состоял из 26 монет и был датирован 1603 г. по обильно выпускавшейся новгородской копейке Бориса Годунова, имевшей буквенное обозначе-

ние даты НРАІ. К этому году относится наибольшее число прода-
тированных известных кладов Бориса Федоровича (12 из 36). При-
чем 7 из 12 кладов были найдены к югу от Москвы, в местах, кото-
рые в это время были житницей страны; эти клады служат иллюст-
рацией к действиям правительства Б. Годунова в голодные годы, в
частности скупке запасов хлеба в отдаленных от центра областях
(Мельникова А.С. Русские монетные клады... С. 12, 13). Вероятно,
это будет справедливо и по отношению к вятским находкам. Мо-
нетный комплекс из деревни 2-й Аршининской располагался близ
общего отрезка всех торговых дорог, идущих из центра Вятской
земли в западном направлении, Хлынов-Орлов и далее, либо в Ар-
хангельск, либо в Москву.

Второй клад – из села Сернур (южные земли Вятского бассейна)
– не имеет четкой датировки; имел в своем составе 500 монет, что
укладывается в среднестатистическую сумму кладов из сельской
местности (от 3 до 6 рублей). В село когда-то была преобразована
деревня Макаросла, основанная в XVII в. Возможно, через деревню
проходили торговые пути (на основе которых проложена совре-
менная автомагистраль), связывающие города Казань, Царевокок-
шайск (Йошкар-Олу), Хлынов (Киров), слободу Кураку (Советск).
Основное население деревни / села составляли марийцы, занимаю-
щиеся земледелием.

Кладовые находки периода царствования Василия Шуйского
являются иллюстрацией тезиса: «Клады зарываются в моменты
потрясений». Клад В.И. Шуйского был найден в 1846 г. на берегу
р. Седмурчи Малмыжского уезда Вятской губернии. Находка была
довольно подробно описана священником Н.И. Курочкиным, кор-
респондентом Русского географического общества, в статье в «Вят-
ских губернских ведомостях» (1847. № 23 (часть неофициальная).
С. 143–145), информация была неоднократно перепечатана многи-
ми изданиями, в том числе Москвы и Санкт-Петербурга. Тем не
менее комплекс продатирован периодом царствования в целом –
1606–1610 гг., так как копейки В. Шуйского более точно опреде-
лить невозможно из-за несовершенного описания монет.

Монеты были обнаружены на территории, которую в XVI в. ак-
тивно осваивали удмурты. Вероятно, клад связан с восстанием на-
родов Среднего Поволжья 1606–1609 гг. (в частности, волнениями
в удмуртском Прикамье).

Второй комплекс монет, тезаврация которых произошла в пери-
од царствования В. Шуйского, был выявлен в Советском районе
Кировской области в 2009 г. во время экспедиции кладоискателей.
Местонахождение – недалеко от слияния рек Пижмы и Немды, на
расстоянии около 1 км от старого тракта (современный Советский

тракт), проходившего через слободу Кукарку (современный г. Советск) на г. Хлынов (Киров).

Согласно информации одного из владельцев, размер клада составлял 698 монет. Автору были предоставлены сканированные изображения 546 монет, которые удалось определить. Комплекс был датирован по самой поздней копейке В.И. Шуйского 1607 г. Общая захороненная сумма клада была около 4 руб., что соответствует общей тенденции, сложившейся в 1607 г., когда заметно возросло количество крупных кладов (от 600 до 1000 экз.) (*Мельникова А.С. Русские монетные клады...* С. 98).

Выпадение клада, вероятно, связано с восстанием 1608 г., когда жители слободы Кукарки поддерживали недовольных правлением царя В.И. Шуйского. В частности, в этом году марийские и русские крестьяне напали на Жерновогорский Предтеченский монастырь (территория г. Советска) и разграбили его. Либо захоронение клада связано с кратковременным захватом Кукарки тушинцами и польскими интервентами в начале 1609 г.

Оба комплекса содержали монеты Ивана III, Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия I) и Василия Шуйского. Структуры кладов имеют сходство: большинство монет относятся к чекану Ивана Грозного (57,8 и 68,7 %, при этом подавляющее преобладание денег над копейками), на втором месте копейки Бориса Годунова (17,3 и 16,2 %), чуть менее – монеты Федора Ивановича (11,4 и 11,5 %) и совсем небольшое количество монет других правителей.

Структуры кладов похожи на структуру Лобановского клада (территория современного г. Кирова), датированного 1614 г. Анализ структуры новой находки подтверждает выводы, сделанные при изучении комплекса из деревни Лобановка и сравнении его с вологодскими кладами (*Мокерова Е.Ю. Клад 1614 г. из деревни Лобановки // Клады: хронология, интерпретация. СПб, 2002. С. 185–191*): отличительной чертой вятских кладов является изначально высокий процент монет (в частности денег), чеканенных на Московском денежном дворе. Монетные комплексы с территории бассейна р. Вятки относятся к кладам из Московского ареала.

Таким образом, монетные находки в центральных и южных вятских землях связаны с некоторыми основными событиями Смутного времени: политикой правительства Бориса Годунова по закупке хлеба в землях, избежавших природных катаклизмов и голода, и с нестабильной ситуацией в стране в период правления Василия Шуйского.

**Сочинение о садах угличского посадского человека
начала XVIII века Михаила Выжилова**

В ОриПК ГИМ в собрании Е.В. Барсова под № 369 хранится рукопись, содержащая знаменитый памятник русской культуры XVI в. Домострой. Рукопись в четверку на 141 л. писана своеобразной книжной скорописью, содержащей некоторые элементы украшения букв (письмо можно назвать и полууставом, переходящим в скоропись). Запись по нижнему полю л. 3–72 писца и владельца рукописи имеет точную дату, очевидно, близкую ко времени ее написания: «Книга глаголемая Домостройная и Садовая углеченина по[са]дского человека Михаила Петьрова сына Выжилова, а писал сию книгу и подписал я, Михаил, своею рукою в лето от воплощения Божия слова 1715 году месяца марта в ... день». Запись была сделана после присоединения к рукописи особой тетради (ныне л. 140–151), писанной тем же почерком, но имевшей первоначально отдельную нумерацию и определенное время самостоятельного бытования (первый лист ее (л. 140) заметно загрязнен). По нижнему полю л. 140–149, 151 (л. 150 сохранился фрагментарно) запись: «Сия тетрать Садового строения углечанина посадцкого [человека] Михаила Выжилова».

Рукопись Барсова № 369, кратко упоминавшаяся в трудах ученых XIX в., посвященных Домострою, была подробно описана А.С. Орловым в его книге «Домострой. Исследование. Часть I» (М., 1917. С. 161–187). Он назвал ее “замечательной переделкой Домостроя, дополненной статьями, подходящими по содержанию и тону к старому Домострою (с. 161). Внимание списку Барсова № 369 было уделено в диссертации К.Д. Паунси (*Pounsey C.J.* 1) *The Domostroi as a Source for Muscovite History*. Stanford University, 1985; 2) *The Origins of the Domostroi: A Study in Manuscript History // The Russian Review*. Vol. 46. 1987. P. 357–373). В книге Л.П. Найденовой «Мир человека на Руси в XVI в. (по Домострою и памятникам права)» (М., 2003) сделано важное наблюдение о том, что во вступлении к «Садовой книге» «содержатся рассуждения об угодности Богу всякого земного устройства» (С. 117–118).

Между тем, в исследованиях о древнерусских садах и садах XVIII в., особенно активизировавшихся после выхода в 1982 г. книги Д.С. Лихачева «Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей» (см., например: *Вергунов А.П., Горохов В.А.* Русские сады и парки. М., 1987; *Черный В.Д.* Русские средневековые сады: опыт

классификации. М., 2010), сочинение из рукописи Барсова № 369 не упоминается.

Выжиловы – зажиточные посадские люди Углича, с XVII в. занимавшие выборные должности в местном самоуправлении. Из них происходил и архимандрит Макарий – с 1692 г. настоятель Угличского Покровского монастыря (брат писца рукописи?). Согласно переписи угличского посада 1717 г., «Михаилу Петрову сыну Выжилову» было 55 лет, он занимался «солодяным промыслом», в его дворе также жила семья крепостного человека. М.П. Выжилов дожил до преклонных лет – в переписной книге II ревизии 1744 г., указано, что ему 82 года, он живет с сыном и с 18-летним внуком (Углич. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887). В дальнейшем, вплоть до начала XX в., Выжиловы были одними из богатейших купцов Углича, сохранились их дома, конца XVIII – XIX в.

Название сочинения о садах приведено в оглавлении рукописи на л. 5 об.: «79. О садах яблоневых», но текст его начинается без заголовка с «Предисловия на Книгу сию садовую» (л. 140–140 об.). Оно носит риторический церковно-учительный характер, описывая, как после изгнания Адама из Рая ему и его потомкам досталась земля, «в пуге лежащая, рукою земледельца не выделанная, ралом в толщи не розделанная». Трудами же земледельца «люботрудного домовита» земля «бранюю умягчитися и чистыми посеется семены, многъ плод приносит бо в пищу своему держателю». Текст сочинения носит характер подборки практических инструкций о создании сада, как бы с «нулевого цикла» – разметки участка и удобрения земли – заголовок начала текста на л. 141: «О строении и о познании садов на пешаной или на худой земли». Интересны подробные рассуждения о посадке деревьев в зависимости от солнечного света в разное время (л. 142–142 об.). В разделе «О розмерах» различаются «малыя и средние сады», описываются формы посадки деревьев в них: «круглая», «в четвероугольнике», «треугольником». Этот текст проиллюстрирован двумя красочным чертежами (л. 143, 144 об.) с изображением сада с 24 плодовыми деревьями, каждое из которых имеет повторяющиеся подписи: «Груша», «Вишня», «Яблонь» (Так! Их больше всего). В центре чертежа восьмиугольник с надписью: «Беседовник или шатрик». Практические наблюдения автора: «А подле дороги подобает садити смородина и на особых грядах садити малина белая между явлонь, по одному или по два куста, и чтоб не блиско яблони, понеже от смородины яблонь коржаевеет (так!) и растет худо» (л. 143 об.–144). Довольно сложные наставления содержаться в следующих разделах «О сажении и о рашении почек» и «О прививании». Список 26 сортов яблонь с ука-

занием их необходимого количества в некоем большом саду в 300 деревьев идет на л. 148–149 об. под заголовком «О наливах»: 1. «Немецкого наливу пять дерев; 2. Желтого чернейшаго Дмитревскаго наливу два ста дерев ...; 4. Белого наливу два десять дерев ...». И заключение: «Кроме сих преславных и различных плодов оных отнюдь не лстится и не розводить, понеже мнози ... розводят таких грубых вкусов и плодов ..., иже человеку и вкусити невозможно». Об обработке плодов говорит текст под заголовком «О строении вару» (л. 149 об.). Следующий л. 150 вырван (остался фрагмент, в оглавлении описан как отдельная глава «80. Ин приклад о яблоках»). Текст на л. 151 внизу заканчивается фразой: «До zde, конец повести сей, яже о садах». Но на обороте этого последнего листа рукописи тем же почерком М.П. Выжилова приписаны два небольших текста под заголовками: «Которая яблонь не дает плода долго» и «О прививании черенков».

Мне представляется, что данная «Книга о садах» является русским оригинальным сочинением (не имеющем в основе перевода с европейского научно-практического трактата, которые были широко распространены России с конца XVII в.), а автором его был М.П. Выжилов. В пользу этого говорит и гипотеза о том, что Выжилов мог быть автором тех обширных дополнений Домостроя, которые проанализировал А.С. Орлов, не ставя вопрос об их авторстве, отметив лишь связь с северным купечеством (*Орлов А.С. Указ. соч. С. 161*). Обращает на себя внимание сходство оформления ссылки на источники дополнений в Домострое и ссылки на «Книгу Вечерю» (Вечеря Душевная. М., 1685) на полях «Предисловия на Книгу сию садовую» (л. 140).

Конечно, окончательные выводы можно будет сделать при продолжении кодикологического и текстологического исследования рукописи Барсова № 369, издания сочинения о садах и изучении жизни и деятельности незаурядного книжника переходной эпохи русской культуры Михаила Петровича Выжилова.

*Л.Е. Морозова, д.и.н., в.н.с.
ИРИ РАН*

К вопросу о достоверности сочинения Марко Фоскарини «Донесения о Московии»

Среди дореволюционных и современных историков в целом сложилось мнение, что записки иностранцев о России содержат вполне достоверный и уникальный материал о нашей стране. Зачинателем этого направления был еще Н.М. Карамзин, который ввел в научный оборот много иностранных памятников, хотя, за редкими

исключениями, специальное источниковедческое исследование этих источников им не проводилось.

Объектом настоящего изучения являются «Донесения о Московии» венецианского посла Марко Фоскарино. Сочинение дошло до нас в нескольких списках XVI в., хранящихся в европейских библиотеках. Считается, что подлинник был на латыни и датировался 1557 г. (*Огородников В.* Предисловие. Марко Фоскарино. Донесение о Московии // *Источники истории.* Рязань, 2009. С. 9–10).

Целый ряд исследователей высказали мнение о том, что «Донесение» Фоскарино было простой компиляцией, созданной на основе сочинения П. Иовия, напечатанного в 1537 г. (Там же. С. 11). В таком случае получается, что сочинение М. Фоскарино содержало вторичные сведения о Московском государстве и его правителе за первую треть XVI в., а не за середину века, как значилось в его тексте. Сам автор, как известно из дипломатических документов, прибыл в Москву в 1557 г., но почему-то свои сведения не зафиксировал в «Донесении». Следовательно, уникальное и хвалебное по своему содержанию описание личности Ивана Грозного в «Донесении» относилось не к нему самому, а к его отцу – великому князю Василию III. Попробуем детальнее разобраться в этом вопросе.

Информация, сообщенная Фоскарино об Иване Грозном, действительно, очень разнообразна и обширна. Особенно много сведений об его завоеваниях. Но совершенно очевидно, что не вся она относится именно к его деятельности. В перечень включены и успешные военные походы его отца Василия III и деда Ивана III.

Например, Иван III вел войну с югрой и вогуличами с 1483 г., но и Ивану Грозному пришлось посылать против них войска с 1539 г. по 1581 г. Казанские татары признали свою вассальную зависимость от Москвы еще при Иване III, но окончательно покорить их смог только Иван Грозный. Это и зафиксировано в «Донесении», а П. Иовий, естественно об этом не мог написать. Строительством Васильсурска, как известно, занимался Василий III, но Иван Грозный перед окончательным Казанским походом построил крепость Свияжск. Именно об этой крепости, видимо, и писал Фоскарино, но спутал ее название с Васильсурском.

Есть в описании Фоскарино и конкретные факты, свидетельствующие о том, что он писал именно об Иване Грозном. Прежде всего, это указание возраста государя – 27 лет. В год приезда итальянца в Россию (1557) русскому правителю как раз и было столько лет. Василий III, родившийся в 1479 г., естественно, был старше. Его Фоскарино вообще вряд ли видел, поскольку в 1533 г. он скончался. Второй важный факт – итальянский дипломат называл русского правителя не только великим князем, но и в первую очередь

императором, повелителем всея России. Этот титул признавали далеко не все европейские государства, хотя сам Иван Грозный стал называть себя царем (восточный вариант титула император) после венчания на царство в 1547 г. Сначала главным обоснованием для нового титула русские дипломаты использовали указание в летописях на родство предка московских правителей – великого князя Киевского Владимира Мономаха с византийским императором Константином Мономахом, а также легендарные данные о получении от него символов императорской власти. Потом в дипломатических документах стало подчеркиваться, что право на царский титул дало покорение Иваном Грозным двух царств – Казанского и Астраханского (Из дипломатических документов // Идея Рима в Москве. XV–XVI вв. Рим, 1989. С. 52–53).

Для Фоскарино эти аргументы, видимо, оказались достаточными, поэтому он описал покорение Иваном Грозным казанских и астраханских татар. Этого, естественно, не было в сочинениях иностранцев о Василии III (С. Герберштейна, П. Иовия). Так, итальянец сообщил о взятии большого торгового города Астрахани, крепости Орда (видимо, Золотая Орда), основании на приграничной территории русских колоний и переселении туда воинских людей (*Фоскарино М. Указ. соч. С. 37–38*).

В совокупности все эти факты говорят о том, что итальянский дипломат Марко Фоскарино в 1557 г. описывал именно царя Ивана Грозного и давал ему исключительно положительную характеристику. В это время русский государь представлялся для многих иностранцев почти идеальным правителем и очень успешным полководцем.

Заимствование целого ряда фактов в «Донесении» из сочинения Павла Иовия «Записки о Московском посольстве» и «Записок о Московии» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна можно объяснить тем, что такова была практика создания сочинений о России в то время. Иностранные дипломаты активно переписывали друг и друга интересные факты, поскольку сами не имели возможность глубоко изучить русскую действительность. Главным препятствием, видимо, было незнание местного языка, короткое время пребывания в Москве и традиционная закрытость русского двора. Но, несомненно, что иностранные дипломаты встречались с государем и на страницах своих сочинениях отражали личное впечатление о нем. Поэтому, на наш взгляд, описание внешности Ивана Грозного и его личных качеств в «Донесении» Фоскарино можно считать вполне достоверным.

Опыт атрибуции геральдического надгробия А.М. Отяевой из Высоко-Петровского монастыря

Родственное окружения семьи Нарышкиных в некрополе в Высоко-Петровском монастыре, составляет 39 человек, из них 23 лица мужского пола и 16 женских имён. Сохранился ряд барочных саркофагов некогда отмечавших грунтовые захоронения возле Собора Боголюбской Божьей Матери. В настоящее время они выставлены в открытой южной галерее сводчатого подклёта церкви Преподобного Сергия Радонежского. Крайне интересное художественное исполнение имеет один из белокаменных барочных саркофагов. Верхняя часть массивной крышки изначально напоминала драпирующее покрывало. В настоящее время имеет массу утрат. Продольные боковые стороны вогнутой крышки сохранили волнообразность барочных драпировок. Крутые выгнутые боковины продольных стен корпуса, как и другие стороны памятника, декорированы пышной орнаментальной лепниной. Ныне утраченные надписи некогда заполняли середину скульптурных картушей боковых сторон с угловыми акантами.

Рельефный торец изголовья в обрамлении гирлянд замыкает композиция соединённых картушей из двух дворянских родовых гербов, служащих пьедесталом рельефу с монограммой из литер «А М О». Архитектурную форму изголовья венчает имеющая массу утрат геральдическая дворянская корона, поставленная поверх складок драпирующего покрывала завершая крышки саркофага.

Монограмма и соединённые гербы позволяют провести атрибуцию. Рельеф правого герба – щит пересечённый; в верхнем поле возникающий одноглавый орёл; в нижнем решётка – графически соответствует описанию родового герба Нарышкиных из Общего Гербовника, за исключением нашлемника и щитодержателей (Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. СПб., 1799. Ч. II. С. 60). Слева – рельеф с гербом, в котором угадывается один из геральдических вариантов потомства Алексея Петровича Хвоста Бесоволкова, к которому себя причисляли дворянские роды: Хвостовых (дворян и графов), Отяевых, Белкиных, Лебедевых, Шафровых, Пыжовых и Ершовых.

Рельеф на саркофаге выглядит так: щит пересечённый, посередине малый щиток, в центре которого помещена держава; в верхней части, разрезанной с углов двумя диагональными черта-

ми, соединенными по середине над малым щитком, в поле видна птица с распростёртыми крыльями, держащая в лапе шар; по сторонам малого щитка в правом поле изображён крест, в левом поле – цветок; в нижней части щита, рассечённой, в правом поле рука в латах с мечом, поднятым вверх, а в левом три звезды, под которыми луна, обращённая рогами вверх. Рельеф в точности повторяет гербы Отяевых (Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. СПб., 1799. Ч. II. С. 36) и Белкиных (Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. СПб., 1800. Ч. V. С. 21), только без нашлаемника и щитодержателей.

Учитывая плохую сохранность памятника, можно предполагать, что на момент своего создания саркофаг имел яркую полихромную тонировку в сочетании с обильной позолотой орнаментов и деталей, перемежающейся цветовыми дополнениями голубой, зеленой и красной красок (*Николаев Е.В.* Классическая Москва: Очерки архитектуры московского классицизма и ампира / Сост., ред. и предисл. Ю.Я. Герчука; Коммент. Ю.Я. Герчука, М.И. Домшляк. Изд. 3-е. М., 2011. С. 96). Не исключено, что металлы и финифти гербов в цветовом решении были тождественны тем вариантам, которые через несколько десятилетий должны были пройти высочайшее утверждение в Общем Гербовнике.

Непосредственная атрибуция личности, чьё захоронение покрывал саркофаг, произошло благодаря сопоставлению монограммы «А М О» девицы из рода Нарышкиных с родословными росписями этой фамилии. Это позволило с полной уверенностью утверждать, что данное надгробье связано с именем вдовы Николая Ивановича Отяева, Анной Михайловной, урождённой Нарышкиной (7.12.1715–21.12.1767) (*Семевский М.И.* Русская родословная книга. СПб., 1873. С. 242; *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. Т. 2. Изд. 2-е. СПб., 1895. С. 9). Согласно ряду источников, её гробница располагалась около Боголюбской церкви (*Саитов В.И., Модзалевский Б.Л.* Московский некрополь. В 3-х т. Т. 2. (К–П). СПб., 1908. С. 384–385). Атрибуцию памятника над захоронением А.М. Отяевой подтверждает публикация Архимандрита Высоко-Петровского монастыря Григория, опубликовавшего утраченный текст стен саркофага. Текст первой стороны памятника биографичен и развеивает всякие сомнения: «Когда представишь, челове́че, предъ взоръ свой сія два вырезанные на семъ камне герба, то представъ і вообрази въ мысли своей две ноіпочтениши фамиліи Нарышкиной і Отяевой, которая подъ симъ камнемъ, ноіпочтенишей госпожи Анны Міхайловны Отяевой лежащѣ заключаетъ тело отъ высокород-

ной фамилии господина Камегера Михайла Григорьевича Нарышкина рожденное в 1715 году, Декабря 7 дня, а день Ангела ее Декабря жь 9 дня; в замужество вышла і фамилію благородныхъ господъ Отяевыхъ 1742 году, Сентября 1 дня, і по кончине супруга ея Подпорутчіка Ніколая Івановича Отяева, осталась вдовствующей 1756 году, Августа 23 дня. Преставилась къ вечному блаженству 1767 году, Декабря 21 дня, по полуночи часъ, на день Великомученицы Анастасіи. Житія ее было 52 года и польмесеца» (Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1874. Январь – Март. Кн. 1. V Смесь. М., 1874. С. 228).

Причина заслуженного интереса к памятнику – геральдическая составляющая надгробья, а именно герб Отяевых. В настоящее время возможно единственный из сохранившихся вариантов частного герботворчества этой дворянской фамилии.

*Л.П. Муромцева, к.и.н., доц.
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Библиотеки российской эмиграции как часть книжной культуры

Библиотеки российской эмиграции являлись частью книжной культуры Зарубежья. Они обеспечивали доступ к русскоязычным изданиям для российских эмигрантов нескольких поколений, способствуя сохранению ими культурно-языковой идентичности, передаче знаний в области отечественной истории и литературы. Развитие библиотечного дела стало существенным компонентом формирования за рубежом российских научных и образовательных центров, а также фактором успешного взаимодействия российской эмиграции с мировой наукой и культурой.

Тургеневская библиотека вплоть до оккупации Парижа фашистской Германией играла роль одного из ведущих историко-культурных центров диаспоры. Ее собрание к 1925 г. составляло 50 000 томов, в 1940 г. – более 100 тысяч (Сватиков С. Русская общественная библиотека им. И.С. Тургенева в Париже // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. № 2(15). С. 269–270). Библиотека выступала организатором литературных чтений, спектаклей, концертов для взрослых и детей, вела огромную просветительную работу.

В структуре большинства историко-культурных учреждений зарубежной России (музеев, архивов, просветительных обществ) создавались библиотеки специального или обще-просветительного назначения. Так, например, крупная библиотека по различным от-

раслям знания была создана при Русском Народном университете в Праге (ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 113. Л. 4). Свои библиотеки имели Русский заграничный исторический архив, Русский культурно-исторический музей, Русский юридический факультет, Институт изучения России, Экономический кабинет С.Н. Прокоповича, Археологический институт имени академика Н.П. Кондакова и др. Крупным центром российского библиотечного дела в Белграде была также Русская военная библиотека-архив, созданная в 1921 г. под эгидой командования Русской армии. На Дальнем Востоке крупнейшими хранилищами русской книги были Центральная библиотека КВЖД (открыта в 1925 г.); библиотеки имелись при Обществе изучения Маньчжурского края, Харбинском юридическом факультете. Книжные и газетно-журнальные собрания формировались целенаправленно или стихийно при крупных эмигрантских издательствах в Париже, Праге, Нью-Йорке.

Потребность эмигрантской общественности в русской книге обусловила создание и ряда крупных публичных библиотек, учредителями которых выступали ведущие гуманитарные и культурно-просветительные организации. Библиотека Всероссийского союза городов (с 1928 г. — Русская публичная библиотека) в Белграде была основана в 1920 г. и к началу 1930-х гг. насчитывала 50 тысяч наименований, не считая газет и журналов. В 1921 г. при участии ВСГ были основаны библиотеки в Сараеве, Панчеве, Загребе, позднее в ряде других городов Югославии (*Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940. М., 2005. С. 335). В том же году была открыта библиотека Земгора (Русская Народная библиотека) в Праге, фонд которой к 1931 г. достиг 53 тысяч томов, в ее читальном зале ежемесячно занималось около 5000 человек, действовали филиалы в Брно, Братиславе и Ужгороде (*Серационова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 81–83).

В своем докладе «Русская книга в Праге» на съезде по внешкольному образованию в 1928 г. Л.А. Крезе сообщал, что в научных и специальных библиотеках собрано 20170 русских книг, а всего «в русских и чешских книгохранилищах в г. Праге находится свыше 300 000 книг. И Прага является, пожалуй, самой богатой в Западной Европе по русскому книжному запасу» (ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 1.21. Л. 16). В Славянской библиотеке был создан фонд периодических изданий, выпускавшихся во всем мире представителями русской, украинской и белорусской эмиграции в 1918–1945 гг., который в 2007 г. по решению ЮНЕСКО был внесен в реестр всемирного культурного письменного наследия «Память мира».

Центрами русской книжности за рубежом были церковные приходы и монастыри. Так, в библиотеке Николаевского собора в Ницце, основанной в 1860 г., проводились занятия для детей российской общины. Ценные библиотеки сформировались при Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле и ряде других структур Русской Зарубежной Церкви в США. Создавались и новые центры православной культуры, просветительно-благотворительного характера, в которых развивалось библиотечное дело (Дом св. Григория Нисского и св. Макрины, основанный Н.М. и В.М. Зерновыми в Англии, Свято-Серафимовский фонд в США и др.).

Формирование русских зарубежных библиотек обеспечивалось, прежде всего, широким развитием издательской деятельности в Берлине, Париже, Праге, Нью-Йорке, Харбине (*Муромцева Л.П.* Издательские и литературно-художественные центры российской эмиграции // *Россия и современный мир.* 2015. № 2. С. 199–213).

Кроме того, важнейшим источником формирования библиотек были частные пожертвования. Например, И.А. Якушев в 1934 г. передал в библиотеку Русского культурно-исторического музея в Праге около 100 томов изданий Юридического общества и другую научную литературу (ГАРФ. Ф. Р-6784. Оп. 1. Д. 1. Л. 71). В Сан-Франциско в 1925 г. была создана русская библиотека, получившая позднее имя генерал-лейтенанта барона А.П. Будберга, который пожертвовал ей около 300 томов своих личных книг. Впоследствии это книжное собрание было значительно расширено (*Попов А.В.* Военные музеи и архивы русского зарубежья // *Вестник архивиста.* 2003. № 2 (74). С. 209–213).

Большинство ведущих эмигрантских библиотек стремилось организовать свою работу в соответствии с новейшими достижениями библиотечного дела того времени. Ведущие российские библиографы принимали участие в Международном съезде деятелей библиотечного дела в Праге в конце июня 1926 г. (ГАРФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 87. Л. 31 об.; Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 27. Л. 2).

В послевоенный период в российском зарубежье продолжало развиваться книжное коллекционирование, значительно расширилось собрание россики в иностранных библиотеках. В Париже крупные русские отделы существовали в Славянском институте, Славянской библиотеке, Университетском центре восточных языков, Национальной библиотеке; русская книга была представлена в ведущих библиотеках Германии, Англии, США, Италии и др. В то же время в российских диаспорах продолжался процесс развития библиотечного дела, в котором приняли участие представители всех эмиграционных волн второй половины XX века.

**Завещание князя Андрея Васильевича Меньшого:
время и место составления, политический контекст**

Впервые духовная кн. Андрея Меньшого была опубликована в 1788 г. Позднее она многократно переиздавалась, в том числе в классической публикации 1950 г. Л.В. Черепнина. Столь же длительна история изучения документа. Тем не менее, далеко не все можно считать решенным.

Коротко о завещателе. Кн. Андрей, младший, седьмой сын великого князя Василия II, родился 8 августа 1452 г. По завещанию отца ему предназначалась Вологда «со всем» и несколько владений под Москвой. Реально возглавил удел ок. 1466–1467 г. В 1460–1470-е гг. у него сложились особенные отношения с матерью, великой княгиней Марией Ярославной. За вычетом эпизода 1473 г. он был верным вассалом старшего брата, великого князя Ивана III: участвовал во всех кампаниях 1477–1480 гг. Его приезды в Москву не были редкими, а пребывание в столице бывало продолжительным.

Есть три версии датировки. Л.В. Черепнин обосновал два варианта. «Неоформленный список» завещания (он оставался в великокняжеской канцелярии) был составлен или в августе 1479 г., когда князь болел, или в начале 1481 г., до 23 марта – даты смерти архиепископа Вассиана. По аналогии с завещанием удельного кн. Михаила Андреевича 1486 г., опираясь на тексты поздних помет на обороте духовной и свои наблюдения о конъюнктуре при подготовке договоров Ивана III с братьями кн. Андреем Большим и кн. Борисом (2 февраля 1481 г.), Л.В. Черепнин предпочел вторую версию. А.А. Зимин, повторив его наблюдения, выбрал без дополнительных аргументов первый вариант. Наконец, в 1950 г. Т.С. Ясковичева предположила, что духовная была написана перед походом летом 1480 г.

Л.В. Черепнин отметил, что в сохранившемся экземпляре нет печатей или их следов, а также рукоприкладств четырех свидетелей. Документ, однако, дает дополнительную информацию. Его филигрань («гербовый щит с буквами на епископском жезле») налицо в рукописи Маргарита Иоанна Златоуста, написанной в Москве «замышлением... и хотением» кн. Андрея Меньшого между 27 июля и 1 ноября 1478 г. В кодексе на 410 лл. не менее пяти филиграней. В бумаге dokonчаний Ивана III с братьями от 2 февраля 1481 г. находим разные виды знака «голова быка с перекладиной между рогами». Они обнаруживаются и в Маргарите. Итак, кн. Андрей Меньшой пользовался и в 1478 г., и при писании духов-

ной бумагой, однородной с запасами бумаги великокняжеской канцелярии. Он или получал ее из ведомства Ивана III, или закупал у того же поставщика. Это косвенное указание на то, что завещание кн. Андрея не составлялось дьяками Ивана III одновременно с февральскими договорами. Оно писалось одним профессионалом, практически без вставок и исправлений с выверенными полями (в правом есть немного минимальных выступов). Писец – «мой дьяк» Василий Ухтомский со стажем приказной службы кн. Андрею не менее 10, а скорее, 14–15 лет (Л.В. Мошкова и А.Л. Грязнов расшифровали его монограмму на пяти грамотах 1471 г.; по мнению А.Л. Грязнова, он из княжеской фамилии белозерских Рюриковичей). Нет никаких оснований считать, что дьяк Василий делал эту работу в помещениях канцелярии Ивана III.

В перечне лиц, кому кн. Андрей что-то завещает, находим второго сына Ивана III от Софьи Палеолог. Юрий родился 23 марта 1480 г., что исключает датировку августом 1479 г. Остается время с 24 марта 1480 г. и до 23 марта 1481 г. Для составления духовной было необходимо одновременное пребывание в Москве пяти лиц – кн. Андрея и четырех свидетелей: ростовского архиепископа Вассиана (духовник Ивана III и крестный отец Василия, его старшего сына от Софьи), троицкого игумена Паисия (духовник соправителя Ивана III великого князя Ивана Ивановича; крестный отец и Василия, и Юрия), духовника кн. Андрея попа Никиты, боярина Ивана III кн. И.Ю. Патрикеева, (очень значимой персоны в системе управления). Это было реальным или в начале июня 1480 г. или где-то в конце ноября 1480 г. (тогда Иван III с сыном и братьями прибыли в Москву из Боровска) и до 22 марта 1481 г.

Последний вариант мы отвергаем: нет разумных объяснений, почему на протяжении четырех месяцев завещание так и не приобрело юридически выверенную форму. Другого экземпляра духовной, судя по описям XVI – начала XVII вв. (особенной последней) не существовало. И при этом распоряжения завещателя выполнялись: кн. Борис Васильевич, а затем его сыновья владели «селом Ясеновским у Москвы». Известий о болезни кн. Андрея в эти месяцы нет, равно как в апреле – начале июля 1481 г. По-видимому, он скоропостижно скончался 5 июля 1481 г. в Москве и не успел составить новый вариант завещания.

В первой версии не все ясно с перемещениями Вассиана: он возглавлял два посольства Ивана III к мятежным братьям. Во втором случае послы выехали из Москвы 27 апреля 1480 г., прибыли в Великие Луки только 20 мая. Уступки Ивана III братья отвергли, так что 21–22 мая Вассиан отправился назад. Обратный путь при изменившихся погодных условиях занял ок. 12–14 дней и появление

Вассиана в Москве пришлось на 2–3 июня. Именно в эти дни готовились в поход великокняжеские выводы и кн. Андрей Меньшой со своими отрядами: они выступили двумя-тремя днями ранее основных сил во главе с великим кн. Иваном Ивановичем (он вышел из Москвы 8 июня). Плотность событий, вовлеченность в них кн. Андрея Меньшого и свидетелей его духовной объясняют незавершенность ее юридического оформления. Скорее всего, это завещание кн. Андрея не было единственным, первое составлялось в Москве в октябре 1477 г. перед походом на Новгород. Оно послужило черновиком, в который внесли дополнения в связи с рождением сыновей Ивана III в 1479 и 1480 гг. Отсюда, кстати, и качество работы в 1480 г.

Итак, завещание было составлено между 3–5 июня 1480 г. в Москве, во дворе кн. Андрея в Кремле (он сгорел в марте 1477 г., но бесспорно был восстановлен летом того же года). Его конъюнктурный контекст определяется на двух уровнях. Соблюдение интересов и воли Ивана III гарантировалось составом свидетелей, особенно Вассианом и кн. И.Ю. Патрикеевым. Во-вторых, распоряжения о передаче подмосковных владений Андрею Большому и Борису соответствовало семейным традициям и скорее всего содержалось в духовной 1477 г. А главное, поездка Вассиана внесла ясность: мятежные братья не отъедут с семьями в Литву, не затронут своими действиями Новгородские земли. Решение конфликта – продолжение переговоров. Поэтому и эти распоряжения были подтверждены в завещании 1480 г., а после июля 1481 г. реализованы Иваном III.

И еще о контексте, теперь социальном. На наш взгляд, духовная содержит уникальную информацию об условном землевладении детей боярских кн. Андрея Меньшого как масштабном явлении на территории его удела (на Вологде и в Тарусе), как значимом социальном феномене в жизни местного общества.

*В.В. Незговорова, к.и.н., с.н.с., хранитель
ВИМАИВиВС*

**Альбом бывших воспитанников Николаевского
инженерного училища в Военно-историческом музее
артиллерии, инженерных войск и войск связи**

В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) хранится составленный генерал-лейтенантом А.И. Савельевым альбом с фотографиями и биографиями бывших воспитанников Николаевского инженерного училища. Альбом поступил в музей в 1963 г. из Центрального исторического военно-инженерного музея (ЦИВИМ). На обложке имеют-

ся штампы архива Инженерного музея: ранее альбом, скорее всего, находился в собрании музея Николаевской инженерной академии и училища.

Александр Иванович Савельев (1816–1907) из дворян Санкт-Петербургской губернии получил образование в 1-м кадетском корпусе, откуда выпущен прапорщиком в 1834 г.; в 1838 г. командирован в кондукторскую роту Главного инженерного училища (кондукторами называли воспитанников младших классов училища) на должность младшего офицера. С того времени около 30 лет дальнейшей его службы были посвящены инженерному училищу. В 1855 г. А.И. Савельев назначен командиром кондукторской роты училища, переименованного в Николаевское инженерное училище. В 1856 г. был произведён в полковники «и, вследствие переименования кондукторской роты в роту Николаевского инженерного училища, был назначен командиром этой роты. Ротой Александр Иванович командовал до 1869 г., когда был произведён в генерал-майоры с зачислением по инженерному корпусу и с назначением состоять при Главном инженерном управлении» (Русский инвалид, № 77. 5 апреля 1907 г. С. 4).

А.И. Савельев – генерал-лейтенант (1884), действительный член Русского Археологического (1864) и Географического (1866) обществ, сотрудник «Военного энциклопедического лексикона» (с 1841), автор многочисленных статей по истории и археологии (Там же). Особый интерес А.И. Савельев проявлял к истории инженерного училища и биографиям бывших его воспитанников. В 1901 г. в «Инженерном журнале» была опубликована его статья «Первые годы Главного инженерного училища», написанная на основе собранных биографических сведений (*Савельев А.И.* Первые годы Главного инженерного училища. Инженерный журнал. СПб., 1901. № 8. С. 1019–1056).

А.И. Савельев в конце 1890-х гг. обратился к бывшим питомцам Николаевского инженерного училища с просьбой присылать фотографии и краткие биографии для составления истории училища. Присланные материалы составили упомянутый выше уникальный рукописный альбом.

Альбом в двух томах, одинаково оформленных: листы в твёрдом переплёте, собраны в тетради, прошиты и вклеены в корешок. На титульном листе каждого тома рукописный текст чёрными чернилами: «Кондукторы (юнкера) Главного (Николаевского) Инженерного Училища. Портреты их (фотографии). Собраны бывшим дежурным офицером и ротным командиром Ал. Ив. Савельевым. 1899 года». В оглавлении 184 фамилии, расположенные в алфавитном порядке, в первом томе: «А – М», во втором: «Н – Э» (ВИ-

МАИВиВС. ИДФ 22/53, 22/54). В основном, это выпускники училища 1830-х – 1870-х гг. Но имеются сведения и о некоторых первых выпускниках начала 1820-х гг., например, подробная биография известного инженера-фортификатора А.З. Теляковского (1806–1891) (Там же. Л. 120–138).

Фотографии наклеены на тонкие листы бумаги, по одной фотографии на лист. Над каждой фотографией от руки написана фамилия, имя и отчество изображённого лица; под фотографиями – дата выпуска из училища. К сожалению, в альбоме имеются утраты: в настоящее время в наличии 139 фотографий. Юнкерских фотографий совсем немного. Офицеры старались прислать свои портреты при чинах, с орденами и медалями.

Биографические материалы вклеены в альбом рядом с фотографиями как отдельные листы. Служебные биографии составлены по образцу послужных списков, отличаются чёткостью изложения, тщательным перечислением чинов, наград, и отличий, а также мест службы и должностей; зачастую указывались оклады и другие выплаты на момент составления биографий. Некоторые корреспонденты присылали копии «Полных послужных списков» на бланках. Как правило, такие документы переписаны разборчивым почерком, иногда напечатаны на машинке. Биографии, написанные самими бывшими кондукторами и юнкерами, зачастую требуют немало времени для прочтения текста.

Многие из бывших воспитанников училища окончили затем Николаевскую инженерную академию (до 1855 г. – высшие «офицерские классы» Главного инженерного училища). Большинство корреспондентов – участники Восточной войны 1853–1856 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг., достигшие высших офицерских и генеральских чинов. В альбоме представлена галерея военных инженеров – строителей крепостей, мостов и дорог, гражданских и культовых сооружений в различных районах Российской Империи.

Выделяются представители военных династий. Так, в 1820 г. из верхнего офицерского класса был выпущен Бурман Егор Ермолаевич, на фотографии изображён в чине генерал-майора (Там же. Л. 73). Его сын, Бурман Владимир Егорович, окончил училище в 1854 г. На фотографии 1884 г. – также в чине генерал-майора (Там же. Л. 74).

Стоит упомянуть помещённую в альбом фотографию самого известного воспитанника А.И. Савельева – Ф.М. Достоевского (1821–1881), «выпуска 1843 года из верхнего офицерского класса Главного инженерного училища» (Там же. Л. 191). Краткая биография знаменитого писателя переписана, скорее всего, самим А.И. Са-

вельевым с пометкой: «Взято из записной книжки Анны Григорьевны Достоевской» (Там же. Л. 193 об.; А.Г. Достоевская (1846–1918) – вторая жена Ф.Г. Достоевского).

Составленный А.И. Савельевым альбом – ценный источник по военной истории России XIX в. Для введения данного источника в научный оборот необходимо продолжить работу по его изучению и атрибуции.

Д.А. Николаев, к.и.н., доц.

ИМОМИ Нижегородского ГУ им. Н.И. Лобачевского

Новое обретение стяга: знамена эпохи Крымской войны для нижегородского ополчения 1914 года

В годы Первой мировой войны в рядах русской армии, наряду с регулярными строевыми частями, находились многочисленные губернские ополчения, давно уже перешагнувшие (как законодательно, так и психологически) порог их восприятия обществом как «низовой» и «стихийной» народной силы и ставшие неотъемлемой частью государственного мобилизационного планирования. Личный состав ополчений (составивших, в итоге, 2,2–2,3 млн чел. из общего количества призванных в армию 13,5–15 млн чел.) составляли «ратники» 1 и 2 разрядов (по шкале возраста и степени годности к военной службе), которые были организованы и действовали в соответствии с «Высочайше утвержденными» положениями и узаконениями (Собрание узаконений № 217, 8 августа 1914 г. Ст. 2139). В Нижегородской губернии также были созданы ополченские «дружины» под № 504, 506, 508, 661, 662, 666, 671 и 672. Но если общие вопросы формирования, вооружения, обеспечения и снабжения этих частей особых толкований не вызывали, то вопрос об обеспечении подразделений знаменами и штандартами, как символами «настоящих» воинских частей, не получил отражения в законодательно-нормативном материале и решался «на ходу».

24 августа 1914 г. военный министр В.А. Сухомлинов обратился к царю со «Всеподданнейшим докладом», в котором предложил передать ополченским дружинам знамена времен Крымской войны, которые использовались в свое время местными ополчениями губерний. Император согласился с этим предложением и на места было разослано «Высочайшее повеление» о выдаче знамен дружинам с мест их хранения (церквей и кафедральных соборов). Начальник 63 бригады Государственного ополчения (куда входили и нижегородские дружины) попросил нижегородского губернатора сообщить о наличии этих знамен в Нижнем Новгороде. Согласно переписки губернатора и Нижегородского общественного управле-

ния выяснилось, что все 11 знамен (по числу уездов губернии, организовавших свои дружины в годы Крымской войны) имеются в наличии, но имеют разное физическое состояние (Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1774. Л. 15): «Высочайшее повеление от 24 августа 1914 года о передаче из губернских хранилищ старых ополченских знамен 1855 года ... Нижегородских пеших дружин выполнить затруднительно вследствие того, что некоторые знамена частью оторваны от древка, самые древки согнуты дугой, а полотнища знамен слишком ветхи» (ЦАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1774. Л. 15). Тем не менее, было решено выдать 5 знамен, находившихся в лучшем состоянии, «полагая, что старое, освященное походом, знамя, могло бы представить большую ценность, нежели знамя новое» (ЦАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1774. Л. 6), а также «возбудить ходатайство о Высочайшем соизволении на выдачу... новых ополченских знамен». Поскольку подобные ходатайства поступали в большом количестве из разных губерний, то было решено в массовом порядке изготавливать силами земств и городских правлений новые знамена по образцам 1855 г., фотографии которых рассылались Главным управлением Генерального Штаба. Вероятно, что некоторые «новоделы» не вполне соответствовали установленным образцам, поскольку в декабре 1914 г. было официально утверждено описание «знамени образца 1855 г. для дружин Государственного ополчения» (Григоров А.И. Костромское ополчение в Великой войне 1914–1918 гг. М., 2014. С. 309). Известно также о фактах использования некоторыми дружинами ополчения (в порядке особого исключения) и знамен 1812 г.

*Е.И. Носова, к.и.н., н.с.
СПБIIИРАН*

Подпись французского короля Людовика XI (1461–1483): композиционные особенности и их иконографические истоки

В середине XIV в. на документах, исходящих из французской королевской канцелярии, появляются первые образцы подписей французских монархов. Затем эта практика расширяется и завоевывает все более и более широкие социальные слои, становясь общепризнанным способом придания документу юридической силы. В ходе этого процесса подпись интегрируется в эстетический и политический контекст документа: она становится элементом художественного убранства грамоты и вступает в диалог с прочими ее элементами, а также рассматривается как индикатор укрепления королевской власти и средство трансляции политических установок.

Настоящий доклад был вызван к жизни бытованием историко-графической легенды, согласно которой подпись короля Франции Людовика XI была связана с иконографией печати ордена святого Михаила, учрежденного этим королем в 1469 г. (*François M. Les signatures de Louis XI // Bulletin philologique et historique. 1959. P. 229–230*). Элементы, которые мы можем видеть справа и слева от подписи монарха, исследователи интерпретируют как литеры альфа и омега, якобы фигурировавшие на печати ордена святого Михаила. В рамках уже доказанной тенденции к взаимовлиянию различных сфер письменной культуры и искусства (дипломатики, книжной миниатюры, сфрагистики) и отсутствию между ними жестких, непроницаемых границ такая интерпретация имеет под собой основание. Однако приходится усомниться в данной гипотезе прежде всего потому, что иконография святого Михаила не включает в себя литеры альфа и омега. Кроме того, анализ доступных сегодня экземпляров печати, включая матрицы, доказывает, что значки, принимаемые ранее за литеры (*Douët d'Arcq L. Collection de sceaux. Vol. 3. P. 25. № 8299*), в действительности представляют собой ни что иное как звезду и полумесяц (*Blanc-Riehl Cl., Maneuvrier Ch. La matrice de l'abbaye du Mont Saint-Michel // Annales de Normandie. 2011. Vol. 61^e. N. 1. P. 117*). Таким образом, концепция, связывающая иконографию печати ордена святого Михаила и подпись Людовика XI, оказалась несостоятельной.

Вместе с тем, отказавшись от гипотезы французских исследователей, мы считаем необходимым предложить свое объяснение. Параллели композициям подписей французских монархов отчетливо прослеживаются в парафах секретарей канцелярии. Однако элементы подписи Людовика XI сильно отличаются от тех, которыми пользовались его предшественники. Одним из возможных источников появления символов, обрамляющих подпись монарха, можно считать канцелярскую практику. В грамотах и регистрах французской королевской канцелярии мы встречаем аналогичные знаки, окружающие имя или титул монарха, которые, по-видимому, служили для акцентирования имени короля, который издает грамоту.

Таким образом, подпись Людовика XI отличается от подписей предшественников, так как она построена на других образцах, хотя и вдохновленных традицией канцелярии. На правах гипотезы можно предположить, что попытки видеть в подписи какие-либо политические манифесты ошибочны, и зарождение такого явления, как подпись, было продиктовано иными нуждами и механизмами.

**Формулярный анализ как метод изучения протоколов
допросов судебно-следственных дел по обвинению
духовенства Русской Православной Церкви Москвы
и Московской области 1918–1920-х годов**

В отечественной исторической науке применение методов дипломатики, в частности, формулярного анализа, при исследовании судебно-следственных дел имеет свою традицию (*Князьков С.Е.* Приемы использования и изучения судебно-следственных материалов XVI–XVII вв. в отечественной историографии // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода: Сб. ст. / Под ред. В.Т. Пашуто и С.О. Шмидта. М., 1979. С. 99–113.). Это обстоятельство послужило основанием для возможности применения данного дипломатического метода при анализе протоколов допросов судебно-следственных дел по обвинению духовенства г. Москвы и Московской области в период 1918–1920 гг.

Наиболее информативным источником судебно-следственных дел является протокол допроса, который содержит информацию о том, когда и кем он был составлен, сведения биографического характера допрашиваемого, а также сосредоточивает в себе информацию обо всем следственном процессе. Именно поэтому в пособиях для следственно-прокурорских работников он характеризуется как «важнейший доказательственный материал при расследовании уголовных дел» (*Криминалистика. Книга 1. Техника и тактика расследования преступлений / Учебник для слушателей правовых вузов под ред. А.Я. Вышинского. Москва, 1935. С. 191*). В судебно-следственных делах по обвинению духовенства встречается два вида протокола допроса: обвиняемого и свидетеля. В данной статье рассматриваются только протоколы допросов обвиняемых.

Необходимость составления протокола допроса задержанных содержится в «Положении об отделе по борьбе с преступлениями по должности» от 11 мая 1918 г. (Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003. С. 303). Согласно этому положению дежурный следователь при доставлении задержанных лиц во время дежурства, обязан был произвести допрос с составлением протокола (Там же. С. 306). Это же требование закреплялось п. 18 Положения «Об отделе по борьбе с контрреволюцией», принятом на I Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий, согласно которому дежурный следователь, приняв от дежурного оперативной частью ордер, протокол, доку-

менты и переписку, был обязан произвести предварительный допрос на основании выданного ордера (Там же. С. 311).

В ходе сравнительного анализа протоколов допросов 1918–1920 гг. с применением метода формулярного анализа была определена внутренняя структура документа, которая включает несколько устойчивых частей, отражающих следующую информацию: 1. сведения биографического характера допрашиваемого; 2. информация о том, когда и на основании чего произведен арест; 3. содержательная часть (показания допрашиваемого); 4. подпись допрашиваемого; 5. заключение следователя с подписью (с 1920 г. заключение следователя выделяется в отдельный документ, в протоколе остается только подпись допрашивающего).

Для протоколов допросов 1918–1920 гг. характерно то, что они написаны полностью от руки, в свободной форме, но с обязательным указанием даты проведения допроса, кратких биографических сведений допрашиваемого, а также наличием подписей допрашивавшего и допрашиваемого.

Данные биографического характера содержали минимальную информацию об арестованном (ФИО, возраст и место проживания), в связи с чем установить или уточнить какие-либо точные сведения об обвиняемом крайне затруднительно. Так, например, в четырех делах из 16 за 1918–1919 гг. не удалось установить возраст арестованных, социальное происхождение указано только в четырех делах, причем в трех случаях арестованные происходят из духовного звания (сын священника или дьякона), а в одном – из крестьян.

Что касается содержательной части протоколов допросов, то это – рукописный текст: форма записи вопросов и ответов носит разнородный характер, часто вопросы следователя не фиксировались в протоколе, хотя и говорить о том, что это было повсеместной практикой, нельзя. Иногда весь допрос заключался в одном предложении, когда обвиняемый категорически отрицал предъявляемые ему обвинения.

Особенностью заключительной части протокола допроса до 1922 г. является то, что помимо подписей допрашиваемого и допрашивающего здесь помещалось заключение следователя.

Анализ следственной практики составления документов, отраженной в следственных делах по обвинению духовенства, показывает, что с 1920 г. следственный процесс приобретает более организованную форму, что выразилось, в том числе, в появлении устойчивого формуляра протокола допроса, который с этого момента заполняется не вручную, а изготавливается типографским способом. Однако проследить изменения в оформлении документов следственного производства на основе инструкций не удалось, поскольку

документов инструктивного характера о принципах документирования протоколов допросов за период первых послереволюционных лет нами выявлено не было. На наш взгляд, одним из факторов, повлиявших на упорядочение оформления следственных действий, является общий процесс изменения внутренней структуры ВЧК, происходивший с середины лета 1920 г. до февраля 1921 г., а также окончание к этому времени структурного оформления губернских ЧК, действия которых стали четко регламентироваться соответствующими положениями (ВЧК (1917–1922 гг.): к столетию создания / Сб. ст. и док. / Отв. ред. В.С. Христофоров. М. 2017. С. 676–772).

*З.Е. Оборнева, н.с.
ИРЯ РАН*

**Греческий переводчик Посольского приказа
первой половины XVII в. Иван Боярчиков.
Начальный период деятельности**

Примерно половина греческих переводчиков Посольского приказа были греками, поступившими на русскую службу, а другая половина – бывшими турецкими пленниками, выучившими греческий язык в плену. Не всегда удается проследить происхождение и образование переводчиков, но в случае с Иваном Боярчиковым это оказалось возможным.

12 марта 1631 г. в Посольский приказ просился на службу бывший турецкий пленник калужанин Иван Дмитриев, в челобитной назвавшийся русским человеком и служилого отца сыном. Он прибыл в Россию с греком Константином Ларевым и его братом Федором. Братья Ларевы въехали в свите митрополита Аверкия на территорию Московского государства в начале 1629 г. через польскую границу. В Путивле греки предоставили отписку от русского посольства в Константинополе об их отпуске вместе с тремя русскими людьми. И действительно, помимо двух служек с братьями Ларевыми ехал взятый ими для толмачества «полоняник» – «Калужского Усть-Угрешского Спасова монастыря крестьянской сын Тимошка». Посольский приказ сверил показания Дмитриева с донесением из Путивля. Никакого Ивана среди слуг не было. Иван Дмитриев объяснил это тем, что это он ошибочно записан под именем Тимошка (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1631 г. № 12. Л. 1–6).

Челобитную бывший пленник подал не случайно. Ивана сослали в Вятку вместе с греком Константином Ларевым по навету верейского митрополита Аверкия, поселившегося в Москве. По ходатайству константинопольского патриарха Кирилла Лукариса в 1631 г. Ларева вернули из ссылки и отпустили в Константинополь

вместе с его слугами (о деле Ларева см.: *Кантерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI–XVII ст. Сергиев Посад, 1914. С. 175–176). Иван Дмитриев не желал покидать свою родину и попросился в Посольский приказ.

В качестве доказательства своего дворянского происхождения он мог привести лишь слова матери, вместе с которой он был пленен татарами еще ребенком. Мать Ивана умерла в Константинополе, а он жил у патриаршего приказного (управляющего константинопольского патриарха), который отпустил его на волю, узнав о приезде посольства Семена Яковлева и Петра Евдокимова. В расспросе И. Дмитриев смог доказать, что он русский человек, попавший в османский плен: это подтвердили принимавшие его в Константинополе посол Семен Яковлев, переводчик Анастас Селунский, толмачи и кречетник.

Иван Дмитриев сообщил о знании греческого и турецкого языков, а также греческой грамоты. Его экзаменовали на предмет того, сможет ли он быть толмачом или переводчиком, греческие переводчики Посольского приказа Борис Богомольцев и Анастас Селунский, а также турецкий переводчик Сунчалей. Вердикт был таков: кандидат умеет говорить по-гречески и по-турецки, а грамоту знает только греческую, турецкую и русскую – не знает. Иван был принят на службу и поверстан денежным и поместным окладами: в качестве примера были приведены оклады греческих и татарских толмачей.

В Посольском приказе Иван Дмитриев пробыл недолго, уже 16 апреля 1632 г. его перевели мастером «бархатного и камчатого дела» на Бархатный двор. Об этом попросили «свийские немцы», мастера бархатного дела. Пробыв около полутора лет подмастерьем, царским указом Иван был возвращен в Посольский приказ: после ссылки Бориса Богомольцева остро ощущалась нехватка специалистов по иностранным языкам. Отныне Иван без экзамена стал переводчиком и толмачом, так как уже имел опыт работы с письменными текстами: «у переводов он з греческими переводчики сиживал» и «греческой грамоте и языку умеет достаточно». Жалование переводчику, который в челобитной называл себя «сын боярский Иван Дмитриев сын Боярчиков», было назначено 20 ноября 1633 г. по аналогии с окладами других переводчиков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1633 г. № 3. Л. 1–6).

Через некоторое время выяснилось, что И. Боярчиков был хорошо знаком с патриархом Кириллом Лукарисом, который год спустя отправил со своим доверенным человеком Иваном Петровым рекомендательное письмо «о греческом переводчике о Иване Дмитриеве», где патриарх рекомендовал и дальше жаловать известного ему в Константинополе знатока нескольких языков: «если

проведали, и царствие твое показал еси свое царское жалование к сему Ивану переводчику и почтили есте его своим царским жалованием, то есть надобен переводить наши грамоты в царствии твоём верою и правдою, и по сем подобает царствию твоему его жаловать, потому что есми знали, здесь жил он честью разумом и потом хвалил твою царскую велию милость» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1635 г. № 7. Л. 39–41).

С этого времени карьера переводчика пошла вверх. Его поденный корм уже в 1635 г. достиг значительной суммы в 3 алтына 2 деньги, вскоре, в 1637 г., Боярчиков был послан с Ф.Ф. Волконским в Грузию, а в 1642 г. отправлен гонцом в Константинополь с официальным сообщением об оставлении Азова. Доверие к переводчику было высоким. Он участвовал в многочисленных посольствах, встречах высокопоставленных лиц и переводил важнейшие документы вплоть до своей смерти в 1654 г.

Таким образом, это один из немногих случаев, когда можно проследить, как русский человек в начале XVII в. смог выучить греческий язык и стать одним из лучших переводчиков Посольского приказа.

*Д.А. Оксамитная, аспирант
РГГУ*

Сравнительный анализ карьер различных групп аристократов периода правления Екатерины II (выпускников Пажеского корпуса и придворных кавалеров) с использованием просопографических баз данных

В настоящем исследовании предпринята попытка провести сравнительный анализ карьерных путей выпускников Пажеского корпуса и придворных кавалеров периода правления Екатерины II, опираясь на данные составленных нами просопографических баз. Изначально разрабатывалась более полная база данных по персоналиям, пожалованным придворными званиями в период 1762–1796 гг., содержащая такие признаки, как происхождение, образование, возраст пожалования ко двору, временной промежуток между пожалованиями придворными званиями, прочие занимаемые должности, помимо придворных, полученные чины и возраст их получения. Данная работа проводилась с целью исследования карьерного пути указанных вельмож, факторов, оказавших на этот путь наибольшее влияние. Реконструкция типично успешной для эпохи правления Екатерины II карьеры придворного поможет, по нашему мнению, под иным углом осветить хорошо изученное правление императрицы, дать дополнительную информацию о механизмах

социальной мобильности в среде высшей аристократии второй половины XVIII в., помочь в оценке влияния происхождения и образования на становление карьеры.

Чтобы ответить на возникшие в ходе исследования вопросы о том, какой именно толчок давал карьере сам факт пожалования ко двору, как карьера придворных развивалась в сравнении с представителями аристократии, не получившими придворных званий камер-юнкера и камергера, была создана дополнительная база биографических данных по выпускникам Пажеского корпуса. Анализировались в первую очередь динамические показатели, отражающие карьерный рост: занимаемые должности и получаемые чины. Для целей исследования необходимо было определить наивысший в соотношении с Табелью о рангах достигнутый каждым бывшим пажом чин и представить данную информацию количественно в целом по выборке. Полученные данные были выражены в процентном соотношении по классам Табели. Аналогичное исследование проведено в отношении придворных кавалеров с опорой на описанную выше просопографическую базу данных. На основе сравнения полученных результатов по обоим выборкам, получены следующие результаты. Чинов 1–3 классов достигли лишь около 3,5 % выпускников пажеского корпуса из выборки за период 1760–1796 гг., в то время как из придворных подобного успеха достигли 53 % вельмож, пожалованных ко двору в этот же период.

Таким образом, можно предположить, что придворные в некотором роде представляли кадровый резерв для комплектования высших должностей империи. В то же время, следует учитывать, что ко двору жаловались в основной своей массе представители узкого круга элиты, само пожалование часто было предопределено происхождением из знатного древнего рода или рода, состоящего в родстве с правящей династией. Тем не менее, часты и случаи (в особенности в шестидесятые годы) пожалования за какие-либо особые заслуги перед императрицей лично (либо обусловленные личными предпочтениями Екатерины II) выходцев из менее знатных семей. В этом случае такая особая милость открывала широкие возможности для вельможи, который сумеет себя проявить, и давала толчок развитию карьеры.

**Географическая карта как способ заявить
о своих притязаниях: карта Атлантического океана
Пьера де Во и изображение Южной Америки (1613 г.)**

В докладе будет представлена рукописная богато декорированная карта Атлантического океана нормандского картографа Пьера де Во (Pierre de Vaulx), созданная, предположительно, в 1613 г. Необычная форма карты с треугольным выступом в правой части объясняется желанием максимально использовать всю площадь имеющегося пергамена и не обрезать ту часть, которая соответствовала шее животного.

Среди ярких цветовых пятен и позолоты внутри контуров континентов, «окаймляющих» Атлантический океан, выделяются несколько крупно исполненных гербов и стилизованная роза ветров. Обращает на себя внимание своеобразный треугольник, образованный французским гербом с королевскими лилиями, которые расположены в контуре Франции, на территории Северной Америки рядом с надписью «Новая Франция» и на территории Южной Америки рядом с надписью «Антарктическая Франция» (прилагательное «Антарктическая» указывает на расположение в южном полушарии под «антарктическим» полюсом (в противоположность северному, «арктическому»). Помещение французских гербов на земли и Северной, и Южной Америки символически увязывает «эфемерную» французскую колонизацию Бразилии с более планомерным (и, как показало дальнейшее развитие событий, значительно более успешным) освоением территорий в Северной Америке.

Помещение герба европейской державы на карту в качестве заявки на суверенитет над той или иной местностью Нового Света является распространённой практикой европейских географических карт, начиная с эпохи Возрождения и на протяжении раннего Нового времени, однако в случае с Бразилией подобная декларация обладает и другими особенностями. Важно отметить, что надпись ««Антарктическая Франция» не только расположена на видном месте и по размеру шрифта лишь незначительно уступает обозначению всего региона («Бразилия»), но и визуально связана с изображением французского герба (тот своей нижней частью «вмонтирован» в надпись и составляет с ней единый блок).

Надпись «Антарктическая Франция» отсылает к французской колонии с таким названием, просуществовавшей на определённом участке бразильского побережья с 1555 по 1560 гг. Однако к моменту создания карты Пьера де Во колония уже полвека как не су-

ществовала, и «забыть» об этом обстоятельстве можно было лишь преднамеренно. Кроме того, размещение надписи на карте (северовосточное побережье Бразилии) не соответствует историческому расположению колонии (значительно южнее, на небольшом острове в заливе Гуанабара, на месте современного г. Рио-де-Жанейро), не говоря уже о том, что масштаб надписи, «усиленный» гербом, не соотносится с реальной площадью первой французской колонии.

В докладе будет сделана попытка интерпретировать подобный выбор картографа и соотнести его с другими случаями представления на карте ретроспективной информации под видом актуальной и соответствующей текущему моменту. Будут представлены аргументы, не позволяющие расценить высказывание картографа как «забывчивость», но переводящие его жест в ранг политической декларации. Отдельное внимание будет уделено тому факту, что на территории Бразилии изображён испанский, а не португальский герб; подобная фигура умолчания по отношению к Португалии будет соотнесена с другими примерами из истории франко-португальских и франко-испанских отношений в Новом Свете в начальный период существования Иберийской унии.

*Т.А. Опарина, к.и.н., доц., проф., декан
Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова*

Оформление выездов «греческих» иммигрантов в Россию первой половины XVII в.: особенности приказного делопроизводства

Иммиграция в Россию выходцев из Османской империи и ее вассальных государств и ее документальное оформление в России имеет специфические особенности по сравнению с иммигрантами из Западной Европы (*Скобелкин О.В. Западные европейцы на русской военной службе в XVI – 20-х гг. XVII в. Дисс. д.и.н. Воронеж, 2015*). «Греческие» иммигранты никогда не рекрутировались русскими властями, кроме того, они редко самостоятельно добирались до России. Рассчитывающие перебраться под «высокую государеву руку» подданные султана стремились воспользоваться присутствием русских дипломатов и вместе с ними двигались к границам России. Кроме того, существовала возможность присоединиться к духовным миссиям, направлявшимся в Россию для сбора пожертвований.

Разнилась и топография мест пересечения русских границ. Первая встреча «греков» и русской администрации происходила в строго отобранных для пропуска иностранцев пунктах. Существовало несколько приграничных городов: Архангельск (ранее Холмогоры) выбирали иммигранты, пользовавшиеся Северным морским путем;

в Воронеж прибывали иммигранты, попадавшие в Россию через Черное море и Крым; в Астрахань ехали иммигранты, выходящие из Ирана; Путивль (ранее Смоленск, редко Севск) был точкой маршрута иностранцев, двигавшихся в Россию через территорию Речи Посполитой. Архангельск избирали немногие «греки», направлявшиеся в Россию после долгих самостоятельных странствий по Западной Европе; Астрахань стала приютом для «гречан», попавших в неволю; в Воронеж и Астрахань «греки» прибывали в составе дипломатических миссий; в Путивль – в составе духовных или одиночных поездок. Наиболее распространенными пунктами миграции «греков» были Воронеж и Путивль.

На воевод приграничных городов возлагались обязанности первого контакта с иностранцами, желающими остаться в России. Администрация Архангельска и Путивля располагала штатом толмачей, необходимых для устного перевода рассказов иностранцев о целях пересечения границы. В Архангельске присутствовали лишь толмачи «немецкого» языка, в Путивле обязательно находились специалисты по греческому языку.

С помощью толмачей в съезжей избе воеводы осуществляли расспросы каждого иностранца. Содержание ответов излагалось в воеводской отписке в Москву, которая становилась первым документом, фиксирующим имя иммигранта, его происхождение, социальный статус, род занятий и биографию. Воевода избирал приказ, в который доставлялась его отписка. Иммиграцией ведали два приказа: Посольский и Разрядный. Если выезд западноевропейцев в большинстве своем документировался в Посольском приказе, то выезд «греков» – в Разрядном. Можно проследить некоторые закономерности. В Посольский приказ направлялись сведения о «греках», прибывших в Архангельск (по аналогии с западноевропейцами), Воронеж и Астрахань в составе дипломатических миссий, в Путивль – в составе духовных миссий. К особой категории относились знатные иммигранты, подпадающие под действия Посольского приказа. При этом наиболее масштабная миграция «греков» осуществлялась через Путивль и вне миссий. В таких случаях воеводы предпочитали посылать отписки о прибытии «греков» в Разрядный приказ.

Далее воеводы, а вместе с ними и иностранцы, должны были дожидаться ответа на отписку с разрешением или запрещением въезда. Практически все, приехавшие из Османской империи, принимались русской стороной. После получения разрешения иммигрантов направляли в столицу. Они попадали в тот приказ, куда направлялась воеводская отписка и откуда приходил ответ с «госу-

даревым указом». Дальнейшее делопроизводство в Посольском или же Разрядном приказах имело некоторые отличия.

В Посольском приказе следовали четко отработанной процедуре, сложившейся, вероятнее всего, в XVI в. Происходил повторный расспрос с привлечением собственных толмачей и переводчиков. Затем на основании предшествующих прецедентов (написано в доклад) осуществлялось назначение «жалованья за выход». В случае необходимости иммигранты проходили конфессиональные очищения на Патриаршем дворе, после которого возвращались в Посольский приказ и подьячие высчитывали «жалованье за исправление веры» или «жалованья для крещения». Завершало процесс оформления выезда верстание при привлечении «знатцев». После этого иностранцы направлялись на государеву службу. Рядовые иммигранты зачислялись в Иноземский приказ, родовитые – имели возможность войти в привилегированное сословие, пополнив ряды «дворян по московскому списку». Зачисление в чин осуществлял Разрядный приказ, в котором далее и ведались иммигранты. Самые знатные иностранцы удостоивались права остаться в ведении Посольского приказа. Все эти этапы скрупулезно фиксировались подьячими. В Посольском приказе стремились завести на каждого иммигранта или группу совместно прибывших иммигрантов отдельное дело. В него последовательно по мере прохождения иностранцами всех этапов подклеивались бумаги.

В Разрядном приказе оформление выезда происходило по упрощенной схеме. Сохранялись этапы повторного расспроса иммигранта с участием приглашенных из Посольского приказа толмачей, вычисление жалованья за «выезд» с участием «знатцев». Однако к чистоте веры иммигрантов в Разрядном приказе относились не столь требовательно, хотя и здесь иностранцев могли отправить на Патриарший двор. В таком случае по возвращении в Разрядный приказ им начислялось жалованье. Но на этом процедура заканчивалась. В Разрядном приказе не осуществлялось верстание иммигрантов, их сразу направляли на службу в Иноземский приказ. Верстание делегировалось Иноземскому приказу. Руководству военного ведомства приходилось повторять расспрос еще раз с участием «знатцев», а верстание проводилось с участием специально выбранных «окладчиков». После этого иностранец зачислялся в роту. В Разрядном приказе никогда не вели специальные дела иммигрантов. Все бумаги откладывались не тематически (по персоналиям), а хронологически. Хотя отмечается стремление подьячих формировать отдельные столбцы с документацией иммигрантов (из Западной Европы, Речи Посполитой, Османской империи и Ирана), сведения о каждом иностранце оказываются разпыленными между

многочисленными делами других иностранцев, а чаще – о русских служилых людях.

Таким образом, можно говорить о двух версиях сложившейся делопроизводственной практики оформления выездов «греческих» иммигрантов. Документы расспросов в Посольском приказе никогда более не воспроизводились, они были уникальными. В случае гибели отдельных дел или листов теряются важные факты домосковской биографии иностранца. Информация расспросов Разрядного приказа дублировалась в Иноземском, что зачастую помогает воссоздать сведения о жизни иммигранта на родине.

*А.Д. Паскаль, к.и.н., в.н.с.
РГБ*

**Неизвестный фрагмент жития Варвара Мироточца
Пелагонийского (Битольского) в рукописи 1629 г.
из молдавского монастыря Бесерикань**

К произведениям средневековой славянской литературы, известным исключительно в славяно-молдавских списках, относится житие Варвара Мироточца Пелагонийского (Битольского). Климентина Иванова указала на пять списков этого жития в составе следующих рукописей: в библиотеке Румынской Академии Наук – Ms. sl. 165 (Сборник 1441 г. Гавриила Урика), Ms. sl. 74 (Сборник первой половины XV в.), Ms. sl. 154 (Сборник конца XV в.); в библиотеке монастыря Драгомирна – № 1789/700 (Сборник XV в.); в библиотеке Российской академии наук – № 13.3.19 (Сборник 1448 г. Гавриила Урика) (*Иванова К. Житието на Варвар Мироточец Пелагонийски (Битолски) // Palaeobulgarica / Старобългаристика. XXIV. София., 2000. С. 43–46*).

А.А. Турилов отметил еще один список молдавского происхождения в составе Сборника из РГАДА (собрание Ф.Ф. Мазурина (Ф. 196). Оп. 1. № 652) (*Турилов А.А. Критерии определения славяно-молдавских рукописей // Хризограф. Вып. 2. М., 2005. С. 169, Прим. 39*), в котором текст жития находится на л. 202 об. –229 последней трети (70-е гг.) XVI в. и выполнен одним из семи писцов Сборника (благодарим Л.В. Мошкову, любезно предоставившую подготовленное к печати описание этой рукописи).

Само же житие, как установила Климентина Иванова, было составлено в болгарских землях, вероятно, в Тырново, около середины XIV в. как самостоятельный славянский вариант (модификация) близких по содержанию греческих сочинений о св. Варваре Эладском и отражает формирование нового культа святого, как мироточца, в Тырновской агиографической школе. Бытование списков

жития именно в Молдавском княжестве отражает исторически сложившуюся традицию ориентации славяно-молдавской книжности в отношении орфографии и репертуара на афонско-тырновские переводы XIV в. и памятники литературы патриарха Евфимия Тырновского и его окружения.

Обнаруженный нами в Российской государственной библиотеке в составе Псалтыри с воследованием 1629 г. (собрание Е.Е. Егорова (ф. 98). № 228) неизвестный ранее фрагмент жития Варвара Мироточца Пелагонийского (Битольского), а именно – текст молитвы святого из его жития, подтверждает ранее сделанное наблюдение А.А. Турилова, что это житие входит в число немногочисленных маркирующих текстов славяно-молдавской книжности (Турилов А.А. Указ. соч. С. 142).

Действительно, указанная Псалтырь с воследованием была переписана в 1629 г. иеромонахом Парфением из молдавского монастыря Бисерикань, учеником «старого Варнавы» – настоятеля этого же монастыря. Созданная Парфением как вклад в монастырь Бисерикань рукопись, известна прежде всего его записями и пометами, оставленными на полях кодекса, и, в частности, сведениями о дате смерти выдающегося деятеля культуры и Церкви средневековой Молдавии сучавского митрополита Анастасия Кримки (*Pascal A. Surse noi, descoperite recent, privind viața și activitatea mitropolitului Anastasie Crimca* // *Dragomirna: ctitori și restauratori. Sfânta mănăstire Dragomirna*, 2015. P. 147–152).

Сам Парфений был не только профессиональным переписчиком книг, – его руке принадлежат, по меньшей мере, еще две рукописи: Псалтырь с воследованием 1616 г. (Саратов. Зональная научная библиотека СГУ. № 23) и Апостол 1631 г. (ГИМ. собрание П.И. Щукина. № 310), – но и ревностным любителем книжности, заботящимся о сохранности монастырской библиотеки, насчитывающей при нем свыше двухсот томов. Сохранились пометы Парфения на 13 рукописных книгах об их принадлежности библиотеке и запись о том, что по его поручению были обновлены переплеты рукописей из монастырской библиотеки (*Паскаль А.Д. О реконструкции состава собрания славянских рукописей XV–XIX вв. молдавского монастыря Бисерикань (скит Иосифа)* // *Румянцевские чтения – 2017. Ч. 2. М., 2017. С. 38–45*).

Молитва же Варвара Мироточца Пелагонийского (Битольского), которую Парфений переписал и включил в указанную выше Псалтырь 1629 г. из РГБ в качестве отдельной самостоятельной статьи в приложениях к самой Псалтыри, очевидно, скопирована им из какой-то рукописи, содержащей полный текст жития этого святого.

Возможно, что оригиналом послужил указанный ранее Сборник № 652 из РГАДА, так как текст молитвы Варвара Мироточца Пелагонийского (Битольского) в этой рукописи на внешнем поле л. 208 об. выделен киноварью и чернилами – свидетельство особого интереса читателя (переписчика?) к этой молитве.

В публикуемом неизвестном ранее фрагменте жития Варвара Мироточца Пелагонийского (Битольского) текст, выполненный Парфением киноварью, выделен подчеркиванием.

РГБ. собрание Е.Е. Егорова (ф. 98). № 228. Псалтырь с восседованием 1629 г.: (л. 324) въ гори. Пелаго(н)ски. Сѧ м(л) ѿца Ва(р)вара мироточица Ти Іу Хѣ Сне Бжїи, не попусти мене недостоиннаго раба твоего искоушити ми сѧ ѿ всѧ паче силы моеж. тако не искоушенъ есмь къзне(м) хыгтростїи его. тако не вставѣть ма помысль ѿ ве(т)хыа моеж жизни, и не вставѣ(т) ма ч(с)то помолити сѧ. нѧ съмѣщае(т) ма и бори(т) ма помыслы лжкавыми и скверными wskвернѣж съвѣсть моеж. ибо на тѧ ѹповае(т)

(л. 324 об.) дша моа. тако тебѣ вставѣнь есмь нищїи. помози ми на невидимаго врага брань. и оукрѣпи ма слоуж твоеж въсесилюж до конца съвершити м(н) въ ч(с)тотѣ пѣприци жизни моеж. тако ты Ти извел еси ис темницѣ скверныха и мра(ч)ныха дшж мож и настави ма еси въ пѹстына сѧ. тако да пож и славлѣ има твое стое до кончины живота моего. тако бл(с)вень еси въ вѣкы амин(н). Ти Іу Хѣ Сне Бжїи помози мы, и избави ма ѿ искоушенїа лжкаваго.

В.Б. Перхавко, к.и.н., в.н.с.

ИРИ РАН

О горизонтальной классификации социума допетровской России

Выделение составных частей российского социума XVII в. (чинов, должностей, социально-профессиональных, предсословных и территориальных групп) нуждается в более четких и научно обоснованных понятийно-терминологических определениях.

Анализ и сопоставление разноплановых письменных источников заставляет отвергнуть жесткую марксистскую схему формирования антагонистических классов с первых веков существования древнерусской и российской государственности. Даже на материалах XVII в. невозможно выделить класс феодалов, класс крестьян, класс горожан, ибо и феодалы, и крестьяне, и горожане состояли из представителей разных чинов, людей разного имущественного достатка и разного отношения к собственности (средствам производства), способам и размерам извлечения общественного богатства. Не

сформировались еще и сословия как крупные замкнутые социально-правовые общности людей, наделенных правами и обязанностями, которые были бы четко очерчены и закреплены в законодательстве и обычно передавались по наследству. Сложнейшая многоуровневая структура социума допетровской России, ее многоукладная экономика, судебная и правовая системы не укладываются в рамки как классового, так и сословного деления (Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования / Под ред. Д.А. Редина. СПб., 2018). Вертикальная стратификация русского общества с середины XVI в. отражалась в чиновной системе, распространявшейся только на свободных людей (Перхавко В.Б. Представления об устройстве общества в средневековой России // 1150 лет российской государственности и культуры / Сост. В.Б. Перхавко. М., 2012. С. 69–75).

Общество той поры отличалось как чиновно-должностной иерархией, имущественным расслоением, так и социально-профессиональными, социально-территориальными, социально-фискальными и социально-церковными связями горизонтального характера, отражающими, прежде всего, жизненную среду. Слово старославянского происхождения «среда», слегка сократившееся в церковно-славянском книжном языке («среда»), с давних пор имело несколько значений. Оно означало не только середину чего-либо и средний день недели, пол жилища, но и совокупность людей, общество, общину. Во французском языке слово *milieu* также означает и середину (среднее положение) и социальную среду. Представляется уместным использовать термин «среда» (англ. *surroundings*, *enviroment*, *set*; немец. *Umgebung*) для обозначения больших горизонтальных групп социума. Среда – это определенное сообщество подданных московских царей, объединенных общими занятиями и интересами, профессиональной психологией и жизненным укладом, административно-территориальной (посадские и сельские общины) и церковной (приход, монастырь) принадлежностью, круговой порукой (прежде всего, в фискальном отношении), но вместе с тем отличающихся по ряду характерных признаков (чин, должность, имущественное состояние, правовой статус). Православные россияне XVII в., обладая даже общей этно-конфессиональной идентичностью, действовали и существовали в самых разных средах обитания: феодальной, приказной, воинской, церковной, купеческой, крестьянской, холопской, крепостнической.

Средневековые и раннее Новое время характеризуются не только феодальной иерархией, лестницей чинов, системой должностей разного уровня. Присущая им корпоративность способствовала созданию и функционированию также общностей горизонтально-

вертикального характера. Горизонтальные связи в допетровской России носили отчасти территориально-корпоративный характер. Общие служебные интересы объединяли членов дворянских уездных корпораций и десятней, посадских, сельских и монашеских общин, казацких сообществ, жителей городских сотен и слобод, гостей, торговых людей Гостиной и Суконной сотен, «поручиков» (поручителей). Чиновные люди разных разрядов входили в состав одного церковного прихода и могли также временно спланиваться на основе общих интересов, например, поручительства, получившего широчайшее распространение при оформлении откупных грамот, выезда за границу, казенных и частных подрядов и т. д. Членов служебных купеческих корпораций (гостей, Гостиной и Суконной сотен) объединяла коллективная ответственность за выполнение казенных служб, жителей посадских и сельских общин (их структурных подразделений – концов, сотен, слобод, десятней, сороков и др.) – круговая фискальная порука. Одну из межчиновных групп составляли беломестцы (белодворцы, белоземцы, белопашцы, беломестцы), освобождавшиеся от государева тягла. В документах они противопоставлялись черным, тяглым людям, чернослободчикам. Включение подданных московских государей в число нетяглых и тяглых людей имело огромное значение для их благосостояния.

Социально-чиновный и должностной статус, имущественная состоятельность, занятия, конфессиональная принадлежность, глубина и стойкость веры, культурно-бытовой уровень, возраст, наконец, индивидуальные особенности накладывали отпечаток на ментальность и психологию, манеры и поведение россиян. Переход из одной среды в другую среду, из низшего чина в более высокий, назначение на более высокую должность, стремительное обогащение, либо, наоборот, внезапная утрата статусных позиций и обеднение неминуемо влекли за собой изменения в социальном поведении и бытовой обстановке.

В отличие от позднейших российских сословий второй половины XVIII – начала XX вв., границы между средами как совокупностями людей, особенно в первой половине XVII в., не были сильно замкнутыми, что создавало возможности для социальной мобильности. Однако по мере перехода к феодальному абсолютизму, в связи с оформлением замкнутости и консолидацией феодальной среды (стиранием различий между вотчиной и поместьем), ужесточением крепостнических порядков, укреплении властной вертикали уже к концу XVII в. возникает гораздо большее, чем прежде, отчуждение между разными группами российского социума. Оно

отразилось в окончательном законодательном оформлении российских сословий в екатерининскую эпоху.

*Т.П. Петерс, ст. преподаватель
МГИМО (Одинцовский филиал)*

**Дела фонда «Преображенский приказ и Тайная канцелярия»
РГАДА, как источник по исследованию подсудности и юрисдикции
французов в России в правление Екатерины II. 1774–1794 гг.**

В работе рассматривается вопрос о подсудности и юрисдикции французов, как один из многочисленных аспектов правового положения приезжих иностранцев. В качестве основы исследования привлекались дела (в том числе источники на французском языке) фонда «Преображенский приказ и Тайная канцелярия» РГАДА только о служивых французах (исключая купцов). К этой категории лиц относились военные разных званий, в основном офицерский состав, и французы различных мирных профессий. Несмотря на не слишком большое количество дел и незавершенность некоторых из них, в результате анализа были сделаны выводы, хотя и неокончательные.

Как следует из архивных документов, в правление императрицы Екатерины II положение военных служивых французов в вопросах подсудности и юрисдикции изменилось. Прекращение «подсудности по своему праву», практиковавшейся в XVII в. в России в отношении военных иноземцев (*Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальной положение). М., 2004. С. 54), стали реальностью в XVIII в. Они, как и служилые мирных профессий, окончательно перешли под юрисдикцию Министерства внутренних дел, Военного министерства и Сената. Полицейские и административные органы на местах имели право вести наблюдение над подозреваемыми, арестовывать их, проводить следствие, по окончании которого, а нередко и в ходе его, материалы сыска и сами задержанные отсылались в Петербург.

В качестве мер наказания, согласно архивным документам, использовали содержание в крепости, ссылку, например на Кавказскую линию, однако не имеется сведений о наказаниях, применяемым к русским людям – батогами или кнутом, смертная казнь. Высылка из России, согласно документам, как наказание, к русским не применялась, и касалась только французов. Одновременно, принятие присяги на верность императрице по Манифесту от 7 февраля 1793 г. не означало принятие российского подданства и не являлось препятствием для высылки. Приговор объявлялся в Сенате, с указанием повеления государыни.

Так, секунд-майора Карла де ла Шевалери, задержанного в Петербурге в феврале 1790 г. при попытке обменять в лавке фальшивую 5-рублевую ассигнацию, допрашивали вначале на Съезде двора 3-й Адмиралтейской части столицы, откуда рапорт поступил в Управу благочиния к обер-полицмейстеру Н.И. Рылееву, а от него в Государственную Военную коллегию. Высочайшим указом от 22 февраля 1790 г., данным генералу Н.Н. Салтыкову, «преступника сего...по лишении чина и отобрании патента велено выслать за границу» (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2761. Л. 1–6 об.). В мае 1793 г. в Сенате было объявлено повеление императрицы «осудить виселицей» Жана Бонно, корреспондента французского департамента иностранных дел в Варшаве, «который оказался шпионом» (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2808. Л. 10). Однако наказание не было осуществлено, и после нескольких лет заключения в Петропавловской крепости Ж. Бонно был освобожден и в ноябре 1796 г. выслан за границу (Там же. Л. 145). В феврале 1793 г. Санкт-Петербургская палата Уголовного суда вынесла определение по делу французского ростовщика Шопфа (Шепера), вина которого во взятии 8 % вместо законных 6 % (указ 1754 г.) при отдаче в заем денег, не была доказана. Указывалось, что его не следовало высылать «яко гражданина», который просит «оставить его в подданстве России» (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2784. Л. 96). Слово «гражданин», возможно, отсылает нас к званию, которое жаловалось недворянам за услуги и выслугу, тем более, что в деле описывалась благонадежность и добропорядочность Шопфа. Отставной шихт-мейстер Петр Яковлев сын Ансио родился в России от отца «партикулярной верфи столярного мастера», который, вероятно, присяги на верность не принимал, обвинялся в октябре 1781 г. за кражу (на 22 р.) и по доносу сокамерников за «дерзкие слова в адрес императрицы». Высочайшим повелением за кражу был сослан «для зарабатывания в рабочий дом», находившийся в ведении Приказа Общественного призрения, где оставался до августа 1782 г. По второму обвинению его было повелено «избавить от тяжкого телесного наказания» и выслать, как «неприродного россиянина», что осуществилось в марте 1783 г. При этом выдали «арестанту в пути кормовых 70 коп.» от Риги до Курляндской границы (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2574. Л. 45). Кадет Каргопольского Карабинерного полка Жозеф Дю Розуа был арестован в августе 1794 г. по обвинению в дезертирстве и подстрекательстве к мошенничеству. Несмотря на принятую присягу, по резолюции императрицы, объявленной в Сенате в октябре 1794 г., «француз признается бродягою,...и [повелено] выслать его, как вредного странника за границу с запрещением никогда не входить в Российскую империю» (РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2846. Л. 203).

Двуглавые орлы на гражданских зданиях во второй половине XVII века

«Маркирование» государственным гербом зданий государственных, «казенных» учреждений сегодня представляется обыденным явлением. Однако, так было не всегда. Такая традиция возникла и развилась во второй половине XVII в.

Государев Печатный двор строился с 1642 г. материалами, средствами и подмастерьями Каменного приказа. Ворота с башней начали строить в 1644 г. «подмастерье Иван Неверов» вместе с «немчином Христофором». По-видимому, к 1647 г. шатер проездной башни достроили и на нем установили медного (?) орла: «...Июля в 11 день из Каменного приказу на книжной Печатной двор на ворота на шетровую (!) починку извести... Того дни подвзящик Ивашку Иванову прозвище Слонихину, что он подвязывал подвезти к орлу, рубль...» (*Поздеева И.В., Пуиков В.П., Дадькин А.В.* Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг. М., 2001. С. 220–221).

В 1678 г. в процессе очередной реконструкции двора фигура орла была отремонтирована и позолочена: «Августа в 15 день... Того ж числа куплено меди к делу орла на крест на три короны да на хвост дватцать девять фунтов Котелного ряду у Бориса Плешивово... Августа в 16 день дано от дела креста да трех корон, чтоб (!) на орле, да от дела нового хвоста и от починки всего... Августа в 17 день дано от позолоты креста да трех корон и всего орла с тюриком (!) и яблоком государеву Оружейной полаты иконописцу Семену Михайлову сыну Облазину... Августа в 23 день дано за переделку большой башни верха и за установку на тое башню креста и орла...» (Там же. С. 318–320). Как выглядел фасад Печатного двора до 1773 г. (когда шатер был разобран) мы знаем по рисунку-чертежу «Вид древних ворот Печатного двора до 1773 г.» (В. Яковлев?) (*Румянцев В.Е.* Древние здания Московского печатного двора // *Древности: Труды Императорского Московского Археологического общества.* Т. 2. М., 1870. Прил. IV). Шатер был очень высокий, вместе с корпусом ворот постройка достигала высоты 12 сажень (Там же. С. 8). Орел на рисунке показан с поднятыми вверх крыльями. Над фигурой были укреплены три короны и, по-видимому, крест. Еще одно скульптурное изображение двуглавого орла с поднятыми крыльями и регалиями было помещено на фасаде. На нем отсутствовал щиток с «ездецом».

Кадашевский хамовный двор в Москве был построен в 1658–1661 гг. Архитектура его ворот может быть описана на основании документов 1658–1659 гг. (*Мартынов А.А.* Государев Хамовный двор в Московской Кадашевской слободе (Постройка на нем новых зданий в 1658–1661 гг.) // *ЧОИДР. Кн. II. (173). М., 1895. Отдел I. С. 1–15*), чертежей 1775 г. (*Подольский Р.П.* Государев Хамовный двор в Кадашевской слободе в Москве // *Сообщения Института истории искусств. Вып. 1. М.-Л., 1951. С. 100*) и акварели Ф.Я. Алексеева (?) (1800-е гг., ГИМ № 105887 Р-9816). Возведение двора финансировалось из средств Приказов Большого Дворца и Большой Казны и Мастерской палаты. В строительстве принимал участие «подмастерье каменных дел» А. Корольков. Двуглавый орел был установлен на шатре въездной башни двора. «Ворота большие и малые, поперегъ поль 5 сажени слишкомъ, вверхъ до орла 6 сажень» (Роспись Государеву Хамовному двору // *Мартынов А.А.* Указ. соч. С. 14–15). Чертежи и акварель несколько расходятся в показании формы орла. На чертеже он имеет обычную форму с распростертыми крыльями, на акварели – с крыльями «вверх» и, кроме того, он заключен в тонкую рамку в форме гербового (?) щита.

Большой Каменный мост был построен в 1682–1687 гг. «На южном конце моста было шесть ворот и палаты, над которыми возвышались два шатровых верха, увенчанные двуглавыми орлами; в палатках помещалась Корчемная канцелярия и тюрьма для обличенных в корчемстве» (*Кондратьев И.К.* Седая старина Москвы. М., 1893. С. 450). Изображение башен с орлами на шатрах известно по гравюре П. Пикара (1707–1708). Внимательное рассмотрение рисунка показывает, что двуглавый орел с опущенными крыльями (без корон) был «вписан» в овальную или круглую фигуру, образованную двумя ветвями по бокам и огромной короной с обручем, зубцами и дугами, завершенной шариком с крестом. Был ли на груди у орлов щит с «ездецом», не известно.

Сухарева башня построена по царскому указу в 1692–1695 гг. (*Сытин П.В.* Сухарева башня (1692–1926). Народные легенды о башне, её история, реставрация и современное состояние. М., 1993. С. 13; *Щербо Г.М.* Сухарева башня: Исторический памятник и проблема его воссоздания. М., 1997. С. 7–8) как «Сретенские ворота, а над теми ворота палаты и шатер с часами, а подле ворот по обе стороны караульные малые палаты, да казенный амбар, а позадь ворот к новой Мещанской слободе часовня с кельями». Архитектурное решение собственно башенной части почти полностью воспроизводит завершение Спасской башни Московского Кремля (восьмигранник и пинакли по бокам), что свидетельствует о ее воз-

ведении в первом строительном периоде. В 1698–1701 гг. здание было надстроено еще двумя палатами, частично «поглотившими» пинакли около башни и закрывшими первый ярус восьмигранника башни. В ней разместились «Математическая и навигационная школа». Башня была увенчана металлической фигурой двуглавого орла (со скипетром, державой и тремя коронами с двумя перекрещивающимися полукруглыми дугами), по-видимому, сделанной в 1695 г. Известна фотография этой плоской фигуры на металлическом каркасе. Орел, судя по фотографиям, был укреплен на шатре как флюгер. В 1934 г. орел был передан в музей «Коломенское» (Баранова С.И. Москва изразцовая. М., 2006. С. 183).

Здание Главной Аптеки, построенное в самом начале XVIII в. (Клименко Ю.Г. Главная Аптека в Китай городе (1701–1874 гг.). К вопросу о научной реконструкции московского здания по архитектурным материалам классицизма // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 8. М.; СПб., 2016. С. 101–111) завершалось башенкой и шпилем с двуглавым орлом. Судя по поздним фотографиям, у орла крылья были раскрыты «в сторону».

На проектном фасаде Посольского Приказа по чертежу сделанному, вероятно, сразу после пожара 1702 г. (Бондаренко И. Здания Посольского Приказа // Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. 1885–1915. М., 1916. С. 102–106, Рис. 6), подписанному В.Т. Посниковым, дьяком Посольского Приказа в 1681–1701 гг. (Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 60) и известным мастером петровского времени Григорием Устиновым (Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV – середины XVIII века. М., 2007. С. 575–578), мы видим здание с фронтоном, который завершался скульптурными изображениями орла с поднятыми крыльями и регалиями. Двуглавый орел на чертеже заключен в рондо, по краю которого начата, но не закончена надпись «Божію милостию...», которая, по-видимому, должна была означать устройство титульной надписи.

Как видно, проездные башни многих государственных и дворянских учреждений завершаются двуглавым орлом. Эта традиция исчезает вместе с изменением типологии казенных построек – исчезновением шпилей.

Фольклорные истоки мотивов выбора имени младшего сына Павла I

Выбор имени последнему сыну Павла I был продиктован специфическим культом архангела Михаила, складывающимся в Петербурге в начале павловского царствования. Таким образом, понимание мотивов выбора имени в данном случае невозможно без выяснения исходных обстоятельств формирования этого культа.

Мемуары конца XVIII в. фиксируют предшествующее строительству Михайловского замка предание том, как вскоре после воцарения Павла I часовому, охранявшему Летний деревянный дворец, явился архангел Михаил: «Некий часовой, стоявший на карауле возле... Летнего дворца... узрел архангела Михаила. Тот приказал ему отправиться от его имени к императору и передать, чтобы в этом месте выстроили церковь в честь этого святого. ... Император сказал, что св. Михаилу нужно повиноваться, что он и сам уже получил свыше веление возвести такую церковь и имеет ее план» (*Массон III. Секретные записки о России*). Уже в пору первичного бытования этого предания оно было представлено несколькими версиями (*Болотов А.Т. Памятник претекших времён*). Ближайшие аналогии ему обнаруживаются в европейском средневековье. Два подобных текста содержатся в «Золотой легенде» Иакова Ворагинского (XIII в.). Один из них повествует о явлении архангела Михаила в конце VI в. св. Григорию Великому над крепостью в Риме, повлекшем строительство в этой крепости (получившей название «Castellum Sancti Angeli») церкви «в честь ангелов». Во втором предании описывается предыстория аббатства Мон-Сен-Мишель (Le Mont-Saint-Michel) на скалистом острове у северо-западного побережья Франции: в 710 г. «у моря, в месте, именуемом Тумба, отстоящем на шесть миль от Авранша, архангел Михаил явился епископу этого города. Обратившись к нему, архангел велел построить в том месте церковь и чтить в ней память святого Михаила...». Этот нарратив особенно близок петербургскому преданию. Известно, что Павел посещал Мон-Сен-Мишель (равно как и Castel Sant'Angelo) в 1781–1782 гг. (*Зазулина Н.Н.* 2015).

Желание строительства замка формируется у Павла задолго до восшествия на престол. Но мы ничего не знаем о стремлении великого князя Павла Петровича посвятить такой замок архангелу Михаилу. Единственный, насколько я могу судить, документ, казалось бы свидетельствующий об обратном, – наброски планов замка, возможно, выполненные самим Павлом. Лист с этими набросками да-

тируется 1784 г. и содержит на лицевой стороне карандашную надпись: «Premier Croquis du Palais de St Michel» (Михайловский замок. Замысел и воплощение. Архитектурная графика XVIII–XIX веков. СПб., 2000. С. 25, № 1–2). Однако, вызывает сомнения одновременность появления на данном листе набросков планов и процитированной надписи. О ее вторичности косвенно свидетельствует само указание на то, что это – «первый эскиз дворца св. Михаила». На листе сохранились следы и какой-то другой (первоначальной?) надписи, впоследствии стертой. В иных документах, связанных с павловской идеей возведения замка и относящихся к еще екатерининскому времени, имя Михаил не обнаруживается. Уместно предположить появление упоминания «св. Михаила» на листе с набросками планов замка спустя некое продолжительное время после 1784 г. (при упорядочивании графической документации?). С другой стороны, не следует забывать, что Павел и до своего воцарения несомненно осознавал сопряженность своего рождения 20 сентября с церковной памятью святого князя, нареченного, скорее всего, в честь именно архангела Михаила, – Михаила Всеволодича Черниговского (в 1774 г. состоялось перемещение его мощей в новую раку в Архангельском соборе Московского Кремля.)

Ш. Массон скептически называет «фарсом» обстоятельства возникновения рассматриваемого предания, подчеркивая, что он «отчасти был его свидетелем»: «Чудо разъяснилось, когда стало известно, что двоюродный брат часового (которому явился архангел. – *Н.П.*) был камер-лакеем Павла, а сам солдат получил такое же место в награду». Эти сведения находят соответствие в высочайшем повелении Придворной канцелярии 15 ноября 1796 г.: «Лейб-гвардии Преображенского полку салдата Клима Резанова принять в ваше ведомство с жалованием и чином камер лакея и быть ему при Придворной церкви» (РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 187. Л. 35). Показательны и определение пребывания Клима Резанова «при Придворной церкви», находящееся, очевидно, в некоей связи с визионерством последнего, и дата данного распоряжения. Ведь двумя днями позже (17 ноября) появляется другое высочайшее повеление Придворной канцелярии, которое содержит, насколько я могу судить, первое достоверное упоминание выражения «Михайловский дворец», пока что применяющееся, по-видимому, к предшественнику каменного замка – Летнему деревянному дворцу: «Государь Император всемилостивейше пожаловав камер лакея Василия Ветошникова в гоф фурыеры, и лакея Сергея Федорова в камер лакеи, повелел им быть при Михайловском дворце» (Там же. Л. 43). 19 ноября в Канцелярию строений Е. И. В. домов и садов поступает распоряжение Павла о сносе этого дворца: «...Летней дворец сломать...» И далее: «...Сделать сме-

ту прожектированному наместе летнего дворца новому дворцу (т. е. каменному Михайловскому замку. – *Н.П.*)...» (РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 862. Л. 343). А приказ Павла от 20 ноября переименовывает дворец, –уже «приговоренный» к сносу! – «Бывший Летний Дворец называть Михайловским» (ПСЗРИ. Т. 24. 1830. С. 12, № 17571).

Репрезентирование Павлом европейского предания не было простым заимствованием фольклорного сюжета. Часовой-визионер – вполне реальный участник зарождения павловского культа архангела Михаила. Возможно, в первичном сообщении этого преображенца однозначная идентификация образа отсутствовала и уже сам император интерпретировал данный нарратив, основываясь на известном ему европейском предании, актуализированном к тому же близостью воцарения Павла (6 ноября) празднованию собора архистратига Михаила (8 ноября). Развитие на основе рассмотренного предания императорского культа архангела Михаила и определило в начале 1798 г. выбор имени для младшего сына Павла.

*М.С. Петрова, д.и.н., г.н.с.
ИВИ РАН*

К вопросу о реконструкции творческой биографии Макробия

Работа выполнена при поддержке РФФИ, в рамках проекта (№ 19-013-00004) «Эволюция пространства образования и пространства знания в поздней Античности»

С целью уточнения основных вех творческой биографии латинского автора Поздней Античности Макробия (V в.) в настоящем докладе реконструируется дата написания им грамматической работы, дошедшей до нашего времени во фрагментах под названием «De differentiis et societatibus Graeci Latiniq[ue] verbi» («О различиях и сходствах греческого и латинского глагола») (De Paolis [1990]). Обсуждаются сохранившиеся манускрипты, в которые включены фрагменты указанной работы (*Parisinus* 7186 [XI в.]; *Vindobonensis* 16, olim *Bobiensis* [VII–VIII вв.]; *Laudunensis* 444 [860-е гг.]), выявляется степень их сохранности.

Анализируются различные титулы работы, среди которых: 1) *Ambrosii Macrobiani Theodosii de differentiis et societatibus Graeci Latiniq[ue] verbi libellus* (Книжица о различиях и сходствах греческого и латинского глагола Амвросия Макробия Феодосия); 2) *Ex Libro Macrobiani Theodosii. De Verborum Graeci et Latini Differentiis vel Societatibus quae Extant* (Из книги Макробия Феодосия О существующих различиях и сходствах греческого и латинского глаголов);

3) *De differentiis et societatibus Graeci Latiniqve verbi* (О различиях и сходствах греческого и латинского глагола); 4) *Ex libro Macrobiani de differentiis et societatibus Graeci Latiniqve verbi* (Из книги Макробия о различиях и сходствах греческого и латинского глагола); 5) *De verborum Graeci et Latini differentiis vel societatibus* (О различиях и сходствах греческого и латинского глагола); 6) *De verborum utriusque differentiis vel societattibus* (О различиях и сходствах обоих глаголов) (*Ibid.* xi-xiv); рассматриваются посвянительные надписи. Помимо этого, обсуждается проблема авторства Макробия работы «*De verbo*» («О глаголе») (Keil // GL V [1868], 634 sqq.) и доказыва-ется, что к числу его сочинений этот текст не относится.

На основании полученных данных реконструируется дата написания Макробием «О различиях и сходствах латинского и греческого глаголов» – 430 год. Делается вывод, что эта работа может быть причислена к традиции латинских грамматических сочинений. Ее особенностью является то, что это не элементарная школьная грамматика, а сравнительное лингвистическое исследование, предназначенное для уже знающих язык читателей, которых интересуют тонкости и сложности языка. В заключение реконструируется уточненная биография Макробия, в которой обозначается период написания им рассмотренной работы.

*С.В. Полехов, к.и.н., с.н.с.
ИРИ РАН*

Новые данные о пожалованиях великого князя литовского Свидригайла 1430–1432 годов

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00057а

Несмотря на богатые традиции изучения дипломатики Великого княжества Литовского XV в., исследователям до сих пор не удалось выявить ни одной жалованной грамоты князя Свидригайла Ольгердовича 1430–1432 гг. – недолгого периода, когда он занимал великокняжеский престол. Между тем по подлинникам, спискам и упоминаниям известно примерно две сотни таких грамот Витовта (1392–1430), по несколько десятков – Сигизмунда Кейстутовича (1432–1440) и самого Свидригайла (ок. 1400–1430, 1433–1452 гг., несколько сотен – Казимира Ягеллона (1440–1492). Проблема тем более значима, что, по утверждению заговорщиков, свергших Свидригайла с великокняжеского престола в 1432 г., этот князь, в отличие от их ставленника Сигизмунда Кейстутовича, неохотно раздавал им грамоты на их владения.

Анализ косвенных указаний позволил заключить, что Свидригайло всё-таки выдавал такие грамоты, но к настоящему времени они неизвестны: судя по всему, Сигизмунд повторял его пожалования от своего имени, тем самым искореняя из документов всякую память о нём (*Полехов С.В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. С. 247–253). След одной такой грамоты обнаруживается в позднейшем фальсификате при сопоставлении его с материалами исторического Кёнигсбергского архива, где сохранилась обширная переписка Свидригайла с сановниками Тевтонского ордена.

Жалованная грамота Свидригайла на с. Довговце (ныне – с. Руданское (Руданське) в Шаргородском р-не Винницкой обл. Украины, ранее носило названия Жорновка и Долговцы) Сеньке Карачевскому вписана в подтверждение короля Сигизмунда III, выданное на сейме в Варшаве 7 марта 1600 г. по представлению коронного канцлера Яна Замойского; здесь говорится, что грамота была представлена королю без печати (*Archiwum Główne Akt Dawnych, dok. perg. nr 6962*). Дата Свидригайловой грамоты содержит ряд несообразностей: согласно эсхатоколу, она выдана в Новгороде 15 июня 1433 г., 10-го индикта, и подписана воеводой паном Гедигольдом. Однако в июне 1433 г. Западное Подолье принадлежало Польскому королевству, Георгий Гедигольд пребывал в лагере Сигизмунда Кейстуовича – возможно, всё ещё в плену, куда попал в конце 1432 г., – и не занимал никаких должностей, а Новгородок находился под властью Сигизмунда Кейстуовича; наконец, 15 июня 1433 г. приходится не на 10-й, а на 11-й индикт.

В тот же день по представлению того же Замойского король подтвердил другой фальсификат – жалованную грамоту Василию Карачевскому, якобы выданную Витовтом в Полоцке 5 мая 1383 г. Эта и ещё две грамоты Витовта Василию Карачевскому на подольские владения были подделаны барскими землями Карачевскими в 60-е годы XVI в. (*Semkowicz W.* Nieznane nadania Witolda dla osób prywatnych // *Ateneum Wileńskie*. 1930. № 3–4. S. 846–850; *Kurtyka J.* Repertorium podolskie. Dokumenty do 1430 roku // *Kurtyka J.* Podole w czasach jagiellońskich. Kraków, 2011. № 105; ср. № 106, 107). Поскольку получатель Свидригайловой грамоты – не Василий, а Сенько Карачевский, сама же она не предъявлялась вместе с остальными грамотами этой серии в 1566–1571 гг., приходится заключить, что она была сфабрикована лишь в конце XVI в. усилиями Яна Замойского.

С другой стороны, грамота Свидригайла, представленная Замойским в 1600 г., довольно точно воспроизводит элементы формуляра подлинных грамот этого князя и его предшественника Ви-

товта и не содержит явных анахронизмов, характерных для иных фальсификатов XVI–XVII вв. Напрашивается предположение, что Ян Замойский располагал какой-то подлинной грамотой Свидригайла, откуда была позаимствована большая часть текста. Хорошо известно, что решающим признаком при датировке кириллических грамот Свидригайла 1433–1451 гг. является индикт, даже если указан год. 10-й индикт соответствует 1416/17 и 1431/32 гг. Первая из этих дат отпадает, поскольку Свидригайло в это время находился в заточении в Кременецком замке «в оковах» (известна его грамота 1415 г., но её аутентичность или во всяком случае дата вызывают большие сомнения: *Akta grodzkie i ziemskie*. Т. 2. Lwów, 1870. № 39). Зато вторая дата хорошо подходит, что подтверждается посланием самого Свидригайла: 16 июня 1432 г. он писал великому магистру Тевтонского ордена Паулю фон Русдорфу, что 14 июня прибыл в Новгородок и намерен пробыть там две недели (*Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz*, XX. HA, OBA 6133; эти данные позволяют дополнить итинерарий младшего Ольгердовича: *Полехов С.В.* Наследники Витовта. С. 546). Вопреки кажущемуся противоречию (Гедигольд был подольским старостой примерно в 1411–1425 гг.), его подпись хорошо соответствует датировке гипотетической подлинной грамоты Свидригайла 15 июня 1432 г.: во-первых, она совсем не обязательно относилась к Подолью, а во-вторых, Гедигольд был виленским *воеводой* в 1425–1432 гг. (и входил в это время в ближайшее окружение великих князей литовских), тогда как на Подолье в предшествующий период он скорее был бы назван *старостой* (Полное собрание русских летописей. Т. 35. М., 1980. С. 67, 75; в латиноязычных документах – «*capitaneus*», см.: *Dokumenty polskie z archiwów dawnego królestwa Węgier* / Wyd. S.A. Sroka. Т. 1. Kraków, 1998. № 40; *Archiwum Główne Akt Dawnych*, dok. perg. nr 8832).

Эти соображения позволяют думать, что Ян Замойский располагал подлинной грамотой Свидригайла и согласился представить его юридическим автором пожалования на Подолье. Возможно, внимание фальсификаторов привлекла подпись Гедигольда – сановника, связанного с Подольем, о чём они могли узнать как минимум из подложной грамоты Витовта Василию Карачевскому (или из подлинной грамоты первых десятилетий XV в., если она была в их распоряжении к 1600 г.).

Благочестие в титулатуре сербских и болгарских правителей XIII–XIV вв.

Появление автохарактеристик «благочестивый» и «благочестивый» в инвокативной части титулатуры сербских правителей династии Неманичей в историографии принято связывать с трансформацией формулы власти в 1345–1346 гг. при создателе державы «сербов и греков» Стефане Уроше IV Душане, когда правитель стал презентовать себя как «Христу Богу благоверный царь» (*Благогојевић М.* Српска државност у средњем веку. Београд, 2011. С. 268; ср.: *Наумов Е.П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII–XV вв. М., 1975. С. 276). Однако еще дед Душана Стефан Урош II Милутин включал указание на свое благочестие в королевскую титулатуру: об этом свидетельствуют, в частности, хрисовул монастырю Хиландарь, датированный ок. 1300 г., где монарх аттестует себя «Стефан Оурошь въ Христа Бога благо-вѣрнь краль и самодръжьцъ всѣхъ сръпскихъ земель и поморьскихъ», а на привешенной к хрисовулу печати — «О Христе Бозе пр(а)во-верни цар Стефане все земли српс(ке)» (Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија. Т. 1 / уред. В. Мошин. Скопје, 1975. С. 251–260; Зборник средњовековних ћириличких повеља и писамa Србије, Босне и Дубровника / приред. В. Мошин, С. Ћирковић, Д. Синдик. Књ. 1: 1186–1321. Београд, 2011. № 93). Эпитет «благовѣрни» присутствует и в титулатуре Милутина в грамоте об основании Хиландарского пирга 1302 г. (Споменици... С. 293–296). Кроме того, известно, что в 1312 г., то есть до того, как сербский король породнился с императором Андроником II Палеологом, Милутин в качестве сакрального источника своей власти указывал на родство с византийским «тестем», которого именовал «вселенским и великим благочестивым и христолубивым царем» (Новаковић С. Срби и турци XIV и XV века. Београд, 1893. С. 60).

Указания на собственное «благоверие» в качестве атрибута официальной титулатуры в актах сербских правителей XIII в. еще редки: обычной для них была формула «По милости Б(о)жиеи» (варианты: «милостию Б(о)жiovъ краль сръпски, «и съ Б(о)гомъ сам(о)др(ж)ьць»), после которой следовала объектная (территориальная) часть титула: например, в хрисовулах Стефана Владислава 1234–1243 гг. (Зборник... №39–41) и Стефана Уроша I 1243–1276 гг. (Там же. № 54, 68). Нерегулярные для XIII – первой четверти XIV в. самоаттестации сербских властителей в качестве приверженцев христианского благочестия могли различаться в актах и

легендах печатей: так, грамота 1267–1268 гг. дубровчанам от имени жены Стефана Уроша I, матери королей Милутина и Драгутина, подписана «Елѣна м(и)л(о)стию Б(о)жiovъ кралица все срѣпске земле и поморске», тогда как только на привешенной к этой грамоте печати значится «Елена кралица бл(аго)ч(е)стива» (*Ивић А.* Стари српски печати и грбови. Нови Сад, 1910. № 12. С. 24–25; Сборник... № 67). Напротив, хрисовул отречшегося от престола в пользу Милутина Стефана Драгутина от 12 марта 1316 г. монастырю Баньска (посвященному св. Стефану) подписан «бл(а)говѣр'нь рабъ Х(ри)с(т)оу Ст(е)фанъ прѣжде быв'ши крал(ь)» (Сборник... № 126).

С последней четверти XIV в. эпитет «благовѣрнии» в титулатуре сербских правителей, зафиксированной в грамотах монастырям, уже становится ординарным явлением, о чем свидетельствуют, в частности, акты князя Лазаря Хребеляновича 1380-х гг. (*Младеновић А.* Повеле кнеза Лазара. Београд, 2015. С. 31, 55, 95, 149, 156, 165, 204 (часть из них дошла в поздних списках), ср. также о титулатуре Мрнявчевичей: *Михаљчић Р.* Владарске титуле обласних господара. Београд, 2001. С. 260–263). В начале XV в. формула «бл(а)говерни и х(ри)с(т)олюбиви» в официальной титулатуре сербского правителя появляется в легенде печати сына князя Лазаря деспота Стефана Лазаревича, датируемой 1405 г. (*Ивић А.* Указ. соч. С. 30, ср.: *Младеновић А.* Повеле и писма деспота Стефана. Београд, 2007. С. 83, 176).

Вместе с тем, из восьми сохранившихся грамот болгарских царей XIII–XIV вв. титулатура с указанием на собственное «благоверие» присутствует в пяти актах: так называемой Виргинской грамоте Константина I Асеня Тиха, данной монастырю св. Георгия близ Скопье (утраченный оригинал датируется 1258–1277 гг.), двух грамотах Ивана Александра – Зографской (март 1342 г.) и Оряховской (1 декабря 1348 г.), а также двух грамотах Ивана Шишмана – Рильской (21 сентября 1378 г.) и Витошской (предположительно датируется 1378–1385 гг.) (*Даскалова А., Райкова М.* Грамоти на българските царе. София, 2005. С. 36, 40, 43, 46, 47). Для подобных документов указание на «благочестие» правителей болгарской державы, как можно полагать на основе наблюдений К. Павликианова, было непосредственным заимствованием из византийских актов, поскольку в грекоязычных хрисовулах периода Палеологов неизменно употреблялась формула «τὸ ἡμέτερον εὐσεβὲς καὶ θεοπρόβλητον ὑπεσφιγμένο κράτος» (переводившаяся на славянский как «въ неже и наша благочестиваа и богопронареченнаа, назнамена дръжава»: *Pavlikianov C.* The Medieval Greek and Bulgarian Documents of the Athonite Monastery of Zographou (980–1600). Sofia, 2014. P. 332). Еще более существенно, что Палеологами использовалась

титулатура, очевидно, послужившая для южнославянских правителей шаблоном: например, в хиландарской грамоте 1324 г. Андроника II подпись византийского императора гласит: «ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πῶτος βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων ὁ Παλαιολόγος» («во Христе Боге благоверный царь и самодержец Ромеев Палеолог») (Споменици... С. 346–350; ср. о той же титулатуре на монетах: *Hilsdale C.J. Byzantine Art and Diplomacy in an Age of Decline*. New York, 2014. Р. 189–190). Дословно те же формулы использованы, в частности, и двадцать лет спустя в христовуле Иоанна V (1344 г.: Pavlikianov С. Op. Cit. Р. 340).

Таким образом, самопрезентации в титулатуре как сербских, так и болгарских властителей в качестве ревнителей христианского благочестия явно следует рассматривать не как самостоятельные и независимые явления, а как результат влияния византийских представлений об образе правителя.

*О.В. Полоцкая, н.с.
МБУК «Тотемское музейное объединение» (Тотьма)*

Купеческие списки по городу Тотьме Вологодской губернии за 1850–1917 гг. как источник по генеалогии сословия

Согласно законодательству Российской Империи, право на вступление в купеческое сословие давалось при условии выкупа т. н. гильдейских билетов, выдаваемых на один год. Списки лиц, которые их приобретали, велись городскими магистратами, а впоследствии городскими управами. В данной работе рассмотрены списки и ведомости по купечеству города Тотьма с 1850 по 1917 гг.

Анализируя подобные документы, имеется возможность отслеживать целые ветви купеческих династий. Однако в случае с Тотемскими списками это довольно затруднительно. После упразднения в 1863 г. третьей гильдии, в которой и состояла большая часть городского купечества, многие торговцы перешли в мещанское сословие и гильдейские билеты ими уже не выкупались. Вместе с третьей гильдией исчезает и практика сбора подписей в пользу горожан, желающих вступить в купеческое сословие. В 1850 г. торговец Каплин собрал больше 20 подписей в свою пользу, тогда как под прошениями других лиц фигурируют от 2 до 5. Среди подписавшихся не только представители купечества, но также зажиточные крестьяне и мещане.

Всего в купеческом списке за 1850 г. числится 15 купеческих фамилий с указанием того, чем торгует предприниматель и в каком городе (например, фигурируют, помимо Тотьмы, Иркутск и Кяхта)

(Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 10. Оп. 2. Д. 99. Л. 13 об.).

К 1880-м гг. практически на нет сошла практика получения права на вступление в купеческое сословие лиц женского пола. В списки вносился не только сам купец, но и его супруга, их дети, невестки, внуки. В редких случаях в списках указаны племянники, престарелые родители, снохи. В документах перестали отмечать то, чем торгует купец, а также его фактическое место проживания. Например, в списках по Тотьме фигурирует купец Замяткин, однако из других источников достоверно известно, что проживал он в Нижнем Новгороде.

В списках стали появляться новые пункты. В обязательном порядке стал указываться возраст членов купеческих семей, сколько раз глава семейства вступал в брак. Через списки хорошо прослеживается разница в возрасте между мужьями и жёнами в купеческой семье: от года до двадцати лет, а также количество детей. В общей сложности, купеческая семья в Тотьме в начале XX в. состояла из 10–13 человек. Иногда в документ вносились приписки, свидетельствующие об исключении лица из сословия. Например, если кто-то из семьи умер, или же одна из купеческих дочерей выдана замуж.

Во-вторых, в списках обозначался способ получения капитала. Он мог быть наследственным или благоприобретённым. Также указывалось, с какого года предприниматель состоит в купеческом сословии. Соотнеся эти данные, можно установить, что после экономических реформ Александра II в Тотьме начали формироваться новые купеческие династии.

К сожалению, купеческие списки не отражают, из какого сословия вышли предприниматели нового поколения, но в основном их капитал был благоприобретённый, тогда как у их детей – продолжателей семейного дела – уже наследственный. В 1900-е гг. купеческие сыновья стали отказываться от приобретения гильдейского билета, что резко сказалось на численности купеческого сословия в городе.

В 1892 г. сословное свидетельство в Тотьме получили на своё имя 24 человека, из них двое – купцы первой гильдии (ГАВО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 218.). В 1897 г. Городская управа выдаёт 23 свидетельства с правом состоять во второй купеческой гильдии (ГАВО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 296.). В 1899 г. в купечество по городу записывается 18 лиц (ГАВО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 320). В 1917 г. своё право состоять в купеческом сословии подтвердили всего восемь человек, вписав в него членов своих семей (ГАВО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 389).

Купеческие списки, а также ряд других делопроизводительных документов, например, наряды об объявлении капиталов, являются своеобразной заменой такому источнику, как исповедальные ведомости, где также можно почерпнуть сведения о составе купеческих семей. Также списки являются немаловажным источником для изучения демографических процессов в городах второй половины XIX – начала XX вв. и свидетельствуют о размерах семей, возрасте вступления в брак, количестве детей. По купеческим спискам прослеживается уменьшение численности данного сословия на примере одного города, однако, данный процесс в начале XX в. был характерен для всей страны.

И.А. Поляков, н.с., аспирант

ОР РНБ, СПбИИ РАН

Д.О. Цыпкин, к.и.н., доц.

зав. кафедрой ИИ СПбИИ РАН

Сборник учебных материалов конца XVII в.

ГИМ. Синодальное собрание 1

Данный доклад продолжает тематику изучения «жанра» древнерусских каллиграфических пособий, известных как «азбуки фряские» (Конакова А.Д., Цыпкин Д.О. «Азбуки фряские» в истории русской каллиграфии (к постановке проблемы) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 3 (61). М., 2015. С. 56–57). На сегодняшний момент удалось выявить только три рукописи, относящиеся к «азбукам фряским»: Книгописный подлинник («Азбука») 1604 г. (СПбИИ РАН. Ф. 115. № 160), «Азбуку фряскую» князя С.В. Ромодановского (ОР РНБ. Ф. XIII. 5) и печатно-рукописную «Азбуку фряскую словенского письма» (ГИМ. Синодальное собр. 1). Кроме того, в записи князя С.В. Ромодановского 1678 г. упомянуты ещё две «азбуки фряских» из его библиотеки (ОР РНБ. Ф. XIII. 5. Л. VI об.).

Структуре, оформлению, истории создания и бытования «Азбуки» 1604 г. посвящена значительная по объёму научная литература (Цыпкин Д.О. «Азбука фряская» 1604 года как источник по истории искусства письма Древней Руси // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сб. ст. Вып. 6. СПб., 2016. С. 800–814). Сборник учебных материалов князя С.В. Ромодановского, созданный в 1678 г. на основе пособий, выполненных С.Ф. Кириаковым, стал объектом изучения недавно (Поляков И.А., Цыпкин Д.О. Азбука РНБ. Ф. XIII. 5 в жизни молодого князя Ромодановского // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXIX Междун. науч. конф. М., 2017. С. 275–277). Эта рукопись входила в состав книжного собрания юного князя Ромо-

дановского (Поляков И.А. Стольник князь С.В. Ромодановской и его библиотека // Петербургский исторический журнал. СПб., 2017. № 2. С. 194–205).

Настоящий доклад посвящен анализу сборника ГИМ. Синодальное собр. № 1, в состав которого входит «Азбука фряская словенского письма» (л. 2–24). Памятник исполнен с помощью двух техник: рукописной (основной) и плоской печати. Рассматриваемый сборник представляет собой рукопись конца XVII в. форматом в «александрийский лист», включающий, помимо азбуки, пасхалию (л. 29–67) и учебное грамматическое сочинение (л. 68–72). Текст последнего не закончен, что указывает на утраты ряда листов до переплетения рукописи.

Отдельно необходимо остановиться на вопросах датировки рукописи. Художественное оформление азбуки и пасхалии, а также пометы конца XVII – XVIII вв. на внутренней стороне верхней крышки переплета («Книга «слова азбучные фряские» да пасхалия на 532 лета»; «691», имеется ввиду 1682/83 г.) указывают на конец XVII в. как время создания памятника.

Авторами доклада было проведено кодикологическое исследование документа, а также сопоставительный анализ с другими «азбуками фряскими». Последний показал значительное сходство как с «Азбукой» 1604 г., так и с «Азбукой фряской» С.Ф. Кириякова. Более того, рассматриваемая азбука очевидно ориентируется на ту же структуру, что и у каллиграфического пособия 1604 г.

Азбука из рукописи Синодальное собр. 1 выполнена на бумаге с пятью различными производственными марками, одна из которых (л. 18) представляет собой знак «Голова шута» с контрамаркой «ICO», которая датируется Т.В. Диановой 1677–1681 гг. (*Дианова Т.В.* Филлигранны XVII–XVIII вв. «Голова шута». М., 1997. С. 52. № 181). По первоначальному замыслу на полях каждого листа должны были быть выполнены «травы», а сами листы должны были быть скреплены в свиток (что частично сохранилось в начальной части азбуки). Пасхалия и грамматическое сочинение исполнены одним писцом и частично написаны на одной бумаге: л. 29–72 – знак по альбомам не отождествляется; л. 73–74 – знак «Герб города Амстердама», точных соответствий в справочниках не обнаружено; пять чистых нумерованных листов после л. 74 – знак «Герб города Амстердама» типа *Дианова Т.В., Костюхина Л.М.* Водяные знаки рукописей России XVII в. М., 1980. С. 21. № 139 (1679–1695 гг.).

Исследование показало, что все части сборника первоначально хранились в тетрадах и были переплетены одновременно. Переплет – доски в коже, без каптала. Важно отметить, что листы сборника скреплены с помощью пропущенных по вертикали нитей, прикреп-

ленных к переплету специальными кожаными завязками. При этом между краем переплета и книжным блоком существует значительное расстояние ($\approx 5\text{--}10$ см). Все это позволяет говорить, что в качестве переплета использована кожаная папка для бумаг.

Таким образом, перед нами сборник, состоящий из трех частей, созданных в конце 70-х – 80-х гг. XVII в. и, скорее всего, уже через короткий промежуток времени помещенных в папку-переплет. По мнению авторов, все части сборника были объединены не случайно. Вместе они представляют собой учебное пособие, состоящее из азбуки, грамматики и подробного руководства по вычислению пасхалии, которое в этом контексте можно рассматривать как своеобразное пособие по математике. Художественное оформление, время создания и состав позволяют предположить, что сборник мог быть выполнен одним человеком, знакомым с традицией «азбук фряских».

Анализ художественных особенностей инициалов азбуки Синодального собр. 1 заставляет предположить, что в ее создании принимал участие С.Ф. Кирияков. В связи с этим необходимо отметить, что записи Ромодановского в рукописи РНБ. F. XIII. 5 содержат сведения о наличии у князя, как минимум, трех «азбук фряских мастерских», то есть созданных его учителем С.Ф. Кирияковым. Кирияков участвовал в создании и других рукописей из библиотеки Ромодановских (например, родословная ГИМ. Уваровское собр. № 570).

Подводя итоги, можно предположить, что рукопись ГИМ. Синодальное собр. 1 представляет собой еще один сборник учебных материалов, выполненный при участии С.Ф. Кириякова в конце 70-х – 80-х гг. XVII в. и, скорее всего, так или иначе связанный с родом князей Ромодановских.

*Ю.Н. Полянская, н.с.
Центр генеалогии РНБ*

Собрание Г.А. Власьева в государственных архивах России (материалы Г.А. Власьева, В.В. Руммеля и А.А. Сиверса)

Занимаясь изучением наследия отечественных генеалогов, мы нередко встречаемся с малоизвестными неопубликованными материалами.

Геннадий Александрович Власьев (1844–1912) вошел в историю как видный генеалог. Его служебная деятельность долгие годы была связана с механическими и металлургическими заводами. С 1880 г. он служил на Обуховском сталелитейном заводе, в 1894 г. был назначен начальником этого завода и дослужился до чина генерал-

лейтенанта по адмиралтейству (1903). Вместе с тем, с начала 1880-х гг. он начал систематическое изучение родословий. В 1897 г. вошел в число членов-учредителей Русского генеалогического общества (РГО) и стал его казначеем.

Как известно, в центре внимания Г.А. Власьева было родословие Рюриковичей. Он поставил перед собой задачу подготовить к изданию поколенные росписи всех отраслей потомства Рюрика. В 1906–1907 гг. Г.А. Власьев опубликовал первый том в трех частях (кн. Черниговские) запланированного многотомного сочинения «Потомства Рюрика», но на этом издание прервалось, а в 1912 г. он скончался. Все неопубликованные материалы своего собрания Г.А. Власьев завещал Русскому генеалогическому обществу. В 1914 г. было постановлено издать второй том под наблюдением Ю.В. Татищева, однако редактирование затянулось. Лишь в 1918 г. успели опубликовать первую, и в итоге оставшуюся единственной, часть этого тома (кн. Владимиро-Волынские).

Материалы Г.А. Власьева сейчас находятся в нескольких государственных архивах: в РГИА в его личном фонде (РГИА. Ф. 957, 44 ед. хр.); в РГАДА в фонде Русского генеалогического общества (РГАДА. Ф. 1293, Д. 47–69); и, наконец, самая большая их часть – в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, в личном фонде генеалога (СПбИИ РАН. Ф. 180, 167 ед. хр.).

Следует заметить, что обремененный служебными обязанностями Г.А. Власьев в ходе генеалогических поисков обращался за помощью к профессиональным архивистам. Так, собирать материал ему помогали сотрудники Московского архива Министерства юстиции (Мамю) – Сергей Петрович Соколов (1862–1920) и Александр Иванович Юшков (1866–1932). В архиве Департамента герольдии Сената работал друг и коллега Г.А. Власьева по РГО Витольд Владиславович Руммель (1855–1902). В.В. Руммель, как и Г.А. Власьев, был одним из членов-учредителей РГО. Взяв на себя обязанности секретаря, он стал одной из самых деятельных фигур в Обществе в первые годы его существования. Кроме того, он известен как автор двухтомного «Родословного сборника русских дворянских фамилий», изданного при участии В.В. Голубцова в 1886–1887 гг. В предисловии к первой части первого тома «Потомства Рюрика» Г.А. Власьев писал, что В.В. Руммель «много споспешествовал моему труду». Действительно, как мы можем наблюдать в сохранившихся бумагах, в некоторых случаях участие В.В. Рummеля было весьма значительным.

Вкратце остановимся на составе фондов Г.А. Власьева.

В РГИА отложились материалы по генеалогии ближайшего потомства Рюрика, а также кн. Черниговских, кн. Владимиро-Волынских, кн. Галицких и некоторых других княжеских родов. Кроме того, присутствуют материалы к работе историка «Род дворян Власевых» (опубликована в 1905 г.). В РГАДА хранятся материалы как опубликованных родословий потомков Рюрика, так и неопубликованных (например, кн. Смоленских, № 62). Несколько единиц хранения включают записи по генеалогии других дворянских родов (например, Дубасовых, № 53; Ярославовых, № 65).

Фонд № 180 в архиве СПБ ИИ РАН содержит рукописные тетради по генеалогии более 150-ти княжеских и дворянских родов. Одни из самых объемных росписей – кн. Огинских (№ 29, 30, 31), кн. Ухтомских (№ 133, две тетради) и кн. Шаховских (№ 139, три тетради). Большой интерес представляют материалы по истории дворянских родов, не относящихся к Рюриковичам. Назовем некоторые из них: Азарьевы, Боборыкины, Горемыкины, Извольские, Катенины, Киреевские, Кологривовы, Лермонтовы, Мельгуновы, Муравьевы (3 тетради), Новосильцевы, Панютины, Раевские, Самарины, Тутолмины, Хвошинские и др.

Кроме записей В.В. Руммеля, в бумагах этого фонда прослеживаются тексты, сделанные рукой еще одного генеалога – Александра Александровича Сиверса (1866–1954). Его нередко обширные записи обнаруживаются примерно в 30-ти тетрадях. Более того, родословные росписи родов Вакселей (№ 54) и Панютиных (№ 107) фактически целиком составлены А.А. Сиверсом. Большинство родословий в этом фонде представляют из себя беловые варианты поколенных росписей. Они фактически готовы для опубликования. К некоторым из них даже составлены алфавитные указатели.

Для полноты картины отметим, что часть материалов Г.А. Власьева оказалась в личном фонде А.А. Сиверса (Ф. 121) в том же архиве СПб ИИ РАН. В частности, это тетрадь, содержащая составленную Г.А. Власьевым поколенную роспись князей Бабичевых (№ 93, тетр. 17, 85 л.); родословные кн. Путятиных, Бабичевых, Друцких (№ 188, 340 л.); родословная князей Друцких-Соколинских (№ 122, 126 л.). Все эти роды должны были войти во второй том «Потомства Рюрика».

Результаты последовательной работы трех выдающийся генеалогов – Г.А. Власьева, В.В. Руммеля и А.А. Сиверса – представляют значительный интерес для современных историков и ждут введения в научный оборот.

О прозвище московского великого князя Василия II

Первые упоминания Василия II с прозвищем «Темный» встречаются в источниках XVI в. Возможно, самое раннее – в родословце середины XVI в., помещенном перед Воскресенской летописью в статье «Начало и корень великихъ князей Русскихъ въкратце», где в перечне предков Ивана Грозного – Василий Темный (ПСРЛ. Т. 7. С. 239). В Румянцевской редакции родословных книг, составленной между 19 марта 1542 г. – июнем 1548 г. (*Кучкин В.А. Вельяминовы на службе у московских князей в XIV – начале XV вв. // Кулешиов А.С. Аксаковы. История разбитых судеб. М., 2009. С. 275–276*) прозвище встречается дважды (Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 56, 158). С этим прозвищем Василий II назван в Кирилло-Белозерском списке Ермолинской летописи, датированном третьей четвертью XVI в., при указании места его положения в связи с переносом в 1507 г. останков членов великокняжеского рода в новый Архангельский собор (ПСРЛ. Т. 23. С. 197).

О закреплении прозвища свидетельствует употребление его в источниках, созданных в XVII в. и позже.

Во вкладной книге Новоспасского монастыря XVII в., передающей в пересказе содержание жалованной грамоты Василия (Акты Российского государства: Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII вв. М., 1998. С. 478). С указанным прозвищем Василий II фигурирует: в Описи стенописных изображений Грановитой палаты 1672 г. (Материалы для истории и археологии государева дворца, собранные из книг и дел преждебывших патриарших приказов В.И. и Г.И. Холмогоровыми, при руководстве И.Е. Забелина // Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, собранные и изданные руководством и трудами Ивана Забелина. Ч. 1. М., 1884. Стб. 1266–1268), в синодике ростовского Успенского собора при перечислении великих князей (*Титов А.А. Синодики XVII и XVIII веков ростовского Успенского собора. Ростов Великий, 1903. С. 28*), в позднем Шумиловском списке Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 13. С. 6), в Архивском V списке (начала XVIII в.) Патриаршей редакции родословных книг, появившейся при Иване IV и дополнявшейся до 30–40-х гг. XVII в. (Временник МОИДР. 1851. Кн. 10. С. 132).

Таким образом, прозвище Василия II появилось не позднее середины 1548 г. При этом нельзя отрицать возможности его бытования при жизни или вскоре после смерти, с позднейшей фиксацией в родословцах. Менее вероятно введение прозвища в родословцы

впервые по инициативе составителей. В любом случае, включение прозвища в родословцы XVI в. придало ему статус официального. Не позднее XVII в. оно распространилось за пределы Москвы, и было воспринято историографией. Прозвище встречается в написанном в первой четверти XVIII в. труде А.И. Манкиева (*Манкиев А.И. Ядро Российской истории*. М., 1770. С. 149). Использовали его В.Н. Татищев (*Татищев В.Н. История Российская*. Т. 1. М., 1962. С. 377) и другие историки после него.

Пожалуй, самое раннее разъяснение прозвища принадлежит Сигизмунду Герберштейну, интерпретировавшему его как синоним слова «слепой» (*Герберштейн, Сигизмунд. Записки о Московии*. М., 1988. С. 64). Это, казалось бы, естественное значение, принимаемое большинством историков, некоторыми оспаривается.

Оригинальную, но спорную трактовку предложил Г.В. Вернадский. Отметив, что И.И. Срезневским у слова «темный» не зафиксировано значение «слепой», он напомнил, что в древнерусском языке «темный» – это и производное от тьма, 10 000 (*Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. III. СПб., 1912. Стб. 1084–1085). Командира десяти тысяч в монгольской армии называли «темником»; соответственно, прилагательное, относящееся к служащему или князю, назначенному таким командиром – «темный». В поздний период Золотой Орды большинство темников были татарскими князьями, по-русски – «темные князья». Г.В. Вернадский напомнил о сомнительной с точки зрения достоверности договоренности, состоявшейся в 1445 г. после пленения ханом Улуг-Мухаммедом Василия II (ПСРЛ. Т. 25. С. 264). Якобы первый собирался сесть на московский престол, а второго посадить в Твери как своего вассала. «Наиболее вероятным кажется, что для того, чтобы высмеять Василия, соперники прозвали его «темным князем», подразумевая, что он стал простым вассальным князем хана и военачальником, татарской армии» (*Вернадский Г.В. Монголы и Русь*. М., 2011. С. 343–344).

Некоторые увязывают прозвище непосредственно с личностью великого князя. Н.А. Полевой, давший Василию II крайне не лестную характеристику: скрытный, хищный, жестокий, подозрительный, считал, что «имя Темного... выражает и нравственный характер его» (*Полевой Н.А. История русского народа*. Т. 3. М., 1997. С. 157, 208). По мнению Н.С. Борисова, в прозвище звучит проклятье, и, вместе с тем, отзвук жалости и прощения (*Борисов Н.С. Иван III*. М., 2000. С. 8).

По этнолингвистическим наблюдениям слепота, как физический недостаток издревле воспринималась как знак принадлежности к иному миру, к сфере смерти, поэтому слепой для окружающих мог

выступать своего рода посредником с иным миром, но вместе с тем незрячие оценивались и как Божьи люди, и слепота могла связываться с внутренним зрением и мудростью (Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 5. М, 2012. С. 46–47). В Словаре русского языка XI–XVII вв. слово «темный» имеет ряд значений, из которых к Василию II, наряду с приоритетными «лишенный света» и «слепой», приложимы также: мрачный; неясный, непонятный; грешный, дурной (Вып. 29. М., 2011. С. 290–292). Принимая во внимание вероятность официального происхождения прозвища, все-таки предпочтение следует отдать первому значению, как отражающему физический недостаток, но возможно с приданием возвышенно-патетичного оттенка, чего не дало бы прозвище «Слепой».

*А.А. Пушкарев, инженер-исследователь
Томский ГУ*

Нюрнбергские жетоны в Западной Сибири

Жетоны являются монетовидными знаками, которые впервые появились в Западной Европе в XIII в. и изначально использовались в качестве инструмента счета на специальной доске, называемой абакус (абáка). Пик популярности жетонов приходится на XVI – начало XVII вв., когда центром их производства становится г. Нюрнберг. Своеобразие феномена нюрнбергских жетонов заключается в том, что, зародившись на территории Западной Европы, они оказались в итоге адаптированы в культуре аборигенного населения Западной Сибири.

На этом длительном пути жетоны меняли свои функции, что, соответственно, увеличивало их информативность как исторического источника. Являясь изначально важным свидетельством по развитию медальерного дела и арифметики на территории Западной Европы, жетоны впоследствии аккумулировали информацию о торговых отношениях с Русским государством и, наконец, стали источником по культуре аборигенного населения Западной Сибири. В результате жетоны, попавшие в Западную Сибирь, фактически являются источниками сразу нескольких дисциплин исторической науки: нумизматики, археологии и этнографии.

На территории Западной Сибири выявлено 252 нюрнбергских жетона на 37 объектах – на 36 археологических памятниках и одном этнографическом (святилище). Основная масса находок (94,4 %) происходит из памятников аборигенного населения, оставшиеся 5,6 % – из поселений русского населения.

Самый ранний жетон, найденный на территории Западной Сибири, отчеканен мастером Wolf Lauffer I и датируется годами его

работы: 1554–1601 гг. Самые поздние жетоны, встреченные здесь, отчеканены мастерами Ernst Ludwig Sigmund Lauer (1783–1829) и Johann Christian Reich (1758–1814) и датируются не позднее 1793 г.

Нумизматический анализ нюрнбергских жетонов конца XVI–XVIII вв., которые найдены на территории Западной Сибири, выявляет три волны их привоза, отражающих тесную связь с историей чеканки жетонов в Нюрнберге. На первую волну приходится пик датировок 1610-х гг., с ней соотносится 49,6 % от общего количества жетонов с территории Западной Сибири. Она соответствует расцвету производства жетонов в Нюрнберге, которое одновременно вели три семьи: Schultes, Krauwinkel и Lauffer. Вторая волна – жетоны с датировками 1650-х – 1710-х гг. В это время из перечисленных трёх семей осталась лишь семья Lauffer, представители которой продолжили чеканку жетонов. Третья волна – жетоны с датировками 1780–1793 гг., это время активной деятельности мастеров Johann Christian Reich и Ernst Ludwig Lauer.

Историко-культурный анализ источников проводился отдельно для жетонов, которые обнаружены на памятниках, связанных с русским и аборигенным населением Западной Сибири.

При исследовании функций жетонов в культуре русских установлено, что они не использовались в качестве инструмента счёта, а также в виде заменителя денег. Вероятно, жетоны, найденные на территории русских острогов (Тобольск, Мангазея, Кузнецк) предназначались для последующего обмена с аборигенами. Исключением являются четыре жетона из д. Сосновая Отнога (правый приток р. Тобол), которые русскими крестьянами использовались, вероятно, в качестве украшений.

При исследовании функций жетонов в культуре аборигенного населения Западной Сибири детально изучен контекст обнаружения жетонов: этническая принадлежность могильников, местоположение в погребении, соотношение с деталями костюма, пол и возраст погребённого. Все эти данные соотнесены с этнографическими материалами. В результате определено, что подавляющее большинство жетонов использовалось аборигенным населением в качестве нашивок на различные детали костюма – от пояса до головного убора. Выразительной оказалась половозрастная характеристика – основная масса жетонов встречена в погребениях детей и женщин.

Торговая отчётность Московского печатного двора о книжных покупках приказных чинов 7171 (1662/63) года

Данный текст посвящен сравнению книжных покупок приказной администрации в 7171 (1662/63) г. и в 7145 (1636/37) г. по отчетности Московского печатного двора (МПД) о розничной продаже книг через его лавку на Никольской улице (см.: *Пушков В.П. Торговая отчётность Московского печатного двора о книжных покупках приказных чинов 7145 (1636/37) г. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Мат-лы XXXI Междун. науч. конф. М., 2018. С. 306–308; Пушкив В.П., Пушкив Л.В. Опыт построения и использования базы данных «Книжный рынок Москвы 1662–64 гг.» // Федоровские чтения – 2007. М., 2007. С. 219–240. БД построена по материалам РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 61, 65). Видимо, вследствие тяжелого финансово-экономического кризиса второй половины 1650-х – начала 1660-х гг., приведшего к Медному бунту 25 июля 1662 г., число покупателей-чиновников сократилось в три раза – со 194 до 63 человек, а сделанных ими покупок и приобретенных книг соответственно с 300 до 94 и с 398 до 169, причем персональный состав покупателей полностью обновился.*

Большинство покупателей 7171 (1662/63) г. составляли дьяки и подьячие центральных правительственных и патриарших ведомств (соответственно 10 дьяков и 39 подьячих (в 1636/37 г. это соотношение было 52:105), остальные чины были представлены стряпчими, монастырскими слугами и др. В продолжение 7171 г. (со 2 сентября 1662 г. по 27 августа 1663 г.) чиновники приходили за книгами 64 дня – в среднем каждый шестой день (в 7145 г. таких дней было в полтора раза больше – 94), чаще всего покупая по одной книге (65 раз) при среднем размере одной покупки в 1,8 экз. Больше всего их интересовали: Святцы (37 экз.), Псалтырь учебная (32) и Канонник (23), составившие основную часть чиновных покупок (82 экз., или 54%). Показательно и высокое четвертое место 20 Требников (их название в то время – Потребники). Остальные книги покупались заметно реже: 12 Евангелий учительных, 9 Миней общих, 8 Житий Николая чудотворца, 7 Триодей постных, 5 Евангелий на-престольных и др. Характерны существенные расхождения в выборе книг дьяками и подьячими. Так, если начальники приобрели только 7 изданий и, в основном, Святцы, то их подчиненных интересовали все продававшиеся в тот год 16 названий и прежде всего Учебные псалтыри. Следовательно книжный кругозор подьячих

того времени был гораздо шире, чем у дьяков (по среднему размеру одной покупки на человека подьячие опережали дьяков – 2,8 экз. против 2,2).

Большинство подьячих (24 из 39) и два дьяка из 10, покупая книги, назвали 15 своих ведомств (в 1636/37 г. было названо 25 учреждений). Их чиновники за 41 посещение лавки купили 75 книг (в среднем по 5 экз. на одно ведомство). Наиболее активными оказались Печатный приказ (3 подьячих за 7 покупок взяли 22 книги) и Приказ Большого дворца (4 подьячих – 7 покупок – 15 книг), третье место было за Разрядом (4 – 7 – 8). Один подьячий Житного двора Ив. Михайлов, купив за три посещения лавки 6 книг, вывел свое учреждение на четвертое место. По 5 книг взяли подьячие Патриаршего разряда и Хлебного дворца, 3 – Монастырского, по 2 книги – чиновники самого МПД, Рейтарского и Ямского приказов, а из пяти ведомств только по одному человеку купили по одной книге: Казанский дворец, Оружейная палата, Посольский приказ, Примочный двор и Стрелецкий приказ. Григорий Котошихин в 7 главе («О приказах») своего сочинения по состоянию на 1663 г. говорит о 42 светских приказах, т. е. с учетом 6 царских дворов и патриарших всех приказов было около 50, так что в этот год книжную лавку посетили «чиновные люди» примерно одной трети имевшихся тогда центральных ведомств. По Котошихину, во всех приказах сидело 100 дьяков и 1000 подьячих, т. е. книги покупал каждый 10-й дьяк и каждый 25-й подьячий.

15 человек из 63 приходили в лавку от 2 до 7 раз. Самым активным покупателем оказался стряпчий конюх Леонтий Бухастов, который за семь посещений лавки приобрел семь книг (4 Канонника и 3 Требника). Пять раз покупал книги подьячий Максим Протопопов и четыре раза подьячий Печатного приказа Ив. Григорьев сын Протопопов (видимо, его родственник). Также 4 покупки сделал стряпчий Ив. Федоров сын Лызлов. По три раза в лавку приходили подьячие Фед. Федоров сын Постников и Мих. Русинов из Приказа Большого дворца. Самую крупную разовую покупку в 10 Святцев сделал дьяк Дм. Алмазов. Сразу по 5 Псалтырей учебных покупали подьячий Дм. Афанасьев, подклучник Дм. Иванов и подьячий Ив. Григорьев сын Протопопов. По сходству фамилий можно говорить о родстве дьяка Лукьяна Голосова с дьяком Тим. Голосовым из списка 1636/37 г., а подьячего Ямского приказа Матв. Завесина с Савином Завесиным. Среди же самих покупателей 1662/63 г., видимо, родственниками были подьячие Ив. Гр. сын и Максим Протопоповы, Григорий и Иван Родионовы.

По числу дней, в которые чиновники покупали книги, первенство было за тремя осенними месяцами (22 дня). Зимой книги совер-

шенно не покупались в декабре и январе, но в феврале с началом Вел. Поста посещение лавки возобновилось: 3 дня – 4 покупки – 9 книг. Сезонный пик книжной активности пришелся на весну, когда за 20 дней в результате 31 покупки было взято 60 книг, причем с каждым месяцем число купленных книг нарастало: март – 14, апрель – 20, май – 26. Летом покупательская активность чиновников несколько снижалась, но оставалась на высоком уровне: 19 дней – 26 посещений – 50 книг, 32 из которых было куплено за 15 покупок в 10 июньских дней. По дням недели минимальные покупки были в ее начале, по воскресеньям: 6 книг за 2 покупки. В понедельник активность возрастала (19 книг за 9 покупок), поднимаясь во вторники до 28 книг за 20 посещений лавки. В следующие три дня недели, немного снизившись, ситуация стабилизировалась: в среды – 23 книги за 16 покупок, в четверги – 23 за 14, в пятницы – 24 за 15, но в последний день недели по субботам имел место рекордный уровень активности – 41 книга за 15 покупок.

*Е.В. Пчелов, к.и.н.
зав. кафедрой РГГУ*

Отзвук подвигов Геракла на троне русских царей

В конце 2018 г. вышел в свет долгожданный фундаментальный каталог Музея «Московский Кремль» «Регалии российских государей и другие атрибуты великокняжеского и царского сана XIV–XVII веков», написанный И.А. Бобровницкой и М.В. Мартыновой. В числе других регалий в каталог включён и известный костяной трон, традиционно приписывавшийся Ивану Грозному и считавшийся древнейшим из сохранившихся царских тронов. Ему посвящена (в составе каталога) специальная работа И.А. Бобровницкой, в которой детально исследован сам памятник и определена его датировка (временем царствования Алексея Михайловича). И.А. Бобровницкая сделала целый ряд важных открытий и наблюдений, ей, в частности, удалось определить прототипы изображений на костяных пластинах трона (что позволило, в том числе, уточнить датировку создания этого предмета).

Один из прототипов, выявленный исследовательницей – это серия гравюр итальянского мастера Одоардо Фиалетти, работавшего в Венеции в первой трети XVII в. Эти гравюры представляют собой гротески, созданные по рисункам художника Полифило Джанкарли. Первое их издание датируется временем около 1625 г. (всего 12 гравюр и титульный лист). Мастера использовали эти гротески в качестве образцов для пластин на стенках сиденья и на спинке трона.

Пластины на спинке трона окружают центральное изображение, которым в настоящее время является двуглавый орёл. Эти пластины имеют трапецевидную форму и всего их восемь. На нижней пластине помещено изображение чаши (или корзины) с цветами, а на остальных семи плетёный орнамент с включениями различных фигур. Всего здесь представлено девять фигурных композиций, поскольку на двух боковых пластинах даны по два фигурных изображения. И.А. Бобровницкая идентифицировала семь из них. Они точно повторяют фигуры, представленные на различных частях гравюр Фиалетти, что показывает точное следование образцу мастеров трона.

Что же изображено на гротесках? Их описания в изданиях гравюр носят условный характер (их перевод опубликован И.А. Бобровницкой), например, «мужчина, убивающий змея, женщина, дети и собаки» или «мужчина со шпагой и кинжалом, борющийся с двумя медведями» (на самом деле с тремя), иногда более определённый – «сатир, похищающий нимфу».

На гравюрах, действительно, изображены причудливые существа: различные чудовища, звери, тритоны, крылатые женские фигуры, путти и т. п. Всё это, конечно, было рождено фантазией художника, но в основе таких декоративных изображений могли лежать вполне определённые мифологические сюжеты. Если присмотреться к деталям гротесков, к атрибутам персонажей, к изображениям бестиарных существ, то здесь кажется вполне ощутимым влияние мотивов, связанных с известным циклом подвигов Геракла.

Подвиги Геракла (Геркулеса) были популярными серийными изображениями в эпоху Ренессанса как в Италии (Россо Фьорентино – гравюры Джакомо Каральо), так и в Германии (Генрих Альдегревер). К числу этих подвигов (или деяний) относились не только такие хрестоматийные, как битвы с Немейским львом или Лернейской гидрой, но и, например, сюжеты Геркулес, убивающий Несса или спасающий Гипподамию от кентавра. На гротесках Фиалетти мы видим немало параллелей с этими образами: здесь присутствуют изображения льва, гидры, дракона (дракона Ладона Геракл убил, добывая яблоки Гесперид), стилизованного пса (Кербера?), есть сцены борьбы со львом, с гидрой, с пантерой (псом?), с драконом, изображение кентавра с сидящей на нём женщиной (Несс и Деянира), наконец, крылатая богиня, вскармливающая одного из двух младенцев, может отсылать к сюжету Геры, вскармливающей Геракла (рядом изображён в таком случае Ификл). Борющиеся с чудовищами персонажи вооружены такими хрестоматийными атрибутами Геркулеса, как палица и челюсть Немейского льва.

Разумеется, это не буквальное воспроизведение мифологических композиций – герой предстаёт то в образе тритона, то в виде сатира, хотя здесь нужно иметь в виду, что в гравюре того времени в виде сатира мог изображаться кентавр (особенно отчётливо это видно на гравюрах Г. Альдегревера). Иными словами, мифологические сюжеты и образы преобразовывались фантазией художника в причудливые маньеристские гротески, а в этом качестве уже были воспроизведены резчиками пластин трона. Конечно, создатели трона не учитывали, да и не могли учитывать этой семантики (понятой только художникам и их зрителям европейского Ренессанса), тем не менее, они тщательно воспроизвели ряд композиций, отсылавших к известным мифологическим персонажам.

Этот факт заставляет внимательнее присмотреться и к центральной пластине спинки трона. В известном издании памятников Оружейной палаты А.Ф. Малиновского 1807 г. она представляет собой изображение не двуглавого орла, а человеческой фигуры, стоящей рядом с каким-то копытным животным (более точное описание невозможно по причине крайней условности, если не сказать примитивности, прорисовки). Эта фигура традиционно считается изображением Дианы с ланью (так полагает и И.А. Бобровницкая). Однако, в искусстве Ренессанса Диана изображалась, как правило, сидящей на лани. Фигура же на пластине трона стоит сзади лани и держит лань за один из рогов, в то время как во второй руке сжимает какой-то длинный предмет, который можно принять за оторванный другой рог лани. Так мог изображаться известный подвиг Геракла, поймавшего Керинейскую лань (тип изображения с оторванным вторым рогом известен с античных времён). Конечно, определить точный иконографический прототип композиции на центральной пластине спинки трона не представляется возможным из-за схематичности сохранившегося изображения. К 1851 году эта пластина уже была заменена на двуглавого орла (возможно, в связи с коронацией 1826 г.).

*Д.Н. Рамазанова, к.и.н.
заведующая НИОРК (МК) РГБ, доц. РГГУ*

Греческие рукописи сербских собраний. Палеографические и кодикологические заметки

Рукописные собрания Сербии, как и некоторых других балканских государств, менее всего исследованы с точки зрения наличия в них греческих рукописей. Сведения о них минимально представлены в «Репертуаре библиотек и каталогов греческих рукописей» Марселя Ришара, впервые изданном в 1948 г., а затем в переизда-

ниях 1958–1964 гг. (*Richard M. Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs*. Paris, 1948. XV, 129 p.; *Idem*. 2 éd. Paris, 1958. XIII, 276 p.; *Idem*. Paris, 1964. xvi, 76 p.), а также в справочнике Ж.-М. Оливье (*Olivier J.-M. Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs de Marcel Richard*. Turnhout, 1995. XVI, 952 p.). В связи с этим одной из основных задач нашей работы по изучению греческих рукописей Балкан оказалась эвристическая, связанная с выявлением греческих кодексов в хранилищах Сербии.

Сведения о некоторых греческих рукописях частично представлены в библиографии: преимущественно это описания рукописей в каталогах Ль. Стояновича, З. Недельковича (*Стојановић Љ. Каталог рукописа и старих штампаних књига. Збирка Српске Краљевске Академије*. Београд, 1901; *Инвентар рукописа Библиотеке Српске Патријаршије* / уред. З. Неделькович. Београд, 2012; *Богдановић Д., Штаљанин-Ђорђевић Љ., Јовановић-Ступчевић Б.* [и др.] *Опис ћирилских рукописних књига манастира Високи Дечани*. Књ. 1. Београд, 2011) и других изданиях. Однако зачастую опубликованные сведения представляют собой либо краткие инвентарные записи, либо неточные, или, в отдельных случаях, как, например, с рукописями монастыря Великие Дечаны, ошибочные описания (об этом см.: *Рамазанова Д.Н.* Греческие рукописи из соборания Дечанского монастыря // Монфоко. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Вып. 4. С. 327–337) и, таким образом, требуют дополнительных исследований и новых полных описаний.

В последнее время выявлено около двадцати греческих рукописей в различных собраниях Сербии. Большинство рукописей – поствизантийские, преимущественно XVII–XIX вв. Некоторые кодексы датированы и имеют колофоны писцов. По хранилищам они распределяются следующим образом: три кодекса – в собрании монастыря Высокие Дечаны (ныне на хранении в НБС; подробнее: *Рамазанова Д.Н.* Указ. соч. С. 327–337); три кодекса – в Архиве Сербской Академии наук и искусств (ранее – Сербской королевской Академии), два из которых представляют нотные рукописи (№ 18 (8°; 16,6 x 12,5 см), и 421/169 (14,6 x 10,2 см) и одна – № 125 – содержит сочинение Демосфена (4°; 23,5 x 15,9/16,1). В фондах Музея Сербской Православной Церкви обнаружено также три кодекса: два – в собрании МСПЦ (№ 14 и № 140) и один – в собрании Р.М. Груича (№ 162).

Наибольшее количество греческих рукописей находится в настоящее время в собрании библиотеки Сербской Патриархии. Это семь кодексов XVII и XVIII в., которые преимущественно содержат тексты богослужебного характера, сборники и учебные сочинения. К концу XVII в. относятся две рукописи – Введение в Логику (Рс

131) и Теология (Рс 136). XVIII веком датируются пять кодексов: Литургия (Рс 101; IV+33 л., 303 x 242 мм), написанная параллельно на греческом и латинском языках (1726 г.), а также Христианское учение (Рс 188; V+145 л.; 143 x 90 мм), выполненное на нескольких языках; текст учения принадлежит иеромонаху Константину Мосхопольскому (1732 г.). Ко второй половине XVIII - рубежу XIX в. принадлежат две рукописи нотного состава – это Рс 359 (Илиомеларион; 874 с.; 198 x 120 мм) и Рс 364 (Церковное нотное пение; I+131 л.; 164 x 114 мм), датируемая приблизительно 1790/1800 г. XVIII веком датируется еще один кодекс, представляющий собой сборник различного состава (Рс 373; I+261 л.; 157 x 100 мм). Список Теологии (№ 136) конца XVII в. интересен не только своим содержанием, но и переплетом, который является разворотом пергаменного листа греческой рукописи XI–XII вв. Сохранившийся лист принадлежал кодексу большого формата, выполненного в два столбца с сохранившейся разлиновкой, однако переплет был сделан, по-видимому, в период бытования рукописи вне сербских земель. Сейчас же этот лист является фрагментом самой ранней греческой рукописи, находящейся на территории Сербии.

По одной рукописи находится в нескольких хранилищах: Музее прикладного искусства в Белграде, Библиотеке Гимназии в Сремских Карловцах и монастыре Каленич. Таким образом, в настоящее время известны хранящиеся в Сербии 19 греческих рукописей и один фрагмент.

Предварительные наблюдения над теми греческими рукописями сербских собраний, которые к настоящему времени удалось изучить, позволяют сделать несколько выводов.

Во-первых, среди сохранившихся греческих кодексов значительное место занимают рукописи литургического характера: таков, в частности, самый ранний полный кодекс XV в., происходящий из дечанского собрания и содержащий греческий текст Псалтири. Литургические тексты на греческом языке также присутствуют и в ряде относительно поздних рукописей – в их числе Литургия Иоанна Златоуста (БСП № 101) 1726 г.

Во-вторых, многие из сохранившихся в Сербии греческих кодексов содержат следы не только своего происхождения, но и бытования. Причем их происхождение связано как с греческими регионами Османской империи, так и с Австро-Венгрией (например, сохранилась рукопись, переписанная в Будиме). Таким образом, греческие манускрипты создавались и распространялись не только в традиционных для себя греческих, но и в сербских землях, а также в местах, населенных сербской диаспорой, в том числе на территории современной Венгрии.

В-третьих, ряд поздних греческих рукописей, относящихся к XVIII–XIX вв. и бытовавших в сербских землях, представляют собой сборники богословско-учительных, учебных текстов и в этом отношении могут быть интересны как источники по истории духовного образования в сербской среде того времени. Важным этапом, связанным с началом создания таких рукописей, как представляется, было избрание сербским патриархом Моисея Петровича и его деятельность в области просвещения сербского народа, в том числе и через русское посредство.

*С.В. Рассказов, к.г.н.
независимый исследователь*

**О двух сибирских картах XVIII века в 192-м фонде РГАДА,
отражающих историю Ишимской и Новоишимской
укрепленных линий**

В процессе ознакомительного поиска по 192-му фонду РГАДА («Картографический отдел Московского государственного архива Министерства иностранных дел»), несколько лет назад мы наткнулись на странную фотокопию карты первой половины XVIII в. (РГАДА Ф. 192. Оп. 6. Д. 111), отображающей уникальный материал. На двух склеенных листах фотобумаги, каждый примерно размером А3, изображалась Ишимская укрепленная линия, созданная постепенно в конце XVII – начале XVIII в. для предупреждения набегов со степных территорий на старые сибирские уезды (Тобольский, Тюменский, Верхотурский, Туринский и Тарский).

Ишимская линия была сетью разрезанных укреплений на основных проезжих дорогах из степи, которую только предполагалось к 1740-м гг. привести в порядок и достроить. В итоге от этого проекта отказались в пользу более короткой Новоишимской линии, построенной в 1750-х гг. и служившей границей основной территории империи в Сибири и зависимых территорий казахских жузов до середины XIX в. Подробно этот вопрос исследовал Н.В. Горбань (*Горбань Н.В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири: Новоишимская линия крепостей // Вопросы географии. М., 1953. Сб. 31. С. 206–227*), украинский историк, отбывавший ссылку в Средней Азии, Тобольске и Омске в 1940-50-х гг. В более широком контексте вопрос рассмотрен в диссертации С.Р. Муратовой, посвященной всем укрепленным линиям Западной Сибири (*Муратова С.Р. Сибирские укрепленные линии XVIII века: Дисс. к.и.н. Уфа, 2007*), в более узком – в диссертации В.Д. Пузанова, посвященной также фортификации и укрепленным линиям, но только в пределах т. н. Зауралья, исторического вернакулярного района,

ядром которого обычно считается Курганская область (Пузанов В.Д. Военно-административная система России в южном Зауралье (конец XVI – начало XIX в.): Дисс. к.и.н. Курган, 1999). В работе Горбаня представлена примерная схема Ишимской линии, построенная (с небольшими ошибками) по нарративным источникам, и более подробная – Новоишимской, хорошо знакомая по многочисленным картографическим источникам. Последующие работы, насколько нам известно, картографический материал по Ишимской линии не публиковали. Таким образом, в наших руках оказалась копия малоизвестного картографического источника, отображающего не очень хорошо раскрытый эпизод истории сибирской фортификации. Проблема состояла в том, что эта фотокопия не включала часть рамок и картуш карты, соответственно, ее было довольно сложно идентифицировать.

Благодаря любезным советам сотрудников РГАДА, оригинал произведения был найден в том же фонде, но в другой описи, под ничем особо не говорящим названием «Ландкарта. Описание мест Исетской провинции» (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Разд. I. Д. 1). Название в описи оказалось частью длинного витиеватого названия: «ЛАНДКАРТА. Описание мест Исецкой правинции от села Воскресенского Тобольных Ишимских и Тарского уезду фарпостов даже до реки Иртыша до большарецкаго форпосту а от большарецкаго фарпосту вверх по реке Иртышу до Омской крепости которые фарпосты имеются между Сибири Киргис кайсацкой степи...».

Далее заглавие плавно перетекает в легенду карты и перечисление авторов и руководителей работы: капитана Ивана Новоселова, геодезистов Алексея Моисеева и Михаила Выходцева, тайного советника Ивана Неплюева (адмирал и Оренбургский губернатор) и (статус неразборчив) Семена Спорева. Год составления – 1743-й. Карта цветная, рукописная и, как видно из названия, охватывает не только территории Исетской провинции, но отображает все фортификационные пункты от реки Тобол до реки Иртыш, на юге доходя до казахской степи, на севере – до Тобольска. В центре карты – главное правление Ишимской линии в слободе Коркиной (позже, с 1780-х гг. – в городе Ишиме). В связи с техническими проблемами РГАДА карту невозможно было скопировать и опубликовать в прошлом году, но у нас на руках есть электронная копия дела 111 из 6-й описи Ф. 192, т. е. копия копии.

Представляет интерес и следующее, второе, дело того же раздела той же описи («Карта Сибирской губернии от старого Утяжского форпоста», РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Разд. I. Д. 2). В данном случае название дела в описи – это также зачин большого витиеватого текста: *«КАРТА | Сибирской Губерніи отстарого Утяцкаго фарпоста*

к реке Иртыш у[и] Чернолуцкой Слободе где осматриваны места под линию от степи Киргис кайсацкой, 1749[5?] года...».

Дальнейший текст и само содержание картографического источника, говорят о том, что это итоговый результат осмотра местности под Новоишимскую линию – несколько вариантов (маршрутов – «трактов»), положенных на карту, что, безусловно, чуть интереснее, чем просто список маяков, редутов и крепостей готовой линии, получаемый из более поздних источников. Среди участников работы опять упоминается капитан Новоселов (как прошедший один из «трактов»), геодезии прапорщик Иван Куроедов и, в качестве ответственного лица, – подполковник Василий Кутузов. Карта была сравнительно недавно скопирована сотрудниками РГАДА и может быть опубликована.

*И.А. Русецкая, к.и.н., доц.
РГГУ*

Криптография в сочинениях средневековых европейских авторов: задачи и область применения

Для прочтения и правильной интерпретации средневековых рукописей и сочинений необходимо изучать и учитывать факты использования в них авторами элементов криптографии. В данной работе будет проанализирован общий круг задач, стоящий перед авторами, применявшими криптографию в своих сочинениях, а также основные методы, которые при этом использовались.

В целом, криптография в Западной Европе в средние века, с одной стороны, выполняла задачи, связанные с практическим применением – для обеспечения секретности переписки, с другой стороны, придавала сакральный смысл текстам, именам и понятиям, например, в области алхимических опытов и магических экспериментов. Наиболее типичными для рассматриваемой эпохи областями применения криптографии можно считать следующие.

Во-первых, в средневековых рукописях и трактатах часто шифровались имя автора книги или ее переписчика, молитва писца, указание на окончание им работы и прочего рода краткие записи, касающиеся текущей действительности.

Это явление отмечается не только для латинских западноевропейских манускриптов, но и для югославянских и русских сочинений XII–XV вв. Применение здесь криптографии указывает на силу магических традиций, восходящих к древним культам и обрядам. Так, использование сокращений божественных имен методом контракции может быть связано с древнеегипетскими и древнееврейскими вариантами написания священных имен. В традициях запад-

ноевропейской культуры к этому явлению добавляется символизм мышления, свойственный средневековым авторам.

Создание криптограмм, связанных с подобным сокращением имен собственных в рукописях, строилось по принципам, которые автор заимствовал из известных ему примеров или изобретал сам. Во многих случаях читателю сразу же предлагался ключ для дешифрования. Для скрытия значения слов в средневековых сочинениях также применялись различные виды шарад и акростихи. Примеры их использования можно часто обнаружить в рукописях позднего средневековья, созданных в разных областях Западной Европы.

Во-вторых, криптограммы применялись представителями оккультизма и тайных обществ для скрытия сокровенных знаний от профанов. Авторы сознательно затеняли понимание своих сочинений, рассматривая, например, алхимию как великое искусство, которое может быть известно только небольшому числу избранных. Отношение к алхимии как к тайной науке сформировалось под влиянием характерных для мыслителей средневековья поисков различных планов и ракурсов каждого явления. Для того чтобы держать в тайне методы создания философского камня, средневековые авторы, например, заменяли слова различными знаками или буквами греческого, древнееврейского, арабского и других восточных языков. Часто для замены слов использовались мифологические имена.

Во-третьих, криптографические методы применялись средневековыми мыслителями и учеными, полагавшими, что некоторые их идеи или результаты научных изысканий могли вызвать негативную реакцию со стороны общественного мнения или признанных авторитетов и привести к гонениям. К тому же, зашифрованные части рукописей могли стать необходимым с точки зрения авторов барьером, отделявшим истинных знатоков науки от случайных профанов. В раннее Новое время подлежали зашифровке не вполне доказанные научные гипотезы: в случае их подтверждения автор всегда мог утвердить за собой первенство открытия, в противном случае – гипотеза оставалась зашифрованной.

Одним из наиболее известных средневековых западноевропейских авторов, который был знаком с принципами и методами криптографии и применял шифрование, по крайней мере, в одной из своих научных работ, был Джефри Чосер (1340–1400). В сочинении «Экватор планет», посвященном астрономии, им используются криптограммы для скрытия некоторых астрономических вычислений и кратких пояснений к приводимым астрономическим таблицам. Используемый шифр представляет собой шифр простой замены знаков исходного текста, свидетельством чего является частот-

ность повторения двадцати трех используемых символов, совпадающая с частотой использования букв английского языка (*Русецкая И.А. История криптографии в Западной Европе в раннее Новое время. СПб., 2014. С. 59–60*).

Наконец, в-четвертых, на протяжении средневековья криптография все более активно используется в развивающейся дипломатии. Появляются сообщения, содержащие зашифрованные или закодированные тексты, содержание которых связано с политикой или военным делом. Применение их дипломатами и послами нельзя считать широко распространенным в средние века. В большей степени появление таких сообщений характерно для позднего средневековья, а активное использование криптографии как оружия в дипломатической и политической борьбе относится лишь к периоду раннего нового времени.

С XIV в. криптографические методы стали применяться в дипломатической переписке различных придворных служб и, прежде всего, в посланиях папского двора. Самый старый из известных документов Ватиканского архива, содержащих свидетельство применения криптографии, относится к 1326 (1327) г. В этом источнике, имеющем отношение к противостоянию гвельфов и гибеллинов, использовался метод кодирования, предполагающий применение псевдонимов для обозначения сторонников различных политических группировок (*Kahn D. The codebreakers. N.Y., 1968. P. 106*). Однако лишь к концу средневековья криптография стала активно внедряться в работу западноевропейских дипломатов, прежде всего в Италии.

*Е.В. Русина, к.и.н., с.н.с. (звание), в.н.с.
Институт истории Украины НАН Украины (Киев)*

К датировке Волынской краткой летописи

Нам уже приходилось писать о таком интересном памятнике средневековой книжности, как т. н. Волынская краткая летопись [далее: ВК] (*Русина Е.В. К характеристике Волынской краткой летописи // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXXI Междун. науч. конфер. М., 2018. С. 314–317*). Входя в состав Супрасльского сборника, она впервые увидела свет под именем Киевской сокращенной почти двести лет назад (Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836); в 80-е гг. прошлого столетия ВК получила свое современное название и была переиздана в корпусе белорусско-литовских летописей (Полное собрание русских летописей. Т. 35. М., 1980. С. 118–127), с кото-

рыми она, в принципе, не имеет ничего общего (подробнее см.: Русина О.В. Українські аспекти білорусько-литовського літописання: історія й історіографія // Український історичний журнал. 2016. № 6. С. 135–137). Вопреки длительному пребыванию в научном обороте, данная летопись остается все еще недостаточно изученной – даже с точки зрения ее хронологических характеристик.

В литературе ВК, как правило, датируется 1515 г. Фактически эта дата представляет собой *terminus ante quem* составления памятника: так датированы финальные записи летописи, повествующие о взятии Василием III Смоленска и последовавшей за этим битве под Оршей (на самом деле оба события имели место в 1514 г.). В ВК имеется и четко обозначенный *terminus post quem*: помещенная после летописного текста памятная заметка о визите в Супрасльский монастырь польского короля и великого князя литовского Сигизмунда-Августа (1544 г.).

Однако такие хронологические рамки, бесспорно, слишком широки: содержащееся в летописной Повести (или Сказании) о битве под Оршей пожелание гетману Константину Острожскому «здоровья и счастья» свидетельствует о том, что данный памятник возник еще при жизни князя (т. е. до 1530 г.). Впрочем, и эти рамки можно несколько сузить на основании текста ВК. Так, белорусская исследовательница А. Семенчук предположила, что входящая в состав Повести похвала князю Острожскому увидела свет перед его столкновением с татарами на р. Ольшанице в январе 1527 г. (*Sie-mianczuk A. Latopisy o bitwie pod Orszą // Mówią wieki*. 2014. № 9. S. 73). Исследовательница связала с этим событием финальную фразу ВК, адресованную гетману-триумфатору: «абы так побивал сил[ь]ную рать татарскую, проливаючи кров[ь] их бесурменьскую!»). Нам же кажется, что этот призыв не связан с исторической конкретикой, а имеет, скорее, подражательный характер или, по крайней мере, коррелирует с находящейся выше в ВК краткой здравицей братьям Константину и Михаилу Острожским, активно боровшимся с татарскими набегами на Волынь и Полесье («Сим же правоверным князем даруй Г[оспод]и многолетное здравіє и укрепи десницю их и грозны их сотвори супостатам нашим»).

По нашему мнению, больший информационный потенциал имеет другой фрагмент похвалы гетману. Это одно из «темных мест» ВК, не раз вызывавшее недоумение у исследователей. Речь идет об утверждении книжника о том, что за свои подвиги Константин Острожский достоин владеть «самим Божьим градом Иерусалимом», а не только сидеть на «здесьних великих столечных городах». Одни исследователи видят в этой фразе намек на некую «иррациональную ауру вокруг персоны князя» (*Яковенко Н. Паралельний світ:*

Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ, 2002. С. 237–238), другие – древний эпический мотив «награждения за подвиг городом» (*Грушевський М.С.* Історія української літератури. Т. 5. Кн. 1. Київ, 1995. С. 250 (комментарий С.К. Росовец-кого)). Высказывалась мысль, что Острожский «провозглашался достойным освободить святой город [от иноверцев – *Е.Р.*] и стать его правителем – защитником святых мест Господних»; параллельно в указанной фразе усматривали декларацию права Острожского как «царственной особы» на престолы Литовского и Московского государств либо лишь на Литву (*Ульяновський В.* «Славний для всіх часів чоловік»: князь Костянтин Іванович Острозький. Острог, 2009. С. 9–10).

Последнее вряд ли возможно хотя бы потому, что в Повести всячески превозносится «великий», «славный» и «великославный» король Сигизмунд, а князь Острожский выступает лишь как его верный слуга, который, действуя в соответствии с «приказанием и наукой» своего государя, сумел одержать для него славную победу. Соответственно, в конце Повести Сигизмунду также провозглашается здравица: «Великославному господарю королю Жикгимонту Казимировичу буди честь и слава на веки, победившему недруга своего великого князя Василя московского!». Что же касается идеи похода на Иерусалим во главе с Острожским, то она кажется нам фантастической; несомненно преувеличены и современные представления о сакральной харизме и «царственности» князя.

По нашему мнению, сущность упоминания о «здешних великих столичных городах» заключается в казусе 1522 г., когда Острожский, уже имевший один «столичный» уряд (виленского каштеляна), стал воеводой трокским (напомним, что в Великом княжестве Литовском центрами государственной власти считались Вильно и Троки). Как известно, это назначение вызвало недовольство в среде литовских магнатов, сославшихся на ограничения, предусмотренные Городельским привилеем 1413 г. (данные высокие посты могли занимать только католики, тогда как князь был «схизматиком» и, кроме того, ревностно отстаивал интересы православной Церкви). В сложившейся ситуации Сигизмунд был вынужден оправдываться заслугами Острожского и обещал впредь неуклонно соблюдать нормы Городельского привилея. Думается, именно этот момент и обыгрывает составитель Повести, утверждая право князя сидеть на «здешних великих столичных городах».

С другой стороны, эта реплика позволяет уточнить время создания Повести о битве под Оршей – финальной части ВК. В силу всего вышесказанного, нам представляется возможным определить период ее составления как промежуток между 1522 г. и 1530 г.

**Авторы российских провинциальных путеводителей
второй половины XIX – начала XX века:
черты социального портрета**

В пореформенную эпоху началось массовое издание путеводителей в российской провинции. Работа над текстами местных бедеров стала одним из способов самореализации для провинциальной интеллигенции, авторские интенции которой в данном случае имели, как правило, не коммерческий, а просветительский характер. Создание книг нового, быстро набиравшего популярность жанра рассматривалось как возможность привлечь внимание к истории и культуре родного края, как способ поделиться накопленной информацией с образованной и заинтересованной публикой. Данная деятельность вписывалась в общий социокультурный контекст пореформенной эпохи, проходила параллельно с деятельностью губернских и уездных статистических комитетов, с активизацией региональной прессы, зарождением и бурным развитием краеведения.

Изучение и пропаганда края были не профессиональным занятием для большинства авторов, а делом, которому они предавались по зову души. Среди них были учителя, врачи, журналисты, священники. Так, автором нескольких путеводителей по Забайкалью был М.Е. Стож, железнодорожный служащий и по совместительству журналист; получивший образование в реальном училище; М. Сосногорова, написавшая и издавшая несколько известных путеводителей по Крыму, закончила гимназию. Некоторые из них были люди хорошо известные в местном сообществе. Так, В. Весновский являлся чрезвычайно популярным на Урале журналистом, автором сотен самых острых публикаций о проблемах региона. Популярной личностью в Крыму, особенно среди интеллигенции, был геолог по образованию, профессор Новороссийского университета, а затем основатель профессорского кружка в Алушке Н. Головкинский. Были и скромные труженики, весь писательский потенциал которых исчерпывался одной-двумя краеведческими статьями в местной газете.

Нередко авторами региональных путеводителей выступали чиновники: инспекторы, письмоводители, или даже люди более высокого ранга. Так, «Справочная книжка Эстляндской губернии» была составлена чиновником по особым поручениям Эстляндской казенной палаты, коллежским секретарем Дмитрием Ивановичем Сапожниковым, а «Путеводитель по Северу России» написал Д.Н. Островский, как сказано в предисловии: «бывший русский

консул в Финмаркене, в Норвегии, ныне Архангельский вице-губернатор» (*Островский Д.Н.* Путеводитель по Северу России. СПб.: Т-во Архангельско-Мурманское пароходство, 1899. С. 3). Подвизались на этом поприще даже военные: автор «Иллюстрированного спутника по Волге» С. Монастырский был полковником Генерального штаба.

Их сословная принадлежность также была неоднородной. Например, автор известного путеводителя по Сибири князь Всеволод Алексеевич Долгоруков принадлежал к аристократическим слоям общества. Сосланный в Томск за мошенничество, он стал известной личностью в городе: присяжный поверенный, член городской думы, адвокат и одновременно журналист и издатель. Проведя в Томске большую часть своей жизни (35 лет), В.А. Долгоруков нашел здесь возможности приложения своей энергии (достаточно авантюрного толка), став активным общественным и культурным деятелем. Однако чаще всего авторы были разночинцами, занимавшими далеко не самые высокие ступени социальной лестницы.

Многие создатели бедекеров открыто проявляли в тексте свои общественно-политические взгляды. Большинство из них занимали либеральные или сдержанно-консервативные позиции. О твердых убеждениях таких людей, как, например, упоминавшийся выше Н. Головкинский, хорошо знали современники. До того, как переехать в Крым, он преподавал в Казанском университете, из которого ушел в знак протеста против политики правительства в области образования. Многие авторы проявляли не только исследовательский интерес, но уважение и толерантность по отношению к народам и национальностям, проживающим на территории региона. Однако были и те, кто не скрывал своих откровенно шовинистических, националистических убеждений. Эти убеждения, особенно в период царствования Александра III, могли приобретать агрессивный оттенок: «Странно, что наша русская пресса очень мало говорит о «мирном завоевании» евреями и немцами нашей кормилицы-Волги... Немец постепенно и систематически насаждает в Поволжском крае немецкую культуру, а еврей, присосавшись к известному организму и обращаясь в подавляющую силу, обессиливает этот организм до положения полного истощения...» (*Путеводитель по Волге. Н. Новгород, 1894. С. 20*). Некоторые авторы использовали незамысловатые способы выразить свои верноподданнические чувства. Так, Е.Х. Дубичинский в «Спутнике по Крыму» оформлял заглавными буквами любое упоминание царской особы: «На площадке между Морской улицей и Нахимовским проспектом стоит часовня, сооруженная в память спасения ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II в Отсу в Японии 29 Апреля 1891 года» (Спут-

ник по Крыму. Севастополь, 1905. С. 51). В результате путеводитель становился более идеологизированным, отражающим пульсы и проблемы эпохи, в чем можно видеть яркое проявление национальных особенностей ранних русских бедекеров.

Однако профессиональные, образовательные, социальные и идеологические различия отступали перед общим просветительским пафосом, который владел всеми без исключения создателями провинциальных путеводителей. Конечно, каждый из них оставался дилетантом, любителем, выделяя для любимого дела свободное от других занятий время. Но, в сравнении с широко известным дворянским дилетантизмом первой половины XIX в., который проявлял себя в различных сферах художественного творчества и был по своей сути досуговой и сугубо элитарной практикой, приватным способом самовыражения, не выходящим за пределы сословия, разночинный дилетантизм обращал свою энергию в сторону популяризации и просвещения.

*В.В. Савельев, к.иск., библиотекарь I категории
НБ Гос. Эрмитажа*

Геральдическая книга в библиотеке Екатерины II

Научная библиотека Государственного Эрмитажа обладает одной из самых богатых в стране коллекцией европейской литературы XVI – начала XX вв. по геральдике и смежным дисциплинам. Помимо собственно геральдической подборки, собрание включает два автономных тематических блока: генеалогический и посвященный орденам (рыцарским, монашеским и орденам Нового и Новейшего времени как наградам). В топографическом и смысловом сочетании названных трех тем прослеживаются идейные основы, давно лишенные прагматики, но некогда задавшие собранию устойчивую структуру. Связка понятий «дворянство» – «рыцарство» («кавалерство») – «гербы» опирается на те же культурные установки, что и манифест Павла I об Общем Гербовнике, где говорится о лучших представителях сословия, которые в средневековье «составили Общества рыцарские или кавалерские. Сие само установление образовало тогдашнее дворянство, на феодальном праве основанное, в единое тело, духом чести и храбрости движимое... Щиты рыцарские украшаемы были гербами их родов, составленными из разных изображений, внесенных в герб в память или знак каких-либо рыцарских подвигов».

Исходная собирательская концепция, сообразно которой собрание ныне выглядит именно так, нуждается в выяснении. Ядро геральдической коллекции Эрмитажа было сформировано при Екате-

рине II. Состав ее личного книжного собрания, известный по рукописному каталогу библиотекаря А.И. Лужкова (АГЭ. Ф. 1. Оп. 6 «Т». Д. 29. Т. 1–3), выдает стремление к формату универсальной библиотеки, однако современники воспринимали это собрание как богатое в первую очередь исторической литературой. Именно к ней Лужков и отнес интересующую нас тематику.

Текст Лужкова не отличается идеально упорядоченной структурой, несет следы правок и дополнений, да и в целом является источником, сложным для интерпретации. Но благодаря совмещению черт систематического и топографического каталогов он важен уже тем, что позволяет судить, на какие смысловые блоки делилось собрание. «Исторические» книги сгруппированы по странам Европы. Наиболее крупные, разделенные на тематические рубрики разделы – «История Франции» и «История Германии». Внутри обоих удаётся найти интересующие нас подразделы. Во французской подборке это только блок «Генеалогия» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 6 «Т». Д. 29. Т. 1. Л. 363 об.). А вот в обширной немецкой подборке уже знакомое нам сочетание обнаруживается целиком. Бок о бок, отражая соседство книг в шкафах, находятся подразделы «Геральдика» и «Рыцарские ордена», чуть далее (примечательно, что она отделена от них рубрикой «Право») следует «Генеалогия» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 6 «Т». Д. 29. Т. 2. Л. 413–454). Это структурное ядро будущей геральдической коллекции. Назначение ее было скорее утилитарным, поскольку гербы, орденские корпорации и родственные связи элиты были частью повседневности и оказывали влияние на существовавшую в Европе систему отношений. Прагматический элемент, сохранявшийся в названных дисциплинах, сделал естественным их соседство с рубрикой «Право» (вспомним, что созданием геральдических текстов в XVII–XVIII вв. нередко занимались именно правоведы).

По интересующей нас тематике в каталоге Лужкова преобладают издания XVI – первой половины XVIII вв.; книги, изданные в годы формирования коллекции Екатерины II, составляют малую часть. Незначительное количество геральдических новинок внесено в документ дополнительно, в отрыве от прочих книг данного блока. Однако изначально геральдическая коллекция сформировалась из старых изданий. Изучение самих памятников и их владельческих знаков позволяет предполагать, что они приходили в Эрмитаж в составе закупувавшихся за рубежом частных библиотек, поступали и из отечественных собраний (например, из собрания умершего фаворита Екатерина II А.Д. Ланского), и через известного петербургского торговца Клостермана. Но, возможно, еще более важным включением в геральдическую подборку Екатерины были книги, принадлежавшие ее покойному мужу. В библиотеке отца Петра III,

герцога Карла Фридриха Голштейн-Готторпского, существовал раздел геральдики. Это собрание находилось в Киле, затем было перевезено в Россию, хранилось в Ораниенбауме, потом влилось в эрмитажную библиотеку. Ныне состав библиотеки Петра и местонахождение сохранившихся памятников в значительной степени выявлены (*Королёв С.В.* Каталог библиотеки императора Петра III. СПб., 2017). В двух известных описях библиотеки нередко упоминаются книги интересующей нас тематики. Пока что в эрмитажной геральдической коллекции удалось обнаружить пять изданий, гарантированно принадлежавших Петру, можно предположить, что в действительности книг, происходящих оттуда, несколько больше.

В XIX в. Эрмитажная библиотека, создававшаяся для личных нужд Екатерины II, стала музейной. Хотя комплектование геральдической подборки долго еще определялось факторами, связанными не столько с наукой, сколько с придворным статусом Эрмитажа, относящаяся к ней литература всё более осознавалась как пособие для хранительской работы. При всех реформированиях библиотеки эта коллекция, постоянно расширяясь, оставалась автономным блоком – живым реликтом способа мышления, присущего сословному обществу.

*А.А. Севастьянова, д.и.н., проф.
Рязанский ГУ им. С.А. Есенина*

Книжно-рукописные раритеты из рязанских хранилищ и Стефан Яворский

Вопрос о рязанской рукописи «Камня веры» митрополита Рязанского и Муромского Стефана Яворского с его автографом и о месте ее среди книжных редкостей стефановской библиотеки впервые появляется в местной литературе первой четверти XIX в., а затем в трудах сотрудников губернской ученой архивной комиссии (*Воздвиженский Т.* Историческое обозрение Рязанской иерархии <...>. М., 1820. С. 226–232; Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом. Рязань, 1889. С. 122–123). Отсюда и происходит изначальное и, как мы увидим, ошибочное мнение о том, что вся названная рукопись – подлинник известного произведения, написанного в 1700 году.

Еще в 1904 г. протоиерей Иоанн Морев, тщательно изучивший «Камень веры» по всем сохранившимся выявленным им спискам и первому изданию, упоминал, что нашел несколько списков с собственноручными пометами Стефана Яворского, одинаково полных и сходных с ранним печатным изданием, один из них – посланный автором в Рязань в 1722 г. (*Морев И., протоиерей.* «Камень веры»

митрополита Стефана Яворского, его место среди отечественных противопротестантских сочинений и характеристические особенности его догматических воззрений. СПб., 1904. См. также: *Маслов С.И.* Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914. С. 66, LXXXVIII). Одинаково полным, с пометами Стефана Яворского и близким изданию 1728 г., исследователь видел еще один экземпляр рукописи, хранящийся в «архиве св. Синода», и с этой точки зрения рязанская рукопись не уникальна. Отчасти заблуждение исследователей, считавших автограф митрополита одновременным созданию труда, а не оставленным при отсылке книги, объясняется текстом записи: «Сию книгу...посылаю на престол мой Рязанский...» (полный текст автографа Стефана Яворского, его фотовоспроизведение, а также краткое описание кодекса см.: *Севастьянова А.А.* Рязанские автографы Стефана Яворского. Приложение // Древности Поочья. Рязань, 2016. С. 328, 330–331).

Предпринятое изучение de-visu рукописи «Камень веры» с автографом Стефана Яворского, хранящейся в Государственном архиве Рязанской области (ГАРО. Научная библиотека. № 17022), дает основание полагать, что у автора, митрополита Стефана Яворского, могло быть и было копий подлинника, одна из них (или даже, возможно, не одна), и была отослана им в Рязань. Что дает основание для такого предположения? Во-первых, это сохранившаяся на одном из листов указанного архивного экземпляра запись «С подлинною книгою чтено», свидетельствующая о *сверке* рукописи с подлинником, т. е. о том, что она – копия с «подлинной книги». Во-вторых, важной деталью изучаемого рукописного экземпляра являются следы вырезанных переплётных листов как раз там, где идет автограф автора; остатки самого переплета сильно повреждены при том, что книжный блок хорошо сохранился и имеет позолоченный обрез с тиснением.

Известно, что первое издание «Камня веры» (1728 г.) подверглось запретам и преследованиям после смерти автора. Особенности рязанского экземпляра (в частности, вырезанные листы) и его бытование в последующие годы, возможно, свидетельствуют именно об этом.

Изучение рязанских рукописей возобновилось только в 1979 г., когда в «Археографическом ежегоднике» появился обзор рукописей, хранящихся в музее (*Кузьмин А.Г., Вдовина Л.Н., Севастьянова А.А.* Обзор рукописного собрания Рязанского областного краеведческого музея // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 177–183). Здесь сообщается об утрате подлинника «Камня веры», поскольку он не обнаружен среди нескольких стефановских рукописей музейного хранения, и отмечается более поздняя копия

этого труда.

Но рукописный экземпляр «Камня веры» с автографом, посланный в Рязань Стефаном Яворским в 1722 г., сохранился! Объяснение кроется в судьбах рязанских рукописей, поделенных искусственно между разными учреждениями в первые годы советской власти. Рукописи, о которой идет речь, суждено было оказаться в фондах Государственного архива Рязанской области, а не Рязанского музея.

С именем Стефана Яворского связаны еще несколько рукописей. Из них четыре были им в конце жизни, в 1719 г., подарены рязанской семье Кублицких, находились в Рязани и по содержанию связаны с темами «Камня веры». Еще четыре кодекса датируются последней четвертью XVIII в. и позднее, это – упоминавшиеся в археографических обзорах литературные сборники. В их составе переписанные поучения, «слова» и панегирики Стефана Яворского, его известное «Плачевное книгам целование», часть его переписки с Дмитрием Ростовским, послания последнего. Их тексты свидетельствуют о бытовании уже после смерти митрополита Рязанского его сочинений и, возможно, части его архива.

*Д.В. Сень, д.и.н., проф.,
ЮФУ*

Новые данные о представителях потестарных структур кубанского казачества (конец XVII в. – XVIII в.)

Многочисленные архивные разыскания последних лет позволили не только установить новые факты из жизни кубанских казаков (первых / «старых» кубанских казаков и казаков-некрасовцев – подданных Гиреев в обоих случаях), но и сформулировать новые исследовательские задачи. Среди актуальных вопросов, относящихся к теме доклада, следующие: происхождение и социальная стратификация кубанских казаков; динамика их численности и источники пополнения этого сообщества (сообществ); индивидуальные и коллективные биографии казачьих лидеров и их окружения; казачьи потестарные структуры и их «персональный» состав.

Другой актуальный вопрос – история объединительных процессов среди казаков Кубани и возникновения у них войсковой организации (Войска), начальный период которой пришелся на конец XVII в., а расцвет – на период после 1711/1712 гг. и до 1778 г. С постепенным формированием Войска у кубанских казаков мы связываем функционирование соответствующих потестарных структур – *казачьего Круга, института атаманской власти и пр.* Особенно интересно проследить дискретность / преемственность

между: а) потестарными структурами / отношениями донских казаков и кубанских казаков (выходцев с Дона); б) между аналогичными структурами / отношениями первых («старых») кубанских казаков и казаков-некрасовцев. Один их документов, созданных казаками Кубани в начале XVIII в., сообщал: «От кубанских атаманов молотцов от войскового атамана Савелья Пахомовича и от всего Войска Кубанского. Вестно тебе пача, послали мы от войска к тебе своих казаков Андрея толмача да Мартына для того, что наши казаки явились у тебя в Крыму, а тех казаков мы войском отпускали на Дон для ведомости. И тебе б пожаловать отпустить тех наших казаков. Оне наши казаки. К сей войсковой грамоте наша войсковая печать приложена» (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1709 г. Д. 12. Л. 3–3 об.). Впоследствии казаки-некрасовцы стали именовать свое казачье сообщество так: «Войско Кубанское Игнатово Кавказское» (Научный архив РОМК. Ф. 2. Оп. 15. КП № 1072/4; АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. 1902–1914 гг. Д. 4955. Л. 5 об., 7, 83).

Ключевым элементом в названии войсковой организации осталось определение «Войско Кубанское», зафиксированное в XVIII в. сторонними для казаков наблюдателями (РГИА. Ф. 796. Оп. 38. Д. 195. Л. 14 об.). Отметим, что многие элементы войсковой организации кубанских казаков восходят к традициям донского казачества. Так, И. Некрасов, уже после прибытия на Кубань в 1708 г. собрал *казачий круг*, узнав о том, что вследствие активных намерений его казаков идти «под государевы города для разорения... хотя их кубанские владельцы выслать вон» (РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 16. Л. 23–23 об.). И атаманы, и войсковые атрибуты появились в среде кубанских казаков неслучайно. Конструирование ими своей социальной группы путем приписывания (присвоения) признаков Войска должно было символизировать высокий статус *нового образования* именно через парадигму его противопоставления *старому* Войску Донскому.

Начиная с конца XVII в. мы располагаем данными о нескольких казаках, биографии и судьбы которых важны для реконструкции возникновения и эволюции у кубанских казаков войсковой организации и ее структур. Среди казачьих предводителей «старых» казаков нам известны Г. Купреянов (Киприянов), П. Мурзенко, Л. Маноцкий, С. Пахомов. Особенно интересно, что несколько из них являлись *тумами*. Мы предприняли попытку увязать их биографии с другими крупными фигурами, представляющими лидеров *донских и кубанских казаков-старообрядцев*. После гибели Л. Маноцкого в 1695 г. безусловным лидером кубанских казаков стал С. Пахомов. Толмач Афонька Федоров вспоминал, что из плена его выкупил «войсковой атаман Савелий Пахомов» (РГАДА. Ф.

119. Оп. 1. 1697 г. Л. 3). Другие источники по-иному трактуют статус С. Пахомова. Так, по словам кубанского казака Д. Маркова на начало 1690-х гг. С. Пахомов являлся «старшиной» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стлб. 1406. Л. 177). В источнике за 1702 г. С. Пахомов фигурировал уже как атаман «городка Копыла» (РГАДА. Ф. 158. 1702 г. Д. 142. Л. 8). У кубанских казаков нами выделена ещё одна заметная фигура – *толмач*. На сегодняшний момент известны имена двух обладателей данного «чина» – Афоньки Федорова Адаментова (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 9. Л. 3–4) и «Андрея-толмача» (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1709 г. Д. 12. Л. 3 об.).

В XVIII в. произошло объединение нескольких казачьих групп в Кубанское (ханское) казачье войско. Главная фигура среди войсковых атаманов XVIII в. – Игнат Некрасов. Его имя встречается в источниках вплоть до конца 1720-х гг., а приписываемые ему дата гибели (1737 г.) и отчество (Федорович) не находят документального подтверждения. Известны отрывочные данные о сыне И. Некрасова – Михаиле. Полагаем, что ещё при жизни И. Некрасова (как удачливого и бессменного атамана, как создателя и «культурного первопредка» группы) его имя обростало слухами, интерпретациями, что и получило закономерное отражение в фольклорной традиции казаков-некрасовцев. В пространстве указанной традиции произошла сакрализация образа И. Некрасова. Важным показателем этого стало включение его фамилии в такие формы коллективного самоописания казаков, как «Войско Кубанское Игнатово Кавказское» и «некрасовцы». Свои атаманы имелись и в некрасовских городках на Кубани. Так, в 1739 г., посланцы от Войска Донского по прибытию на Кубань приехали «к изменническим некрасовским казакам в городок... Савелев (по имени С. Пахомова. – Д.С.) и явились тамошнему атаману, а как ево зовут, того не знают...» (РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1740 г. Д. 99. Л. 23).

Без серьезных трансформаций войсковая структура просуществовала у казаков еще долго. Одним из ее главных связующих звеньев являлась фигура войскового атамана. Ещё в конце 1750-х гг. некрасовцы просили, чтобы императрица Елизавета Петровна «соизволила находящегося при них атамана (войскового. – Д.С.) утвердить таким же беспременным, как на Дону Данила Ефремов, також достойных людей старшинами» (АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1752 г. Д. 4. Л. 239 об.).

Безусловно, дальнейшую работу необходимо продолжить, изучая не только варианты названий Кубанского (ханского) Войска и его атрибутов (знамени, печати). Необходимо выявлять новые биографические данные о казачьих атаманах, толмачах и других лицах (включая «ближний круг» атаманов), пополняя составленную нами

предварительную информационную базу данных.

*А.В. Сергеев, к.и.н., зав. кафедрой
Институт промышленной безопасности, охраны труда
и социального партнерства (Санкт-Петербург)*

Князья Гагарины в Русском государстве XVI – XVII вв.

В историографии деятельность князей Гагариных изучена неполно. Их родословная, представляющая преимущественно лишь перечень имен, приведена в издании П.В. Долгорукова (Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. СПб., 1854. Ч. 1. С. 237–250). Биографии 14 лиц этой фамилии, живших в XVI–XVII вв., напечатаны в Русском биографическом словаре (Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 4. Гааг–Гербель. С. 56–95). Жизни и деятельности воевод братьев Семена и Никиты Никитичей посвятил монографию Я.Н. Рабинович (*Рабинович Я.Н. Братья Семен и Никита Гагарины: страницы биографии (1610–1640)*. Саратов, 2015). Эволюция общественного статуса, характер землевладения, матримониальные связи, численный состав Гагариных в XVI–XVII вв. не выяснены. Указанные аспекты истории этой фамилии рассматриваются ниже.

Гагарины были самой большой фамилией в ветви Стародубских Рюриковичей и одной из крупнейших среди княжеских фамилий Московского государства (Сергеев А.В. Княжеские фамилии Московского государства XVI–XVII вв.: количество, время существования, социальный статус. // Клио. 2018. № 2 (134). С. 39–49). На протяжении XVI–XVII вв. упоминалось более 140 лиц этой фамилии. Все они были потомками сына князя Ивана Голибесовского Михаила, жившего в середине XV в. У каждого из пятерых его сыновей, кроме Константина Михайловича, умершего бездетным, было 3–4 сына, и к началу XVI в. Гагариных насчитывалось 14–18 князей. Вследствие быстрого роста фамилии им стало тесно в «родовом гнезде» и они были вынуждены искать поместья в других местах. В результате Гагарины потеряли поземельные связи со Стародубом и в первой половине XVI в. расселились по 5 уездам: Тверскому, Псковскому, Вяземскому, Дмитровскому, Новгородскому, где несли службу с поместий. В соответствии с районами землевладения условно можно выделить 4 линии фамилии (в порядке старшинства): 1. Клинско-Тверская (угасла в конце XVIII в.), 2. Псковская (угасла в XVI в.), 3. Вяземско-Вере́йская (существует), 4. Дмитровско-Новгородская (угасла в конце XIX в.) (Давыдов М.И. Стародуб Ряполовский в XIII – 70-х гг. XVI в.: политическое развитие, административно-территориальное устройство, эволюция

структур землевладения. Дисс. к.и.н. Владимир, 2004. С. 88–90, 213). Рассредоточенность Гагариных по уездам страны отмечена родословными (РНБ. Арх. Общ. № 44. Л. 44–45) и подтверждается данными писцовых книг.

В связи с проблемой состава Стародубского «Княжеского списка» важно отметить, что все Гагарины, жившие в середине XVI в. (35 князей), служили по уездам, где располагались их поместья, и не входили в состав территориального объединения Стародубских Рюриковичей, представленного этим списком (*Сергеев А.В.* Стародубские Рюриковичи в Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради начала 1550-х гг. // Клио. 2018. № 8 (140). С. 36–48).

Поколение Гагариных, представители которого жили на рубеже XVI–XVII вв., включало всего 16 князей. После учреждения опричнины в 1565 г. значительное число Гагариных было выслано в Поволжье из опричных уездов. Через некоторое время большинство возвратилось, но они были помещены в других местах. Несколько князей этой фамилии, живших в Псковском уезде, вероятно, погибли во время Новгородского похода царя 1570 г. Несмотря на кризис последних десятилетий XVI в. уже в следующем поколении число князей Гагариных достигло 21 чел., а через поколение – 34.

В «Смуту» Гагарины сражались на стороне центральных правителей. За участие в Московских осадах при царе В.И. Шуйском и «в королевичев приход» 1618 г. восемь Гагариных получили в награду часть поместий в вотчины (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Москва; Варшава, 2009. Т. 8. С. 408–409). Благодаря этому и иным обстоятельствам в XVII в. структура землевладения Гагариных изменилась: наряду с поместьями, оставшимися главным источником дохода, у них появились небольшие выслуженные, купленные, «приданые» вотчины. В XVII в. Гагарины «рассеялись» по уездам страны и легко переходили из одного района в другой, что характерно для поместного землевладения. Эта рассредоточенность по уездам хорошо прослеживается по материалам Е.Д. Сташевского. Некоторые из Гагариных достигли высокого уровня благосостояния – их земельные владения составляли около 1000 четей (*Сташевский Е.Д.* Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века. Н. Новгород, 2012. С. 78–83). В первой половине XVII в. у лиц этой фамилии было 23 вотчины в 10 уездах (*Шватченко О.А.* Эволюция светских феодальных вотчин в России в конце XVI – начале XVIII в. Дисс. д.и.н. М., 1997. С. 766).

Многочисленная фамилия Гагариных сохраняла на протяжении XVI–XVII вв. второстепенный социальный статус. Наиболее преуспели князья 3-ей линии, из которой вышли знаменитые воеводы

Н.Н. и С.Н. Гагарины. Несмотря на усердную службу многих Гагариных их карьера не поднималась выше чинов стольников и дворян московских. Как правило, в возрасте 16–20 лет Гагарины начинали служить в жильцах, спустя 5–7 лет жаловались в стряпчие, а потом в стольники. Думных чинов никто из них не получил. Известно о брачных союзах князей Гагариных с такими же второстепенными нетитулованными фамилиями Новосильцовых, Собакиных, Безобразовых, Корсаковых (Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М., 2010. С. 165, 1139–1142; РГАДА. Ф. 1209. Историческая опись. 1306. Л. 190 об., 232 об.).

Родословная Гагариных сохранилась относительно полно и хорошо согласуется с данными иных источников. Наиболее существенная лакуна в ней касается 4-х князей, упоминаемых в 1570-х гг. в качестве помещиков Водской пятины (*Самоковасов Д.Я.* Архивный материал. М., 1909. Т. 2. С. 158–160). На основе сопоставления информации разных источников удалось установить их принадлежность к 4-й линии фамилии.

*А.И. Сидоров, д.и.н., в.н.с.
ИВИ РАН*

Изображение как наставление: к вопросу об иконографии Псалтыри Карла Лысого

Каролингская культура, может быть, впервые в европейской истории являлась в полной мере культурой Книги. Все выдающиеся ее достижения так или иначе являют собой результат рефлексии в отношении главного для христиан текста – Библии. Речь идет не просто о широком заимствовании метафор или образов, но о том, что буквально все пространство культуры было пронизано христианской этикой. В таком контексте значение каждого художественного памятника измерялось не только его эстетической ценностью, но прежде всего моральным и дидактическим потенциалом. Произведение искусства должно было наставлять зрителя даже своими составными частями. Параллельно вырабатывался оригинальный художественный язык, на котором создатели конкретных памятников разговаривали с целевой аудиторией. Рассмотрим это на примере Псалтыри Карла Лысого.

Роскошный кодекс Париж. BNF. Lat. 1152 размером 240 x 195 мм, созданный, вероятно, в придворной мастерской между 842 и 869 гг., сохранился практически в первоначальном виде. Его обложка украшена филигранью, драгоценными камнями и двумя изображениями на костяных табличках, а внутри имеются три полностраничные миниатюры и несколько больших инициа-

лов. Иконографический ряд не был серией иллюстраций к основному тексту. Изображения являются самостоятельным и законченным нарративом, который был обращен к главному адресату – королю франков.

На миниатюре, предваряющей текст псалмов, мы видим танцующего Давида в окружении музыкантов (f. 1v). Далее следует парное изображение Карла Лысого и Иеронима (f. 3v–4r). Король в торжественном облачении (в золотой тунике и украшенной драгоценными камнями короне) восседает на троне под божественной дланью и смотрит на Иеронима. Священник же, равный по размерам государю, помещен в сходное архитектурное пространство (что еще больше уравнивает обоих персонажей) и полностью поглощен работой – переводом *Jura Davidis*, о чем сообщает надпись в верхней части рисунка (*Nobilis interpres Hieronimus atque sacerdos / Nobiliter pollens transscripsit iura Davidis*).

Франкский государь, в свою очередь, явлен зрителю «подобным (царю) Осии и равным (императору) Феодосию» (*Cum sedeat Karolus magno coronatus honore / Est Josiae similis parque Theodosio*). Выбор исторических персонажей предельно точно указывает на то, каким видят Карла создатели Псалтыри. Он подобен (или должен быть таковым) тем правителям древности, которые совершали публичное покаяние. Именно это позволяет ему рассчитывать на получение важнейшего религиозного текста из рук самого Иеронима. Более того, находиться в непосредственной близости от святого и даже наблюдать за его трудами. Также Карлу подобает демонстрировать смирение, о чем ему прямо напоминает танцующий Давид.

Иконографию псалтыри дополняют две костяные таблички, помещенные на обложках. На первой мы видим Давида сидящим на коленях у ангела, в «тени крыл» и в непосредственной близости от Господа. В то время как его враги – «молодые львы» по бокам от трона и вооруженные воины внизу – не могут причинить Давиду никакого вреда. Более того, они сами падают в яму, которую вырыли для него. На второй изображена сцена покаяния Давида перед Нафаном – за убийство Урии и прелюбодеяние с Вирсавией.

В художественном отношении оба изображения представляют собой почти буквальные цитаты рисунков из Утрехтской Псалтыри (Утрехт. Bibliotheek der Rijksuniversiteit. HS 32, Реймс, ок. 823 г.), сделанных к Пс 56 (f. 32r) и Пс 50 (f. 29r) соответственно. Такой выбор не случаен. Утрехтская Псалтырь представляет собой своего рода учебник, предназначенный для максимально эффективного усвоения псалмов. Изображения в рукописи воспро-

изводят не только буквальное их содержание, облегчая запоминание сложного аллегорического текста, но также при помощи дополнительных образов «цитируют» авторитетные комментарии, прежде всего, Августина.

Утрехтская Псалтырь создана в мастерской Реймса при архиепископе Эббоне, ближайшем сподвижнике и друге императора Людовика Благочестивого. Ее появление, вероятно, было связано с рождением Карла Лысого в 823 г. Это был дорогой подарок могущественного пастыря своему государю, но сделанный явно с прицелом на будущее. Вполне возможно, что Карл осваивал псалмы и вообще учился понимать разные смысловые уровни текста именно по этой книге. Тот факт, что создатели личной Псалтыри государя использовали в своей работе мотивы рисунков из Утрехтской Псалтыри, вряд ли можно считать случайностью.

В иконографии Псалтыри Карла Лысого предельно ясно сформулированы следующие идеи – даже простой пастух может стать царем по милости Бога; власть развращает, и даже праведник не может быть полностью свободен от греха; разница между хорошим и плохим государем в том, что первый, демонстрируя смирение, готов покаяться в своих грехах; и если он поступает именно так, то Господь не оставит его, но оградит от врагов и приблизит к трону своему.

Параллельно создатели Псалтыри сформулировали свое понимание того, как должны соотноситься между собой светская и церковная власть. Священник оказывается выше государя, ибо он *интерпретирует* слова пророка, объясняет их потаенный смысл правителю и таким образом наставляет его в служении (*ministerium*), а еще принимает покаяние и отпускает грехи.

Но этический потенциал Псалтыри как художественного памятника не исчерпывается только иконографией. Изображение сцены покаяния Давида на нижней крышке переплета обрамлено в рамку с крестами и рубинами (или гранатами), которые напоминали зрителю о будущем пришествии Христа и его искупительной жертве. А верхняя крышка, щедро украшенная жемчугом и разноцветными драгоценными камнями, несомненно, отсылала к образу Небесного Иерусалима (Апокалипсис, 21: 19-21) и параллельно напоминала государю о приближении конца времен.

Календарь «Палеи Толковой» в свете «Учения» Кирика Новгородца

Основным содержанием «Палеи Толковой» служит пересказ библейских книг с комментариями (толкованиями), кроме того она имеет дополнения. Время составления «Палеи Толковой» не установлено, ученые склоняются к мнению академика В.М. Истрина о XIII в. Одним из дополнений к памятнику является достаточно пространственный календарный текст (Палея Толковая. М., 2002. С. 37–49). Он заслуживает особого внимания исследователей, так как мог восходить ко времени до создания «Палеи Толковой», быть присоединенным к последней позже и иметь отношение к творчеству Кирика Новгородца. Между тем в научно-справочной литературе об этом Календаре не всегда есть даже упоминание (*Творогов О.В.* Палея Толковая // *Словарь книжности и книжников Древней Руси.* Л., 1987. Вып. 1. С. 285–288; *Он же.* Палеи // *Литература Древней Руси: Он же.* Палея толковая // *Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина.* М., 2014. С. 588).

Календарный текст «Палеи Толковой» систематизирован по годам «лунного круга» (19-летнего цикла) по типу: «Первый год лунного круга», «Второй год лунного круга» и так далее – до «Девятнадцатого года лунного круга». В 1987 г. А.М. Пентковский предположил, что Календарь «Палеи Толковой» мог использовать Кирик Новгородец (*Пентковский А.М.* Календарные понятия в Изборнике Святослава 1073 г. и их наименования // *Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому.* М., 1987. С. 76). В 1992 г. И.Н. Данилевский пришел к выводу, что Календарь «Палеи Толковой» был лунно-солнечным календарем, реально употреблявшимся на Руси (*Данилевский И.Н.* Лунно-солнечный календарь Древней Руси // *Архив русской истории.* М., 1992. № 1. С. 122–132). В 1995 г. С.В. Цыб высказал предположение, что Календарь «Палеи Толковой» восходит к XI–XII вв. и поддержал мнение А.М. Пентковского о его связи с календарными расчетами Кирика Новгородца 1136 г. (*Цыб С.В.* Древнерусское время-исчисление в «Повести временных лет». Барнаул, 1995. С. 69).

В 1997 г. вышел русский вариант исследования немецкого математика Генриха Зименса о календарно-пасхальной структуре «Учения им же ведати человеку числа всех лет» (1136 г.) Кирика Новгородца, рассмотренной в контексте реальной календарной действительности. Отметив, что в Новгороде Кирика календарное

время в быту верно соотносилось с «возрастом» Луны, Г. Зименс отмечал, что при этом Пасха определялась по неточным таблицам, допускавшим погрешность в три дня. Получалось, что Кирик, видя эту календарную ошибку, как бы закрывал на нее глаза. Он указал в качестве даты христианской Пасхи в 1136 г. 22 марта, что соответствовало принятой в расчетной пасхалистике традиции. Однако, если исходить из астрономической действительности, то Пасха в 1136 г. должна была бы праздноваться «пятью неделями позже». Это связано с тем, что церковные пасхальные таблицы создавались с III в. н.э. на основе «весьма приблизительных формул», и их «неточность приводит каждые 310 лет к разнице в один день, которая с III до XII в. успевает вырасти до трех дней» (Зименс Г. Вычисление Пасхи в Новгороде в XII веке // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 121–127; ср.: *Simens H. Kirik von Novgorod und die Berechnung des Osterdatums* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Stuttgart, 1991. Bd. 39. H. 1).

В этой связи необходимо было решить проблему о соответствии или несоответствии календарного текста «Палеи Толковой» астрономическим реалиям XI–XII вв. Этой проблеме был посвящен цикл работ, вышедших в 1999–2002 гг. Если бы рассчитанные календарные показатели совпали с данными «Палеи Толковой», то с уверенностью можно было заключить, что календарь «Палеи Толковой» (каким он сохранился) является астрономически достоверным календарем времени Кирика Новгородца. Однако оказалось, что только около 1,5 % реконструированных дат новолуний совпали с датами «Палеи Толковой», причем из числа разночтений различных списков памятника. Значит, эти совпадения могут быть результатом случайных описок в процессе многовековой работы переписчиков, и этими данными можно пренебречь при дальнейшем анализе. Примерно 8 % дат «Палеи Толковой» отличались от реконструированных на один день, свыше 90 % дат – на два-три и более дней. Это позволяет заключить, что Календарь «Палеи Толковой» к XI–XII вв. устарел, и не отвечал астрономической реальности (Симонов Р.А. Календарь Палеи Толковой, переписанной в Коломне (1406 г.), с учетом других списков // Проблемы истории Московского края: Тезисы докладов. М., 1999. С. 10–11; *Он же*. Календарь Палеи Толковой // Проблемы источниковедения истории книги. М., 2000. Вып. 3. С. 39–52; Религиозно-философское значение «Палеи Толковой» // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. М., 2000. С. 192–193, прим. 160–161 – автор Р.А. Симонов; Палея Толковая. М., 2002. С. 538, прим. 119–120 – автор Р.А. Симонов). В их основе лежит реконструкция реальных

новолуний для «Круга Луны» 1124–1142 (времени Кирика Новгородца) по методике Ю.А. Завенягина (*Завенягин Ю.А. «Вечный» лунный календарь для определения фаз Луны // Климишин И.А. Календарь и хронология. 3-е изд. М., 1990. С. 438–439.*)

В 2002 г. А.А. Романова подвела некоторые итоги накопившейся историографии о Календаре «Палеи Толковой». Идею, изложенную И.Н. Данилевским в названной выше его статье, она не одобрила. Однако подтвердила выводы об архаичности этого календаря, но усомнилась в возможности его использования Кириком Новгородцем (*Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб., 2002. С. 19.*). Критически отнеслась А.А. Романова и к некоторым теоретическим построениям С.В. Цыба, заключив, что они основаны на ошибочной оценке роли Оснований: (Там же. С. 29). А.А. Романова также уделила внимание существовавшему дуализму календарных трактовок на Руси, которому была посвящена указанная выше статья Г. Зименса.; А.А. Романова его «закрыла». Она отмечает, что «Кирик предлагает расчет Пасхи на основании Кругов Солнца, Луны и Великого Индиктиона для 6644 (1136) г. Расчет всех этих данных, также как иудейской пасхи, происходил в полном согласии с церковными канонами, при которых астрономические наблюдения не требовались. Именно отсутствие астрономических наблюдений при вычислении подвижных праздников позволяло, при соблюдении единого канона, обеспечить единовременное празднование Пасхи во всем христианском мире. При тогдашнем уровне астрономических наблюдений о точных результатах вряд ли можно было бы говорить, а необходимость вычислять Пасху с помощью истинных астрономических данных привела бы куда к большему разнобою, чем составленные по неточным (условным) церковным данным, но практически неизменяемые таблицы» (Там же. С. 71–72).

Остается открытым вопрос, на основе каких таблиц Кирик Новгородец мог рассчитывать Пасху? Возможный ответ на этот вопрос будет предложен в докладе.

*И.И. Синчук, науч. консультант
Издательство “Белорусская энциклопедия” (Минск)*

Церковные посты и сезонность рождаемости во второй половине XIX – первой половине XX века (Западная Белоруссия)

1. Рождаемость по месяцам и Церковь. По полученным данным Борисовского сельского некрополя (Кобринский р-н Брестской обл.) можно определенно говорить о наблюдаемой сезонности

рождаемости во второй половине XIX – первой половине XX вв. В выборке учтены данные 204 эпитафий надмогильных памятников, по которым можно проследить рождаемость по месяцам. Пик рождений приходится на март (12 %), минимальные значения – на август, ноябрь, декабрь (6 %). Помесячный индекс рождаемости выглядит следующим образом: январь – 124, февраль – 88, март – 141, апрель – 100, май – 106, июнь – 124, июль – 94, август – 71, сентябрь – 112, октябрь – 100, ноябрь – 71, декабрь – 71.

На Брестском церковном соборе 1596 г. была создана Русская Униатская Церковь (поместная католическая Церковь греческого обряда). К концу XVIII в. эта восточнокатолическая Церковь византийской литургической традиции объединяла свыше $\frac{4}{5}$ христиан на территории современной Беларуси. Униаты придерживались в богослужении православного месяцеслова. Униатские епархии Беларуси были присоединены к РПЦ в результате Полоцкого собора 1839 г. униатских Белорусской и Литовской епархий.

Исходя из того, что кладбище православное и 80 % данных относятся к людям, рожденным в 1862–1950 гг., до массового распространения атеизма (Западная Белоруссия вошла в состав СССР в 1939 г.), разумно предположить влияние церковных постов на снижение количества рождений.

Среднее время беременности, по современным оценкам, составляет 268 дней (38 недель и два дня) от овуляции со стандартным отклонением 10 дней или коэффициентом вариации 3,7 % (*Jukic A.M. etc. Length of human pregnancy and contributors to its natural variation // Human reproduction. Oxford (England), 2013. October. No 28 (10): 2848–55*). Подсчеты совершались исходя из этих данных.

2. Посты. Интерес для исследования представляют многодневные посты, приведенные здесь с датами на 2019 г.: Великий пост с 11 марта по 27 апреля (продолжительность 48 дней), летний Петров (Апостольский) пост с 24 июня по 11 июля (от 6 недель до 8 дней – в зависимости от даты Пасхи), Успенский пост с 14 августа по 27 августа (две недели), зимний Рождественский (Филиппов) пост с 28 ноября по 6 января (40-дневный).

В Церкви издавна существует в качестве рекомендательной норма воздержания от супружеского сожителства во время постов, основанная на расширительно толкуемых словах апостола Павла, причем упоминание о посте присутствует лишь в русском переводе Нового завета (1 Кор. 7:1–7).

Детали реальной практики постов во второй половине XIX – первой половине XX в. в Западной Белоруссии (Кресах Восточных)

достоверно не известны. «Каноны» многочисленных типографских изданий XVII в. не содержат запретов либо разрешений на супружеские отношения в многодневные посты (Павлов А. Номаканон при Большом Требнике. М., 1897; Кураев А.В. Женские вопросы к Церкви. М., 2017. Примеч. 472).

3. *Календари*. Нет возможности точно выяснить, к юлианскому или григорианскому календарю относятся даты рождений большинства надмогильных надписей периода 1862–1917 гг. Лишь исходя из даты смерти до 1915 г. (до занятия западных белорусских губерний союзными войсками Германской и Австро-Венгерской империй) можно уверенно утверждать, что в эпитафии приведены даты рождения по старому стилю.

Скорее всего, для указания даты рождения до 1918 г. использовался т. н. пролептический григорианский календарь – дата рождения по юлианскому календарю пересчитывалась в дату григорианского календаря. Возможно, что большое количество эпитафий с дореволюционными датами рождений имеют лишь год рождения по причине неуверенности родственников в точности даты – т. е. надо ли было ее переводить на новый стиль или она уже была дана в документах по григорианскому календарю. Вероятно, об этом же говорят иногда встречающиеся надписи с указанием месяца и года, но без дня рождения.

4. *Великий пост и рождаемость*. Дата Пасхи подвижная, поэтому Великий пост приходится на большой временной интервал 15 февраля – 7 мая нового стиля, причем из восьми десятков возможных календарных дней поста лишь две недели всегда приходятся на Великий пост – с 21 марта по 3 апреля. В 19-летнем периоде приходилось на месяц пасхальных дней: ноябрь – 21%, декабрь – 85%, январь – 50%. Расчетный день зачатия был соотнесен с датами Великого поста соответствующего года. Зачатия, совершившиеся во время Великого поста, должны были привести к родам в ноябре-декабре, в которых действительно по материалам некрополя наблюдается минимальное число рождений, в два раза меньше пикового значения.

Исходя из имеющихся данных, можно утверждать, что в рассматриваемом случае через девять месяцев после каждого из четырех многодневных постов следует период пониженной рождаемости – в четырех соответствующих месяцах наблюдается рождаемость ниже средней арифметической (февраль, август, ноябрь, декабрь), в одном месяце равная этому показателю (апрель соответствует самому короткому из многодневных постов).

5. *РПЦ и рождаемость*. В изученных по архивным материалам 1762–1850 гг. деревнях Кореньского микрорегиона (Логойский р-н

Минской обл.) не наблюдается «великопостного» снижения рождений в выборке 1762–1794 гг.; в выборке 1795–1825 гг. снижение рождаемости наблюдается только в декабре; в выборке 1826–1850 гг. наблюдается уже в ноябре-декабре (*Носевич В.* Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск, 2004. С. 135). Вероятно, наблюдаемое устойчивое демографическое явление появилось в результате влияния Русской Православной Церкви на практики поста христиан Кореньщины.

Однозначно можно говорить о «строгом» соблюдении в «доатеистическое» время церковных постов жителями привязанных к Борисовскому некрополю населенных пунктов, поскольку рождаемость, обусловленная зачатием в месяцы постов, в сравнении со средним месячным значением значительно ниже. Причем, судя по сравнительным материалам, зависимость рождаемости от церковных постов появилась с сокращением количества католиков, с ликвидацией унии и переходом верующих в РПЦ.

*Т.И. Слепова, к.и.н., с.н.с.
Гос. Эрмитаж*

Раннесредневековые папские монеты (VIII–X вв.) из собрания Эрмитажа

В числе 4350 папских монет Эрмитажного собрания особое место занимают раннесредневековые монеты пап, отразившие различные этапы становления собственной чеканки Папского государства.

В своем исследовании мы опирались на следующие работы: *Corpus Numorum Italicorum*. Vol. XV. Parte prima. Roma, 1934; *Muntioni F.* Les monete dei Papi e degli stati Pontifici. 4 vols. Roma, 1972–1974; *Berman A.* Papal coinage. New York, 1991.

Папская нумизматика, как отмечено многими исследователями, начинается с последней четверти VIII в., при понтификате Адриана I (772–795). Он чеканил серебряные денарии, близкие к византийскому прототипу. На л. с. – погрудное изображение правителя анфас, на голове тонзура, по сторонам буквы I–B, смысл которых до сих пор остается не разгаданным. Круговая легенда: DN ADRIANVS P.P. На о.с.: VICTORIA DN N CONOB вокруг креста, в поле – RM, две согласных буквы имени ROMA (ГЭ. ОН-3-114892).

В 774 г. Карл Великий принял в Риме от сената и народа титул патриция: *patricius Romanorum*. Король франков в этом качестве чеканил монеты в Вечном городе, и очень возможно, что чеканка папы была прекращена.

При наследниках Адриана I вплоть до начала X в. все римские монеты, за редким исключением отсутствия императора, имеют

имена как императоров, так и пап. Имеются все серии денариев со следующими именами:

Лев III (795–816) с Карлом Великим, затем с Людовиком Благочестивым;

Стефан IV (816–817) с Людовиком Благочестивым;

Пасхалий I (817–824) с Людовиком Благочестивым;

Евгений II (824–827) с Людовиком Благочестивым;

Григорий IV (828–844) с Людовиком Благочестивым, а затем с Лотарем I (ГЭ. ОН-3-97485).

В течение этого долгого времени сложился определенный тип монеты. До понтификата Иоанна VIII (872–882) монеты без вариантов имели на л.с. имя императора вокруг монограммы, образуемой или аббревиатурой IMPERATOR, или состоявшей из слова PIVS, или имени Вечного Города. На о.с. мы находим в легенде SCS PETRVS вокруг монограммы или симметричного соединения букв, образующих имя папы.

При понтификате Иоанна VIII на короткое время появился новый тип. Из-за отсутствием императора, с момента кончины Карла Лысого в октябре 877 г. до праздника Богоявления 881 г. – даты выбора Карла Толстого – папа отказался от традиционных монет и чеканил денарии, носящие на одной стороне монограмму, окруженную +ROMA, и на другой – заключенное в круг погрудное изображение апостола с легендой SCS PETRVS, расположенной вокруг изображения (ГЭ. ОН-3-88103).

После избрания Карла Толстого этот тип продолжал быть в употреблении, с той лишь разницей, что на л.с. имя +CAROLVS MP заменило слово Рим.

С понтификата Марина (ГЭ. ОН-3-97495) до понтификата Формоза (ГЭ. ОН-3-97497) тип монеты с монограммой появляется вновь. Формоз пытался ввести изображение Св. Петра, но, возможно, по требованию императора вернулся к традиционной монете, которая употреблялась без исключения при Стефане VI, Романе I и Теодоре II. Иоанн IX (ГЭ. ОН-3-97512) опять ввел погрудное изображение Св. Петра. Его преемник Бенедикт IV, будучи безразличным к традиции употребления этого типа, ввел тип монеты с рукой и монограммой. Денарии, выпущенные во время отсутствия императора, которая предшествовала коронации Людовика III в феврале 901 г., были лишены всякого упоминания об императоре (ГЭ. ОН-3-88113).

Не найдены монеты Льва V (903), который правил только 40 дней. Его преемник Христофор (903–904) использовал тип с монограммой на денариях, которые были чеканены с именем Людовика III.

Примечательны монеты папы Сергия после 905 г., когда Людовик III вынужден был покинуть Италию, а папа воспользовался царившей анархией, чтобы придать монетам автономный характер. Известны три разных типа монет: первый имеет погрудное изображение Св. Петра, другие – изображение понтифика с легендой *SERGIVS PP*, и, наконец, монограмму Сергия и воззвание *+SALVS PATRIE* (ГЭ. ОН-3-88112, ГЭ. ОН-3-97516).

При Анастасии III в Италии продолжалась анархия, имя императора отсутствовало на монетах. Но Иоанн X (914–928), после коронации Беренгария, возвратил на римские монеты имена императоров-наследников Карла Великого.

Нумизматические памятники Льва VI (928), Стефана VII (928–930), Иоанна XI (930–935) отсутствуют. Политический беспорядок, в который была погружена Италия, легко объясняет эту лакуну. В Риме патриций Альберик (ГЭ. ОН-3-88114), один из сыновей короля Гуго и брат папы Иоанна XI, захватив власть, чеканил свою монету.

Денарии папы Марина II (942–946) имеют *+ALBERI PRI*, *Albericus p̄nc̄ps*, и монограмму понтифика. При Агапете II (946–955) имя патриция продолжает фигурировать на денариях либо заглавными буквами, либо в монограмме. В 954 г. Альберик умер, оставив управление Вечным городом своему сыну Октавиану, который стал папой под именем Иоанна XII (955–964). Он именовался на более ранних денариях как *+DOMNVS IOAN*; его титул *PAPA*, расположенный в монограмме в виде креста, занимает поле л.с.; на о.с. – монограмма города Рима и имя Св. Петра.

Коронация Оттона I в Риме 2 февраля 962 г. императором служит точкой отсчета для последующего периода папской чеканки.

*М.А. Смирнова, к.и.н., н.с.
ОР РНБ*

Дневник угличского купца Д.Ф. Кочурихина 1821 г. в собрании ОР РНБ в контексте его письменного наследия

В среде русского купечества в XVIII–XIX вв., находившегося на периферии европейской культуры и модели воспитания, не существовало устойчивой традиции написания мемуаров и ведения дневников. Однако господствовавшее ранее мнение, что купцы себя «не изображали, мемуаров не писали, семейных архивов и прадедовских вещей сохранять не могли» (*Приселков М.Д.* Купеческий быт XVII–XX вв. Л., 1925. С. 6), в последнее время подверглось определенной корректировке. Все чаще появляются пуб-

ликации ранее не известных памятников купеческой мемуаристики и посвященные им исследования.

Рассеянные по архивохранилищам, зачастую не атрибутированные мемуары и дневники купцов порой становятся случайной находкой историка, тогда как через руки архивистов проходят «тысячи никому, кроме них, не известных личных свидетельств, созданных “маленькими людьми”» (*Зарецкий Ю.П.* Рассказы о себе в России XVIII века как социальные практики (опыт построения классификации) // Человек. 2016. № 6. С. 103).

Недавно такой находкой стали дневники угличского купца Дмитрия Федоровича Кочурихина (1792 (1793?) – после 1855). Его дневниковое наследие уникально по объему и временному охвату и рассеяно по четырем архивохранилищам. На сегодня известна двадцать одна тетрадь его дневников за 1821–1855 гг. Тетрадь дневника за 1821 г. хранится в Отделе рукописей РНБ (Ф. 775. Д. 4287), две за 1822–1823 гг. – в РГАДА (Ф. 196. Оп. 3. Д. 2187), десять тетрадей за 1829, 1831–1832, 1836, 1839, 1843, 1845–1846, 1850, 1853 гг. – в РГАЛИ (Ф. 1337. Оп. 1. Д. 104–114), восемь тетрадей за 1824, 1833, 1835, 1840–1842, 1851, 1855 гг. – в ОПИ ГИМ (Ф. 92. Д. 43–49; Ф. 450. Д. 836).

Не позднее 1855 г. вести дневник продолжал сын Д.Ф. Кочурихина Николай Дмитриевич, сохранилось одиннадцать тетрадей его дневников за 1859–1881 гг.: 1857, 1864–1866, 1870, 1874–1876, 1878–1879, 1881 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 92. Д. 50; РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 104–114). Всего же к настоящему моменту выявлено более 30 тетрадей дневников Кочурихиных за 60 лет (1821–1881).

Род Кочурихиных на всем протяжении своей истории связан с Угличем. Сферой их коммерческой деятельности была торговля холстами. Как и его отец, угличский городской голова Ф.Г. Кочурихин, автор дневников, принимал активное участие в городском самоуправлении – был гласным городской думы (Там же).

Каждый год автор начинал вести записи с 1 января и заканчивал в последних числах декабря, после листы сшивались в годовые тетради. Тетрадь из собрания ОР РНБ начинается с записей от 1 января 1821 г. и, судя по записи, является первой: «В прошедшие годы подобной сей записки не имел, а бог вразумил меня для себя сие впредь оставить памятником» (ОР РНБ. Ф. 775. Д. 4287. Л. 1). Тетрадь за 1881 г. оканчивается 31 декабря, но можно предположить, что Кочурихин вел дневник и после 1881 г.

На примере тетради за 1821 г. можно рассмотреть структуру дневника. Листы первой половины рукописи расчерчены на столбцы: «числа», непосредственно записи и «замечания», в которых указывалось место пребывания автора или место, где были сделаны

записи. Заметки разделены заголовками по месяцам, записи сделаны каждый день без пропусков. Начиная с 6 июня записи делались на разрозненных листах уже без столбцов и менее аккуратно.

На протяжении XIX в. происходило становление жанра купеческих мемуаров и дневников. Ранние примеры дневников сложно отделить от записей хозяйственного характера или погодных наблюдений. Такие книги не были личными дневниками, составлялись «на память потомкам» или для практических нужд, могли вестись несколькими авторами, их форма была продиктована устойчивой летописной традицией (*Смирнова М.А.* Мемуары и дневники петербургских купцов конца XVIII – начала XX вв. как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. С. 82). Дневники Д.Ф. Кочурихина, напротив, содержат не только детальные записи о ежедневных занятиях автора, но и его мысли и впечатления. Авторское название рукописи – «Дневник повседневных дел и мыслей купца Дмитрия Кочурихина». Сюжеты записей разнообразны: коммерческая и общественная деятельность автора, городские и семейные события, отзывы о прочитанных книгах, погодные наблюдения, описание сновидений.

Проследить историю бытования памятника, выяснить, при каких обстоятельствах тетради были рассеяны, чрезвычайно сложно. Изучаемый дневник 1821 г. поступил в РНБ в составе собрания ростовского коллекционера А.А. Титова. Запись на первом листе рукописи свидетельствует о ее покупке Титовым в Москве в 1892 г. В РГАДА дневник поступил в составе собрания Ф.Ф. Мазурина вместе с документами архива Д.Ф. Кочурихина, среди которых соборники, большей частью богословского содержания.

Купеческий род Кочурихиных занимает особое место в истории Углича, поэтому личность и дневники Д.Ф. Кочурихина вызывают интерес местного музейного научного сообщества. Благодаря циклу статей сотрудника Угличского государственного историко-архитектурного и художественного музея С.В. Кистеневой введена в научный оборот тетрадь дневника из РГАДА, раскрыта биография автора и история рода Кочурихиных, а также атрибутированы портреты купцов Кочурихиных (*Кистенева С.В.* Портретная галерея дома Кочурихиных: попытка реконструкции // Возвращенные из прошлого. Музейная реставрация, изучение и сохранение движимых памятников: Мат-лы науч. конф. Углич, 2013. С. 77–96; *Она же.* Кочурихины. О портретах предков и о предках портретов // XVIII науч. чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой: Сб. ст. Ярославль, 2014. С. 259–274; *Она же.* Кочурихины. Под крышей старого дома // Угличе Поле. 2014. № 22. С. 84–93; *Она же.* Д.Ф. Кочурихин: Круг чтения провинциала (по материалам дневни-

ка 1822–1823 гг.) // Книжная культура Ярославского края – 2015: Сб. ст. и мат-лов. Ярославль, 2016. С. 16–28 и др.).

Представляется важным по возможности собрать воедино дневниковое наследие Д.Ф. Кочурихина и осуществить его научную публикацию.

*А.Е. Соболева, к.филол.н.,
н.с. ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, в.н.с. РГБ, преп. МДА*

Глоссы на полях как связующий элемент рукописей

Маргиналии на полях рукописей позволяют не только уточнить или прояснить затемненное значение слова, но и, будучи повторенными в нескольких рукописях, проследить их историю, уточнить место написания конкретного кодекса.

Представляется интересным подробно рассмотреть варианты глосс в двух рукописях, которые сейчас хранятся в собраниях двух различных древлехранилищ.

Обе рукописи представляют широко распространенное в середине XVI–XVIII вв. житие Александра Свирского (автором на данный момент изучено около 300 списков жития этого периода).

В рукописи из собрания РГБ. Ф. 138. № 48 (далее Костр. 48) и рукописи из собрания ГИМ, хранящейся в Покровском соборе (инв. № 6–7, далее ПС), встречаются совпадающие глоссы, не отмеченные к данному времени в других списках.

Рукопись Костр. 48 принадлежала архитектору Никите Бартеневу, о чем свидетельствует владельческая запись: «книга Никиты Бартенева 1774-го года маяя 31-го дня». Написана она на бумаге, близкой по времени указанной дате: вод. зн. «Герб города Ярославля», 3 тип, 1765 г.

Рукопись из Покровского собора (1672 г. по вкладной записи, описание рукописи сделано Е.И. Серебряковой) имеет интереснейшую историю (*Сарычева Т.Г.* Преподобный Александр Свирский и Покровский собор на Красной площади // Свято-Троицкий Александра Свирского монастырь в российской истории и культуре. СПб., 2016. С. 106–107), она украшена изящными миниатюрами.

Маргиналии на полях Костр. 48 те же, что и в рукописи ПС. Следует заметить, что в ПС имеется три вида записей на полях: выполненные полууставом вставки пропущенных слов и фрагментов текста; поясняющие глоссы; а также скорописные глоссы-цифры, переводящие летоисчисление от сотворения мира в современное.

Стабильно повторяются в рукописях именно поясняющие глоссы на полях. Далее первым приводится основной текст, глосса – через «—».

Костр. 48, л. 18 об.: *Идуциу же убо нѣкогда придобну Александру... и дѣдѣскія поюциу пѣсни, и сѣе убо дѣло непрестанно бѣяше бѣженному, еже **прѣсно** пѣти и молитися — **всегда***, то же ПС, л. 129 об.

Костр. 48, л. 21 об.: *и одеждами толми обнищевашу, яко и николиже носити другую ризу, точію и егда бѣяше нѣкогда освернилася сѣло, **попрати** хотяще и облачахуся во ину ризу — **омыти***, то же ПС, л. 141 об.

Костр. 48, л. 23: *принесе же... **два спуды** рѣзы — и **двѣ мѣры***, то же ПС, л. 147.

Костр. 48, л. 39 об.: *гдѣше блаженному, **яко** не знаеши его — **понеже***, то же ПС 6., л. 211 об.

Костр. 48, л. 41.: *чадо, и останися грѣховѣ своихъ, да не токмо уже прилагая **рѣзы на рѣзы** возлагая — **лихвы на лихвы***, то же ПС, л. 218.

Костр. 48, л. 53 об.: *щоку еи изкривило бѣше **наопако** — **назадѣ***, то же ПС, л. 264 об.

В пояснении нуждаются, как правило, или заимствуемые слова, каких в тексте нет, или уходящие из речи. Для XVII в. *присно* — употребляемое наречие (по данным СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 20. С. 18 и Национального корпуса русского языка), поэтому ясно, что маргиналия в ПС появилась на поле позднее, чем написан основной текст, и повторена в Костр. 48. То же касается наречия *наопако*: оно используется в XVIII в. в нескольких значениях, лексикографическая помета СлРЯ XVIII в. говорит о том, что оно выходит из употребления в этот период (СлРЯ XVIII в. Вып. 13. С. 247). Бесприставочный глагол *прати* ‘стирать’ (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 18. С. 139), в отличие от *попрати*, незафиксированного в указанном словаре, хорошо известен в дренерусском языке, приставочное образование, судя по глоссе, употреблялось в этом же значении, но требовало пояснения, хотя встречается еще в словаре В. Даля (Даль 3:309).

Таким образом, поясняющие значение глоссы в ПС появляются позже основного текста. Выполнены они тем же почерком, что и вставленные на полях пропущенные слова и части предложений, что свидетельствует о сверке текста этой рукописи по другому списку. Об этом красноречиво говорят и пометы об отсутствующих в тексте структурных элементах: *здѣ двух чудес о григоріи и о симеонѣ нѣтъ* (л. 231 об.), сделанные полууставом той же рукой, что и толкования на полях. Стоит отметить, что этих чудес нет и в Костр. 48.

Впрочем глоссы, комментирующие уходящие слова, могли быть как перенесены из контрольного списка, так и вписаны правщиком,

поскольку более ранней рукописи с подобными пометами пока не встретилось.

Следующий вариант записей на полях – глоссы-цифры. Если говорить о глоссах в ПС, то выполнены они явно другим почерком, тогда как в Костр. 48 все пометы сделаны писцом рукописи. Чаше всего глоссы-цифры сопровождают заголовки глав, и в таком случае в Костр. 48 эти цифры будут внесены в текст киноварью. Однако один раз подобная маргиналия повторяется в обеих рукописях: Костр. 48. л. 46: *в лето 7041* (ПС л. 237 об.: *ѣма.*) – *от Хрѣта 1533.*

Очевидно, что в ПС глоссы-цифры появились в XVIII в., причем позднее глосс-пояснений.

Рукопись из собрания ГИМ принадлежала библиотеке Александрo-Свирского монастыря – об этом в устной консультации сообщила И.Д. Соловьева.

Уже в самом монастыре рукопись ПС, видимо, была выверена по другому списку, а позже добавлены и скорописные цифровые пометы. Рукопись Костр. 48 написана в монастыре Александра Свирского, и, весьма вероятно, восходит к ПС. Помимо общих глосс она наследует особенные чтения ПС, содержит как структурный элемент *Сказание главам*, раскрывающее содержание рукописи (впервые в списках жития Александра Свирского оно появляется как раз в ПС). В *Сказании главам* в обеих рукописях отсутствуют, однако, вошедшие в состав рукописей главы жития об обретении мощей, о пренесении мощей, о покрове преподобного. Таким образом, рукопись из собрания ГИМ является если не антиграфом, то протографом Костр. 48.

*Я.Г. Солодкин, д.и.н., проф., г.н.с.
Нижевартовский ГУ*

О хронологии «Ермаковой эпопеи» в Есиповской летописи Основной редакции

Вопросы хронологии экспедиции Ермака, волновавшие исследователей со времен Г.Ф. Миллера, занимали уже тобольских книжников первой половины XVII в. Если в датировке начала прославленной экспедиции, гибели казаков у Абалака и в «хождении» по Иртышу и Оби, истребления Карачей отряда Ивана Кольца эти «списатели» были весьма единодушны, то выясняя, когда произошло сражение близ Чувашева мыса и погиб «ратоборный» предводитель «русского полка», «сбившего» «с куреня» татарского хана, авторы синодика «ермаковым казакам» и Есиповской летописи Основной редакции (далее – С и ОЕЛ соответственно) во многом разошлись.

В обнаруженной без малого полвека тому назад Е.К. Ромодановской ранней редакции С «первой бой» между ермаковцами и «кучумлянами», состоявшийся «под Чювашею», приурочен к 26 октября 7089 (1580) г. В ОЕЛ это сражение, причем как минимум четвертое, отнесено к 23 октября того же года, а три дня спустя, на память святого Димитрия Солунского, оказывается, атаманы и казаки беспрепятственно вступили в город Сибирь, из которого в панике бежал «злочестивый царь». Как сообщается в ОЕЛ, одолев «нечестивых», ермаковцы отошли (куда, не говорится) для ночевки, а наутро «поидоша ко граду Сибири». Есипов не сумел определить, где русские «вои» провели двое суток перед вступлением в Кашлык (*Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 216). Заметим, что место битвы, решившей участь ханской столицы, находилось в полутора или двух десятках километров от Искера, и до него казачье «войско» едва ли добиралось в течение двух, если не трех, дней. Есипов отнес «подчювашскую брань» к 23 октября, думается, потому, что на упомянутый день приходилась память апостола Иакова (Якова). 26 октября, что, вероятно, имели в виду и создатель С, и последующие книжники, запечатлевшие перипетии «Сибирского взятия», отмечался праздник Димитрия Солунского. Настаивать на достоверности этих дат или хотя бы одной из них едва ли приходится.

К 5 декабря Есипов приурочил истребление царевичем Маметулом казаков, шедших на «рыбную ловлю». Возможно, в протографе С, если не его источнике – «написании» (далее – Н), полученном сибирским «первопрестольником» Киприаном от ветеранов знаменитой экспедиции за «Камень», речь шла о зиме, а тобольский «писатель» решил уточнить, когда «нечестивые» убили Окола (Окула), Ивана Карчигу и Богдана Брызгу с их «дружиною». Ведь 5 декабря – канун дня памяти Николая (Николы) Мирликийского.

Осада города Сибири Карачей, следовавшая за истреблением этим бывшим ханским «думчим» отряда атамана Ивана Кольца, продолжалась, как сообщается в ОЕЛ, со времени Великого поста до «пролетия» – июня. Вероятно, Есипов (или его анонимный предшественник – автор «писания», которое «распространил» владычный дьяк) знал об этом по рассказам соратников «велеумного» атамана, недаром в ОЕЛ приводятся уникальные подробности блокады Искера: Карача разбил свой стан в Саускане, за три поприща от «града», когда ермаковцы напали на «поганных», Карача лишился двух сыновей и бежал за озеро, бой в Саускане возобновился с прибытием туда татар, осаждавших недавнюю ханскую столицу, казаки совершили вылазку, скрываясь в кустах, бой продолжался до

полудня, после чего сподвижники Ермака вернулись в «град», а Карача со срамом отступил.

Из найденного Е.К. Ромодановской С мы узнаем о том, что в «четвертое ... лето сибирского взятия», т. е. в 7092 г., 6 августа, к Ермаку прибыли вестники от бухарских торговых людей, которых хан не пропускал в Сибирь, и атаман с «невеликою ... дружиною» двинулся им навстречу, дошел до Вагайского устья, где заночевал у перекопи и с семьёю соратниками погиб. В ОЕЛ к 5 августа 7092 г. отнесена гибель «наставника» храбрых «воев». Накануне, как повествует Есипов, казаки под предводительством Ермака совершили поход до Вагая и вверх по этой реке до Атбаша, откуда вернулись, расположившись на ночлег у перекопи. Обратим внимание на то, что по указанию Есипова, Вагай находился примерно в 100 поприщах от «града» Сибири. Согласно данным конца XVII в., от Тобольска («срубленного» близ Искера) до отстоящей от него на 110 верст Тюмени «по большой воде» добирались семь суток (ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 58, 77, 133, 224, 281, 337). Согласно сведениям Г.Ф. Миллера, расстояние между Атбашским (Абашским или Вагайским) острогом и Тобольском составляло 71 версту (*Миллер Г.Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. М., 2000. Т. 2. С. 97). Искер же находился в 12 верстах от Тобольска по течению Иртыша. Стало быть, не следует на основании ОЕЛ считать, что Ермак и несколько его соратников погибли 5 августа – в тот же день, когда (как утверждается в С, составляющем почти всю заключительную главу есиповской «истории») выступил из города Сибири навстречу бухарскому торговому каравану. Известно, что 5 августа – это «предпразнество» Преображения Господня; последнее отмечалось на следующий день.

Вслед за А.Г. Суторминым можно полагать, что Н едва ли содержало даты (*Сутормин А.Г.* Ермак Тимофеевич (Аленин Василий Тимофеевич). Иркутск, 1981. С. 134). Вероятно, хронологию ряда важнейших событий экспедиции Ермака постарались установить книжники Тобольского архиерейского дома.

Примечательно, что с точностью до дня в ОЕЛ датируются лишь сражения под Искером и Абалаком, вступление ермаковцев в город Сибирь, гибель отправившихся рыбачить казаков у Абалацкого озера и «убиение» «начального» атамана на перекопи, а также завершение владычным дьяком своего «сложения»; остальные хронологические определения в этой «Повести» «о взятии Сибири и победе сицеве», если не считать весьма неопределенных, «описательных», являются «годовыми».

Итак, датировки «подчювашской брани», гибели казаков у Абалака и Ермака с несколькими соратниками неподалеку от устья Ва-

гая в С и ОЕЛ «привязаны» к церковному календарю, а вовсе на основаны, думается, на сведениях Н или какого-то другого нарративного и тем более документального источника.

*А.В. Стичак, к.и.н., ст. преподаватель
Нижевартовский ГУ*

**Документирование назначения на службу выпускников
учебных заведений в Русской Православной Церкви
во второй половине XVIII – начале XX вв.
(на материалах Тобольской духовной консистории)**

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
и администрации ХМАО-Югры, проект № 18-49-860002*

Анализ архивных материалов свидетельствует о наличии во второй половине XVIII – начале XX вв. установленной процедуры назначения на службу в Тобольской епархии.

Делопроизводство начиналось с подачи в Тобольскую духовную консисторию (далее – ТДК) «покорнейшего *прошения*» на имя архиерея лично или по почте. Преосвященный записывал резолюцию по верхнему полю документа. В делах об устройстве выпускников учебных заведений на оборотной стороне просительного документа можно найти свидетельства назначенного учителя о знании имени и грамоты, «показание» просителя о том, что он не имел родственников из числа причта в названном селе, свидетельство экзаменатора либо характеристику просителя от ректора духовной семинарии. Под данными сведениями помещена характеристика от священника той церкви, к которой планировалось «поставить» кандидата (Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУТО ГАТ). Ф. 156. Оп. 3. Д. 1047. Л. 1–5).

В некоторых делах найдены прилагаемые к прошениям *аттестаты об окончании обучения*. Текст аттестата духовной семинарии состоял из четырех частей: первая содержала фамилию и имя ученика, должность, наименование места служения, фамилию и имя его отца, возраст, подтверждение обучения в Тобольской духовной семинарии, вторая включала характеристику способностей, «прилежания» и поведения кандидата, в третьей перечислялись оценки за изучавшиеся науки, в четвертой части определялся разряд воспитанников, к которому принадлежал выпускник, а также указывали то, что последний уволен в «епархиальное ведомство» (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 78. Л. 2–2 об.). Сходный текст имел и другой документ – *свидетельство духовного училища*. В найден-

ном документе за 1828 г., помимо вышеперечисленных сведений, в конце первой части текста указан год поступления; заключает текст дата составления свидетельства. Для принятия решения ТДК могло понадобиться и *свидетельство семинарского правления*, проверявшего знания лиц, закончивших духовные училища либо исключенных из них (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 157. Л. 3). Кроме аттестата, ТДК могла потребовать от ректора духовной семинарии представить *справку*, содержащую такие же сведения об ученике, как в первых двух пунктах аттестата. Характеристика ученика представлялась не только в справке, но и в отношении (письме) ректора, в делах находим один из двух этих документов, имевших идентичную цель и содержание.

Ход рассмотрения вопроса и решение ТДК отражались в ее журнале; в деле хранилась выписка из журнала. Данный документ можно назвать своеобразным протоколом, так как он напоминает последний по структуре. В конце документа указывали дату и номер документа, который стал итогом рассмотрения дела на данном этапе (билет, указ в духовное правление, ставленная грамота). Духовные правления подготавливали в ответ на указ ТДК *рапорт* о получении распоряжения епархиального начальства, а после исполнения приказа – рапорт с отчетом о выполнении.

При устройстве на работу будущего священнослужителя производство дела фиксировалось не на отдельных документах, а сплошь на листах. Вначале ТДК составляла *выписку из духовных росписей* той церкви, к которой собирались определить ученика, чтобы выяснить наличие или отсутствие вакантного места. Под выпиской содержалось *заключение секретаря ТДК*. В заключениях встречаются отсылки к указам Святейшего Правительствующего Синода, касающиеся штатного состава и численности причтов. Далее следовал *ставленнический допрос* по пунктам (возраст, «несостояние» в подушном окладе, отсутствие судимости, штрафов, ведение трезвого образа жизни, семейное положение, обязательство не указывать отсутствовавших на исповеди и у Святого Причастия в числе присутствовавших, увещать раскольников и «не делать им никакой обиды», отсутствие родственников при вышеуказанной церкви).

После расспроса ректор духовной семинарии фиксировал «*показание*» своего заключения под «показанием» выпускника (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 941. Л. 1–4). Следом располагались *разрешающий приказ* владыки и направление кандидата на обучение в церковь, запись учителя об успешном усвоении программы, разрешение преосвященного произнести присягу, *свидетельство* священника о прохождении исповеди и Святого Причастия, *распоряжение* о выдаче ставленной грамоты, запись ТДК о выдаче грамоты

новоиспеченному служителю. Этапы обучения могли быть зафиксированы после исповеди и причащения.

В процессе производства дела могли понадобиться дополнительные документы. Например, при назначении на места священнослужителей кандидат должен был венчаться, причем желательно на девице духовного звания, для этого он просил разрешения вступить в брак (в том же прошении, что и о назначении на службу) и при необходимости выдать *билет* для поиска невесты, даже светской. Необходимость занять вакантное место в приходе во многих случаях вынуждала жениться в экстренном порядке, иногда давая согласие на брак чуть ли не заочно. Неженатый выпускник духовной семинарии, если хотел служить по «епархиальной части», мог рассчитывать лишь на место церковнослужителя, поскольку celibat не приветствовался и не получил распространения (Конюченко А.И. Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX – начало XX века). Челябинск, 2006. С. 60–61). После венчания ученик представлял в ТДК *свидетельство о бракосочетании*. В случае, если венчание намечалось не в приходе невесты, то необходимо было получить «одобрение» от причта, даны документ не встречался нам в архивных делах. Итогом делопроизводства о поставлении духовных лиц являлась выдача *ставленных грамот* (ГБУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 18. Д. 1262. Л. 1–29).

«Пакет» перечисленных документов, в настоящее время хранящихся в ГБУТО ГАТ, позволяет судить о системе епархиального кадрового делопроизводства и представляет ценность в связи с возможным использованием положительного опыта в современном церковном делопроизводстве.

*В.В. Старикова, к.иск., доц.
Белорусский ГУ культуры и искусства (Минск)*

Аудиовизуальные документы исполнительского искусства в современном музыкознании

XX век стал веком стремительного технического прогресса, когда были созданы новые условия для развития самого музыкального искусства и его изучения. Интерпретация музыкального произведения, окончательно отделившая исполнителя от композитора в середине XIX в., в XX в. получила возможность не сиюминутного существования, а фиксации музыкального текста (звучащего) в новом виде документов. Сначала это была звукозапись, а несколько позже – кино-, теле- и видеофиксация.

В музыкознании складывается довольно неопределённая ситуация. Однако само музыкознание всё ещё остаётся верным устойчи-

вым формам изучения музыкального искусства, основываясь на общепринятых источниках изучения композиторского творчества: нотный текст, редакции, мемуары, рукописи, воспоминания и т. д. Хотя в диссертационном исследовании В.И. Антипов высказывает следующую мысль: «Что касается различного рода фонодокументов, то без использования их изучение музыкальной культуры XX века становится попросту невозможным, настолько очевидна и велика их роль в современном музыкальном мире», при этом дополняя: «И все же важнейшую роль в изучении музыкального искусства продолжают выполнять письменные источники» (*Антипов В.И. Проблемы музыкального источниковедения: (На материале творческого наследия М.П. Мусоргского): автореф. дисс. к.иск. М., 1992*).

Но в XX в. фигура исполнителя стала доминировать над фигурой композитора, и исполнительское искусство всё чаще становится объектом изучения. Как пронизательно отмечала Н. Корыхалова, развитие технологий фиксации приведёт к появлению новой дисциплины – «сравнительного исполнительстведения». Сегодня изучение исполнительского искусства в исследованиях превалирует над изучением композиторского творчества, однако новые источники так и не получили должного научного осмысления ни с позиции видовой и типовой классификации, ни с позиции информационной.

Вопросы классификации аудиовизуальных документов как исторических источников среди проблем теории источниковедения в музыкознании занимают важнейшее место. Накопленный массив фоно- и кинодокументов исполнительского искусства остаётся невостребованным в силу отсутствия соответствующей атрибуции и систематизации.

Безусловно, в зависимости от вида звукозаписи: аналоговой (механическая, оптико-фотографическая, магнитная) или цифровой, а также от её типа: студийной и концертной – эти источники будут обладать различным информационным потенциалом и насыщенностью. Так концертная звукозапись в отличие от студийной становится ещё и «документом эпохи».

Виды фиксации требуют при изучении понимания возможностей каждой разновидности фиксации. Так механическая запись из-за использования пружины может звучать медленнее и в другой тональности, что непосредственно повлияет на методы изучения.

В кинодокументах мы также различаем виды и типы документов. Фиксация исполнительского искусства воплощена в трёх видах: кинематографическая, телевизионная и видео. Каждая форма характеризуется своими отличительными свойствами и созданием типов фиксации исполнительского искусства. Это может быть ки-

нохроника и документальный фильм, телевизионная адаптация или телепродукт, видеофильм или тематическая передача. Каждый тип документа будет обладать своей информационной насыщенностью и документальной значимостью.

Одной из особенностей этих документов является сам процесс их создания. В звукозаписи – это роль звукорежиссёра, в кинодокументах – это авторское видение режиссёра. Безусловно в создании конечного продукта они становятся соавторами, что тоже вносит свои коррективы в степень достоверности этих документов.

Г.А. Сексенбаева, называя кинофонодокументы «документом эпохи», считает, что они «представляют собой полноценный и самостоятельный исторический источник, способные осветить наше многомерное историческое прошлое» (Сексенбаева Г.А. Информационные возможности аудиовизуального фонда страны // Наука и новые технологии. № 3–4. 2007. С. 169–171). Сегодня, когда визуальная форма информации более востребована, чем текстовая, и опережает её, именно аудиовизуальные документы могут создать наглядное, образное представление об исполнителе. Высокие информативные свойства этих документов, эмоциональная основа восприятия, эффект присутствия – это неполный арсенал их достоинств. Небезосновательно многие исследователи считают их феноменом в источниковедческой практике.

Аудиовизуальные источники, в свою очередь, также как и письменные, требуют классификации по различным группам. Основания для их деления могут быть выбраны самые разные: по хронологии, по происхождению, по степени приближения их непосредственно к отражаемому историческому факту, по степени завершенности и многим другим основаниям. Каталогизация и типологизация аудиовизуальных документов в рамках музыкознания, может стать основой именно научного подхода, а соответственно и современного научного знания.

Д.С. Староскольская, м.н.с.
ИВИ РАН

Бейдж – изобразительный девиз британской знати

«*Might I but know thee by thy household badge*» – эпитафия из пьесы У. Шекспира Генрих VI, ставший классическим для всех работ, посвященных английским изобразительным девизам, который, однако, неверно переводится на русский язык – «когда тебя узнаю по гербу». Подобные ошибки не редкость, и это неудивительно. Лорд Клиффорд узнает графа Уорика по изображению восстающего мед-

ведя, прикованного к сучковатому столбу. Что же отличает это изображение от герба?

Ч. Бутел, один из британских «классиков» геральдики дает следующее определение этому понятию: «бейдж, подобно гербу, является самодостаточным геральдическим знаком и обладает собственным значением» (*Boutell Ch. The handbook of English Heraldry. 1914*). Такое определение скорее стирает границы, нежели обрисовывает их более конкретно. Х.С. Лондон дает иное толкование: «Бейдж – знак владения и верности, который использовался главным образом для размещения на знамени или ливреях свиты, но который мог также служить для маркировки или украшения бытовых предметов» (*London. Royal Beasts. 1956*).

Изобразительный девиз был призван служить знаком различия, но если для этой же цели существовал и герб, то чем обусловлено появление и широкое распространение бейджей? Изобразительный девиз, как может показаться, заменил герб там, где тот уже не мог выполнять своей функции. Будучи маркером рода, герб уже в XIV в. ввиду длинных родословных и многочисленных родственников не мог однозначно указывать на отдельную взятую персоналию. Бейдж же был знаком личным, часто символически отображающий заслуги и достоинство носителя (чего не мог сделать герб). Можно предположить, что герб с какого-то времени стал слишком сложным и громоздким для частого его воспроизведения. Более того, уже сложившиеся жесткие правила геральдики сильно ограничивали их владельцев в выборе изображений, что привело к появлению нового типа геральдического знака – изобразительного девиза и возникновению девизно-ливрейной практики, которая получила широкое распространение с середины XIV в.

Сам термин «бейдж» впервые встречается в одном из документов Итонского колледжа, датированном 1334 г.: «une bageys de deux coulours» (*Siddons M.P. Heraldic Badges in England and Wales. 2017*). Однако назвать дату появления изобразительных девизов, и бейджей в частности, трудно. Считается, что одним из первых изобразительных девизов была та самая веточка дрока, давшая название династии Плантагенетов. Несмотря на то, что, наиболее вероятно, эта красивая легенда была придумана намного позже, некоторые знаки, отличные от гербов и похожие на изобразительные девизы, присутствовали на печатях и других вещах английской знати уже в XII в. и даже ранее. Например, звезды и полумесяцы встречаются на печатях представителей нормандской знати, а позже и у Генриха I и Стефана Блуаского, а золотые леопарды, впоследствии закрепившиеся в виде королевского герба Англии, помимо печатей ук-

рашали туфли Жоффруа Анжуйского, седло Ричарда I и тунику Генриха III.

Тем не менее, даже не имея возможности обозначить дату появления первых изобразительных девизов, именно бейджи Плантагенетов пользуются репутацией старейших в девизной традиции. Один из известнейших девизов – страусиное перо, в разных вариантах употреблявшееся английским королем и его родней, восходит к гербу графства Остревантского в Геннегау и было привезено в Англию супругой Эдуарда III и матерью Черного Принца, Филиппой Геннегауской (*Humphery-Smith C.R. Feathers. 1980*).

Выбор изобразительного девиза, очевидно, не был ничем регламентирован, и нам неизвестны случаи решения спорных вопросов в Рыцарском суде чести (*Siddons. Op. cit.*). Тем не менее, прослеживаются несколько тенденций к выбору бейджа, самая распространенная из которых – выбор «гласного» изображения, т. е. соответствующего по звучанию фамилии носителя. Нередко изобразительным девизом служила основная гербовая фигура с герба матери, как в случае с Филиппой Геннегауской. Страусиные перья Плантагенетов также являются примером того, что эти знаки практически сразу стали наследственными и приобрели некоторые признаки каденции, т. е. каждый носитель бейджа, хоть и оставался верен общему изображению так или иначе вносил небольшие изменения, добавлял некоторые детали, чтобы оставить бейдж личным. Нетрудно заметить здесь параллель с гербами и использованием бризур. Следуя за гербами во всем, стали появляться вымышленные и приписываемые бейджи для легендарных персонажей английской истории.

Таким образом, можно заключить, что возникнув на замену гербу, изобразительный девиз изначально основывался на тех же принципах и прошел те же стадии изменения, что и герб. Несмотря на свою эмблематическую самостоятельность, девиз тем не менее мог участвовать в гербе как самостоятельно, так и в виде нашлемной фигуры или щитодержателей (*Wagner A. The Swan Badge and the Swan Knight. 1959*).

*И.Е. Суриков, д.и.н.
з.н.с. ИВИ РАН, проф. РГГУ*

**Фемистоклиды – династия греческих вассальных тиранов
в державе Ахеменидов V в. до н.э.:
ономастические и нумизматические данные**

Чрезвычайная значимость вспомогательных исторических дисциплин для научного знания лучше всего демонстрируется, когда, можно сказать, исключительно на их материале удастся сделать

полноценное открытие. Ниже речь идет как раз об одном из таких случаев, в отечественной специальной литературе еще совершенно не освещенном.

Всем известно имя Фемистокла – выдающегося афинского полководца и политика первой половины V в. до н.э., одной из ключевых фигур эпохи Греко-персидских войн, главного героя Саламинского морского сражения. В дальнейшем Фемистокл, подвергшись опале на родине, вынужден был в 465 г. до н.э. перебраться в Персию, где был радушно принят и получил в управление в статусе вассального тирана несколько населенных греками городов в Малой Азии; крупнейшим из них была Магнесия-на-Меандре, которую он и сделал своей резиденцией. Но только совсем недавно обнаружилось, что он явился основателем новой династии: семья Фемистокла правила Магнесией на протяжении как минимум двух, а скорее – трех поколений.

Подчеркнем, что письменные источники об этом ровно ничего не сообщают; тем не менее теперь уже вполне ясно, что наличие такой династии – реальный исторический факт (см.: *Nollé J., Wenninger A. Themistokles und Archepolis: Eine griechische Dynastie im Perserreich und ihre Münzprägung // Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte. 1998/1999. Bd. 48/49. S. 29–70*; и особенно: *Sheedy K.A. Themistocles, his Son Archepolis, and their Successors (Themistocles V?): Numismatic Evidence for the Rule of a Dynasty at Magnesia on the Maeander // Text and the Material World: Essays in Honour of G. Clarke / Ed. by E. Minchin, H. Jackson. Uppsala, 2017. P. 65–80*).

Вместе с Фемистоклом из Греции к персам бежали его дети (Plut. Them. 24; 29). Об этих последних наиболее подробно сообщает тот же Плутарх (Plut. Them. 32), свидетельство которого поддается согласованию с некоторыми местами у Платона (Plat. Мен. 93de) и Павсания (Paus. I. 37. 1); а вот история, рассказанная эллинистическим историком Филархом (Phylarch. FGGrHist. 81. F76) производит впечатление путаной и отчасти вымышленной. Указанный пассаж Плутарха содержит уникальные ономастические данные (указывающие, в частности, на то, что Фемистокл проявлял в именназвании своеобразные геополитические амбиции: среди его дочерей есть носившие имена Италия, Асия, Сибарида).

Фемистокл был на редкость многодетен по греческим меркам – Плутархом упомянуты пять его сыновей и пять дочерей; нас в дальнейшем будут интересовать только сыновья (Архептолид, Полиевкт, Клеофант, Неокл, Диокл). Из них первым при перечислении биограф назвал Архептолида (у Филарха – ошибочное «Демополид»), который, видимо, и был старшим. Во всяком случае, из выживших (Неокл, первенец Фемистокла, получивший, по обычаю,

имя деда по отцу, скончался в детстве, как сказано там же у Плутарха). Археполид, кстати, взял в жены свою единокровную сестру Мнесиптолему (они родились у Фемистокла от разных браков).

После смерти Фемистокла в Магнесии в 459 г. до н.э. по крайней мере часть его потомства осталась там же и в Афины не вернулась. Соответственно, резонно было предполагать, что семья саламинского победителя продолжала не только жить, но и править в малоазийском городе, и сформировалась, таким образом, династия тиранов, следующим представителем которой должен был стать, скорее всего, Археполид. Однако позитивных свидетельств тому не было, но вот теперь они появились! А принесла их нумизматика.

Нумизматический аспект рассматриваемого вопроса был нами недавно освещен в тезисах докладов на Нумизматических чтениях ГИМ 2018 г. и намечен к рассмотрению на XX Всероссийской нумизматической конференции (2019 г.). Дабы не прибегать к дословному повторению, здесь мы лишь кратко суммируем результаты. Сам Фемистокл осуществлял в Магнесии-на-Меандре монетную чеканку. Ее наиболее интересной чертой является то, монету он выпускал как от собственного имени, так и от имени полиса, в котором жил. Соответственно, на одной из сторон его монет (иногда это л.с., иногда о.с.) имеется легенда ΘΕΜΙΣΤΟΚΛΕΟΣ или просто ΘΕ, а на другой стороне часто (хотя и не всегда) легенда ΜΑ (т. е. Магнесия), порой – в ретроградном написании ΑΜ.

Й. Нолле и А. Веннингер в вышеупомянутой статье сумели идентифицировать чеканку сына Фемистокла в той же Магнесии. Она являет прямую преемственность по отношению к выпуску Фемистокла, но имя эмитента легенды передают как ΑΡΧΕΠΟΛΙΣ. Что интересно, аутентичным написанием имени оказалось, как видим, «Археполид», а не «Архептолид», как у Плутарха, который, видимо, допустил небольшую неточность (вполне понятную, поскольку написания *πολ-* и *πτολ-* у греков варьировались). Имя встречается также в сокращенных вариантах ΑΡΧΕ и ΑΡ. Что же касается названия Магнесии, оно в легендах на монетах Археполида тоже фигурирует то как ΜΑ, то как ΑΜ.

К. Шиди в статье 2017 г. сделал следующий шаг, возможно, опознав еще одного, тоже ранее не известного, представителя этой династии. Он привлек внимание к тому обстоятельству, что существуют монеты Магнесии с легендами ΘΕ и ΜΑ (иногда даже ΜΑΓΝ, ΜΑΓΝΗ, чего ранее не было), которые невозможно отнести к чеканке саламинского победителя Фемистокла по хронологическим соображениям: они значительно позже и должны быть на временной шкале поставлены после монет Археполида. Как понимать в данной ситуации ΘΕ? К. Шиди предлагает считать, что вслед за Археполи-

дом Магнесией правил другой Фемистокл, – видимо, внук предыдущего, сын Археполида (Фемистокл-младший – так его можно назвать). Иными словами, династия насчитывает уже три поколения. Правда, эту гипотезу ученый сопровождает знаком вопроса.

Если Фемистокл-младший действительно существовал, хронология выпусков династии остается во многом неясной. Похоже, что она уже не существовала в Магнесии к 412 г. до н.э. (ср. Diod. XIV. 36. 2–4). Как бы то ни было, в самом существовании династии Фемистоклидов (думается, теперь можно с полным основанием ввести такое обозначение, ранее не встречавшееся в литературе) сомневаться уже не приходится. В историю греческой тирании вписана новая небезынтересная страница.

*С.Н. Таценко, зав. сектором
ГБУК «Музейное объединение “Музей Москвы”»*

Некоторые вопросы хронологии монет Ивана Грозного

Хронология монет Ивана Грозного по-прежнему остается в центре внимания исследователей. Известны три достоверных события, на которые следует опираться при датировке монетных выпусков: денежная реформа Елены Глинской, венчание Ивана Грозного на царство и кончина Ивана Грозного.

В настоящее время достаточно убедительной, хотя и спорной, выглядит последовательность ранних выпусков монет Ивана Грозного. В первую очередь это относится к монетам периода проведения денежной реформы 1535–1538 гг. и первым монетным типам, появившимся сразу после принятия Иваном IV царского титула в 1547 г. (*Спасский И.Г.* Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1617 г. // МИА № 44. М., 1955; *Мельникова А.С.* Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича (1533–1598) // НиЭ. Т. XIII. М., 1980; *Янин В.Л.* Хронология монетной реформы правительства Елены Глинской // Россия на путях централизации. М., 1982; *Гайдуков П.Г.* Клад монет Ивана IV в собрании Псковского музея // РА. 1996. № 1. С. 183; *Зверев С.В.* Новгородский и Псковский денежные дворы при Иване Грозном // Девятая ВНК. СПб., 2001. С. 137–139). Следующий за этим период правления Ивана Грозного, охватывает более 30-ти лет и в основном лишен хронологических привязок для датировки монет, хотя внешне его канва выглядит насыщенной событиями.

Опыт предшественников свидетельствует, что для дальнейшей разработки хронологии монет Ивана Грозного необходимо привлекать другие виды источников и широко использовать результаты исследований в области специальных исторических дисциплин.

И.Г. Спасский для датировки отдельных типов монет использовал стилистические и особенно эпиграфические данные. Так, обратив внимание на изменение порядка слов в царском титуле («царь и князь великий» – «царь и великий князь»), исследователь пришел к выводу, что произошло это не позднее начала 1550-х гг. А обнаруженное им сочетание одного из типов копеек (θ-p) с именем царя Федора Ивановича определило время его выпуска последними годами правления Ивана Грозного. Таким образом, наблюдения ученого позволили установить для монет Ивана Грозного еще два надежных хронологических рубежа. Однако большинство монетных типов с царским титулом остались в широком временном диапазоне (Спасский И.Г. Указ. соч. С. 304, 308. Табл. 1).

Двигаясь за И.Г. Спасским, А.С. Мельникова, имела ряд преимуществ. Прежде всего, это клады времени Ивана Грозного, что дало возможность А.С. Мельниковой предложить свою последовательность выпуска большинства типов царских монет за период с начала 1550-х гг. до 1584 г. (Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. Вкладка. Табл. 1). Для датировки монетных типов были широко использованы данные летописей, сфрагистики, миниатюр. Однако, в целом, это мало что изменило в хронологической систематизации монет Ивана Грозного: появилась еще одна дата «1560-е годы», а последовательность выпуска монетных типов получилась несколько растянутой. Некоторые положения, на которые опиралась А.С. Мельникова в своих построениях, до сих пор остаются дискуссионными, например, время составления Лицевого свода.

Направление исследований, разработанное И.Г. Спасским и А.С. Мельниковой в области хронологии монет Ивана Грозного, представляется перспективным, а результаты его требуют внимания и учета при дальнейшей разработке этой темы.

Некоторые коррективы в общепринятую систематизацию попытались внести А.Г. Векслер и В.В. Зайцев. Исследователи иначе датировали отдельные типы царских денежек (ДЕ, 16-19; 16-20 по А.С. Мельниковой), перенеся их выпуск лет на двадцать вперед на том лишь основании, что они отсутствуют в новонайденном кладе, сокрытом, по их мнению, в начале 1570-х гг. (Векслер А.Г., Зайцев В.В. Московский клад монет XVI в. с ул. Большая Никитская. М., 1998. С. 64–70). Этим исследователи как бы подкрепили версию А.С. Мельниковой о прекращении или значительном сокращении деятельности Московского денежного двора в 1550-х – 1560-х гг. и о ее возобновлении в начале 1570-х гг. Выводы авторов о новой датировке указанных типов монет с опорой на отдельные клады и оговорками были поддержаны другими исследователями (Стро-

ганков В.А. Клад монет XVI века из Павловского посада и некоторые аспекты систематизации монет Ивана Грозного // НС МНО. № 19. М., 2014. С. 137–138; Клочков К.В., Хухарев В.В. Клад с Космодамианского погоста // Нумизматика 2017. № 41. С. 63–65).

Однако для изменения датировки нужны более веские основания. Не все аргументы предшественников были приняты современными авторами во внимание и опровергнуты. Так, наблюдение И.Г. Спасского над изменением порядка слов в титуле подтверждается летописными данными. А внешний вид и социально-политический статус головных уборов на монетах, на что обратила внимание А.С. Мельникова, находят свои аналогии на миниатюрах Лицевого свода. Не использованы данные ряда кладовых комплексов времени Ивана Грозного. Указанные типы денежек ДЕ встречаются в кладах, сокрытых ранее предложенной датировки (Таценко С.Н. Опыт характеристики двух кладов из собрания МИГМ // Нумизматический сборник ГИМ. М., 2006. Т. XVII. С. 226; Мельникова А.С., Дядченко О.С. Сводка кладов с русскими монетами, зарегистрированными в Отделе нумизматики ГИМ после 1993 года // Нумизматический сборник ГИМ. М., 2006. Т. XVII. С. 180, 187. Приложение 1).

Для разработки темы существенным является определение экономических, политических и социальных факторов, влиявших на процесс формирования кладов при Иване Грозном. Необходимо продолжение исследований, посвященных сравнительному анализу кладов и интенсивности денежного обращения различных районов страны, денежным дворам, организации и динамике денежного производства времени Ивана Грозного. Без соблюдения и учета этих и других условий датировка отдельных монетных типов будет ненадежной, а хронология монет Ивана Грозного неосновательной.

*Т.Н. Таценко, к.и.н., с.н.с.
СПбИИ РАН*

Особенности оформления документов в императорской канцелярии Габсбургов в XVI веке

В Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН хранятся несколько десятков подлинных грамот и писем XVI в. императоров Священной Римской империи из династии Габсбургов: Максимилиана I (1486–1519), Карла V (1519–1556), Фердинанда I (1556–1564), Максимилиана II (1564–1576) и Рудольфа II (1576–1612). Для исследования содержания этих документов, их палеографии, дипломатики, сложившейся системы под-

писей, помет и т. д. невозможно обойтись без изучения деятельности императорской канцелярии.

Императорская придворная канцелярия (*Reichshofkanzlei*) была постоянно действующим органом, а ее функции предполагали наличие служащих с профессиональными умениями и навыками. Это была единственная административная структура, работники в которую подбирались исключительно по их деловым качествам, а не по знатности и титулам. Канцелярия находилась в императорской резиденции в Вене или – в последней трети XVI в. – в Праге. Кроме того, ее служащие всегда сопровождали императора в многочисленных поездках по империи.

Во главе императорской канцелярии стоял эрцканцлер, этот пост традиционно принадлежал виднейшему члену германской коллегии курфюрстов – архиепископу Майнцскому, который, впрочем, редко присутствовал в резиденции. Поэтому работой канцелярии реально управлял вице-канцлер (*Reichsvicekanzler*) или просто канцлер, неизменно находившийся при дворе. Он руководствовался законодательными актами – Уставами о канцелярии, наиболее значительный из которых был издан в 1559 г. Фердинандом I и содержал установления о функциях отдельных служащих, порядке изготовления документов, фазах прохождения дел в канцелярии (*“Instruction und Ordnung, nach welcher hinfüro unser kaiserliche hofkanzlei regiert und verwalten soll werden.”*).

Канцлеру принадлежала ключевая роль в императорской системе управления. Он обладал правом распечатывать все поступающие на имя императора бумаги, делая исключения для только имевших помету «лично в руки его императорского величества». Таким образом канцлер был в курсе всех важнейших дел империи и имел возможность влиять на них. Все канцлеры XVI в. были видными юристами своего времени, докторами права, они почти исключительно происходили из бюргерского сословия. Канцлер принимал участие в составлении всех значительных документов. В конце текста слева они содержат визирующий знак канцлера: его подпись, часто предваряемую латинским словом *“vidit”* (видел, завизировал), исполненным в виде контракции, которая состоит из первой, часто укрупненной буквы *“V”* и последней, уменьшенной и приподнятой над строкой буквы *“t”*. В исследованных документах мы находим подписи канцлеров, игравших выдающуюся роль в имперской политике XVI в. Это G.S. Seld (1547–1563), J.U. Zasius (1544–1570), J.W. Freyenddt (1581–1597).

Канцлеру подчинялась группа секретарей, каждый из которых специализировался по составлению документов определенного вида (судебных, ленных, жалованных, политических и т. д.) на опре-

деленных языках. В отмеченном собрании преобладают документы на немецком языке, исполненные готическим (неоготическим) курсивом. По поручениям канцлера секретари составляли черновики документов (“concepten”/ “minuten”). При этом необходимо было соблюдать так называемый профессиональный «стиль императорской канцелярии (...den stilum unser römischen canzlei geprauchten und haltn...)». В помощь использовали сборники употребительных языковых формул и оборотов для всех видов документации. Проверенный канцлером в сложных случаях текст передавался одному из писцов. Переписанный последним набело (“ingrossiert / mundiert geschrieben”) документ секретарь и переписчик должны были вместе сверять (“collationieren”). Устав требует обращать особое внимание на правильность написания дат, имен, величины денежных сумм и делать исправления, не прибегая к подчисткам острыми предметами.

Под текстом готового документа, обычно справа, расписывался составивший его секретарь, чтобы было с кого спросить, если обнаружится ошибка. В финансовых документах имеется также подпись представителя Казначейской палаты. Подпись секретаря (имя и слово “subscripsit” в сокращенной форме) всегда уснащена сложными витиеватыми росчерками, подчас она превращается в трудно читаемую криптограмму. Ее всегда предваряет одна из стандартных канцелярских формул на латинском языке, например: «По собственному распоряжению императорского и вселенского величества (Ad mandatum Caesareae et Catholicae Maiestatis proprium)», или: «По собственному распоряжению священного императорского величества (Ad mandatum Sacrae Caesareae Maiestatis proprium)», или: «Распоряжение избранного государя императора в совете (Comissio domini electi Imperatoris in Consilio)». Округлый гуманистический курсив латинских формул эффектно контрастирует с заостренными формами готического курсива.

Собственноручная подпись императора непосредственно под текстом слева венчает важные грамоты и письма. Наряду с подлинной подписью в XVI в. уже широко применялась императорская подпись-факсимиле: “Stampigle”, “signet”, “casset”, “pressel”, “trugkerl”.

Последним этапом было снабжение документа печатью. Большая печать – форма для изготовления вислых печатей (“anhangende Siegel”), находилась в ведении канцлера. В грамотах на бумаге под текстом в центре можно видеть оттиск крупной круглой императорской печати на красной мастике под бумажным квадратом (Ob-latensiegel). Многие секретари также имели маленькую императорскую печать, так называемую “Secretsiegel” для запечатывания от-

правляемой корреспонденции. Готовый документ поступал к таксатору, тот взимал денежные выплаты (таксы) за изготовление документа. От таксатора императорские акты передавали регистратору, который регистрировал исходящие документы в тематических перечнях. Одновременно он делал пометку о регистрации на самом документе, внизу или на его обороте. Обычно мы встречаем слово “Registrata”, сокращенное путем контракции до прописной первой буквы и двух последних строчных, и имя регистратора. Пометка о регистрации была дополнительным к печати и подписям удостоверением подлинности документа. После этого документ можно было передавать или отправлять по назначению.

*Л.А. Тимошина, к.и.н., науч. консультант
Научно-исслед. и издательское объединение «Альянс-Архео»*

Автограф архимандрита Великой церкви Амфилохия

Одним из наиболее известных участников русско-греческих и русско-турецких контактов первой половины XVII в., игравшим большую роль как в дипломатических связях Русского государства с Османской империей, так и в межцерковных контактах Московского и Константинопольского патриархатов был архимандрит Великой церкви Амфилохий. Впервые приехав в Москву летом 1630 г. в свите османского посла Фомы Кантакузина и являясь в этот момент представителем константинопольского патриарха Кирилла I Лукариса (*Флоря Б.Н.* Фома Кантакузин и его роль в развитии русско-османских отношений в 20–30-х гг. XVII в. // *Россия и Христианский Восток. Вып. 2–3. М., 2004. С. 265–266*), архимандрит Амфилохий и при других первосвященниках до своей смерти в 1653 г. поддерживал перемежающуюся личными визитами в столицу в 1632 и 1634 гг. переписку с русскими властями (*Каптерев Н.Ф.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 2008. С. 292–293, 297). Среди других, по определению Н.Ф. Каптерева, «политических агентов русского правительства» того времени (Иван Петров Варда Тафрали, Гавриил Власий, халкидонский митрополит Даниил и др.) он выделялся не только продолжительностью не нарушаемых никакими конфликтами контактов, но и тем обстоятельством, что именно Амфилохий получал, начиная, по крайней мере, с конца 1630-х гг. регулярное, в отличие от разовых вознаграждений прочих информаторов, государево жалованье (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1645 г. № 1. Л. 334 об.). Подтверждения таких постоянных выплат содержатся в челобитной самого архимандрита Амфилохия от 20 февраля 1649 г. (Вести-Куранты. 1648–1650 гг. М., 1983. № 12. С. 89) и в поданном в Посольский приказ после его смерти обращении родственника

Амфилохия архимандрита Парфения, приехавшего в Москву с грамотами нового вселенского патриарха Паисия I и выразившего желание занять место своего дяди (*Канtereв Н.Ф.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 297). Чем же объяснялось расположение русских властей на протяжении десятилетий к этому духовному лицу? Ответ дают палеографические наблюдения над некоторыми документами из ф. 52 «Сношения России с Грецией», хранящимися в РГАДА.

В деле о приезде в августе 1643 г. грека Антона Константинова Специара, тесно связанного с русским правительством начиная со второй половины 1630-х гг. и до 1645 г. (дальнейшие сношения с ним были прерваны по инициативе русской стороны, см.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1645 г. № 1. Л. 261–266), среди привезенных им грамот от султана Ибрагима I, переводчика Зульфикара, константинопольского патриарха Парфения I есть документ, датированный февралем, очевидно, того же 1643 г., с просьбой о выдаче «царского жалованья». Документ написан на листе бумаги размером 33,8 x 20 см с филигранью «корона с полумесяцем» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 6. Л. 55). Текст выполнен южнославянской скорописью с характерными для этого стиля письма воспроизведениями отдельных букв и по своей форме довольно точно воспроизводит русские челобитные с начальным «Государю царю и великому князю Михаилу Федорович всеа Русии царигородского патриарха анхимандрит Анфилофей, богомолец твой государев, бьет челом» и конечным «Царь государь, смилуйся, божалуй (так в ркп.!)», впрочем, с некоторыми элементами, свойственными письменным обращениям греческих духовных лиц, – «бога молим за твое многолетнее здравие» после слов «челом бьет» и подписью с датой в конце – «Моя рука, анхимандриту Анфилофею. Месяц февраль».

Такая подпись позволяет заключить, что эта «челобитная» является автографом архимандрита Амфилохия, некоторые грамматико-орфографические особенности которой («упование немаему», использование звательного падежа) дают еще одно основание говорить о южнославянском влиянии при восприятии этим лицом родственного, но все-таки имеющего некоторые особенности наречия. Относительно же небольшое количество орфографических ошибок («божалуй», «пезпристанно», «Константном» вместо «Константином») свидетельствуют о хорошем, в целом, знании им русского языка, о чем ранее писал Б.Н. Флоря, отмечая, что именно архимандрит Амфилохий был переводчиком во время встречи в 1630 г. московского патриарха Филарета с Жаком Русселем (*Флоря Б.Н.* К истории установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством (на примере Константинопольской патриархии) // *Связи России с народами Балкан-*

ского полуострова. М., 1990. С. 20). Автограф Амфилохия еще раз доказывает, что архимандрит Великой церкви не только владел русской грамотой, но и познакомившись, вероятно, во время приездов в Москву с приказной делопроизводственной практикой, активно пользовался обретенными навыками, одним из примеров чего стала отправка в Россию написанного по-русски обращения с просьбой о выдаче «царского жалованья».

Как представляется, именно эти способности вкупе с внешнеполитической позицией архимандрита Великой церкви, являвшегося сторонником сближения России и Порты, направления политики, совпадавшего с действиями русского правительства, обусловили длительное расположение к нему русских официальных лиц и их доверие к сообщаемым Амфилохием сведениям.

В настоящее время трудно говорить об этнической принадлежности архимандрита Амфилохия, но нельзя не обратить внимание на одно важное упомянутое выше обстоятельство. В свой первый приезд в Москву в 1630 г. он настолько хорошо знал (а может быть, владел им с детства?) какой-то из славянских языков, что сразу же как переводчик смог участвовать во встрече патриарха Филарета с Ж. Русселем. А прибытие этого дипломата в Константинополь в 1629 г. в составе свиты трансильванского князя Бетлена Габора и последующий приезд Ж. Русселя в Москву, как, равным образом, направление патриархом Кириллом Лукарисом именно архимандрита Амфилохия вместе с Фомой Кантакузиным в Москву, могут указывать возможное направление дальнейших поисков биографических сведений об этом историческом персонаже.

Н.Н. Тимошина, с.н.с.

Ф.В. Каузов, с.н.с.

Ивановский гос. историко-краеведческий музей им. Д.Г. Бурлыгина

Медаль Ботанического сада Амстердама из собрания Д.Г. Бурлыгина

Собрание медалей основателя музея Дмитрия Геннадьевича Бурлыгина насчитывает более шести тысяч единиц, из них около двух тысяч иностранных медалей и жетонов. В их числе коллекции медалей Германии, Франции, Англии, Австрии, Италии, представлены медали Бельгии, Швеции, Польши, США, Голландии и других стран. Медали Д.Г. Бурлыгиным приобретались в антикварных магазинах Санкт-Петербурга и других городов, причем, в основном, сразу в значительных количествах – десятками, порой и более, цена на них зависела от их размера и металла.

В коллекции медалей Голландии представлена медная посеребренная медаль Ботанического сада Амстердама. Это медаль-жетон,

использовавшийся как именной билет для входа в Ботанический сад – Гортус Медикус – Амстердама, основанный в 1638 г. Причиной его создания была эпидемия чумы 1634–1637 гг., унесшая жизни нескольких тысяч человек. Это был сад разных растений для врачей и аптекарей, получивших возможность изучать свойства лекарственных трав и создавать лекарственные препараты. Сад пополнялся с XVII в. растениями и семенами, привезенными торговцами Ост-Индской компании. Гортус Медикус был очень знаменит, в 1697 г. во время своего первого путешествия по Европе русский царь Петр I, наряду с работой на верфи, посетил и ботанический сад. В 1717 г. он, во второй приезд в Голландию, несколько раз побывал в этом саду. Как и в первый приезд, его сопровождал Рюйш, профессор анатомии и медицины, он же провёл для него урок ботаники (*Дриссен-ван хет Реве Й.* Голландские корни кунсткамеры Петра Великого: история в письмах (1711–1752). СПб., 2015. С. 148). Посещение Петром I Ботанического сада было неслучайным. В России со времён Алексея Михайловича устройство садов с «цветочными произрастаниями» стало увлечением для царских особ. Петр I интересовался особенностями культуры многих растений, порой высаживал их собственноручно.

На лицевой стороне медали из нашего собрания изображен герб Амстердама, водруженный на алтарь между двух рогов изобилия. Под гербом жезл, обвитый змеей. На алтаре надпись в четыре строки – год и имя владельца – в переводе с голландского языка «Доктор Гозинус ван Буйтендейк 1727». Круговая надпись в переводе с латинского: «В ботанический сад Амстердама вход свободный». На оборотной стороне: в центре горельефное изображение фигуры Эскулапа, опирающегося на жезл, обвитый змеей. По сторонам вазы с растениями на постаментах. Надпись по окружности медали в переводе с латинского: «Великий помощник, поддерживающий больных».

Владелец медали Гозинус ван Буйтендейк родился в провинции Южной Голландии, в семье местного священника. Получив богословское образование, стал священником, достаточно быстро приобретя репутацию превосходного проповедника. Однако его религиозные воззрения (он был последователем учения теолога ван Хаттема, преследуемого официальной Церковью) привели в 1712 г. к его увольнению. В 1715 г. Гозинус ван Буйтендейк после изучения медицины и защиты в Утрехте начинает медицинскую практику. Сменив несколько городов из-за гонений официальных и церковных властей, он оказывается в Амстердаме и находится здесь до 1729 г., когда ему запрещают находиться и здесь. Именно к периоду его деятельности в Амстердаме и относится медаль из коллекции

Д.Г. Бурылина. После этого до 1733 г. он был в Утрехте, а затем отправился в Германию. Далее следы его теряются (*Wielema M.R. The March of the Libertines: Spinozists and the Dutch Reformed Church (1660–1750). Hilversum, 2004. С. 185–194.*

О.И. Тогоева, д.и.н., в.н.с.

ИБИ РАН

Герб Жанны д'Арк: история и вымысел

В июне 1429 г. французский дофин Карл (будущий король Карл VII) даровал Жанне д'Арк личный герб следующего содержания: «На голубом поле две золотые лилии, между которыми расположен серебряный меч, увенчанный золотой короной». Наличие у Орлеанской Девы собственного герба и, как следствие, резкое повышение ее социального статуса является одной из наиболее болезненных дискуссионных тем в современной зарубежной «жаннистике» (*études johanniques*) – исследованиях, специально посвященных эпоху Жанны д'Арк. В отечественной историографии, напротив, не существует ни одной работы, где бы рассматривалась история появления данного герба, особенности его символики, восприятие его самой героиней Столетней войны и ее современниками, а также профессиональными историками XIX–XXI вв. Тем не менее, как мне представляется, разработка этого сюжета может помочь прояснить некоторые спорные вопросы, касающиеся не только собственно истории Жанны д'Арк, но и того переломного периода в истории всего Французского королевства, каким являлась первая половина XV века.

В докладе предполагается осветить следующий круг вопросов. Прежде всего, речь пойдет об обстоятельствах появления у Жанны д'Арк личного герба, т. е. об анализе отношений, которые сложились у героини с дофином и его ближайшим окружением к июню 1429 г. Затем будет рассмотрена символика герба, включавшая королевские знаки. В докладе также предполагается проанализировать собственные высказывания Девы относительно ее герба, свидетельства ее современников (как лично знавших девушку, так и сторонних наблюдателей), что позволит приблизиться к пониманию вопроса о том, насколько серьезно воспринимался такой королевский дар самой получательницей и ее ближними. Не менее интересным, с данной точки зрения, представляется сравнительный анализ герба Жанны и ее знамени и штандарта, которые она постоянно имела при себе во время военных кампаний и которые были изготовлены по ее собственным указаниям.

Отдельным сюжетом доклада станет история восприятия герба Жанны д'Арк последующими поколениями французов, особенно – профессиональными историками-медиевистами. Проблема дарования Орлеанской Деве герба на протяжении последующих столетий постоянно находилась в центре внимания, поскольку теснейшим образом оказалась связана с решением вопроса о происхождении девушки (королевском, знатном или крестьянском), о ее предполагаемом аноблировании и в целом о социальном статусе семейства д'Арк до и после смерти Жанны. В докладе, таким образом, будет также рассмотрена сугубо историографическая тема спекулирующих гербом Жанны д'Арк в работах так называемых сюрвивистов (сторонников версии о спасении героини с места казни) и батардистов (авторов, поддерживающих версию о королевском происхождении Девы). Споры современных медиевистов с представителями этих двух направлений постоянно возвращаются к проблеме герба Жанны д'Арк, и их анализ позволит не только лучше понять нестыковки в построениях псевдоисториков, но и отчасти оценить отношение к героине Столетней войны во Франции XXI века.

*А.С. Усачев, д.и.н., проф.
РГГУ, МГИМО(У) МИД РФ*

Об одном возможном критерии оценки социально-экономического развития России в XVI в.

Фрагментарность дошедших источников существенно затрудняет изучение целого ряда проблем истории России XVI в. Введение в научный оборот новых источников является насущной задачей. Ниже мы обратим внимание на некоторые возможности, которые, на наш взгляд, может открыть перед специалистами по социально-экономической истории один из видов массовых источников, еще не привлекавшихся для ее изучения.

В 44 архивохранилищах нам удалось выявить 734 манускрипта 1500–1600 гг., которые содержат датированные выходные записи. Систематически их материал ранее еще не анализировался. Недавно вышедшая в свет публикация данного вида источников (*Усачев А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 2. М.; СПб., 2018*) дает возможность привлечь этот массив данных не только для решения книговедческих задач, но и для рассмотрения исторических проблем, в частности, связанных с социально-экономическим развитием России данного периода.

Сразу оговорим: речь идет о выборке. Вопрос о степени ее репрезентативности на имеющейся источниковой базе в полной мере

нерешаем. Итоги обобщения и анализа доступного нам отрывочного материала дают возможность создать лишь авторскую конструкцию (своего рода модель), которая в той или иной степени отражает дошедший материал.

Производство рукописных книг – как правило, богослужебных – в XVI в. было сопряжено со значительными затратами. Чаще всего речь шла о суммах от 2–3 десятков алтын до 2–3 руб., которые были значительны для подавляющего большинства заказчиков (горожан, крестьян, клириков, небогатых служилых людей, прихожан сельских церквей, настоятелей и иноков небольших монастырей и иных лиц). Это в свою очередь побуждает рассматривать частоту заказа книг в ряду тех параметров, с помощью которых можно оценивать уровень благосостояния достаточно широких слоев населения в тот или иной период. Известные нам 734 манускрипта по времени создания распределяются следующим образом:

- 1500-е гг. – 45 (ок. 6,1%);
- 1510-е гг. – 82 (ок. 11,2%);
- 1520-е гг. – 73 (ок. 10%);
- 1530-е гг. – 81 (ок. 11%);
- 1540-е гг. – 84 (ок. 11,4%);
- 1550-е гг. – 107 (ок. 14,6%);
- 1560-е гг. – 71 (ок. 9,7%);
- 1570-е гг. – 34 (ок. 4,6%);
- 1580-е гг. – 51 (ок. 7%);
- 1590-е гг. – 106 (ок. 14,5%).

Объясняется ли данное распределение дошедшего материала по хронологии исключительно степенью его сохранности и вовлеченности в научный оборот или оно может отражать реалии XVI в.?

Подавляющее большинство древнерусских рукописных книг до нас не дошло. На это, в частности, указывают описи имущества многих десятков монастырей XVI–XVII вв. Фиксируя очевидные – в полной мере не поддающиеся учету – утраты книг, обратим внимание и на некоторые другие обстоятельства.

1. Как правило, рукописей более раннего времени по объективным причинам сохранялось существенно меньше, нежели более поздних. Применительно к 60–80-м гг. XVI в. мы наблюдаем обратную картину.

2. Рукописи хранились в одних и тех же местах: сначала в монастырских либерях и библиотеках сельских приходов и частных лиц, позднее – в коллекциях антикваров Нового времени и в государственных архивохранилищах. Трудно представить, что книги 60–80-х гг. по каким-то загадочным причинам страдали от одних и

тех же многочисленных пожаров и разорений в ходе войн чаще, чем манускрипты 1500–50-х и 1590-х гг.

3. Нами привлечен материал 44 расположенных более чем в 20 городах архивохранилищ. Большинство рукописных собраний – прежде всего, коллекционеров XIX–XX вв. – было образовано во многом случайно. Вряд ли собиратели и архивисты, приобретая и сохраняя книги, отдавали предпочтение рукописям первой половины и конца XVI в., по каким-то причинам игнорируя манускрипты 1560–80-х гг.

4. Сохранившиеся книги переписывались или, вероятно, переписывались в 37 городах, нескольких десятках более мелких населенных пунктов, а также при 92 монастырях. Ареал переписки охватывает всю территорию России рассматриваемого периода – от Соловков до Астрахани, от Невеля до Котельнича.

Очевидно, что объяснение тех особенностей, которые отличают распределение по хронологии датированных книг, исключительно гипотезой о случайном характере дошедшего материала исчерпываться не может. Рассмотрим некоторые факты социально-экономической истории России интересующего нас столетия в связи с числом сохранившихся книг соответствующих десятилетий.

Для России конца XV – первой половины XVI в. характерны относительно высокие темпы социально-экономического и, в частности, демографического роста. Этот период отмечен целым рядом весьма затратных каменных построек. На 50-е гг. приходится исключительно насыщенный крупными памятниками период в истории древнерусской книжности, связанный с именем митрополита Макария.

Ситуация меняется в 60-е и особенно в 70–80-е гг. На эти десятилетия приходится социально-экономический (а в основе своей демографический) кризис. Его пик был связан с событиями начала 70-х гг.: «великим мором» 1570/71 г. и разорительным походом войск крымского хана на Москву в 1571 г. В отдельных уездах было заброшено до 80% и более площадей пашни.

На 90-е гг. приходится значительное улучшение социально-экономической ситуации в стране. Это, в частности, проявилось в возобновлении массового каменного строительства.

Резюмируя рассмотрение хронологического распределения немногих и во многом случайно сохранившихся известных нам датированных рукописей XVI в., рискнем предположить, что оно в какой-то степени может отражать реалии этого столетия. Приведенные выше данные очень хорошо согласуются с другими, полученными на иной источниковой базе (прежде всего, на материале писцовых книг). Два наиболее насыщенных с точки зрения числа пере-

писанных книг десятилетия – 1550-е и 1590-е – приходится на периоды экономического и культурного подъема в стране. Кризисное десятилетие – 1570-е гг. – отмечено резким уменьшением числа переписанных книг. Такие совпадения трудно считать простой случайностью.

*И.А. Устинова, к.и.н., с.н.с.
ИРИ РАН*

Сборник хиротонийных обещаний русских архиереев последней трети XVII в. из Синодального собрания ГИМ

Одной из ключевых проблем при изучении истории русской Церкви XVII в. является расширение источниковой и методологической базы исследования. На современном этапе, когда большинство традиционных видов письменных источников по этой проблематике хорошо известны исследователям, имеет смысл обратиться к изучению информационного потенциала документов, привлекавших мало внимания ввиду особенностей формы и содержания. Весьма интересным источником являются хиротонийные обещания русских архиереев. Они представляют собой текст исповедания веры и «присягу» главе русской Церкви и действующим решениям церковных соборов (наиболее важным), который поставляемые в сан епископа, архиепископа и митрополита произносили в Успенском соборе перед патриархом и «властями» во время хиротонии. Тексты архиерейских обещаний известны в составе Чинов поставления епископов (об этом см.: *Неселовский А.* Чины хиротесий и хиротоний. Каменец Подольский, 1906; *Плигузов А.И.* Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 1988. Ч. 4. С. 920–927; *Корогодина М.В.* Чин избрания и поставления епископов и канонические книги // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44). С. 113–117 и мн. др.). Однако они существовали в качестве самостоятельных документов, заверялись подписью поставляемого и хранились в патриаршем архиве.

В Синодальном собрании ОР ГИМ (Синод. № 1044) сохранился сборник, содержащий тексты 34 хиротонийных обещаний русских архиереев, поставленных в период с 1674 по 1700 гг. (всех архиереев, поставленных в Москве в этот период). Содержание сборника подробно описано в литературе (*Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 3. Книги богослужебные. Ч. 2. М., 1917. № 542 (1044). С. 441–444). Сборник состоит из 34 тетрадей, соединенных под одним архивным переплетом. Все тексты написаны разными почерками (можно предположить, что новоизбранный писал текст

самостоятельно по образцу, о чем косвенно свидетельствует Чин поставления епископа). На страницах тетрадей нередко видны следы воска, вероятно, они появились во время чтения обещания на хиротонии. Тетради несколько разнятся по размерам, имеют затертые первые и последние листы, что указывает на их самостоятельное существование до объединения в сборник.

Большую информационную ценность сборнику придают автографы 34 архиереев: каждое обещание заверено собственноручной подписью новопоставленного. Подписи выполнены по-разному: 1) в конце основного текста обещания; 2) по нижнему полю обещания (на каждом листе с оборотами или только на лицевой стороне листа), если места не хватило, то окончание подписи следует после основного текста обещания; 3) по нижнему полю повторяются имя и сан поставляемого, а текст обещания написан в конце текста; 4) двойная подпись – по нижнему полю и в конце текста; 5) помимо основной подписи, к тексту обещания подклеен листок с подписью (например, л. 393). Текст подписи имеет два различных вида. Каждая подпись содержит точную дату поставления нового архиерея.

Большая часть текстов обещаний совпадает дословно, но их текстологическое сравнение позволило говорить о серьезном редактировании содержания хиротонийного обещания на протяжении последней трети XVII в. Первые пять исповеданий (август 1674 г. – апрель 1681 г.) отличаются от прочих наличием следующего отрывка: «И бывшья соборы во царствующем граде Москве ... при бывшем Никоне патриархе ... о исправлении книг ... иже святейшими патриархами ... свидетелствованныя и укрепленные обещаюся твердо держати» (Л. 1, 12 об.–13, 27–28 об., 43, 59 об.–60). Следующие 10 исповеданий (ноябрь 1681 г. – февраль 1685 г.) в титуле патриарха содержат формулу «и всех северных стран»: впервые в виде дополнений на полях эти слова появляются в исповедании Павла Нижегородского от 7 марта 1686 г. (Л. 213–229 об.). Последние 14 исповеданий (февраль 1691 г. – август 1700 г.) имеют много новаций: титул патриарха «святейшаго ... архиепископа Московского и всея России, и северных стран»; вместо формулы «не общатися мне с латины, и с люторы, и с калвины» (во всех более ранних исповеданиях сборника), предлагают формулу «не приниматьи странных обычаев в церковных преданиях и чинех, паче же от латин новопривмещающихся»; включают новые отрывки о непоставлении на одной литургии более одного духовного лица, о верности православному учению о евхаристии и др. Изменение текста хиротонийного обещания совпадает со временем вступления на патриарший престол Адриана; вероятно, текст обещания был обновлен в связи с завершением полемики латинствующих и греко-

филов и принятием соответствующих соборных решений, что и нашло отражение в тексте обещания.

Информационная ценность Сборника хиротонийных обещаний последней трети XVII в. складывается из нескольких аспектов. Во-первых, на его материалах можно проследить процесс эволюции текста Исповедания новопоставляемого епископа в последние десятилетия периода патриаршества. Во-вторых, сборник содержит автографы 34 русских архиереев последней трети XVII в. и точные даты их поставлений. Сравнительное исследование текстов хиротонийных обещаний из сборника № 1044 с другими материалами, касающимися поставления русских епископов (Чины, настояльные грамоты и проч.), позволит реконструировать процесс выбора и поставления «властей» в русской Церкви XVII в., проследить эволюцию текстов, уточнить датировки.

*Е.В. Уханова*¹,
к.и.н., с.н.с.

*А.В. Андреев*²,
гл. специалист

*М.Н. Жижин*²,
к.ф.-м.н.,
гл. специалист

*А.А. Пойда*³,
к.ф.-м.н.,
руководитель
лаборатории

¹ Государственный исторический музей, Москва

² Институт космических исследований РАН, Москва

³ НИЦ «Курчатовский институт», Москва

Новые результаты в прочтении Хлудовского глаголического палимпсеста XI в. (ГИМ. Хлуд. 117)

Работа выполнена по гранту РНФ 17-18-01399: «Ключевые памятники древности и средневековья из собрания Исторического музея: прочтение неисследованных явлений истории современными естественнонаучными методами»

Хлудовский глаголический палимпсест представляет собой вставную тетрадь из 8 пергаменных листов, использованных в конце XIV – начале XV в. сербским писцом при составлении богослужебного сборника-конволюта (ГИМ. Хлуд. 117. л. 7–14). Еще один палимпсест, использованный тем же писцом в этом сборнике, содержит латинский текст, вероятно, Лекционария (л. 105–108). Данный кодекс был приобретен выдающимся ученым-славистом А.Ф. Гильфердингом во время его поездки в Болгарию в 1868–1869 гг., а позднее был куплен у него известным коллекционером А.И. Хлудовым. Существование глаголического палимпсеста в составе Хлуд. 117 было выявлено заведующим Отделом рукописей ГИМ акад. М.Н. Сперанским. Впервые эти сведения были опубликованы в описании пергаменных рукописей ГИМ в 1966 г. Расшифровке и атрибуции смытого угасшего текста были посвящены

работы А.А. Турилова (Князевская и др., 2002. С. 656–661; Турилов, 2003. С. 25–35), который и дал название этому памятнику – Хлудовский глаголический палимпсест (ХГП). В УФ-лучах ему удалось лишь частично прочесть 12 строк на л. 13 об., однако он смог атрибутировать их как отрывок канона Козьмы Маюмского на Рождество Христово. Исследователь предположил, что этот текст является фрагментом праздничной древнеболгарской минеи XI–XII вв. Учитывая наличие в той же рукописи латинского палимпсеста, А.А. Турилов предположил, что наиболее вероятным местом создания конволюта Хлуд. 117 была Салоника, где в его недолгую бытность столицей латинского королевства (1204–1220 гг.) бытовали латинские рукописи, которые после возвращения города в состав Византийской империи перестали употребляться и могли использоваться как палимпсест.

Сотрудничество с коллегами из Института космических исследований (ИКИ) РАН позволило применить современные естественнонаучные методы в чтении ХГП. Использование мультиспектральной и макрофотосъемки, а также последующая обработка полученных цифровых изображений специализированными программными средствами дали принципиально новые результаты в чтении палимпсеста. На сегодняшний момент работа над ХГП продолжается, но уже почти прочитаны полностью четыре страницы. На основании полученных данных можно сделать ряд предварительных выводов.

ХГП принадлежит к группе памятников с одноеровой орфографией с исключительным употреблением ъ. Предварительный анализ орфографических особенностей приводит к выводу о том, что палимпсест был создан в юго-западных землях Первого Болгарского царства (Македонии), а в его создании принимали участие два писца. Оба почерка стилистически и графически близки и принадлежат к одной школе. Их графические особенности в совокупности не встречаются ни в одном известном глаголическом памятнике, но по отдельности почти все известны в древнейших рукописях. В целом, мелкое округлое ровное письмо ХГП находит стилистические аналогии в письме Мариинского и Зографского Евангелия. Учитывая его стиль и графико-орфографические особенности, палимпсест можно датировать XI в. Использование славянским писцом большого латинского инициала в глаголическом тексте свидетельствует о славяно-латинской контактной культурной зоне, из которой происходит эта рукопись. Конвой памятника – латинский палимпсест – подтверждает наш вывод. Он выполнен южноитальянским беневентанским письмом эпохи его становления – в X в., а специфичная орнаментика его огромных инициалов – мотив стилизованной «го-

ловы змеи» («головы собаки») – стала визитной карточкой греческих и латинских южноитальянских рукописей. Полагаем, что можно говорить о существовании прямых контактов двух книжных культур – латинской южноитальянской и ранней болгарской.

Прочтение текста отдельных листов ХГП показало, что это – древнейший список глаголической праздничной минеи. Нами выявлены фрагменты служб архистратигу Михаилу и собору бесплотных сил (8 ноября, л. 12 об.), преп. Иоанну Златоусту (13 ноября, л. 11, 14 об.) и Рождеству Христову (25 декабря, л. 13 об.). Текстологическое сравнение различных списков миней говорит о том, что выявленный глаголический текст чаще всего совпадает с чтениями древнейших праздничных миней – Ильиной книги и Скопльской минеи. Необходимо также отметить, что в службе 8 ноября архистратигу Михаилу (л. 12 об. / 10–22) присутствуют три стихиры 3-го гласа, не известные по другим славянским и греческим спискам. Велика вероятность, что эти стихиры являются оригинальными славянскими песнопениями, созданными первыми болгарскими гимнографами. Известно, что Климент Охридский написал похвальное слово архистратигу Михаилу, а Константин Преславский – канон для службы 8 ноября. Найденные нами неизвестные стихиры ХГП как нельзя лучше дополняют этот канон до полного богослужебного последования.

ХГП делает возможным объективную реконструкцию древнейшей болгарской праздничной минеи Охридской редакции. Его заметная близость с Ильиной книгой на фоне древнерусских полных миней делает последнюю не маргинальным списком, а представителем древнейшей редакции минейного гимнографического сборника, когда-то бывшей, вероятно, основной для русской литургической практики. В отличие от ХГП, Ильина книга содержит значительное число богослужебных последований на первую половину церковного года, что позволяет нам хорошо представить круг самых ранних песнопений. Находящийся в этих списках древний текст лег в основу полных древнерусских миней. В том объеме, в котором они совпадают с краткими праздничными минеями, новгородские и южнорусские списки практически однородны и отделены от их предшественников в праздничной минее заметной правкой. Остальные службы, дополняющие праздничную минею до полной, имеют иную судьбу, что делает списки полной минеи сложной компиляцией, требующей в ее изучении особых подходов.

Еврейское население Бронной слободы XVII века

Начиная с первой трети XVII в. в Московском государстве появляется значительное количество польско-литовских евреев, проживавших ранее в основном на территории Белоруссии и попавших в плен во время русско-польских войн. Некоторые из них осели в столице Московии у горожан в качестве дворовых слуг, а некоторые поселились в московских слободах (например, в Мещанской). Одним из таких столичных поселений, в которых оказались евреи, зафиксированные в архивных источниках, стала Бронная слобода. Она располагалась в северо-западной части Земляного города, за Никитскими воротами Белого города. Бронную слободу, основанную в XVI в., населяли, как уже видно из названия, преимущественно ремесленники, занимавшиеся изготовлением защитной амуниции («брони») и холодного оружия. Изначально она подчинялась Приказу Большого дворца, позже – Оружейной палате. К началу XVII в. слобода превратилась в центр оружейного производства Москвы. Информация о евреях, проживавших в московской Бронной слободе, выявлена нами в материалах весьма объемного следственного дела патриарха Московского и всея Руси Никона 1666–1667 гг., в результате которого по решению суда церковного Собора опальный патриарх, попытавшийся поставить духовную власть над светской и возвысить роль Церкви в государственном управлении, был лишен патриаршеского сана и отправлен в ссылку простым иноком в Ферапонтов монастырь.

С середины октября 1666 по апрель 1667 г. проходило отдельное следствие, инициированное патриаршими детьми боярскими (то есть дворовыми слугами) «новокрещенцами из жидов» Михаилом Афанасьевым и Демьяном Левицким. Их доносы содержали ряд обвинений локального характера, рассмотренных на Соборном суде 27 апреля 1667 г., уже после вынесения Никону главного приговора, и признанных законными. В свою очередь патриарх в своей челобитной, полученной в Москве 25 октября 1666 г., выдвинул встречный иск против «евреинов Мишки и Демьянки», обвинив их в связи и совместном «жидовстве» с «лекарем Данилом», имея в виду лекаря Аптекарского приказа, обслуживавшего царя Алексея Михайловича, крещеного в лютеранство польского еврея Даниила фон Гадена (по русским источникам – Данило Ильин Фунгаданов; с принятием православия в 1667 г. – Стефан или Степан). Приближенные к Никону лица на следствии среди тайно «субботствующих» называли также знакомых лекаря, живших в приходе церкви

Иоанна Богослова в Бронной слободе: выкрестов «Марка оконничника», «спевака Василия Кирилова» и др. Например, подьячий Монастырского приказа Т. Литвинов в своей «сказке» написал, что Василий Кирилов, будучи у него в доме, якобы при свидетелях говорил следующее: «...Что де в Библии напечатано: Пророцы пророчествовали не о Христе и не о Богородице, и что напечатано: ...и то де слово не о Христе ж, а написано де то слово о Исееи Седокове». И далее подьячий сообщает: «Как я теперь посылан по указу великого государя для сыску speвака Василья Кирилова, и на Козье болоте (местность в районе современной Малой Бронной и соседних улиц, около Патриарших прудов, где находилась Козья патриаршая слобода. — Д.Ф.) нынешняго октября 26-го числа у новокрещена жидовина у Марка оконничника на дворе Василья speвака искал с стрелцами, и ево на дворе нет. Толко в трех избах живут все жидаы, а сказывающа крещены, а в ызбах и на дворе ворют мясо и гуся и... жарют» (РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 140. Ч. 8. Л. 249, 250). О том же в допросе Литвинову показал «speвак Андриюшка Ортемьев»: «Сказывал де он подьячему Тимофею Литвинову про всепеваку про Васку, что у него есть многие книги жидовские и еврейские и латинские, и приходят де к нему многие жидаы, и христианской де вере сопротивляется, и говорит, чтоб животворящим крестом и святым иконам не поклоняться, и жидовскую веру выхваляет» (Там же. Л. 251). К сожалению, нам пока больше ничего не известно об упомянутых выкрестах, проживавших в Москве, и об их дальнейшей судьбе.

Отрывочные сведения о евреях московской Бронной слободы выявлены нами также в материалах Оружейной палаты, которая в XVI — начале XVIII в. занималась изготовлением, закупкой и хранением оружия, драгоценностей и предметов дворцового обихода. Оружейная палата функционально была связана с работой мастеров Золотой и Серебряной палат, которые в 1700 г. влились в состав Оружейной палаты. В «Переписной книге дворов и тягловцов Бронной слободы» (переписи населения слободы В.И. Есина и подьячего М. Баташева) 1663 г. имеется запись от 30 ноября о дворе торговца Ветошного ряда Б. Иванова в Бронной слободе, постройки которого сжег мастер серебряного дела «Якушко жид» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 981. Л. 32). В указанной рукописной книге за то же число встречаем еще одну запись о мастере Серебряной палаты иноземце «Якушке жиде», владельце пустого места умершего П.Н. Сапожника и двора умершего М.И. Хорчевника в Бронной слободе (Там же. Л. 54 об.). Таким образом, мы можем констатировать наличие среди кремлевских мастеров по крайней мере одного иностранного еврея, работавшего для двора царя Алексея Михай-

ловича и проживавшего в Москве в одном из дворовладений Бронной слободы.

Как следует из архивных источников, еврейские жители Бронной слободы, упомянутые в следственном деле патриарха Никона, даже несмотря на обвинения их в проявлениях «жидовства», формально числились в «новокрещеных». Действительно, принятие иудеями христианства в Московском государстве резко изменяло их социальный статус: крещение нехристиан означало получение ими весьма обширных льгот вкупе с полным уравниванием в правах с православным населением. Что же касается мастера-серебреника Якова, то он вполне мог быть иудеем, поскольку являлся иностранцем, приглашенным в Россию выполнять заказы для царского двора. Таким образом, выявленные документы показывают, что некоторые евреи могли проживать в средневековой Москве и даже добивались определенных успехов в своей деятельности, и что государство позволяло им заниматься своим ремеслом, не меняя своего вероисповедания.

*И.С. Филиппов, д.и.н., проф.
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Эпиграфические источники и современная медиевистика

Средневековая эпиграфика – не самая известная и не самая важная из вспомогательных дисциплин медиевистики. Во многих учебных пособиях и в справочных изданиях, в том числе в Советской исторической энциклопедии, она едва упоминается (в разительном отличии от античной и восточной эпиграфики), и нередко из контекста следует, что авторы имели о ней крайне смутное представление. Исключение составляют только те регионы Европы, история которых из-за общего состояния источников доступна для изучения во многом именно благодаря надписям. Это прежде всего Скандинавия с ее богатейшими собраниями рунических надписей, и Северная Русь, во всяком случае если иметь в виду не только граффити, но и берестяные грамоты.

Слабое, по сравнению с антиковедением, использование эпиграфических источников в исследованиях по истории Средневековья обусловлено как историографической традицией, сложившейся в ходе изучения гораздо более многочисленных и разнообразных неэпиграфических текстов, так и заметно меньшей ролью, которую играли надписи в общественной и культурной жизни Средних веков. В свою очередь это объясняется меньшим, чем в Древности, распространением грамотности, а также спецификой самого средневекового социума, по большей части не испытывавшего столь же

сильной, как в греко-римском мире, потребности в общении людей друг с другом посредством надписей. Как известно, средневековые надписи, как правило, обращены не к другим людям, а к Богу. Но из этого не следует, что при изучении средневековой истории оправдано и разумно игнорировать эпиграфические источники. Преодолению такого подхода способствовало бы лучшее, чем наблюдаемое сегодня, знакомство с достижениями других национальных научных школ. К сожалению, в наши дни даже самый лучший специалист по латинской эпиграфике, как правило, почти ничего не знает об исследованиях по византийской, древнерусской или рунической эпиграфике. Примером может служить замечательная в остальном книга Р. Фавро, явно претендующая на синтез знаний о европейских средневековых надписях (*Favreau R. Epigraphie médiévale. Turnhout, 1997*). С поправками это можно было бы сказать и о специалистах по византийской и т. д. эпиграфике.

Средневековая эпиграфика сложилась в XVIII–XIX вв. как научная дисциплина под сильным влиянием античной эпиграфики, используемых ею методов и характерных для нее установок. Речь идет в первую очередь об акценте на политическую историю, религию и на то, что впоследствии стали называть просопографией. Античные надписи, действительно, содержат очень много информации, в том числе уникальной, относящейся к этим сферам жизни. Но средневековые надписи, особенно латинские и византийские, в целом, заметно иные. Надписей религиозного содержания среди них, конечно, очень много, но при традиционном к ним подходе они мало что добавляют к тому, что нам известно из Священного Писания, актов соборов и трудов Отцов Церкви. Что же касается, условно говоря, светских надписей средневековой эпохи, они по большей части заметно более скупы на точную информацию о событиях истории и известных в истории людях, столь ценимую историками XVIII–XIX вв.

Это обстоятельство во многом предопределило достаточно равнодушное отношение медиевистов того и даже несколько более позднего времени. Вот показательный факт: еще в 30-е годы XX в. такой незаурядный, во многом опередивший свое время исследователь, как О.А. Добиаш-Рождественская, писала, что средневековые западноевропейские надписи – это по большей части не представляющие большого интереса эпитафии неизвестных нам людей (*Добиаш-Рождественская О.А. Эпиграфика в раннем западном средневековье // Она же. Культура западноевропейского средневековья. М., 1987. С. 143–155*). Ее внимание привлекла лишь одна группа средневековых надписей – т. н. каменные хартии, т. е. выбитые на стенах храмов тексты дарственных и некоторых других докумен-

тов. Эти надписи интересны нам сегодня прежде всего как культурный феномен; в информационном плане они не так уж часто сообщают нам что-то действительно новое, по сравнению, с бесчисленными архивными документами. Напротив, современный исследователь скорее сказал бы, что внимания заслуживают как раз эпитафии. Справедливости ради, писавшая позже, но, увы, также «в стол» А.И. Хоментовская выбрала предметом своего изучения именно эпитафии (*Хоментовская А.И. Итальянская гуманистическая эпитафия. СПб., 1994*).

С середины XX в. отношение к эпиграфическим источникам по истории Средневековья существенно меняется, чему сильно способствовала практика публикаций полных сводов средневековых надписей, обычно какой-то одной страны, группы стран или региона. В числе самых успешных проектов этого рода - свод надписей Швейцарии и все-еще продолжающееся, но уже огромное издание надписей Германии и Австрии, охватывающее материалы по 1650 г. Они дали в руки исследователей большие массивы текстов, на основе которых стало возможно делать значимые обобщения. Этот тренд совпал с глубинными сдвигами в исторической мысли, побудившими медиевистов (как и антиковедов новой формации) перейти к изучению ментальных явлений, народной религиозности, реальной истории культов, а также повседневной жизни, истории семьи, исторической антропоники... Упомяну лишь две монографии, написанные в этом ключе по эпиграфическим источникам и оказавших немалое влияние на дальнейшее развитие эпиграфики (*Jannsens J. Vita e morte del cristiano negli epitaffi di Roma anteriori al secolo VII. Roma, 1981; Handley M.A. Death, Society and Culture. Inscriptions and Epitaphs in Gaul and Spain, AD 300–750. Oxford, 2003*).

Эти историографические факты побуждают к пересмотру предвзятого отношения к средневековой эпиграфике, которая занимает все более важное место в современной медиевистике.

*В.Г. Фоменко, к.г.н., доц., зам. декана
Приднестровский ГУ им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь, Молдова)*

Формирование этнического состава населения города Бендеры в XIX веке

Этническая мозаика населения междуречья Днестра и Прута или Бессарабии уже в XVIII в. отличалась исключительной пестротой, что нашло отражение в многоликом образе жителей города Бендеры. К моменту присоединения к Российской империи по Бухарестскому миру 1812 г. на этой территории только Бендеры и несколько других турецких крепостей обладали официальным статусом горо-

дов (Хотин, Аккерман, Измаил, Рени, Килия). Кишинёв и Бельцы получили этот статус лишь в 1818 г., Кагул, Оргеев и Сороки – в 1835 г., а другие поселения – ещё позже (*Жуков В.И.* Города Бессарабии (1812–1861). Кишинёв, 1964. С. 45–63). Этот край представлял собой наименее заселённую часть Молдавского княжества. А.С. Пушкин писал: «Сия пустынная страна...» или «Здесь лирой северной пустыню оглашая...». Средняя плотность населения составляла менее 7 человек на км², тогда как в Пруто-Сиретском междуречье – 10, а между Сиретом и Карпатами – 16 человек на км² (*Бабилунга Н.В.* Демография города Бендеры в составе Российской империи (1812–1917 гг.) // Партийная система Приднестровья: институциональные факторы развития. Вып. 17 (10.2008) – Электр. ресурс: <http://www.pmr21.info>). А.И. Михайловский-Данилевский в труде о русско-турецкой войне 1806–1812 гг. сообщает, что во время своего пребывания в Бессарабии в 1818 г. он проехал более 150 верст по югу края, не встретив ни одного селения, «...потому что сего названия нельзя даже дать нескольким беднейшим избам, которые кое-где стоят на дороге». Об этом же пишут П. Сумароков и А. Демидов и другие (*Сумароков П.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800. С. 225; *Демидов А.* Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию. М., 1853. С. 184–251).

До присоединения края к Российской империи Бендеры неоднократно подвергались разрушению в ходе русско-турецких войн второй половины XVIII в. В составе России город начал застраиваться как раз на том месте, где при осадах турецкой крепости располагался лагерь русских войск (*Бурла М.П., Фоменко В.Г., Кривенко А.В. и др.* Бендеры: география города. Тирасполь, 2010; *Демидов А.* Указ. соч. С. 184–251). После присоединения Бессарабии к Российской империи численность населения Бендер неуклонно росла. В 1815 г. в городе проживало 1,7 тыс. человек, в 1819 г. – более 5 тыс., в 1833 г. – 6,2, в 1856 г. – 15, в 1862 г. – 22,2, в 1880 г. – 32,5, в 1902 г. – 35,4, в 1914 г. – более 40 тыс. человек – за столетие пребывания в составе России количество горожан выросло в три десятка раз. К началу XX в. Бендеры стали важным экономическим и культурным центром Бессарабской губернии, вторым по численности населения после Кишинёва. Уроженец Бендер академик Л.С. Берг писал: «Несмотря на то, что в городе, считая с предместьями, до 60 тыс. жителей (1915 г.), и хотя лежит он при железнодорожном узле и на судоходной реке, это типичный захолустный город, лишенный внешнего благоустройства и общественной жизни» (*Берг Л.С.* Бессарабия: Страна – люди – хозяйство. Кишинёв, 1993. С. 185–186). Такие темпы роста обуславливались не только

естественным приростом, но и пополнением горожан за счёт беглых крепостных крестьян, ремесленников, купцов. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. зафиксировала в Бендерах наибольшее в Бессарабии (за исключением Кишинёва) количество неместных уроженцев – местные уроженцы составляли около 63 % (включая родившихся в селах Бендерского уезда), уроженцев других губерний России – 29 %, уроженцев других уездов губернии – около 8 %, а уроженцев других государств – менее 1 %. Почти треть горожан составляли выходцы из соседних губерний – Подольской и Херсонской, а также Киевской, Волынской, Таврической, Московской, Орловской, Курской, Самарской, Симбирской, Вологодской, Ярославской, Костромской и др. (*Берг Л.С.* Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. Пг., 1923. С. 42–43).

До начала русско-турецкой войны 1806–1812 гг. в Бендерской крепости и в прикрепостных лагерях в основном проживали турки и татары (около 80 % всех жителей), в особых кварталах селились армяне, греки, евреи. Пригородные сёла заселяли молдаване и малороссы (украинцы). В 1862 г. уже 32 % населения составляли украинцы, более 24 % – русские, почти 24 % – евреи, около 20 % – молдаване. В самом городе проживали болгары, немцы, гагаузы, сербы, поляки, греки, армяне, цыгане. По данным Всеобщей переписи 1897 г. наиболее многочисленную группу горожан составляли русские – 35 %, евреи – 34 %, затем, уступая в 2 раза, украинцы – 17 %, далее молдаване – 8 %, поляки – свыше 3 % и болгары – менее 1 % (*Абакумова-Забунова Н.В.* Русское население городов Бессарабии XIX в. Кишинёв, 2006. С. 67–72; *Бабилунга Н.В.* Национальный состав городского населения Бессарабии в эпоху империализма // Известия АН МССР. Сер. обществ. наук. 1979. № 3. С. 25). Столетие в составе Российской империи стало одной из наиболее продуктивных эпох за всю более чем 600-летнюю историю города – коллизии бурных времен турецкого господства сменились столетним периодом мирного созидательного труда горожан (*Худяков В.В.* В цветущих акациях город... Бендеры: люди, события, факты. Бендеры, 1999). Разные источники пополнения городского населения определили его пёструю многонациональную структуру, которая до сих пор придает ему особый приднестровский колорит, характерный для городов Новороссии.

**«Порфириевская Псалтирь» и греческие рукописи
синайской находки 1975 года**

П. Николопулос, разбирая и классифицируя многочисленные фрагменты греческих рукописей, открытые в 1975 г. в монастыре св. Екатерины на Синае, сделал естественную попытку сопоставить их с фрагментами древних книг, приобретенными на Востоке Порфирием Успенским, К. Тишендорфом и А.А. Дмитриевским и поступившими в XIX – первой трети XX вв. в петербургские / ленинградские хранилища. Работа греческого исследователя велась в отрыве от непосредственного изучения манускриптов Ленинграда / Санкт-Петербурга, лишь с помощью специальной литературы, поэтому составителем тома «Τὰ νέα εὐρήματα τοῦ Σινᾶ» не могли быть не допущены некоторые неточности и ошибки (Книга П. Николопулоса вышла в свет в 1998 г., тогда как над некоторыми манускриптами РНБ, в частности «Порфириевской Псалтирью», судя по сведениям листа использования рукописи, исследователь работал в сентябре 1999 г.). К рассмотрению одной из них, пожалуй, важнейшей, уже проникшей в библиографию, мы и обратимся.

Одним из наиболее значительных греческих фрагментов синайской находки является состоящий из 13 листов отрывок пергаменной Псалтири МГ 33 (описание см.: *Nikolopoulos P.* Τα νέα ευρήματα του Σινᾶ. Athine, 1998. P. 119–122, 147). Поскольку листы рукописи имеют размер 160/185 x 145 (а листы 16-й тетради – 165/172 x 131), П. Николопулос сопоставил этот рукописный отрывок с пергаменным кодексом РНБ. Греч. 216 – знаменитой «Порфириевской Псалтирью», датированной до недавнего времени 862/3 годом, а теперь – 878 годом (см.: *Морозов Д.А.* Александрийская эра в Иерусалиме IX в.: о датировке Порфириевской Псалтири // Монфокон. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. 1. М.; СПб., 2007. С. 89–93) и состоящей из 350 лл. (их размер – 162 x 108 мм) и сделал вывод, что «сохранившиеся листы тетради 1 и тетрадь 16 рукописи МГ 33 должны были дополнять Греч. 216 – ”Псалтирь Успенского”» (*Nikolopoulos P.* Op. cit. P. 120–122), в доказательство чего приводятся фрагменты текста, имеющиеся в синайской рукописи и якобы отсутствующие в манускрипте РНБ.

Наблюдение П. Николопулоса было принято такими авторитетными исследователями, как Л. Перриа (*Perria L.*: 1) Scritture e codici di origine orientale (Palestina, Sinai) dal IX al XIII secolo. Rapporto preliminare // RSBN. N.s. 36 (1999). 2000. P. 24; 2) Repertorio dei manoscritti greci di area orientale (Palestino – Sinaitica). Messina, 2000.

Р. 20, 25) и П. Жеан (*Géhin P., Frøyskov S. Nouvelles découvertes sinaitiques: à propos de la parution de l'inventaire des manuscrits grecs // RĖB. 58. 2000. Р. 170, 172 n. 20*), а это означает, что мы, благодаря указанному единодушию мнений, получаем еще один точно датированный манускрипт IX в. – МГ 33 (862/3 г.).

Между тем, наблюдения П. Николопулоса являются ошибочными: здесь нужно было опираться не на показания текста, но прежде всего – на данные кодикологии и палеографии.

1) Размер листов МГ 33 превышает этот же показатель в РНБ. Греч. 216, что и понятно, поскольку в Синайской рукописи – 20–21 строка текста на странице, а в Греч. 216 – 19 строк.

2) В МГ 33 имеется сигнатура «16» для одной из тетрадей, но и в Греч. 216 она (вопреки мнению П. Николопулоса) присутствует на л. 129.

3) В тексте МГ 33 имеются *редкие* надстрочные знаки, тогда как в Греч. 216 – *полностью развитая система диакритики*.

4) Почерк МГ 33 никак нельзя относить к разряду каллиграфических (особенно здесь характерна форма типичной для палестинского стиля буквы ξ), в то время как текст Греч. 216 написан рукой мастера, замечательного каллиграфа последней четверти IX в.

Из всего этого следует, что синайский фрагмент МГ 33 не может быть частью петербургской рукописи РНБ. Греч. 216: эти два манускрипта, представляя собой образцы маюскула палестинского дукта, возникли с разницей примерно в 80–100 лет (МГ 33 – во второй половине VIII – начале IX в.).

*С.И. Хазанова, к.и.н., вед. специалист
РГАДА*

Легенда о смерти царя Валтасара в поздних сборниках

Основой для апокрифических сказаний о смерти вавилонского царя Валтасара послужил библейский рассказ, в котором царь и его вельможи были наказаны за то, что пили и ели на пиру из священных сосудов. Во время пира показалась рука, пишущая на стене таинственные слова. Никто из царского окружения не смог истолковать смысл этого видения, только пророк Даниил, приведенный из пещеры, предрек Валтасару потерю царства: «Разрешися от тебе царство твое и дано есть персяном и медяном». Это пророчество сбылось: Валтасар был убит той же ночью, и Вавилонским царством завладел перс Дарий (ОР РГБ. Ф. 304. Собрание рукописей Троице-Сергиевой лавры. Д. 200. Сочинения Максима Грека. Л. 402 об.).

Однако в ряде поздних памятников убийство царя Валтасара излагается с дополнительными подробностями, которых нет в биб-

лейском тексте. В нем Вальтасар накануне своей гибели видит во сне ангела, который хотел ударить его скипетром. Призванный для толкования сна пророк Даниил сказал, что в эту ночь царь будет убит за осквернение церковных сосудов. Такая версия читается в Златоусте XVII в. (ГИМ. Уваровское собрание. Д. 773. Златоуст учительный XVII в. Л. 247 об.) и в сборнике XVIII в. (Сборник с лицевыми изображениями и с крюковыми пометами. 1877. Т. XV. № 16. Л. 23). В обоих сочинениях царь принимает меры предосторожности, расставляет вокруг дворца и во дворце стражу. Он приказывает им никого не впускать и еще велит: «Аще ли вамъ кто станеть царемъ называться, и вы не слушайте его, ссеките его» (Там же. Л. 23). Наутро царь вышел из своей палаты, все стражники спали. Вальтасар наступил на ногу спящему стражнику и, не узнавший им, был убит. Рассказы обоих сборников почти идентичны, небольшое отличие: стражники, охранявшие палаты царя, названы в Златоусте XVII в. его «любовниками удальцами» (ГИМ. Уваровское собрание. Д. 773. Златоуст учительный XVII в. Л. 247 об.). В конце, в отличие от Библии, не сказано ничего о том, кто воцарится после Вальтасара.

В отличие от этих памятников, в Креховской Палее XVII в. сказано, что среди стражников, охранявших царя, был мидянин по имени Дарий. Здесь Вальтасар выходит из своей палаты не утром, а ночью. Дарий не узнал царя и убил его копьем (в вышеупомянутых сборниках мечем). После этого Дарий стал царем: «Дарий же познавъ, яко царь есть, въсхити царство» (*Франко Ив.* Памятники українсько-руської мови і літератури. Т. 1. Апокріфи старозавітні. Львів, 1896. С. 322). Возможно, рассказ об убийстве царя Вальтасара стражником был создан на славянской почве, и славянские книжники внесли него дополнительные подробности о смерти вавилонского царя.

*И.А. Хвостова, к.и.н., доц., Д.А. Николаев, к.и.н., доц.
ИМОМН ННГУ им. Н.И.Лобачевского*

Геральдико-вексиллологический «проект» добровольца – участника нижегородского ополчения 1812 года

После вторжения войск Наполеона на территорию Российской Империи Александр I в официальном рескрипте на имя председателя Комитета министров Н.И. Салтыкова сообщил о начале новой войны и выразил мнение, что этот ее этап носит общий и всенародный характер. Царь надеялся «... на усердие Моего народа и храбрость войск Моих...» и заявлял, что «... оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудили нас препоясаться на брань...» (Центральный архив Нижегородской области

(ЦАНО). Ф. 1822. Оп. 1. Д. 18). Манифестом от 6 июля 1812 г., обращенном ко всем подданным и сословиям Империи, утверждалась необходимость создания по всей стране местных губернских ополчений, которые «составляли бы вторую ограду, в подкрепление первой (т. е. регулярных войск. – *авт.*) и в защиту домов, жен и детей...»; несколько позднее территории, где должны быть созданы ополчения, ограничили 16-ю губерниями, ближе всего расположенных к местам боевых действий. 1 сентября 1812 г., согласно формализованным положениям, начался сбор ополчения в Нижегородской губернии, которое действительно стало народным, поскольку состояло в основной своей массе из помещичьих крестьян, и дворянским – по своему начальствующему офицерскому составу. Всего по губернии с сентября по декабрь 1812 г. подлежало сбору 12 275 пеших и 653 конных воинов для формирования 5 пехотных и 1 кавалерийского полков (которые входили в состав т. н. III ополченского округа под командованием генерал-лейтенанта П.А. Толстого), многие из которых являлись, согласно их собственным заявлениям, добровольцами.

Ко многим прошениям о зачислении на военную службу, составленным порой в достаточно пафосном патриотическом духе, «высоким штилем», были приложены сопроводительные документы присутственных мест, аттестаты о службе, характеристики и пр. Прощения о вступлении в ополчение писались как на имя князя Грузинского (предводителя нижегородского ополчения), так и нижегородскому губернатору А.М. Руновскому и П.А. Толстому; писались они и на «Высочайшее имя» причем не только потенциальными ополченцами, но и их родственниками и доверенными лицами. Иногда прошения представляли собой достаточно подробные автобиографии с перечислением мест службы, достижений и наград, но содержание их порой не исчерпывались только этим.

Весьма любопытной страницей в представленных документах являются своеобразные геральдические творческие «изыскания», содержащиеся в прошении канцеляриста (дворянина) А. Александрова, который, помимо стандартных просьб о зачислении в ополчение, «подкрепил» свой патриотический порыв представлением художественного эскиза «сделанного во имя Святыя Троицы троечастного щита», на первой части которого «для прикрытия груди (изображенной дополнительно фигуры. – *авт.*) воина (начертан. – *авт.*) девиз «С нами Бог» и нерукотворный образ Спасителя, держимый двумя вооруженными Архангелами, один поражает копием в гортань пресмыкающегося черного змия, другой, наступая на хвост оного, опускает на него пламенный меч» (ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 18. Л. 61). На второй части щита был изображен «Святый Дух, осе-

няющий Росскую державу и скипетр, девиз: «Разумейте, языцы»... таковой же (был нарисован на третьей части щита. – *авт.*) на оном в сияющем треугольнике весы и меч, надпись «И покоряйтесь» (ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 18. Л. 61). Автор рисунка выражал надежду на то, что его труд также пойдет на пользу Отечеству, «служащую к поощрению каждого христолюбивого воина против злобного врага, и к защищению от меча и копия его» и просил свой «образ» «представить куда следует». Из текста документа не вполне ясно, символом чего хотел сделать художник свое творение, поскольку ополчения разных губерний империи имели свои знамена, но не имели (и не могли иметь) гербов; мы также не знаем, был ли представлен «куда следует» описанный эскиз (скорее всего, да, но без значимых последствий), оставшийся в исторической памяти лишь как интересный образец местного геральдико-вексиллологического творчества «на злобу дня»; боевое же знамя нижегородского ополчения носило иной художественно-тематический характер.

К.С. Худин

м.н.с. ИВИ РАН, вед.сопр. РГАДА

Палеографические и сфрагистические особенности переписки русского резидента Джона (Ивана) Гебдона с Приказом Тайных дел (1658–1663)

Настоящее исследование является продолжением начатой в 2018 г. работы по изучению переписки между Москвой и ее представителем в Европе Джоном Гебдоном. Полный текст будет опубликован в виде журнальной статьи (*Худин К.С. Палеографические и сфрагистические особенности переписки русского «комиссариуса и резидента» Ивана (Джона) Гебдона с Русскими Приказами (1658–1663 гг.)* // Отечественные архивы. 2019. № 2). Отправной точкой стало обнаружение его «отписки» (донесения в приказное учреждение на имя царя) в фонде Аптекарского приказа (*Худин К.С. Английское торговое клеймо на аптекарских запасах из Лондона (1662 г.)* // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXXI Межд. науч. конф. Москва, 12–14 апр. 2018 г. М., 2018. С. 365–366).

Джон Гебдон (1612–1670) (в русских документах он фигурирует под именем Иван) – англичанин, с ранней юности довольно длительное время живший в России и владевший русским языком. Судя по всему, впервые он попал в Россию в 1626 г. (*Sir John Hebdon Kt (1612–1670) his history and family / John Reid Hebden. 2003. P. 5*); 1640-м годом датируется его запись на Букваре Бурцева (*Thomas Chr. Two East Slavonic primers: Lvov, 1574 and Moscow, 1637* //

The British Library Journal. Vol. 10. No. 1 (Spring). 1984. P. 41–42). Весной 1658 г. Гебдон был отправлен в Европу в статусе «резидента», чтобы представлять там политические и торговые интересы России. Помимо информирования Москвы о ситуации за рубежом, в круг его обязанностей входили найм военных и иных специалистов (врачей, мастеров и пр.), закупки важных для царя товаров: оружия, сукна для армии, медикаментов и др. Основная часть переписки отложилась в составе архива Приказа Тайных дел (РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 118. Ч. 1–8). В данной работе будет рассмотрен лишь корпус отписок на русском языке; царские грамоты, представленные в виде отпусков, привлекаться не будут. Всего за период 1658–1663 гг. сохранилось 60 подлинных отписок, восемь из которых фрагментированы. Также сохранились четыре списка (копии) с отписок Гебдона, сделанные уже в Москве.

Поскольку Гебдон за этот период несколько раз возвращался в Россию, можно разделить его службу на три этапа:

- 1) 9 апреля 1658 г. – 18 января 1659 г.
- 2) Февраль 1659 г. – октябрь 1660 г.
- 3) 2 ноября 1660 г. – 20 февраля 1663 г.

Поскольку мы рассматриваем подлинники, они подразумевают наличие печатей. Мы можем разделить все обнаруженные нами отписки на пять групп (от англ. seal – печать: S1, S2, S3 (большая и малая), S4), имеющие следующую хронологию.

- S1: 30 апреля 1658 г. – 18 января 1659 г.;
- S2: 1 октября 1659 г., 13 августа и 30 августа 1660 г.;
- S3 (малая): 2 ноября 1660 г. – 20 февраля 1663 г.;
- S3 (большая): 14 июня 1661 г. – 27 февраля 1662 г.
- S4: 26 декабря 1660 г.

Период бытования каждой печати *отчасти* совпадает с выделенными нами этапами. На разных этапах сохранность печатей разная: на первом этапе утрачен 31% печатей; на втором – 69%, на третьем – лишь 26%.

Поскольку мы рассматриваем комплекс документов, то на основе их внутренних связей можно произвести реконструкцию. Так, например, даже для тех документов, где печати утрачены, можно реконструировать вид печати.

Анализируя формуляр отписки, почти всегда можно установить: 1) когда и 2) где она была написана, 3) когда и 4) с кем была доставлена в Москву. Таким образом, используя разные сочетания элементов, можно установить отсутствующий элемент. Стоит оговориться, что не все отписки датированы точно, иногда можно установить дату, не ранее или не позднее которой был создан документ. Кроме того, по не вполне понятной пока причине Гебдон

точно указывал место отправления, только находясь в Амстердаме или Лондоне. Место отправки отписок из Архангельска, Смоленска, Ярославля и других русских городов удалось установить по другим признакам. Дата доставки в Москву на обороте проставлена всегда. Человек, доставивший документ – назовем его «посыльный» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 17. М., 1991. С. 274), – за редким исключением также всегда указан.

Поскольку отписки, созданные в течение некоторого периода времени, обычно доставлялись сразу по несколько штук одним и тем же человеком, можно предположить, что печати на них будут одинаковыми.

Тем не менее, пользоваться этим методом следует с некоторой осторожностью, так как минимум одно исключение удалось обнаружить. Из шести отписок, доставленных в Приказ Тайных дел неизвестным лицом 25 февраля 1661 г.: две имеют гербовую печать (S3), а одна – уникальную S4, встретившуюся в отписках только однократно (и один раз в частном письме); на трех же отписках печати утрачены. Почерк, который мы видим в этих шести отписках, – одинаков.

Почерки, наличествующие во всем корпусе отписок, можно довольно четко расположить на хронологической шкале. Почерки, которыми написаны списки, мы не рассматриваем – эти списки созданы в приказах в Москве. Нас интересуют те люди, которые составляли отписки на русском языке, находясь в Амстердаме и Лондоне.

Можно выделить пять почерков (П), которыми написаны подлинные отписки (расположим их в порядке первого появления):

П1: не позднее 9 апреля 1658 г. – 30 декабря 1661 г.

П2: 28 июня 1658 г. – 1 июня 1659 г.

П3: не позднее 1 июня – 1 сентября 1659 г.

П4: 21 марта 1660 г. – 20 февраля 1663 г.

П5: не ранее сентября 1660 г. – 26 декабря 1660 г.

Обратим внимание, что, в отличие от печатей, которые сменяют друг друга, почерки хронологически накладываются.

П1 и П4 имеют наибольшую продолжительность: 3 года 9 месяцев и почти 3 года соответственно. П2 *всегда* имеет приписки и правку П1. П3 встречается только в трех документах. П5 имеет узкую хронологию в несколько месяцев.

Обратим особое внимание, что П1 – единственный встречается в приписках, правке текста и адресе. Кроме того, этим почерком написаны частные письма Гебдона, например, к Ордыну-Нащокину (РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 118. Ч. 3. Л. 17–18). Историк, опубликовавший это письмо, считал, что оно написано почерком самого

Геддона (*Гурлянд И.Я.* Иван Геддон: комиссариус и резидент. Ярославль, 1903. С. 60–62). Добавим, что, на наш взгляд, этот почерк схож с почерком записи 1640 г. в Букваре Бурцева (см. выше), которая была неизвестна Гурлянду.

Этот осторожный вывод еще нуждается в дополнительных доказательствах, так как перед нами уникальный случай, когда иностранец пишет по-русски таким поставленным, канцелярский почерком.

*Д.О. Цыпкин, к.и.н., доц.,
зав. кафедрой ИИ СПбГУ*

К вопросу о регистрах древнерусского письма

Доклад продолжает тему анализа материала древнерусских каллиграфических пособий, к которой автору уже не раз приходилось обращаться. Эти пособия – важнейший источник для изучения состава и структуры древнерусского письма. Одними из наиболее интересных памятников такого рода являются «Азбука фряская» 1604 г. (СПБ ИИ РАН. Ф. 115. № 160) и Сборник учебных материалов князя С.В. Ромодановского 1678 г. (РНБ. Ф. XIII. 5).

Каллиграфические пособия содержат примеры письменной графики, исполненной разными способами, но нас будет интересовать исключительно письмо. Под *письмом*, применительно к обученному пишущему, понимается выполнение письменных знаков с помощью специально сформированной для этого системы движений, а не все формы рукописного исполнения букв (например, с помощью рисования, когда используются «неписьменные» движения). Такое определение близко к подходу, недавно представленному художниками-каллиграфами, изучающими древнерусские техники письма (*Мацуев О.В., Скопина М.А.* О двух техниках древнерусской каллиграфии // Археографски прилози. Књ. 39. Београд, 2017. С. 59–60).

В случае древнерусских писцов-профессионалов и просто хорошо обученных пишущих важным свойством индивидуального письма является его *многоманерность* (о категории *манеры* см.: *Цыпкин Д.О.* Понятие почерка в изучении русского исторического письма: К проблеме разработки методологии почерковедческого анализа древнерусских рукописей // ТОДРЛ. Т. 64. СПб., 2016. С. 853–860). Так, выработку нескольких манер уже на уровне обучения письму демонстрируют материалы Сборника Ромодановского. Необходимость знакомства учащихся с «книжным письмом», «скорописью» и «метным письмом» декларирует и такой памятник, как «Написание буковницы, рекше азбуки, четыредесятих пяти буквъ», помещенный на Л. 64–65 об. Грамматики второй четверти

XVII в. РГБ. Тихонравов № 339 (опубликован: *Ягич И.В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб., 1896. С. 688–689).

Когда возможно наблюдение системы индивидуального письма профессионала в целом, как в случае Ф.С. Басова в «Азбуке фряской», мы видим не просто два типа профессионального письма: *книжное письмо* («кустав») и *скоропись*. Ситуация оказывается гораздо сложнее. Так, *книжное письмо* представлено Басовым в трех основных формах, которые мы определяем как *литургическое*, «*ординарное*» и «*беглое*» письмо. При этом *ординарное письмо* представлено в трех форматных вариантах: *более крупный*, *средний* и *малый* (Цыпкин Д.О. «Азбука фряская» 1604 года как источник по истории искусства письма Древней Руси // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сборник научных статей. Вып. 6. СПб., 2016. С. 805–807, 912). Разнообразие форм *скорописи* в свою очередь можно видеть в многочисленных демонстрационных примерах, созданных С.Ф. Кирияковым для С.В. Ромодановского и вошедших в его Сборник.

Эту ситуацию нельзя объяснить только эстетической «игрой» или демонстрацией умелости каллиграфа (для Азбуки 1604 г. такие интерпретации противоречат функции памятника как каллиграфического подлинника). Указанные примеры отражают саму организацию древнерусского письма, которую можно определить как *регистровую* (здесь возможна некоторая аналогия с регистрами языка, о которых см., например: *Живов В.М.* История языка русской письменности. Т. I. М., 2017. С. 26–50).

Регистры (графико-функциональные регистры) письма – это проявления зависимостей между графической спецификой письма и функцией написанного им, характерных для древнерусской письменной культуры. Хотя они и « типовые », но здесь нет какой-то общей нормы, следования единым правилам: одни и те же регистры не являются соблюдаемыми всеми и всегда, даже среди профессиональных древнерусских пишущих. Регистры динамичны и часто « размыты ». Например, для одних писцов существует « *колофонный* » регистр (регистр писцовых записей в кодексах), а другие его не выделяют. То же самое и с *подписным регистром* – у одних существует специальный вариант письма для выполнения удостоверительного текста, а у других его не наблюдается. Выделение того или иного регистра – это есть отображение в графике письма понимания (или только ощущения) пишущим функциональной специфики исполняемого текста или самой рукописи, конечно, при соответствующем владении письменной техникой.

Пространство древнерусского письма в целом имеет *регистра-
вый принцип организации* (состоит из различных графико-
функциональных регистров). На уровне индивидуального письма
регистрам соответствуют *манеры письма*, которые зачастую мож-
но определить как *регистры индивидуального письма*. Регистровый
принцип организации письма объясняет природу установки на мно-
гоманерность у древнерусских пишущих (показательным примером
которой являются материалы Сборника Ромодановского).

Очевидно, для обеспечения разных регистров письма служат и
примеры алфавитов *книжного письма*, приведенные Ф. Басовым в
«Азбуке фряской» 1604 г. (Л. 94, 95, 95 об.). Можно сказать, что в
них Басов представил *регистравые формы книжного письма*. В
этой связи необходимо учитывать то, что у древнерусского пишу-
щего в раннем Новом времени существовали представления о тех-
нико-графическом разделении письма на две основные группы, ко-
торые можно считать соответствующими современному понятию
тип письма. Это *книжное письмо* и *скоропись*. В свою очередь,
графико-функциональные регистры письма формируют *стили*
письма внутри его *типа*, то есть являются важной детерминантой
стилевого разнообразия письма того или иного периода. При этом
сами *типы* (*книжное* и *скорописное письмо*), в зависимости от
уровня письменной подготовки конкретного пишущего, представ-
ляют собой в его письме либо два класса регистров (каждый из ко-
торых объединяет несколько регистров), либо просто два регистра
(когда в индивидуальном письме каждому *типу* соответствует
лишь одна *манера*). Что касается *обычного письма* («метное пись-
мо» и т. п.), то оно также составляло самостоятельный регистр
древнерусского письма.

*Н.В. Чекунина, отв. хранитель, зав. сектором
Тверской государственной объединенный музей*

Медали с изображением «всевидающего ока» в композициях личных печатей российского дворянства

Уже в XVIII в., когда гербовая печать в России стала неотъем-
лемой принадлежностью дворянина, в личные сфрагистические
композиции вводились награды владельца, помещаясь за или под
гербовым щитом. Эта практика развивалась вместе с наградной
системой: в XVIII – XIX вв. число наград неуклонно росло.

Малая площадь матрицы печати предполагает значительную ус-
ловность изображений на ней: награды передавались упрощенно и
часто не поддаются точному определению без обращения к био-
графии кавалера (*Наумов О.Н.* О структуре взаимосвязей геральди-

ки и фалеристики // *Наумов О.Н.* Очерки по русской геральдике. М, 2014. С. 11). Если же информация о владельце предмета спорна, вариативность в их прочтении становится почвой для попыток выдать желаемое за действительное в геральдической экспертизе. Поэтому изучение особенностей изображения фалеристического материала здесь особенно актуально.

В XIX в. в России появились высоко ценившиеся наградные медали, вводившиеся в личные сфрагистические композиции наряду с орденами. Истолковать их изображения сейчас бывает непросто: неизменно круглые, на ленте неопределенного цвета, медали несут на себе, как правило, только один символ из имевшихся на оригинале. Так в XIX – начале XX вв. в России появилось сразу несколько медалей, центральным элементом оформления которых было «всевидящее око» в сиянии.

1. Серебряная медаль на Андреевской ленте «В память Отечественной войны 1812 г.». Л.с. Изображение лучезарного всевидящего ока, ниже надпись: «1812 годъ». О.с. Надпись: «Не нам,/ не намъ,/ а имени/ твоему». Учреждена 5 февраля 1813 г. для награждения всех воинских и медицинских чинов, а также – священников, участвовавших в боях до 1 января 1813 г.

2. Бронзовая медаль на Владимирской ленте для отцов или старейшин дворянских семейств, «имеющих отличные и важные заслуги» в период «борения с Наполеоном». Учреждена 30 августа 1814 г. Чеканилась штемпелями для № 1 (*Петерс Д.И.* Наградные медали Российской империи XIX–XX вв. Каталог. М, 1996. С. 77–78. № 59).

Важно, что в 1912 г. было разрешено ношение этих медалей дворянам – старшим в роде по мужской линии прямым потомкам тех, кто получил такие медали.

3. Медаль на Александровско-Георгиевской ленте «В память русско-японской войны 1904–1905 гг.»: серебряная – для защитников Порт-Артура; светло-бронзовая – для всех бывших в сражениях, темно-бронзовая – для бывших в районе военных действий. Л.с. В центре «всевидящее око» в сиянии, ниже надпись: «1904–1905». О.с. Надпись: «Да/ вознесетъ/ васъ Господь/ въ свое/ время». Учреждена 21 января 1906 г. (Там же. С. 262–263. № 204).

4. К этим наградам, видимо, следует отнести и серебряную медаль на Георгиевско-Владимирской ленте «За персидскую войну», учрежденную 15 марта 1828 г. для награждения всех военных чинов-участников русско-персидской войны 1826–1828 гг. Л.с. Внутри двух связанных лавровых ветвей даты: «1826, 1827/ 1828», вверху в лучах «всевидящее око». О.с. Надпись: «За/ персидскую/ войну». (Там же. С. 115. № 90). «Око» не является основным символом

в оформлении этой медали, но для ее уменьшенного изображения на матрице печати из-за простоты воспроизведения его, возможно, могли предпочитать другим элементам.

На личных печатях встречаются практически идентичные изображения медалей со «всевидающим оком»: в центре медального кружка помещен треугольник с точкой в середине, иногда с расходящимися от него лучами. В одной композиции таких медалей бывает и несколько. Как же их соотнести с конкретной наградой?

В Тверском музее хранится печать с гербом баронов Штакельберг (*Klingspor C.-A. Baltishes Wappenbuch. Stockholm, 1882*) без информации о происхождении (Тв.М КП 27317). На ее матрице под гербовым щитом на лентах: 3 орденских креста в центре (два одинаковы, а центральный имеет мечи (лучи?) и увенчан короной) и 2 медали с изображением «всевидающего ока» по краям. Стальная матрица печати крепилась к рукояти (утрачена) вращающейся дужкой. В изображении герба лишь форма намета может указывать на его изготовление в первой половине XIX в.

Среди возможных хозяев предмета назывался барон Георгий Карлович Штакельберг (1851–1913). При этом награды на печати были прочтены как: шведский орден св. Серафима, два ордена св. Георгия младших степеней, медаль «В память Отечественной войны 1812 г.» и «В память русско-японской войны 1904–1905 гг.». (*Яровая Е.А. Геральдические печати российского дворянства из фондов ТГОМ // Семинар «Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина». 7 апреля 2010 г. СПб., 2010. С. 10–11*). Таким образом, печать могла появиться не ранее 1912 г.

Но к началу XX в. традиция изображения наград на личных печатях практически изжила себя, видимо, из-за их возросшего количества и относительной доступности широким слоям населения. Иногда встречаются изображения лишь самых значимых из них.

В связи с этим, на наш взгляд, на дворянских печатях с изображением медалей со «всевидающим оком» практически возможны: три варианта прочтения этой награды, если таковая в композиции одна (№№ 1, 2 или 4); 3 варианта – если их две (№№ 1–2, 1–4 или 2–4) и 1 вариант – с 3-мя медалями (№№ 1, 2, 4). Все эти печати должны были принадлежать современникам Отечественной войны 1812 г. и (или) русско-персидской войны 1826–1828 гг. и появились не ранее 1814–1815 гг. и не позднее конца XIX в., когда их владельцы еще могли быть живы. Изображений медали № 3 и медалей №№ 1, 2 на печатях потомков награжденных искать не следует.

Медали на печати из Тверского музея могут интерпретироваться как №№ 1–2, 1–4 или 2–4. Орденские знаки также были неверно интерпретированы. Прочтение орденов (возможно, иностранных) в

данном случае затруднительно и из-за схожести их изображений, и учитывая многочисленность рода баронов Штакельберг, многие из которых в XIX в. сделали военную карьеру в России. Имя владельца этого предмета может открыть лишь детальное генеалогическое исследование.

*М.С. Черкасова, д.и.н., проф.
Вологодский ГУ*

Унские акты конца XVI – XVII веков

Предлагаемые тезисы продолжают публикацию в материалах прошлогодней конференции (*Черкасова М.С.* Унские акты XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2018. С. 374–377). Там речь шла о частных актах по солепромышленному посаду Уна в нижнем Подвинье за 1532–1575 гг., до появления здесь владений вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. С этого момента большинство актов предшествовавших десятилетий перешло к нему в связи с приобретением указанных там дворов, дворищ, мелких земельных и сенокосных угодий, долей соляных варниц.

Дадим обзор и отметим особенности унских актов 1575–1663 гг., отразивших экономическую деятельность прилуцких старцев Унского усолья. За данный период выявлено 38 номеров, сохранившихся в оригиналах (РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии Экономии (далее – ГКЭ) по Вологде. Д. 2606–2609, 2611, 2612, 2615, 2624–2626, 2629, 2630, 2640, 2659, 2738, 2739, 2746, 2747, 2752, 2757, 2767, 2773, 2774, 2828, 2834, 3035; по Двине. Д. 4355. Опубл.: Сборник ГКЭ. Пгд., 1922. Т. 1. № 204, 208, 209, 213, 216, 217, 274, 329, 325, 327, 336, 354, 359, 396, 414, 477, 513, 520, 571, 579, 589, 590, 613; Л., 1929. Т. 2. № 23, 33; указано С. Шумаковым: Обзор ГКЭ. М., 2002. Вып. 5. С. 204–205, 209–217, 219, 224, 233, 236–237, 240, 245, и в ценнейшем издании *Антонов А.А.* Описание ГКЭ. М., 2016. Т. 1. А–И. С. 474–547, 763). Некоторые известны только по копиям XVIII в. (Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 1260. Оп. 2. Д. 22–24; Оп. 10. Д. 44). По видам: купчие – 20, закладные – 8, данные – 4, отступные – 2, платёжные отписи – 3, меновные – 1.

В заголовках монастырских копий примечательно определение, что это купчая / закладная / отступная варнишная / дворовая / подворная / поженная. Иногда вместо распространённого в центре термина «крепости / писмяные крепости» использовалось характерное для севернорусской деловой письменности определение «пути»: «Список с старого пути, что сверх тово пути, слово в слово»; «Кла-

сти мне пути старые старцом на очищение»; «А в складстве та осьмина у меня имярек с такими-то по долям и по путям». Не случайно самоназванием копийных книг некоторых северных монастырей было «путники». Есть и другие особенности в написании: наряду с братьями, братеники, закладной не срок, а строк. Любопытны фамилии – не Яковлевы, а Яковлевых, не Гоголевы, а Гоголевых (от вопроса: ты чьих будешь?). Заметно новгородское «цоканье»: «А в снимке и оцощенье тое доли варницы от купчих и закладных яз, имярек, своими денгами». Встречается распространённая в крестьянских порядных формула: «Кто с сей закладной в суде станет, тот по ней и истец». Уже не используется старинная формула «куда топор и плуг и коса ходила, а отвод по старым межам». При этом подсека своего значения не утратила: «А те пожни владения и чищения отца его». Новым элементом формуляра стало включение в унские акты обязательства «оброк в государеву казну платить с того промыслу им же, игумену с братьею»; «оброк государев платить с сябры по зчету».

В купчих повторяется формула «А денги есми взял все вруч без остатка. А продал есми вдерень без выкупа / без вывета». Сказывалось влияние вотчинного права: доли варниц передавались со всем, что к ним прилегло (в актах на землю – «потягло») по старым путям» (в актах на землю – «по старым межам»). Привнесённые из поземельных актов термины выть (= часть, доля) и «згодье / угодь» прилагались к разнообразному оборудованию варничного комплекса: «пол-осмины варницы своего повытья и в црене, и в дугах, и россоле, и в бадье, и в желобах, и в жеравце, и в кострищах бережных и горних, и во всяком варничном згодье»; вариант: «со всем варничным угодьем».

Характерна для севера формула принадлежности продаваемых варниц и их долей: «царя и великого князя вотчина, а моего владения». Иногда и к частным объектам прилагалось понятие вотчины: «деда моего вотчинной огород», «вотчинное место на колодези». В унских актах отражены выборные институты общинного самоуправления: Лудский сотский, судный целовальник, посадские сотские Нижней и Верхней половины Двинской земли, церковный староста, «данной целовальник Колмогорских посадов». Через институт сотских осуществлялся контроль посадской общины над переходом тяглых дворов в руки Прилуцкого монастыря. Целовальники давали отписи в уплате дани и оброков. В лице церковных старост община ведала имуществом и различными сделками приходских храмов.

В закладных употребляется тяготеющее к терминологии Русской Правды слово «деньги истые» («исто» как исходная денежная сумма долга).

Унские акты писались местными земскими или церковными дьячками. Чаше других фигурируют Федко Никитин и Ивашко Артемьев с. Куколкины. Нередко одни и те же лица выступали писцами в одних актах, послухами – в других, участниками совершаемых с монастырём сделок – в третьих (например, поп И.А. Куколкин со своими племянниками Иваном и Евдокимом Июдиными детьми Куколкина). В единственном случае писцом купчей указан прилуцкий служка. Помимо частных лиц, контрагентами сделок прилуцких старцев были двинские монастыри – Николо-Корельский и Спасо-Пертоминский. О широком составе контрагентов Прилуцкого монастыря свидетельствуют катойконимы, отражающие разные местности обширной Двинской земли – унянин, лудянин, курополец, холмогорец Глинского посаду, летоостровец, жилиец нового Холмогорского города, но встречается «вологжанин, а живу на Глинском посаде» и даже «ржевитин».

Следующим этапом изучения может стать исследование других уездных групп актов на промысловые владения Спасо-Прилуцкого монастыря – сольвычегодских и тотемских. При таком рассмотрении могут быть расширены сведения о региональных особенностях актовых источников на русском севере XVI–XVII вв.

*А.П. Черных, к.и.н., в.н.с.
ИБИ РАН*

Функция герба на французских весовых эталонах XIII–XV веков

Специфика средневековой системы мер и весов требовала большого количества весовых монетных эталонов. Судить о количестве сохранившихся памятников этого типа можно лишь приблизительно, но речь идёт о массовом геральдическом источнике: в 1957 г. только для Франции этих памятников насчитывалось 1600, в 1976 г. (а это ещё дометаллодетекторная эпоха) – уже 2000 (*Forien de Rochesnard J., Luga J. Album des poids de France. S. 1., 1976. P. 3.*)

Весовые эталоны (*poids monétaire, poids de ville*), известные с античных времён, особенно умножились в Средние века, которые были царством измерительного разнообразия. Обнаружен эталон 1238 г. (Тулуза), но известно, что они существовали и ранее, в XII в.

Системные единицы требовались для международной торговли – для взвешивания металлов, пряностей, лекарств и прочего. Насущной проблемой было сопряжение различных весовых систем. На практике все менялы должны были взвешивать монету, чтобы

узнать её вес и, соответственно, стоимость (*Bompaire M. Évaluer les monnaies a la fin du Moyen-Âge. Une information imparfaite et inégale // Revue européenne des sciences sociales. Т. XLV. N 137. 2007. P. 74*). Этим целям и служили монетные весовые эталоны, эталонные разновески.

Система весовых монетных эталонов касалась золотой и серебряной монеты. Право монетной чеканки и весь связанный с монетой и драгоценными металлами контроль принадлежали королю. Механизм эмиссии, качество и вес монеты были предметом регламентированной подготовки, включавшей создание образцов. После того как в 1262 г. королевская монета получила преимущественное хождение, появился смысл создавать общекоролевские эталоны. Изготовлением их ведали главные королевские монетчики (*Blanchet A., Dieudonné A. Manuel de numismatique française. Т. 2. Paris, 1916. P. 10, 13, 17*).

Главной характеристикой средневековых монет был не обозначенный номинал, а их металл и вес, для удостоверения которого и были предназначены монетные эталоны. Эталоны от 1 унции до 4 ливров делались преимущественно из бронзы и были восьмиугольными, квадратными, прямоугольными, круглыми. Они отличаются от печати наличием даты.

Весовые эталоны относились к определённой эмиссии и изготавливались в момент чеканки соответствующей монеты. Им придавался точный вес монеты, контролировать которую они были призваны, на них воспроизводилось изображение геральдических фигур с монет этой эмиссии, по которым она легко могла быть идентифицирована менялой. Таковы, например, эталоны XIV в. из замка Эссертин (Луара) (*Poisson J.-M. Chap. 9. Les trouvailles monétaires // Le Château d'Essertines – Loire. Lyon: Alpara, 1992. [Электр. ресурс]. URL.: [http:// books.openedition.org/alpara/1688](http://books.openedition.org/alpara/1688)*). Они не могли выявить содержание благородного металла в монете, а только подтвердить истинность декларируемого веса-стоимости. К ним подтягивалась система торговых гирь и разновесок.

Если учитывать только королевский герб, то цепочка «королевское право чеканки – монета – контрольный эталон», все с гербом короля, выстраивалась бы однозначно. Но весовые эталоны существовали и как городские, причём как достаточно распространённые, на что указывает их второе устойчивое наименование - *poids de ville*. Многие города Франции обладали собственными весовыми эталонами, нуждавшимися в подтверждении точности. На весовом монетном эталоне в 1 унцию города Лиму (Од) 1271-1285 гг. на аверсе изображён св. Мартин с плащом, на реверсе геральдическая лилия в сопровождении 4 звёзд; на эмиссии 1270 г. на одной стороне

– герб с тремя веретёнами, на другой - усеянный геральдическими лилиями. Гербам снабжены весовые монетные эталоны Бордо, Альби, Арля, Авиньона, Безье, Каркассона, Кастра, Родеза, Гайака и других городов (*Forien de Rochesnard J., Lugan J. Op. cit. P. 4-119*).

На городские эталоны как предметы локальной верификации наносился герб не отдельных корпораций или административных структур, а всего города, который тем самым всей своей общностью «отвечал» за точность эталона. Главной их характеристикой был точный вес, именно его и следовало удостоверить на максимально высоком уровне. В геральдическом отношении они стремились к использованию герба такого уровня, авторитет которого был бы достаточен для обеспечения сертификации. Именно множественность обозначаемых гербами эмитентов и представляет интерес с геральдической точки зрения.

Весовые эталоны придадут новые черты общей роли герба в эмблематической системе Средневековья и раннего Нового времени, в истории применения герба и его компонентов. Они, кстати, показывают, что средневековая визуализация не была безграничной – весовые эталоны, так же как печати и монеты, снабжались буквенной информацией.

Необходимость постоянной верификации монеты обуславливалась рядом специфических черт средневекового монетного обращения. Безупречность этой верификации достигалась помещением самого репрезентативного образа – герба королевства или города, по обстоятельствам. Гербом определялись и границы ответственности короля или города. Визуальная составляющая эталонов сходна с функционально близкими, т. е. высокой удостоверяющей точности, проявлениями – с печатями и с монетами, полновесность или «законность» которых также нуждалась в подтверждении. Вместе с печатями и монетами гербы на монетных весовых эталонах дают основания думать, что они являются сегментом таких общественных представлений Средневековья, которые при отсутствии кодифицированных регламентаций тем не менее создают впечатление правовых.

Главной функцией герба на французских весовых эталонах XIII-XV вв. была контрольно-сертификационная. Как и монета, но с более ограниченным пространством действия, монетный весовой эталон был предназначен для *общественного* использования. Несмотря на все конкретные случаи порчи конкретной монеты, власть своим гербом удостоверяла «добротность» монеты. И это не было обычаем одной сеньории или страны, это общий принцип.

**Еще раз о пропусках в «Реестре жалованным грамотам
греческим духовным и светским людям»:
грамота антиохийскому патриарху Макарию**

Работа выполнена по гранту РФФИ № 17-01-00381-ОГН

«Реестр жалованным грамотам греческим духовным и светским людям» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 3) был создан Н.Н. Бантыш-Каменским на основе отпусков и списков с жалованных грамот русских государей монастырям и отдельным лицам на православном Востоке. Он является важнейшим источником по истории отношений России и христианских народов Османской империи. Однако при изучении корпуса этих материалов выяснилось, что столь значимый для исследования перечень жалованных грамот содержит пропуски. Одной из причин возникновения лакун является физическое отсутствие отпуска или списка документа в архиве. В отдельных случаях такие пропуски появлялись вследствие того, что служащие Посольского приказа при составлении черновиков нескольких актов, готовившихся одновременно и совпадавших по содержанию, писали только один отпуск. Так произошло с царскими грамотами, данными спутникам антиохийского патриарха Макария (1647–1672), посетившего Россию в 1654–1656 гг. Вслед за отпуском жалованной грамоты монастырю Успения Богородицы «в горе Ливанской» следует запись о том, что «таковы ж государевы грамоты даны» в монастыри Рождества Богородицы Сайданайской (близ Дамаска) и св. мученика Георгия Умера, хотя описание их беловиков нам известно. Они были «писаны на александрейской на средней бумаге, кайма и государево именованье писано золотом по «московскаго», запечатаны Печатного приказу кормленою печатью на красном воску на снурках; снурки шолковые с золотом. Подпись подъячья назади у грамоты Ивана Патрикеева: Божию милостию великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1654 г. № 21 (ч. 3). Л. 83 и сл.). Сохранились сведения и о том, что жалованная грамота самого антиохийского предстоятеля имела золотую печать, однако эта грамота в Реестр не попала.

В 1726 г. антиохийский патриарх Сильвестр (1724–1766) писал к императрице Екатерине I (1725–1727) и государственному канцлеру Гавриле Ивановичу Головкину о внутрицерковных и материальных проблемах своей кафедры и сообщал, что жало-

ванная грамота, данная царем Алексеем Михайловичем Макарию Антиохийскому с правом приезда в Россию за милостыней, утрачена. Он просил, чтобы ее возобновили или вместо нее дали новую. Патриарх Сильвестр имел об этом акте самое общее представление: «которая (грамота. – *Н.Ч.*) учинена в 1660-м году или ближе» (АВПРИ. Ф. 52. Оп. 1. 1726 г. № 5). В итоге архивных разысканий, растянувшихся на несколько месяцев, было установлено, что «хотя по получении того указа (от императрицы. – *Н.Ч.*) отпуску той жалованной грамоты... в делах Старого архива довольно искано, однако ж еще по се число того отпуску и указу подлинного (о пожаловании грамоты. – *Н.Ч.*) не нашлось» (АВПРИ. Ф. 52. Оп. 1. 1726 г. № 5. Л. 23).

В 1731 г. в ответ на повторные просьбы Антиохийского патриархата о жалованной грамоте снова поступил ответ: «а помянутой жалованной грамоты, какова по указу великого государя оному антиохийскому патриарху Макарию дана во 160-м (так!) году, в архиве в столпах старых годов не сыскано» (АВПРИ. Ф. 52. Оп. 1. 1731 г. № 3. Л. 5). В итоге по указу уже императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) и решению Синода Антиохийскому патриаршему престолу выделили значительную сумму на милостыню, но жалованная грамота так и не была возобновлена.

Между тем, ее отпуск сохранился и в 1906 г., в связи с 250-летием пребывания Макария Антиохийского в России, был опубликован Н.В. Рождественским (Макарий, патриарх Антиохийский, в России в 1654–1656 гг.: Документы Посольского приказа. М., 1906). Причины, по которым отпуск грамоты не был обнаружен ни в 20-х – 30-х годах XVIII в. по запросу Коллегии иностранных дел, ни при составлении 3-й описи фонда 52 в 1799–1800 гг., и станет предметом нашего исследования.

*Т.В. Чумакова, д.фил.н., проф.
СПбГУ*

Периодическая печать как источник для изучения трактарианства в России

*Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-011-00241А
«От эрастизма к трактарианизму: Церковь Англии в конце XVIII – первой
половине XIX в.»*

Церковь Англии и, в первую очередь, такая ее ветвь, как Высокая Церковь, вызывала интерес в русском обществе, и этот интерес усилился в 40-х годах XIX столетия, когда в рамках Высокой Церкви возникло и стало активно развиваться т.н.

Оксфордское или Трактарианское движение. Оно возникло благодаря множеству причин. Это была и конституционная реформа, обусловившая смягчение государственной политики по отношению к протестантам-диссентерам и католикам в конце 20-х гг., и парламентская реформа, открывшая для католиков двери в парламент. Не менее важными были и религиозно-философские идеи, которые способствовали появлению Оксфордского движения и близких ему культурных направлений в других странах. Важнейшей проблемой для трактарианцев стала проблема понимания отношений Церкви и государства, статуса Церкви в государстве. Эта тема, никогда не исчезающая из религиозной жизни христиан различных конфессий, приобретает особое звучание в эпоху романтизма, когда под влиянием мистических произведений XVIII–XIX вв. возрастает роль представлений о «внутренней Церкви», и среди религиозно настроенных интеллектуалов крепнет убеждение в том, что Церковь не должна заниматься обслуживанием государственных нужд, что у нее иное назначение. Эту мысль хорошо выразил славянофил И.В. Киреевский, он писал о Церкви: «Вместе с тем определила она, с начала навсегда, твердые границы между собою и государством..., всегда оставаясь вне государства и его мирских отношений, высоко над ними, как недостижимый, светлый идеал, к которому они должны стремиться и который сам не смешивался с их земными пружинами» (*Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // *Киреевский И.В.* Духовные основы русской жизни. М., 2007. С. 200).

Не менее актуальными для московских славянофилов и для их последователей (неославянофилов), а также для части консервативно настроенных российских интеллектуалов и представителей Церкви были и другие идеи, которые пропагандировали участники этого движения: возрождение церковной жизни и усиление ее значимости в жизни общества, обращение к «древности» — богословскому и литургическому наследию древней христианской Церкви.

Начало 40-х гг. — вторая половина XIX в. стало временем расцвета российской периодической печати. Увеличивается количество официальных государственных периодических изданий — светских ведомостей («Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Оренбургские ведомости» и др.); к ним во второй половине столетия добавляются многочисленные епархиальные ведомости. На страницах этих изданий мы иногда сталкиваемся с упоминанием не только англиканства, но и отдельных представителей трактарианства, которыми являлись У. Пьюзи (часто русское написание Пузи) и У. Палмер (Пальмер), совер-

шивший две поездки в России, выучивший русский язык и долго надевавшийся на возможность объединения Церквей. Его интерес к русской Церкви был так глубок, что он стал автором первого серьезного британского исследования о патриархе Никоне.

В связи с увеличением числа высших учебных заведений росло число научных изданий, и это были издания не только университетов, такие как «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», но и некоторых лицеев. Например, такого важного для развития российской юридической науки учреждения, как Демидовский юридический лицей. На страницах его Вестника встречаются упоминания о церковно-государственных проблемах Великобритании. Это не удивительно, поскольку в университетах Российской империи с 30-х гг. XIX в. преподавалось церковное право, а позже возникли и специализированные кафедры.

В большом количестве выходившие в России «толстые» литературно-публицистические журналы практически не содержали материалов, посвященных Церкви Англии и трактарианцам. Сейчас достаточно сложно точно установить, в чем причины этого: в редакционной политике этих журналов (связанной с интересами редакции и / или учитывающей интересы читающей их публики) или в соображениях цензурного характера, ведь любая публикация религиозного характера могла быть удалена, не пройдя духовной цензуры. Исключение здесь составлял «Москвитянин», что не удивительно, поскольку этот журнал издавался М.Н. Погодиным и отражал отчасти интересы славянофилов. Гораздо чаще встречается упоминание об Оксфордском движении в периодических изданиях, связанных с религиозными кругами, и в изданиях духовных академий: «Духовная беседа», «Православное обозрение», «Христианское чтение», «Труды Киевской Духовной Академии», «Вера и Разум» и др.

Исследование периодической печати позволяет утверждать, что интерес к Трактарианскому движению в России XIX в. проявляли прежде всего представители консервативных и клерикальных кругов, которым могли быть близки идеи трактарианцев в области церковно-государственных отношений (в церковной среде в этот период также начинает ощущаться стремление к получению большей самостоятельности от государства), славянофилы, и в особенности А.С. Хомяков, а также светские власти, для которых контакты с представителями Трактарианского движения и участие в совместных с ними мероприятиях (в частности конгрессах, посвященных проблеме старокатоликов), было шансом несколько изме-

нить международную репутацию страны и даже повлиять на политическую ситуацию на Ближнем Востоке.

*Е.К. Шадунц, к.и.н., с.н.с.
Переславский гос. историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник*

Сведения по истории монастырей в документах Переславской Провинциальной Канцелярии из фондов ГКУ ЯО «ГАЯО»

Переславская провинция (включавшая Переславский и Ростовский уезды) – административная единица Московской губернии в 1719–1775 гг. Основной массив документов Переславской Провинциальной канцелярии в 1968 г. был передан из Государственного архива Ярославской области (далее – ГАЯО) в РГАДА (Ф. 437. Оп. 1, 2). В Ростовском филиале ГАЯО остались восемь дел 1746–1775 гг. в фонде Переславского городского магистрата (ГАЯО. Ф. 268. Оп. 2. Д. 1, 2, 3, 4, 9, 10, 11, 12).

Доношения и прошения разных лиц в оригинале и в книгах записи челобитных содержат материал к истории монастырей, который можно условно разделить на следующие группы сведений: 1) монастырское землевладение на территории Переславской провинции; 2) упоминание малоизвестных монастырей и пустыней; 3) топонимика; 4) характеристика населения монастырских слободок и крестьянства; 5) сведения о практике управления монастырскими вотчинами; 6) детали хозяйственной жизни и быта; 7) происшествия; 8) сведения личного характера.

Упомянуты владения 19 монастырей, а также пять пустыней (Вепрева (приписная к Троице-Данилову монастырю), Лукианова, Успения Пресвятой Богородицы на р. Кубри (приписная к Горицкому монастырю), Антониева при синодальном селе Покров и Введенская Островная пустынь) и две синодальные вотчины – Павловская и Романовская волости. Землями в Переславской провинции владели московские монастыри (кафедральный Чудов, Николаевский Угрешский, ставропигиальный Спаса Нового), Троице-Сергиева Лавра, Новоиерусалимский Воскресенский на Истре, ярославский Спасский, ростовский Спасо-Яковлевский, Успенский девичий в Александровой Слободе, Махрищевский, переславские монастыри (Кафедральный Горицкий, Никитский, Федоровский, Троицкий Данилов, Борисоглебский на Песках, Синодальный Борисоглебский на Горе, девичий Сретенский, Николаевский на болоте), Николаевский на Сольбе монастырь и Киржачский монастырь (приписной к Троице Сергиевой Лавре).

Монастырские владения, в которых возникали земельные конфликты, принадлежали к следующим станам Переславского уезда: Серебужскому, Борисоглебскому, Нильскому, Кистемскому, Новосельскому, Замыщскому, Верходубенскому, Никитскому, Киучерскому, Кодяеву, Михайловскому, Шуромскому, Конюцкому и Зубову, а также Печегоцкому Ростовского уезда.

В городе Переславле-Залесском, внутри крепости, в указанный период находились городовые осадные слободки следующих монастырей: переславских Никитского, Никольского что на болоте, Кафедрального Горицкого и Троицкого Данилова монастыря. Кроме известных подмонастырных слободок, упоминаются Силинская и Святотрацкая слободки Троице-Данилова монастыря, а также Подданиловская слободка Горицкого монастыря, что уточняет географическое расположение этих поселений. Жители монастырских городских слободок были грамотными писцами, чьими услугами при составлении челобитных пользовались разные лица. В документах прослеживается династия служителей Горицкого монастыря Плишкиных, один из которых стал автором первого исторического описания Переславля-Залесского.

В делах фонда упоминаются ежегодные уездные ярмарки в селе Ильинском, вотчине Федоровского монастыря, а также на посаде у Осиповой Пустыни «для торговли переславских купцов и многих вотчин крестьянства», сведения о которых отсутствуют у Л.И. Бакмейстера (1771) и Г.Ф. Миллера (1779).

Челобитные содержат сведения о материальном положении и быте как монастырей, так и крестьян. Конфликт между крестьянами Никитского монастыря и монастырским начальством в 1755 г. на почве излишних сборов вызвал поток челобитных от сотских и пятидесятских в Переславскую Провинциальную канцелярию. Жалобы содержат подробное описание натурального и денежного обложения с выти «старого окладу» и дополнительных требований по содержанию монастырских каменщиков и покупке продуктов, необходимых как в монастырском быту, так и для подношений служащим Духовной Консистории.

Строитель Борисоглебского на Горе монастыря Боголеп в 1748 г. жаловался на людей «незнамо какого звания», которые на монастырской пашне близ большой Ярославской дороги роют без позволения землю на делание кирпича. Впоследствии эта земля с месторождением глины вошла в городскую черту и была специально отведена под кирпичные сараи.

Нередкими были побегі жен и дочерей, при этом обманутые отцы и мужья в челобитных перечисляют принадлежавшие им кокошники, сарафаны, серьги и т. д. с оценкой каждой вещи. Оче-

видно, все женское приданое считалось собственностью главы семьи, а подробное описание позволяет предполагать наличие домашней фиксационной описи в семьях монастырских служителей и крестьян. Челобитные о кражах монастырского имущества содержат сведения, отсутствующие в монастырских описях. В 1748 г. преступники проломили свод ризничной палатки Троице-Данилова монастыря. Пропали «монет российских девятьсот рублей, ефимков осмнадцать, медаль российская золотая, золотых червонцев аравических девять, золотых червонных российских шесть, медаль маленькая серебряная оставшаяся от архимандрита Антония». Среди украденных в 1770 г. личных пожитков монаха Ростовского Яковлевского монастыря Рафаила были шесть империалов по 10 рублей, три золотых по пять рублей, колпак серебряный позолоченный большой руки и дорогие скатерть с салфетками.

Сведения о разбойных нападениях на дорогах Переславской провинции интересны тем, что преступниками были как монастырские крестьяне, так и священнослужители. Семья священника Переславской Златоустовской церкви Ивана Васильева прославилась нападением на проезжающие в Ярославль обозы с продуктами и скотом. Наиболее опасным в середине XVIII в. участком дороги из Троице-Сергиевой Лавры в Переславль был участок в районе деревни Сватково, где монастырские крестьяне регулярно совершали воровские набеги. Свидетелем одного из таких конфликтов в 1768 г. стал архитектурный ученик Иван Федоров Метлин. Датированное событие его поездки в Переславль позволяет уточнить данные об участии гезеля Метлина в проектировании перестройки Горницкого монастыря.

*М.Е. Шалак, к.и.н., доц.
ЮФУ*

К постановке проблемы идентификации «Ахматовых гор»

Изучая вопрос появления в степном Предкавказье Малой Ногайской Орды или Казыева улуса, необходимо обратить внимание на время и обстоятельства первого упоминания в источниках её основателя – мирзы Гази б. Урака. В русских источниках впервые о Гази мирзе говорится в письме окольничего Федора Нагого. Тот сообщал царю, что к нему, в Касимов, в понедельник 14 сентября 7060 (1551) г., приехали гонцы из Ногайской Орды, а с ними вместе бастановский (т. е. из селения Бастаново в Мещёре, на территории Касимовского ханства) татарин, «а взял его на поле сее весны Казы мирза Ураков на Ах-

матовых горах» (Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань, 2006. С. 68). Как следует из комментария составителей посольских книг по связям России с Ногайской Ордой, Ахматовы горы идентифицировать не удалось (Посольские книги. С. 227). Однако определить их местонахождение является актуальной задачей, поскольку позволит нам выяснить, как далеко распространялась зона действий казыевцев от исконной заволжской (левобережной) территории ногайских кочевий. Скорее всего, к весне 1551 г. Гази мирза уже обособился от Ногайской Орды, перебрался на крымскую (правую) сторону Волги и стал «казаковать на поле», собрав вокруг себя таких же казаков, порвавших связь со своими родовыми улусами, и ставших ядром Казыева улуса – самостоятельного политического образования, получившего в историографии название Малой Ногайской Орды.

Насколько нам удалось определить, топоним «Ахматовы горы» больше не встречается в известных нам русских средневековых источниках XVI в. Нет его и в Книге Большому Чертежу 1627 г. (Книга Большому Чертежу / Подг. к печати и ред. К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950). Возникает естественный вопрос – с именем какого Ахмата можно соотнести название этого географического объекта? Представляется, что таковым мог выступать только царь Большой Орды Ахмат (1459/1461–1481), навсегда запечатленный в историческом сознании современников и потомков благодаря своему походу на Москву 1480 г., который завершился свержением «монголо-татарского ига».

Необходимо обратиться к источникам и определить, какие географические объекты связаны с именем этого ордынского царя. Хан Ахмат, второй сын хана Кичи-Мухаммада, впервые упоминается в источниках под 1460 г. В этом году «безбожный царь Ахмут Большая орды приходил со всюю силою под Переяславль Рязанский», разорил его округу и «со срамом» отошел в поле. Как отмечают исследователи, по смерти отца хан Ахмат разделил власть в орде со своим старшим братом Махмудом, получив в управление Поволжье, возможно, с бывшей столицей Сараем, и все земли далее на восток (*Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010. С. 214). В 1472 г. Ахмат совершил ещё один набег на Русь, разграбив её юго-западные окраины и разорив город Алексин (ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 297–298). Спалив дотла город, Ахмат пошел к своему зимовищу, однако где оно располагалось, летописец не указывает.

Кульминацией в противостоянии Ахмата и Ивана III стало знаменитое стояние на реке Угре 1480 г. Интересно, что после не-

удачи под Москвой, летописцы единодушно говорят о том, что царь «бежаше в Орду», где вскоре и был убит тюменским ханом Ибаком, объединившимся с ногайскими мирзами Мусой и Ямгурчи (ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XXIII. С. 182; ПСРЛ. Пг., 1921. Т. XXIV. С. 201; ПСРЛ. Т. XXV. С. 328). Важно отметить, что в источниках говорится, что царь Ибак пришел именно в орду Ахмата и взял её. То есть он вторгся на территорию кочевой ставки хана. Но где она располагалась? Ответ на этот вопрос дает Архангелогородский летописец начала XVI в. Он сообщает, что после убийства Ахмата «шибаны (Шибаниды – сибирские чингизиды, потомки Шибана, младшего брата Бату. – *М.Ш.*) с нагаи начаша ахматову орду грабити меж Доном и Волгою, на Донцу на Малом, близ Азова. И стоял царь Ибак 5 дней на Ахматове орде и поиде прочь» (ПСРЛ. Л., 1982. Т. XXXVII. С. 95).

Малый Донец – это река Северский Донец, правый приток Дона. Указание на близость к Азову говорит нам о том, что ставка Ахмата располагалась в низовьях Северского Донца. Мало того, летописец конкретно указывает на то, что именно здесь располагались зимние кочевья Ахмата: «на зимовище прииде и ста зимовати располагаша» (ПСРЛ. Т. XXXVII. С. 95). Если мы посмотрим на физическую карту Юга Восточно-Европейской равнины, то увидим, что зимняя ставка Ахмата располагалась на Донецком кряже. В учебнике по геоморфологии читаем следующее: «На юге Русской равнины расположился Донецкий кряж. Он вытянулся с востока-юго-востока на запад-северо-запад на протяжении 300 км и служит водоразделом рек бассейна Северского Донца и рек, непосредственно впадающих в Азовское море. Наибольшие высоты Донецкого кряжа ... превышают 350 м ..., средняя же высота водоразделов колеблется в пределах 200–250 м» (*Карандеева М.В.* Геоморфология Европейской части СССР. М., 1957. С. 218). Таким образом, можно заключить, что место расположения ставки царя Ахмата, ставшее к тому же местом его гибели, получило название «Ахматовы горы». И именно здесь, в устье Северского Донца, весной 1551 г. Гази мирза мог полонить бастановского татарина. Позже в этом месте Гази будет договариваться о совместных действиях со своим союзником крымским ханом. В грамоте бия Исматла к Ивану IV от 18 ноября 1560 г. сказано, что «Девлет-киреи деи царь с Казы мирзою хотят зговоритись на устье Донца» (Посольские книги. С. 325). Но главный наш вывод состоит в том, что с большой степенью уверенности «Ахматовы горы» можно идентифицировать с Донецким кряжем.

**Новые данные о карьере Андрея Андреевича Виниуса:
1664–1674 гг.**

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00511

Личность переводчика Посольского приказа А.А. Виниуса многие годы привлекает внимание исследователей (Юркин И.Н. Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. Москва, 2007; *Boterbloem K. Moderniser of Russia: Andrei Vinus, 1641–1716. Basingstoke; New York, 2013*). Однако даже монографические исследования оставили ряд темных пятен в биографии этого незаурядного человека. Начатая в связи с проектом о переводчиках Посольского приказа обработка дел в РГАДА позволила выявить ряд неизвестных ранее фактов, освещающих ранние этапы его карьеры (см, например: Гуськов А.Г. Новые сведения к биографии А.А.Виниуса в 1693 г. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXXII Междун. науч. конфер. Москва, 11–12 апр. 2019 г. М., 2019, в печати).

Интересные данные обнаружили в связи с вопросом о времени его приема в дипломатическое ведомство. С одной стороны, удалось подтвердить выводы И.Н. Юркина о том, что Виниус начал работать в приказе в 1664 г. С другой стороны, оказалось, что назвать точную дату этого события невозможно, поскольку приказные документы указывают разные числа и даже месяцы. Встречаются даты 26 февраля, 27 февраля, 2 марта и 3 апреля 1664 г. (РГАДА Ф. 138. Оп. 1. 1663 г. Ед. хр. 1. Л. 64–70). Фактической следует считать последнюю дату (с этого времени ему начинают выплачивать поденный корм).

Встает вопрос о том, почему же прием на службу растянулся на столь долгое время? Точно ответить на него затруднительно. Дело осложняется тем, что параллельно в приказе рассматривалась челобитная переводчика Фторко (Второго) Левонтьева, холмогорца, которого еще в 1645 г. в Архангельске взяли на место откомандированного туда из Посольского приказа переводчика немецкого и голландского языка И. Англера (Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017. С. 97). Левонтьев жаловался, что ему с 169 (1660/1661) г. положили годовой оклад 20 руб., а дают «неведомо для чего» 15 руб. На его челобитной имеется резолюция от 3 марта 1664 г. и указ от 10 марта 1664 г. о выплате полного жалования (РГАДА Ф. 138. Оп. 1. 1663 г. Ед. хр. 1. Л. 59–60).

Рискну предположить, что задержка с приемом Виниуса в приказ объясняется тем, что приказное начальство решило развести хотя бы немного по времени решения о Виниусе и его архангельском коллеге, некстати напомнившем о себе, поскольку Виниуса брали на службу в качестве уникального специалиста высокой квалификации. Еще в государственном указе от 27 февраля было велено поверстать его как «немецких переводчиков большие статьи», а в указе от 2 марта 1664 г. «в пример» Виниусу были выписаны годовые оклады коллег и определено жалование – 300 четьей поместный оклад, 30 руб. годового жалования, две гривны на день поденного корма (Там же. Л. 64–69). Это было существенно выше, чем оклад Левонтьева.

В дальнейшем жалование Виниуса постоянно повышалось. Ровно через год, 2 апреля 1665 г. он подает челобитную о прибавке, которая гласила: «мне, холопу твоему прокормиться нечем, потому что у меня братишка и сестришка». По этому челобитию вновь производятся выписки «в пример» и с апреля 17 1665 г. денежный оклад увеличивается до 35 руб., а поденный корм до 7 алтын 4 деньги (РГАДА Ф. 138. Оп. 1. 1664 г. Ед. хр. 10. Л. 90–94).

В сентябре 1666 г. переводчик вновь бьет челом – на этот раз о выдаче ему хлебного жалования. В честь рождения «государя царевича и великого князя Иоанна Алексеевича» он вместо хлебного жалования получает новую прибавку 5 руб. к годовому окладу и 4 деньги к поденному корму (Там же. 1666 г. Ед. хр. 2. Л. 8–10). Однако и это повышение вновь не стало последним. В 175 (1666/1667) г. фактический годовой оклад составил прежние 40 руб., однако, когда сведения этого года копировались для новой выплаты, цифра 40 была зачеркнута и заменена на 50 (Там же. 1667 г. Ед. хр. 23. Л. 1–2; 1668 г. Ед. хр. 27. Л. 2). В 1669 г. годовой оклад составлял 50 руб., а поденный корм – уже 10 алтын. (Там же. 1669 г. Ед. хр. 8. Л. 2–3, 11–13).

В начале 1672 г. Виниус получает в свои руки прибыльное предприятие, деятельность которого связана с Посольским приказом – почту. Впрочем, от управления почтой приходится отказаться в конце того же года из-за отправки в посольство гонцом «к Французскому, Шпанскому и Аглинскому королям» (Там же. 1673 г. Ед. хр. 8. Л. 7). Однако с этой посылкой, затянувшейся до начала 1674 г., Виниус явно не прогадал. По ее итогам Виниуса из гостей пожаловали в дворяне по Московскому списку, поместный оклад увеличили до 400 четьей, годовой оклад до 82 руб., поденный корм до 13 алтын 2 денег (Там же. 1674 г. Ед. хр. 6. Л. 34–36, 42, 123).

Несмотря на то, что жалование Виниуса постоянно росло, он брал оплату в Посольском приказе вперед. К примеру, 13 сентября

1669 г. по челобитью Виниуса ему выдано вперед 20 руб. из его годового оклада в 50 руб. (Там же. 1669 г. Ед. хр. 8. Л. 11–13). Примерно годом ранее, 15 декабря 1668 г., из оклада в 50 руб. ему был выдана только половина – 25 руб. (Там же. Л. 45–46). Или переводчик ранее брал деньги вперед, или они шли на погашение каких-то долгов перед государством.

Приведенные данные подтверждают наблюдения И.Н. Юркина о том, что во второй половине 1660-х гг. у Виниуса имелись серьезные проблемы финансового характера, которые исследователь связывает с долгами, оставшимися после смерти отца. Однако эти проблемы в итоге успешно разрешились, Виниус стал богатым человеком. Очевидно, что этому способствовал постоянный рост доходов переводчика на государственной службе. Однако причины столь стремительной карьеры остаются тайной. Вряд ли для этого было достаточно лишь несомненных способностей самого Виниуса. Напрашивается мысль о том, что у молодого человека имелся влиятельный покровитель, имя которого исследователям еще предстоит выяснить. Возможно, что этим покровителем стал кто-то из кредиторов Виниусов, заинтересованный в увеличении доходов должника.

*М.М. Шахнович, д.фил.н., проф.
зав. кафедрой СПбГУ*

**Переписка В.Д. Бонч-Бруевича и Л.И. Емелях как источник
по истории Рукописного отдела (Научного архива)
Музея истории религии АН СССР**

*Работа подготовлена в рамках проекта РНФ № 16-18-10083 «Изучение
религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и
интеллектуальная история России XIX – первой половины XX вв.»*

В 1951 г. В.Д. Бонч-Бруевич стал инициатором создания Рукописного отдела (Архива) МИР АН СССР, который до сих пор собирает и хранит уникальные материалы по истории религии в России (Емелях Л.И. Старинные рукописные книги МИР АН СССР // ТОДРЛ. Т. 13. М.–Л., 1957. С. 556–661; Гендриков В.Б. Краткий путеводитель по фондам личного происхождения рукописного отдела МИРиА // Атеизм, религия, современность. Л., 1973. С. 212–223; Буланин Д.М. Каталог книг кирилловской печати XVI–XVII веков Музея истории религии и атеизма в Ленинграде // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1986. С. 17–37). Заведующей Рукописным отделом МИР была назначена Л.И. Емелях (1924–1992), выпускница исторического факультета Ленинградского

государственного университета, ученица известного историографа и архивиста профессора С.Н. Валка.

Опыт архивной работы, аккуратность, организованность способствовали тому, что Л.И. Емелях в короткий срок наладила работу Рукописного отдела МИР, получавшего в начале 1950-х гг. большое количество различных рукописных материалов. Переписка В.Д. Бонч-Бруевича и Л.И. Емелях представляет собой интересный источник не только по истории формирования коллекций Рукописного отдела МИР АН СССР, но проливает свет на интересные факты истории архивного дела в России и свидетельствует о тех принципах и методах ведения архивной работы, которые исповедовал В.Д. Бонч-Бруевич, и соблюдения которых требовал от своих сотрудников.

В письме от 8 августа 1951 г. Бонч-Бруевич указывает не только на необходимость составления инвентарных описей документов, но требует одновременного создания подробного карточного каталога, перечисляя в письме необходимые разделы и параграфы максимально исчерпывающего описания (Архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 1. № 289. Л. 1–8 об.). Он требует выявлять и немедленно начинать копирование дел по истории религии, хранящихся в других архивах для специализированного архива МИР, не считаясь с тем, что таких рукописей в различных архивах очень много. Он предлагает заказывать копии по комплектам: например, все дела архива Синода, связанные с Пугачевым; потом все дела «антицерковные», «все о духоборцах» и т. д. (Архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 1. № 289. Л. 14–16 об.).

В начале марта 1952 г. Бонч-Бруевич сообщает, что он хлопочет о передаче всех документов по истории религии, хранящихся в Архиве Академии наук в Ленинграде в Рукописный отдел МИР, требуя, прежде всего, «материалов научно-методического характера» и рукописи В.Г. Богораза. Однако Президиум АН СССР принимает другое решение. В середине марта 1952 г. Бонч-Бруевич сообщает своей сотруднице и корреспондентке о том, что Президиум АН СССР постановил передать архив Сектора Истории религии Института истории, возглавляемый им, из Москвы в Ленинград – в Рукописный отдел МИР. Бонч-Бруевич сокрушается по этому поводу, «так как это громаднейший материал, которой нужен был бы в Москве. Но в настоящее время я ничего иного сделать не могу, как только все эти около 48 ящиков отправить к Вам» (Архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 1. № 290. Л. 12–13 об.).

3 октября 1952 г. Бонч-Бруевич пишет письмо о начале передачи своего личного архива по религиозным движениям в Рукописный отдел Музея. В письме – подробные инструкции по составлению описей и каталогизации.

Письмо, помеченное 30 декабря 1952 г. – 2 января 1953 г. сообщает о том, что 28 декабря из Москвы в Ленинград двинулся вагон со 100 ящиками архива Центрального антирелигиозного музея, который после решения о закрытии этого музея в 1947 г. был «свернут в течение нескольких часов и вывезен в помещение архива Президиума Академии Наук, где все эти материалы не разбирались, и ящики ни разу не открывались» (Архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 1. № 291. Л. 41–42 об.). В этих ящиках находился архив Комитета по делам сектантов (около 3000 документов), который был утвержден СНК в 1918 г. и председателем которого был В.Г. Чертков. Кроме того, в этих ящиках – документы по истории баптизма в России, а также материалы «чрезвычайной ценности», перешедшие из Государственного Музея Л.Н. Толстого. Бонч-Бруевич пишет, что это «бесценные материалы», и требует после разбора начать их немедленно копировать и копии прислать ему в Москву. Он указывает, что важно сохранить уже имеющиеся в ящиках копии документов, «так как подлинники этих документов были захвачены у Черткова охранным отделением и там, вероятно, погибли» (Там же).

Ответные письма Л.И. Емелях рассказывают о том, как осуществляются поручения В.Д. Бонч-Бруевича, как идет работа по описанию полученных документов, сколько сотен карточек написано, какие документы по истории религии в России выявлены в других архивах, как осуществляется их копирование. Кроме того, приводятся некоторые любопытные факты из истории архивной работы в Ленинграде в начале 1950-х гг.: например, о регулярном семинаре по архивоведению, который ведет для сотрудников научно-исследовательских учреждений Академии Наук СССР Г.А. Князев, или о специальных заседаниях представителей ленинградских учреждений АН СССР под председательством академика Смирнова, посвященных архивной работе.

*М.А. Шибаев, к.и.н.
зав. сектором ОР РНБ*

О двух техниках разлиновки древнерусских пергаменных кодексов XV века

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ: 17-29-04157 офи_м

XV век стал во многом переломным в истории древнерусской книжности. Именно в этом столетии бумага начинает активно вытеснять пергамен как основной писчий материал. Тем не менее пергаменные рукописи продолжали изготавливать, поскольку пергамен в сравнении с бумагой являлся, несомненно, более проч-

ным и долговечным материалом. Не последнюю роль в применении пергамена играло и стремление к определенному традиционализму, архаизации, особенно характерное для периода архиепископства новгородского владыки Евфимия II. Исследование датированных пергаменных кодексов XV в. выявило очень интересную деталь, кажется, неизвестную в отечественной палеографической науке.

Сейчас уверенно можно говорить о двух принципиально разных техниках разлиновки пергаменных листов, применяемых книжниками в XV в. В целом можно отметить, что при формировании тетрадей древнерусские писцы либо вообще не обращали внимание на расположение мясной и волосяной сторон, либо раскладывали пергамен стопками волосяной стороной наружу тетради или внутрь. При этом ни одного случая строго последовательного расположения листов по всему кодексу по принципу мясная-мясная, волосяная-волосяная не зафиксировано. Исходя из этого можно сделать вывод, что так называемое правило Грегори практически не соблюдалось древнерусскими книжниками в XV в.

Первая техника линования, которую можно назвать традиционной, состояла в нанесении на пергамен разлиновочных борозд с помощью граненного шила или острого ножа. По краям листов часто сохранялись проколы или надрезы, по которым и происходило линование. Обычно линовались два листа, положенные один поверх другого. При этом первичный след, как правило, фиксируется на первом и последнем листе тетради, а второй и третий лист тетради отражали уже вторичную разлиновку. Для определения характера следа линования и проколов нами использовалась макросъемка цифровым фотоаппаратом и микроскопия, позволяющая получать изображения с увеличением 100–300 крат. Исследование снимков разлиновочных борозд, сделанных с большим увеличением, показало, что их характер соответствует типу проколов на полях, т. е. если на полях пергаменной рукописи наблюдаются вытянутые продолговатые разметочные проколы или даже надрезы, что свидетельствует о применении ножа, то и разлиновочная борозда наблюдается как узкая и глубокая. В случае применения шила (овальные или округлые проколы с несколькими гранями) борозда более широкая и плоская или округлая. При этом отметим, что следов использования специальных разметочных приспособлений (колесико с зубчиками) ни в одной рукописи не зафиксировано.

Однако совершенно иную картину мы видим в ряде пергаменных рукописей также XV в. Следы разлиновки читаются на каждом листе строго с одной стороны (с лицевой или оборотной). При этом полностью отсутствуют разметочные проколы или над-

резы. Наблюдается широкая разлиновочная борозда округлая или прямоугольная, в ряде мест исчезающая. В числе рукописей, разлинованных таким образом, находятся и знаменитые пергаменные минеи эпохи Евфимия II, комплект которых создавался в конце 30-х – начале 40-х гг. XV в. (*Шварц Е.М.* Новгородские рукописи XV века: кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. М.; Л., 1989. С. 19–23). При этом разлиновочная схема идентична для всех листов кодекса, включая даже случаи, когда наблюдается искривление горизонтальных или вертикальных линий. Это, несомненно, говорит о применении разлиновочного шаблона. По нашим наблюдениям, используемый для разлиновки шаблон оставлял размытые, нечеткие, неглубокие следы, возникающие не в результате царапания пергамена, а надавливания на него. При этом даже для комплекта евфимиевских миней было применено несколько разлиновочных схем (т. е. изготовлено несколько шаблонов).

В ходе осмотра рукописей под микроскопом в ряде случаев зафиксирована ребристая поверхность разлиновочного орудия, что может свидетельствовать о витой проволоке, использованной при изготовлении шаблона. Что мог представлять собой такой шаблон, пока не совсем ясно. Возможно он имел вид керамсы, которую применяли для разлиновки бумажных рукописей. Только вместо нитей использовалась металлическая проволока.

*С.Ю. Шокарев, к.и.н., доц.
РГГУ*

Опала князя Ивана Семеновича Куракина

Личность и биография князя Ивана Семеновича Куракина характерны для эпохи Смуты, когда трудно было отделить «прямые» от «кривых» (выражение И.Е. Забелина), и почти все представители российской аристократии и служилого сословия замешались в ту или иную «измену» или «смуту». Однако расплачиваться за это пришлось после Смуты далеко не всем, а самым активным и ярким. К их числу принадлежал князь И.С. Куракин – человек незаурядный, храбрый и талантливый, и оттого, вероятно, неудобный при первом Романове, когда ценили людей тихих, скромных и исполнительных.

Биография князя Ивана Семеновича стала предметом специальной работы В.Г. Ананьева (а ранее освещена в его диссертации о Семибоярщине) (*Ананьев В.Г.* Князь Иван Семенович Куракин: исторический силуэт // *Canadian-American Slavic Studies.*

Т. 48. Вып. 1–2; *Он же*. Семибоярщина (1610–1612 гг.). Состав и политическая судьба. Дисс. к.и.н. СПб., 2007). О князе И.С. Куракине есть статья в «Русском биографическом словаре», он упоминается в трудах С.Ф. Платонова, графа С.Д. Шереметева, Р.Г. Скрынникова, В.Н. Козлякова, А.П. Павлова, О.А. Курбатова и других историков, занимавшихся Смутой. Однако биография его не полна. В частности, ранее был неизвестен конец жизни князя.

Князь И.С. Куракин был Гедиминович, однородец князей Голицыных, внук боярина, казненного при Грозном и сын воеводы; по линии матери князь Иван приходился родичем князьям М.В. Скопину-Шуйскому и Д.М. Пожарскому.

Он начал службу в 1594 г. рындой и стольником и поначалу часто местничался с другими молодыми царедворцами. С появлением Лжедмитрия I князь И.С. Куракин был послан в Тулу «для осады», но в июне 1605 г. встречал самозванца как триумфатора. При царе Василии Шуйском Куракин стал боярином, одним из его верных сторонников и удачливых воевод.

«Его поприще в Смуту – боевое», – пишет граф С.Д. Шереметев о Куракине (*Шереметев С.Д.* Труды по истории Смутного времени. М., 2015. С. 322). Поздней осенью 1607 г. князь И.С. Куракин защитил от Лжедмитрия II Брянск и перекрыл ему дорогу на Москву. Однако весной 1608 г. царская рать, в которой князь И.С. Куракин был воеводой сторожевого полка, была разбита самозванцем у Болхова. Но вскоре к Куракину пришла удача – вместе с князем Б.М. Лыковым они разгромили полковника А. Лисовского на Медвежьем броде у Коломны (28 июня 1608 г.). Затем князь участвовал в обороне Москвы от Тушинского вора. Историки спорят по вопросу о том, входил ли Куракин в Семибоярщину. Но если и входил, то довольно скоро стал приверженцем короля Сигизмунда (*Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 293–296; *Ананьев В.Г.* Семибоярщина.... С. 115–131).

От Владислава и Сигизмунда князь получал пожалования землями и деньгами. Зимой 1611 г. он воевал против отрядов Первого ополчения, но потерпел неудачу. Своими деяниями при поляках Куракин оставил по себе дурную память. В местническом деле князя Ф.С. Куракина и А.Н. Трубецкого (1640 г.) от имени государя князю Федору было сказано: «Дядя твой князь Иван Куракин с польскими и литовскими людьми на разорение Московскому государству советник был...» (*Маркевич А.И.* О местничестве. Ч. 1. Киев, 1879. С. 473). Однако первые годы правления Михаила Федоровича прошли для Куракина спокойно. С 24 января 1615 г. по 25 мая 1620 г. он был воеводой в Тобольске.

Обычно эта служба рассматривается как ссылка, однако Тобольск был столицей Сибири и здесь открывались большие возможности. Князь строил остроги, посылал служилых людей против «немирных иноземцев», занимался местной дипломатией и проч. Возвращение в Москву, тоже поначалу не сулило ничего дурного.

Опала настигла князя И.С. Куракина в 1626–1627 гг. Боярин был сослан в Галич, а его «животы» отписали на государя. Приставами при нем были И.И. Баклановский, К.С. Сытин и Н.Т. Кудрин («Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов. Сборник документов / Сост. Е.Н. Горбатов. М., 2015. С. 132, 139, 209, 292, 378, 430). В Галиче у князя Куракина был двор, однако, маловероятно, что его там содержали, когда в городе существовала особая «опальная тюрьма», окруженная тыном. В ссылке князь и умер.

Что же стало причиной опалы?

Сибирские летописи сообщают, что в ноябре 1621 г. прибыл в Сибирь «сыщик» князь Ф.А. Елецкий, «а сыскивал про боярина князя Ивана Семеновича Куракина и про иных сибирских воевод» (ПСРЛ. Т. 36. С. 147). Видимо, во время «сыска» открылось нечто большее, чем обычное лихоимство и самоуправство.

В местническом деле князя Ф.С. Куракина с князем А.Н. Трубецким вина дяди-боярина раскрывается так: «А как польский король Жигимонт <...> присылал в Московское государство сына своего Владислава, а дядя твой князь Иван, забыв наше крестное целование и не помня нашего царского к себе жалования, слыша приход литовского королевича Владислава в наше Московское государство, тому радовался и ожидал над Московским государством всякого дурна» (*Маркевич А.И.* Указ. соч. С. 473, 474).

По-видимому, такой донос и привез князь Елецкий из Тобольска. Есть основания полагать, что донос этот не был ложным. Нечто похожее произошло с автором исторической повести о Смуте князем И.А. Хворостининым, поплатившемся ссылкой за западнические симпатии. Кстати, и сам князь Куракин был не чужд литературе – он написал сочинение «Чаша государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всея России», и, возможно, какие-то записки о Смутном времени (*Смолянинов В.* Примечания к статье «Чаша Государева» // *Старина и новизна.* Кн. 12. 1907. С. 312).

Князь И.С. Куракин скончался в 1632 г. Его тело перевезли в Троице-Сергиев монастырь, где и похоронили на родовом некрополе – «против западных дверей церкви Сошествия Св. Духа, у колокольности». 27 января 1633 г., по государеву указу боярин

Ф.И. Шереметев дал в Троице-Сергиев монастырь 366 рублей по душе князя Ивана Семеновича и его княгини Елены-Гликерьи. Так опальный боярин получил царское прощение.

*Э.В. Шульгина, к.и.н.
заведующая ОР ГИМ*

Чин поставления 1498 г. на великое княжество князя Дмитрия Ивановича, внука великого князя Ивана Васильевича III, по рукописи «Требник» из Синодального собрания № 675

Чин поставления, помещенный в «Требнике» конца XIV в., является древнейшим русским списком чинов венчания. Пергаменные листы с чином венчания были вставлены в пергаменный «Требник» между л. 142–154 (*Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. Отдел третий. М. 1869. С. 128–149). В отличие от «Требника», текст чина написан позднее, чем текст рукописи. По палеографическим данным почерк писца можно характеризовать как полууставное письмо конца XV – начала XVI в. Текст чина имеет киноварное оглавление «Чин поставления на великое княжество», написанное четкой вязью. После чина поставления на л. 151–151 об. помещена историческая запись о совершении священнодействия в 1498 г. Запись выполнена рукой того же писца и современна излагаемым событиям. Чин венчания на великое княжение дошел в «Сборнике» Софийской библиотеки XVI в. и в «Церковном уставе» (РНБ, XVII в.); также чин поставления входит в состав Никоновской летописи и Лицевого летописного свода – лицевой копии Никоновской летописи.

Списки чинов венчания подробно исследованы Е.В Барсовым (Исторический очерк чинов священного венчания на царство // ЧОИДР. Книга первая. М., 1883. С. 1–115) и В. Саввой (Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901. С. 110–157). В исторической науке высказывались разные точки зрения относительно порядка наследования княжеской власти на Руси. В домонгольский период наблюдались две тенденции: наследовать стол должен следующий по старшинству, и наследования стола после смерти отца; оба принципа существовали при несомненном первенстве принципа старшинства. В Московской Руси XV–XVI вв. наследование стола по прямой нисходящей линии от отца к сыну становится определяющим (*Гвозденко К., Горский А.* О порядке наследования княжеской власти в Древней Руси // Российская история. 2017. № 6. С. 14–23). На смену древнему обряду вступления на княжеский стол при Иване III появился обряд вели-

кокняжеского венчания, который с течением времени в более усложненном варианте перешел в царский обряд венчания.

Поставление на княжество князя Дмитрия Ивановича, внука московского великого князя Ивана III, произошло в 1498 г. в Успенском соборе Московского Кремля. Для этого события был написан специальный чин, который, как отмечают исследователи, восходит к византийским царским чинам венчания. Лицевой список этого чина находится в Шумиловском томе Лицевого летописного свода. Этот чин послужил основой создания чина венчания великих московских князей на царство.

Сравнивая чин поставления 1498 г. и чин венчания великого князя Ивана IV на Московское царство 1547 г., составленный митрополитом Макарием (Царственная книга. Син. № 149), мы наблюдаем, что Царский чин венчания Ивана IV близок чину поставления внука великого князя Ивана III – Дмитрия Ивановича на княжество, а во многих местах идентичен ему.

Двадцать две страницы текста вместе с миниатюрами повествуют об этом важном факте в истории России. Венчание проходит в Успенском соборе Московского Кремля. Венчает Ивана IV митрополит Макарий. В своде последовательно излагается весь чин царского венчания. Он отражен не только в тексте, но и в миниатюрах, что еще больше подчеркивает торжественность происходящего.

В отличие от более поздней пространной редакции, в Лицевом своде отсутствует очень важный для венчания обряд миропомазания. В пространной редакции Чина венчания есть отдельная глава «Чин и устав, еже како подобает помазати Царя, или Великого Князя великим миром – На венчании царского их венца на божественной литургии» (*Барсов Е.В.* Указ. соч. С. 86), но в Лицевом своде в молитве митрополита Макария, произнесенной им после возложения на Ивана IV Животворящего Креста, имеется следующая фраза: «...блоговерного раба своего великого князя Ивана Василиевича еже благоволишь еси воздвигнути царя во языке твоємъ его же стяжалъ еси ...кровию едиnorodнаго сына помазати сподоби елеомъ возрадования» (Царственная книга. Син. № 149. С. 287). Отсутствие обряда миропомазания в Лицевом своде не дает нам права сомневаться в проведении этого обряда над Иваном IV, иначе бы он не получил подтверждение на царский титул вселенских патриархов.

На наличие двух редакций указывает в своей работе и архимандрит Савва. При этом он отмечает, что только краткая редакция чина может быть признана тем обрядом венчания, который был совершен над царем Иваном IV. Из всего выше сказанного мы

можем предположить, что краткая редакция чина венчания Ивана IV, помещенная в Лицевом своде, была написана митрополитом Макарием в 1547 г. За основу Макарием был взят чин венчания внука великого князя Ивана III князя Дмитрия Ивановича.

Так в XVI в. был завершен один из интереснейших и сложных этапов в истории становления Российской государственности – был разработан и утвержден процесс интронизации великих московских князей на царство, который с небольшими изменениями просуществовал несколько столетий.

А.Д. Щеглов, д.и.н., в.н.с.
ИВИ РАН

Шведские средневековые законы: рукописи в российских собраниях

До того, как в Швеции было введено общее законоуложение (середина XIV в.), в стране действовали областные законы, записанные на древнешведском языке в XIII – первой половине XIV вв. В правление короля Магнуса Эрикссона (1319–1364) был создан общий свод законов – Ландслаг. В нем отсутствовали законы о Церкви, поэтому шведы и в дальнейшем руководствовались т. н. церковными разделами областных законов. Церковный раздел Уппландслага (закона области Уппланд) стал главным сводом норм, касающихся отношений мирян и духовенства. Списки Ландслага Магнуса Эрикссона в основном хранятся в Швеции и Дании. Тем интереснее, что две рукописи, содержащие Ландслаг и Церковный раздел Уппландслага, находятся в России. Шведский исследователь К.Ю. Шлютер использовал их, работая над изданием средневековых законов, но затем они были забыты.

Санкт-Петербургская рукопись хранится в РНБ и представляет собой бумажный кодекс *in quarto* в переплете из кожи и дерева. Большая часть текстов создана в XV в. и выполнена позднегоготическим полукурсивом. Эти тексты дополнены записями, выполненными в XVI в. неоготическим курсивом. В XIX в. рукопись приобрел российский дипломат и библиограф П.К. Сухтелен (1751–1836). После смерти Сухтелена рукопись перешла к Императорской публичной библиотеке. В 1990-е гг. она была вновь обнаружена филологом А.Ю. Желтухиным.

В издании шведских законов К.Ю. Шлютер описал Санкт-Петербургскую и Московскую рукописи. Описание Шлютера выполнено на высоком уровне, однако его уместно уточнить и дополнить. Так, Шлютер отметил, что два первых листа Петербургской рукописи содержат позднейшие заметки, но не указал, какие.

Речь идет о списке письма короля Густава Васы к жителям Швеции. Король сожалеет, что у собственников земли владения рассредоточены и предписывает их округлять.

Далее следует Ландслаг. В рукописи присутствует интересная тенденция: уделено особое внимание крестьянам-бондам и клирикам: подчеркнута роль народа при выборах короля; отмечено, что бонд имеет право стать дворянином; выделены положения, которые защищают бондов и клириков. Также примечательно, что петербургская рукопись включает в себя древние предписания относительно налогов, взимаемых в связи с морским ополчением – ледунгом. Текст Церковного раздела Упландслага в петербургской рукописи в свою очередь содержит особенности. Так, в списке, опубликованном Шлютером, сказано: «В Христа должны все христиане верить, что Он Бог»; в петербургском списке – «что Он истинный Бог» (han æt saner Gud). Шлютером не указаны некоторые тексты, дополняющие законы. К их числу относится копия постановлений государственного совета, содержащих различные запреты: например, не дозволяются поединки, убийцы и изменники не должны получать убежище в церквях.

В отношении московской рукописи Шлютер констатирует, что первые листы содержат различные заметки. В действительности это формуляры клятв: судебной присяги, клятвы верности рыцаря, присяги члена риксрода, клятвы собственника. Далее следуют Церковный раздел и Ландслаг. Шлютер отмечает: далее следуют перечень разночтений между древним и новым законоуложениями, трактат о тяжких преступлениях, указ о судебных санкциях на территории королевских и дворянских усадеб. Наблюдения Шлютера вновь нуждаются в дополнениях. Так, в рукописи содержится т. н. закон о пономарях, что не отмечено шведским исследователем.

Для исследования Ландслага в Санкт-Петербургской и Московской рукописях я выбрал т. н. Королевский раздел. Метод заключался в том, чтобы сравнить текст по обоим спискам с текстом манускрипта АМ 51, хранящимся в Копенгагене (т. н. «рукопись А»). Варианты, которые отличаются от рукописи А, я сопоставил с другими вариантами, приведенными в критическом аппарате Шлютера.

Согласно Шлютеру, варианты, присутствующие в Санкт-Петербургской рукописи, близки «рукописи R» – манускрипту В 7 (Стокгольм. Королевская библиотека, конец XIV в.). Моя работа подтвердила указанный вывод. Например, петербургский список отличается от А и близок R в части текста, где перечислены клятвы короля и подданных. Имена Св. Эрика и Св. Марии даны в

соответствии с правилами, принятыми в латинском языке: это также характерно для списка R.

В отношении московского списка Ландслага Шлютер констатирует, что он близок к т. н. списку G (Стокгольм. Королевская библиотека). Список G имеет много общих черт со списком H (Уппсальская университетская библиотека). Моя работа с рукописью привела к заключению, что московский список Ландслага имеет немало общего с G и с H. В некоторых случаях присутствуют соответствия с рукописью M (Государственный архив Швеции).

Если выводы Шлютера относительно списков Ландслага в московской и петербургской рукописях в основном справедливы, то наблюдения относительно Церковного раздела Упландслага нуждаются в поправках. Относительно списков Церковного раздела в петербургской рукописи Шлютер утверждает, что он часто совпадает со списком в т. н. кодексе P (г. Кальмар). Сведений относительно совпадений с другими рукописями Шлютер не приводит.

Можно констатировать, что совпадения с P незначительны, зато обращают на себя внимание соответствия с другими рукописями XIV–XV вв.: X, K, T и др. Для вариантов, когда текст совпадает с X и K, характерно систематическое употребление слова soknamæn («прихожане») вместо слова bōnder («бонды») и отсутствие вводного слова «Nu» (букв. «теперь»).

В отношении московского списка Церковного раздела наблюдения Шлютера нуждаются в уточнении. Шлютер указывает, что текст списка часто совпадает с текстом рукописей O и Q. Вместе с тем, мое исследование выявило множество совпадений с P и R, что не отмечено шведским ученым.

Таким образом, выводы Шлютера относительно петербургского и московского списков Ландслага точны, но замечания указанного исследователя относительно других текстов, содержащихся в рукописях, оставляют простор для полемики и находок. Это, в частности, касается списков Церковного раздела Упландслага.

*Л.И. Щеголева, к.ф.н., н.с.
ИБИ РАН*

Apophthegmata patrum в рукописи РГБ. Ф. 270 Ia. № 62: особенности языка и стиля

В 1862 г., сразу после открытия Московского Публичного и Румянцевского музеев, П.И. Севастьянов передал в библиотеку МПРМ 69 рукописных книг и 128 отрывков на греческом языке,

приобретенных им незадолго до этого на Афоне (Щеголева Л.И. 1) Греческие рукописи в фондах Российской государственной библиотеки. Часть 5: Собрание П.И. Севастьянова (ф. 270/1а) // Вестник церковной истории. 2016. № 3/4. С. 355–356; 2) К истории собирания греческих рукописей в России: Петр Иванович Севастьянов // Монфокон. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. 4. М., 2017. С. 263–264). Это второе по величине собрание греческих рукописей в московских хранилищах после собрания Синодальной библиотеки, привезенного с Востока в 1655 г. Арсением Сухановым (Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б. Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки: Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова). М., 1993. С. 167–178). Почти половина рукописных книг (31 рукопись) написана на пергамене в IX/X–XIV вв. Пергаменные манускрипты севастьяновского собрания (РГБ. Ф. 270 1а) представляют большую научную ценность для палеографических исследований, а также для текстологического изучения византийских книжных памятников и подготовки критических изданий.

Среди древнейших пергаменных рукописей Ф. 270 1а находится интереснейший сборник XI или начала XII в. (№ 62), содержащий *Aprophthegmata patrum* («Патерик»), «Изречения 12 отшельников», «Слова» Ефрема Сирина, анонимные «Вопросо-ответы» и другие аскетические сочинения, а также повести и жития. В сборнике 220 листов 213 x 161 мм, многие листы утрачены. Невысокое качество пергамена (многочисленные дырки естественного происхождения) и его грубая обработка говорят о провинциальном происхождении рукописи. В последней четверти XVII в. кодекс был реставрирован (восполнена одна из двух утраченных тетрадей, поля листов подклеены бумагой) и заново переплетен. На обороте нижней крышки переплета имеется недатированная запись о принадлежности рукописи церкви св. Григория Богослова: *εστὺ το πατερικὸν ἥναι τοῦ ἁγίου Γρηγορίου τοῦ θεολόγου...* и дата «16 (?) октября 1720 г.». Андреа Луцци, изучивший рукопись по фотокопии, сделал вывод, что она была создана в Македонии или в Эпире; дополнения XVII в., по мнению ученого, сделаны на Афоне (Luzzi A. Il Gerontikòn Vat. gr. 858 e la minuscola di «tipo Scilitze» // *Rivista di studi bizantini e neoellenici*. N.S. 46 (2009). 2010. P. 200, 199, n. 22. Благодарю коллегу М.А. Курышеву, любезно предоставившую мне статью А. Луцци в форме pdf).

Первые 120 листов рукописи занимает «Патерик» особой алфавитно-анонимной редакции – избранные рассказы о египетских подвижниках в алфавитном порядке имен от аввы Антония до аввы

Ора (Ωρ), извлеченные из «полной» алфавитной коллекции *Apothegmata patrum*. Эта неизданная редакция, существующая в рукописной традиции во множестве вариантов, до настоящего времени остается *terra incognita* для исследователей (*Guy J.-C. Recherches sur la tradition grecque des Apophthegmata Patrum. Bruxelles, 1962. P. 201–233; Luzzi A. Il Gerontikòn Vat. gr. 858 e la minuscola di «tipo Scilitze». P. 197–199*). На уровне «макρο-структуры» в рукописях варьируется количество и состав «больших» (алфавитных) разделов и количество и состав отдельных частей в каждом разделе; на уровне «микρο-структуры» – количество и порядок слов, лексика, грамматические формы, правописание. Список РГБ имеет отличительные особенности по каждому из этих параметров, но особенно интересным представляется его языковое и стилистическое своеобразие. Приведем несколько примеров.

1. В тексте встречаются единичные случаи написания –ου- вместо –ω-, например ἐπιφουσκοῦσης л. 7 об. (ср. PG 65, col. 97 ἐπιφωσκοῦσης). Такое написание отражает диалектное сужение |o| > |u| («северный вокализм»). Видимо, теми же причинами вызвано весьма частое написание –ω- на месте этимологического –ο-, перешедшего в современном языке в –ου-: ἀμαρτάνωμεν л. 1 (ср. совр. ἀμαρτάνουμε); βλέωμεν л. 1 об. (ср. совр. βλέουμε).

2. Употребляются позднегреческие и византийские формы глаголов, отражающие смешение разных типов спряжения: ἀπέλθατε л. 2 об. (ср. PG 65, col. 80 ἀπέλθετε); εὔραται (= εὔρατε) л. 3 (ср. PG 65, col. 81 εὔρετε).

3. Вместо дательного падежа нередко встречается родительный и винительный, что отражает утрату дательного падежа в разговорной речи: τί ὕμις ποιήσω л. 3 об. (ср. PG 65, col. 81 ὕμιν); διὰ τὸ μὴ εἶναι ὅμοιον αὐτῶν л. 4 об. (ср. PG 65, col. 84 αὐτοῖς); κατανυγέντες οὖν τῶν λόγων л. 4 об. (ср. PG 65, col. 85 τῶ λόγω).

4. Часто добавляются слова, создающие лишь стилистический эффект, но «излишние» для смысла: τὰς τρίχας τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ «волосы головы своей» (ср. PG 65, col. 80 τὰς τρίχας αὐτοῦ «волосы свои»); λέγει αὐτοῖς ὁ γέρων л. 3 «говорит им старец» (ср. PG 65, col. 81 λέγει ὁ γέρων «говорит старец»); καὶ ἦρξαντο ἐλέγχην (вм. ἐλέγχηιν) αὐτὸν καὶ λέγειν л. 4 об. «и начал обличать его и говорить» (ср. PG 65, col. 85 καὶ ἦρξαντο ἐλέγχηιν «и начал обличать»).

Многие из этих особенностей нам уже встречались в древнейшей редакции Жития Василия Нового по рукописи 1327/1328 г., созданной предположительно в Фессалонике или ее окрестностях (см.: Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе. По рукописи из собрания РГБ, собрание Е.Е. Егорова 162, с

параллельным греческим текстом по рукописи Athous Dionysiou 107. Т. 1. Исследования. Тексты / изд. подг. Т.В. Пентковская, Л.И. Щеголева, С.А. Иванов. М., 2018. С. 170–185). Они дают ценный материал для будущего критического издания *Aporphthegmata patrum*, а также для характеристики образованности и диалектной принадлежности писца и для истории бытования текстов в различных областях греческого мира в средневизантийскую эпоху.

В.Г. Щекотилов
к.т.н., член РГО

С.Н. Щекотилова, н.с.
ВА ВКО им. Г.К. Жукова

М.В. Шалаева
секр. Москов. районного
суда г. Твери

Методика формирования электронных карт по планам дач владений государственных крестьян на примере сел Новоуспенского и Хмелевицкого с 183 деревнями и починками

Адаптация для использования в информационных системах данных с многолистных крупномасштабных архивных картографических произведений (МКАКП) XIX в. востребована историками, географами, краеведами, но является нетривиальной задачей.

При формировании растровых и векторных электронных карт (ЭК) с использованием МКАКП одной из проблем является отсутствие полного комплекта изображений листов. Так для комплекта из нескольких десятков листов планов дач сел Новоуспенского и Хмелевицкого Ветлужского уезда Костромской губернии 1865 г. в Шахунском краеведческом музее сохранились копии только 4-х листов (N22, N34, N36, N55). В силу того, что данная территория динамично осваивалась и заселялась в первой половине XIX в., образовывались десятки населенных мест (НМ), поэтому информация с планов дач приобретает повышенную значимость.

Весь комплект 65 листов выявлен авторами в 2018 г. в РГИА (РГИА. Ф. 380. Оп. 12. Д. 155). Были приобретены изображения четырех листов – N44, N45, N54, N55. Для 185 НМ в архиве сняты данные о местоположении на листах планов. Апробирован вариант программного формирования растровых схем листов с нанесением положения НМ, последующей регистрации их в ГИС, оценке параметров сетки листов и формирования растровой ЭК по объединению имеющихся листов (*Щекотилов В.Г., Щекотилова С.Н., Шалаева М.В.* Комплекс баз данных по топографическим межевым картам XIX в. восьми губерний съемки А.И. Менде // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2016. № 5. С. 81–87). Реализован альтернативный вариант решения

оптимизационной задачи оценки параметров сетки квадратных листов (координаты угла, угол наклона, размер плана), учитывающий особенности исходных данных (есть относительные координаты НМ на 61 листе, изображения которых отсутствуют).

Характеристикой соответствия рассчитанной сетки контрольным НМ является среднее отклонение измеренного на плане положения НМ от современных координат, использована система координат (СК) Гаусса-Крюгера Пулково-42. Был рассмотрен вариант решения оптимизационной задачи оценки параметров сетки листов методом случайного поиска (метод Монте-Карло). Эффективным оказался следующий путь:

- размеры листа R фиксировались после аналитического расчета от площади листа – $R=4262.24$ м;

- производился поиск минимума функционала по трем параметрам – начальная точка сетки листов и угол наклона (получены следующие значения: $X_0=8547071.391$, $Y_0=6384085.341$, $\varphi=1.336^\circ$);

- после проверки поиска при фиксированных φ и R при значительном отклонении начального приближения X_0 и Y_0 , например, на 2000 м оптимальные значения находились за менее 20 улучшающих итераций.

Программа, решающая оптимизационную задачу, разработана в системе FreeMat на m скриптах, аналогичных системе MatLab. После оценки параметров сетки программно реализовано формирование текстовых *mif* файлов для трех векторных ЭК: сетки листов, множества контрольных точек (координаты с современной карты) и для населенных мест (2 села, 104 деревни и 79 починок).

Починок по местоположению можно разделить на 4 группы: на юго-западе – 24 починок; на севере в районе д. Михеево, д. Мохорино – 8; на востоке между д. Извал и д. Высоковка – 12; на юго-востоке – 29; на юге в районе д. Малиновка, д. Щекотилово – 6.

После создания сетки листов формирование растровых ЭК по имеющимся 7 листам (3-м по копиям и 4-м по оригиналам) выполнялось в ГИС GlobalMapper следующим образом:

- регистрация растров по четырем точкам (углы в сетке листов);
- блокирование для отображения зарамочной части растра;
- экспорт растровой ЭК для объединения 7 листов в тайлы формата Google Map.

Сформированные растровая и векторные ЭК используются, в частности, в программе САС.Планета (<http://www.sasgis.org/>) и на геопортале <http://boxpis.ru/svg/>. Образование НМ на рассматриваемой территории может фиксироваться по текстовым и картографическим источникам.

Среди текстовых источников могут быть: проект Костромской

лесной комиссии, 1809–1829 гг.; ведомость о числе крестьянских дач, 1843 г.; списки населенных мест (СНМ) Костромской губернии 1877, 1908, 1916 гг.

Среди картографических источников могут быть:

- топографические карты 1: 100 000, 1963–1967 гг. и 1942 г.;
- планы дач 1: 8 400, 1865 г. (РГИА);
- карта Ветлужского уезда 1: 42 000, 1798 г. и 1796 г. (РГАДА).

С учетом перечисленных источников для некоторых НМ мест можно отметить наличие следующих упоминаний:

- д. Хмелевка (1965, 1942, 1916); д. Хмелевка (Савино) (1908, 1877); д. Хмелевка (1865, 1843); д. почин. Хмелеви (1798);
- д. Щекотилово (1965, 1942); д. Скоробогатово (1916); д. Скоробогатово (Щекотилово) (1908); поч. Скоробогатово (Щекотилровка) (1877); д. Щекотилова (Скоробогатово) (1865); Скоробогатово (1843, 1823);
- д. Петрово (1965, 1942, 1916, 1908); поч. Петров (Сидулин) (1877); поч. Петров (1865); Петрово (1843); Петров (1823);
- д. Воробьево (1965, 1942); п. Воробьево (1916, 1908); поч. Воробьев (1877); поч. Воробьева (1865).

Таким образом, на основе 8 растровых изображений планов дач (4-х копий и 4-х оригиналов), а также по измеренным по оригиналам местоположениям центров 185 населенных мест (2 сел, 104 деревень и 79 починок) с помощью предложенного подхода выполнено программное построение трех векторных электронных карт: сетки 65 квадратных листов планов дач; положения 185 населенных мест; положения 29 контрольных населенных мест. Также сформирована растровая электронная карта объединения имеющихся изображений 7 листов (3-х копий и 4-х оригиналов).

Данный подход позволяет обработать все 65 листов плана дачи, а также выявленные многочисленные аналогичные многолистные планы дач Костромской, Нижегородской и иных губерний.

*А.Л. Юрганов, д.и.н., проф.
зав. кафедрой РГГУ*

Имажинизм в прозе: возможно ли такое? (случай Марка Криницкого)

Вот как в популярной энциклопедии Интернета сообщается об имажинизме: «Имажинизм (от лат. *imago* — образ) — литературное направление в русской поэзии XX века, представители которого заявляли, что цель творчества состоит в создании образа». Энциклопедия фиксирует молчаливое согласие видеть имажинизм только как поэзию середины 20-х гг. XX в., хотя известно, что има-

жинизм был целым направлением в советской культуре и теоретически обосновывал не только поэзию, но и всю область литературного творчества. Однако о поэтах-имажинистах знают все – вопрос в другом: были ли прозаики-имажинисты?

С имажинизмом был связан известный писатель-модернист Марк Криницкий (1874–1952), один из учредителей имажинистской «Ассоциации вольнодумцев». Документ о ее законном существовании подписал А.В. Луначарский 24 сентября 1919 г. Наряду с Криницким документ был подписан теми, кто станет воплощением имажинизма: С. Есенин, В. Шершеневич, А. Мариенгоф и др. Имажинисты, как и Серапионовы братья, представляли собой модернистскую общественность в советской культуре, они добивались одного и того же – свободы творчества от классового содержания...

Одно из утверждений Л. Лунца, главного идеолога Серапионовых братьев, как нельзя лучше характеризует и основной мотив имажинизма: «Искусство – не публицистика!». В книжке «Кому я жму руку» (1920) Шершеневич, подобно Лунцу, с той же братской тональностью рассказал о своих друзьях, очень разных, но единых в творческом порыве к воплощению искусства в образе. Обращаясь в «Анатолеград», к Анатолию Борисовичу Мариенгофу, Шершеневич подчеркивал имажинистскую не включенность в обыденную современность – проживание в мире романтиков, в мире собственных стихов, поэм: «Но даже для тех, кто подходит к твоим стихам *с точки зрения содержания, а не формы* (здесь и далее курсив мой – А.Ю.), должно быть ясно, что *все твое содержание* насквозь современно. Правда, ты не пишешь о продовольственных карточках, как мэтры футуризма, не перечисляешь в стихах декреты и постановления, но ведь это *не современность*, а каж-додневность, это поэтохроника, это газетчина».

В «Декларации Имажинистов» (январь 1919 г.) была высказана главная позиция рождающейся группы – она против футуризма и против футуристического понимания «содержания» или «темы» в искусстве: «Нам смешно, когда говорят о содержании искусства»; «содержание – это слепая кишка искусства»; «искусство, обрамленное привычкой, должно было погибнуть от истерики»; «единственным законом искусства, единственным и несравненным методом является выявление жизни через образ и ритмику образов»; «всякое содержание в художественном произведении так же глупо и бессмысленно, как наклейки из газет на картины». Имажинизм, осознавший себя *в полной мере*, – это художественность максимально свободная от классовой идеологии «содержания».

Повесть Марка Криницкого «Светозар Октябрьев» (1925) вышла в свет в издательстве «Земля и фабрика» тиражом 10 000 экз. Главный герой повести, Дементий Петрович Хибалов, «старый и вдовый человек», определился упаковщиком на городскую мануфактуру. Он приехал из деревни и поселился в фабричном общежитии. Его жена, Анисья, умерла. Никого из близких не осталось, и Дементий ушел в город, чтобы забыть прежнюю жизнь. В фабричной слободе он навестил Пелагею, свою «куму», бабу «в полном соку», которая уже семь лет как работала на фабрике. Ее дочери Дарье он был крестным отцом...

Встреча Дементия и Пелагеи символизировала встречу старого и нового, деревенского и городского, архаичного и модернизированного, традиционного и новаторского. Вектор задан: нужно перейти к новому состоянию через нравственный переворот, через преобразование всей личности.

Сами имажинисты говорили о критериях имажинизма в прозе, и утверждали, что торжественность древних агиографических писаний, слагающих сказания о героях и святых, родственны образному мышлению автора имажинистской прозы. Соединение древнего и нового способствует воскрешению национального духа, созиданию русского Ренессанса с прославлением «нового человека». Повесть Марка Криницкого «Светозар Октябрьев» – это не реалистическое описание переделки человеческого материала в условиях нэпа, а Сказание в духе древних агиографий о земном перевоплощении личности, о переходе из тьмы в свет. Слышится в повести (как в древнем Сказании) народное песнопение, но это не грустное и протяжное песнопение о доли-долюшке, а радостное завершение мрака и ожидание новой эры умиротворения в свободном существовании человека:

«Но долго живет человек и дышит буйной молодостью. Непокорен стал человек, стал смеяться над рабским ярмом, в которое превратили великое дело труда. На подмогу труду он призвал машину и в Красном Октябре объявил ее собственностью трудящегося. И с того дня распрявил спину старик и протянула ему руку молодость. Ни в каких декретах это не написано, только в хороводной, новогулянской песне, что на Трехгорье, на краю Москвы, наказано:

Полно, полно вам, ребята,

Чужу пиво пить:

Не пора ли вам, ребята,

Свое наварити?

Свое пиво красное, на веселье живым и на память мертвым, что донесли нас на плечах скорбей до победы. И звенит эта песня,

пришедшая от крестьянских полей зеленых, звенит по-гордому, по-свободному. Оттого, когда идет мимо Новому Гуляню Светозар, и у него руки и ноги сами просятся в хоровод. И чует сердцем Светозар, что рано или поздно ему не устоять.

Тычинушка тонкая гнется,

А хмель выше вьется!..

Видно, ударил крепко и ему в голову хмель новой деревни и нового города. И крепче всех декретов отныне вписана в его сердце спайка новая, великая: ласка к милому пришельцу в новый мир, младенцу Светославу. Не будет слышать он ни визга плетей, не видеть позорных столбов-виселиц народных, не узнает он стонов забитой нищеты. Как тяжелый сон, развернут перед ним только старинные книги тяжелое отцово и дедово пережитое время».

Итак, мы видим, что теоретические постулаты имажинизма были близки Марку Криницкому и воплотились в величавой, торжественной повести «Светозар Октябрев», наполненной возвышенной риторикой, подобно древним сказаниям о святых и героях, духовно изменившихся и изменивших мир вокруг себя.

Е.А. Яровая, к.и.н., с.н.с.

Гос. Эрмитаж

Шведские золотые монеты в собрании Государственного Эрмитажа: предварительный обзор коллекции

В коллекции золотых западноевропейских монет Государственного Эрмитажа монеты королевства Швеции составляют компактную и в то же время весьма репрезентативную группу. 202 эрмитажных экземпляра демонстрируют номиналы всех правителей (кроме пробных), чеканившиеся в золоте, начиная с Эрика XIV (1560–1568) и до нынешнего короля Карла XVI Густава (с 1973 г.). Наиболее ценную часть собрания представляют монетные выпуски шведских владений в германских землях: в герцогстве Померания, в городах Аугсбурге, Майнце, Эрфурте, Вюрцбурге, и на Балтике – чекан для Ревеля, Риги, Нарвы и Ливонии – всего 105 экз. Большинство шведских золотых монет происходят из знаменитого собрания Я.Я. Рейхеля, приобретенного Императорским Минцкабинетом в 1857 г. Ф. Жиль отзывался о рейхелевском собрании шведских монет как о самом лучшем в Европе. В некрологе «Якоб Рейхель и его коллекция» Б. Кене посвящает пассаж золотым шведским монетам, восторженно перечисляя редкости, такие как дукат Эрика XIV, «золотая клиппа в 10 марок Карла IX, много красивых памятных экземпляров, посвященных мужественному Густаву Адольфу, один целый и пол-

португалезера, Ревельский дукат и другие красивые монеты авантюрной Кристины, большой Рижский памятный экземпляр в золоте Карла Густава, Ревельский экземпляр в 4 марки Карла XI...» (*Кене Б.* Некролог «Якоб Рейхель и его коллекция» / Пер. на русс. яз. О.А. Степанова // *Материалы и исследования отдела нумизматики. ТГЭ XXXI. СПб., 2006. С. 230–231*). Все упоминаемые Б. Кене монеты хранятся в собрании Эрмитажа.

Всего удалось выделить 23 монеты, отмеченные в современных каталогах шведских монет как «экстремально редкие» – то есть, хранящиеся только в государственных музеях или имеющиеся в частных собраниях в количестве не более трех экземпляров.

Две монеты известны лишь в двух собраниях: КМК Стокгольма и ГЭ. Это 7 дукатов для Риги Густава II Адольфа (1611–1632) 1622 г. и дукат 1681 г. Карла XI (1660–1697).

Одна монета, дукат Адольфа Фредрика 1756 г. (чекан Стокгольма), является уникальной, она отсутствует даже в крупнейших нумизматических собраниях Швеции, таких как Королевский Минцкабинет Стокгольма.

Особое место в коллекции Эрмитажа занимает т. н. венгерский гульден (*ungersk gyllen*) короля Эрика XIV (1560–1568), выпуск которого в 1568 г. положил начало регулярной чеканке золотых монет Швеции. Эрмитажный гульден происходит из коллекции Я.Я. Рейхеля, был приобретен им на одном из скандинавских аукционов в 1844–1848 гг. и поступил в Минцкабинет вместе с другими 86 золотыми монетами Швеции в 1857 г. Я.Я. Рейхель присвоил монете высокую четвертую степень редкости. Эрмитажный экземпляр в великолепном состоянии, без следов обращения, по сочетанию штемпелей он – единственный из 14 известных монет.

Эрмитажные золотые монеты шведских владений в Померании с центром в Штеттине составляют 22 экз. Монеты оккупированных земель Аугсбурга, Нюрнберга, Майнца, Эрфурта и Вюрцбурга с именем Густава II Адольфа – 33 экз. Общее количество монет, выпущенных в шведской Прибалтике, насчитывает 49 экз., среди которых 12 экз. – монеты Ревеля, с 1561 г. находившегося под шведской короной, 14 экз. – монеты Ливонии, бывшей под властью Швеции с 1629 по 1721 г., это дукаты Кристины 1645–1648 гг. Редкий дукат Карла XI 1671 г., чекан города-крепости Нарвы. Особую гордость собрания составляют 20 экз. монет города Риги, с 1621 по 1710 гг. подчинявшегося шведским правителям. Все эти выпуски носили репрезентативный и памятный характер и не играли роли в денежном обращении этих территорий.

В собрании были выделены три антикварные подделки, вероятно, относящиеся к XIX в., редких золотых монет Юхана III (1568–1592) – кронгульдена 1569 г., 48 марок 1590 г. и 6 марок 1591 г.

Таким образом, можно заключить, что эрмитажное собрание золотых монет, чеканенных от имени шведских правителей, подтверждает суждение о нем Ф. Жилия как об одном из лучших и наиболее полных в Европе.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Палеография

Антонец Е.В.
Бокарева О.Б.
Бондач А.Г.
Иванов В.И.
Круглова Т.А.
Курьешева М.А.
Лифшиц А.Л.
Ляховицкий Е.А.
Мажуга В.И.
Носова Е.И.
Поляков И.А., Цыпкин Д.О.
Рамазанова Д.Н.
Таценко Т.Н.
Тимошина Л.А.
Уханова Е.В., Жижин М.Н.,
Андреев А.В., Пойда А.А.
Фонкич Б.Л.
Худин К.С.
Цыпкин Д.О.
Шибает М.А.

Кодикология

Антонец Е.В.
Ауров О.В.
Базарова Т.А.
Белусов М.Р.
Бибииков М.В.
Богатырев А.В.
Бокарева О.Б.
Бондач А.Г.
Борисов Ю.М.
Вознесенская И.А.
Джисоева А.Р.
Казбекова Е.В.
Кашианов С.М., Столярова
Л.В. (пленар.)
Кобяк Н.А.
Костина Т.В.
Круглов А.К.

Крылова Ю.П.
Курьешева М.А.
Лифшиц А.Л.
Логутова М.Г.
Ляховицкий Е.А.
Мажуга В.И.
Маркелова И.В.
Морозов Б.Н.
Носова Е.И.
Паскаль А.Д.
Поляков И.А., Цыпкин Д.О.
Рамазанова Д.Н.
Севастьянова А.А.
Сидоров А.И.
Соболева А.Е.
Тимошина Л.А.
Усачев А.С.
Устинова И.А.
Уханова Е.В., Жижин М.Н.,
Андреев А.В., Пойда А.А.
Фонкич Б.Л.
Чеснокова Н.П.
Шибает М.А.
Шульгина Э.В.
Щеглов А.Д.
Щеголева Л.И.

Дипломатика

Бокарева О.Б.
Бондач А.Г.
Голованова О.И.
Домрачев Н.Е.
Калашиникова А.А.
Кашианов С.М., Столярова
Л.В. (пленар.)
Кириллова Е.Н.
Назаров В.Д.
Нуйкина Е.Ю.
Опарина Т.А.
Полехов С.В.

Полонский Д.Г.
Таценко Т.Н.
Тимошина Л.А.
Худин К.С.
Черкасова М.С.
Чеснокова Н.П.

Эпиграфика

Авдеев А.Г.
Булычева Е.В.
Евдокимова А.А.
Киселев М.Ю.
Филиппов И.С.

История книжной культуры IX–XX вв.

Антонец Е.В.
Ауров О.В.
Афанасьева З.Б.
Базарова Т.А.
Бароне В.А.
Белюсов М.Р.
Бибииков М.В.
Богатырев А.В.
Бондач А.Г.
Борисов Ю.М.
Вознесенская И.А.
Джигоева А.Р.
Зайцева А.В.
Илларионова Л.И.
Казбекова Е.В.
Кобяк Н.А.
Козляков В.Н.
Корзо М.А.
Круглов А.К.
Круглова Т.А.
Крылова Ю.П.
Курышева М.А.
Лифшиц А.Л.
Логутова М.Г.
Ляховицкий Е.А.
Маадыр М.С.
Маркелова И.В.

Махов А.Е.
Медведева Т.В.
Мельник А.Г.
Мироненко М.П.
Морозов Б.Н.
Муромцева Л.П.
Носова Е.И.
Паскаль А.Д.
Петрова М.С.
Поляков И.А., Цыпкин Д.О.
Пушков В.П.
Рамазанова Д.Н.
Руцинская И.И.
Савельев В.В.
Севастьянова А.А.
Сидоров А.И.
Смирнова М.А.
Соболева А.Е.
Солодкин Я.Г.
Усачев А.С.
Устинова И.А.
Уханова Е.В., Жижин М.Н.,
Андреев А.В., Пойда А.А.
Фонкич Б.Л.
Франклин С., Шустова Ю.Э.
(пленар.)
Хазанова С.И.
Цыпкин Д.О.
Шибяев М.А.
Шульгина Э.В.
Щеглов А.Д.
Щеголева Л.И.

Текстология

Аверьянов К.А.
Антонец Е.В.
Базарова Т.А.
Вознесенская И.А.
Бондач А.Г.
Герцен А.А., Паскарь Е.Г.
Кириллова Е.Н.
Кобяк Н.А.
Корзо М.А.

Круглова Т.А.
Мажуга В.И.
Мельник А.Г.
Мереминский С.Г.
Морозова Л.Е.
Назаров В.Д.
Паскаль А.Д.
Петров Н.И.
Полонский Д.Г.
Поляков И.А., Цыпкин Д.О.
Рамазанова Д.Н.
Русецкая И.А.
Русина Е.В.
Руцинская И.И.
Смирнова М.А.
Соболева А.Е.
Солодкин Я.Г.
Уханова Е.В., Жижин М.Н.,
Андреев А.В., Пойда А.А.
Фонкич Б.Л.
Хазанова С.И.
Шульгина Э.В.
Щеголева Л.И.
Юрганов А.Л.

Лингвистика

Валеева Н.Т.
Лифшиц А.Л.
Тимошина Л.А.
Уханова Е.В., Жижин М.Н.,
Андреев А.В., Пойда А.А.
Щеголева Л.И.

Ономастика

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.
(пленаp.)
Фоменко В.Г.

Искусствоведение

Авдеев А.Г.
Акимова Л.И.
Звездина Ю.Н.
Илларионова Л.И.

Казбекова Е.В.
Кузьмин А.В. (к. физ.-мат. н.)
Курышева М.А.
Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.
(пленаp.)
Мажуга В.И.
Мурзин-Гундоров В.В.
Пчелов Е.В.
Сидоров А.И.
Уханова Е.В., Жижин М.Н.,
Андреев А.В., Пойда А.А.
Фонкич Б.Л.

Киноведение

Жукова М.М.

Музыковедение

Старикова В.В.

Хронология

Исаев Д.П.
Морозова Л.Е.
Русина Е.В.
Симонов Р.А.
Синчук И.И.
Солодкин Я.Г.
Таценко С.Н.

Метрология

Браташова С.А.
Волков В.И.
Гусаков М.Г., Патрик Г.К.
Кистерев С.Н.
Синчук И.И.
Черных А.П.

Естественно-научное знание

Базарова С.И.
Захарчук П.А.
Зверкина Г.А.
Кузьмин А.В. (к. физ.-мат. н.)
Морозов Б.Н.

Историческая география и картография

*Аверьянов К.А.
Браташова С.А.
Буриева Х.А.
Герцен А.А., Паскарь Е.Г.
Гришин Е.С.
Грязнов А.Л.
Гуслистова А.Н.
Джаксон Т.Н.
Джиоева А.Р.
Ермолова И.Е.
Зарапин Р.В.
Истомина Э.Г.
Калинина Т.М.
Коновалова И.Г. (пленар.)
Кротов О.С.
Лиманова (Серова) С.А.
Майорова А.С.
Мереминский С.Г.
Окунева О.В.
Рассказов С.В.
Фоменко В.Г.
Шалак М.Е.
Щекотилов В.Г., Щекотилова С.Н., Шалаева М.В.*

Генеалогия

*Акинъшин А.Н.
Баранова А.В.
Болотина М.О.
Грязнов А.Л.
Зверев С.В.
Ковалева С.С.
Колесов В.И.
Краско А.В.
Кузьмин А.В. (к.и.н.)
Кулешов В.С.
Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.
(пленар.)
Лобанов Д.В.
Матисон А.В.
Мироненко М.П.*

*Мурзин-Гундоров В.В.
Полоцкая О.В.
Полянская Ю.Н.
Пономарева И.Г.
Пчелов Е.В.
Сергеев А.В.
Суриков И.Е.
Шокарев С.Ю.*

Просопография

*Авдеев А.Г.
Базарова С.И.
Баранова А.В.
Белоусов М.Р.
Борец М.А.
Глазьев В.Н.
Зарапин Р.В.
Комиссаренко А.И., Болотина Н.Ю., Кононова А.Ю.
Горбатов Е.Н.
Гришин Е.С.
Грязнов А.Л.
Гуслистова А.Н.
Дудина О.В.
Зарапин Р.В.
Зверев С.В.
Кириллова Е.Н.
Краско А.В.
Кротов О.С.
Кузьмин А.В. (к.и.н.)
Логутова М.Г.
Матисон А.В.
Мельник А.Г.
Муромцева Л.П.
Незговорова В.В.
Нуйкина Е.Ю.
Оборнева З.Е.
Оксамитная Д.А.
Опарина Т.А.
Перхавко В.Б.
Петерс Т.П.
Полоцкая О.В.
Полянская Ю.Н.*

Пушков В.П.
Руцинская И.И.
Сень Д.В.
Сергеев А.В.
Синчук И.И.
Спичак А.В.
Таценко Т.Н.
Устинова И.А.
Фельдман Д.З.
Фоменко В.Г.
Чумакова Т.В.
Шадунц Е.К.
Шокарев С.Ю.

Биографика

Акиньишин А.Н.
Базарова Т.А.
Болотина М.О.
Вознесенская И.А.
Гуськов А.Г.
Заворотная Л.А.
Илларионова Л.И.
Ковалева С.С.
Колесов В.И.
Крылова Ю.П.
Курьшева М.А.
Лукьянов А.А.
Мельников А.В.
Митрофанов А.А.
Мурзин-Гундоров В.В.
Назаров В.Д.
Носова Е.И.
Оборнева З.Е.
Петерс Т.П.
Петров Н.И.
Петрова М.С.
Пономарева И.Г.
Смирнова М.А.
Тимошина Л.А.
Шахнович М.М.
Шамин С.М.
Шокарев С.Ю.
Юрганов А.Л.

Геральдика

Браун Е.Д.
Елохин К.А.
Емелин И.Б.
Мурзин-Гундоров В.В.
Петров Д.А.
Савельев В.В.
Староскольская (Рыжова) Д.С.
Тогоева О.И.
Черных А.П.

Вексиллология

Кручинин А.С.
Николаев Д.А.
Хвостова И.А., Николаев Д.А.

Эмблематика

Акимова Л.И.
Афиани В.Ю.
Богатырев А.В.
Браун Е.Д.
Вебер Д.И., Лобода А.Ю., Носова Е.И.
Зверев С.В., Колызин А.М.
Кручинин А.С.
Лиманова (Серова) С.А.
Махов А.Е.
Митрофанов А.А.
Петров Д.А.
Петров Н.И.
Пчелов Е.В.
Савельев Ю.Р.
Староскольская (Рыжова) Д.С.
Тогоева О.И.
Чекунина Н.В.
Шульгина Э.В.

Нумизматика

Авчухов А.Ю.
Алексеев Н.А., Цепков Ю.А.

Володихин Д.М.
Гасанова Г.Ф.
Заворотная Л.А.
Зверев С.В.
Зверев С.В., Колызин А.М.
Кулешов В.С.
Мокерова Е.Ю.
Пушкарев А.А.
Слепова Т.И.
Суриков И.Е.
Таценко С.Н.
Черных А.П.
Яровая Е.А.

Сфрагистика

Вебер Д.И., Лобода А.Ю., Носова Е.И.
Домрачев Н.Е.
Худин К.С.
Чекунина Н.В.

Фалеристика, медальерное искусство

Гасанова Г.Ф.
Добровольская Л.И.
Заворотная Л.А.
Тимошина Н.Н., Каузов Ф.В.

Бонистика

Алямкин А.В.
Баранов А.Г.

Филокартия

Борец М.А.

Историография и история ВИД

Буриева Х.А.
Заворотная Л.А.
Захарчук П.А.
Илизаров Б.С. (пленар.)
Илизаров С.С.
Киселев М.Ю.

Коновалова И.Г. (пленар.)
Круглова Т.А.
Медведева Т.В.
Мельников А.В.
Пчелов Е.В.
Сергеев А.В.
Тихонов В.В.
Фонкич Б.Л.
Шахнович М.М.

Источниковедение

Авдеев А.Г.
Ауров О.В.
Базарова Т.А.
Башинов Н.В.
Белоусов М.Р.
Бокарева О.Б.
Болотина Н.Ю., Комиссаренко А.И., Кононова А.Ю.
Бондач А.Г.
Борец М.А.
Борисов Ю.М.
Булычева Е.В.
Глазьев В.Н.
Голованова О.И.
Горбатов Е.Н.
Гришин Е.С.
Грязнов А.Л.
Дудина О.В.
Елохин К.А.
Ерусалимский К.Ю.
Жукова М.М.
Зайцева А.В.
Захарчук П.А.
Илизаров С.С.
Истомина Э.Г.
Калашиникова А.А.
Кириллова Е.Н.
Кобяк Н.А.
Козьяков В.Н.
Коновалова И.Г.
Корзо М.А.
Костина Т.В.

Круглова Т.А.
Кузьменко Т.А.
Курьшова М.А.
Маадыр М.С.
Майорова А.С.
Маркелова И.В.
Мельник А.Г.
Мельников А.В.
Мироненко М.П.
Мокерова Е.Ю.
Морозов Б.Н.
Морозова Л.Е.
Муромцева Л.П.
Носова Е.И.
Нуйкина Е.Ю.
Оксамитная Д.А.
Опарина Т.А.
Паскаль А.Д.
Перхавко В.Б.
Петерс Т.П.
Полонский Д.Г.
Полоцкая О.В.
Полянская Ю.Н.
Пономарева И.Г.
Пушков В.П.
Рассказов С.В.
Русецкая И.А.
Руцинская И.И.
Сергеев А.В.
Синчук И.И.
Смирнова М.А.
Соболева А.Е.
Солодкин Я.Г.
Спичак А.В.
Старикова В.В.
Таценко Т.Н.
Устинова И.А.
Фонкич Б.Л.
Франклин С., Шустова Ю.Э.
(пленар.)
Худин К.С.
Черкасова М.С.
Черных А.П.

Чеснокова Н.П.
Чумакова Т.В.
Шадунц Е.К.
Шалак М.Е.
Шульгина Э.В.
Щеглов А.Д.

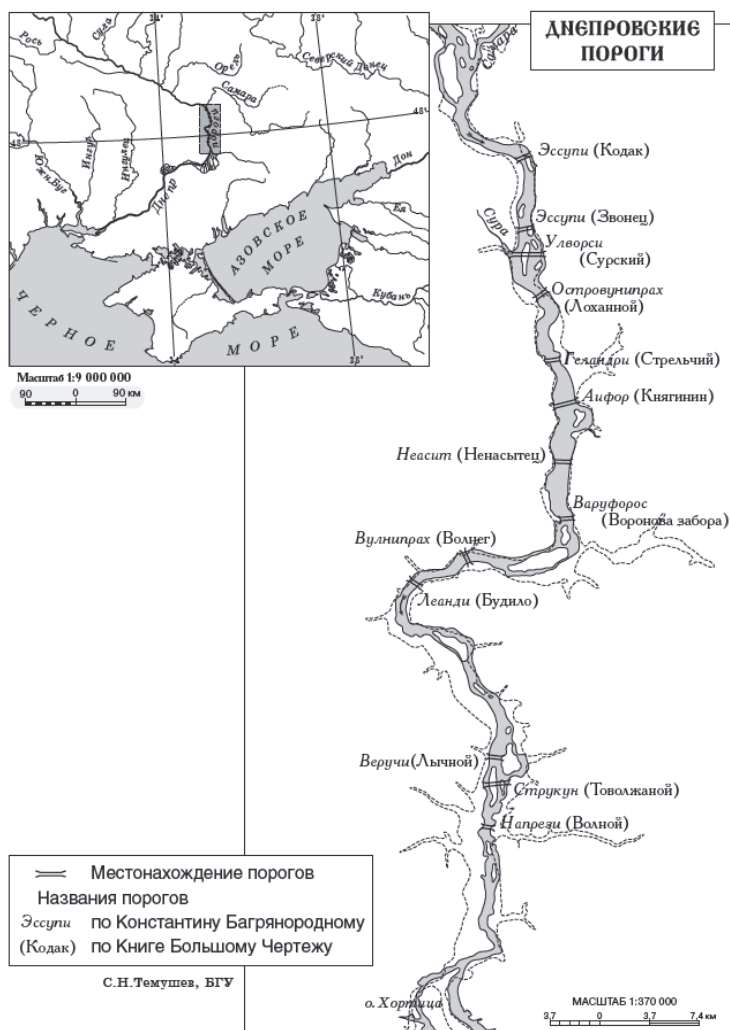
Краеведение

Буриева Х.А.
Истомина Э.Г.
Лобанов Д.В.
Мурзин-Гундоров В.В.
Полоцкая О.В.
Черкасова М.С.

Цифровые технологии в ВИД

Баранова А.В.
Пушков В.П.
Уханова Е.В., Жижин М.Н.,
Андреев А.В., Пойда А.А.
Щекотилов В.Г., Щекотилова С.Н., Шалаева М.В.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Карта: «Днепровские пороги».

Автор: С.Н. Темушев, к.и.н., доц. Белорусского ГУ (Минск)

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
----------------------	---

Пленарные доклады

<i>Илизаров Б.С. (Москва)</i> Вспомогательные исторические дисциплины и научная практика	5
<i>Капитанов С.М., Столярова Л.В. (Москва)</i> О внеканцелярском происхождении текста древнейшего русского акта	7
<i>Комочев Н.А. (Москва)</i> Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии Е.П. Маматовой (1934–2004): к 85-летию со дня рождения	10
<i>Коновалова И.Г. (Москва)</i> Специальные исторические дисциплины в эпоху Hi-Nume	12
<i>Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. (Москва)</i> Две иконы из собрания Московского Кремля («Богоматерь Владимирская» и «Спас Вседержитель»): Ономастические ключи к проблеме атрибуции	14
<i>Махов А.Е. (Москва)</i> Книжная эмблема и традиции естественной истории	19
<i>Франклин С., Шустова Ю.Э. (Кембридж, Москва)</i> О сводном каталоге русских печатных бланков 1645–1762 годов	21

Тезисы докладов

<i>Авдеев А.Г. (Москва)</i> О мастерах, расписывавших Троицкий собор Макарьева Калязина монастыря, и времени его росписи	25
<i>Аверьянов К.А. (Москва)</i> Сколько было Днепровских порогов?	27
<i>Авчухов А.Ю. (Волгоград)</i> Монетовидная бона Ахтубинского пароходства	30
<i>Акимова Л.И. (Москва)</i> Апулийская пелика с Посейдоном и Амимоней: символический смысл росписи	32
<i>Акинъшин А.Н. (Воронеж)</i> Нисходящая родословная Николая Павловича Петерсона (1844–1919)	34

<i>Алексеев Н.А., Цепков Ю.А. (Симферополь, Севастополь)</i> Клад позднеантичных монет IV–V вв. из окрестностей села Соколиное (предварительное сообщение)	37
<i>Алякин А.В. (Курган)</i> К вопросу о классификации Краткосрочных Обязательств Государственного Казначейства (КОГК) номинированных в фунтах стерлингов	39
<i>Антонец Е.В. (Москва)</i> К вопросу о маргиналиях в каролингских рукописях Юстина	42
<i>Ауров О.В. (Москва)</i> Плиний Старший в средневековой Испании: о рукописи MSS/10042 из собрания Национальной библиотеки (Мадрид)	44
<i>Афанасьева З.Б. (Киев)</i> Суперэкслибрис на книгах из библиотеки графа Г.С. Строганова	47
<i>Афиани В.Ю. (Москва)</i> Космическая символика с позиций исторической науки	49
<i>Базарова Т.А. (Санкт-Петербург)</i> «Книга-журнал» петровского офицера Алексея Топорнина из собрания Санкт-Петербургского института истории РАН	52
<i>Баранов А.Г. (Москва)</i> Систематизация водяных знаков на государственных бумажных деньгах Советской России в 1917–1921 годах	55
<i>Баранова А.В. (Москва)</i> Из опыта составления семейной родословной	58
<i>Баранова С.И. (Москва)</i> К вопросу о вкладах мастеров изразцового дела Москвы второй половины XVII века	60
<i>Бароне В.А. (Москва)</i> Антианглийские пропагандистские сочинения и книжная культура во Франции в первой половине XV века	62
<i>Бащинин Н.В. (Санкт-Петербург)</i> Об участии Вологодского архиерейского дома в кумпанствах Петра I	65
<i>Белоусов М.Р. (Казань)</i> К вопросу об атрибуции и датировке бумаги одной «сказки» зимы 7172 (1663/1664) года	68
<i>Бибииков М.В. (Москва)</i> Еще одна афонская находка	69
<i>Богатырев А.В. (Тольятти)</i> Знак “I H S” из русской рукописи XVII века	71
<i>Бокарева О.Б. (Москва)</i> Столбцы Посольского приказа по русско-персидским отношениям первой половины XVII в.: проблемы описания дипломатических и делопроизводственных документов	74

<i>Болотина М.О. (Москва)</i> Как армянский купец стал российским дворянином: ранняя история династии Лазаревых	76
<i>Бондач А.Г. (Москва)</i> «Историческая криптография»: Цифрные письма на греческом языке из фондов РГАДА	79
<i>Борец М.А. (Санкт-Петербург)</i> Почтовые открытки 1900–1920 годов как источник по истории священнослужителей и их семей	81
<i>Борисов М.Ю. (Москва)</i> Маргиналии в экземплярах парижских изданий исторической тематики второй половины XVI в. (по материалам Российской государственной библиотеки и Национальной библиотеки Франции)	83
<i>Браташова С.А. (Саратов)</i> Волга X века по данным научных школ Средней Азии и Ирана	86
<i>Браун Е.Д. (Москва)</i> Роза Тюдоров: удачный символ прекращения династических распрей или гениальная геральдическая мистификация?	88
<i>Булычева Е.В. (Москва)</i> Данные эпиграфики (надписи об аренде священных земель) о финансировании празднеств в Афинах в V–IV в. до н. э.	89
<i>Буриева Х.А. (Ташкент)</i> Об историографии топонимии города Ташкента XX века	91
<i>Валеева Н.Т. (Москва)</i> Правописание приставок на -з/-с: к истории одного орфографического правила	93
<i>Вебер Д.И., Лобода А.Ю., Носова Е.И. (Санкт-Петербург)</i> Матрица печати ордена госпитальеров из собрания Н.П. Лихачева: анализ иконографии и следов бытования	95
<i>Вознесенская И.А. (Санкт-Петербург)</i> Рукописи сочинений П.Н. Крекшина в собрании БАН: уточнение атрибуции	96
<i>Волков И.В. (Москва)</i> Метрологические наблюдения в связи с происхождением «трапезундской» группы средневековых амфор	99
<i>Володихин Д.М. (Москва)</i> Портреты на солиде императора Льва VI Мудрого и фоллисе императора Романа I Лакапина как образец для портрета великого князя киевского Владимира Святого на златнике	101
<i>Гасанова Г.Ф. (Москва)</i> Гангутское сражение 1714 года: коммеморация в фалеристике и нумизматике	103

<i>Герцен А.А., Паскарь Е.Г. (Москва, Кишинев)</i> Географические и этноисторические сведения «Сказания вкратце о молдавских господарях отколе начася Молдовская земля»	106
<i>Глазьев В.Н. (Воронеж)</i> Биографические сведения в документах о назначениях воевод в Разрядном приказе XVII века	108
<i>Голованова О.И. (Тюмень)</i> «Авторство» как структурный компонент источниковедческого анализа (на примере тюменской деловой письменности XVIII в.)	111
<i>Горбатов Е.Н. (Москва)</i> Князья Ростовские при Михаиле Федоровиче по материалам боярских и житецких списков	113
<i>Гришин Е.С. (Москва)</i> Регулярная пространственная мобильность населения в Средние века как проблема социальной географии (по материалам перемещений германского короля Генриха IV в 1063–1073 гг.)	115
<i>Грязнов А.Л. (Вологда)</i> Княжеские села на Белоозере в XIV–XVI веках	117
<i>Гусаков М.Г., Патрик Г.К. (Москва)</i> Объемы московской глиняной посуды как исторический источник	120
<i>Гуслистова А.Н. (Вологда)</i> Топография Вологды в XVII веке	122
<i>Гуськов А.Г. (Москва)</i> Новые сведения к биографии А.А. Веникова в 1693 году	125
<i>Джаксон Т.Н. (Москва)</i> Исландия – знакомая и незнакомая	127
<i>Джигоева А.Р. (Санкт-Петербург)</i> Планы и карты XVIII века с орнаментированными картушами (из собрания рукописных карт БАН)	129
<i>Добровольская Л.И. (Санкт-Петербург)</i> К вопросу о материальных «преимуществах» по ордену Св. Георгия	132
<i>Домрачев Н.Е. (Москва)</i> К вопросу о печатях русских постоянных дипломатических представителей в Варшаве (на примере резидента П.Б. Возницына)	134
<i>Дудина О.В. (Воронеж)</i> «Сказки» служилых людей Белгородского полка 1697 г. как исторический источник	137
<i>Евдокимова А.А. (Москва)</i> Формулы со словом «κοινητήριον» в византийских погребальных надписях Коринфа	139
<i>Елохин К.А. (Москва)</i> К вопросу об изобразительных девизах в XVI–XVII веках	142

<i>Емелин И.Б. (Петрозаводск)</i> Гербы Вытегры XVIII века	144
<i>Ермолова И.Е. (Москва)</i> Очертания Понта Эвксинского в представлении римлян первых веков нашей эры	146
<i>Жукова М.М. (Москва)</i> Жизнь и быт советской научной и творческой элиты в отражении отечественной кинохроники 1930–1980-х годов	149
<i>Заворотная Л.А. (Москва)</i> Нумизматы Русского зарубежья. Иван Игнатьевич Бекиш (1894–1968)	151
<i>Зайцева А.В. (Москва)</i> Неудачи в истории студенческого учебного книгоиздания (Москва, вторая половина XIX – начало XX в.)	154
<i>Заратин Р.В. (Москва)</i> Греческое население Западной и Центральной Азии в эпоху предэллинизма	157
<i>Захарчук П.А. (Москва)</i> Комплексный анализ графически- изобразительных источников по истории металлургии в исследованиях отечественных историков науки 1930-х годов	159
<i>Звездина Ю.Н. (Москва)</i> Фрагменты надгробия Томазины Груамонти работы Альвизе Ламберти да Монтаньяна из собрания музея «Дом Ромеи» в Ферраре	162
<i>Зверев С.В. (Москва)</i> Материалы по генеалогии московских денежных мастеров XVII века	164
<i>Зверев С.В., Колызин А.М. (Москва)</i> Животные лунного календарного цикла в русской монетной чеканке конца XIV в. К вопросу о датирующем значении	166
<i>Зверкина Г.А. (Москва)</i> Пифагор, Архимед, квадратные корни и шутка Фибоначчи	169
<i>Иванов В.И. (Краснодар)</i> Некоторые черты кубанского письма 70-х гг. XIX в. (по материалам церковного делопроизводства)	172
<i>Илизаров С.С. (Москва)</i> Вспомогательные исторические дисциплины в деятельности Комиссии по истории знаний	174
<i>Илларионова Л.И. (Москва)</i> От публикации до формирования стилистического направления в искусстве (страницы творчества И.П. Ропета)	177
<i>Исаев Д.П. (Ростов-на-Дону)</i> О предметном поле воображаемой исторической хронологии	179

<i>Истомина Э.Г. (Москва)</i> Мурманский берег Баренцева моря: заселение и формирование хозяйства в XVIII – начале XX веков	181
<i>Казбекова Е.В. (Москва)</i> Гравюры Библии Лютера как один из источников для миниатюр XIX в. в экземпляре Библии Гутенберга в РГБ	184
<i>Калашиникова А.А. (Санкт-Петербург)</i> Заверение документов в канцелярии князя Михаила Андреевича Белозерского	186
<i>Калинина Т.М. (Москва)</i> Сарматия в «Книге картины Земли» ал-Хорезми	189
<i>Кириллова Е.Н. (Москва)</i> О прошениях ремесленников и торговцев (Реймс, XV–XVIII вв.)	191
<i>Киселев М.Ю. (Москва)</i> Пособие по эпиграфике А.Н. Вершинского: к вопросу о публикации	194
<i>Кистерев С.Н. (Москва)</i> Весовое значение четверти ржи в начале XVII в. по позднейшим псковским летописным известиям	196
<i>Кобяк Н.А. (Москва)</i> «Чудо об иконе Максима Грека»: попытка верификации данных	198
<i>Ковалева С.С. (Москва)</i> Новые сведения о предках С.А. Есенина	201
<i>Козляков В.Н. (Рязань)</i> «Дневник похода короля Сигизмунда III под Смоленск» как источник по истории Первого ополчения	203
<i>Колесов В.И. (Краснодар)</i> Генеалогия и семейная история (случай горских греков Северо-Западного Кавказа)	206
<i>Комиссаренко А.И., Болотина Н.Ю., Кононова А.Ю. (Москва)</i> Научно-информационный потенциал писцовых книг, составленных в дворцовых приказах, о положении карельских крестьян-переселенцев Бежецкого Верха во второй половине XVII века	208
<i>Корзо М.А. (Москва)</i> Источники <i>exempla</i> в проповеднических текстах Киевской митрополии XVII в.: избранные сюжеты	211
<i>Костина Т.В. (Москва)</i> Объявления о лекциях высших наук в России XVIII в.: проблемы сохранности и использования	212
<i>Краско А.В. (Санкт-Петербург)</i> Об одной генеалогической ошибке	215

<i>Кротов О.С. (Ростов-на-Дону)</i> Миграция русских старообрядцев на Дон в XVII–XVIII вв.: направления и этапы	216
<i>Круглов А.К. (Санкт-Петербург)</i> К вопросу о раннем периоде использования бумаги на Руси	218
<i>Круглова Т.А. (Москва)</i> «Азбуки» в составе первого печатного пособия по палеографии (1844 г.)	221
<i>Кручинин А.С. (Москва)</i> Джек на стене: к вопросу о терминологии и систематизации пиратских флагов	223
<i>Крылова Ю.П. (Москва)</i> Читал ли Рене Анжуйский книги из своей библиотеки?	226
<i>Кузьменко Т.А. (Москва)</i> Стенограммы заседаний Президиума Российской академии наук как исторический источник (источниковедческий анализ)	228
<i>Кузьмин А.В. (Москва)</i> Вороные-Волынские в конце XIV – начале XVII веков	230
<i>Кузьмин А.В. (Москва)</i> «Механический Космос» (от Античности до начала XVII века)	233
<i>Кулешов В.С. (Стокгольм, Швеция)</i> Фрагменты генеалогии правителей Волжской Булгарии X века	235
<i>Курышева М.А. (Москва)</i> Пурпурный лекционарий императора Василия I Македонянина: Neapol. gr. 2* (ex Vindob. Suppl. gr. 12)	238
<i>Лиманова (Серова) С.А. (Москва)</i> Топография столичных торжеств в 1917 году	241
<i>Лифшиц А.Л. (Москва)</i> «Каждый пишет, как он слышит»: об особенностях письма «Евангелия Горчаковых» рубежа XIV–XV веков	243
<i>Лобанов Д.В. (Москва)</i> Саркофаги Плещеевых в Донском монастыре	245
<i>Логутова М.Г. (Санкт-Петербург)</i> Роль рукописной книги в истории «Нового благочестия»	247
<i>Лукиянов А.А. (Москва)</i> О незаконной дочери великого князя Георгия Александровича	248
<i>Ляховицкий Е.А. (Санкт-Петербург)</i> К технологической характеристике древнерусских пергаменных кодексов XV в.: следы волосяного покрова (на материалах датированных кодексов собрания Отдела рукописей РНБ)	250

<i>Маадыр М.С. (Кызыл, Республика Тыва)</i> Архивные документы по истории книжной культуры Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.)	252
<i>Мажуга В.И. (Санкт-Петербург)</i> К вопросу о происхождении глоссированного списка конца XII в. <i>Digestum novum</i> BAV. Pal. Lat. 756	255
<i>Майорова А.С. (Саратов)</i> Исторические сведения в «Топографическом и историческом описании Саратовской губернии» (1807 г.)	257
<i>Маркелова И.В. (Москва)</i> Записи XVI–XVII вв. на рукописных книгах XV–XVII вв.: к вопросу о методике исследования	260
<i>Матисон А.В. (Москва)</i> Отношение представителей дворянских родов к службе в архиерейских детях боярских (генеалогический аспект)	262
<i>Медведева Т.В. (Москва)</i> В одном ряду с С.Р. Минцловым и П.А. Зайончковским (неопубликованные указатели по отечественной мемуаристике из фондов Пушкинского дома)	265
<i>Мельник А.Г. (Ростов)</i> Службы русским святым как источник по истории почитания этих подвижников благочестия в XIV–XVII веках	267
<i>Мельников А.В. (Москва)</i> Три анонимные работы по русской истории и историографии 1913–1916 гг. в личном архивном фонде А.И. Яковлева	270
<i>Мереминский С.Г. (Москва)</i> Историческая география Британии в сочинениях «долгого XII века»	273
<i>Мироненко М.П. (Москва)</i> Материалы по генеалогии в архиве библиографа и книговеда У.Г. Иваска	274
<i>Митрофанов А.А. (Москва)</i> Коронация Наполеона в Милане 1805 года и иерархия коронационных элементов	276
<i>Мокерова Е.Ю. (Киров)</i> Клады начала XVII века на территории Вятского края	279
<i>Морозов Б.Н. (Москва)</i> Сочинение о садах угличского посадского человека начала XVIII века Михаила Выжилова	282
<i>Морозова Л.Е. (Москва)</i> К вопросу о достоверности сочинения Марко Фоскарино «Донесения о Московии»	284

<i>Мурзин-Гундоров В.В. (Москва)</i> Опыт атрибуции геральдического надгробия А.М. Отяевой из Высоко-Петровского монастыря	287
<i>Муромцева Л.П. (Москва)</i> Библиотеки российской эмиграции как часть книжной культуры	289
<i>Назаров В.Д. (Москва)</i> Завещание князя Андрея Васильевича Меньшого: время и место составления, политический контекст	292
<i>Незговорова В.В. (Санкт-Петербург)</i> Альбом бывших воспитанников Николаевского инженерного училища в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи	294
<i>Николаев Д.А. (Нижний Новгород)</i> Новое обретение стяга: знамена эпохи Крымской войны для нижегородского ополчения 1914 года	297
<i>Носова Е.И. (Санкт-Петербург)</i> Подпись французского короля Людовика XI (1461–1483): композиционные особенности и их иконографические истоки	298
<i>Нуйкина Е.Ю. (Москва)</i> Формулярный анализ как метод изучения протоколов допросов судебно-следственных дел по обвинению духовенства Русской Православной Церкви Москвы и Московской области в 1918–1920 годах	300
<i>Оборнева З.Е. (Москва)</i> Греческий переводчик Посольского приказа первой половины XVII в. Иван Боярчиков. Начальный период деятельности	302
<i>Оксамитная Д.А. (Москва)</i> Сравнительный анализ карьер различных групп аристократов периода правления Екатерины II (выпускников Пажеского корпуса и придворных кавалеров) с использованием просопографических баз данных	304
<i>Окунева О.В. (Москва)</i> Географическая карта как способ заявить о своих притязаниях: карта Атлантического океана Пьера де Во и изображение Южной Америки (1613 г.)	306
<i>Опарина Т.А. (Москва)</i> Оформление выездов «греческих» иммигрантов в Россию первой половины XVII в.: особенности приказного делопроизводства	307
<i>Паскаль А.Д. (Москва)</i> Неизвестный фрагмент жития Варвара Мироточца Пелагонийского (Битольского) в рукописи 1629 г. из молдавского монастыря Бесерикань	310

<i>Перхавко В.Б. (Москва)</i> О горизонтальной классификации социума допетровской России	312
<i>Петерс Т.П. (Малые Вяземы)</i> Дела фонда «Преображенский приказ и Тайная канцелярия» РГАДА как источник по исследованию подсудности и юрисдикции французов в России в правление Екатерины II. 1774–1794 гг.	315
<i>Петров Д.А. (Москва)</i> Двуглавые орлы на гражданских зданиях во второй половине XVII века	317
<i>Петров Н.И. (Санкт-Петербург)</i> Фольклорные истоки мотивов выбора имени младшего сына Павла I	320
<i>Петрова М.С. (Москва)</i> К вопросу о реконструкции творческой биографии Макробия	322
<i>Полехов С.В. (Москва)</i> Новые данные о пожалованиях великого князя литовского Свидригайла 1430–1432 годов	323
<i>Полонский Д.Г. (Москва)</i> Благодетель в титулатуре сербских и болгарских правителей XIII–XIV вв.	326
<i>Полоцкая О.В. (Тотьма)</i> Купеческие списки по городу Тотьме Вологодской губернии за 1850–1917 гг. как источник по генеалогии сословия	328
<i>Поляков И.А., Цыпкин Д.О. (Санкт-Петербург)</i> Сборник учебных материалов конца XVII в. ГИМ. Синодальное собрание 1	330
<i>Полянская Ю.Н. (Санкт-Петербург)</i> Собрание Г.А. Власьева в государственных архивах России (материалы Г.А. Власьева, В.В. Руммеля и А.А. Сиверса)	332
<i>Пономарева И.Г. (Москва)</i> О прозвище московского великого князя Василия II	335
<i>Пушкарев А.А. (Томск)</i> Нюрнбергские жетоны в Западной Сибири	337
<i>Пушков В.П. (Москва)</i> Торговая отчетность Московского печатного двора о книжных покупках приказных чинов 7171 (1662/63) года	339
<i>Пчелов Е.В. (Москва)</i> Отзвук подвигов Геракла на троне русских царей	341
<i>Рамазанова Д.Н. (Москва)</i> Греческие рукописи сербских собраний. Палеографические и кодикологические заметки	343
<i>Рассказов С.В. (Тюмень)</i> О двух сибирских картах XVIII века в 192-м фонде РГАДА, отражающих историю Ишимской и Новоишимской укреплённых линий	346

<i>Русецкая И.А. (Москва)</i> Криптография в сочинениях средневековых европейских авторов: задачи и область применения	348
<i>Русина Е.В. (Киев)</i> К датировке Волынской краткой летописи	350
<i>Руцинская И.И. (Москва)</i> Авторы российских провинциальных путеводителей второй половины XIX – начала XX века: черты социального портрета	353
<i>Савельев В.В. (Санкт-Петербург)</i> Геральдическая книга в библиотеке Екатерины II	355
<i>Севастьянова А.А. (Рязань)</i> Книжно-рукописные раритеты из рязанских хранилищ и Стефан Яворский	357
<i>Сень Д.В. (Ростов-на-Дону)</i> Новые данные о представителях потестарных структур кубанского казачества (конец XVII в. – XVIII в.)	359
<i>Сергеев А.В. (Санкт-Петербург)</i> Князя Гагарины в Русском государстве XVI–XVII вв.	362
<i>Сидоров А.И. (Москва)</i> Изображение как наставление: к вопросу об иконографии Псалтыри Карла Лысого	364
<i>Симонов Р.А. (Москва)</i> Календарь «Палеи Толковой» в свете «Учения» Кирика Новгородца	367
<i>Синчук И.И. (Минск)</i> Церковные посты и сезонность рождаемости во второй половине XIX – первой половине XX века (Западная Белоруссия)	369
<i>Слепова Т.И. (Санкт-Петербург)</i> Раннесредневековые папские монеты (VIII–X вв.) из собрания Эрмитажа	372
<i>Смирнова М.А. (Санкт-Петербург)</i> Дневник угличского купца Д.Ф. Кочурихина 1821 г. в собрании ОР РНБ в контексте его письменного наследия	374
<i>Соболева А.Е. (Москва)</i> Глоссы на полях как связующий элемент рукописей	377
<i>Солодкин Я.Г. (Нижегород)</i> О хронологии «Ермаковой эпопеи» в Есиповской летописи Основной редакции	379
<i>Спичак А.В. (Нижегород)</i> Документирование назначения на службу выпускников учебных заведений в Русской Православной Церкви во второй половине XVIII – начале XX вв. (на материалах Тобольской духовной консистории)	382
<i>Старикова В.В. (Минск)</i> Аудиовизуальные документы исполнительского искусства в современном музыкознании	384

<i>Староскольская (Рыжова) Д.С. (Москва)</i> Бейдж – изобразительный девиз британской знати	386
<i>Суриков И.Е. (Москва)</i> Фемистоклиды – династия греческих вассальных тиранов в державе Ахеменидов V в. до н.э.: ономастические и нумизматические данные	388
<i>Таценко С.Н. (Москва)</i> Некоторые вопросы хронологии монет Ивана Грозного	391
<i>Таценко Т.Н. (Санкт-Петербург)</i> Особенности оформления документов в императорской канцелярии Габсбургов в XVI веке	393
<i>Тимошина Л.А. (Москва)</i> Автограф архимандрита Великой церкви Амфилохия	396
<i>Тимошина Н.Н., Каузов Ф.В. (Иваново)</i> Медаль Ботанического сада Амстердама из собрания Д.Г. Бурылина	398
<i>Тогоева О.И. (Москва)</i> Герб Жанны д'Арк: история и вымысел	400
<i>Усачев А.С. (Москва)</i> Об одном возможном критерии оценки социально-экономического развития России в XVI в.	401
<i>Устинова И.А. (Москва)</i> Сборник хиротонийных обещаний русских архиереев последней трети XVII в. из Синодального собрания ГИМ	404
<i>Уханова Е.В., Жижин М.Н., Андреев А.В., Пойда А.А. (Москва)</i> Новые результаты в прочтении Хлудовского глаголического палимпсеста XI в. (ГИМ, Хлуд. 117)	406
<i>Фельдман Д.З. (Москва)</i> Еврейское население Бронной слободы XVII века	409
<i>Филиппов И.С. (Москва)</i> Эпиграфические источники и современная медиевистика	411
<i>Фоменко В.Г. (Тирасполь, Молдова)</i> Формирование этнического состава населения города Бендеры в XIX веке	413
<i>Фонкич Б.Л. (Москва)</i> «Порфирьевская Псалтирь» и греческие рукописи синайской находки 1975 года	416
<i>Хазанова С.И. (Москва)</i> Легенда о смерти царя Вальтасара в поздних сборниках	417
<i>Хвостова И.А., Николаев Д.А. (Нижний Новгород)</i> Геральдико- вексиллологический «проект» добровольца – участника нижегородского ополчения 1812 года	418

<i>Худин К.С. (Москва)</i> Палеографические и сфрагистические особенности переписки русского резидента Джона (Ивана) Гебдона с Приказом Тайных дел (1658–1663)	420
<i>Цыпкин Д.О. (Санкт-Петербург)</i> К вопросу о регистрах древнерусского письма	423
<i>Чекунина Н.В. (Тверь)</i> Медали с изображением «всевидящего ока» в композициях личных печатей российского дворянства	425
<i>Черкасова М.С. (Вологда)</i> Унские акты конца XVI – XVII веков	428
<i>Черных А.П. (Москва)</i> Функция герба на французских весовых эталонах XIII–XV веков	430
<i>Чеснокова Н.П. (Москва)</i> Еще раз о пропусках в «Реестре жалованным грамотам греческим духовным и светским людям»: грамота антиохийскому патриарху Макарию	433
<i>Чумакова Т.В. (Санкт-Петербург)</i> Периодическая печать как источник для изучения трактарианства в России	434
<i>Шадунц Е.К. (Переславль-Залесский)</i> Сведения по истории монастырей в документах Переславской Провинциальной Канцелярии из фондов ГКУ ЯО «ГАЯО»	437
<i>Шалак М.Е. (Ростов-на-Дону)</i> К постановке проблемы идентификации «Ахматовых гор»	439
<i>Шамин С.М. (Москва)</i> Новые данные о карьере Андрея Андреевича Виниуса: 1664–1674 гг.	442
<i>Шахнович М.М. (Санкт-Петербург)</i> Переписка В.Д. Бонч-Бруевича и Л.И. Емелях как источник по истории Рукописного отдела (Научного архива) Музея истории религии АН СССР	444
<i>Шибяев М.А. (Санкт-Петербург)</i> О двух техниках разлиновки древнерусских пергаменных кодексов XV века	446
<i>Шокарев С.Ю. (Москва)</i> Опала князя Ивана Семеновича Куракина	448
<i>Шульгина Э.В. (Москва)</i> Чин поставления 1498 г. на великое княжество князя Дмитрия Ивановича, внука великого князя Ивана Васильевича III, по рукописи «Требник» из Синодального собрания № 675	451
<i>Щеглов А.Д. (Москва)</i> Шведские средневековые законы: рукописи в российских собраниях	453

<i>Щеголева Л.И. (Москва) Apophthegmata patrum в рукописи</i> РГБ. Ф. 270 Ia. № 62: особенности языка и стиля	455
<i>Щекотилов В.Г., Щекотилова С.Н., Шалаева М.В. (Тверь)</i> Методика формирования электронных карт по планам дач владений государственных крестьян на примере сел Новоуспенского и Хмелевицкого с 183 деревнями и починками	458
<i>Юрганов А.Л. (Москва) Имажинизм в прозе:</i> возможно ли такое? (случай Марка Криницкого)	460
<i>Яровая Е.А. (Санкт-Петербург) Шведские золотые монеты</i> в собрании Государственного Эрмитажа: предварительный обзор коллекции	463
Тематический указатель	466
 Приложение	
<i>Темушев С.Н. (Минск) Карта «Днепровские пороги»</i>	<i>473</i>
Содержание	474

Научное издание

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

Материалы
XXXII Международной научной конференции
Москва, 11–12 апреля 2018 г.

Оригинал-макет
Е.В. Казбекова

Подписано к печати 27.02.2019
Формат 60х84^{1/16}
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 30,5 Тираж 500 экз.
Тип зак. № 125.

ИВИ РАН, Ленинский пр-т, 32а

ISBN 978-5-94067-499-3

9 785940 674993